

Rene Guénon
1886-1951

НЕ ГЕНОН

*Кризис
современного мира*

Москва

Эксмо[^]

2008

УДК 1(1-87)
ББК 87(4Фра)
Г 34

Разработка серийного оформления художника *Е. Клодта*

Серия основана в 1997 году

Оригинал-макет подготовлен издательством «Око»

Г 34 **Генон Р.**
Кризис современного мира / Рене Генон. — М.: Эксмо, 2008. — 784 с. — (Антология мысли).

ISBN 978-5-699-30172-0

Французский мыслитель Рене Генон — одна из самых необычных фигур в истории философии XX века. Он был женат на дочери египетского шейха — потомка Мухаммеда — и состоял в суфийском ордене Шадирийя под именем Абд аль-Вахид Яхья, никогда не преподавал в университете и не считал себя открывателем или создателем собственного учения, полагая, что просто передает европейцам истины, понятные любому жителю Востока. Однако в научном мире его считают автором ряда понятий и основоположником целого направления в философии. Впрочем, среди его почитателей можно встретить не только ученых и религиозных мистиков, но и политиков, террористов и рок-музыкантов.

В истории мысли прогресс и цивилизация не встречали более последовательного и бескомпромиссного противника, чем Рене Генон. Своей целью он ставил возвращение человечества к Традиции — совокупности «нечеловеческих» знаний, передаваемых из поколения в поколение кастой посвященных.

Андре Жид, познакомившись с трудами Генона, сказал: «Если Генон прав, вся моя жизнь и все мои труды были бессмысленны».

УДК 1(1-87)
ББК 87(4Фра)

ISBN 978-5-699-30172-0

↔ **ООО «Издательство «Око», 2008**
↔ **ООО «Издательство «Эксмо», 2008**

*КРИЗИС
СОВРЕМЕННОЮ
МИРА*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Несколько лет назад, завершив работу над книгой «Восток и Запад», мы полагали, что высказали в ней все необходимые в тех обстоятельствах соображения, касающиеся данной проблемы. Однако с тех пор события разворачиваются столь стремительно, что если это нисколько и не опровергает высказанные в этой книге идеи, то делает чрезвычайно актуальными некоторые дополнительные разъяснения, а также дальнейшее развитие определенных тем, на которых ранее мы специально не останавливались. Эти разъяснения тем более актуальны, что в последнее время мы замечаем, что некоторые характерные заблуждения, которые мы всегда старались вскрыть, становятся все более устойчивыми и агрессивными. Поэтому, не желая вступать ни в какую полемику, мы, тем не менее, пользуемся случаем, чтобы еще раз изложить определенные идеи в адекватной пропорции и должной перспективе. Есть вещи, подчас самые элементарные, которые, однако, настолько трудно усвоить подавляющему большинству наших современников, что к их объяснению приходится возвращаться снова и снова, рассматривая их всякий раз с различных точек зрения и освещая — насколько это позволяют обстоятельства — моменты, способные предположительно вызвать наибольшие трудности для понимания.

Во избежание возможных недоразумений следует также сделать несколько предварительных замечаний относительно названия данного труда, необходимых для ясного понимания его смысла. Многие люди сегодня уже более не сомневаются в существовании мирового кризиса (если понимать слово «кризис» в самом обычном смысле). Этот факт свидетельствует о весьма заметных изменениях, произошедших в общественном сознании: под влиянием некоторых обстоятельств определенные иллюзии действительно начинают исчезать. Нас, со своей стороны, не может не ра-

довать такое положение дел, так как само признание существования кризиса уже является весьма благоприятным признаком — последним проблеском света в пучине современного хаоса — и свидетельствует о возможности восстановления нормальных пропорций в современном сознании. В связи с этим вера в бесконечный «прогресс», считавшаяся вплоть до последнего времени неприкосновенной и непререкаемой догмой, перестает быть абсолютной и всеобщей. Находится все больше людей, осознающих (хотя подчас и весьма туманно), что западная цивилизация не может бесконечно развиваться в одном и том же направлении и что в какой-то момент она достигнет определенной точки, в которой развитие прекратится, а сама эта цивилизация возможно полностью исчезнет в результате страшного катаклизма. Вероятно, не все ясно представляют себе, откуда исходит главная опасность. Фантастические или ребяческие страхи, часто высказываемые по этому поводу, в достаточной мере свидетельствуют о наличии здесь множества заблуждений и предрассудков. Однако в любом случае наличие ощущение какой-то опасности, даже если она воспринимается не столько умом, сколько с помощью чувств. Уже достаточно того, что многие начинают понимать, что цивилизация, которой так гордятся современные люди, отнюдь не занимает привилегированного положения в мировой истории и что ее может ожидать та же участь, которая ранее постигла множество других цивилизаций, исчезнувших в более или менее отдаленные эпохи и подчас оставивших после себя лишь едва различимые или почти совершенно нераспознаваемые следы.

Когда утверждают, что современный мир находится в состоянии кризиса, под этим обычно имеют в виду, что он достиг критической стадии своего развития и что неизбежна его тотальная трансформация. Такая трансформация, в свою очередь, предполагает радикальное изменение всего хода его развития, должное с необходимостью рано или поздно произойти, хотя и неизвестно, случится ли это по воле людей или помимо нее, внезапно или более или менее постепенно, в результате катастрофы или без нее. Такое понимание кризиса совершенно правомочно и отчасти соответствует тому, что мы и сами здесь имеем в виду; однако именно отчасти, так как мы придерживаемся более общей точки зрения, согласно которой вся современная эпоха в целом,

весь современный мир как таковой, находятся в состоянии глубокого кризиса. Именно поэтому мы озаглавили книгу «Кризис современного мира». В настоящее время очевидно, что кризис приближается к своей развязке, и это предельно усугубляет ненормальность того положения дел, которое существует уже в течении нескольких столетий, но последствия которого никогда еще не были столь чудовищны и откровенны, как сегодня. По этой причине ускоряется и последовательность разворачивающихся событий, и очевидно, что все это может продлиться еще какое-то время, но все же отнюдь не до бесконечности. И даже если не знать точного временного предела, трудно отделаться от ощущения, что все это будет продолжаться не так уж и долго.

Однако слово «кризис» содержит в себе ряд других смыслов, обусловивших то, что оно более всего соответствует теме нашего исследования. Действительно, этимология этого слова — которую часто не учитывают при обычном его употреблении, но которую следует обязательно иметь в виду, чтобы возвратить слову его изначальное и наиболее глубокое значение, — делает его синонимом таких понятий, как «суд», «решение», «установление различий», «различение». Фаза, которую обычно считают «критической» в самом широком смысле, непосредственно предвещает завершение всего процесса, независимо от того, приведет ли это к негативным или к позитивным последствиям. Поэтому в данной фазе происходит подготовка к вынесению окончательного «решения», взвешивание всех «за» и «против», определение того, какие результаты являются позитивными, а какие негативными, и, наконец, окончательное выяснение того, в какую же сторону в итоге склонятся весы. Конечно, мы не претендуем на то, чтобы дать здесь полное описание и оценку результатов актуального кризиса. Это было бы тем более преждевременным, что кризис еще не закончился, и пока трудно сказать, когда и каким образом этот конец наступит. Во всех случаях предпочтительнее удерживаться от прогнозов, основания для которых не достаточно понятны для большинства и которые по этой причине, скорее всего, будут неадекватно истолкованы и лишь усугубят хаос вместо того, чтобы привести в него элементы порядка. Мы пытаемся лишь, в той мере, в какой это в нашей власти, продемонстрировать всем тем, кто еще способен что-то понять, неотвратимость некоторых последствий этого кризи-

са, в отношении которых уже не может быть никаких сомнений. Таким образом, мы косвенно и частично подготавливаем почву для тех, кому суждено сыграть определенную роль в грядущем «суде», в грядущем «разрешении» кризиса, после чего в истории человечества наступит новая эра.

Некоторые используемые нами выше выражения несомненно вызовут ассоциации с тем, что называют «Страшным Судом» или «Судным Днем». Это совершенно правомерно в обоих случаях — будем ли мы рассматривать идею «Страшного Суда» символически или буквально, так как эти два подхода отнюдь не исключают друг друга (подробнее остановиться на этом мы, к сожалению, в данный момент не можем). Как бы то ни было, упомянутые ранее «взвешивание всех "за" и "против"» и «разделение результатов на "позитивные" и "негативные"» напоминает нам разделение «избранных» и «проклятых» на две группы, которым отныне суждено неизменно оставаться таковыми и впредь. Хотя здесь речь идет только об аналогии, следует признать, что она в данном случае полностью обоснована, оперативна и соответствует внутренней природе вещей. Однако здесь необходимо сделать некоторые дополнительные разъяснения.

Тот факт, что столь значительное число людей сегодня одержимо идеей «конца света», является далеко не случайным. В определенном смысле это весьма печальное обстоятельство, так как все экстравагантные формы, в которых проявляется эта неадекватно понятая идея, все возникающие в различных кругах вульгарные мессианские движения,— словом, все столь типичные для нашей эпохи проявления неуравновешенности и дисгармонии лишь еще больше усугубляют всеобщий хаос. Но как бы то ни было, факт остается фактом, и одержимость «концом света» сегодня налицо. Без сомнения, проще всего было бы, не вдаваясь в подробности, отбросить подобные концепции как бессмысленные и несостоятельные фантазии. Но мы, со своей стороны, считаем, что гораздо полезнее, вскрыв эти заблуждения, показать их причины и, несмотря на все искажения и извращения, выявить содержащиеся в них зерна истины. (Заблуждение есть чисто отрицательная категория, и поэтому оно всегда относительно. Абсолютного заблуждения не может существовать, и само это понятие совершенно бессмысленно). Если посмотреть на вещи именно таким обра-

зом, станет очевидным, что озабоченность «концом света» тесно связана с состоянием всеобщего беспокойства, в котором пребывают современные люди. Смутное предчувствие действительно близкого конца спонтанно действует на воображение некоторых людей, естественным образом порождая дикие и грубо материальные образы, выражающиеся затем в упомянутых экстравагантных мессианских движениях. Однако такое объяснение не оправдывает сами эти движения. По крайней мере, если и можно простить невольно впадающих в заблуждение людей, предрасположенных к этому всей окружающей атмосферой и не несущих за это ответственности, то для оправдания самого заблуждения как такового не может существовать вообще никаких оснований или причин. Поэтому нас никак нельзя обвинить в потворстве «псевдорелигиозным» проявлениям современного мира, равно как и в потворстве заблуждениям в целом. Насколько нам известно, чаще всего нас наоборот укоряют в недостатке терпимости, и то, что мы высказали чуть выше, быть может, убедит наших критиков в том, что единственная точка зрения, на которой мы настаиваем и которой мы всегда стремимся придерживаться,— это точка зрения беспристрастной и объективной истины.

Однако все эти соображения не исчерпывают вопроса в целом: сколь бы адекватным (в определенных пределах) ни было бы чисто психологическое объяснение одержимости идеей «конца света», оно никогда не может быть адекватным абсолютно. Удовольствоваться таким объяснением было бы равнозначно тому, чтобы поддаться одной из разоблачаемых нами при каждом удобном случае современных иллюзий. Как мы уже отмечали, люди, обладающие смутным предчувствием близости конца, при этом часто не в состоянии точно определить природу или пропорции грядущих изменений. Невозможно отрицать тот факт, что это предчувствие основывается на реальности, даже если оно чрезвычайно смутно и способствует ложным интерпретациям и деформациям воображения. Каков бы ни был характер приближающегося конца, кризис, с необходимостью к нему ведущий, совершенно очевиден, и нет недостатка в ясных и недвусмысленных знаках, однозначно указующих в этом направлении. Естественно, «конец» будет не «концом света» как такового, как некоторые хотели бы это представить, но, по меньшей мере, «концом» одного из миров.

И поскольку конец должен постигнуть именно западную цивилизацию, те, кто привык считать только ее «Цивилизацией» по преимуществу и кто за ее пределами вообще ничего не видит, естественно, склоняются к мысли, что вместе с ней погибнет и все остальное. Поэтому конец этой цивилизации будет для них «концом света» в самом широком смысле слова.

Таким образом, чтобы придать проблеме истинные пропорции, можно сказать, что мы, по всей видимости, действительно приближаемся к концу нашего мира или, иными словами, к концу определенной эпохи, к концу данного исторического цикла, который, согласно всем учениям традиции, разбирающим этот предмет, должен соответствовать концу цикла космического. Подобные события неоднократно происходили в прошлом и, вне всяких сомнений, будут происходить и в будущем. Их значительность и серьезность варьируются в зависимости от того, случаются ли они в конце более или менее долгих периодов и затрагивают ли они все человечество в целом или одну из его частей, ту или иную расу, тот или иной народ. Судя по актуальному состоянию нашего мира, грядущая трансформация будет тотальной, и в какой бы форме она ни проявилась — а уточнять это пока не следует,— она в той или иной степени должна затронуть весь мир в целом. В любом случае, законы, управляющие подобными событиями, могут прилагаться к различным уровням, и поэтому то, что является истинным в отношении «конца света» в самом глобальном смысле этого слова,— а обычно это относится ко всей полноте земного мира,— остается справедливым при изменении соответствующих пропорций, то есть в случае одного из частных, конкретных миров.

Эти предварительные замечания призваны облегчить понимание вопросов, которые мы намереваемся рассмотреть в этой книге. В других работах мы неоднократно ссылались на «циклические законы». Очень трудно описать эти законы в такой форме, чтобы сделать их доступными для современного западного сознания, так как для того, чтобы постичь подлинный характер современной эпохи и осознать ее место в мировой истории, необходимо, по меньшей мере, обладать определенной предварительной информацией по этому поводу. Поэтому мы начнем с демонстрации того, что характерные черты нашей эпохи точно соответст-

вуют определенному циклическому периоду, известному многим традиционным учениям и детально в них описанному. Таким образом, мы покажем, как то, что является аномалией и хаосом с одной точки зрения, есть необходимый элемент более глобального порядка и неизбежное следствие законов, управляющих развитием всего Проявления. Однако сразу заметим, что это отнюдь не служит достаточным основанием для того, чтобы пассивно починиться временно побеждающим хаосу и мраку, поскольку в этом случае лучше всего было бы просто хранить молчание. Наоборот, это заставляет нас стремиться к тому, чтобы подготовить выход из «темного века», признаки близкого, очень близкого конца которого сегодня проявляются повсюду. И это также является необходимым элементом универсального порядка вещей, так как равновесие есть результат одновременного действия двух противоположных тенденций. Если бы одна из этих тенденций вообще прекратила оказывать свое воздействие, равновесие вообще не могло бы быть восстановлено, и сам мир исчез бы безвозвратно. Но подобное предположение невероятно, так как каждый из двух противоположных терминов имеет смысл только в сочетании с другим, и вопреки видимой стороне вещей, можно быть уверенным, что частное и временное нарушение равновесия в конечном итоге существует только ради достижения тотального равновесия и всеобщей гармонии.

Глава 1

ТЕМНЫЙ ВЕК

Индуистская доктрина учит, что человеческий цикл, называемый Манвантарой, делится на 4 периода, в течение которых примордиальная духовность постепенно все более и более затемняется. Эти периоды древние традиции Запада называли Золотым, Серебрянным, Бронзовым и Железным веками. В настоящее время мы находимся в 4-ом веке, в Кали-юге, или в «Темном веке», причем, согласно индуистскому учению, мы пребываем в нем уже 6 тысяч лет и несколько столетий, то есть со времен, гораздо более древних, чем те, которые известны так называемой «классической истории». Постепенно истины, ранее доступные всему человечеству, становятся все более сокрытыми и недостижимыми. Число тех, кто ими владеет, со временем уменьшается, и хотя сокровища «нечеловеческой» предвечной мудрости никогда не могут быть утрачены окончательно, они окружают себя непроницаемым покрывалом, таящим их от человеческих глаз и затрудняющим к ним доступ. Именно по этой причине повсюду, хотя и в разных формах, мы встречаемся с одной и той же проблемой: нечто оказалось утраченным, по крайней мере, для внешнего восприятия— нечто такое, что стремящийся к истинному знанию должен отыскать заново. В то же время индуистская традиция утверждает, что сокрытое вновь станет видимым в конце цикла, который, в силу непрерывности, связывающей между собой все вещи, одновременно окажется и началом нового цикла.

Возникает вопрос: почему циклическое развитие проходит именно в нисходящем направлении, от высшего к низшему? В этом случае циклическая доктрина является полным отрицанием идеи прогресса в том виде, как ее понимает современная цивилизация. Причина заключается в том, что развитие всякого проявления с необходимостью предполагает постепенно ускоряющееся движение в сторону удаления от порождающего Принципа. Начиная с самой

высшей точки проявление с необходимостью простирается вниз, причем, как это происходит в случае физических тел, скорость движения постоянно возрастает до тех пор, пока не достигнет предела и движение не прекратится. Этот процесс нисхождения проявления можно было бы назвать «прогрессирующей материализацией», так как сам Принцип, в свою очередь, соотносится с чистой духовностью, являющейся его прямым выражением (мы определяем духовность лишь как выражение Принципа, а не как его синоним, поскольку Принцип в своей сущности, будучи по ту сторону всех противоположностей, не может отождествиться ни с одной из категорий, предполагающих возможность существования категории противоположной). Более того, термины «дух» и «материя», взятые нами из западного языка по соображениям удобства, имеют для нас весьма условную ценность. Адекватно использовать их в данном контексте можно лишь отбросив интерпретации, данные им в современной философии. При этом совершенно не важно, идет ли речь о «спиритуализме» или «материализме», так как обе эти формы, лишь взаимодополняя друг и друга, являются абсолютно неприемлемыми и несущественными для всякого, кто хотел бы выйти за рамки этой относительной и узкой сферы мысли. Однако мы не намерены углубляться здесь в область чистой метафизики, а поэтому, предупредив изначально возможность неадекватного понимания и ни на мгновение не упуская из виду сущностных Принципов, мы позволим себе все же воспользоваться именно этими, не очень точными, терминами, чтобы сделать вещи более понятными и доступными, по крайней мере, в той степени, в которой это не чревато отступлением от истины и искажением должных пропорций.

Все сказанное выше о развитии проявления дает картину, точную лишь в самом общем приближении; при более внимательном рассмотрении она оказывается чересчур упрощенной и фубой, так как представляет развитие в виде прямой без каких-либо отклонений. Истина на самом деле намного сложнее. Как мы уже отмечали, в действительности во всем необходимо проследживать две противоположные тенденции: одну — нисходящую, другую — восходящую, или иными словами, одну — центробежную, другую — центростремительную. От преобладания той или иной тенденции зависят две взаимодополняющие фазы проявления: первая — отделения от Принципа, вторая — возврата к Принципу.

ципу. Эти две фазы можно сравнить с биением сердца или дыханием (выдох и вдох), и хотя эти две стадии чаще всего рассматриваются как последовательные, две соответствующие им тенденции проявления следует рассматривать как одновременные и лишь действующие с различной степенью интенсивности. Иногда случается, что в моменты кажущегося явного преобладания нисходящей тенденции в ходе одного из циклов развития мира происходит некое особое вмешательство, позволяющее укрепить противоположную восходящую тенденцию и восстановить, насколько это позволяют конкретные условия, некоторое, пусть даже относительное, равновесие. Это приводит к относительному восстановлению равновесия, вследствие чего упадок может быть приостановлен или временно нейтрализован¹.

Очевидно, что приводимые нами здесь в самом общем виде данные Традиции дают возможность подойти к концепциям, гораздо более глобальным и глубоким, нежели все те версии «истории философии», которые так привлекают современных людей. Однако в данный момент мы не намерены обращаться ни к самому началу настоящего цикла (Манвантары), ни даже к началу Кали-юги.

Нас непосредственно интересует гораздо более ограниченная область, а именно самые последние периоды Кали-юги. Действительно, внутри каждого из больших периодов можно выделить более частные стадии, образующие многочисленные второстепенные подразделения цикла. Поскольку каждая стадия является некоторым аналогом всего цикла, она воспроизводит в миниатюре общую логику того большого цикла, частью которого является. Однако и в данном случае исчерпывающее изучение механизмов, с помощью которых этот общий закон реализуется в отдельных случаях, увело бы нас далеко за пределы настоящего исследования. Мы завершим эти предварительные замечания упоминанием лишь нескольких наиболее критических эпох, через которые человечество прошло еще относительно недавно. Речь идет об эпохах, принадлежащих к так называемому «историческому», то есть доступному исследованиям обычной, «профанической», истории периоду. И это естественным образом подведет нас к основному предмету данного исследования, так как последняя из этих критических эпох есть не что иное, как то, что принято называть «современным миром». Довольно странным представляется то, что строю «исторический» (в профаническом понимании) пе-

риод простирается назад в историю лишь вплоть до 6-го века до начала Христианской эры, как будто бы в этой точке существует некий не преодолимый с помощью обычных методов исследования барьер, и что этому факту почему-то не уделяется должного внимания. Действительно именно с этого момента повсеместно начинает вестись точная и предельно строгая хронология, тогда как для предшествующих эпох датировка чаще всего остается крайне неопределенной, а предполагаемое время тех или иных исторических событий может варьироваться с точностью до нескольких столетий. Это характерно даже для таких стран, как, например, Египет, история которого нам достаточно хорошо известна. Еще более удивительно то, что в таком исключительном и особом случае, как Китай, история которого располлагает свидетельствами о весьма отдаленных эпохах — летописями, датированными при помощи не оставляющих места сомнениям астрономических наблюдений, — современные исследователи классифицируют эти эпохи как «легендарные», «мифические», как бы признавая их теми сферами, в которых они не имеют права претендовать на какое-либо достоверное знание и поэтому использовать даже безусловные исторические данные. То, что называется «классической античностью», то есть «классической древностью», на самом деле является «античностью», «древностью», лишь с очень относительной точки зрения, и поскольку она принадлежит лишь к последней половине Калли-юги, протяженность которой, согласно Индуистской доктрине, оставляет всего лишь 1/10 часть всей Манвантары, она расположена гораздо ближе к современности, нежели к истинной «древности» человечества. Уже одно это весьма показательно для понимания того, насколько безосновательны претензии современных людей на широту и полноту их исторических знаний.

Историки, без сомнения, постараются оправдать свое неведение ссылкой на то, что оно касается только «легендарных», «мифических» периодов, именно по этой причине и не заслуживающих изучения. Однако подобное оправдание есть не что иное, как признание собственного невежества и отсутствия понимания определенных вещей — все это может существовать лишь за счет полного невнимания к Традиции. И как мы покажем далее, специфически современное мировоззрение действительно полностью тождественно мировоззрению антитрадиционному.

В 6-м веке до начала Христианской эры по той или иной причине произошли значительные изменения почти среди всех народов. Характер этих изменений, однако, варьировался в зависимости от специфики тех или иных стран. В некоторых случаях изменения представляли собой адаптацию традиции к новым, изменившимся условиям, происходившую в строго ортодоксальном ключе. Например, так случилось в Китае, где доктрина, изначально представлявшая собой единое целое, была разделена на две строго различных между собой части: даосизм, предназначенный для элиты и включающий в себя чистую метафизику вместе с традиционными науками сугубо интеллектуальной природы, и конфуцианство, приемлемое для всех без исключения и охватывающее сферу практической, и в особенности социальной жизни. У персов тогда же произошла адаптация Маздеизма к изменившимся условиям, так как именно этим временем датируется эпоха последнего Зороастра². В Индии же в это время имел место подъем Буддизма³, или, иными словами,— восстание против духа Традиции, отрицающее всякий духовный авторитет и порождающее подлинную анархию, в этимологическом смысле этого слова, то есть «отсутствие принципов» как в интеллектуальной, так и в социальной сферах. Любопытен тот факт, что в Индии не сохранилось архитектурных памятников, относящихся ко времени, предшествующему рассматриваемому периоду. Ориенталисты пытаются истолковать это обстоятельство в пользу своей обычной тенденции находить истоки всего без исключения в Буддизме, значение которого они странным образом преувеличивают. Объяснение этого факта, тем не менее, довольно просто, и оно состоит в том, что все более ранние конструкции были построены из дерева и поэтому естественным образом исчезли, не оставив следа⁴. Такое изменение способа строительства соответствовало глубокому изменению общих условий существования всего народа.

Продвигаясь к Западу, мы обнаружим, что для евреев тот же самый период был временем Вавилонского пленения. Поразительным является также следующий факт: короткого семидесятилетнего периода для евреев оказалось достаточно, чтобы забыть свой собственный алфавит до такой степени, что позднее им пришлось восстанавливать Священное Писание с помощью совершенно отличных от использовавшихся ранее букв. Можно было бы привести мно-

жество других более или менее сходных примеров. Мы лишь отметим то, что та же дата была началом «исторического периода Рима», который, последовал за «легендарным», «мифическим» периодом первых Царей. Известно также, хотя и довольно смутно, что в это же время начались волнения среди кельтских народов. Однако, не задерживаясь более на этих фактах, перейдем к рассмотрению Греции. Там 6-й век явился исходной точкой так называемой «классической цивилизации». Именно за ней современные исследователи признают «исторический» характер, в то время как все предшествующие периоды остаются настолько малоизученными, что считаются «легендарными», «мифическими», хотя недавние археологические раскопки не оставляют никаких сомнений в том, что цивилизация, в самом подлинном смысле слова, существовала задолго до этого. У нас есть основания полагать, что эта изначальная эллинская цивилизация в интеллектуальном отношении была гораздо более интересной, чем последующая, и что отношения между этими двумя цивилизациями аналогичны отношениям между средневековой и современной Европой. Однако следует отметить, что в первом случае разрыв был не столь абсолютным, как в последнем, так как в эллинской цивилизации произошла частичная адаптация традиционного уровня, особенно в сфере «мистерий». В качестве примера можно упомянуть пифагорейскую традицию, изначальную явившуюся реставрацией в новой форме более ранней орфической традиции. Связь пифагорейской традиции с дельфийским культом Гиперборейского Аполлона свидетельствует о ее непрерывной и подлинной преемственности по отношению к одной из наиболее древних традиций человечества. Но с другой стороны, в поздней эллинской цивилизации появились некоторые элементы, не имеющие аналогов в прошлом, и именно они оказали впоследствии столь негативное воздействие на весь западный мир. Мы имеем в виду специфическую форму мышления, которая некогда была названа «философией» и которая сохранила это название до сих пор. Эта тема представляется нам достаточно важной для того, чтобы остановиться на ней более подробно.

Сам термин «философия» может быть истолкован в весьма позитивном и закономерном смысле (который, несомненно, и вкладывался в это слово первоначально), особенно если верно то, что впервые его употребил именно Пифагор. Этимологически он обозначает не что иное, как

«любовь к мудрости». Это предполагает, прежде всего, некую изначальную склонность к достижению мудрости и, в более широком значении, поиск, порожденный этой склонностью и ведущий к обретению знания. Таким образом, «философия» является лишь предварительной и подготовительной стадией, лишь движением по направлению к мудрости или, другими словами, ступенью, соответствующей низшим проявлениям этой мудрости⁵. Последующее извращение этого понятия состояло в том, что промежуточная ступень была принята за цель в себе и что появилось стремление заменить «философией» («любовью к мудрости») саму мудрость, а это предполагало забвение или игнорирование истинной природы последней. Именно таким образом возникло то, что может быть названо «профанической философией», то есть поддельной, ложной мудростью чисто человеческого и поэтому исключительно рационального порядка, занявшей место истинной, традиционной, сверхрациональной и «нечеловеческой» мудрости. Однако нечто от этой истинной мудрости в эпоху античности еще оставалось. Это подтверждается, прежде всего, наличием мистерий, чей сущностно инициатический характер несомненен. Кроме того, учения самих философов подчас имели «эзотерическую» и «эзотерическую» стороны. Эзотерическая сторона «философии» оставляла открытой возможность перехода к более высокой точке зрения, что стало особенно очевидным (хотя, возможно, и не в полной мере) несколькими столетиями позже в учениях Александрийских гностиков. Для того чтобы «профаническая философия» смогла окончательно сложиться, необходимо было оставить только эзотерическую сторону, полностью отбросив сторону эзотерическую. Именно к такому результату привели тенденции, впервые проявившиеся в древнегреческой мысли. Позднее им суждено было достичь своих последних пределов. Однако прежде, чем возник «рационализм», то есть сугубо современное мировоззрение, не просто оставляющее без внимания, но подчеркнуто отрицающее все, что принадлежит сверхрациональному уровню, непомерное значение, придававшееся рационалистической мысли, должно было еще более возрасти. Но не будем опережать события, так как мы еще вернемся к этим проблемам и проследим за их развитием в других главах данной книги.

В том, что было сказано, есть один момент, крайне важный для понимания разбираемой нами проблемы, а именно: тот факт, что истоки современного мира следует искать в «классической» античности. Поэтому современный мир не так уж и ошибается в своих претензиях на происхождение от греко-латинской цивилизации и на преемственность по отношению к ней. В то же время следует заметить, что эта связь является достаточно косвенной,— копия имеет довольно мало сходства с оригиналом, так как даже в классической античности еще сохранялось множество вещей интеллектуального и духовного порядка, аналогов которым в современном мире найти невозможно. Обе эти цивилизации являются поэтому выражениями двух различных степеней затемнения подлинного знания. Теоретически можно представить себе, что упадок античной цивилизации должен был постепенно и непрерывно привести к состоянию, аналогичному сегодняшнему. Но на самом деле этого не произошло, так как в определенный момент в истории Запада наступил другой критический период, в качестве компенсации повлекший за собой одну из тех форм частичной адаптации, о которых мы упоминали выше.

Это была эпоха подъема и распространения Христианства, совпавшая, с одной стороны, с процессом рассеяния евреев, а с другой — с последней стадией греко-латинской цивилизации. Мы лишь бегло упомянем эти события, несмотря на их значимость, поскольку они гораздо более широко известны, нежели другие, и поскольку их синхронность была отмечена даже самыми поверхностными историками. Часто сходство эпохи упадка «классического» мира и современной эпохи привлекало внимание различных исследователей, и, не заходя слишком далеко в сравнении, следует признать, что, действительно, сходство это поразительное.

Чисто «профаническая» философия стала распространяться все шире и шире: чтобы показать глубину ее интеллектуального вырождения, вполне достаточно упомянуть скептицизм, с одной стороны, и стоический и эпикурейский морализм, с другой. В то же время древние сакральные доктрины, которые перестали быть понятными, по этой самой причине деградировали до уровня самого откровенного «язычества», то есть превратились в откровенные «предрассудки», в вещи, потерявшие свой глубинный смысл, существующие сами по себе как чисто внешние проявления. Были и по-

пытки реакции против этого упадка: сам эллинизм стремился обрести новые силы с помощью элементов, заимствованных из тех восточных доктрин, с которыми ему удалось соприкоснуться. Но эти средства уже не были действенными: греко-латинская цивилизация должна была закончиться, и ситуации суждено было быть «исправленной» с помощью иных, внешних по отношению к греко-латинскому миру, средств и в совершенной особой форме. Эту трансформацию осуществило Христианство. В этом отношении следует заметить, что несомненная и проявляющаяся в самых различных аспектах схожесть между нашим временем и той эпохой, скорее всего, является одним из факторов, ответственных за распространение в современном мире беспорядочного и хаотического «мессианизма».

После беспокойного периода варварских вторжений, вполне достаточных для того, чтобы завершить разрушение старого порядка, на несколько столетий возрождается нормальный строй. Ему соответствует период средних веков, о которых наши современники, не способные осмыслить всю полноту интеллектуальности и духовности той эпохи, имеют настолько превратное представление, что считают их гораздо более чуждыми нам и далекими, чем классическая античность.

С нашей точки зрения, подлинное Средневековье охватывает период со времен царствования Карла Великого и до начала 14 века, когда происходит новый упадок, продолжающийся, проходя через различные стадии и набирая скорость, вплоть до настоящего времени. Эта дата — 14 век — является точкой истинного начала сугубо современного кризиса. Это время начала распада самого христианского мира, с которым по существу можно отождествить Западную цивилизацию средних веков. Одновременно именно тогда начинается формирование «наций» и разложение феодальной системы, тесно связанной со средневековым христианством. Таким образом, сугубо современный период должен быть отодвинут почти на два столетия назад по сравнению с тем, что обыкновенно принято считать у историков. Возрождение и Реформация — первые результаты, ставшие возможными только благодаря предшествующему упадку. Отнюдь не являясь реставрацией нормального порядка вещей, они, напротив, ознаменовали собой еще более глубокое падение, окончательно закрепившее полный раз-

рыв с Традиционным Духом: Возрождение воплотило в себе этот разрыв в сфере искусств и наук, Реформация — в области самой религии, хотя это та сфера, в которой подобное явление противоестественно в высшей степени.

То, что мы называем Возрождением, как мы уже отмечали в других случаях, было никаким не возрождением, но смертью многих вещей. Выдавая себя за возвращение к греко-римской цивилизации, оно заимствовало лишь самую поверхностную ее сторону, так как именно последняя могла получить отражение в письменных источниках. Во всяком случае, подобное возвращение, будучи далеко не полным, являлось чем-то в высшей степени искусственным, так как означало восстановление внешних форм, покинутых духом жизни уже много столетий назад. Что же касается традиционных наук Средневековья, то после нескольких последних проявлений приблизительно на этом временном рубеже они исчезли так же безвозвратно, как науки далеких цивилизаций, разрушенных тем или иным катаклизмом. Но на этот раз на их месте не появилось ничего аналогичного. С этого времени существуют лишь «профаническая философия» и «профаническая наука», основанные на полном отрицании подлинного интеллекта, на сведении знания к его самым низшим уровням — эмпирическому и аналитическому изучению фактов, не связанных с Принципом, на растворении в бесконечном количестве малозначительных деталей, на накоплении необоснованных гипотез, бесконечно разрушающих друг друга, и на фрагментарных точках зрения, не способных привести ни к чему иному, кроме как к узко практическому использованию. Именно в этой чисто практической сфере и следует искать единственное безусловное преимущество современной цивилизации — преимущество отнюдь не завидное, так как исключительная озабоченность именно этой практической стороной дел в ущерб всем другим придало этой цивилизации сугубо материальный характер, сделав ее воистину чудовищной.

В то же время удивительно то, с какой скоростью средневековая цивилизация была предана забвению. Уже в 17 веке люди не имели ни малейшего представления о том, что это была за эпоха, и сохранившиеся средневековые памятники в их глазах не представляли собой никакой интеллектуальной или даже эстетической ценности. Само по себе

это достаточное доказательство того, насколько принципиально изменилось общественное сознание за этот короткий срок. Мы не будем заниматься здесь исследованием причин,— а они действительно очень сложны,— приведших к изменениям настолько радикальным, что просто невозможно допустить, что они могли произойти спонтанно, сами по себе, без вмешательства некоей направляющей воли, подлинная природа которой, скорее всего, должна оставаться загадкой. В этой связи следует упомянуть о весьма странных обстоятельствах: например, о популяризации в определенный момент истории под видом новых открытий вещей, о существовании которых было известно всегда, хотя это знание широко не разглашалось, поскольку всегда сохранялась опасность того, что негативные последствия подобного разглашения перевесят его преимущества⁶. Почти совершенно невозможно поверить и в то, что миф, представляющий средние века эпохой мракобесия, невежества и варварства, сложился абсолютно спонтанно и что очевидная фальсификация истории, навязанная нашим современникам, могла быть осуществлена без какого-то предварительного плана. Однако мы не будем дальше углубляться в этот вопрос, поскольку, каким бы образом эти процессы ни происходили, наша настоящая цель состоит в том, чтобы выяснить каковы их результаты.

Существует термин, который стал популярным в эпоху Возрождения и который изначально содержал в себе всю программу современной цивилизации: этот термин — «гуманизм». Люди Возрождения действительно стремились свести все к чисто человеческим пропорциям, исключить любые принципы более высокого уровня и, выражаясь символически, отвернуться от Неба под предлогом покорения земли. Древние греки, чьему примеру они, как им казалось, следовали, никогда не заходили столь далеко в этом направлении, даже в периоды самого глубокого интеллектуального упадка. Для них сугубо утилитарные соображения никогда не играли решающей роли, как это нередко происходит с современными гуманистически ориентированными людьми. Гуманизм представлял собой первую форму того, что впоследствии стало современным «лаицизмом» — чисто секулярным, светским мировоззрением. Именно благодаря своему стремлению свести все к человеку как к самоцели, современная цивилизация вступила на путь последователь-

ных нисхождения и деградации, завершившихся обращением к уровню нижайших элементов в человеке и ориентацией на удовлетворение его наиболее грубых, материальных запросов, что само по себе является достаточно иллюзорной целью, поскольку цивилизация постоянно порождает значительно большее количество искусственных потребностей, чем она сама способна удовлетворить.

Дойдет ли современный мир до фатального конца того пути, на который он вступил? Или еще до того, как он низвергнется в бездну, затягивающую его все больше и больше, вновь произойдет вмешательство исправляющей силы, точно так же, как это случилось в период упадка греко-латинской цивилизации? Мы думаем, что остановка на полпути более невозможна, и согласно всем указаниям традиционных доктрин мы вступили в последнюю, завершающую стадию Кали-юги, в найтемнейший период этого «темного века», в эпоху диссолюции, из которой можно выйти только через страшный катаклизм. При таком положении вещей мы нуждаемся не просто в частичном исправлении ситуации, но в полном и радикальном ее обновлении. Хаос и беспорядок настолько широко распространились и достигли такой точки, что намного превзошли все ранее известные пределы. Начиная с Запада они грозят распространиться на весь остальной мир. Мы можем быть совершенно уверенными, что триумф этих сил обречен быть преходящим и иллюзорным, но сегодня он настолько тотален, что в нем нельзя не видеть знака самого чудовищного из тех кризисов, которые случались с человечеством в ходе настоящего цикла. Разве мы не достигли уже упомянутой в священных книгах Индии циклической стадии, «когда все касты смешиваются, и даже традиционная семья исчезает»? Достаточно посмотреть вокруг, чтобы убедиться, что именно это и происходит сегодня, и заметить повсюду признаки глубочайшего вырождения, именуемого Евангелием «мерзостью запустения». Нам нельзя недооценивать серьезность подобной ситуации. Следует рассматривать ее такой, какая она есть, без оптимизма, но и без пессимизма, потому что, как мы уже сказали выше, конец старого мира будет в то же время началом нового.

Эти соображения подводят нас к вопросу: какова же причина существования периодов, подобных нашему? На самом деле, какими бы аномальными ни выглядели наши условия, взятые сами по себе, они являются элементом об-

щего порядка вещей — того единого порядка, который, согласно формуле дальневосточной традиции, сам складывается из суммы частичных и относительных беспорядков. Наша эпоха, сколь бы трагичной и страшной она ни была, должна наравне с другими иметь свое законное место в общем ходе человеческого развития, и уже сам тот факт, что ее наступление предсказано в традиционных доктринах, служит достаточным подтверждением этого. Все сказанное нами относительно общей тенденции всякого цикла проявления, с необходимостью обусловленного прогрессирующей материализацией, дает нам исчерпывающее объяснение такого положения вещей и убеждает нас в том, что аномальность и беспорядок, видимые как таковые с одной точки зрения, с другой, более универсальной и более высокой, точки зрения, окажутся следствием определенной и необходимой закономерности. Добавим, не останавливаясь на этом подробно, что как и при любом изменении состояния, переход от одного цикла к другому может проходить только в полной темноте. Это другой важнейший закон, заключающий в себе множество возможных приложений, но именно поэтому его подробный разбор увел бы нас слишком далеко от основного предмета нашего исследования⁷.

Однако это еще не все. Современный период с необходимостью должен представлять собой развитие определенных возможностей, составляющих потенциал нашего цикла со времени его начала, и какое бы низкое положение эти возможности ни занимали во всеобщей иерархии, все они без исключения обязательно должны реализоваться в закономерном и соответствующем порядке. В этой связи можно сказать, что, согласно традиции, для последней фазы цикла характерен повышенный интерес ко всему тому, что ранее, в предшествующих фазах, отбрасывалось как неважное и незначительное. И это прекрасно характеризует именно нашу цивилизацию, живущую лишь тем, что предшествующие цивилизации отметали как лишнее смысла. Чтобы до конца убедиться в этом, достаточно посмотреть, как иные еще сохранившиеся на Востоке цивилизации сегодня оценивают западную науку и ее применение в промышленности. Эти низшие формы знания, какими бы убогими они ни казались тем, кто обладает знанием высшего порядка, тоже должны когда-то реализоваться. Однако это происходит только тогда, когда подлинная интеллектуальность исчезает. Рано или поздно практические исследования, в самом

узком смысле слова, должны быть предприняты, но заниматься такими исследованиями могут лишь в эпоху, полностью противоположную эпохе изначальной духовности, и лишь люди, настолько погруженные в материальные проблемы, что всему лежащему выше этой сферы суждено оставаться за пределами их интересов. Чем сильнее они стремятся эксплуатировать материю, тем больше они превращаются в ее рабов, обрекая себя на все убыстряющуюся спешку и на постоянное бесцельное и бессмысленное волнение, на рассеивание в чистом множестве, влекущее к окончательной диссолюции.

Таково в общих чертах и в наиболее существенных моментах подлинное объяснение современного мира, но следует четко уяснить, что подобное объяснение отнюдь не является оправданием этого мира. Даже если болезнь неизбежна, от этого она не становится здоровьем. Если, в конечном итоге, зло косвенно служит добру, оно само по себе не перестает быть злом. Заметим, что мы используем здесь такие понятия, как «добро» и «зло» лишь для того, чтобы быть лучше понятыми, и не вкладываем в эти слова никакого специфически «морального» смысла. Частичный беспорядок, будучи необходимым элементом универсального порядка, непременно должен существовать. Однако взятый сам по себе, он является чем-то похожим на монстра, урод, чудовище,— которые, возникая в согласии с определенным законам природы, тем не менее представляют собой формы вырождения,— или чем-то подобным катаклизму, который, сам по себе будучи звеном в цепи нормального хода вещей, все же остается исключением, аномалией и патологией. Современная цивилизация, равно как и все остальные вещи, имеет причину для своего существования, и в перспективе положения дел, характерного для конца цикла, можно сказать, что она является именно тем, чем она и должна быть, и что она возникла в предназначенный для нее срок и на отведенной ей территории. Однако все это не отменяет того факта, что судить ее следует в соответствии со столь часто произвольно интерпретируемыми словами Евангелия: «Извращение должно прийти в мир, но горе тем, через кого оно придет».

Глава 2

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ВОСТОКА И ЗАПАДА

Сегодня между людьми Востока и людьми Запада, безусловно, существует пропасть, и это является одной из характерных особенностей современного мира. Хотя более полно этот вопрос мы рассматривали в другом месте, здесь необходимо вновь к нему вернуться с тем, чтобы прояснить некоторые его аспекты и рассеять определенные недоразумения. В истории существовало множество различных цивилизаций, каждая из которых развивалась особым образом, в соответствии с ее природой и с естественными склонностями тех или иных народов или рас. Однако различие в данном случае отнюдь не предполагало противоположности или противостояния, и между самыми далекими друг от друга формами цивилизации существовало определенное сходство, вытекающее из единства фундаментальных принципов, чьими частными приложениями, применительно к конкретным обстоятельствам, и являлись сами эти цивилизации. Так было в случае всех так называемых «нормальных», или (что, в сущности, одно и то же) «традиционных» цивилизаций. Такие цивилизации сущностно не противостоят друг другу, и любые возможные расхождения между ними являются чисто внешними и поверхностными. С другой стороны, цивилизация, не признающая никакого высшего принципа и в действительности основанная на полном отрицании вообще каких бы то ни было принципов, уже в силу самого этого обстоятельства исключает возможность всякого взаимопонимания с другими цивилизациями, поскольку для того, чтобы такое понимание было воистину глубоким и действенным, оно должно проистекать из того самого высшего принципа, которого эта аномальная и извращенная цивилизация как раз лишена. Поэтому в современном мире мы видим, с одной стороны, цивилизации, оставшиеся стоять на традиционных позициях — таковы цивилизации Востока; и с другой — откровенно антитради-

ционную цивилизацию, или цивилизацию современного Запада.

Некоторые исследователи сегодня доходят до полного отрицания того факта, что деление человечества на людей Востока и Запада вообще соответствует каким бы то ни было естественным различиям. Но как бы то ни было, такое различие в настоящее время действительно существует. Прежде всего, невозможно всерьез усомниться в факте существования единой для Европы и Америки западной цивилизации — независимо оттого, как бы мы ее ни оценивали. В отношении Востока дело обстоит несколько сложнее, поскольку в настоящее время существует не одна, а несколько восточных цивилизаций. Различия и даже противоположность между цивилизациями Востока и цивилизацией Запада основаны на том, что всем восточным цивилизациям присущи определенные общие черты, позволяющие рассматривать их как цивилизации традиционные; в случае же западной цивилизации эти черты отсутствуют. Все современные цивилизации Востока являются в равной степени традиционными по своей сути. Чтобы дать более точное представление об этих цивилизациях, мы напомним здесь общие принципы их классификации, приведенные нами более подробно в других работах. Хотя такая классификация может показаться несколько упрощенной для тех, кто стремится разобраться в деталях, она остается, тем не менее, верной в своих основных чертах. Дальний Восток сущностно представлен китайской цивилизацией, Средний Восток — Индуистской, Ближний Восток — Исламской. Следует добавить, что во многих отношениях Исламскую цивилизацию следует рассматривать как промежуточную между восточной и западной; особенно много общих черт она имела со средневековой Христианской цивилизацией Запада. Однако, если сопоставить ее с современным Западом, мы увидим, что она так же противостоит ему, как все собственно восточные цивилизации, к которым, согласно нашей точке зрения, она и должна быть отнесена.

Последнее замечание затрагивает важную проблему: до тех пор, пока на Западе существовали традиционные цивилизации, для противостояния Востока и Запада не было оснований. Противостояние имеет место лишь в случае современного Запада, поскольку речь идет, скорее, о противоположности двух типов сознания, нежели двух более или

менее определенных географических реальностей. В определенные периоды истории, наиболее близким из которых является Средневековье, западное сознание в своих наиболее существенных чертах стояло гораздо ближе к восточному сознанию, нежели к тому, что оно представляет собой в современную эпоху. Тогда западная цивилизация была настолько же близка цивилизациям Востока, насколько сами эти цивилизации близки друг другу сегодня. В течение последних столетий Западная цивилизация претерпела фундаментальные изменения, гораздо более серьезные, чем все извращения, имевшие место в предшествующие периоды упадка, так как на этот раз вся человеческая деятельность полностью и радикальным образом изменила свою ориентацию и свой сущностный характер. Эти изменения произошли только на Западе. Поэтому, когда, говоря о современном мире, мы используем выражение «западное сознание», это равнозначно выражению «современное сознание». И поскольку иной тип сознания сохранился сегодня лишь на Востоке, мы можем, учитывая это обстоятельство, называть его восточным типом сознания. Таким образом, оба термина — «сознание восточное» и «сознание западное» — характеризуют исключительно современное положение вещей. Поскольку «западное сознание» сложилось только в ходе недавнего периода истории, то и о противоположном — сугубо «восточном» — сознании можно говорить лишь применительно к настоящему времени. Изначально же это «восточное сознание» было поистине присуще как людям Востока, так и людям Запада, так как его происхождение совпадает с происхождением самого человечества. Таким образом, его вполне можно назвать «нормальным сознанием» уже потому, что оно в большей или меньшей степени лежало в основе всех известных нам цивилизаций за одним лишь исключением — цивилизации современного Запада.

Некоторые люди, не дав себе труда как следует вчитаться в написанные нами книги, считают почему-то своим долгом упрекнуть нас в том, что мы якобы утверждаем, будто все традиционные доктрины приходят с Востока и что даже в эпоху западной античности Запад неизменно черпал свои традиции исключительно на Востоке. Мы никогда не писали и не могли написать ничего подобного, хотя бы уже потому, что нам прекрасно известно, что это совершенно не соответствует истине. В действительности данные Тради-

ции явно противоречат подобной идее: существуют достоверные свидетельства того, что Примордиальная Традиция настоящего цикла пришла из гиперборейских регионов. Позднее существовало несколько вторичных потоков этой Примордиальной Традиции, соответствующих различным периодам истории, и один из наиболее важных из них, по крайней мере, тот, следы которого все еще можно различить, несомненно перемещался с Запада на Восток. Однако все эти соображения относятся к весьма отдаленным временам, которые обычно называются «Предисторией» и которые мы здесь не собираемся разбирать. Мы хотим высказать лишь следующее: во-первых, центр Примордиальной Традиции уже в течение очень длительного времени и вплоть до настоящего момента располагается на Востоке, и именно там мы сталкиваемся с доктринами, самым непосредственным образом проистекающими из этой Примордиальной Традиции; и во-вторых, в настоящее время истинный дух Традиции, со всем тем, что он в себе заключает, представлен только и исключительно людьми Востока, и никем иным.

Это разъяснение было бы неполным без упоминания о некоторых предложениях по поводу возможной реставрации «западной традиции», появившихся в различных кругах в последнее время. Наиболее позитивным в подобных идеях является то, что они свидетельствуют о наличии людей, все в большей степени неудовлетворенных современным нигилизмом, ощущающих потребность в чем-то таком, что отсутствует в современном мире, и поэтому видящих возможность положить конец современному кризису только одним способом — через возврат к традиции в той или иной ее форме. К несчастью, «традиционализм» не совпадает с тем, что можно назвать по праву подлинно традиционным сознанием. Чаще всего традиционализм означает не более, чем простую склонность, более или менее смутное влечение, не предполагающее никакого подлинного знания. К сожалению, верно и то, что в ситуации интеллектуального смешения это стремление обычно ведет лишь к порождению фантастических концепций, построенных на чистом воображении и лишенных всякого серьезного основания. Не имея в качестве опоры никакой аутентичной традиции, такие люди часто доходят до того, что выдумывают никогда не существовавшие в действительности псевдо-традиции, настолько же бесосновательные и далекие от каких-либо

традиционных принципов, как и те доктрины, которые они тщатся заменить. В этом проявляется вся глубина современного хаоса, и каковы бы ни были намерения подобных людей, они лишь усугубляют общее смещение. Среди такого рода построений упомянем лишь концепцию так называемой «западной традиции», сконструированную некоторыми оккультистами из самых противоречивых элементов и призванную изначально конкурировать с другой не менее фантастической и беспочвенной концепцией т. н. «восточной традиции», выдуманной теософистами. Мы подробно говорили об этих вещах в другом месте и предпочли бы сейчас без дальнейших отлагательств перейти к исследованию иных, более достойных внимания теорий, стремящихся, по крайней мере, обратиться к реально существовавшим традициям.

Выше мы упомянули об одном из потоков Традиции, пришедшем из западных регионов. Об этом свидетельствуют рассказы древних об Атлантиде. Нет сомнений, что после исчезновения этого континента в ходе последнего великого исторического катаклизма остатки атлантической традиции были перенесены в другие регионы, где они слились с другими уже существовавшими традициями, представлявшими собой по большей части ответвления Великой Гиперборейской Традиции. Скорее всего, сакральные доктрины древних кельтов как раз и являлись результатами именно такого слияния. Мы отнюдь не собираемся здесь обсуждать этот вопрос. Однако в любом случае не следует забывать, что истинная атлантическая доктрина исчезла уже много тысячелетий назад вместе с цивилизацией, к которой она принадлежала и разрушение которой произошло в результате извращения, в чем-то аналогичного тому, что мы наблюдаем сегодня, с тем лишь отличием, что человечество тогда еще не вступило в период Кали-юги. Следует также иметь в виду, что эта традиция соответствовала лишь вторичному периоду нашего цикла, и следовательно, было бы большой ошибкой отождествлять ее с самой Примордиальной Традицией, из которой вышли все остальные традиции и которая единственная из всех остается совершенно неприкосновенной и целостной с самого начала до самого конца цикла. Так как мы не можем привести здесь все факты, подтверждающие эти положения, мы хотели бы подчеркнуть лишь следующее: сегодня воскресить «атлантиче-

скую» традицию невозможно, так же, как невозможно соприкоснуться с ней более или менее прямым образом. Поэтому любые попытки сделать это останутся пустыми фантазиями. Тем не менее, исследование происхождения определенных элементов, вошедших в состав более поздних традиций, может представлять значительный интерес, при условии, что при этом будут приняты меры предосторожности против иллюзий, могущих возникнуть в этом вопросе. Но в любом случае подобные исследования ни в коем случае не способны привести к полному восстановлению традиции, которая совершенно не приспособлена к условиям современного мира.

Некоторые люди стремятся примкнуть к «кельтизму», и поскольку эта традиция менее удалена от нас во времени, ее восстановление может показаться не столь невероятным, как восстановление традиции атлантической. Но где сегодня найдется столь полноценный и жизнеспособный «кельтизм», чтобы он мог служить прочной основой традиции? Мы не говорим об археологических или чисто «литературных» реконструкциях, которые стали появляться в последнее время. Мы имеем в виду нечто совсем иное. Хотя и справедливо, что многие элементы «кельтизма» действительно дошли до нас через различные опосредующие инстанции, этого отнюдь не достаточно для восстановления полноценной традиции. Более того, можно отметить и такой странный факт, что в тех странах, где в древности существовала именно кельтская традиция, в настоящее время она забыта еще более основательно, нежели остатки других, изначально чуждых этим странам, традиций. Не следует ли всерьез задуматься о причинах этого явления, по меньшей мере, тем, кто еще не окончательно поддался напору навязываемых предвзятостей и предрассудков? Можно сказать и больше: во всех случаях, когда мы имеем дело с остатками исчезнувших цивилизаций, невозможно понять их действительное значение иначе, чем через сравнение их с аналогичными элементами живых традиций. И это верно даже по отношению к Средневековью, многие элементы которого полностью потеряли смысл для современного Запада. Только через установление контакта с живыми традициями можно воскресить то, что еще способно возродиться, и это, как мы постоянно подчеркиваем, одна из величайших услуг, которые может оказать Восток Западу. Мы не отрицаем, что

определенные элементы кельтского духа сохранились и все еще могут проявиться в различных формах, как это происходило в различные периоды в прошлом. Но если кто-то попытается убедить нас в том, что по-прежнему существуют духовные центры, в которых якобы полностью сохранилась традиция друидов, мы потребуем представить доказательства и, до тех пор, пока это не будет сделано, будем рассматривать это утверждение как весьма спорное, если не сказать больше — невероятное.

В действительности, сохранившиеся элементы кельтизма были большей частью ассимилированы Христианством в средние века. Легенда о Святом Граале со всеми ее элементами является особенно важным примером этого. Более того, мы полагаем, что, если бы западная традиция могла быть заново восстановлена, она непременно должна была бы принять религиозную форму в самом строгом смысле этого слова. Такой формой могло бы быть только Христианство, поскольку, во-первых, все другие возможные формы уже с давних пор чужды западному сознанию, а во-вторых, именно внутри Христианства — и мы можем сказать даже более определенно, — именно внутри католицизма можно обнаружить последние остатки того традиционного духа, который еще сохранился на Западе. Всякое «традиционалистское» начинание, игнорирующее этот факт, заведомо будет лишено оснований и с неизбежностью обречено на провал. Очевидно, что основываться следует только на том, что существует в реальности, и там, где отсутствует непрерывная подлинная преемственность, любая конструкция будет искусственной и недолговечной. Если нам возразят, что само Христианство в наше время более не отдает себе отчета в своем глубинном содержании, мы ответим, что, по крайней мере, только оно в самой своей форме и в своей сущности содержит все необходимое для того, чтобы обеспечить основание восстановленной традиции. Самой реалистической и единственно осуществимой сегодня (по меньшей мере, теоретически) попыткой, было бы восстановление сущности средневекового христианского строя, естественно, с учетом необходимой специфики сугубо современных условий. При этом все те элементы, которые были утрачены Западом безвозвратно, можно было бы заимствовать из других традиций, сохранивших их в целостности, и затем применить их к конкретным условиям Запада. Безусловно, та-

кая реставрация может стать делом лишь могущественной и прекрасно организованной интеллектуальной элиты. Вопрос об элите мы уже затрагивали ранее. Однако полезно сделать это вновь, поскольку в последнее время появилось слишком много фантастических и невыполнимых проектов в этой области, а также потому, что следует раз и навсегда уяснить себе, что усвоить традиции Востока в их специфической форме могут только представители интеллектуальной элиты, уже по своему определению находящейся по ту сторону всех частных форм, так как эти традиции отнюдь не приспособлены для восприятия основной массой людей Запада. Такое положение сохранится и в дальнейшем, если не произойдет какая-то непредвиденная трансформация. Если западная элита все же будет сформирована, знание доктрин Востока явится для нее, по только что разобранным нами причинам, совершенно необходимым для осуществления свойственных ей функций. Но на всех остальных, то есть на большинстве западных людей, которому останется лишь пожинать плоды деятельности этой элиты, обращение к восточным доктринам вообще никак не отразится прямо, так как влияние подобного знания будет для него косвенным и незаметным, хотя от этого не менее эффективным и глубоким. Хотя это наша неизменная точка зрения, которую мы уже неоднократно высказывали, мы считаем необходимым повторить ее еще раз, поскольку, если и нельзя всегда рассчитывать на адекватное понимание высказываемых нами идей, по меньшей мере следует стремиться заведомо избежать возможной неадекватной интерпретации наших намерений и убеждений.

Но поскольку более всего нас интересует актуальное положение вещей, мы оставим в стороне прогнозы на будущее и остановимся подробнее на проблемах, связанных с возможностью реставрации «западной традиции». Для того чтобы доказать, что с проектами такого восстановления далеко не все в порядке, достаточно следующего наблюдения: эти проекты почти всегда заключают в себе более или менее явную враждебность по отношению к Востоку. Следует добавить, что это чувство не чуждо и тем, кто основывается на Христианстве: любой ценой подобные люди стараются отыскать здесь противоречия, которые на самом не существуют или являются чисто надуманными. Дело доходит даже до таких абсурдных утверждений, что, если в доктринах Восто-

ка и в Христианстве мы находим одни и те же идеи, и, более того, идеи, выраженные в одинаковой форме, то все равно их смысл в обоих случаях различен или даже противоположен! Те, кто делает подобные утверждения, доказывают тем самым, что несмотря на определенные претензии они не слишком далеко продвинулись в понимании традиционных доктрин и не постигли фундаментального единства, стоящего за всем многообразием внешних форм. Такие люди не хотят замечать сходства даже там, где оно более всего очевидно. Поэтому и их понимание самого Христианства остается поверхностным и не соответствует идее подлинной традиционной доктрины, которая, будучи совершенной и самоидентифицирующейся, может быть применена ко всем возможным сферам. Всем им не хватает знания основополагающих принципов, и поэтому они гораздо более подвержены влиянию современного мышления, нежели они сами полагают, хотя именно такому мышлению они и стремятся противостоять. И в их устах слово «традиция» приобретает иной смысл, нежели тот, который вкладываем в это слово мы.

Вследствие интеллектуального смещения, характерного для нашей эпохи, само слово «традиция» применяется к самым разнообразным и подчас весьма незначительным предметам, например к простым обычаям или обрядам, имеющим подчас совсем недавнее происхождение. В другом месте мы указывали на столь же неадекватное использование слова «религия». Необходимо быть крайне бдительным при использовании определенных терминов, так как некоторые искажения языка отражают деградацию определенных идей. Поэтому лишь тот факт, что некто называет себя «традиционалистом», еще не доказывает того, что он хотя бы приблизительно представляет себе, что такое «традиция» в подлинном смысле этого слова. Мы категорически отказываемся применять это слово к чему-либо ограниченному исключительно сферой чисто человеческого. На это особенно важно обратить внимание именно сейчас, когда стали появляться такие выражения, как, например, «философская традиция». Философия, оставаясь тем, что она есть, не имеет никакого права считаться «традицией», так как она относится исключительно к рациональному человеческому уровню, и это верно даже в том случае, если она прямо и не отрицает реальностей, выходящих за пределы этого уровня. «Философия» — это не более, чем продукт мыслительной

деятельности человеческих индивидуумов, лишенных каких-либо источников нечеловеческого откровения, или инспирации, а значит, одним словом, это чисто «профаническое» явление. Вопреки некоторым иллюзиям, имеющимся на этот счет у определенной категории людей, сознание, присущее той или иной эпохе, той или иной расе не может определяться и направляться только с помощью «книжных» наук. Реальные рычаги влияния на это сознание совершенно отличны от любых форм философских спекуляций, даже в лучшем случае в силу самой своей природы вынужденных оставаться чем-то совершенно внешним и чисто вербальным, а не подлинным и действенным. Утерянная традиция может быть реставрирована и оживлена только благодаря контакту с духом живой Традиции, а сегодня, как мы уже отмечали, этот дух действительно жив лишь на Востоке. Как бы то ни было, важно, что на Западе появилось, по меньшей мере, стремление к возврату к традиционному мировоззрению, хотя пока это остается только стремлением, и ничем более. Недавно появившиеся разнообразные проявления реакции против «современного мира», на наш взгляд, являются пока недостаточно полными, и это лишний раз подтверждает нашу точку зрения. Какой бы превосходной и безупречной ни была критическая сторона этих антисовременных движений, тем не менее они еще очень далеки от восстановления подлинного интеллекта и ограничены слишком узкими горизонтами мысли. Однако в них, по меньшей мере, есть элементы такого мировоззрения, которое было совершенно немыслимо еще несколько лет назад. И если сегодня уже не все западные люди целиком и полностью удовлетворены узко материальным развитием современной цивилизации, в этом, быть может, следует видеть признак того, что для ее спасения еще не всякая надежда утрачена.

Как бы то ни было, если Западу суждено тем или иным образом вернуться к своей собственной традиции, его противостояние Востоку немедленно будет устранено уже благодаря самому этому факту, так как корни этого противостояния следует искать только в извращении Запада, и само оно сводится лишь к логической противоположности традиционного и антитрадиционного мировоззрений. Поэтому, вопреки некоторым вышеприведенным мнениям, первым результатом возврата к Традиции должно явиться не-

медленное восстановление взаимопонимания с Востоком, как это всегда и должно происходить в случае цивилизаций, основанных на сходных или одинаковых принципах. Добавим, что подобное взаимопонимание возможно исключительно на этих общих принципах, создающих для этого необходимую базу. Истинно традиционное мировоззрение всегда и везде является сущностно одним и тем же, в какую бы форму оно ни облекалось. Различные формы, соответствующие различным типам мышления и различным временным и пространственным условиям, являются лишь выражениями одной и той же истины. Но это глубинное единство, скрытое под видимостью множественности, может сознаваться только тем, кто способен встать на точку зрения чистого интеллекта. Более того, именно в интеллектуальной сфере следует искать те принципы, из которых в нормальном случае проистекает все остальное — либо в качестве следствий, либо как их приложение. Поэтому, в первую очередь, согласие должно быть достигнуто в отношении этих принципов, в том случае, если стороны действительно стремятся к глубокому взаимопониманию, так как именно эти принципы в действительности являются наиболее существенными. Как только они будут адекватно поняты, согласие установится само собой. Следует добавить, что знание принципов является знанием самой сущности, то есть метафизическим знанием в подлинном смысле этого слова. Такое знание является столь же универсальным, как и сами эти принципы. Поэтому оно совершенно независимо от всякой индивидуальной обусловленности, которая, напротив, имеет значение лишь в том случае, когда дело доходит до частного применения этого знания. Поэтому сфера чистого интеллекта является единственной не требующей предварительной адаптации к тому или иному типу мышления. Более того, когда на этом уровне необходима работа проделана, остается только развить ее последствия, и согласие будет достигнуто также во всех остальных сферах, поскольку, как мы уже говорили, именно от этого уровня прямо или косвенно зависит все остальное. С другой стороны, согласие, достигнутое в какой-то частной, не связанной с принципами сфере, будучи чем-то похожим скорее на дипломатическую договоренность, чем на истинное взаимопонимание, всегда останется в высшей степени нестабильным и непродолжительным. Вот почему — повторим

это еще раз — истинное взаимопонимание может прийти только сверху, но не снизу. В этом процессе следует различать две стадии. Начинать следует с наивысшего уровня, то есть с принципов, и лишь потом постепенно спускаться к различным вторичным уровням, всегда строго сохраняя при этом существующие между этими уровнями иерархические взаимоотношения. И это с необходимостью должно стать делом элиты в подлинном и наиболее совершенном смысле этого слова, то есть элиты исключительно интеллектуальной, хотя, строго говоря, никакой иной просто не существует.

Эти соображения показывают, что в современной западной цивилизации полностью отсутствуют элементы, необходимые для того, чтобы она была нормальной и совершенной — как в плане ее реального взаимопонимания с восточной цивилизацией, так и сама по себе. Оба эти вопроса настолько тесно связаны друг с другом, что они составляют, в сущности, один единственный вопрос, и причины этого более подробно показать, в чем состоит суть того антитрадиционного мировоззрения, которым является все сугубо современное мировоззрение; каковы возможные последствия, из него вытекающие и проявляющиеся в безжалостной логике актуальных событий. Но прежде, чем мы приступим к этому, следует сделать еще одно замечание. Быть радикально антисовременным еще не означает быть антизападным в самом широком смысле этого слова. Напротив, быть антисовременным — это означает предпринимать единственное способное увенчаться успехом усилие по спасению Запада от его собственного вырождения. И любой верный своей традиции человек Востока представляет себе эту проблему точно в таких же терминах, что и мы сами. И совершенно очевидно, что у Запада будет несравнимо меньше врагов, если он перестанет отождествлять себя с современной цивилизацией, так как в этом случае подобная враждебность фактически не имела бы смысла. Однако сегодня чаще говорится именно о защите Запада, и это действительно странно, поскольку, как мы увидим далее, именно Запад в водовороте своей собственной хаотической активности угрожает увлечь в бездну все человечество. Это тем более странно и неправомочно, что подобные защитники Запада, несмотря на некоторые уточнения по этому поводу, хотя

защищать Запад также и от Востока, тогда как истинный Восток не помышляет ни о нападении, ни о покорении кого бы то ни было и стремится лишь к тому, чтобы его оставили в покое, дав независимость и предоставив самому себе, что является, безусловно, вполне разумным и обоснованным требованием. Действительно, Запад испытывает необходимость в защите, но лишь в защите от самого себя и от своих собственных тенденций, которые, будучи доведенными до их логического завершения, с неизбежностью приведут его к разрушению и гибели. Вот почему следует настаивать на необходимости реформы Запада, и если такая реформа будет тем, чем она должна быть, то есть истинной реставрацией Традиции, в качестве своего естественного следствия она повлечет за собой установление взаимопонимания с Востоком. Мы же, со своей стороны, стремимся по мере наших возможностей способствовать как этой реформе, так и скорейшему установлению взаимопонимания между Востоком и Западом, если для этого еще осталось время и если есть шанс достичь какого-то положительного результата, прежде чем произойдет финальная катастрофа, к которой неумолимо приближается современная цивилизация в процессе своего развития. Но даже если сейчас уже слишком поздно для того, чтобы избежать этой катастрофы, любая деятельность, направленная к достижению этой цели, не останется бесплодной, так как в любом случае она поможет подготовить, хотя бы предварительно, процесс того «отделения» плевел от зерен, о котором мы говорили в самом начале, обеспечив при этом сохранность тем элементам, которым предназначено пережить гибель нашего мира и стать зародышем мира грядущего.

Глава 3

ЗНАНИЕ И ДЕЙСТВИЕ

Сейчас мы подошли вплотную к одному из основных аспектов существующего сегодня противостояния восточного и западного сознания. В общих чертах, как уже говорилось выше, мы можем охарактеризовать его как оппозицию традиционного и антитрадиционного мировоззрений. С определенной и наиболее важной для нас в настоящий момент точки зрения, данное противостояние проявляется в форме оппозиции между умозрением и действием, а точнее, в оценке их обоюдной значимости. Соотношение между умозрением и действием может быть рассмотрено под различными углами зрения: либо эти понятия являются противоположностями, как обычно считают, либо они взаимодополняют друг друга. Однако не следует ли лучше установить между ними отношения иерархической соподчиненности, а не просто взаимосвязи? Таковы различные аспекты этой проблемы, соответствующие различным точкам зрения на этот предмет. Каждая из этих точек зрения правомочна в определенных границах и отвечает определенному уровню реальности, хотя не все они обладают равной значимостью.

Наш разбор мы начнем с рассмотрения наиболее поверхностной и внешней точки зрения, которая радикальным образом, противопоставляет друг другу умозрение и действие, рассматривая их как крайние противоположности, как противоречие. На первый взгляд, такое противоречие действительно существует. Но если бы оно было абсолютным, то умозрение и действие вообще никогда не могли бы сочетаться друг с другом. Однако это не так. В действительности, по меньшей мере в нормальных случаях, не существует ни одного народа и, возможно, вообще ни одного человеческого существа, которые были бы либо только деятельными, либо только контемплативными, то есть склонными к чистому умозрению. Хотя повсюду с необходимостью должны наличествовать обе эти тенденции, какая-то

из них обязательно будет преобладать, так что развитие одной неизбежно произойдет за счет другой хотя бы уже потому, что человеческая деятельность, в самом широком смысле этого слова, не может равномерно развиваться во всех направлениях и сферах одновременно. Именно такое положение вещей и создает видимость противоречия, оппозиции. Однако между этими истинными или мнимыми противоположностями в определенном случае все же может быть достигнуто некоторое равновесие. То же самое можно было бы сказать и обо всех остальных противоположностях, прекращающих быть таковыми, если рассмотреть их с более высокого уровня, нежели тот, на котором их противостояние действительно и реально. Оппозиция, противостояние предполагают дисгармонию и отсутствие равновесия, а это, как мы уже выяснили, в свою очередь, предполагает ограничение исследования частной и относительной точкой зрения.

Рассмотрение умозрения и действия как двух взаимодополняющих тенденций означает переход к более фундаментальной точке зрения, так как в этом случае оппозиция снимается и прекращает существование, а обе тенденции уравновешивают друг друга. Здесь речь идет уже о двух одинаково необходимых элементах, взаимодополняющих и поддерживающих друг друга, являющихся двумя видами активности (внешним и внутренним) единого существа — как отдельного человека, так и всего человечества в целом. Данная концепция более полноценна и приемлема, нежели предыдущая. Но если ею и ограничиться, возникнет искушение причислить и умозрение, и действие, основываясь на их взаимодополняемости, к одному и тому же уровню реальности. В этом случае вопрос об их иерархическом соподчинении останется в стороне, и единственной проблемой будет сохранение равновесия между ними. Однако эта позиция также не вполне удовлетворительна, так как вопрос о соподчинении, как бы на него ни отвечали, так или иначе возникает всегда, что вполне закономерно.

В этой связи важна не столько конкретная склонность той или иной расы или индивидуума к действию или умозрению, так как эта склонность может зависеть от определенных расовых особенностей или даже от врожденного темперамента. Самое главное — это установить, какая же из этих двух форм активности обладает законным и абсолют-

ным превосходством, независимо от конкретных обстоятельств, не всегда строго соответствующих нормальным иерархическим пропорциям. Без сомнения, признание превосходства одной из этих двух тенденций должно логически повлечь за собой ее преимущественное развитие за счет другой тенденции, хотя на практике часто все определяется, скорее, особой склонностью той или иной личности, того или иного народа, а место, отводимое умозрению и действию в жизни человека или народа, зависит в большей степени от их внутренней предрасположенности. Очевидно, что склонность к умозрению более распространена и более развита на Востоке, и, быть может, сильнее всего это сказывается в Индии, вплоть до того, что свойственный ей тип мышления, можно считать праобразом восточного мышления как такового. С другой стороны, не подлежит сомнению, что склонность к действию, или точнее, тенденция, проистекающая из этой склонности, преобладает среди народов Запада, по меньшей мере, если говорить о подавляющем большинстве его населения. Даже в том случае, если бы эта тенденция и не являлась столь гипертрофированной и извращенной, как в настоящий момент, все равно такое положение сохранилось бы, и умозрение на Западе всегда оставалось бы уделом весьма незначительной в количественном смысле элиты. Поэтому сегодня в Индии бытует мнение, что, если Запад и вернется к нормальному состоянию и восстановит законную и естественную социальную организацию, несомненно, среди людей Запада окажется очень много кшатриев и очень мало брахманов⁸. Однако, если интеллектуальная элита на Западе действительно будет создана, и ее превосходство будет признано всеми остальными, этого окажется достаточно для того, чтобы восстановить порядок во всех остальных областях, так как истинно духовное могущество основывается отнюдь не на количественном превосходстве, имеющем значение лишь в материальной сфере. Кроме того — и это чрезвычайно важно — в древние эпохи, и даже в Средневековье, естественная склонность западных людей к действию отнюдь не мешала им признавать превосходство умозрения, то есть чистого интеллекта. Почему же в современном мире это совсем не так? Не потому ли, что люди Запада утратили свой интеллект, чрезмерно развивая склонность к действию, вплоть до того, что изобрели особые теории, ставящие действие превыше

всего остального и доходящие, как это произошло в рамках прагматизма, до отрицания каких-либо иных ценностей, кроме самого этого действия? Или изначальное признание приоритета точки зрения о превосходстве действия над умозрением само собой привело Запад к той атрофии интеллектуальных способностей, которую мы наблюдаем сегодня? В обоих случаях — и даже в том случае, если истинным является какое-то промежуточное решение — результаты остаются одними и теми же. И дела здесь зашли настолько далеко, что реагировать на это необходимо немедленно. В этом вопросе — повторим это еще раз — Восток мог бы оказать Западу неоценимую услугу, — разумеется, если этого захочет сам Запад, — причем отнюдь не навязывая своих собственных концепций, как того боятся отдельные авторы, а лишь помогая заново открыть глубинный смысл его собственной, сугубо западной традиции.

Актуальное противоречие между Востоком и Западом основывается на том, что Восток утверждает безусловное превосходство умозрения над действием, а современный Запад, напротив, превосходство действия над умозрением. В данном случае речь не идет о двух в равной степени правомочных точках зрения, соответствующих одному из второстепенных уровней реальности, как это имеет место при определенных обстоятельствах, когда действие и умозрение, будучи коррелированными между собой, взаимодополняют друг друга. Отношения иерархического соподчинения по самой своей сути являются строго определенными, и в настоящих условиях мы вынуждены утверждать, что обе концепции, господствующие, соответственно, на Востоке и на Западе, являются действительно взаимоисключающими и отрицающими друг друга. В том случае если мы признаем необходимость установления между этими двумя тенденциями иерархических соотношений, мы вынуждены считать один из возможных вариантов такого соподчинения истинным, а другой — ложным. Прежде чем углубиться в этот вопрос, заметим следующее: положение дел, характерное для современного Востока, как мы заметили выше, можно встретить во все времена и во всех цивилизациях, тогда как западная точка зрения является сугубо современной. Уже одного этого достаточно, чтобы предположить, что в западной позиции есть нечто аномальное. Это впечатление подтверждается и гипертрофированным увлече-

нием западных людей стремлением к действию вплоть до того, что, не удовлетворяясь провозглашением превосходства действия над умозрением, они сделали его единственным ориентиром своей интеллектуальной деятельности, полностью забыв об умозрении, подлинная природа которого отныне для них совершенно недоступна и, более того, неинтересна. Восточные же доктрины, со своей стороны, напротив, утверждая со всей возможной ясностью и однозначностью не только превосходство умозрения, но и его трансцендентность по отношению к действию, тем не менее признают и за действием его особые и законные права и полномочия, а также его значимость во всем, что касается сугубо человеческого и обусловленного уровня⁹.

Все восточные доктрины без исключения, равно как и древние доктрины Запада, утверждают превосходство умозрения над действием, превосходство того, что неизменно, над тем, что подвержено изменению¹⁰. Действие, будучи преходящей и временной модификацией бытия, не может нести в самом себе свой принцип и свою собственную причину. Если же оно вообще не зависит ни от какого принципа, выходящего за пределы этой обусловленной сферы, то оно является лишь чистой иллюзией. Принцип же, сообщающий действию всю реальность его существования, а также обеспечивающий возможность этого существования, следует искать лишь в сфере умозрения или в области чистого знания, так как чистое знание и умозрение суть синонимы, или по меньшей мере, они сущностно совпадают друг с другом, так как чистое знание, обретаемое в процессе умозрения, невозможно отделить от самого этого процесса¹¹. Подобным образом изменение, в самом широком смысле слова, является совершенно неразумным и противоречивым, а значит, и вовсе невозможным без своего принципа, из которого оно проистекает и который, со своей стороны, не может быть подверженным самому этому изменению, то есть является неизменным. Исходя именно из такой логики представители традиционного Запада, в частности Запада античного (к примеру, Аристотель), утверждали, что должен существовать «недвижимый двигатель» всех вещей. «Недвижимым двигателем» всякого действия является знание. Действие полностью принадлежит к миру изменения и «становления». Только знание позволяет выйти за рамки ограниченности этого мира, и когда оно достигает сферы

неизменного, то есть становится знанием чисто метафизическим, знанием самого Принципа, то есть Знанием в самой глубине своей сущности, оно само становится неизменным, так как всякое подлинное знание состоит в отождествлении с объектом этого знания, и в данном случае с самим Принципом. Именно это упускают из виду современные люди: они не признают ничего кроме чисто рассудочного, дискурсивного знания, которое, будучи лишь «отраженным знанием», с необходимостью является косвенным и несовершенным. Но и это низшее знание они ценят все меньше и меньше и лишь в той степени, в какой оно способно служить осуществлению какой-то непосредственной практической цели. Полностью захваченные действием, вплоть до заведомого отрицания всего, что выходит за его пределы, современные люди не замечают, как вырождается само это действие, превращаясь, за недостатком принципа, в тщетную и пустую суету.

В действительности, одной из самых подозрительных особенностей современного мира является потребность в нескончаемой деятельности, в бесконечных изменениях, в погоне за скоростями, в стремлении поспеть за все убыстряющимся ритмом разворачивающихся событий. Это — количественное рассеяние во множественности, которая более не объединена никаким осознанием высшего Принципа. В повседневной жизни, равно как и в научных идеях, мы повсюду видим анализ, доведенный до предела, анализ в этимологическом смысле этого слова, то есть разделение, разложение, бесконечную дезинтеграцию человеческой деятельности во всех ее разновидностях. Эта неспособность западных людей к синтезу и концентрации является в глазах людей Востока чертой шокирующей. Это — естественный и логичный результат все возрастающего материализма, так как сама материя есть множественность и разделение. И вот почему, заметим по ходу дела, все проистекающее из сферы материи может породить лишь ссоры и конфликты между различными народами или личностями. Чем глубже нисхождение в материю, тем больше и сильнее противоречия. С другой стороны, чем выше подъем к чистой духовности, тем ближе к единству, которое может быть полностью реализовано только в знании универсальных Принципов.

Но еще более удивительно то, что движение и изменение прославляются сегодня ради них самих, а не ради той цели,

к которой они должны были бы привести. Такое положение вещей проистекает из полного вовлечения человеческих способностей во внешние действия, чей скоротечный характер мы отметили выше. Здесь снова мы сталкиваемся с рассеянием, но только видимым под иным углом зрения и достигшим более критической стадии: эту тенденцию можно описать как стремление к максимальной степени преходящести, скоротечности, которое имеет своим пределом чистое отсутствие всякого равновесия. Когда такое отсутствие равновесия реализуется до конца, оно совпадает с окончательным растворением данного мира. И это является совершенно прозрачным указанием на то, что последняя фаза Калиюги уже наступила.

Подобную тенденцию можно заметить и в научной сфере, где исследования зачастую ведутся гораздо в большей степени исключительно ради них самих, нежели ради каких-то частных и фрагментарных результатов. Здесь мы также наблюдаем все убыстряющуюся смену необоснованных теорий и гипотез, создаваемых лишь для того, чтобы тут же смениться другими, имеющими еще более короткий срок существования. Это порождает подлинный хаос, в котором тщетно искать какие бы то ни было твердые принципы, так как здесь все сводится к чудовищному накоплению ничего не значащих и ничего не доказывающих деталей и фактов. Естественно, мы имеем в виду лишь теоретические науки, конечно, если такие еще существуют. Прикладные науки, напротив, дают действительные результаты, и это понятно, поскольку эти результаты имеют отношение непосредственно к области материи, то есть к единственной области, где современный человек может похвастаться подлинным превосходством. Поэтому следует предвидеть, что открытий, а точнее, механических и промышленных изобретений с каждым днем будет становиться все больше и больше вплоть до конца данного цикла. И кто знает, не явятся ли разрушительные возможности, которые им сопутствуют, одним из главных факторов в последней катастрофе, если события достигнут той стадии, когда избежать ее будет уже невозможно?

Во всяком случае, многие сегодня чувствуют, что в настоящем положении дел больше нет никакой стабильности. И хотя кое-кто, предвидя опасность, старается на нее как-то реагировать, большинство наших современников вполне

довольны актуальным смещением, в котором они видят экстерниоризированный образ своего собственного мышления. На самом деле существует глубокое родство между миром, в котором все находится в состоянии «становления», где нет места ничему неизменному и постоянному, и состоянием сознания современных людей, усматривающих всю реальность в этом «становлении», и отрицающих тем самым всякое подлинное знание, равно как и сам объект такого знания, то есть трансцендентные и универсальные Принципы. Можно пойти еще дальше и сказать, что в этом заключается отрицание всякого подлинного знания, к какому бы относительному уровню оно ни принадлежало, так как, согласно вышеприведенным объяснениям, относительное неразумно и даже невозможно без абсолютного, обусловленное — без необходимого, изменяемое — без неизменного, а множественное — без единственного. «Релятивизм» противоречив в самом себе, так как, если следовать его логике, стремление все свести к изменению рано или поздно приведет к отрицанию самого изменения. И это, в сущности, лежит в основании знаменитого парадокса Зенона Элейского. Однако, не желая грешить против истины, мы вынуждены признать, что подобные теории встречаются не только в современную эпоху. Подтверждения этому можно найти и в греческой философии. Так, широко известна фраза Гераклита о том, что «все течет, все изменяется». Именно эта идея заставила элейскую школу полемизировать с его концепциями, равно как и с концепциями атомистов, путем доведения их до абсурда. Нечто подобное можно найти даже в самой Индии, хотя, конечно, в ином, нефилософском контексте. Так, буддизм развивал подобные представления в одном из своих основных тезисах о «растворимости всех существ»¹². Однако подобные теории были лишь исключениями, и такие революции против традиционного мировоззрения, случавшиеся время от времени в течение всего периода Кали-юги, не имели дальнейшего распространения. Новым же и беспрецедентным является то всеобщее приятие этих идей, которое мы наблюдаем на современном Западе.

Следует также заметить, что под влиянием новейшей идеи «прогресса» «философия становления» приобрела сегодня форму теории, вообще никогда не встречавшейся у древних. Эта форма со всеми ее возможными вариациями

может быть названа общим термином — «эволюционизм». Мы не будем повторять здесь то, что уже сказали по этому поводу в другом месте. Следует лишь напомнить, что всякая концепция, признающая только мир «становления», с необходимостью является «натуралистической» концепцией и, как таковая, предполагает отрицание всего того, что лежит по ту сторону природы, то есть всей сферы метафизики, сферы неизменных и вечных Принципов. Говоря об антиметафизических теориях, мы должны также указать на то, что идея Бергсона о «чистой длительности» точно соответствует той идее рассеивания в предельной преходящести, мгновенности, спонтанности, о которой мы упоминали ранее. И его псевдоинтуиция, смоделированная в соответствии с нескончаемым потоком чувственных вещей, не только не может быть инструментом для приобретения какого-то знания, но представляет собой на самом деле растворение всякого возможного знания.

Это заставляет нас еще раз повторить то, что во всем этом является самым существенным и в чем не должно оставаться ни малейшей двусмысленности: интеллектуальная интуиция, благодаря которой только и возможно достижение истинно метафизического знания, не имеет абсолютно ничего общего с интуицией, разбираемой некоторыми современными философами. Их интуиция принадлежит к чувственной сфере, к сфере подрассудочной, субрациональной, тогда как интеллектуальная интуиция, являясь чистым интеллектом, сверхрассудочна, супрарациональна. Но современные люди Запада, не зная в сфере мышления никаких более высоких категорий, чем рассудок, «рацио», даже не подозревают о существовании этой интеллектуальной интуиции, тогда как античные и средневековые доктрины, даже узко философского характера (а значит, не способные до конца овладеть этой интуицией), тем не менее, открыто признают ее существование и ее превосходство надо всеми остальными качествами. Вот почему до Декарта никогда не существовало рационализма, так как рационализм есть явление сугубо современное, и помимо всего прочего, тесно связанное с индивидуализмом, отрицающим любые качества сверхиндивидуального порядка. Пока люди Запада будут пребывать в неведении относительно интеллектуальной интуиции и упорствовать в ее отрицании, у них никогда не будет Традиции в полном смысле этого слова, и они никогда

не смогут достичь взаимопонимания с подлинными представителями восточных цивилизаций, в которых все непосредственно основывается на этой интуиции, неизменной и непреходящей в самой себе и служащей отправной точкой для всякого действия, происходящего в полном согласии с традиционными нормами.

Глава 4

НАУКА САКРАЛЬНАЯ И НАУКА ПРОФАНИЧЕСКАЯ

Выше мы показали, что в традиционных цивилизациях в основе всего лежит интеллектуальная интуиция. Иными словами, в таких цивилизациях самым существенным является чисто метафизическая доктрина, а все остальное происходит из нее либо как прямое следствие, либо как вторичное приложение к тому или иному частному уровню реальности. Это справедливо не только в отношении социальных институтов, но и в отношении наук, то есть тех форм знания, которые принадлежат сфере относительного и которые в традиционных цивилизациях рассматриваются как продолжение или отражение знания абсолютного и принципиального. Таким образом, истинная иерархия сохраняется там везде и во всем. Все относительное, в свою очередь, отнюдь не считается чем-то несуществующим (это было бы откровенным абсурдом) и учитывается в той мере, в какой это необходимо. Однако при этом оно ставится на надлежащее место, то есть рассматривается как нечто сугубо второстепенное и подчиненное. И в самой этой области относительного существуют различные степени реальности, определяющиеся тем, насколько далеко от сферы Высших Принципов располагается та или иная вещь.

Итак, в отношении науки мы имеем два радикально различных и несовместимых друг с другом подхода, две противоположные концепции, которые можно назвать соответственно, традиционной концепцией и концепцией сугубо современной. Мы уже имели случай упомянуть о «традиционных науках», которые существовали в античности и в средние века и которые продолжают существовать на Востоке еще и сегодня, хотя современным западным людям подобный факт чаще всего неизвестен. Следует добавить, что каждая традиционная цивилизация имела свои особые разновидности традиционных наук, и этот факт объясняется тем, что здесь мы имеем дело не с универсальными принци-

нами, как в случае чистой метафизики, а с их частными применениями. Поскольку вся данная область по определению является обусловленной, следует всегда принимать в расчет всю совокупность конкретных обстоятельств, связанных с особенностями мышления и другими особенностями каждого конкретного народа, а кроме того — специфику циклического периода истории этого народа. Как мы уже видели выше, иногда для исправлению этих обстоятельств необходимо определенное внешнее вмешательство. Подобное вмешательство, впрочем, изменяет только внешние формы и не затрагивает сущности традиции: в случае с метафизической доктриной модификации может быть подвергнута только специфическая форма ее выражения, что можно было бы уподобить ее переводу с одного языка на другой. Какой бы ни была эта специфика выражения, следует сказать, что существует только одна единственная метафизика, равно как и одна единственная истина. Но все меняется, когда мы переходим в сферу приложений метафизических принципов: во всем, что касается науки, а также социальных институтов, мы находимся уже в мире множества и многообразия форм. Эти различные формы выражения единой истины и составляют основу различных традиционных наук, даже в том случае, если некоторые из этих наук имеют один и тот же предмет. Логика утверждает, что наука полностью определяется предметом своего изучения, но эта чрезмерно упрощенная точка зрения является неадекватной. Сама позиция, с которой предмет изучается, также довольно значительно влияет на определение сущности науки. Число возможных наук не имеет предела, и науки, изучающие один и тот же предмет с различных точек зрения, используют подчас настолько различные методы, что в действительности их необходимо выделять в совершенно отдельные категории. Особенно это касается сходных традиционных наук различных цивилизаций, которые, несмотря на близость, не могут быть полностью отождествлены друг с другом и поэтому названы одним и тем же именем. Но еще неизмеримо дальше, чем далекие друг от друга традиционные науки, имеющие все же, по меньшей мере, фундаментально единый характер, отстоят традиционные науки, взятые в целом, от того, что принято считать науками в современном мире. Уже при самом поверхностном подходе становится очевидным, что один и тот же предмет

изучения в обоих случаях рассматривается, исходя из совершенно различных предпосылок. А при ближайшем анализе между такими науками невозможно найти вообще ни одной общей черты.

Было бы весьма уместно пояснить наши идеи несколькими примерами. Начнем с наиболее общей дисциплины — «физики» и покажем, как ее понимали древние и как ее понимают современные люди. Огромная разница очевидна здесь даже в том случае, если мы останемся в границах западного мира. Термин «физика» в его изначальном и этимологическом смысле значит дословно «наука о природе». Эта наука занимается наиболее общими законами «становления», так как «становление» и «природа» — синонимы, и именно так греки, и в частности Аристотель, понимали эту науку. Более специализированные науки, исследующие эту же сферу реальности, являются «спецификациями» физики применительно к той или иной более узкой области. Уже здесь заметно извращение смысла слова «физика» в современном мире, так как сегодня оно означает лишь одну частную науку среди многих других, которые, в свою очередь, также являются науками о природе. В этом можно увидеть ярчайший пример дробления, вообще характерного для современной науки: «специализация», порожденная аналитическим складом ума, дошла до такой степени, когда люди, испытавшие на себе ее влияние, уже не способны более даже представить себе науку, занимающуюся всей природой как таковой. Определенные неудобства, связанные с этой специализацией, часто привлекают к себе внимание, поскольку она неизбежно в качестве следствия влечет за собой узость воззрений. Но даже те, кто подмечают это обстоятельство, тем не менее соглашаются принять его как неизбежное зло, порожденное таким накоплением детального знания, что усвоить его целиком не представляется возможным. С одной стороны, им не приходит в голову, что детальное знание само по себе не имеет никакой ценности и никак не оправдывает отказ от того синтетического знания, которое должно было бы сложиться на его основе, так как, оставаясь ограниченным сферой относительного, синтетического знания, тем не менее, стоит значительно выше знания простых фактов и деталей. С другой стороны, от них ускользает то обстоятельство, что сама невозможность объединить множество деталей и фактов проистекает из упорного

нежелания сводить их к высшему принципу и из настойчивого стремления начинать всякое исследование снизу и извне, тогда как для придания науке подлинной умозрительной ценности совершенно необходимо использовать прямо противоположный подход.

Если сравнить античную физику с современной, но не как с наукой, известной современным людям под этим именем, а как со всей совокупностью естественных наук (а именно это и является приблизительным эквивалентом физики античной), сразу бросится в глаза, до какой степени она подверглась дроблению на множество «специальных наук», довольно далеко отстоящих друг от друга. Однако это лишь наиболее внешняя сторона вещей, и не следует рассчитывать, что, объединив между собой все эти отдельные науки, можно получить некий действительный аналог античной физики. На самом деле в этих двух случаях различие, в сущности, состоит в глубочайшем расхождении между двумя подходами, о которых мы говорили выше. Традиционный подход обязательно возводит все науки к принципам, частными приложениями которых они и являются. Но именно от подобного возведения категорически отказывается подход современный. Для Аристотеля физика по отношению к метафизике была вторичной, а значит, зависела от метафизики и являлась применением к сфере природы принципов, стоявших над природой и лишь отражавшихся в ее законах. То же самое можно было бы сказать и о средневековой космологии. Современный подход, напротив, стремится утвердить независимость наук от чего бы то ни было, отрицая все, что выходит за их пределы, или по меньшей мере, объявляя это «запредельное» «непознаваемым», а значит, отказываясь на деле с ним считаться. Подобное отрицание существовало на практике задолго до того, как его попытались оформить в систематизированную теорию под именем «позитивизма» и «агностицизма», и можно сказать, что оно было отправной точкой всей современной науки. И однако лишь в 19-м столетии люди открыто начали кичиться своим невежеством (так как называть себя «агностиком» это все равно что открыто провозглашать себя «невеждой»), и более того, отказывать другим в возможности обладания знанием, пути к которому для них самих оказались закрытыми. И это было еще одним признаком прогрессирующей интеллектуальной деградации Запада.

Стремление полностью оторвать науку от каких бы то ни было высших принципов под предлогом гарантий ее независимости, свойственное для сугубо современного подхода, лишает эту науку всякого глубокого смысла и даже всякого интереса, с точки зрения познания. Это может привести только к полному тупику, к заключению науки в безнадежно зауженной сфере¹³. Кроме того, всякое развитие в сфере такой науки отнюдь не ведет к углублению знаний, как это иногда полагают. Напротив, оно остается чисто поверхностным и сводится лишь к упомянутому нами растворению в деталях или к громоздкому, но бесплодному аналитизму, занятию которым можно продолжать сколь угодно долго без того, чтобы хотя бы на шаг приблизиться к истине. Надо добавить также, что западные люди, как правило, занимаются так называемой наукой отнюдь не ради нее самой: их основной целью является не чистое знание, какого бы низкого уровня оно ни было, но лишь возможность практического использования, в чем можно убедиться, судя по той легкости, с какой наши современники объединяют науку с промышленностью, а также по распространенной среди большинства привычке делать из инженера типичного представителя науки. Но это уже связано с другим вопросом, который мы разберем несколько позже.

В своем актуальном виде наука потеряла не только всякую глубину, но и всякую стабильность. Будучи ранее соединенной с принципами, наука разделяла с ними их неизменность в той мере, в какой это позволял изучаемый ею предмет. Сегодня, будучи оторванной от принципов и занимаясь исключительно постоянно изменяющимся миром, она не может более найти в себе никакой твердой опоры, никакого стабильного основания. Если прежде она покоилась на абсолютной уверенности, то сегодня она имеет дело лишь с возможными и приблизительными, чисто гипотетическими конструкциями — продуктами обыкновенной индивидуальной фантазии. Более того, если современная наука, следуя своими окольными путями, и приходит к согласию в том или ином пункте с доктринами древних традиционных учений, совершенно не верно было бы рассматривать это согласие как знак подтверждения современной наукой этих традиционных учений, так как последние ни в чем подобном не нуждаются. И совершенно тщетными являются любые попытки примирить между собой эти различные

точки зрения или установить соответствия между концепциями традиции и чисто гипотетическими теориями, имеющими все шансы быть дискредитированными в самом недалеком будущем¹⁴. В рамках современной науки любое утверждение остается чисто гипотетическим, тогда как постулаты наук традиционных, проистекая в качестве безусловных следствий из истин метафизического порядка, постигаемых при помощи интеллектуальной интуиции, а значит, строго и однозначно, обладают совершенно иным, абсолютно достоверным характером¹⁵.

Современная страсть к экспериментам порождает иллюзию, что теорию можно доказать с помощью фактов, тогда как на самом деле одни и те же факты можно легко объяснить с помощью самых различных теорий, и даже такие ярые поборники экспериментальных методов, как Клод Бернар и т. д., сами признают, что факты могут быть интерпретированы только с помощью заранее составленных представлений, без которых они вынуждены оставаться «грубыми фактами», лишенными всякого смысла и всякой научной ценности.

Раз мы уже заговорили об «экспериментализме», следует использовать эту возможность для ответа на один возникающий в этой связи вопрос: почему экспериментальные науки получили столь широкое развитие именно в современной цивилизации, а не в каких-либо других? Причина этого кроется в том, что эти науки связаны с миром чувственного восприятия, с миром материи, и особенно предрасположены к его чисто практическому использованию. Их развитие, идущее рука об руку с тем, что можно назвать «суеверием фактов», точно соответствует сугубо современным тенденциям, тогда как в предшествующие эпохи не было заинтересованности в подобных занятиях до такой степени, чтобы ради них отказаться от знаний высшего порядка. Следует заметить, что в принципе ни один вид знания, даже самый низший, сам по себе не может рассматриваться как нечто неправомерное. Неправомерным является лишь злоупотребление занятиями второстепенными видами наук в ущерб основным и принципиальным областям знания и такое развитие этих второстепенных наук, которое способно подчинить себе все виды человеческой деятельности, а именно это и происходит сегодня. Теоретически и в нормальной цивилизации можно допустить существование наук, основыва-

вающихся на экспериментальных методах, но при этом так же, как и все другие науки, сохраняющих связь с принципами и потому обладающих реальной умозрительной ценностью. Мы не видим этому реальных примеров лишь потому, что основное внимание уделяется там иным проблемам, и даже если речь идет об исследованиях чувственного мира (в той степени, в какой это может представлять действительный интерес), учения традиции позволяют осуществить их гораздо успешнее с помощью иных методов и иных подходов.

Выше мы отметили, что одной из характеристик современной эпохи является использование всех тех вещей, которые ранее вообще отбрасывались, считаясь совершенно не важными и поэтому не заслуживающими того, чтобы расходовать на них время и энергию людей. Но и эти вещи перед концом цикла должны быть реализованы, так как и они имеют свое место среди всего комплекса возможностей, заложенных в самом цикле. Так обстоит дело и с экспериментальными науками, зародившимися в последние столетия. Существует ряд современных наук, в полном смысле слова являющихся «останками» древних наук, истинное понимание которых давно утрачено. В период упадка этих наук их низшие стороны отделялись от всего остального, и, подвергшись грубой материализации, становились точкой отсчета для развития в совершенно другом направлении, соответствующем сугубо современным тенденциям. Так возникали новые науки, потерявшие какую бы то ни было связь с предшествующими. Совершенно неверно, к примеру, рассматривать астрологию и алхимию как науки, развившиеся постепенно в современную астрономию и современную химию, хотя, с чисто исторической точки зрения, доля правды в этом есть. Эта доля правды сводится к тому, что эти современные науки вышли из предшествующих им наук не в ходе «эволюции» или «прогресса», но, наоборот, в результате глубокого вырождения последних. Следует остановиться на этом подробнее.

Прежде всего следует заметить, что наделение различными значениями слов «астрология» и «астрономия» началось сравнительно недавно. Древние греки использовали оба этих термина для обозначения некоей единой области, позднее превратившейся в объект изучения двух наук — астрологии и астрономии. Здесь мы вновь сталкиваемся с воз-

никшим в результате специализации разделением одной и той же науки на несколько частей,— в данном случае с той лишь разницей, что одна из частей, представляющая наиболее материальную сторону этой науки, получила независимое развитие, а другая, напротив, совершенно исчезла. И действительно, сегодня никто более не знает, чем на самом деле была древняя астрология, и все попытки возродить эту науку привели пока лишь к созданию явной пародии на нее. Сегодня некоторые стремятся даже превратить астрологию в сугубо современную экспериментальную науку, основанную на статистике и исчислении вероятностей, то есть использующую методы, абсолютно не свойственные и глубоко чуждые духу Античности и Средневековья. Другие готовы ограничиться лишь возрождением «гадательного искусства», которое действительно существовало ранее, но являлось при этом уже извращением астрологии, ее упадком или, в лучшем случае, самым заниженным и не заслуживающим никакого серьезного внимания применением ее методов (такое пренебрежительное отношение к подобному использованию астрологических методов можно увидеть в цивилизациях Востока и сегодня).

Случай химии, быть может, является еще более показательным и характерным. Современное невежество в отношении алхимии ничуть не уступает невежеству в отношении астрологии. Истинная алхимия была наукой существенно космологического порядка, применимой, впрочем, и к человеческому уровню по принципу аналогии, существующей между «макрокосмом» и «микрокосмом». Кроме того, алхимия была изначально предрасположена к перенесению ее учений и на чисто духовный уровень, и это сообщало ей еще более высокий смысл и делало ее одной из наиболее типичных и совершенных традиционных наук. Современная химия, не имеющая ни малейшего отношения к этой науке, развилась отнюдь не из нее. Химия — это лишь результат разложения и извращения алхимии, начавшихся только в средние века благодаря полной некомпетентности определенных ученых, не способных постичь истинное значение символов и воспринявших алхимические доктрины буквально. Посчитав, что речь идет только о материальных операциях, эти люди занялись более или менее хаотическим экспериментаторством. Именно подобные персонажи, которых истинные алхимики иронически назы-

вали «суфлерами» («раздувателями») или «прожигателями угля», и были подлинными предшественниками современными химиков. Таким образом, вся современная наука основана на руинах более древних наук, на останках, отторгнутых ими и оставленных в распоряжение невежд и «профанов». Добавим, что так называемые «современные реставраторы алхимии» суть не более чем продолжатели того же самого извращения, которое началось еще в средние века, и их искания так же далеки от сферы истинно традиционной алхимии, как современные астрологи далеки от астрологов древности. Вот почему мы с полным основанием можем утверждать, что сегодня традиционные науки Запада действительно совершенно утрачены современными людьми.

Мы ограничимся этими двумя примерами, хотя нетрудно было бы привести и множество других из разных областей науки, повсюду вскрывающих признаки того же самого вырождения. Можно было бы показать, что психология в ее сегодняшнем понимании, то есть наука, изучающая специфически ментальные феномены, является естественным продуктом англосаксонского эмпиризма и предрассудков 18-го века. Сама сфера исследований этой науки представлялась для Древнего мира столь незначительной, что, даже если там иногда и принимались во внимание некоторые аспекты психологического уровня, никому и в голову не приходило основывать на этом специальную науку, так как все теоретические элементы, имеющие там какую бы то ни было ценность, содержались в доктринах несравнимо более высокого порядка. Так же легко было бы показать, что современная математика является лишь внешней оболочкой, «экзотерической» стороной пифагорейской математики. Древняя идея числа стала совершенно непонятной современным людям, поскольку и здесь высшие аспекты науки, придававшие ей истинно традиционный характер и вместе с тем подлинно интеллектуальную ценность, полностью исчезли. Этот случай сопоставим со случаем астрологии. Перечислять все подобные примеры было бы довольно утомительным занятием, и мы считаем, что сказали достаточно для того, чтобы ясно показать сущностный характер трансформаций, лежащих в основе современных наук и представляющих собой процессы, прямо противоположные так называемому «прогрессу» и даже, напротив, предполагающие глубочайший интеллектуальный регресс. Теперь же мы об-

ратимся к соображениям более общего порядка, касающимся истинной цели традиционных и современных наук, чтобы показать до какой степени в обоих случаях эти цели различны.

Согласно традиции, всякая наука представляет интерес не столько сама по себе, сколько как продолжение или вторичное приложение доктрины, чья наиболее существенная часть относится к области метафизики¹⁶. Хотя каждая наука остается правомочной, пока она занимает надлежащее место в иерархии знаний в соответствии с ее внутренней природой, легко понять, что для обладателя знания высшего порядка знание низшего порядка не может представлять особого интереса. Такое знание низшего порядка ценно лишь в качестве «функции» от высшего знания, то есть лишь в той степени, в которой оно может отражать высшее знание в конкретной обусловленной сфере или служить путем к нему. При этом само высшее знание никогда не должно исчезать из виду или приноситься в жертву каким бы то ни было случайным обстоятельствам.

Традиционные науки выполняют две взаимодополняющие функции. С одной стороны, выступая в качестве конкретного приложения доктрины, они позволяют связать между собой различные уровни реальности и привести их к единству в универсальном синтезе; с другой — они являются (по крайней мере, для определенного типа людей с соответствующими индивидуальными наклонностями) своего рода подготовительным этапом для получения высшего знания и путем к нему. При этом, согласно их иерархическому расположению на соответствующих уровнях реальности, эти науки образуют ступени, по которым можно подняться к высшему уровню чистой духовности, чистого интеллекта¹⁷. Совершенно очевидно, что современная наука ни в коей мере не может служить подобным целям. Поэтому все ее разновидности суть не более чем «профанические науки», тогда как науки традиционные, благодаря их связи с метафизическими принципами, действительно составляют единую «священную науку» — «науку сакральную».

Сосуществование двух функций сакральных наук не содержит в себе никакого противоречия или порочного круга, как это могло бы показаться при поверхностном подходе к данной проблеме. Тем не менее данный вопрос нуждается в дополнительном исследовании. Эту проблему можно прояснить, указав на существование двух различных подходов,

один из которых может быть назван «восходящим», другой — «нисходящим». Первый подход предполагает развертывание процесса познания, отправляясь от самих принципов, путем постепенного удаления от них в сторону все более частных и конкретных уровней реальности. Второй подход ориентирован на постепенное приобретение знаний, на движение от низшего уровня к высшему или от внешнего к внутреннему. Поэтому вообще не следует задаваться вопросами, надо ли двигаться сверху вниз или снизу вверх, должна ли наука основываться на знании принципов или на знании чувственного мира, так как подобные противопоставления вообще не имеют смысла. Данная дилемма могла возникнуть лишь в контексте «профанической философии», где она впервые в ярко выраженном виде проявилась у древних греков. Однако такой дилеммы не существует в «сакральной науке», основывающейся исключительно на универсальных принципах. Причина этого состоит в том, что «сакральная наука» исходит из фактора интеллектуальной интуиции, которая является самой непосредственной и самой высшей формой знания, так как совершенно не зависит от каких-либо видов чувственного восприятия, равно как и от сугубо рационального мышления. Чтобы быть действительно сакральными, науки должны создаваться лишь тем, кто обладает знанием принципов в полной мере и кто тем самым уполномочен применять эти принципы к конкретным временным и пространственным обстоятельствам в строгом соответствии с традиционной ортодоксией. Но когда подобные науки уже разработаны в соответствии с этими нормами, их изучение может проходить и в обратном порядке. В этом случае они служат как бы «иллюстрациями» чистой доктрины, которую делают более понятной людям определенного типа мышления. Уже тот факт, что сакральные науки принадлежат к миру множественности, предполагает в них неопределенно большое количество разных подходов, соответствующих различным врожденным индивидуальным предрасположенностям существ, ограниченных этим миром множественности. Пути, ведущие к знанию, могут быть чрезвычайно различны на низших уровнях реальности, но они все более и более сближаются друг с другом при достижении высших уровней. Однако это не означает, что все промежуточные уровни совершенно необходимы, так как они суть не что иное, как обусловленные методы, не имеющие общей меры с конечной целью. Определенные

люди, в которых тенденция к умозрению преобладает, могут непосредственно достичь уровня интеллектуальной интуиции, не прибегая к подобным средствам¹⁸.

Но они являются исключениями, и в обычном случае следует признать необходимость постепенного подъема от уровня к уровню. Эту проблему можно проиллюстрировать с помощью традиционного символа «космического колеса»: окружность реальна только благодаря ее центру, но существа, находящиеся на этой окружности, должны начинать именно с нее самой, а еще точнее, с той точки, в которой они пребывают в данный момент, чтобы затем последовать к центру по радиусу. Более того, благодаря закону соответствий, существующих между всеми уровнями реальности, истины низшего порядка могут быть рассмотрены как символы истин высшего порядка и служить «опорами» для понимания самих этих высших истин. Вот почему любая наука может стать сакральной, приобретя высшее, «анагогическое» значение — более глубокое, нежели то, которая она имеет сама по себе¹⁹.

Как мы уже отмечали, каждая наука, независимо от того, какой предмет она изучает, может стать сакральной при том условии, что она устроена и практикуется в согласии с нормами традиции. Следует, однако, всегда учитывать соотношение между теми или иными науками, связанное с иерархическим статусом тех уровней реальности, которые эти науки изучают. Но к какому бы уровню реальности они ни относились, и их характер, и их функции всегда в своей сути сопряжены с соответствующими традиционными доктринами. То же самое можно сказать не только о науках, но и о различных видах искусств, так как каждый традиционный вид искусства имеет истинно символическую ценность, позволяющую ему служить «опорой» для медитации, поскольку каноны в искусстве, подобно законам в науках, являются отражениями и адаптациями определенных метафизических принципов. Поэтому в каждой нормальной цивилизации существовали «традиционные», «сакральные» искусства, о которых современный Запад не имеет ни малейшего представления так же, как и о традиционных, сакральных науках²⁰. На самом деле, всецело «профанической сферы», которую можно было бы с полным основанием противопоставить «сфере сакрального», вообще не существует. Существуют лишь «профаническая позиция», «профаническая точка зрения», «профанический подход», которые

тождественны чистому невежеству и отсутствию каких бы то ни было истинных знаний²¹. Это объясняет, в частности, причину частого использования астрономического символизма в различных традиционных учениях, и это замечание позволяет понять истинный смысл древней астрологии.

По этой причине современная «профаническая наука» может быть с полным основанием названа «невежественным знанием», знанием низжайшего порядка, ограниченным низжайшим уровнем реальности при полном неведении относительно того, что лежит по ту сторону этого уровня. У этой науки нет никакой высшей цели и никакого высшего принципа, которые были бы достаточным основанием для того, чтобы отвести ей пусть самое скромное, но законное место в общем комплексе подлинного знания. Безнадежно замкнувшаяся в относительной и узкой области, в которой она стремится объявить себя независимой, и поэтому обрывающая все связи с трансцендентной истиной и высшим знанием, эта наука есть лишь пустое и иллюзорное псевдознание, никуда не ведущее и ни на чем не основанное.

Этот обзор показывает, какова степень падения современного мира в области науки, и делает очевидным тот факт, что сама эта наука, которой так гордятся наши современники, есть не что иное, как извращение и вырождение подлинной науки, коей является для нас наука традиционная и сакральная. Современная наука, возникшая из неправомерного ограничения всей сферы знания одной лишь узкой областью (причем областью самой низшей среди всех уровней реальности, областью материальной и чувственной), потеряла в результате такого ограничения и его логически неизбежных последствий всякую интеллектуальную ценность. Следует еще раз напомнить, что понятие «интеллектуальный» здесь, как и везде в традиционных текстах, надо понимать в его наиболее глубинном и истинном смысле, вопреки рационалистскому предубеждению, отождествившему чистый интеллект с рассудком и отрицающему тем самым интеллектуальную интуицию. Корень данного заблуждения, равно как и многих других современных предрассудков, совпадает с причиной описанного нами выше вырождения науки: он может быть определен одним словом — «индивидуализм», то есть подход, целиком тождественный наиболее общей форме антитрадиционного подхо-

да в целом. Именно проявления индивидуализма в самых различных областях и составляют важнейший фактор того хаотического состояния, которое свойственно нашей эпохе. Поэтому сейчас мы и перейдем к более подробному рассмотрению индивидуализма.

Глава 5

ИНДИВИДУАЛИЗМ

Под индивидуализмом мы понимаем отрицание всякого принципа, превышающего уровень человеческой индивидуальности, а также логически вытекающее из этого сведение всех компонентов цивилизации к чисто человеческим элементам. В сущности, как мы уже видели, индивидуализм тождественен тому, что в эпоху Возрождения получило название «гуманизма». Индивидуализм является также одной из характернейших черт того, что было описано нами выше как «профаническое мировоззрение» («профаническая точка зрения»). Можно сказать, что «индивидуализм», «гуманизм» и «профанизм» — это разные наименования одного и того же феномена, и мы уже продемонстрировали, что «профаническое мировоззрение» есть, в сущности, мировоззрение антитрадиционное и что именно это мировоззрение лежит в основе всех специфически современных тенденций. Однако подчеркивание сугубой «современности», «модернистичности» этих тенденций отнюдь не означает, что они не имели ранее никаких прецедентов. Отдельные черты «современного мировоззрения» частично проявлялись и в другие периоды истории. Однако тогда они представляли собой лишь немногочисленные эпизоды, лежащие к тому же вне основной линии развития цивилизации, не говоря уже о том, что им никогда не удавалось полностью перевернуть и подчинить себе традиционную структуру цивилизации в целом, как это произошло на современном Западе. Специфически современным и беспрецедентным является возведение целой цивилизации на чисто негативных основаниях, на абсолютном отсутствии высшего Принципа. Именно эта всеобщность отрицания придает современному миру совершенно ненормальный характер, делает его воистину чудовищным и понятным только в свете тех соображений относительно конца определенного циклического периода, которые мы привели в начале этого труда. Определя-

емый таким образом индивидуализм можно рассматривать как главную причину настоящего упадка Запада, поскольку он тождественен развитию исключительно низших возможностей человечества, возможностей, не требующих для своей актуализации никакого вмешательства сверхчеловеческого элемента и, более того, способных свободно реализоваться лишь при полном отсутствии такого сверхчеловеческого элемента, так как эти низшие возможности суть полная противоположность всякой духовности и всякому подлинному интеллекту.

В первую очередь, индивидуализм предполагает полное отрицание интеллектуальной интуиции, так как она является однозначно сверхиндивидуальным качеством, а также отрицание метафизического знания (в подлинном смысле этого слова), образующего сферу, к которой эта интуиция обращена. Следует заметить, что все то, в отношении чего современные философы используют термины «метафизика» и «метафизический» (разумеется, если подобные термины еще вообще используются), не имеет к истинной метафизике ни малейшего отношения и чаще всего представляет из себя совокупность рассудочных структур или чисто имажинативных гипотез, то есть исключительно индивидуальных концепций, кроме того, как правило, относящихся к области «физики», или, иными словами, природы. Даже в тех случаях, когда поставленный вопрос может действительно иметь отношение к истинам метафизического порядка, сам способ его постановки и решения сводит проблему к псевдометафизике, закрывая тем самым возможность получения полноценного и адекватного результата. Кроме того, иногда складывается впечатление, что философы намного больше заинтересованы в постановке проблем, пусть даже совершенно искусственных и иллюзорных, нежели в их разрешении; и это один из примеров смутной любви современных людей к исследованию ради исследования, то есть к предельно и заведомо тщетной активности, к бессмысленному ажиотажу на всех душевных и физических планах. Следует также обратить внимание на стремление философов любой ценой дать свое имя какой-нибудь «системе», то есть узко ограниченной и строго определенной совокупности взглядов, являющихся исключительно порождением их собственного разума. Отсюда возникает стремление быть оригинальным во что бы то ни стало, даже если

для этого пришлось бы пожертвовать истиной. Имя философа становится популярным по мере того, как он придумывает новую ложь, а не по мере того, как он повторяет старую, уже высказанную другими, истину. Эта же форма индивидуализма, порождающая множество противоборствующих «систем» (противопоставленных друг другу даже в том случае, если в рациональном содержании обоих объективно не содержится никаких противоречий), встречается также среди современных ученых и деятелей искусства. Однако именно в философии порожденная индивидуализмом интеллектуальная анархия наиболее очевидна и показательна.

В традиционной цивилизации почти невозможна ситуация, в которой человек приписывал бы ту или иную идею исключительно самому себе. А если бы все же кому-нибудь пришло в голову совершить нечто подобное, его авторитет тут же упал бы и доверие к нему было бы полностью подорвано — при том, что сама подобная идея была бы расценена как бессмысленная фантазия. Если идея истинна, она принадлежит всем, кто способен ее постичь. Если она ложна, то ее изобретение не может представлять никакой ценности и вера в нее не будет иметь никакого смысла. Истинная идея не может быть «новой», так как истина не является продуктом человеческого разума. Она существует независимо от нас, и все, что мы должны сделать, — это постараться понять ее. Вне такого познания существуют лишь ошибки и заблуждения. Но разве современные люди хотя бы в малейшей степени озабочены истиной? Разве у них осталось еще хотя бы какое-то представление о том, что она из себя представляет? В данном случае, как и во многих других, слова окончательно потеряли всякий смысл, и некоторые современные прагматисты доходят до того, что применяют понятие «истина» ко всему тому, что может быть практически полезным, то есть к тому, что лежит совершенно за пределом интеллектуальной сферы. Впрочем, отрицание истины, равно как и интеллекта, объектом которого является истина, есть закономерное и логическое следствие современного извращения. Но не будем пока делать дальнейших логических выводов; заметим лишь, что именно вышеупомянутый индивидуализм является главным источником особой, хотя и совершенно иллюзорной, значимости так называемых «великих людей». На самом деле свойство «генальности» в профаническом смысле этого слова есть ка-

тегория довольно малозначительная и далеко не достаточная, и это свойство никак не может восполнить собой недостаток подлинного знания.

Раз уж мы заговорили о философии, продемонстрируем несколько ярких примеров проявления индивидуализма в этой области. Для индивидуализма в философии более всего характерно отрицание интеллектуальной интуиции и логически вытекающее из него утверждение превосходства рассудка над всем остальным. Рассудок — это чисто человеческое и относительное качество — рассматривается при этом как высшее проявление интеллекта, а порой и вообще отождествляется с самим интеллектом. В этом заключается основной принцип рационализма, подлинным изобретателем которого был Декарт. Но подобное ограничение интеллекта сферой рассудка — это лишь первый шаг. Сам рассудок постепенно стал рассматриваться в его сугубо практической функции, а утилитарные и прикладные стороны стали постепенно брать верх над тем, что еще сохраняло некоторый умозрительный характер. Да и сам Декарт был уже скорее озабочен прикладными возможностями и практическими выводами, нежели чистой наукой. Более того, индивидуализм всегда с неизбежностью приводит к натурализму, так как все превосходящее природу логически лежит вне досягаемости индивидуума как такового. В сущности, натурализм и отрицание метафизики — это одно и то же. Там, где не признается интеллектуальная интуиция, не может быть никакой метафизики. И если некоторые авторы тщетно настаивают на изобретении некоей «псевдометафизики», то другие, более откровенные, утверждают ее принципиальную невозможность и однозначно становятся на позиции релятивизма в любых его формах — от «критицизма» Канта до позитивизма Опоста Конта. Поскольку рассудок является чем-то весьма относительным и применимым лишь в столь же относительной области, логичным и понятным оказывается то, что естественным результатом рационализма становятся «относительность», релятивизм. Но таким образом рационализм сам по себе логически приходит к самоуничтожению. Дело в том, что «природа» и «становление», как мы указали выше,— это синонимы. Последовательный «натурализм» может являться только «философией становления», специфически современной формой которой служит эволюционизм. Но именно такой подход приводит

в конце концов к отрицанию рационализма, к вскрытию его неадекватности, коль скоро он, с одной стороны, способен разбирать лишь явления, находящиеся в постоянном изменении, в постоянной эволюции, а, с другой, не в состоянии покрыть неопределенно большую и сложную область чувственных объектов. Именно эти доводы приводят при критике рационализма некоторые эволюционистские учения, в частности интуитивизм Бергсона, хотя они и остаются столь же индивидуалистическими и антиметафизическими, как и сам рационализм. Более того, именно засчет критики рационализма интуитивизм пошел еще дальше по пути извращения мышления, обращаясь к такому недо-разумному, инфрарациональному качеству, как смутная и неопределенная чувственная интуиция, более или менее смешанная с воображением, то есть, в конечном счете, к смеси инстинкта с сентиментом. Показательно, что в интуитивизме об «истине» уже не идет и речи. Вопрос ставится только о «реальности», причем сведенной исключительно к ее низшему чувственному уровню и понимаемой как нечто, находящееся в перманентном движении и сущностно непостоянное. В подобных теориях вся сфера интеллекта низведена до его нижайшего пласта, вплоть до того, что даже рассудок (рацио) либо вообще исключается, либо допускается как средство, необходимое для обработки материи в промышленных целях. После всего этого до логического конца остается сделать только один шаг — полное и абсолютное отрицание интеллекта и знания как таковых и однозначная замена критерия «истинности» критерием «полезности». Этот шаг делают представители «прагматизма», о которых мы уже упоминали. И здесь мы сталкиваемся уже не просто с чисто человеческой сферой, как в случае с рационализмом; в силу обращения к «подсознательному», знаменующему собой последнюю стадию переворачивания с ног на голову всей нормальной иерархии вещей, мы прямо вступаем в сферу «под-человеческого», «недо-человеческого» в самом прямом смысле этого слова. Вот в общих чертах тот путь, который «профаническая» философия, представленная самой себе и претендующая на ограничение всей области знания своими узкими горизонтами, с логической необходимостью вынуждена проделать, и мы видим, что именно это и происходит в настоящее время. Если бы наряду с чисто человеческой философией существовало знание более

высокого порядка, такого ограничения всей сферы знаний узко индивидуалистическими рамками не произошло бы, поскольку в таком случае философия вынуждена была бы, по меньшей мере, уважать то, что она не в силах постичь, но реальность чего она не в состоянии опровергнуть. Но когда это высшее знание исчезает, отрицание такого знания постфактум возводится в теорию, становясь отрицательным фундаментом мировоззрения. Именно это и произошло с современной западной философией, которая целиком и полностью основывается на подобном отрицании.

Однако мы слишком задержались на рассмотрении философии, которой отнюдь не следует уделять столь большого внимания, каковыми бы ни были убеждения большинства наших современников на этот счет. С нашей точки зрения, философия интересна лишь потому, что она с максимальной ясностью отражает основополагающие тенденции, характерные для того или иного циклического периода, а отнюдь не потому, что она эти тенденции порождает. Если же это подчас и происходит и философия на самом деле направляет цивилизационные тенденции в ту или иную сторону, ее роль, тем не менее, всегда вторична и лишь отражает то, что уже сформировалось по совершенно иным законам — по законам иного бытийного уровня. Несмотря на тот очевидный факт, что вся современная философия проистекает из Декарта, его влияние на умонастроение своей эпохи, а позднее и на последующие поколения — причем это влияние распространялось не только на одних лишь чистых философов — не смогло бы стать столь решающим и всеобщим, если бы его концепции с предельной точностью не соответствовали тем тенденциям, которые преобладали среди его современников в целом и которые были унаследованы позднее мыслителями других веков Нового времени. В картезианстве в максимальной степени отразилось специфически современное мировоззрение, и именно через картезианство оно приобрело более ясное, чем прежде, самосознание. Кроме того, если разительные изменения, подобные тем, которые произошли параллельно утверждению картезианства в области философии, обнаруживаются в других областях, как правило, они являются скорее результатами, а отнюдь не начальными точками. Они далеко не так спонтанны, как это иногда кажется, и им предшествуют огромные, хотя и не выходящие на поверхность усилия. Если та-

кой человек, как Декарт, особенно показателен как ярчайший носитель современного извращения, вплоть до того, что, с определенной точки зрения, его можно назвать интеллектуальным воплощением этого извращения, его персонификацией, то это все же не означает, что именно он является его истинным творцом или основоположником. Для того, чтобы добраться до истинных истоков этого извращения, этой общей антитрадиционной тенденции, мы должны углубиться в гораздо более ранние периоды истории. Точно так же можно сказать, что Возрождение и Реформация, которые принято считать первыми крупными проявлениями сугубо современного мировоззрения, не столько положили начало разрыву с истинной Традицией, сколько довершили этот разрыв. С нашей точки зрения, начало этого разрыва следует искать в 14 веке, и именно это время, а не события нескольких последующих столетий, следует принять за подлинное начало «современной эпохи».

Тема разрыва с Традицией нуждается в дальнейшем развитии, так как именно такому разрыву обязан своим существованием сугубо современный мир, и можно сказать, что все характеристики этого мира могут быть сведены к одной — абсолютная противоположность традиционному мировоззрению. Но отрицание традиции и индивидуализм — это одно и то же. В сущности, это вполне согласуется с тем, что мы высказали выше, так как именно интеллектуальная интуиция и метафизическая доктрина связывают всякую традиционную цивилизацию с ее Принципом. Коль скоро этот Принцип отрицается, отрицаются, пусть и неявно, все его следствия, и поэтому логически уничтожается все, что по праву могло бы заслуживать имени «традиция». Мы видели, как этот процесс происходил в области наук. Не будем возвращаться к этой теме и перейдем к другой области, в которой проявления антитрадиционного мировоззрения бросаются в глаза еще в большей степени, так как трансформации, вызванные этими проявлениями, затронули огромные массы обитателей Запада. Во времена Средневековья традиционные науки были достоянием немногочисленной элиты, а некоторые из этих наук, представляя собой эзотеризм в самом полном смысле этого слова, являлись монополией строго закрытых школ. Но существовала также и внешняя часть традиции, доступная всем и каждому. Об этой внешней части мы и хотели бы поговорить. В эту

эпоху традиция на Западе внешне проявлялась в исключительно религиозной форме, в форме католицизма. Поэтому именно религия в первую очередь была затронута революцией против традиционного мировоззрения. Эта революция приняла вполне определенную форму — форму протестантизма. Нетрудно заметить, что протестантизм с очевидностью был проявлением именно индивидуализма, а точнее, индивидуализма в области религии. Протестантизм, как и весь современный мир, основывается на чистом отрицании, на том же самом отрицании Принципа, что и сущностный индивидуализм. И именно в протестантизме мы видим один из ярчайших примеров того состояния анархии и разложения, которые с необходимостью проистекают из всякого отрицания.

Индивидуализм подразумевает отказ от всякого авторитета, превышающего границы индивидуальности, а также отказ от любого знания, превосходящего уровень индивидуального рассудка. Оба этих элемента на самом деле неотделимы друг от друга. Следовательно, современное мировоззрение логически должно отвергать всякий духовный авторитет, относящийся к сверхчеловеческому уровню, а также всякую истинную традиционную организацию, по самой своей природе всегда основывающуюся именно на духовном авторитете, независимо от его конкретной формы, которая естественно варьируется в зависимости от той или иной традиционной цивилизации. Именно это и произошло в случае с протестантизмом. Протестантизм открыто отрицает авторитет той организации, которая ответственна за законную интерпретацию религиозной традиции на Западе, а на ее месте стремится утвердить «свободный критицизм», то есть интерпретацию, полученную на основании частного суждения нередко даже самой невежественной и некомпетентной личности и основывающуюся, кроме всего прочего, на заключениях сугубо человеческого рассудка. В этом случае в области религии случилось нечто подобное тому, что произошло в философии после утверждения в ней рационализма. Дверь отныне была открыта для всяких дискуссий, разнотолков и противоречий. И отсюда вполне закономерный результат: возникновение постоянно растущего количества сект, каждая из которых представляет собой не более чем частное мнение тех или иных отдельно взятых индивидуумов. Так как в подобных условиях невозможно

было прийти к соглашению относительно основной доктрины, она была отставлена в сторону, и второстепенный аспект религии, то есть мораль, вышел на передний план. Отсюда вырождение до уровня морализма, который столь ощутим в современном протестантизме. Таким образом, мы и здесь имеем дело с феноменом, во многом параллельным положению дел в современной философии — с распадом доктрины и потерей религией ее интеллектуальных элементов. От рационализма религия неизбежно должна была опуститься и до сентиментализма, шокирующий пример которого мы видим в англосаксонских странах. То, что осталось в результате всех этих извращений, уже нельзя более назвать религией даже в самой искаженной и ухудшенной форме. Это простая «религиозность», то есть смутное и неосмысленное душевное влечение, не основанное ни на каком подлинном знании. Этой предельной точке религиозного вырождения соответствует «религиозный опыт» Уильяма Джеймса, который доходит до того, что видит в человеческом подсознании средство для вхождения в прямой контакт с божественным миром. На этой стадии финальные продукты религиозного и философского извращения перемешиваются друг с другом, и «религиозный опыт» легко сливается с прагматизмом, во имя которого «ограниченный бог» признается наделенным большими преимуществами по сравнению с бесконечным богом, поскольку «ограниченного бога» можно любить так же чувственно, как возвышенного человека. Одновременно с этим обращение к подсознательному прекрасно сочетается с современным спиритуализмом и всеми теми псевдорелигиями, которые мы разбирали в других работах. Иное направление в развитии протестантизма — протестантский морализм — привело к тому, что, постепенно уничтожив весь доктринальный фундамент, этот морализм превратился в так называемую «светскую мораль», находящую своих приверженцев как во всех разновидностях «либерального протестантизма», так и среди открытых врагов религиозной идеи. В сущности, и те и другие движимы одними и теми же тенденциями, с той лишь разницей, что одни заходят дальше других в логическом развитии содержания, лежащего в основании всех этих тенденций.

Являясь сущностно формой традиции, религия не может не находиться в оппозиции к антитрадиционному мировоз-

зрению, а это антитрадиционное мировоззрение не может, в свою очередь, не быть антирелигиозным. Антитрадиционализм начинается с искажения религии, но всегда заканчивается ее полным уничтожением. Протестантизм в своей основе нелогичен: стремясь любой ценой «очеловечить» религию, он, тем не менее (по крайней мере, теоретически), признает откровение как сверхчеловеческий элемент. Он не осмеливается довести отрицание до его логического конца, но превращая откровение в объект многочисленных дискуссий, всецело основывающихся на чисто человеческих толкованиях, практически сводит это откровение и его ценность на «нет». Наблюдая людей, настаивающих на том, чтобы считаться христианами, но при этом полностью отрицающих божественность Христа, трудно поверить в их искренность, так как подобная позиция куда ближе к чистому отрицанию Христа и Христианства, нежели к какому бы то ни было христианству, что бы при этом ни утверждали сами подобные «христиане». Однако такие противоречия не должны нас удивлять, так как они являются столь же показательным симптомом беспорядка и анархии нашего времени, как и постоянное деление протестантизма на множество сект. Это одно из характерных проявлений прогрессирующей дробности, которая, как мы показали, составляет саму основу современной жизни и современной науки. Кроме того, естественно, что именно протестантизм — за счет оживляющего его духа отрицания, породил тот разрушительный «критицизм», который в руках так называемых «историков религии» превратился в оружие, направленное против религии как таковой, вплоть до того, что протестантское движение, претендующее на признание единственного авторитета — авторитета Святой Библии, — на самом деле весьма поспособствовало разрушению и этого авторитета, то есть того последнего минимума традиции, который остался в распоряжении протестантов.

Здесь нам могут возразить: даже несмотря на то, что протестантизм порвал с католической организацией, разве он не сохранил, в силу признания им авторитета Библии, традиционных доктрин, содержащихся в христианстве? Однако введение тезиса о «свободном критицизме» опровергает это допущение, так как оно открывает возможность для любых индивидуалистических фантазий. Кроме того, сохранность доктрины предполагает организованное традицион-

ное обучение, которое поддерживало бы необходимую традиционную и ортодоксальную интерпретацию, но в западном мире такая система обучения целиком отождествлена с католицизмом. Без сомнения, в других цивилизациях соответствующие функции могут выполняться совершенно отличными по форме организациями, но здесь мы говорим о западной цивилизации и о специфических условиях, характерных только для нее одной. Было бы бессмысленно сожалеть, что в Индии не существует ничего подобного институту папства. Это совершенно иной случай, во-первых, потому, что традиция в Индии приняла полностью отличную от религии Запада форму, а значит, и средства ее передачи с необходимостью должны отличаться от западных. А во-вторых, за счет существенного отличия индуистского мышления от мышления европейского, традиция Индии обладает гораздо более значительной внутренней силой, намного превосходящей возможности западной традиции, которая не может обойтись без строгой и однозначно определенной на внешнем уровне организации с жесткой структурой. Мы уже говорили, что западная традиция, начиная с распространения на Западе Христианства, проявляется исключительно в форме религии. Здесь мы не можем более подробно остановиться на объяснении причин подобного положения дел, что, кроме всего прочего, потребовало бы изложения довольно сложных концепций, необходимых для того, чтобы этот тезис был бы адекватно и всесторонне понят. Тем не менее это является фактом, отрицать который невозможно²². Коль скоро мы признаем этот факт, мы логически будем вынуждены признать все вытекающие из него следствия и, в частности, необходимость организации, соответствующей именно такой сугубо западной традиционной форме.

Совершенно очевидно, и мы показали это выше, что только в католицизме могли сохраниться остатки традиционного духа Запада. Но означает ли это, что католицизм сохранил всю полноту традиции и остался совершенно незатронутым современным духом? Строго говоря, следует признать, что внешняя оболочка традиции сохранилась в целостности, и это само по себе уже очень много. Но, увы, весьма сомнительным представляется то, что глубочайший смысл этой традиции ясно осознается хотя бы самой незначительной в количественном отношении элитой. Если бы это бы-

ло так, само существование такой духовной элиты обязательно проявилось бы в действии или, точнее, в определенном влиянии, но следов этого, к сожалению, сегодня нигде не обнаруживается.

Скорее всего, можно говорить о сохранении традиции в латентном состоянии, то есть в таком, когда остается возможность открыть ее истинный смысл для тех, кто способен сделать это, даже если в настоящее время никто и не осознает в полной мере всей полноты этого смысла. Кроме того и вне религиозной области в западном мире повсюду рассеяны знаки и символы древних традиционных доктрин, которые сохранились несмотря на то, что их понимание полностью утрачено. В подобных случаях для того, чтобы разбудить то, что уснуло, и восстановить потерянное понимание, необходим контакт с живым традиционным духом. И здесь снова следует повторить, что для этой цели, для того, чтобы восстановить знание о своей собственной традиции, Западу обязательно потребуется помощь традиционного Востока. То, о чем здесь идет речь, относится к возможностям, сохраняющимся в латентном, но постоянном и неизменном виде в католицизме. Таким образом, в отношении католицизма влияние современного мировоззрения может лишь помешать и оттянуть — лишь на определенный срок — полное и подлинное понимание католиками некоторых важнейших традиционных истин. Однако можно заметить и более серьезное и глубокое влияние современного мировоззрения на актуальное положение дел в католичестве, если, конечно, вообще можно употребить слова «серьезное» и «глубокое» в отношении того, что является в своей сущности целиком и полностью негативным, пародийным и поверхностным. Здесь мы имеем в виду не столько более или менее строго определенные течения (называемые сегодня «модернизмом»), предпринявшие попытку — к счастью, неудачную — внедрить протестантское мировоззрение в самую Католическую Церковь. Мы, скорее, хотим выделить то смутное состояние сознания, которое за счет этой смутности становится еще более опасным, поскольку те, кто затронут этим состоянием, часто даже не подозревают о его подлинной природе. В наши дни существует множество людей, считающих себя вполне религиозными, но в действительности не являющихся таковыми. Некоторые даже

причисляют себя к «традиционалистам», не имея ни малейшего представления об истинном духе традиции. Все это — еще один симптом интеллектуального хаоса нашей эпохи. То состояние сознания, о котором мы только что упомянули, состоит в бессознательной «минимализации» религии, в отношении к ней как к тому, что должно затрагивать лишь одну определенную сторону человеческого существования, что приемлемо лишь в узко ограниченных конвенциональных рамках. При этом религия ограждается от всех других сторон жизни непреодолимым барьером и не может более оказывать на них хоть сколько-нибудь ощутимого воздействия. Много ли найдется сегодня католиков, чье мышление и поведение в обыденной, повседневной жизни значительно отличались бы от мышления и поведения большинства их неверующих сограждан? Кроме того, у многих верующих нетрудно констатировать полное невежество в отношении доктрин и абсолютное безразличие к ним и всему тому, что к ним относится. Религия для многих современных людей — это всего лишь обряд или обычай, если не сказать простая рутина. Часто такое отношение сопровождается сознательным отказом от всяких попыток как-то разобраться в религии, и подчас это доходит до откровенного утверждения, что религию вообще невозможно понять или что и понимать в ней нечего. На самом деле, разве реально понимающий религию человек мог бы выделять ей такое незначительное место среди всех остальных повседневных забот? Соответственно доктрина частично или полностью забывается или сводится практически к нулю, что низводит католическую практику почти до уровня протестантской концепции. И это вполне логично, так как оба феномена являются продуктами одних и тех же современных тенденций, открыто враждебных всякой интеллектуальности. И особенно печально, что традиционное католическое обучение, которое должно было бы этому активно противостоять, пытаясь изменить это современное состояние сознания, на самом деле с готовностью ему уступает. Все постепенно сводится к вопросам морали, а о доктрине говорится все меньше и меньше, под тем предлогом, что это слишком сложно для понимания. Таким образом, религия превращается в морализм, или, по меньшей мере, никто более не стремится понять, чем же она является на самом деле. Если же подчас

предметом обсуждений и дискуссий становится собственно католическая доктрина, это чаще всего лишь наносит ей ущерб, так как диалог с «противниками» ведется, как правило, на их собственной сугубо «профанической» территории, что изначально предполагает ничем не оправданные уступки сторонникам «профанизма». Паразитерна та легкость, с которой защитники религиозной доктрины соглашаются принимать во внимание результаты современного «критицизма», в то время как, встав на другую, не зависящую от современных предрассудков, точку зрения, нет ничего проще, чем показать полную бессмысленность, несостоятельность и негативность всех этих результатов. Стоит ли удивляться в такой ситуации тому, что мы не видим ни малейших признаков традиционного духа. Да и как в подобных условиях он мог бы сохраниться?

Предпринятое нами отступление, касающееся проявлений индивидуализма в религиозной области, является вполне оправданным, так как оно демонстрирует, что зло гораздо глубже и опаснее, чем это может показаться на первый взгляд. Кроме того это отступление, по сути, имеет отношение к тому же индивидуализму — ведь именно дух индивидуализма повсюду вызывает к жизни разнообразные дискуссии и дебаты. Для наших современников невероятно сложно понять, что существуют вещи, которые по самой своей природе не подлежат обсуждению. Вместо того чтобы попытаться возвысить себя до истины, современный человек претендует на низведение истины до своего собственного уровня. Именно поэтому многие, нисколько не смущаясь, уверены, что, когда им говорят о «традиционных науках» или даже о «чистой метафизике», речь идет всего лишь о «профанической науке» или о «философии». В границах индивидуального мнения дискуссия возможна по любому поводу, так как все остается в рамках рационального, и если не обращаться к высшему принципу, превосходящему уровень рационального, каждая из спорящих сторон всегда может найти более или менее солидные аргументы для защиты своей точки зрения. Часто такая дискуссия может длиться неопределенно долго без того, чтобы прийти к какому-нибудь определенному выводу. Поэтому почти вся современная философия построена на софизмах и безобразно сформулированных высказываниях. Дискуссии отнюдь не проясняют вопрос, как это почему-то принято считать, но, как

правило, лишь затемняют и запутывают его еще больше, и чаще всего в результате дискуссии каждый из участников, стремясь переубедить оппонента, лишь еще более укрепляется в своей собственной точке зрения и как никогда раньше убеждается в своей собственной правоте. Действительным мотивом такой дискуссии служит не желание постичь или выяснить истину, но убедить других в своей собственной правоте, несмотря на возможные нападки, а если это не удастся, по меньшей мере, самому почувствовать себя правым вопреки всему. Неспособность убедить других вызывает, как правило, лишь чувство сожаления, так как стремление к «прозелитизму» — одна из характерных черт современного западного сознания. Иногда индивидуализм в самом низшем и вульгарнейшем смысле этого слова проявляется еще более наглядным образом: например, в стремлении оценить творчество человека, исходя из того, что известно о его личной жизни, хотя между творчеством и личной жизнью могут существовать самые разнообразные и подчас предельно сложные соотношения. Эта же тенденция, усиленная маниакальным желанием знать мельчайшие детали, проявляется в интересе к самым незначительным подробностям жизни «великих людей», а также в совершенно иллюзорной уверенности, что всякое действие этих людей может быть объяснено на основе «психофизиологического» анализа их индивидуальности. Все это должно быть весьма выразительными знаками для тех, кто действительно стремится постигнуть истинную природу современного мышления.

Возвращаясь к привычке приносить дискуссию даже в те области, где она не имеет никаких прав на существование, следует однозначно констатировать, что «апологетическая» установка является чрезвычайно уязвимой позицией, так как это фактор «защиты» в юридическом смысле этого слова. Характерно, что термин «апологетика» этимологически восходит к слову «апология», что означает в юриспруденции адвокатскую жалобу и в сущности тождественно слову «извинение». Та исключительная важность, которая придается сегодня апологетике, является неоспоримым доказательством слабости религиозного духа. Эта слабость особенно усугубляется тогда, когда «апологетика» вырождается до уровня совершенно «профанической» (как по методу, так и по качеству) дискуссии, в которой религия низводится до уровня конвенциональных и предельно гипотети-

ческих философских, научных или псевдонаучных теорий и в которой подчас апологеты религии в «примирительных» целях доходят до того, что до определенных пределов допускают правомочность концепций, выдуманных с единственной целью — уничтожить религию как таковую. Такие апологеты, со своей стороны, представляют неоспоримые доказательства своего полнейшего невежества в отношении истинного содержания той доктрины, более или менее полномочными представителями которой они себя мнят. Тот, кто действительно может с полным основанием говорить от имени традиционной доктрины, не нуждается ни в дискуссиях с «профанами», ни в разнообразных полемиках. Таким людям следует лишь изложить доктрину, как она есть, тем, кто еще способен ее понять, и одновременно разоблачить ошибку и заблуждение, осветив соответствующие места светом подлинного знания. Их функция заключается не в дискредитации доктрины через вовлечение ее в различные профанические споры, а в высказывании суждения, на которое они имеют полное право, коль скоро они действительно сознают неизменные принципы и именно в них черпают свое вдохновение. Сфера полемики — это сфера действия, то есть индивидуальная и временная область. «Недвижимый движитель» порождает и направляет действие, не будучи, однако, вовлеченным в него. Знание освящает действие, не разделяя его необходимые издержки. Духовное управляет временным, не смешиваясь с ним. Таким образом, все остается на своем месте, на своем собственном уровне в пределах универсальной иерархии. Но где в современном мире мы сегодня можем еще встретить идею иерархии? Никто и ничто сегодня не находится на своем надлежащем месте. Люди не признают более никакого подлинно духовного авторитета на собственно духовном уровне и никакой законной власти на уровне временном и «светском». Профаническое считает себя вправе оценивать Сакральное, вплоть до того, что позволяет оспаривать его качество или даже отрицать его вовсе. Низшее судит о высшем, невежество оценивает мудрость, заблуждение господствует над истиной, человеческое вытесняет божественное, земля ставит себя выше Неба, индивидуальное устанавливает меру вещей и претендует на диктовку Вселенной ее законов, целиком и полностью выведенных из относительного и преходящего

рассудка. «Горе вам, слепые поводыри!» — гласит Евангелие. И в самом деле сегодня повсюду мы видим лишь слепых поводырей, ведущих за собой слепое стадо. И совершенно очевидно, что, если эта процессия не будет вовремя остановлена, и те и другие с неизбежностью свалятся в пропасть, где они все вместе безвозвратно погибнут.

Глава 6

СОЦИАЛЬНЫЙ ХАОС

В настоящей работе мы не намерены специально останавливаться на рассмотрении социальной действительности, так как она интересует нас лишь косвенно, представляя собой довольно второстепенную область приложения фундаментальных принципов. Именно за счет этой второстепенности социальный уровень ни в коем случае не может стать той областью, с которой должно начаться исправление актуального положения дел в современном мире. Если бы все же это исправление началось именно с социальной сферы, с исправления следствий, а не причин, оно не имело бы никакого серьезного основания и в конце концов оказалось бы очередной иллюзией. Чисто социальные трансформации никогда не могут привести к установлению истинной стабильности, и если упустить из виду необходимость изначального согласия в отношении основополагающих и абсолютных принципов (запредельных сугубо социальной действительности), в этой области придется всякий раз все начинать заново. Поэтому мы глубоко убеждены, что политический уровень цивилизации есть не что иное, как внешнее, коллективное выражение общепринятого в данный период типа мышления. Тем не менее нам не удастся полностью обойти молчанием те аспекты современного хаоса, которые пропитывают эту социальную сферу.

Как мы уже показали, при существующем положении вещей на Западе никто более не занимает места, свойственного ему в соответствии с его внутренней природой. Именно это имеется в виду, когда говорится об отсутствии в современном мире кастовой системы. Каста в традиционном понимании этого термина есть не что иное, как выражение глубинной индивидуальной природы человека со всем набором особых предрасположенностей, слитых с этой природой и предопределяющих каждого к выполнению тех или иных обязанностей. Но как только выполнение этих обя-

занностей перестает подчиняться строго установленным правилам (основанным на кастовой природе человека), неизбежным следствием этого оказывается такое положение, когда каждый вынужден делать лишь ту работу, которую ему удалось получить, даже в том случае, если человек не испытывает к ней ни малейшего интереса и не имеет никакой внутренней квалификации для ее исполнения. Роль человека в обществе в таких условиях определяется не случайностью, которой вообще не существует²³, но тем, что имеет видимость случайности,— системой самых разнообразных условий и незначительных факторов. При этом единственный имеющий основополагающее и глубинное значение фактор — мы имеем в виду принципиальное различие внутренней природы людей — учитывается менее всех остальных. Именно отрицание этого существеннейшего различия, неминуемо ведущее к отрицанию социальной иерархии в целом, является истинной причиной всего того социального хаоса, который царит сегодня в общественной жизни Запада. Это отрицание изначально не было вполне осознанным и реализовалось скорее на практике, нежели в теории, так как полной отмене каст предшествовало их смешение, или, иными словами, все началось с неверного понимания врожденной индивидуальной природы человека, а закончилось полным забвением самого факта существования такой природы (а также связанного с ней естественного неравенства). Как бы то ни было, это отрицание различия внутренней природы людей было возведено в принцип под именем «равенство». Не составляет никакого труда доказать, что равенство вообще невозможно и что его нигде не существует, хотя бы уже потому, что не может существовать двух совершенно одинаковых и тем не менее совершенно отличных друг от друга существ. Гораздо труднее продемонстрировать различные нелепые последствия этой абсурдной идеи «равенства», во имя которой людям пытаются навязать полное единообразие во всем, в частности, через всеобщее и одинаковое для всех образование, основываясь на совершенно ложной предпосылке, будто все в одинаковой степени способны понять определенные вещи и будто одни и те же методы для объяснения этих вещей годятся для всех без исключения. Однако здесь следует заметить, что в современном образовании речь, как правило, идет отнюдь не о том, чтобы обучающиеся «поняли» те или иные идеи, а о том,

чтобы они «заучили» их. При этом память здесь подменяет собой разум, а само образование, видимое как нечто сугубо вербальное и книжное, согласно современной концепции, имеет своей целью такое накопление рудиментарных и беспорядочных, гетерогенных идей, при котором качество полностью приносится в жертву количеству. Как и во всех остальных областях современного мира, здесь мы имеем дело с распылением и множественностью. Можно было бы долго распространяться о порочности «всеобщего образования», однако мы не можем сделать этого в рамках данной работы. Кроме того, помимо частного применения принципа «равенства» к социальной сфере, существует множество других не менее извращенных и порочных его применений в других сферах; при этом последние настолько многообразны, что даже их простое перечисление является почти невыполнимой задачей.

Сталкиваясь с идеями «равенства» и «прогресса» или с какими-то другими подобными современными догмами, большинство из которых окончательно оформились в 18 веке, мы, естественно, не можем допустить, что они появились спонтанно и самопроизвольно. На самом деле это результаты «гипнотического внушения» в самом прямом смысле этого слова, хотя, конечно, эти идеи никогда не смогли бы серьезно повлиять на общество, не будь оно само в какой-то степени готово к их восприятию. Нельзя сказать, что именно подобные идеи породили современное мировоззрение, но они, без сомнения, весьма способствовали утверждению этого мировоззрения, равно как и его развитию вплоть до достижения им критической стадии, до которой оно никогда не смогло бы прийти без их помощи. Если бы это «внушение» внезапно потеряло свою силу, коллективное человеческое мышление почти сразу изменило бы свое качество и свою ориентацию. Именно поэтому подобное «внушение» бдительно поддерживается теми, кто прямо заинтересован в сохранении современного извращенного состояния цивилизации, особенно теми, кто стремится еще больше извратить его. Не потому ли, несмотря на стремление современных людей превращать все в предмет дискуссии, эти догмы тщательно оберегаются от того, чтобы стать объектами полемики, и считаются бесспорными и абсолютными при полном отсутствии каких бы то ни было логических оснований для этого? Кроме того, не так просто выяс-

нить, до какой степени честны пропагандисты подобных идей и в какой мере эти люди попадают в свою собственную ловушку и, обманывая других, становятся в конце концов жертвами собственной лжи. В подобных случаях именно обманутые и реально поверившие в ложь чаще всего служат наилучшим инструментом для обмана других, так как истинным инициаторам лжи довольно трудно симулировать личную убежденность в правоте заведомо фальшивых идей. И тем не менее у истоков подобного внушения должны стоять вполне сознательные личности, прекрасно отдающие себе отчет в прагматических целях подобных «гипнотических сеансов», а также отлично знающие истинную цену этим идеям. В данном случае мы используем термин «идея» весьма условно, так как совершенно очевидно, что здесь мы сталкиваемся с тем, что не имеет ни малейшего отношения к интеллектуальной области, а значит, строго говоря, не может быть названо «чистой идеей». Это «ложные идеи», или, другими словами, «псевдоидеи», предназначенные, в первую очередь, для пробуждения у людей «сентиментальных реакций» — именно с их помощью легче всего влиять на толпу. В подобных случаях гораздо важнее сами слова, нежели заключенные в них идеи, и большинство идолов современности — это не что иное, как слова. Часто мы даже сталкиваемся с таким удивительным явлением, как «вербализм», сущность которого состоит в том, что само звучание произносимых слов порождает у невежественных слушателей или читателей иллюзию мысли. В этом отношении особенно показательно влияние, оказываемое на толпу ораторами, и, даже не подвергая феномен «вербализма» специальному анализу, легко понять, что речь здесь идет о самом простом и классическом гипнозе.

Но оставим разбор этих сторон нашей темы и вернемся к следствиям, проистекающим из отрицания всякой подлинной иерархии. Заметим, что в настоящее время случаи, когда человек выполняет свойственные его внутренней природе функции, являются исключительными, тогда как в нормальной ситуации исключительным должно являться прямо противоположное. Более того, сегодня часто один и тот же человек выполняет последовательно совершенно различные функции, как если бы он мог менять свои способности по своему желанию. В эпоху предельной «специализации» это должно было бы выглядеть парадоксальным,

но, однако, это факт, особенно часто встречающийся в сфере политики. Несмотря на то, что компетентность так называемых специалистов зачастую является чистой иллюзией или, по меньшей мере, ограничена чрезвычайно узкими рамками, все же большинство людей искренне верит в эту компетентность. В этом случае следует задать вопрос, почему подобная вера в компетентность специалистов не распространяется на политиков и почему полное ее отсутствие у них практически никогда не служит препятствием для их карьеры? При здравом размышлении в этом, в сущности, не окажется ничего удивительного, так как здесь мы имеем дело с естественным результатом демократической концепции, согласно которой власть должна приходить снизу и корениться в большинстве, что с необходимостью предполагает отказ от всякой подлинной компетентности, всегда несущей в себе элемент хотя бы незначительного превосходства, естественно превращающего ее в достояние меньшинства.

Здесь следует, с одной стороны, вскрыть ряд софизмов, лежащих в основании демократической идеи, а с другой — показать связь этой идеи с современным мировоззрением в целом. Едва ли надо специально подчеркивать, что наша собственная точка зрения, лежащая в основе наших суждений и оценок, выше какой бы то ни было партийности и не имеет прямого отношения к актуальным политическим дискуссиям. Мы рассматриваем данные вопросы совершенно объективно, точно так же, как мы рассматривали бы любой другой предмет, стремясь лишь с предельной ясностью обнаружить основания, на которых покоятся те или иные явления. На самом деле для того, чтобы все демократические иллюзии, столь характерные для современных людей, были раз и навсегда рассеяны, необходим именно такой объективный и беспристрастный подход. В случае идеи демократии мы снова имеем дело именно с «внушением», таким же очевидным, как и та его форма, о которой мы говорили несколько выше. Когда то или иное убеждение распознается как результат простого внушения и когда механизм воздействия этого внушения становится очевидным, само оно тут же теряет свою силу: в подобных вопросах беспристрастное и чисто «объективное» (как это модно говорить сегодня вслед за специфической терминологией некоторых немецких философов) исследование намного более эффективно, нежели сентиментальные декламации и партийные

дебаты, которые, будучи лишь выражением тех или иных сугубо индивидуальных и частных мнений, ничего никогда никому не доказывают.

Самые решительные доводы против демократии можно сформулировать следующим образом: высшее не может происходить из низшего, поскольку из меньшего невозможно получить большее, а из минуса плюс. Это абсолютная математическая истина, отрицать которую просто бессмысленно. Следует заметить, что точно такой же аргумент применительно к иной области можно выдвинуть против материализма. И в подобном сближении демократии с материализмом нет никакой натяжки, так как они гораздо теснее связаны между собой, чем это кажется на первый взгляд. Кристально ясным и в высшей степени очевидным является утверждение, гласящее, что народ не может доверить кому бы то ни было свою власть, если он сам ею не обладает. Истинная власть приходит всегда сверху, и именно поэтому она может быть легализована только с санкции того, что стоит выше социальной сферы, то есть только с санкции власти духовной. В противном случае мы сталкиваемся лишь с пародией на власть, не имеющей оправдания из-за отсутствия высшего принципа и сеющей повсюду лишь хаос и разрушение. Нарушение истинного иерархического порядка начинается уже тогда, когда чисто временная власть стремится освободиться от власти духовной или даже подчинить ее в целях достижения тех или иных сугубо политических целей. Это является первоначальной формой узурпации, которая пролагает путь всем остальным ее формам. Истинность данного положения легко продемонстрировать на примере французской монархии, которая, начиная с 14 века, сама того не ведая, готовила Революцию, уничтожившую, в свою очередь, и ее саму. В другом месте мы поясним это более подробно, в настоящий же момент ограничимся лишь простым упоминанием этого факта²⁴.

Если под словом «демократия» понимать полное самоуправление народа, правление народа над самим собой, в таком случае оно заключает в себе абсолютную невозможность и не может иметь никакого реального смысла ни в наше время, ни когда бы то ни было еще. Не следует поддаваться гипнозу слов: представление о том, что одни и те же люди одновременно и в равной степени могут быть и управляющими и управляемыми, является чистейшим противо-

речием, поскольку, если использовать аристотелевские термины, одно и то же существо в одной и той же ситуации не может пребывать одновременно в состоянии «акта» и «потенции». Соотношение между управляющим и управляемым с необходимостью предполагает наличие именно двух полюсов: управляемые не могут существовать без управляющих, даже если эти последние незаконны и не имеют на власть никаких других оснований, кроме своих собственных претензий. Но вся искусная хитрость тех, кто в действительности контролируют современный мир, состоит в способности убедить народы, что они сами собой правят. И народы верят тем охотнее, что это для них весьма лестно, тем более, что они просто не обладают достаточными интеллектуальными способностями, чтобы убедиться в совершенной невозможности такого положения дел как на практике, так и в теории. Для поддержания этой иллюзии было изобретено «всеобщее голосование»: предполагается, что закон устанавливается мнением большинства, но при этом почему-то всегда упускается из виду, что это мнение крайне легко направить в определенное русло или вообще изменить. Этому мнению с помощью соответствующей системы внушений можно придать желаемую ориентацию. Мы не помним, кто впервые употребил выражение «фабрикация мнений», но оно удивительно точно характеризует данное положение вещей, хотя к этому следует добавить, что не всегда те, кто внешне контролируют ситуацию в обществе, располагают всеми необходимыми для этого средствами. Последнее замечание помогает понять, почему полная некомпетентность даже самых высоких политических деятелей не имеет все же решающего значения для состояния дел в обществе. Но поскольку мы не намереваемся здесь разоблачать систему действия того, что называют «механизмом власти», заметим лишь, что сама эта некомпетентность политиков лишь служит укреплению демократической иллюзии, о которой мы говорили выше. Более того, некомпетентность необходима таким политикам, чтобы подкрепить видимость своей изначальной причастности к большинству, чтобы доказать свое сходство с большинством, которое, будучи поставленным перед необходимостью высказать свое мнение по тому или иному вопросу, обязательно обнаружит свою полнейшую некомпетентность, так как большинство в своей массе с необходимостью состоит из людей некомпетентных.

тентных, в то время как люди, основывающие свое мнение на действительно глубоком знании предмета, всегда неизбежно окажутся в меньшинстве.

Итак, мы показали, что даже допущение возможности большинства самому устанавливая законы является глубочайшим заблуждением. Даже если это допущение остается только теоретическим и не соответствует никакой реальности, все равно интересно исследовать, каким образом такое мнение смогло укорениться в современном мировоззрении, каким тенденциям оно соответствует и какие потребности (хотя бы по-видимости) оно удовлетворяет. Принципиальная несостоятельность данного положения заключается в уже отмеченном нами аспекте: мнение большинства не может быть ничем иным, кроме как выражением некомпетентности, независимо от того, является ли оно результатом недостатка умственных способностей или следствием простого невежества. Здесь можно привести в пример некоторые наблюдения относительно «массовой психологии», и особенно тот широко известный факт, что ментальные реакции, возникающие среди объединенных в толпу индивидуумов, проявляются в форме коллективного психоза и их интеллектуальное качество соответствует не просто среднему интеллектуальному уровню индивидуумов, собравшихся в толпе, но уровню самых низменных и недалеких среди них. В несколько ином контексте следует заметить также, что некоторые современные философы пытаются ввести демократическую теорию в гносеологию и утверждают, что мнение большинства должно быть решающим и в самой интеллектуальной сфере. При этом «критерий истинности» они усматривают в так называемом «общественном договоре», или «универсальном консенсусе». Даже если предположить, что по какому-то вопросу все люди придут к определенному согласию, это еще отнюдь не означает, что такое согласие доказывает истинность чего бы то ни было. Более того, если подобное единство взглядов действительно наличествует (хотя это почти невероятно, поскольку, каким бы ни был конкретный вопрос, всегда найдутся люди, у которых вообще нет никакого мнения по этому поводу или которые просто никогда о нем не размышляли), истинность его невозможно проверить на практике, так что подтверждением и признаком его адекватности останется лишь само это согласие большинства, но большинства конкретно-

го, то есть принадлежащего к той или иной группе, с необходимостью ограниченной в пространстве и времени. В этой области отсутствие подлинного интеллектуального обоснования у подобных теорий представляется тем нагляднее, чем активнее задействованы здесь сентименты — ведь именно они играют столь важную роль во всем, что касается политической сферы. Влияние сентиментов, чувств, являются наибольшим препятствием для понимания определенных вещей, которые при иных обстоятельствах без труда могли бы быть адекватно поняты теми, кто обладает для этого достаточными интеллектуальными качествами. Эмоциональные импульсы мешают мысли, и использование этого обстоятельства является обычной хитростью всех политических манипуляций.

Но давайте посмотрим еще глубже: что составляет сущность закона о большинстве, который проповедуется современными правительствами и в котором эти правительства видят оправдание своей власти? Это — закон материи и грубой силы, закон тождественный физическому закону, согласно которому масса, увлекаемая своим весом, давит на все то, что находится у нее на пути. Здесь мы и обнаруживаем точку соприкосновения между демократической концепцией и материализмом, и именно в этом следует искать причины тому, что данная концепция так укоренилась в современном мышлении. Благодаря ей полностью переворачивается нормальный порядок вещей и устанавливается приоритет множественности, который на самом деле существует только в материальном мире²⁵. В духовном же мире, и более обобщенно, в универсальном порядке во главе иерархии стоит Единство, поскольку именно Единство, Единица есть изначальный принцип, из которого происходит в дальнейшем всякая множественность²⁶. Как только этот принцип Единства теряется из виду или отрицается, остается лишь чистая множественность, которая строго тождественна материи. Более того, говоря несколько выше о законе массы и о весе, мы употребили понятие «веса» не только в качестве простого примера для сравнения. Дело в том, что в области физических сил, в самом обычном понимании этого слова, вес означает стремление к падению и тенденцию сжатия, предполагающих все возрастающую ограниченность существа и одновременно постоянно увеличивающуюся множественность, представленную в данном случае

увеличивающейся плотностью²⁷. Именно эта тенденция определила форму человеческой активности с самого начала современной эпохи. И следует заметить, что благодаря своей способности к одновременному разделению и ограничению материя была названа схоластической философией «принципом индивидуации». Это помогает связать воедино предмет нашего настоящего анализа и все сказанное выше относительно индивидуализма: демократическая эгалитарная тенденция тождественна тенденции «индивидуализации», которая в иудео-христианской традиции именуется «грехопадением», нарушившим изначальное единство²⁸ Множественность, рассматриваемая отдельно от своего принципа, истока и поэтому не могущая более быть приведенной к единству, в социальной области проявится в представлении об общности, понимаемой лишь как арифметическая совокупность составляющих ее индивидуумов. И на самом деле подобная общность не может являться ничем иным, так как она не связана в этом случае ни с каким принципом, превосходящим индивидуальный уровень. Законом подобной общности может служить лишь закон большинства, закон большего количества, и на этом, собственно, и основана демократическая идея.

Здесь следует заранее предупредить о возможности неадекватного понимания изложенных нами положений: когда мы говорили о современном индивидуализме, мы разбирали почти исключительно его проявления в интеллектуальной сфере, и кое у кого могло поэтому сложиться впечатление, что в социальной сфере дела обстоят несколько иначе. На самом деле, если брать термин «индивидуализм» в его узком понимании, может возникнуть иллюзия, что индивидууму может быть противопоставлена общность и что прогрессирующее вторжение государства во все сферы жизни, параллельно с разрастанием социальных институтов, является признаком тенденции, направленной против индивидуализма. Однако это не соответствует действительности в том случае, если общность представляет собой простую математическую совокупность индивидуумов, и как таковая не может быть противопоставлена им. Равно и государство в современном его понимании есть не что иное, как простое представительство масс, не отражающее более никакого высшего принципа. При этом следует напомнить, что сам индивидуализм в нашем определении как

раз и является отрицанием всякого высшего и сверхиндивидуального принципа. Поэтому, если и возникают конфликты между различными социальными тенденциями, коренящимися в сугубо современном мировоззрении, они являются конфликтами не между индивидуализмом и чем-то отличным от него, но между различными формами одного и того же индивидуализма, под какой бы личиной он ни выступал. И нетрудно заметить, что подобные конфликты никогда еще не были столь частыми и серьезными, как сегодня, благодаря отсутствию всякого принципа, способного объединить множественность, а также и потому, что сам индивидуализм уже изначально предполагает разделение. Это разделение и проистекающий из него хаос являются неизбежными следствиями всецело материальной цивилизации, так как сама материя есть истинный исток всякого разделения и множественности.

И наконец, остается рассмотреть последнее следствие демократической концепции, состоящее в отрицании идеи элиты. Не случайно «демократия» противопоставляется «аристократии», поскольку этимологически слово «аристократия» означает «власть лучших», «власть элиты». Элита в своем изначальном смысле может представлять собой только меньшинство, и ее сила, а точнее, ее авторитет, основывающиеся на ее интеллектуальном превосходстве, не имеет ничего общего с силой количества, на которой основывается демократия, в соответствии со своей собственной логикой настаивающая на принесении меньшинства в жертву большинству, а значит, качества в жертву количеству, и элиты в жертву массам. Поэтому направляющее воздействие подлинной элиты и даже сам простой факт ее существования — естественно, она может выполнять свои функции, при условии, что она действительно существует — в принципе не совместимы с демократией, основывающейся на эгалитарных концепциях, а значит, на отрицании всякой иерархии (ведь в самом своем основании демократическая идея исходит из предположения, что любого индивидуума вполне можно заменить другим индивидуумом, так как все они математически тождественны, хотя на этом математическом тождестве все сходство и заканчивается). Подлинная элита может быть только интеллектуальной элитой. Поэтому и современная демократия может возникнуть только там, где подлинной интеллектуальности более

не существует, что и имеет место в случае современного мира. Однако никакого равенства наделе не существует, и, несмотря на все попытки свести всех к единому уровню, различия между людьми никогда до конца не исчезают. Это заставляет (вопреки самой логике демократии) изобретать различные ложные или псевдоиерархии, высшие уровни которых зачастую претендуют на то, чтобы считаться единственной подлинной элитой. И эти ложные иерархии строятся всегда на относительных и условных основаниях чисто материального характера. В качестве единственного социального различия современные общества признают лишь различие в материальном положении, то есть параметр чисто материальный и количественный, и это является единственной формой неравенства, допускаемой демократическими режимами, материальными и количественными в самой своей основе. И даже те, кто выступает против такого положения дел, неспособны предложить никакого действительного средства для исправления существующей аномалии, из-за отсутствия обращения к принципам высшего порядка подчас даже усугубляя в негативном ключе актуальную ситуацию. И здесь борьба разворачивается между различными аспектами демократии, в большей или меньшей степени акцентирующими эгалитарную тенденцию, точно так же, как в другом случае речь шла о борьбе между различными аспектами индивидуализма. Фактически демократизм и индивидуализм в конце концов совпадают.

Все эти соображения позволяют ясно понять сущность социальной ситуации в современном мире и вместе с тем показывают единственно возможный выход из хаоса в социальной сфере, равно как и во всех остальных: этим выходом является восстановление подлинной интеллектуальности, которая должна привести к очередному формированию новой истинной элиты. В настоящее время такой элиты на Западе не существует, так как этот термин нельзя применять к тем разрозненным и изолированным друг от друга элементам, которые несут в себе лишь потенции истинно духовного порядка. Эти элементы чаще всего представляют собой лишь тенденции, стремление к восстановлению нормы, и уже одно это заставляет их противодействовать современному миру. Но будучи только потенциями, они не могут влиять на положение дел хоть сколько-нибудь эффективно и серьезно. Всем им недостает истинного знания доктрин

традиции, которые невозможно воссоздать путем простой импровизации, исходя только из чистой автономной интеллектуальной логики, способной, особенно в актуальных крайне неблагоприятных для этого обстоятельствах, возместить недостаток знания весьма фрагментарно и неполно. В конечном итоге мы имеем дело лишь с разрозненными усилиями, которые часто оказываются дезориентированными из-за недостатка знаний принципов и отсутствия руководства, в нормальном случае осуществляющегося посредством традиционных доктрин. Можно было бы утверждать, что свойственная современному миру дисперсия, разрозненность, распространяющаяся даже на его заклятых врагов, есть способ самосохранения этого мира. Это положение дел неизбежно сохранится до тех пор, пока противодействие современному миру протекает лишь в сугубо «профанической» сфере, которая, будучи естественной и единственно приемлемой для духа современности территорией, всегда предоставляет этому духу исключительные преимущества. И сам тот факт, что враги современного мира все же предпочитают оставаться в рамках именно этой области, свидетельствует, что влияние самого этого мира затрагивает и их самих. Вот почему многие люди, чьи благие намерения не подлежат никакому сомнению, неспособны понять, что начинать надо только с первопринципов, и они продолжают растрчивать свою энергию в той или иной относительной, частной сфере (социальной или какой-то иной), где по определению в актуальных условиях невозможно добиться ничего подлинного или долговечного. У истинной элиты, если бы таковая существовала, не было бы необходимости прямо вмешиваться в подобные частные сферы или участвовать в каких-либо внешних действиях. Она управляла бы ходом вещей так, что большинство людей просто не знало бы об этом, и она была бы тем более эффективной, чем более невидимой. Достаточно вспомнить все, сказанное выше о силе внушения, которая для того, чтобы быть эффективной, отнюдь не требует никакой истинной интеллектуальности. И этот пример поможет нам представить, какой могущественной должна быть сила влияния истинной интеллектуальной элиты, действующей еще более невидимо и тайно в гармонии со своей внутренней природой, укорененной в чистой интеллектуальности и чистой духовности. И вместо того чтобы ослаблять эту интеллектуальную силу

противостоящей современному миру элиты, разделяя ее под влиянием законов множественности и вовлекая ее в сферу иллюзий и лжи, следовало бы, напротив, позволить ей сконцентрироваться на единстве принципа, и тогда она рано или поздно должна была бы отождествиться с силой самой истины.

МАТЕРИАЛЬНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Из всего вышесказанного ясно видно, что упреки людей Востока по отношению к западной цивилизации как к цивилизации исключительно материальной совершенно обоснованы. Эта цивилизация развивалась только в материальном смысле, и с какой бы точки зрения мы ее ни рассматривали, мы всегда имеем дело с прямыми результатами такой материализации и сугубо материального развития. Однако ко всему предыдущему следует добавить еще кое-что: во-первых, мы должны разъяснить различное содержание, которое может быть вложено в слово «материализм», поскольку если мы определим современный мир как материалистический, обязательно найдутся люди, которые, считая себя сугубо современными, но при этом отнюдь не материалистами, обязательно воспротивятся такому отождествлению и посчитают его оскорбительным. Поэтому мы должны дать некоторые объяснения по этому поводу, чтобы устранить все возможные недоразумения и двусмысленности. Показательно, что само слово «материализм» появилось не ранее 18-го века. Этот термин изобрел философ Беркли для характеристики теорий, признающих реальное существование материи. Очевидно, что нас здесь интересует отнюдь не это значение термина, так как самого вопроса о существовании материи мы сейчас не затрагиваем. Несколько позднее слово «материализм» приобрело более узкий смысл, который оно сохранило вплоть до настоящего времени: «материализм» стал обозначать концепцию, согласно которой кроме материи и ее производных вообще ничего не существует. Следует заметить, что такая концепция является совершенно новой и представляет собой продукт сугубо современных воззрений, будучи даже одной из самых существен-

ных составляющих современного мировоззрения в целом²⁹. Мы же в настоящий момент будем говорить о материализме в ином, намного более широком, но при этом достаточно определенном смысле. В этом смысле материализм, совершенно независимо ни от каких отдельных философских теорий и помимо вышеупомянутого собственно «философского материализма», тождественен некоему общему и изначальному мировоззрению, породившему еще множество других концепций и теоретических построений. Это мировоззрение состоит в более или менее сознательной постановке материальных вещей и связанных с ними проблем на первый план, независимо от того, осуществляется ли это на умозрительном или на чисто практическом уровне. Вряд ли кто-то станет всерьез возражать, что именно такое мировоззрение свойственно подавляющему большинству современных людей. Вся «профаническая» наука, развившаяся за последние столетия, основана исключительно на изучении чувственного мира, ограничена только его пределами, и используемые ею методы применимы лишь к одной этой сфере. Но только такие методы, в противоположность всем остальным, и признаются «научными», что отрицает саму возможность существования науки, не занимающейся материальными вещами. Однако найдутся многие, кто, разделяя эту точку зрения и даже посвящая себя целиком этим наукам, все же отказывается считать себя материалистом или признавать философскую теорию, известную под именем материализма. Есть среди них и такие, кто открыто исповедует религию и в чьей искренности нет оснований сомневаться. Но в то же время научные установки подобных людей ни в чем не отличаются от позиций завязых материалистов. Часто поднимают вопрос о том, следует ли с чисто религиозной точки зрения вообще отрицать современную науку как атеистическую и материалистическую. Однако, как правило, проблема ставится неадекватно. Очевидно, что сама эта наука не декларирует открыто свой атеизм или материализм. Просто в силу своей предвзятости она проходит мимо определенных вещей, не отрицая заведомо их существования, как это делают те или иные философы. В контексте современной науки, таким образом, можно говорить о материализме *de facto*, о своего рода практическом материализме. Но от этого зло становится еще более серьезным, так как

оно проникает и шире и глубже. Философская установка может быть подчас весьма поверхностной, даже если речь идет о «профессиональных философах». А кроме того многие люди с недоверием воспримут формальное отрицание определенных вещей, тогда как полное безразличие по отношению к ним не вызывает, как правило, никаких подозрений. И это как раз и является самым опасным, так как, чтобы отрицать нечто, необходимо хотя бы в самой незначительной степени об этом задуматься, тогда как позиция полного безразличия вообще избавляет людей от этой необходимости. Если исключительно материальная наука выдает себя за единственно возможную; если люди приучились считать неоспоримой истиной, что вне этой науки не может существовать никакого полноценного знания; и если образование, получаемое этими людьми, буквально пропитывает их предубеждениями и предрассудками, свойственными этой науке, а точнее, «сциентизму»,— как могут эти люди не стать материалистами, или, иными словами, как могут они ориентировать свои интересы и усилия в направлении, отличном от материи и материального мира? Для современных людей за пределом видимого или осязаемого вообще ничего не существует. Даже если они теоретически допускают, что может существовать нечто еще, они тут же объявляют это «нечто» не только «непознанным», но и «непознаваемым», что избавляет их от необходимости об этом задумываться. Конечно, существуют и те, кто пытается выработать некоторые идеи относительно «потустороннего мира», но они полагаются в таких случаях исключительно на свое собственное воображение, представляя «потусторонний мир» как копию мира земного, наделяя его теми же условиями существования, что и земной мир,— пространством, временем и даже некоторой «телесностью». В другом месте, говоря о спиритических доктринах, мы приводили шокирующие примеры подобных грубо материалистических представлений. Даже если подобные экстравагантные крайности являются предельным случаем, где все преувеличено до карикатурных пропорций, было бы неверно приписывать этот феномен в целом лишь спиритам или более или менее с ними связанным сектам. В целом, вторжение воображения в области, в нормальном случае закрытые для этого человеческого качества, в сферы, где оно не-

уместно и непригодно, вообще наглядно свидетельствует о неспособности людей Запада подняться над сферой чувств. Многие даже не видят разницы между «постижением» и «представлением» («воображением»), и некоторые философы, в частности Кант, зашли настолько далеко, что объявили «непостижимым» и «немыслимым» все то, что не поддается представлению и что невозможно «вообразить». Итак, все обычно именуемое спиритуализмом или идеализмом является не более чем перенесением материализма на нематериальные уровни, простой транспозицией материализма. Это справедливо не только в отношении того, что мы назвали термином «неоспиритуализм», но и в отношении самого философского спиритуализма, хотя сам он и определяет себя как противоположность материализму. На самом деле, материализм и спиритуализм в философском смысле этих слов немыслимы друг без друга, поскольку они суть две половины картезианского дуализма, ставшие вслед за их первоначальным разделением противоположностями. И с тех пор вся философия ограничена этими двумя пределами, не будучи в состоянии выйти за них. Несмотря на этимологию, спиритуализм не имеет ничего общего с духовностью³⁰, и его борьба против материализма вообще не может ни в малейшей степени заинтересовать тех, кто стоит на более высокой интеллектуальной позиции и кто прекрасно видит, что две эти противоположности в сущности почти совпадают, и в большинстве случаев противоречия между ними сводятся, в конечном итоге, лишь к вербальным и терминологическим расхождениям. Современный человек в целом не может себе представить никакой иной науки, кроме науки, занимающейся вещами, которые можно измерить, посчитать или взвесить, или, иными словами, материальными вещами, так как только к таким вещам вполне применим чисто количественный подход. Стремление свести качество к количеству является типичным для современной науки. Эта тенденция дошла до того, что появилось положение, гласящее, что наука в подлинном смысле слова существует только в том, что можно измерить, и никаких подлинно научных законов, кроме законов, выражающих количественные соотношения, просто не может быть. Эта тенденция возникла вместе с механицизмом Декарта и становилась с тех пор все более и более

ярко выраженной, несмотря даже на отвержение картезианской физики, так как она была связана не с какой-либо частной теорией, но с общим представлением о научном знании. Сегодня принцип измерения пытаются применить даже к области психологии, по самой своей природе заведомо исключая подобный метод. На настоящем этапе никто более не способен понять, что возможности измерения проистекают из основополагающего качества, присущего самой материи, то есть из ее неопределенно большой делимости. И утверждение, что это качество присуще вообще всему существующему, равнозначно сведению всего до уровня материи. Как мы говорили ранее, именно материя является принципом разделения и всякой множественности. Поэтому предпочтение, отдаваемое количественному подходу и обнаруживаемое, как мы показали выше, даже в сфере социальной, тождественно настоящему материализму в том смысле, в каком мы его определили. И такой подход не обязательно связан с философским материализмом, так как на самом деле в развитии тенденций, составляющих сугубо современное мировоззрение, сам материализм появился несколько позднее материалистических тенденций. Мы не станем останавливаться на изначальной ошибочности стремления свести качество к количеству или на неправомочности всех объяснений более или менее механистического типа. Это не входит здесь в наши задачи, но заметим лишь по этому поводу, что даже в сфере чувственного материального мира наука, практикующая подобный подход, имеет самое отдаленное отношение к действительности, и большая часть реальности с необходимостью остается вне сферы ее компетенции. Упоминание термина «реальность» обращает наше внимание на иной факт, который многими остается не замеченным, но который при этом является чрезвычайно выразительным признаком всей совокупности разбираемых нами воззрений: люди обычно употребляют слово «реальность» исключительно для описания реальности чувственного уровня. Так как любой язык отражает особый тип мышления, свойственного тому или иному народу или временному периоду, из этого следует заключить, что для подобных людей все, что не может быть воспринято с помощью чувств, является «нереальным», то есть иллюзорным или даже вообще несуществующим. Возмож-

но, не все до конца осознают это, но тем не менее именно таковым является их внутреннее убеждение. Даже если некоторые внешне и отрицают это, подобное отрицание происходит из более поверхностных структур их ментальности, хотя они об этом и не подозревают, а иногда подобное отрицание вообще остается чисто вербальным. Если кое-кто подумает, что мы преувеличиваем, ему следует лишь повнимательней приглядеться к тому, что представляют из себя религиозные убеждения многих современных людей: несколько идей, заученных наизусть чисто механическим, школьным образом, без какого бы то ни было подлинного усвоения, о которых никогда серьезно никто не задумывался, но которые хранятся в памяти и повторяются от случая к случаю как дань условностям или формальной позиции — вот и все, что понимается сегодня под религией. Мы уже говорили о «минимализации» религии, и подобный вербализм представляет собой одну из ее последних стадий. Это объясняет, в частности, почему так называемые «верующие» заходят столь же далеко в практическом материализме, как и «неверующие». Мы еще вернемся к этой теме, но пока следует еще раз подчеркнуть материалистический характер современной науки, так как эту проблему необходимо рассматривать под различными углами зрения. Следует снова вернуться к уже упомянутому нами тезису: современные науки не являются сферой чистого знания, и их умозрительный характер, даже для тех, кто искренне в них верит, не более чем маска, скрывающая чисто практические интересы. Но именно эта маска порождает иллюзию псевдоинтеллектуальности. Сам Декарт, разрабатывая свою физику, был изначально заинтересован в выведении из нее системы механики, медицины и морали. Но еще большие изменения произошли с распространением англо-саксонского эмпиризма. Более того, именно извлекаемые из науки практические результаты делают ее столь престижной в глазах широкой публики, поскольку здесь снова вещи можно увидеть и потрогать. Мы указали, что прагматизм представляет собой логическое завершение современной философии и последнюю стадию ее упадка. Но несистематизированный прагматизм был распространен уже задолго до появления прагматической философии, и такой прагматизм находится в том же отношении к этой философии, как практический

материализм к материализму теоретическому. Именно этот прагматизм и называют обычно «здоровым смыслом». Более того, инстинктивный утилитаризм также почти неразделим с материалистической тенденцией, так как «здоровый смысл» заключается в ограничении сферы интересов интересами чисто житейскими, а также в игнорировании всего, что не имеет непосредственной практической пользы. Именно «здоровый смысл» рассматривает чувственный мир как единственно реальный и признает лишь знание, полученное с помощью органов чувств. Кроме того, он наделяет ценностью эту узкую сферу знаний только в той степени, в которой она дает возможность удовлетворить либо материальные потребности, либо определенные сентиментальные склонности, так как сентименты — мы должны откровенно признать это, рискуя шокировать современных моралистов — на самом деле «расположены» очень близко к уровню материи. Во всем этом собственно интеллекту вообще не остается места или, в лучшем случае, ему отводится служебная роль при достижении практических целей, и он становится не более чем инструментом, подчиненным потребностям низшего и телесного уровня человеческой индивидуальности, «прибором для производства приборов», как довольно точно выразился Бергсон. Прагматизм во всех своих формах порождает абсолютное безразличие к истине. В таких условиях промышленность перестает быть только приложением науки, от которого наука сама по себе была бы независима, но превращается в смысл существования и в оправдание самой науки, так что нормальные соотношения между вещами совершенно переворачиваются. Современный мир изо всех сил стремится, даже тогда, когда он декларирует, что следует за наукой, к единственной цели — к развитию промышленности и механизации. И таким образом, стремясь подчинить себе материю и поставить ее себе на службу, люди в конечном итоге, как мы отметили в самом начале, лишь становятся ее рабами. Они не только ограничили свои интеллектуальные претензии — если о существовании таких претензий сегодня вообще можно говорить — изобретением и конструированием механизмов. Они кончили тем, что сами превратились в механизмы. Не только ученые, но и техники, и даже рабочие проходят специализацию, столь восхваляемую сегодня некоторыми

социологами под видом «разделения труда». И это окончательно лишило рабочих возможности разумного труда. В противоположность артизанам и артельщикам прошлых времен они превратились в простых рабов механизмов, с которыми они составляют единый блок. Чисто механическим образом они вынуждены постоянно повторять определенные движения, всегда одни и те же и выполняющиеся в одинаковой последовательности, чтобы избежать малейшей потери времени. По крайней мере, именно этого требуют американские методы, которые рассматриваются как самая передовая стадия технического «прогресса». Цель всего этого — производить как можно больше. Качество мало что значит, важно лишь количество. И это снова отсылает нас к замечанию, сделанному нами по другому поводу: современная цивилизация может быть названа количественной цивилизацией, а это лишь иная форма выражения для определения ее как цивилизации материальной. Все те, кто хотят других подтверждений этой истины, должны обратить внимание на то, какое гигантское значение имеют сегодня экономические факторы в жизни народов и отдельных людей. Промышленность, коммерция, финансы — это, кажется, единственное, что сегодня принимается в расчет. И это вполне логично согласуется с тем уже упомянутым фактом, что единственным сохранившимся до сего времени социальным различием является различие в материальном благосостоянии. Политика полностью контролируется финансами, и торговая конкуренция оказывает решающее влияние на отношения между народами. Возможно, однако, что такая картина соответствует только внешней стороне вещей и что на самом деле эти факторы суть скорее поводы к действию, чем его настоящие причины, но тем не менее уже сам выбор таких поводов ярко показывает специфику того периода, в котором они используются. Более того, современные люди убеждены, что сегодня только экономические условия предопределяют исторические события, и они даже воображают себе, что так было всегда. Была изобретена особая теория, которая все объясняет исключительно экономическими факторами и которая носит чрезвычайно показательное название — «исторический материализм». Здесь также можно различить эффекты внушения, о котором мы упоминали выше, и сила этого внушения тем больше, чем

точнее оно соответствует всеобщим тенденциям актуального мышления. И в результате подобного внушения экономические факторы действительно начинают становиться решающими в отношении всего происходящего в социальной сфере. Конечно, массы всегда были тем или иным образом ведомы, и можно сказать, что их роль в истории и заключалась в том, чтобы позволять себя вести, поскольку они представляют собой пассивный элемент, «материю» в аристотелевском смысле этого слова. Но чтобы вести их сегодня, достаточно обладать чисто материальными (на сей раз в обыденном смысле слова) средствами, и это ясно показывает, до каких глубин падения дошла наша эпоха. И в то же время массам внушается, что они отнюдь не ведомы, что они действуют спонтанно и управляют собой самостоятельно, и тот факт, что они верят этому, убедительно доказывает, что свойственная массам глупость является воистину беспредельной. Раз уж мы заговорили об экономических факторах, воспользуемся случаем, чтобы рассеять иллюзию относительного того, что установление коммерческих связей якобы способствует сближению народов и устанавливает между ними взаимопонимание. На самом же деле это приводит как раз к обратному результату. Материя, как мы уже неоднократно указывали, есть по существу множественность и разделение, делимость, и поэтому она является причиной борьбы и конфликтов. И в случае народов, и в случае отдельных личностей экономическая сфера есть сфера конкуренции интересов. Так, в частности, Запад не может рассчитывать ни на промышленность, ни на неотделимую от нее науку в качестве основы для взаимопонимания с Востоком. Если люди Востока вынуждены принять промышленность как неприятную и временную неизбежность — и для них она в принципе не может быть чем-то иным, — они используют ее лишь как оружие, позволяющее протовостоять экспансии Запада и оберегать свое собственное существование. Следует четко усвоить, что это и должно быть именно так: люди Востока, признающие необходимость экономической конкуренции с Западом, несмотря на все отвращение, которое они к этому испытывают, идут на это с единственной целью — спастись от иноземного господства, основанного на грубой силе и на материальных возможностях, открывающихся благодаря промышленно-

сти. Насилие призывает к насилию, но следует признать, что к сражению на этом поприще первыми стремились отнюдь не люди Востока. Более того, вне всякой связи с отношениями между Востоком и Западом, легко заметить, что среди результатов индустриального развития наиболее показательными являются сегодня достижения в сфере производства военной техники, которая постоянно совершенствуется, увеличивая свои разрушительные возможности до тревожных пропорций. Уже одного этого достаточно, чтобы развеять пацифистские мечты некоторых фанатиков «прогресса». Но мечтатели и идеалисты несправимы, и их доверчивость, кажется, не знает границ. Столь популярный сегодня «гуманитаризм» вообще не следует принимать всерьез. Но все же странно, что люди так много говорят о прекращении вообще всех войн, об установлении вечного мира, в то время как приносимые сегодня войной разрушения несопоставимы ни с какими предыдущими эпохами, и не только потому, что умножились орудия уничтожения, но и потому, что, в отличие от прошлых войн, в которых участвовали сравнительно небольшие армии, состоящие из профессиональных солдат, сегодня все люди враждующих стран набрасываются друг на друга сообща, включая и тех, кто менее всего предрасположен к подобной деятельности. И здесь снова перед нами ярчайший пример современного смещения. Особенно зловещим для тех, кто даст себе труд задуматься об этом, должно представляться то, что «восстание масс» или «всеобщая мобилизация» становится постепенно совершенно нормальным явлением, и почти все за редким исключением спокойно принимают идею «вооруженной нации». И в этом также проявляется эффект веры в силу числа самого по себе: приведение в движение масс или гигантского числа воюющих вполне соответствует количественному характеру современной цивилизации. И здесь снова, равно как в системе «обязательного образования» или «всеобщих выборов», проявляется характерный эгалитаризм. Добавим, что эти тотальные войны стали возможными благодаря другому специфически современному феномену — формированию «наций», произошедшему как следствие разрушения феодальной системы и разложения высшего единства средневекового Христианства. Не имея возможности развить здесь эту тему полнее, так как это за-

вело бы нас слишком далеко, укажем лишь, что вещи усугубляются еще и за счет непризнания никакой духовной власти, которая в нормальных условиях смогла бы выступить как подлинный арбитр, в силу своей собственной природы находясь выше всех конфликтов чисто политического уровня. Отрицание духовной власти также является практическим материализмом. Даже те народы, которые теоретически признают эту духовную власть, на практике отказывают ей в каком-либо действенном влиянии или вмешательстве в социальную сферу, подобно тому, как религия выносятся за пределы каждодневного существования простых «верующих» и в общественной, и в личной жизни преобладает одно и то же мировоззрение. Даже если допустить, что материальное развитие имеет на самом деле некоторые преимущества, хотя и весьма относительные, рассмотрение его последствий, которые мы упоминали выше, с необходимостью ведет к закономерному сомнению: не перевешивают ли негативные результаты такого развития его позитивных результатов? Мы уже не говорим о множестве несравнимо более ценных вещей, принесенных в жертву чисто материальной форме развития; о забытом в угоду материализму высшем знании, о заброшенной интеллектуальности и об исчезнувшей духовности. Мы утверждаем, что даже при оценке современной цивилизации в ее собственных терминах, сравнение ее преимуществ с ее недостатками, скорее всего, покажет, что преобладающими являются именно недостатки. Новые изобретения, число которых с каждым днем возрастает, становятся все более и более опасными благодаря тому, что они апеллируют к таким силам, чья истинная природа остается совершенно неизвестной для использующих их людей. И подобное невежество лишней раз доказывает неспособность современной науки объяснить что бы то ни было и ее несостоятельность как сферы истинного знания, даже в такой узкой области, как физика. Тот факт, что такое невежество отнюдь не препятствует практическим приложениям науки, свидетельствует лишь о том, что, в действительности, она ориентирована исключительно на практические цели и что промышленность и ее проблемы являются единственной подлинной заботой всех ее поисков. Опасность, заключенная в подобных изобретениях, даже в том случае, если они не имеют прямого отноше-

ния к орудиям массового уничтожения (что не мешает им быть причиной множества катастроф, не говоря уже о нарушении экологического баланса окружающей среды), несомненно, будет все более и более возрастать до тех пределов, которые довольно трудно предвидеть. И более чем вероятно, что именно благодаря этим тревожным изобретениям современный мир сам породит причину собственной гибели, если движение в этом направлении не будет остановлено в ближайшее время, пока это еще возможно. Однако при оценке современных изобретений не достаточно только сдержанности, основанной на понимании заключенной в них опасности. Здесь есть и другая сторона дела. Часто можно слышать славословия тем «благодетелям», которые несет с собой так называемый «прогресс», и можно было бы согласиться с самим этим термином «прогресс», если уточнить, что речь идет исключительно о материальном прогрессе. Но не являются ли эти «благодетели», которыми так гордятся сегодня, чисто иллюзорными? Современные люди настаивают, что с помощью «прогресса» они значительно повысили свое благосостояние. С нашей точки зрения, даже если они действительно добились в чем-то своей цели, вряд ли затраченные усилия могут быть оправданы полученными результатами. И более того, достигнуты ли эти цели, это еще вопрос. Во-первых, следует учесть, что не все люди имеют одинаковые вкусы и одинаковые потребности, и кое-кто, быть может, с радостью избежал бы современной спешки и страсти к большим скоростям, хотя это более не представляется возможным. Разве можно считать «благодетелем» по отношению к подобным людям то, что их заставляют участвовать в чем-то совершенно противоположном их собственной природе? Могут в ответ на это возразить, что сегодня таких людей немного, и к ним поэтому можно относиться как к ничтожному меньшинству. И в этом случае, равно как и в области современной политики, большинство узурпирует полномочия на подавления меньшинства, которое в его глазах просто не имеет права на существование, так как такое существование идет вразрез с эгалитарной манией униформности. Но если принять во внимание все человечество, а не только один западный мир, то вопрос станет совершенно иначе: то, что было большинством, станет меньшинством. Поэтому здесь используют

иной аргумент, и, несмотря на всю противоречивость данного утверждения, «поборники равенства» во имя «превосходства» своей позиции стремятся навязать свою цивилизацию всему остальному миру, привнося тем самым смуту в народы, которые сами их никогда об этом не просили. И так как все это «превосходство» сводится к превосходству чисто материальному, для его утверждения используются самые грубые и материальные средства. Более того, надо прояснить этот вопрос до конца: если широкая публика действительно искренне верит в предлог о необходимости распространения «цивилизации», для многих это лишь форма морализаторского лицемерия, прикрывающего чисто экономические интересы и амбиции. Насколько странно выглядит эпоха, в которую людей можно заставить верить, что счастье можно получить ценой своего полного подчинения посторонней силе, ценой разграбления всех их богатств, то есть всех ценностей их собственной цивилизации, ценой насильного насаждения манер и институтов, предназначенных для совершенно иных народов и рас, ценой принуждения к отвратительной работе ради приобретения вещей, не имеющих в их среде обитания никакого разумного применения! Но именно это и происходит сегодня: современный Запад не выносит людей, которые заведомо согласны были бы меньше работать и скромнее жить, и поскольку во всем в расчет принимается только количество, а все, что не воспринимается органами чувств считается, просто несуществующим, то всякий человек, не пребывающий в состоянии ажитации и не производящий материальных предметов, с неизбежностью квалифицируется как «лентяй» или «бездельник». В подтверждение этого (не говоря уже о расхожих мнениях относительно людей Востока) достаточно упомянуть об оценке, бытующей даже среди людей, считающих себя религиозными, относительно чисто умозрительных монашеских орденов. В современном мире нет больше места ни для интеллекта, ни для каких бы то ни было вещей внутренней природы уже потому, что их нельзя ни увидеть, ни потрогать, ни взвесить, ни сосчитать. Всех занимают только чисто внешние действия во всевозможных формах, даже те из них, которые начисто лишены всякого смысла. Поэтому не следует удивляться тому, что англосаксонская мания спорта с каждым днем распространяется все шире и

шире: идеал современного мира — это «человеческое животное», развившее свою мускульную силу до последних пределов. Его герои — атлеты, даже если они грубы и бессмысленны. Именно такие персонажи вызывают всеобщий энтузиазм, и их достижения возбуждают страстный интерес толпы. Мир, в котором процветают подобные вещи, действительно безмерно пал и предельно близок к своему концу. Однако посмотрим на вещи с позиции тех, чей идеал действительно состоит в материальном благосостоянии и кто поэтому на самом деле восхищается всеми изменениями, привнесенными в жизнь современным «прогрессом». Но не обманываются ли и они? Разве в действительности использование средств быстрого сообщения и других подобных вещей, а также более суетливая и усложненная современная жизнь делают сегодняшних людей более счастливыми, чем их предки? Напротив, справедливо скорее обратное: отсутствие сбалансированности и уравновешенности не может быть условием подлинного счастья. Кроме того, чем больше у человека потребностей, тем больше шансов, что ему чего-то будет не доставать, и поэтому он будет несчастлив. Современная цивилизация стремится искусственно создавать все новые и новые потребности, и как мы уже сказали, этих потребностей всегда будет больше, нежели она сможет удовлетворить, и раз ступив на этот путь, будет крайне сложно остановиться, а кроме того для подобной остановки нет никаких весомых причин. Раньше для людей не составляло никакого труда обходиться без вещей, о существовании которых они и не подозревали и к которым никогда и не стремились. Сегодня, напротив, им тяжело выносить отсутствие определенных вещей, так как они привыкли считать их необходимыми, и в конечном итоге они действительно стали для них необходимы. Поэтому люди всеми возможными путями стремятся приобрести средства для удовлетворения своих материальных нужд, которые одни только и остались у современного человека. Все заинтересованы лишь в том, чтобы «делать деньги», поскольку лишь деньги позволяют им приобрести все эти вещи, и чем больше этих вещей находится в их распоряжении, тем больше они хотят приобрести еще, продолжая постоянно обнаруживать все новые и новые потребности. И эта страсть становится единственной целью в жизни. С некоторых пор жестокая конкуренция в

концепциях некоторых эволюционистов была возведена в статус научного закона под именем «борьбы за существование», чьим логическим следствием стало утверждение, что только сильнейший, причем сильнейший в узко материальном смысле этого слова, имеет право на существование. Тогда же появилась зависть и даже бешеная ненависть к тем, кто имеет больше, со стороны тех, кто имеет меньше. И как могут люди, которым постоянно внушаются теории равенства, не восстать, видя вокруг полное неравенство во всем, что касается материальной стороны вещей, то есть именно той, которая затрагивает их более всего? И если современная цивилизация однажды будет уничтожена беспорядочными и безмерными аппетитами, пробужденными ею же самой в массах, надо быть слепым, чтобы не увидеть в этом справедливого воздаяния за ее же собственные грехи, или иными, не имеющими отношения к морали, словами, за последствия ее собственных действий в сфере развертывания этих действий. Евангелие гласит: «Все те, кто возьмут меч, от него и погибнут». Те, кто пробуждают грубые силы материи, сами погибнут, раздавленные теми же силами, над которыми они хотели господствовать. Раз приведя их в движение, глупо затем надеяться, что контроль над ними будет продолжаться вечно. Неважно, будут ли это силы природы, или сила людской толпы, или и то и другое одновременно. В любом случае это будут силы материи, впущенные в мир, и они неизбежно уничтожат того, кто хотел управлять ими, не умея при этом встать надо всем материальным уровнем. Евангелие также гласит: «Если царство разделится в себе самом, оно не устоит». И это целиком и полностью относится к современной цивилизации, которая в силу своей собственной природы не может не сеять повсюду беды, конфликты и разделения. Из всего этого, даже не прибегая к другим доводам, можно со всей уверенностью сделать логический вывод, что этот мир, если в нем не произойдет радикального изменения, радикального вмешательства, которое перевернет естественный сегодня ход вещей, должен неизбежно прийти к трагическому концу, причем это должно случиться в самом ближайшем времени. Так как мы настаиваем на том, что современная цивилизация является исключительно материалистической и материальной, наверняка многие обвинят нас в том, что мы упускаем из виду некоторые эле-

менты, которые в определенном смысле смягчают этот материализм. На самом деле, если таких элементов вообще не было бы, то, возможно, эта цивилизация в настоящее время уже прекратила бы свое жалкое существование и погибла бы. Поэтому мы никоим образом не оспариваем наличие подобных элементов, но, с другой стороны, и по этому поводу не следует строить себе никаких иллюзий: во-первых потому, что различные философские течения, именующие себя «спиритуализмом» и «идеализмом», а равно такие современные тенденции, как морализм и сентиментализм, не принадлежат к числу этих подлинно нематериалистических элементов. Мы уже объясняли причины этого и напомним лишь, что для нас эти течения являются не менее «профаническими», нежели сам теоретический или практический материализм, и вовсе не так уж и далеки от него, как это может показаться. Во-вторых, если остатки истинной духовности действительно сохранились, то лишь вопреки всей стихии современности и в полном противоречии с ней. Эти остатки духовности, если говорить лишь о собственно западной традиции, можно найти только в религии. Но мы уже отмечали, насколько сужена сегодня сфера религии, насколько скудное и посредственное представление о ней бытует среди самих верующих и до какой степени она лишена подлинной интеллектуальности, тождественной истинной духовности. В таких условиях, если религия и содержит в себе еще некоторые возможности, то лишь в латентном, потенциальном состоянии, и ее реальное влияние чрезвычайно ограничено. Тем не менее поразительно видеть, с какой жизненной силой держится религиозная традиция, даже сузившись до виртуального, потенциального состояния, несмотря на все многовековые попытки уничтожить и вытеснить ее окончательно. Те, кто еще способен мыслить, не могут не заметить в этом сопротивлении знаки «не-человеческой» силы. Но мы должны повторить еще раз, что эта традиция не принадлежит современному миру, не является одним из его компонентов и, напротив, совершенно противоположна всем его тенденциям и целям. На это следует настаивать, вместо того чтобы тщетно пытаться примирить эти две непримиримые вещи: между религиозным сознанием в подлинном смысле этого слова и сознанием сугубо современным не может быть ничего, кроме ради-

кального противостояния, и любой компромисс между ними только ослабит первое и усилит второе. В случае такого компромисса враждебность современного сознания по отношению к сознанию религиозному ни в коем случае не будет усмирена окончательно, так как его конечная цель и смысл существования состоит в уничтожении всего, что представляет в человечестве отблески реальности, далеко превосходящей собственно человеческий уровень. Иногда современный Запад называют христианским, но это совершенно неверно. Современное сознание является глубоко антихристианским, поскольку оно сущностно антирелигиозно. А антирелигиозно оно по той причине, что оно анти-традиционно в самом широком смысле этого слова. И именно это качество является его отличительной чертой, делает из него то, что оно есть. Без сомнения, кое-что от Христианства все же осталось и в современной антихристианской цивилизации, так что даже самые «передовые», по их собственному определению, ее представители подвержены, хотя подчас невольно и бессознательно, определенному, порой косвенному христианскому влиянию: каким бы решительным ни был порыв с прошлым, он никогда не может уничтожить вообще всякую связь с ним. Более того, мы утверждаем, что все имеющее хотя бы малейшую ценность в современном мире пришло в него именно из Христианства, или, по меньшей мере, через посредство Христианства, так как Христианство принесло с собой все наследие предыдущих традиций, оживляло это наследие, пока это было возможно, и до сих пор содержит в латентном состоянии многие подобные возможности. Но разве кто-нибудь сегодня, даже среди тех, кто называют себя христианами, имеет подлинное знание об этих возможностях? Где найти, хотя бы в католичестве, людей, которые сознавали бы глубинный смысл исповедуемых ими внешне доктрин и которые, не довольствуясь более или менее поверхностным, — скорее сентиментальным, нежели разумным — «верованием», действительно «знали» бы истины традиции, наследниками которой они сами себя считают? Мы бы хотели увидеть доказательство, что такие люди существуют, пусть даже в ничтожном количестве, и тогда это могло бы быть величайшей, и быть может, единственной надеждой действительно спасти Запад. Но мы вынуждены

признать, что до сих пор мы не встречали ничего подобного: быть может, следует предположить, что они живут окруженные тайной в каком-то недоступном убежище, как некоторые мудрецы Востока? А может быть, надо вообще расстаться с этой надеждой на спасение? Запад был христианским в Средневековье, но он более таковым не является. Если кто-то скажет, что он снова может стать христианским, мы заметим, что ничего большего мы сами и не желали бы и что мы искренне хотели бы верить, что это случится раньше, чем того позволяет ожидать внешнее течение событий. Но и в этом отношении не следует заблуждаться: если это случится, с современным миром будет покончено навсегда.

Глава 8

ЭКСПАНСИЯ ЗАПАДА

Как мы уже говорили, современное смешение коренится в западном мире, и вплоть до последнего времени оно имело более или менее локальные масштабы. Но сегодня процесс смешения приобретает такие пропорции, что его значение безмерно возрастает: смешение и хаос распространяются повсюду, и кажется даже, что сам Восток становится их жертвой. Конечно, западная экспансия не представляет собой ничего нового, но в предшествующие эпохи она ограничивалась более или менее грубой доминацией над народами, и воздействие Запада не распространялось дальше уровня политики и экономики: несмотря на все виды пропаганды, проводимой представителями Запада под любыми предлогами, сугубо восточное мышление оставалось незатронутым, и древние традиционные цивилизации продолжали существовать так же, как и прежде. Сегодня же, напротив, появляется все больше и больше восточных людей, которые целиком и полностью «вестернизируются», которые отрекаются от своих традиций и усваивают все заблуждения, свойственные сугубо современному мировоззрению. Подобные «вестернизированные» элементы, сбитые с пути обучением в европейских или американских университетах, становятся источниками смуты и волнений в своих собственных странах. Но при этом, по крайней мере, в настоящее время, не следует преувеличивать их значимость: люди Запада часто воображают, что эти шумные, но малочисленные персонажи и представляют собой современный Восток, но на самом деле их влияние не имеет какого бы то ни было широкого или глубокого резонанса. Это заблуждение имеет весьма простое объяснение: истинные представители Востока не имеют ни малейшего желания быть известными и популярными на Западе, тогда как восточные модернисты, если можно так выразиться, постоянно стремятся выдвинуться на передний план, произносят

речи, пишут книги и вступают во всевозможные формы внешней деятельности. Но тем не менее это антитрадиционное движение действительно имеет шансы распространиться достаточно широко, и эту возможность, какой бы неприятной она ни была, все же следует принимать во внимание. Истинно традиционный дух сегодня имеет тенденцию все более и более замыкаться в самом себе, и центры, хранящие его во всей его полноте, становятся с каждым днем более закрытыми и труднодоступными. Тотальность смещения точно соответствует тому положению вещей, которое и должно иметь место в последней стадии Кали-юги.

Следует сказать со всей определенностью: сугубо современное мировоззрение является чисто западным, и те, кто затронут им, должны считаться носителями «западного» мышления, даже в том случае, если они по происхождению являются людьми Востока. Восточные идеи совершенно чужды подобным людям, и их враждебность по отношению к традиционным доктринам объясняется только их полнейшим невежеством в этой области. Станным и парадоксальным может показаться в данной ситуации тот факт, что сторонники Запада на интеллектуальном, а точнее, на антиинтеллектуальном плане часто являются противниками Запада в вопросах политики. Но в этом нет ничего удивительного, так как подобные люди стремятся к формированию на Востоке различных «наций», а всякий национализм глубоко чужд традиционным воззрениям. Даже если такие деятели справедливо хотят противостоять иностранной доминации, они используют для этого те же западные методы, что и сами западные народы в своей междоусобной борьбе. Может быть, в этом единственно и состоит смысл самого их существования. Если использование подобных методов стало уже неизбежным, то заниматься этим могут только те члены общества, которые порвали всякую связь с традицией. Возможно, подобные элементы и следует использовать в прагматических целях, чтобы впоследствии избавиться от них, равно как и от самих западных завоевателей. Кроме того, довольно логично было бы обратить против Запада его же собственные идеи, так как такие идеи не могут породить ничего, кроме разделения и разрушения, направленных против тех, кто их впервые выдвинул. Быть может, именно в результате подобных идей и суждено погибнуть современному миру. Не так уж важно, произойдет ли это в ходе вну-

тренних раздоров на самом Западе, раздоров между нациями или социальными классами, или, как предполагают некоторые, вследствие атак «вестернизированных» людей Востока, или же вследствие катаклизма, вызванного «научным прогрессом» — как бы то ни было, всякая опасность для Запада исходит от него самого и является плодом, порожденным им самим.

Единственный вопрос, который следует здесь поставить, состоит в следующем: переживет ли Восток под влиянием Запада лишь временный и довольно поверхностный кризис, или Запад вовлечет в свое падение все человечество? На сегодняшний день трудно дать по этому поводу какой-либо определенный ответ, основанный на конкретных фактах. Обе эти противоположные возможности рассматриваются сегодня на Востоке, но может статься, что все же духовная сила, присутствующая в традиции, — о наличии которой ее враги даже и не подозревают, — одержит верх над материальной силой, когда та отыграет свою роль, и рассеет ее, как свет тьму. Но вероятно и то, что прежде, чем это произойдет, наступит период полнейшего мрака. Традиционный дух не может погибнуть, будучи по ту сторону изменения и смерти. Но он может полностью покинуть этот мир, и в этом случае свершится настоящий «Конец Света», «Конец Мира». Из всего вышесказанного должно быть ясно, что подобное событие скорее всего произойдет в самом ближайшем будущем. Смешение, захлестнувшее сегодня Запад и все больше распространяющееся на Востоке, может быть понято как «начало конца», как предупредительный знак о скором наступлении того момента, когда, согласно индуистской традиции, вся сакральная доктрина замкнется, как в раковине, из которой она снова появится во всей своей полноте лишь на заре нового мира.

Оставим, однако, предсказания будущих событий и обратимся к настоящему: как бы то ни было, Запад, без всякого сомнения, осуществляет свою экспансию повсюду. Вначале его влияние проявлялось только в материальной, наиболее близкой ему, сфере, через насильственные завоевания, торговлю и контроль за природными ресурсами других стран. Сегодня же ситуация значительно усугубилась. Люди Запада, всегда жаждущие прозелитизма, столь им свойственного, преуспели в насаждении своего антитрадиционного и материалистического мировоззрения среди других на-

родов. Если вначале их завоевания затрагивали людей только телесно, то сегодня они проходят в более тонкой сфере, отравляя умы людей и убивая в них всякую духовность. Конечно, только материальное покорение сделало возможным покорение духовное, и поэтому можно утверждать, что Запад, в конечном итоге, навязал себя миру только с помощью грубой силы, что, впрочем, совершенно логично, так как только в грубо материальной сфере состоит единственное преимущество западной цивилизации, какой бы ущербной она ни была с другой точки зрения. Западная экспансия — это экспансия материализма во всех его формах, и она не может быть ничем иным. Ничто не способно опровергнуть эту истину — никакие лицемерные предлоги, никакие моралистические оправдания, никакие гуманитарные восклицания, никакие пропагандистские уловки, никакое (подчас довольное ловкое и искусное) внушение, пытающиеся прикрыть эти разрушительные цели. Отрицать ее могут либо законченные простаки, либо люди, непосредственно заинтересованные в осуществлении «сатанинской» в самом прямом смысле этого слова операции³¹.

Удивительно, что именно тот самый момент, когда западное вторжение происходит повсюду, некоторые люди выбирают для того, чтобы поднять крик о пугающей их опасности внедрения восточных идей на Запад. Как следует понимать это новое недоразумение? Несмотря на наше намерение ограничиться только соображениями общего порядка, мы не можем не сказать здесь несколько слов относительно книги «Защита Запада», недавно опубликованной Анри Масси сом, в которой изложена именно эта точка зрения. Данная книга полна неясностей и даже откровенных противоречий, которые в очередной раз свидетельствуют, до какой степени даже те, кто хочет противостоять современному беспорядку, не способны осуществить это на деле, поскольку и сами они не совсем ясно понимают, против чего собираются бороться. Автор специально подчеркивает, что в его намерение не входит критика подлинного Востока. И если бы он ограничился при этом критикой псевдовосточных фантазий, иными словами, чисто западных теорий, распространившихся в последнее время под обманчивыми восточными названиями, а на самом деле являющихся типичными образцами современного хаотического мышления, то это заслуживало бы только всецелого одобрения с

нашей стороны, так как мы сами всегда заостряли внимание на опасности, заключенной в подобного рода вещах, а также на их полной интеллектуальной несостоятельности. К несчастью, автор на этом не останавливается и приписывает истинному Востоку концепции, мало отличающиеся от псевдовосточных пародий. В этом вопросе он ссылается на мнение более или менее «официальных» ориенталистов, у которых восточные доктрины обычно предстают в виде какой-то карикатуры. Что бы, интересно, сказал сам Массис, если кто-нибудь воспользовался бы подобным же методом при разборе Христианства и попытался бы судить о нем на основании трудов университетских представителей «гиперкритицизма»? Но именно это проделывает он в отношении доктрин Индии и Китая, вдобавок с тем отягчающим обстоятельством, что западные исследователи, на которых он ссылается, вообще не обладают никаким прямым знанием этих доктрин, в то время, как их коллеги, занимающиеся Христианством, по меньшей мере, знакомы с ним непосредственно, хотя их враждебность по отношению к религии закрывает для них возможность хоть сколько бы то ни было адекватного ее понимания. Более того, подчас мы сталкивались с огромными трудностями в том, чтобы убедить людей Востока, что исследования ориенталистов суть не более чем результат их полнейшей некомпетентности в данном вопросе, а не сознательное очернительство с их стороны, — настолько их писания полны враждебности и злобы, свойственных, впрочем, всему антитрадиционному мировоззрению. И здесь мы хотели бы задать Анри Массису вопрос: неужели он действительно полагает, что, в стремлении восстановить свою традицию у себя дома, следует дискредитировать ее у других? Мы употребляем императивную категорию «следует», так как в его случае вся дискуссия разворачивается на политическом уровне. Поскольку мы стоим на иной, чисто интеллектуальной точке зрения, для нас важны не «рекомендации» и «долженствования» различного рода, но лишь вопрос истинности. Но подобная позиция, без сомнения, представляется слишком высокой и отвлеченной для полемически настроенных людей, и она их явно не может удовлетворить. Иногда даже закрадывается сомнение, а заботит ли их, с их склонностью к спорам и опровержениям, вообще истина?³² Анри Массис нападает на то, что он называет «восточной пропагандой», хотя подобное

выражение заключает в себе противоречие, поскольку, как мы уже неоднократно подчеркивали, любовь к пропаганде является чисто западным явлением. Уже этого достаточно, чтобы вскрыть здесь определенное предубеждение автора. Среди тех пропагандистов, которых он имеет в виду, можно выделить две группы. Первая целиком состоит из западных людей. Зачисление немцев и русских в число представителей восточного мировоззрения было бы частной нелепостью, если бы оно не свидетельствовало о полном невежестве относительно того, что является полинным Востоком. Некоторые замечания автора по поводу этой группы действительно не лишены оснований, но почему бы не называть в данном случае вещи своими подлинными именами? К той же первой группе следует отнести и англо-саксонских «теософистов» и основоположников других сходных сект, которые пользуются восточной терминологией только для того, чтобы сбить с толку простаков и невежд, так как за ней скрываются идеи, столь же чуждые традиционному Востоку, сколь и близкие современному антитрадиционному Западу. Подобные люди несравнимо опаснее простых философов, поскольку у них существуют претензии на эзотеризм, столь же чуждый им, как и самим философам, но который, однако, они имитируют, чтобы привлечь к себе людей, ищущих нечто более глубокое, нежели чисто «профанические» рассуждения, но посреди современного хаоса не знающих в каком направлении ориентировать свои поиски. Нас очень удивило, что А. Массис едва упомянул об этой категории. Во второй выделенной им группе, мы сталкиваемся с примерами тех «вестернизированных» людей Востока, о которых мы говорили выше. Эти последние так же невежественны в отношении восточных доктрин, как представители и первой группы, и они в принципе не способны распространять на Западе восточные идеи, хотя бы уже потому, что они их не знают. Кроме того, их истинная цель состоит как раз в прямо противоположном, так как они стремятся уничтожить эти идеи на самом Востоке, и доказать Западу, что модернизированный Восток соответствует тем теориям, которые им были вбиты в голову в Европе и Америке. Будучи откровенными пособниками наиболее вредоносной западной пропаганды, связанной с извращениями в сфере духа, они представляют собой опасность исключительно для Востока, а отнюдь не для Запада, простыми отражениями ко-

того они являются. Из подлинных представителей Востока Массис вообще никого не упомянул, и сделать ему это было бы, впрочем, отнюдь не просто по той причине, что он никого из них не знает. Уже один тот факт, что он не может привести ни одного имени «невестернизированного» представителя Востока должен был бы заставить его как следует подумать и в результате прийти к выводу, что «восточных пропагандистов» вообще не существует.

Далее следует сделать одно замечание, касающееся нас самих, хотя мы и стараемся всегда избегать вопросов, затрагивающих нас лично. Насколько нам известно, кроме нас на Западе не существует ни одного автора, аутентично излагающего идеи Востока. И мы поступаем в этом случае точно так же, как поступил бы на нашем месте любой человек Востока, без малейшего намека на популяризацию или пропаганду, обращаясь лишь к тем, кто способен понять эти доктрины такими, какие они есть, безо всяких искажений и упрощений, сделавших бы их по видимости более доступными. И надо добавить, что, несмотря на вырождение западной интеллектуальности, люди, способные их понять, хотя и представляют собой ничтожное меньшинство, все же не так уж и редки, как этого можно было бы ожидать в подобных условиях. Естественно, о возможности подобного рода деятельности Анри Массис и не подозревает, хотя мы не хотим сказать, что это происходит только по причине его излишней ангажированности политической стороной дела, несмотря на то, что характер его книги во многом оправдывал бы такое предположение. Стараясь все же оставаться максимально благожелательными, мы могли предположить, что ужас, связанный с предчувствием неизбежной гибели западной цивилизации, породил в его голове идею о существовании «восточной пропаганды». И остается только сожалеть, что он оказался неспособным понять подлинные причины, ведущие к этой катастрофе, несмотря на то, что подчас он выказывает справедливую жесткость по отношению к современному миру. Именно этот недостаток понимания истинного положения вещей и сказался на слабости его аргументов: с одной стороны, он не очень уверен в том, кто же является действительным врагом, против которого он борется, а с другой стороны, его «традиционализм» не несет в себе компетентного знания об истинной сущности традиции, и подчас он откровенно отождествляет всю тра-

дицию с чисто внешним политико-религиозным консерватизмом.

Лучшим доказательством того, что сознание Анри Массиса поражено страхом, служат странные и невероятные взгляды, которые он приписывает так называемым «восточным пропагандистам». Он стремится уверить нас, что их воодушевляет только дикая ненависть к Западу, и в силу этой ненависти они стремятся наводнить его своими собственными доктринами, то есть, иными словами, поделиться с ним самой сокровенной и ценной вещью, которой они только обладают и которая составляет истинную сущность их духа! Откровенная противоречивость подобной гипотезы не может не вызвать у читателя чувства глубокого недоумения: все тщательно выстроенные аргументы рушатся в одно мгновение, и однако сдается, что сам автор этого не замечает, так как мы отказываемся верить в то, что он сам, прекрасно сознавая нелепость подобной теории, специально расчитывает на недальновидность и простодушие своих читателей, которых он стремится убедить в том, во что сам не верит. Если немного подумать, станет совершенно очевидным, что в случае действительной дикой ненависти людей Востока к Западу, для них логичнее всего было бы ревностно сохранять свои доктрины только для своего внутреннего использования и всячески препятствовать желаниям западных людей получить к ним доступ. Иногда такие упреки в адрес восточных людей действительно делаются, и на этот раз они гораздо более оправданы. На самом же деле истина заключается в ином: подлинные представители восточной традиции и хранители доктрин Востока не испытывают никакой ненависти к кому бы то ни было, и единственной причиной их сдержанности в определенных вопросах является сознание абсолютной бесполезности изложения некоторых истин тем, кто просто не в состоянии их усвоить. Но для тех, кто обладает достаточной «квалификацией» для этого, они в этом никогда не отказывают, независимо от их происхождения. Чья же вина в том, что среди подобных людей представители Запада столь редки? Но кто будет виноват, если большинство восточных людей действительно начнет ненавидеть Запад, сменив полнейшее безразличие на чувство ненависти? Следует ли обвинять в этом традиционную элиту Востока, которая, будучи верной чисто интеллектуальному созерцанию, уже по определению держится

надо всеми формами внешних действий, или все же тут надо упрекнуть самих представителей Запада, сделавших все возможное, чтобы превратить свое присутствие в нечто омерзительное и невыносимое? Как только вопрос поставлен в должных пропорциях, ответ становится самоочевидным для всех, и если даже допустить, что восточные люди, которые до сих пор проявляли невероятное терпение, наконец, захотят снова стать хозяевами в своем собственном доме, кто осмелится их в этом обвинить? Когда в дело вмешиваются страсти, одни и те же вещи могут быть оценены весьма различным, а подчас даже прямо противоположным образом. Так, к примеру, когда западные народы противятся иностранному вторжению, это называется «патриотизмом» и всячески приветствуется. Но когда то же самое делают народы Востока, это становится «фанатизмом» или «ксенофобией» и вызывает к себе только ненависть и презрение. Так разве не во имя «права», «свободы», «справедливости» и «цивилизации» европейцы стремятся навязать свое господство всем остальным, запрещая жить и думать иначе, нежели они сами? Нельзя отрицать, что морализаторство — это удивительная вещь, свободная от какой бы то ни было логики, или, по меньшей мере, следует допустить, — и мы охотно разделяем эту точку зрения, — что на всем Западе существует только два типа людей, ценность каждого из которых вызывает большие сомнения. К первому типу относятся закоренелые идиоты, которые всерьез принимают громкие лозунги и верят в свою «цивилизаторскую миссию», вообще не замечая того, до какой степени материалистического варварства они сами докатились. Ко второму же типу принадлежат коварные мерзавцы, пользующиеся общим умственным вырождением большинства, чтобы потворствовать своим грязным инстинктам насилия и своекорыстия. Во всяком случае, совершенно очевидно, что люди Востока не представляют собой угрозы для кого бы то ни было и не имеют никаких планов по завоеванию Запада в той или иной области. В настоящий момент им хватает своих проблем, связанных с необходимостью противостоять западному давлению, которое грозит сегодня разрушить их духовные формы и извратить их мышление. И видеть агрессоров, прикидывающихся жертвами, по меньшей мере, странно.

Эти пояснения были совершенно необходимы, поскольку иногда об определенных вещах приходится говорить со всей откровенностью. Но мы считаем пустой тратой времени подробнее останавливаться на этих темах, так как аргументы «защитников Запада» слишком натянуты и несостоятельны. Более того, в случае господина Анри Массиса мы нарушили наше правило не говорить о конкретных личностях только потому, что в данных обстоятельствах он воплощает в себе одну из сторон современного мышления, которую нельзя не учитывать при анализе современного мира. Как может традиционализм столь низкого уровня, с его узкими горизонтами и фрагментарными познаниями, и, более того, традиционализм довольно искусственный, предложить какое бы то ни было реальное и эффективное противоядие современному мировоззрению, многие предрассудки которого свойственны ему самому? И традиционализму, и современному мышлению, против которого он борется, в равной мере не хватает знания истинных принципов. И там и там — одинаково предубежденное отрицание вещей, выходящих за определенные рамки, и там и там — одинаковая неспособность признать существование различных цивилизаций и те же предрассудки греко-латинского классицизма. Эта неадекватная реакция интересна для нас лишь тем, что она свидетельствует об определенном недовольстве настоящим положением вещей среди наших современников. Можно было бы, однако, найти и другие формы выражения этого недовольства, которые, будучи адекватно сориентированными, могли бы привести и к более позитивным результатам. Однако в настоящее время все это находится в хаотическом состоянии и трудно сказать, что из этого получится. Уместно было бы упомянуть здесь и некоторые предсказания, имеющие прямое отношение к судьбе современного мира. Ими и следовало бы закончить настоящую работу, если бы ссылки на них не подвергались риску дать «профаническому» невежеству легко доступный повод для вульгаризации определенных знаний, а к изложению некоторых соображений такого рода следует всегда подходить с величайшей осторожностью. Мы не принадлежим к числу тех, кто полагает, что обо всем можно говорить совершенно открыто, по меньшей мере, тогда, когда дело касается не самой чистой доктрины, а ее частных приложений. Определенные ограничения в этой области совершенно необходи-

мы, а кроме того, всегда следует сообразовываться с конкретными обстоятельствами. Но эта обоснованная и необходимая осторожность не имеет ничего общего с ребяческими страхами, проистекающими из простого невежества и подобными ужасу человека, который, согласно индусской поговорке, «принял веревку за змею». Нравится ли это кому-то или нет, но определенные вещи должны быть высказаны только тогда, когда этого требуют обстоятельства. И этому не могут помешать ни эгоистические интересы одних, ни бессознательная враждебность других, но, с другой стороны, и нетерпение третьих — тех, кто захвачен спешкой современного мира и хочет узнать все сразу,— не может ускорить тот срок, в который определенным вещам суждено открыться. Но этим последним следует утешать себя тем, что все возрастающая скорость событий в современном мире, несомненно, не замедлит удовлетворить их любопытство. Хотелось бы только, чтобы они не пожалели о своей недостаточной подготовленности к получению определенных знаний, к которым они стремились скорее эмоционально, нежели обдуманно.

Глава 9

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Главная задача настоящего труда состояла в том, чтобы показать, как путем приложения данных традиции найти прямые ответы на вопросы, возникающие сегодня; каким образом можно объяснить актуальное положение современного человечества, а также как следует оценивать сущность современной цивилизации в соответствии с духовной истиной, а не просто исходя из условных правил или сентиментальных предпочтений. Мы отнюдь не утверждаем, что полностью осветили данную проблему или разобрали ее во всех деталях, а также, что мы развили все аспекты этой темы. Уже сами принципы, которыми мы вдохновлялись, обязывали нас придерживаться сущностно синтетической, а не аналитической точки зрения, на которой настаивает современное «профаническое» обучение. Но именно потому, что эта точка зрения является синтетической, она позволяет дать гораздо более глубокие объяснения, нежели какой бы то ни было анализ, в действительности пригодный лишь для описания, а не для объяснения явлений. Но мы считаем, что сказали достаточно, и те, кто способен понять суть, смогут теперь сами вывести для себя все те следствия, которые потенциально содержатся в тезисах данной работы. И они могут быть уверены, что подобный труд будет для них более ценным, нежели чтение книг, не оставляющих место для самостоятельных раздумий и размышлений. Мы же, напротив, стремились предложить отправную точку для подобных самостоятельных поисков, разработать фундамент для возведения интеллектуального здания, способного возвыситься над всем бессмысленным множеством частных и узко индивидуальных мнений.

Остается добавить несколько слов относительно практической значимости данной работы. Вообще говоря, эта практическая значимость не должна представлять для нас особого интереса, так как мы стоим на точке зрения чистой ме-

тафизической доктрины, по отношению к которой всякое ее приложение остается не важным и условным, а именно о таком приложении здесь и идет речь. Однако, помимо какой бы то ни было практической пользы, это приложение в данном случае необходимо по двум причинам: оно является правомочным следствием определенных принципов, закономерным развитием доктрины, которая, будучи единой и универсальной, должна охватывать все уровни реальности без исключения. Одновременно с этим подобное приложение может являться, по крайней мере для определенных людей, подготовительным этапом для перехода к высшему уровню знания, как мы показали это на примере «сакральной науки». Но кроме того, находясь в сфере приложений принципов, вполне правомочно рассматривать эту сферу в ее собственных терминах, оценивая присущую ее элементам значимость в категориях самого этого уровня, но, естественно, лишь при том условии, что сами принципы ни на мгновение не будут упущены из виду. Забвение принципов — опасность вполне реальная, и мы видели, что такое забвение лежало в основании вырождения, приведшего к возникновению «профанической науки». Но эта опасность не грозит тому, кто ясно понимает, что все происходит из чистого интеллекта, и все зависит от него, в то время как то, что не осознает этой зависимости, с необходимостью является иллюзорным. Как мы уже неоднократно говорили, все должно начинаться с уровня чистого знания. То, что представляется максимально удаленным от практической сферы, несмотря на это является максимально эффективным. Эта эффективность реальна даже в самой этой практической сфере, поскольку здесь, как и везде, без знания принципов нельзя добиться ничего серьезного, долговременного и ценного, и всякая деятельность такого рода останется лишь поверхностной и тщетной суетой. Возвращаясь непосредственно к интересующему нас вопросу, следует заметить, что именно по этой причине, если бы все люди познали то, чем является современный мир в действительности, этот мир в то же мгновение прекратил бы свое существование, так как это существование, равно как и сам современный мир, суть явления негативные, основанные на чистом отрицании, как и вообще всякое невежество, незнание и чистая ограниченность. Современный мир есть не что иное, как отрицание традиционной и сверхчеловеческой

истины. И в случае такого понимания сущности современного мира всем человечеством финальная трансформация произошла бы безо всякой катастрофы, которой иначе нельзя избежать ни при каких условиях. И мы не ошибемся, если скажем, что такое понимание чревато воистину неисчислимыми практическими последствиями. Но, с другой стороны, трудно представить себе, что действительно все смогут достичь этого знания, так как большинство современных людей сегодня далеки от этого, как никогда ранее. Впрочем, это даже и не является строго необходимым, так как в данном случае достаточно небольшой, но адекватно сформированной элиты для того, чтобы задать массе определенное направление. При этом масса, подчиняющаяся воздействию элиты, могла бы даже и не подозревать о существовании самой этой элиты и о методах ее воздействия. Возможно ли еще на Западе формирование такой элиты?

Мы не будем возвращаться к тому, что уже было сказано нами в другом месте относительно роли интеллектуальной элиты, которую она смогла бы сыграть при определенном стечении обстоятельств в более или менее недалеком будущем. Ограничимся лишь следующим замечанием: какой бы ни была трансформация, происходящая при переходе от одного мира к другому,— независимо от того, идет ли речь о больших или малых циклах,— она, оставаясь внезапной и резкой, не предполагает полного обрыва всякой преемственности, абсолютной дисконтинуальности, так как все циклы связаны друг с другом цепью причин. Элита, о которой мы говорим, могла бы, пока для ее формирования еще осталось немного времени, подготовить эту трансформацию таким образом, чтобы она произошла при наиболее благоприятных условиях и чтобы заключенные в ней неизбежные потрясения были бы сведены к минимуму. Но даже если бы этого не удалось добиться, у нее остается еще одна, более важная задача — способствовать сохранению того, чему суждено пережить гибель современного мира и принять участие в становлении мира грядущего. Вполне понятно, что не следует дожидаться конца нисхождения, чтобы начать подготавливать новое восхождение, так как такое восхождение неизбежно грядет даже в том случае, если нельзя избежать финального катаклизма, которым завершится процесс нисхождения. Итак, в любом случае усилия не будут потрачены даром: и потому, что сама эта элита будет вознаграж-

дена сторицей уже самим фактом своего появления, и потому, что так или иначе результаты этих усилий с необходимостью коснутся всего человечества.

Вот как следует рассматривать актуальное положение дел в этом вопросе: элита в восточных цивилизациях еще существует, и несмотря на то, что она становится все более и более малочисленной под воздействием экспансии современного мира, она будет существовать до конца цикла, так как это необходимо для сохранения Традиции, которая не может погибнуть окончательно, и для дальнейшей передачи того, что сохранилось. На Западе же, напротив, такой элиты в настоящий момент нет. Вопрос остается открытым: сможет ли она сформироваться до конца нашей эпохи, то есть будет ли участвовать западный мир в сохранении и передаче Традиции, или же вся западная цивилизация, потеряв последние остатки подлинного духа Традиции, должна быть уничтожена за неимением пригодных для будущего века элементов? На конечном результате цикла судьба Запада, конечно, не скажется, и поэтому, строго говоря, поставленный вопрос имеет весьма второстепенное значение, но все же, учитывая конкретные условия нашего периода, эта проблема имеет некоторый смысл. В принципе, можно было бы ограничиться замечанием, что западный мир, несмотря ни на что, является частью единого целого, от которого он отделился окончательно лишь с началом современной эпохи, и что в финальной интеграции нашего цикла все части должны обрести свое законное место. Но это не обязательно предполагает предварительную реставрацию самой западной традиции, так как эта традиция может продолжать существовать в виде постоянной возможности в самом своем принципиальном истоке, вне всякой обусловленной обстоятельствами формы, в виртуальном состоянии. Мы упоминаем здесь об этом лишь в качестве простого замечания, так как, чтобы адекватно понять эту идею, следует разобрать сложные взаимоотношения между Примордиальной Традицией и традициями, ей подчиненными, что, естественно, здесь мы сделать не сможем. Подобный исход был бы самым печальным для западного мира, взятого как самостоятельная реальность, и его актуальное состояние заставляет опасаться, что именно такой исход наиболее вероятен. Но все же мы утверждаем, что некоторые признаки позволяют не терять до конца надежду на более благоприятное разрешение сложившейся ситуации.

Сегодня на Западе существует гораздо больше, чем обычно принято считать, людей, начинающих понимать, чего не достает их цивилизации. Если они подчас и остаются на уровне смутных стремлений, если их поиски часто оказываются тщетными и даже заводят их в полный тупик, то лишь потому, что у них не хватает конкретных данных, заменить которые ничто не в состоянии, и потому, что не существует никакой организации, которая могла бы указать им должное направление. Мы здесь не говорим о тех, кто находит это направление в восточных традициях и кто интеллектуально выходит тем самым за рамки западного мира. Подобные люди, представляя собой случай исключительный, не могут стать членами чисто западной элиты. Они остаются как бы продолжением восточных элит и могут служить переходным звеном между этими элитами и элитой Запада, если таковая будет сформирована. Но западная элита должна организоваться по инициативе самого Запада, и в этом состоит главная трудность. Эта инициатива может развиваться двояким образом: либо Запад найдет в самом себе средства для прямого возврата к своей собственной традиции, как бы мгновенно пробудив свои скрытые возможности, либо определенные западные люди осуществят эту деятельность по реставрации традиции с помощью знаний, почерпнутых из восточных доктрин. Такое знание, однако, не может быть для них прямым, так как они несмотря ни на что должны оставаться людьми Запада. Но это знание может быть усвоено ими через косвенное влияние, оказываемое теми, кто вступил в элиту Востока и о ком мы упоминали выше. Первая из этих гипотез маловероятна, так как она предполагает интегральное и целостное сохранение на Западе хотя бы одного полноценного элемента традиционного духа, но вопреки заявлениям некоторых авторов о том, что такое сохранение действительно имеет место, нам оно представляется весьма сомнительным. Поэтому следует подробнее разобрать вторую гипотезу.

В этом случае определенное преимущество, хотя и отнюдь не необходимое, заключается в том, что формирующаяся элита смогла бы найти точку опоры в какой-то западной организации, которая уже существует в реальности. Но на Западе есть только одна организация действительно традиционного характера, сохранившая доктрину, которая может предоставить надежное основание для осуществления рес-

таврации: это Католическая Церковь. Для того, чтобы Церковь стала действительно центром создания интеллектуальной элиты, достаточно было бы, ничего не меняя в ее внешней религиозной форме, вернуть ее доктрине ее глубинный смысл, который был свойственен ей изначально, но который не осознается более современными представителями Церкви. Кроме того, следовало бы всемерно подчеркивать сущностное единство Христианства с другими аутентичными формами Традиции. Впрочем, эти два аспекта вообще неотделимы друг от друга. Все это и явилось бы подлинной реализацией католицизма в истинном смысле слова, а слово «католический» этимологически заключает в себе идею универсальности, что часто забывают те, кто хочет отождествить это название с узко западной религиозной формой, не имеющей никаких связей с другими традициями. И можно сказать, что при настоящем положении дел католицизм как универсальность существует лишь в потенции, так как в нем нет более и следов сознания истинной универсальности. Но верно, однако, что сам факт существования организации с таким названием, является указанием на возможное основание для реставрации духа традиции во всей его полноте, тем более что в средние века Католическая Церковь уже служила опорой для этого духа в западном мире. Итак, речь идет лишь о воссоздании того, что уже существовало до начала современного извращения. Остается лишь произвести определенную адаптацию к условиям актуальной эпохи. И если кто-то из католиков удивится подобной идее и попытается ее опровергнуть, то причина этого может корениться только в невольной бессознательной затронуте™ современным духом, который превращает нынешних верующих в носителей внешней скорлупы Традиции, и не подозревающих о ее внутреннем глубинном содержании. Однако крайне важно установить, не заглушил ли еще окончательно и бесповоротно формализм буквального подхода (который сам по себе является еще одним проявлением того же «материализма») чистый дух религии? Или в лоне данной организации еще можно пробудить этот дух, не исчезнувший окончательно, но лишь временно затемненный и омраченный подобным буквальным подходом? Ответ на этот вопрос смогут дать только грядущие события.

Возможно, что сам ход событий заставит руководителей Католической Церкви рано или поздно осознать важность

того, что они отказываются признавать на чисто интеллектуальном уровне. И безусловно, вызывает сожаление, что эта необходимость осмысления определенных вещей будет порождена преходящими обстоятельствами чисто политического характера в отрыве от всякого высшего принципа. Но следует признать, что повод для развития некоторых скрытых потенций дается во всех случаях средствами, соответствующими непосредственным и актуальным способностям каждого в отдельности. Вот почему мы беремся утверждать следующее: перед лицом усугубления все возрастающих беспорядка и хаоса следует призвать к союзу все духовные силы, оказывающие еще хотя бы какое-то влияние на внешний мир как на Востоке, так и на Западе. И в случае Запада это может относиться только к Католической Церкви. Если она сумела бы таким образом войти в контакт с представителями восточных традиций, мы всецело одобрили бы такой поворот событий, так как это послужило бы отправной точкой для процесса, о котором мы говорили выше. Но это будет не более чем первым шагом, так как несомненно не замедлит обнаружиться то обстоятельство, что чисто внешнее, «дипломатическое» взаимопонимание будет иллюзорным и не приведет ни к каким позитивным результатам. И снова придется возвращаться к тому, с чего в нормальных случаях следовало бы начинать, — к согласию относительно самих принципов, к согласию, необходимым и достаточным условием которого будет новое осознание представителями Запада этих принципов в той же мере, в какой оно всегда было свойственно представителям Востока. Подлинное согласие — повторим это еще раз — может установиться только сверху и изнутри, то есть в сфере чисто духовной и чисто интеллектуальной, что одно и то же, так как для нас эти слова суть синонимы. И затем, отправляясь от этой точки, согласие установится и во всех остальных областях. После того как станут ясны принципы, не составляет труда вывести из них в качестве следствий, в качестве «эксплицирования», и все остальное. И преградой для этого может быть только одно: западный прозелитизм, который никак не может признать, что иногда надо иметь равноправных «союзников», а не просто «подчиненных». А еще точнее, истинной преградой является недостаток понимания определенных вещей, который и приводит к подобному прозелитизму. Преодолимо ли это препятствие? Если оно

непреодолимо, то формирующейся элите придется рассчитывать исключительно на личные усилия тех, кто достаточно интеллектуально квалифицированы сами по себе, вне всякой конкретной среды, при само собой разумеющейся поддержке Востока. В таком случае дело значительно осложнится и замедлится, поскольку элите придется самой создавать для себя все необходимые инструменты, вместо того чтобы использовать уже готовые. Но мы не думаем, что эти трудности, какими бы значительными они ни были, смогут сами по себе помешать тому, что должно осуществиться тем или иным образом.

Мы считаем уместным добавить следующее: сейчас в западном мире существуют признаки одного движения, которое остается еще недостаточно определенным, но которое в нормальном случае должно привести к воссозданию интеллектуальной элиты, если, конечно, катаклизм не произойдет до того, как этот процесс успеет завершиться. Вряд ли стоит говорить, что Церкви в перспективе ее будущей роли было бы чрезвычайно выгодно тем или иным образом способствовать этому движению, а не предоставлять его самому себе, чтобы рано или поздно не оказаться в ситуации, когда придется догонять его ради сохранения своего влияния, которое может в один момент и прекратиться. Не надо даже прибегать к высшим соображениям, чтобы увидеть преимущества, которые сама Церковь может извлечь из нормального и внимательного отношения к этим тенденциям, тем более что оно не потребовало от нее никаких доктринальных уступок, и, напротив, очистило бы ее ото всех примесей современного духа, а также ничего не изменило в ее внешних аспектах. Было бы парадоксально, если бы Интегральный Католицизм реализовался без участия самой Католической Церкви. Эта Церковь оказалась бы в странном положении, так как перед лицом самых страшных нападков, которым она когда-либо подвергалась, она вынуждена была бы воспользоваться помощью и защитой тех, кого сами ее руководители (или по меньшей мере, те, кто выступают от имени ее руководителей) постарались дискредитировать совершенно необоснованными подозрениями. Что касается нас самих, то мы очень сожалели бы о подобном исходе. Но если все же ответственные представители Церкви в данной ситуации не хотят, чтобы дела дошли до этой стадии, они должны действовать именно сейчас и, полностью осознав

все происходящее, запретить некоторым более или менее второстепенным деятелям Церкви по недостатку знаний или по общему недоброжелательству препятствовать тем попыткам, которые могут привести к очень важным и позитивным результатам. И подобные препятствия на пути позитивных процессов уже не раз ставились этими второстепенными церковными деятелями, что лишний раз доказывает повсеместность хаоса и беспорядка, не миновавших и саму Церковь. Мы уже предвидим, что нас не преминут обвинить в отсутствии беспристрастности в данном вопросе, но мы утверждаем, что высказали эти соображения независимо ни от каких личных симпатий и совершенно объективно. Впрочем, подобные обвинения нас вообще не затрагивают, и мы всегда будем высказывать то, что должно быть сказано в тех случаях, которые мы считаем для этого подходящими. Наши настоящие замечания суть итог определенных заключений, к которым мы пришли в результате наблюдения за некоторыми «опытами», поставленными в чисто интеллектуальной сфере. Здесь же мы не хотели бы более вдаваться в подробности, которые сами по себе не представляют для нас большого интереса. Но мы спешим заверить читателей, что каждое сказанное нами слово по этому поводу мы хорошо обдумали. Следует однозначно предупредить, что тут совершенно бесполезно возражать, прибегая к социальным или чисто философским аргументам. Мы говорим о серьезных вещах и говорим о них всерьез, а поэтому у нас нет никакого желания терять время на дискуссии, в которых мы не видим ни малейшего смысла. Мы стоим в стороне от всякой политики, от всяких партийных ссор и раздоров между различными школами. Точно так же мы категорически отказываемся от всех западных «этикеток» и ярлыков, навешиваемых на высказываемые нами идеи, так как в западной терминологии нет того слова, которое могло бы их адекватно охарактеризовать. Нравится ли это кому-то или нет, но дела обстоят именно таким образом, и ничто не может изменить нашей позиции в этом вопросе.

Здесь мы хотим высказать одно предупреждение, адресованное тем, кому,— если не в силу действительных и уже полностью усвоенных знаний, то, по меньшей мере, в силу природной способности к пониманию определенных вещей,— суждено стать членами возможной элиты Запада. Не

вызывает никаких сомнений, что современный дух, будучи «дьявольским» в самом прямом смысле этого слова, стремится изо всех сил помешать тому, чтобы члены потенциальной элиты, сегодня изолированные друг от друга и разрозненные, смогли бы сплотиться должным образом для оказания эффективного воздействия на общественное мышление. Мы всячески настаиваем, чтобы те, кто более или менее глубоко осознали цель, к которой направлены их усилия, не позволили бы каким бы то ни было трудностям и препятствиям свернуть их с пути. Те, кто еще не выбрали такой абсолютной ориентации, которая охраняла бы их от опасности сбиться с дороги, подвергаются серьезному риску, чреватому серьезными извращениями. В этом вопросе необходима определенная осторожность и даже «недоверчивость», так как «враг», пока он не будет уничтожен окончательно, всегда может принимать самые различные и порой самые неожиданные формы. Часто бывает, что люди, полагающие, что они ускользнули от современного «материализма», притягиваются вещами, которые могут казаться противоположными этому материализму, но которые на деле оказываются реальностями того же порядка. И учитывая особенности западного характера, следует быть особенно бдительными к столь притягательным для этого характера «экстраординарным феноменам». В этом состоит основное заблуждение неоспиритуалистов, и эта опасность, скорее всего, со временем будет возрастать, так как для сил мрака, поддерживающих актуальный хаос, это является наиболее эффективным средством. Вполне возможно, что мы не так далеки сегодня от эпохи, предсказанной словами Евангелия: «Поднимется лжехристос и лжепророки, которые будут творить великие чудеса и дивные вещи, и даже избранные соблазнятся». «Избранные» — это, в согласии с этимологией, и есть элита в самом широком смысле этого слова, и заметим, что именно по этой причине мы настаиваем на использовании термина «элита», вопреки всем сугубо профаническим злоупотреблениям этим словом. Действительно избранными являются те, кто, завершив внутреннюю реализацию, не может более поддаться соблазну. Но остаются еще и те, кто, имея в себе лишь потенции знания, являются только «зваными». Мы вступаем в эпоху, когда крайне трудно будет отличить «зерна от плевел», осуществить ту операцию, которую богословы называют «различением духов»,

так как скоро произойдет великое множество чрезвычайно сложных, беспорядочных и хаотических событий. Кроме того, те, кто при нормальных обстоятельствах должны были бы быть поводьями и вожжами, сегодня, в силу недостатка истинных знаний, часто сами становятся «слепыми поводьями слепых». И неужели в подобных обстоятельствах, для того чтобы воспрепятствовать высвобождению подлинно адских сил, помогут диалектические тонкости или какая-нибудь, пусть даже самая прекрасная, философия? Это не более чем иллюзия, которой следует остерегаться. Часто люди, находящиеся в полном неведении относительно того, что является чистым интеллектом, воображают, будто философское знание, которое даже в самом лучшем случае есть не что иное, как бледная тень знания истинного, может все поправить и всерьез излечить болезнь современного мышления. Есть также и те, кто видит в современной науке средство подняться до высших истин, в то время как на самом деле эта наука основывается как раз на отрицании таких истин. Все подобные иллюзии ведут лишь к потере истинной ориентации. В результате будет лишь зря растрачено множество усилий, и те, кто искренне хочет сопротивляться современному духу, будут обречены на полное бессилие, так как, не обретя знания глубинных принципов, без которых всякое действие окажется совершенно тщетным и пустым, они с неизбежностью зайдут в безысходный тупик.

Те, кто преодолевают препятствия и победят сопротивление среды, противостоящей всякой духовности, будут, без сомнения, весьма немногочисленны. Но здесь количество не играет роли, так как в этой сфере действуют иные законы, нежели законы материи и количества. Поэтому отчаиваться не следует. Но даже если нет никакой надежды достичь хоть сколько-нибудь весомого результата в деле реставрации Традиции прежде, чем современный мир погибнет в ходе той или иной катастрофы, это не может быть оправданием того, чтобы не заниматься делом, глубинная значимость которого выходит далеко за рамки современного мира. Все, кто склонен предаваться отчаянию, должны помнить: ничто совершенное в этой области не проходит бесследно. Мрак, заблуждение и хаос побеждают лишь по видимости и на очень короткий промежуток времени. Все частные и преходящие нарушения равновесия являются лишь элементами универсальной гармонии. И, наконец, ничто и никогда

не сможет противостоять силе истины. Так пусть девизом таких людей станет девиз некоторых древних инициативских организаций Запада: « *Vincit omnia \feritas* » — «Истина побеждает все».

КОНЕЦ

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Это связано с божественной функцией «сохранения», представленной в индуистской традиции богом Вишну; еще более детально она запечатлена в доктрине Аватар, или «нисхождений» Божественного Принципа в проявленный мир. Но остановиться на этой доктрине подробнее мы здесь не имеем возможности.

² Следует заметить, что имя Зороастр не относится к какой-либо отдельной личности, но означает определенную функцию, одновременно пророческую и законодательную. Существовало несколько Зороастров, живших в различные эпохи. Вполне возможно, что эта функция была коллективной, так же как, например, в Индии в случае Вьясы. В Древнем Египте под деяниями или текстами Тота, или Гермеса, также понимались результаты деятельности всей касты жрецов в целом.

³ Проблема Буддизма не так проста, как это может показаться, судя по этому краткому замечанию. Любопытно заметить, что сами индуисты, когда дело касается их собственной традиции, всегда осуждают буддистов. Однако по отношению к Будде они ведут себя иначе, и многие даже почитают его, считая 9-м Аватарой. В самом же Буддизме, в той форме, в какой он сегодня существует, необходимо различать Махаяну, «Большую Колесницу», и Хинаяну, «Малую Колесницу». В целом же можно сказать, что Буддизм в Индии резко отличается от Буддизма за пределами Индии. Кроме того в самой Индии после царя Ашоки он стал постепенно сходить на нет, пока не исчез почти полностью.

⁴ Так обстоит дело не только в Индии, но и на Западе; именно по этой причине не осталось следов от древнейших галльских городов, сам факт существования которых, тем не менее, не подлежит сомнению, так как засвидетельствован многими древними источниками. Но и здесь современные историки, ссылаясь на отсутствие сохранившихся монументов, стараются представить древних галлов дикарями, жившими в лесах.

⁵ Между «философией» и мудростью существует такое же соотношение, как между «одаренным человеком» и «трансцендентным человеком», или «истинным человеком» в даосской традиции.

⁶ Мы упомянем только два примера среди фактов такого рода, имевших самые серьезные последствия: это мнимое изобретение книгопечатания, в действительности известное китайцам задолго до Христианской эры, и «официальное» открытие Америки — континента, с которым уже в средние века существовали гораздо более тесные, чем это принято считать сегодня, связи.

⁷ Этот закон в Элевсинских мистериях был представлен символизмом пшеничного зерна. Алхимики называли его «гниением» («путрефакцией») и символизировали черным цветом, *pigredo*, отмечающим начало «Великого Делания». Христианские мистики называли этот закон, взятый в одном из его аспектов, «черная ночь души», применительно к духовному развитию существа, поднимающегося к высшим состояниям бытия. Нетрудно привести и множество других сходных примеров.

⁸ Умозрение и действие суть две главные функции соответственно двух высших каст — брахманов и кшатриев. Соотношение между ними соответствует соотношению между духовной и светской властью. Однако мы не можем подробнее остановиться здесь на этом вопросе, так как он требует специального и подробного анализа.

⁹ Тем, кто сомневаются в признании значимости, хотя и относительной, действия традиционными доктринами Востока, и в частности Индии, следует обратиться к Бхагавадгите, которая — и об этом надо всегда помнить, чтобы точно понять ее смысл — является книгой, предназначенной специально для кшатриев.

¹⁰ Именно в согласии с таким соотношением говорится, что брахман — это тип стабильного, а кшатрий — нестабильного, подверженного изменениям существа. И все существа, населяющие этот мир в соответствии со своей природой, связаны в той или иной степени с теми и с другими, так как между человеческим и космическим уровнем существует полное соответствие.

¹¹ С другой стороны, следует заметить, что результаты, полученные в процессе действия, благодаря его преходящей природе, всегда отделены от самого этого процесса, тогда как знание содержит в самом себе свою собственную цель.

¹² Вскоре после своего возникновения буддизм в Индии стал одним из основных проявлений революции кшатриев против власти брахманов, и как можно заключить из всего предыдущего, существует неоспоримая связь между отрицанием всякого неизменного принципа и отрицанием духовной власти, а также между сведением всей реальности к «становлению» и утверждением чисто светской власти, чьей сферой является мир действия. Можно также показать, что натуралистические и антиметафизические доктрины всегда возникают тогда, когда в цивилизации светская власть начинает преобладать над духовной.

¹³ Следует заметить, что нечто подобное произошло и в социальной сфере, когда современные люди постарались отделить временное, светское, от духовного. Мы не хотим сказать, что между этими вещами не существует различий. Они есть уже потому, что светское и духовное относятся к разным сферам жизни, подобно тому как различаются между собой метафизика и традиционные науки, но типичное заблуждение аналитического подхода состоит в том, что в нем стирается существенная граница между простым различием и абсолютным разделением (между дифференциацией и сепарацией). Только благодаря такому разделению (сепарации) временная, светская власть потеряла свою правомочность. И то же самое на интеллектуальном уровне можно сказать и о науках.

¹⁴ На уровне религии подобное замечание приложимо и к определенному роду «апологетике», стремящейся примирить между собой результаты современной науки и религиозные догматы, что является совершенно пустым занятием, которое, более того, всегда приходится начинать сызнова, что влечет за собой серьезную опасность постановки религии в зависимость от изменчивых и эфемерных концепций, от которой в нормальном случае она должна быть совершенно свободной.

¹⁵ Легко привести конкретный пример этому: укажем лишь на поразительную разницу между концепцией эфира в традиционной индуистской космологии и той же самой концепцией в современной физике.

¹⁶ Это выражается, в частности, в термине «упаведа», который используется в Индии для обозначения некоторых традиционных наук и подчеркивает их подчиненность Ведам, то есть чисто сакральному знанию.

¹⁷ В нашей работе «Эзотеризм Данте» мы говорили о символизме лестницы, ступени которой в различных традициях соответствуют определенным наукам и одновременно определенным состояниям бытия. Такое соответствие с необходимостью предполагает, что эти науки понимались не чисто профанически, как в современном мире, но предполагали возможность расширительного толкования, включая надделение их инициатическим смыслом.

¹⁸ Вот почему индуистская доктрина утверждает, что брахманы должны постоянно обращать свой разум непосредственно на высшее знание, тогда как кшатриям следует, скорее, следовать к этой цели постепенно, от уровня к уровню.

¹⁹ Легко привести конкретный пример этому: укажем лишь на поразительную разницу между концепцией эфира в традиционной индуистской космологии и той же самой концепцией в современной физике.

²⁰ В качестве ярчайшего примера традиционного искусства можно упомянуть искусство средневековых строителей, практика которых кроме всего прочего предполагала еще и истинное знание соответствующих традиционных наук.

²¹ Чтобы убедиться в этом, достаточно указать на следующий факт: космогония, одна из самых сакральных наук, включенная в большинство священных писаний, в том числе и в Библию, стала в современном мире полем совершенно «профанических» гипотез. Сфера изучения в обоих случаях — одна и та же, подход же радикально иной.

²² Кроме того, согласно Евангелию, это положение дел (то есть существование Традиции на Западе в форме религии, в форме Церкви) должно сохраниться вплоть до конца света, то есть вплоть до конца настоящего цикла.

²³ То, что люди называют случайностью, есть не что иное, как их личное неведение относительно причин случившегося. Если понимать выражение «это произошло случайно» в смысле «это не имело никакой причины», мы приходим к явному противоречию.

²⁴ См. *R. Guenon*. «L'authorite spirituelle et le pouvoir temporal» (*Прим. перев.*).

²⁵ Следует хотя бы вспомнить выражение святого Фомы Аквинского: «Numerus stat ex parte materiae», — то есть «количество стоит на стороне материи».

²⁶ В данном случае, как и во многих других, аналогия между одним и другим уровнем реальности является строго обратной.

²⁷ Эту тенденцию индуистская доктрина называет «тамас» и отождествляет с невежеством и темнотой. Сказанное выше относительно необходимости обратной аналогии применимо и здесь, так как сжатие и конденсация здесь прямо противоположны концентрации чисто духовного и интеллектуального порядка, которая, в свою очередь, как бы парадоксально это ни казалось, в сфере множественности имеет своим коррелятом разделение и дисперсию. То же самое относится к униформности, достигаемой при реализации эгалитарной концепции, то есть к единообразному выравниванию всего по низу, по низшему уровню, что является прямой противоположностью истинного высшего и принципиального единства.

²⁸ Вот почему Данте поместил Люцифера в точку центра земли, то есть туда, где сходятся воедино все вектора силы тяжести. С этой точки зрения, данный центр является противоположностью духовного, «небесного» центра притяжения, который в большинстве традиционных доктрин символизируется солнцем.

²⁹ До 18-го века существовали «механицистские» теории, начиная с греческого атомизма и кончая картезианской физикой. Но механицизм нельзя смешивать с материализмом, несмотря на наличие между ними действительного сходства, которое впоследствии и породило некоторую приемственность одного по отношению к другому.

³⁰ «Спиритуализм» — от лат. *spiritus*, т. е. «дух». (*Прим. перев.*).

³¹ Сатана по древнееврейски означает «враг», «противник», то есть тот, кто извращает, переворачивает все вещи с ног на голову. Дух отрицания и переворота фактически совпадает с нисходящей, низводящей все и вся тенденцией, с тенденцией «инфернальной» в этимологическом смысле этого слова (*infernus* по-латыни означает «низ», «нисходящий» и одновременно «ад».— *прим. перев.*), которая вовлекает существ в процесс материализации, лежащий в основе развития современного мира.

³² Нам известно, что А. Массис знаком с нашими работами, но он всячески избегает на них ссылаться, так как они опровергли бы его тезисы. Такая его позиция страдает, мягко говоря, недостатком мужества. Однако, с другой стороны, в этом есть и некоторые преимущества, так как определенные вещи в силу их внутренней природы должны оставаться выше уровня дискуссии и не вовлекаться в пустую полемику. Всегда, однако, есть что-то печальное в созерцании полного профанического непонимания истинности сакральных доктрин, хотя она сама и остается недоступной для направленных против нее выпадов.

ЗАМЕТКИ ОБ ИНИЦИИИ

Ж

ПРЕДИСЛОВИЕ

Многие читатели неоднократно просили нас объединить в одной книге статьи по вопросам инициации, публиковавшиеся в журнале «Традиционные исследования»; немедленно выполнить эти просьбы было невозможно, ибо книга — это не просто собрание статей, тем более что в нашем случае эти статьи, написанные сообразно обстоятельствам, зачастую как ответ на поставленные нам вопросы, нельзя было соединить в виде последовательных глав книги; их надлежало пересмотреть, дополнить, иначе расположить, что мы здесь и сделали. При этом в наши намерения не входило создание своего рода трактата, более или менее полного и отчасти «дидактического»; это еще можно было бы понять, если бы речь шла только об изучении какой-либо частной формы инициации; но, коль скоро речь идет об инициации в целом, подобная задача совершенно нереальна; вопросы, возникающие в связи с этим, бесчисленны, да и сам предмет по своей природе не поддается сколько-нибудь строгому ограничению, а потому невозможно претендовать на исчерпывающее исследование. В итоге мы, по возможности, ограничились рассмотрением отдельных аспектов инициации, важность которых наиболее очевидна, оставляя при этом в стороне ряд моментов, пожалуй, не менее важных. Вот почему, на наш взгляд, слово «Заметки» могло бы лучше всего охарактеризовать содержание настоящей работы — тем более, что ни один из исследуемых вопросов невозможно исчерпать полностью. Кроме того, разумеется, не могло быть и речи о повторении здесь того, что мы уже сказали в других книгах по этому предмету; всякий раз, в случае необходимости, мы будем отсылать к ним читателя; впрочем, в той области знания, к которой относятся все наши сочинения, все так взаимосвязано, что невозможно поступить иначе.

Итак, мы намерены главным образом исследовать вопросы, касающиеся инициации в целом; следовательно, надо уяснить, что всякий раз, указывая на ту или иную форму инициации, мы делаем это исключительно ради наглядности, дабы уточнить и растолковать то, что без ссылки на эти частные случаи могло бы остаться неясным. Важно подчеркнуть это, особенно когда речь идет о западных формах, дабы избежать двусмысленностей и недоразумений; если мы довольно часто о них упоминаем, то потому, что «иллюстрации», заимствуемые отсюда, чаще всего более доступны, нежели другие, большинству читателей, даже в той или иной мере знакомых со многими из них; очевидно, что это совершенно не зависит от отношения читателей к нынешнему состоянию организаций, в которых сохранялись и практиковались эти формы. Когда сознаешь, до какой степени вырождения дошел современный Запад, становится понятным, что многие вещи из области традиции, и тем более из сферы инициации, могли сохраняться в них лишь как пережитки, практически непонятные даже для тех, кто их хранил; именно этим объясняется возникновение рядом с этими подлинными реликтами многочисленных «псевдо», так как именно в подобных условиях они могут преуспеть в создании иллюзий, способствующих тому, что их принимают не за то, чем они являются; но вопреки всему, традиционные формы сами по себе не зависят от подобных случайностей.

Добавим также, что когда нам, напротив, приходится рассматривать эти случайности, исследуя не столько инициатические формы, сколько состояние инициатических и псевдоинициатических организаций на современном Западе, мы лишь констатируем факты, толкуя их как можно более беспристрастно, как и все остальное, чего придется касаться в ходе нашего исследования. Каждый волен сделать из этого свои собственные выводы; что касается нас, то мы нисколько не стремимся ни отнять членов у какой-либо организации, ни привлечь их туда, как не принуждаем их настаивать на инициации или отвергать ее; подобные вещи совершенно не входят в наши задачи. Кое-кто, возможно, удивится тому, что мы вынуждены так это подчеркивать; пожалуй, это и впрямь было бы излишне, если бы не приходилось считаться с непониманием большинства наших современников и с недоверием многих из них; к сожалению,

мы слишком привыкли к тому, что нам самим с разных сторон приписывают намерения, которых у нас никогда не было; приходится принимать в этом отношении все необходимые предосторожности; мы не решаемся добавить «достаточные», ибо разве можно предвидеть все то, что кое-кто способен изобрести?

Не следует удивляться и тому, что мы подробно останавливаемся на ошибках и недоразумениях, допускаемых в связи с инициацией; ведь помимо очевидной пользы, состоящей в развеивании заблуждений, сама их констатация чаще всего приводила к необходимости более внимательного исследования того или иного момента, который иначе казался бы нам само собой разумеющимся и по меньшей мере не требующим подробных разъяснений. Стоит отметить, что некоторые из этих заблуждений исходят не столько от профанов, или псевдоиницированных (что было бы вполне понятно), но также от членов настоящих инициатических организаций, в том числе и таких, которые считаются «светочами» в своем кругу. Последнее, пожалуй, является одним из самых впечатляющих доказательств нынешнего состояния вырождения, о котором мы только что упомянули. В связи с этим мы хотим выразить пожелание, надеясь, что нас поймут правильно,— чтобы среди представителей этих организаций нашлось по крайней мере несколько лиц, которым излагаемые нами рассуждения помогли бы понять, чем в действительности является инициация; впрочем, мы не питаем чрезмерных надежд как по этому поводу, так и относительно возможностей возрождения Запада. Однако среди этих людей есть и такие, кому больше недостает реальных знаний, чем доброй воли; но одной доброй воли недостаточно, и все дело в том, насколько может расшириться их интеллектуальный горизонт и способны ли они перейти от инициации виртуальной к инициации действительной. Во всяком случае, мы можем лишь предоставить определенные данные, которыми, возможно, воспользуется тот, кто будет способен и расположен извлечь из них все, что позволят обстоятельства. Этих людей, конечно, не будет слишком много; но — как мы уже неоднократно говорили — в вещах такого рода важно не число, лишь бы оно в этом особом случае было достаточным для учреждения инициатической организации; пока же некоторые эксперименты в этом плане, насколько нам из-

вестно, по разным причинам не удалось продвинуть достаточно далеко, чтобы можно было судить о результатах, которых можно было бы достичь при более благоприятных обстоятельствах.

Ясно, впрочем, что современная обстановка по самой своей природе есть и останется одним из главных препятствий на пути всякой попытки восстановления традиции на Западе во всех областях, в том числе в области инициации; правда, последняя в силу своего «закрытого» характера в принципе должна оставаться в стороне от этих враждебных влияний внешнего мира; но на деле существующие ныне организации слишком давно оказались под их воздействием, и некоторые «бреши» чересчур велики, чтобы их можно было быстро заделать. В качестве типичного примера укажем на то, что эти организации, усваивая административные формы по образцу светских учреждений, дали основание для враждебных действий, которые в противном случае никоим образом не были бы предприняты против них и потерпели бы крах; эта имитация светского мира сама по себе представляла к тому же переворачивание нормальных отношений, столь характерное для современного беспорядка во всех областях. Последствия такой «контаминации» сегодня столь очевидны, что надо быть слепым, чтобы не видеть их; однако мы сильно сомневаемся, что многим известна их настоящая причина; страсть к тайным «обществам» так укоренилась среди большинства наших современников, что они даже не задумываются над простой возможностью обойтись без чисто внешних форм; хотя, пожалуй, именно по этой причине против них должен восставать всякий, кто хотел бы восстановить инициацию на действительно серьезной основе. Мы не станем заходить дальше в наших предварительных размышлениях, ибо, повторяем еще раз, активное вмешательство в попытки подобного рода — не наше дело. Указать путь тем, кто сможет и пожелает вступить на него, — вот все, к чему мы стремимся; впрочем, значение того, что мы намерены сказать, вовсе не сводится к применению той или иной отдельно взятой инициатической формы, — напротив, речь идет прежде всего о фундаментальных принципах, общих для любой инициации, будь то на Востоке или на Западе. В самом деле, сущность и цель инициации всегда и повсюду одни и те же, различаются лишь способы адаптации ее к месту и времени; и, во избежание недоразу-

мений, сразу же добавим, что эта адаптация, чтобы быть правомерной, никогда не должна становиться «инновацией», т. е. продуктом чьей-либо фантазии; но, как адаптация традиционных форм в целом, она всегда должна происходить из «нечеловеческого» источника; ибо вне его может существовать не традиция, не инициация, но только какая-нибудь из «пародий», столь часто встречаемых в современном мире, которые ни из чего не происходят и ни к чему не ведут; поистине они представляют собой, так сказать, «небытие», если не являются бессознательным орудием чего-то худшего.

Глава I

ПУТЬ ИНИЦИАТИЧЕСКИЙ И ПУТЬ МИСТИЧЕСКИЙ

Смешение между эзотерической и инициатической областью и областью мистики, или, если угодно, между соответствующими им точками зрения, допускают сегодня особенно часто — и, похоже, не всегда бескорыстным образом; в конечном счете, это позиция сравнительно новая или, по крайней мере, сильно распространившаяся в последнее время в некоторых кругах; вот почему мы считаем необходимым начать с четких объяснений по этому вопросу. Нынче модно, если можно так выразиться, называть «мистическими» именно восточные доктрины, даже когда нет ни малейших оснований для подобного определения. Эта ложная интерпретация обязана своим происхождением некоторым ориенталистам, которые, впрочем, пришли к этому без задней мысли, но лишь из-за непонимания и обычной для них более или менее бессознательной склонности все сводить к западной точке зрения¹. Но затем появились другие: усвоив эту ложную ассимиляцию и поняв, что они могли бы извлечь отсюда для своих собственных целей, они стараются распространить саму идею за пределы узкоспециального и довольно ограниченного круга ориенталистов и их сторонников; и это более серьезно, не только потому, что тем самым подобное смешение распространяется все шире, но также и потому, что здесь нетрудно заметить следы стремления к «аннексонизму», в отношении которого надо держаться настороже. Мы имеем здесь в виду тех, кого можно считать самыми «серьезными» противниками эзотеризма,— религиозных экзотериков, которые отказываются допустить что бы то ни было за пределами их собственной области, но, несомненно, считают эту ассимиляцию, или «аннексию», более удобной, нежели грубое отрицание. Видя, как иные из них стараются перерядить в «мистицизм» доктрины, безусловно инициатические, мы вполне можем счесть, что эта задача приобретает в их глазах особо настоя-

тельный характер². По правде говоря, в собственно религиозной области имеется помимо мистицизма то, что в определенном плане более поддается сближению или, скорее, видимому сближению с практикой инициации,— это аскетизм; здесь, по крайней мере, мы находим «активный» метод вместо отсутствия метода и «пассивности», характеризующих мистицизм, к чему мы еще вернемся³; но, само собой разумеется, все эти черты сходства носят совершенно внешний характер, да и сам «аскетизм» преследует, пожалуй, слишком ограниченные цели, чтобы его можно было успешно использовать таким образом; что касается мистицизма, то здесь никогда не известно, к чему придешь, и сама эта неясность способствует смещению. Но все те, кто сознательно или бессознательно предается этому занятию, должны понимать, что на самом деле в инициации не только напрочь отсутствует смутное и туманное, но, напротив, имеются вещи весьма точные и «позитивные»; действительно, инициация совершенно несовместима с мистицизмом.

Эта несовместимость, впрочем,— отнюдь не следствие того, что изначально предполагалось смыслом слова «мистицизм», явно родственным древнему обозначению «мистерий», которые, напротив, принадлежат сфере инициации; для понимания этого слова следует учитывать не только этимологию, но и значение, приобретенное им в ходе употребления и единственно приписываемое ему в настоящее время. Ведь каждому известно, что подразумевали под мистицизмом в течение ряда веков, так что уже невозможно употреблять этот термин для обозначения чего-то иного; но приобретенный им смысл не имеет ничего общего с инициацией, прежде всего потому, что мистицизм относится исключительно к религиозной, т. е. к экзотерической области, а также потому, что мистический путь по всем своим основным чертам настолько отличается от инициатического, что между ними возникает полная несовместимость. Уточним, впрочем, что при этом речь идет скорее о фактической, нежели о принципиальной несовместимости, в том смысле, что мы никоим образом не намерены ни отрицать ценность мистицизма, по меньшей мере относительную, ни оспаривать место, которое он может законно занимать в некоторых традиционных формах; инициатический путь и мистический путь прекрасно могут сосуществовать⁴; но мы считаем совершенно невозможным, чтобы кто-либо

следовал тем и другим одновременно, даже если оставить при этом в стороне цель, к которой они могут привести, хотя в силу глубокого различия областей, с которыми они соотносятся, можно предполагать, что эта цель в действительности не может быть одной и той же.

Путаница, из-за которой иные усматривают мистицизм там, где его нет и в помине, коренится в стремлении все сводить к западной точке зрения; и впрямь, мистицизм, в собственном смысле слова,— по сути исключительно западное и специфически христианское явление. По этому поводу мы как-то сделали замечание, которое находим достаточно интересным, чтобы привести его здесь: в книге, о которой мы уже говорили в другом месте⁵, философ Бергсон, противопоставляя то, что он называет «статической религией», «религии динамической», видит высшее выражение последней в мистицизме; мистицизма он, впрочем, совершенно не понимает и восхищается им особенно за то, что мы, напротив, сочли бы смутным и ошибочным в определенных отношениях; но что действительно может показаться странным со стороны «нехристианина», так это то, что для него «полный мистицизм» — сколь бы неудовлетворительным ни было его представление об этом — тем не менее свойствен именно христианским мистикам. Правда, из-за недостатка уважения к «статической религии», он слишком часто забывает, что они христиане, а уж потом мистики; или, по меньшей мере оправдывая их как христиан, он помещает мистицизм в истоках самого христианства и устанавливает в этом плане своего рода преемственность между последним и иудаизмом, превращая в «мистиков» еврейских пророков; очевидно, он не имеет ни малейшего представления о характере миссии пророков и о природе их инспирации⁶. Как бы то ни было, если христианский мистицизм — сколь бы искаженной и куцей ни была его концепция — представляет в его глазах сам образец мистицизма, то причину этого нетрудно понять: в строгом смысле слова, как и на деле, не существует иного мистицизма, кроме этого; и даже мистики, которых называют «независимыми», а мы охотнее назвали бы «отклоняющимися», в действительности вдохновляются, пусть и безотчетно, христианскими идеями, искаженными и в той или иной степени лишенными их первоначального содержания. Но это, как и многое другое, ускользает от внимания нашего философа,

который силится обнаружить «наброски будущего мистицизма», предшествовавшие христианству, тогда как речь идет совсем о другом; в частности, несколько страниц, посвященных Индии, свидетельствуют о вопиющем непонимании. Что касается греческих мистерий, то здесь сближение, которое основано на отмеченном выше этимологическом родстве, в целом сводится к простой игре слов; в конечном счете, Бергсон сам вынужден признать, что «большинство мистерий не содержат ничего мистического»; но почему же тогда он использует это слово? Его представление о мистериях — самое «профанное» из возможных; ничего не зная об инициациях, как можно было бы понять, что в них, как и в Индии, имелось нечто отнюдь не относящееся к религиозной сфере, идущее несравненно дальше, чем его «мистицизм», и уж подавно — подлинный мистицизм, хотя и он, принадлежа области чисто экзотерической, неизбежно имеет свои ограничения?⁷

Мы отнюдь не предполагаем в настоящий момент освещать подробно и в полном виде все различия, действительно разделяющие обе точки зрения — инициатическую и мистическую, ибо одно это потребовало бы целого тома; мы намерены только подчеркнуть здесь различие, в силу которого инициацию в самом ее протекании отличают черты совершенно иные, даже противоположные мистицизму. Этим достаточно ясно подтверждается существование двух «путей», не только различных, но несовместимых — в смысле, который мы только что уточнили. В связи с этим чаще всего говорят, что мистицизм «пассивен», тогда как инициация «активна»: такое утверждение вполне верно, при условии должного определения того, как его следует понимать. Оно означает, прежде всего, что в мистическом опыте роль индивида ограничивается простым восприятием того, что предстает перед ним, но сам он при этом в счет не идет; сразу же скажем, что именно в этом таится для него главная опасность,— ведь он открыт, таким образом, всем влияниям, хотя, за редкими исключениями, не имеет необходимой доктринальной подготовки, которая позволила бы ему провести между ними хотя бы мало-мальское различие⁸. Напротив, в случае инициации индивидууму принадлежит инициатива «реализации», которая происходит методично, под строгим и непрерывным контролем, с тем чтобы естественно завершиться выходом за пределы возможностей са-

мого индивида как такового; необходимо добавить, что одной инициативы недостаточно, так как вполне очевидно, что индивид не мог бы превзойти себя самого своими собственными средствами; но нам важно сейчас отметить, что именно она составляет обязательную исходную точку всякой «реализации» для иницилируемого, тогда как у мистика нет ничего подобного даже для того, что отнюдь не выходит за пределы индивидуальных возможностей. Уже это различие довольно ясно показывает, что невозможно следовать одновременно обоими путями — инициатическим и мистическим; но и его еще недостаточно: ведь оно, пожалуй, отвечает лишь наиболее «экзотерическому» аспекту вопроса и во всяком случае слишком неполно по отношению к инициации и всем необходимым для нее условиям. Но прежде чем заняться изучением этих условий, мы еще должны рассеять некоторые заблуждения.

Глава II

МАГИЯ И МИСТИЦИЗМ

Смещение инициации с мистицизмом особенно свойственно тем, кто желал бы, по тем или иным причинам, отрицать более или менее явно реальность самой инициации, сводя ее к чему-то иному; с другой стороны, в кругах, имеющих, напротив, необоснованные инициатические претензии — к примеру, среди оккультистов,— наблюдается склонность рассматривать в качестве составной части инициации (пусть даже не самой главной) массу вещей, совершенно ей чуждых, среди которых первое место принадлежит магии. Причины этого неверного подхода — того же рода, что и те, по которым магия представляет серьезную опасность для людей современного Запада; первой из них является тенденция приписывать чрезмерное значение всему, что носит характер «феноменов»,— о чем, кстати, свидетельствует и импульс, данный ими развитию экспериментальных наук; если люди Запада так легко дали соблазнить себя магией и в такой мере заблуждаются относительно ее реального значения, то это потому, что она также является экспериментальной наукой, хотя и отличной, разумеется, от тех, что известны под этим названием университетской науке. Итак, не стоит обманываться; речь в данном случае идет о порядке вещей, в котором нет абсолютно ничего трансцендентного; и хотя, подобно остальным традиционным наукам, магия может ссылаться на свою зависимость от высших принципов, место ее, однако, окажется наиболее удаленным от них, среди вторичных и случайных их приложений, и, стало быть, в последних, или низших, рядах в сравнении с остальными. Именно так рассматривается магия во всех восточных цивилизациях; факт ее существования не приходится оспаривать, но она там далеко не в чести, как нередко воображают люди Запада, которые столь охотно приписывают другим свои собственные склонности и концепции. В самом Тибете, как и в Индии или Китае, практи-

ка магии как «специальности», если можно так выразиться, предоставлена тем, кто не способен подняться на более высокий уровень; это, разумеется, не означает, что другие также не могут создавать порой — в порядке исключения и по особым причинам — феномены, внешне похожие на магические; но цель и даже используемые средства при этом в действительности совсем другие. Впрочем, если придерживаться того, что известно в самом западном мире, достаточно взять истории святых и колдунов и посмотреть, сколько подобных фактов можно в них обнаружить; и это свидетельствует, что, в противовес верованиям современных «ученых», феномены, каковы бы они ни были, сами по себе абсолютно ничего не доказывают⁹.

Таким образом, сами иллюзии относительно значения подобных вещей существенно усиливают их опасность; при нынешнем положении дел и отсутствии всякого традиционного учения для людей Запада, желающих заниматься магией, особенно пагубно полное неведение их относительно того, с чем они имеют дело в подобном случае. Оставим в стороне фокусников и шарлатанов, столь многочисленных в нашу эпоху и в конечном счете лишь использующих доверчивость наивных людей, а также просто фантазеров, полагающих, что они сумеют сымпровизировать «науку» на свой лад,— но и те, кто хотел бы серьезно изучить эти феномены, не имея ни достаточных данных для руководства, ни организации, учрежденной для их опоры и покровительства, обречены на довольно примитивный эмпиризм; они поступают, как дети, предоставленные самим себе и играющие неведомыми им опасными силами; и если подобная неосторожность нередко влечет за собой несчастные случаи, то не стоит слишком этому удивляться.

Говоря здесь о досадных последствиях, мы особо хотели бы упомянуть о риске нарушения равновесия, которому подвергаются те, кто поступает подобным образом; в самом деле, к этому довольно часто приводит коммуникация с тем, что называют «витальным планом», т. е. областью тонкого проявления, взятого в своих преломлениях, наиболее близких к телесной сфере, а потому легко доступных обычному человеку. Это несложно: речь идет исключительно о развитии некоторых индивидуальных возможностей, притом, скорее, низшего порядка; если это развитие происходит аномальным образом, беспорядочно и негармонично, в ущерб

высшим способностям, то оно естественно и даже неизбежно должно привести к такому результату: не следует пренебрегать и реакциями, порой ужасными, сил разного рода, с которыми индивид вступает в контакт. Мы говорим «силы», не внося дополнительные уточнения, так как это не столь важно для нас; мы предпочитаем это слово, при всей его неопределенности, слову «сущности», которое, по крайней мере для тех, кто недостаточно привык к символическим способам выражения, может дать повод к более или менее фантастическим «персонификациям». Этот «промежуточный» мир, как мы часто объясняли, является к тому же гораздо более сложным и обширным, нежели мир телесный; но изучение того и другого на равном основании относится к тому, что можно назвать «естественными науками» в самом истинном значении этого выражения; видеть в нем нечто большее, повторяем, означало бы питать иллюзии самого странного свойства. В этих занятиях магией нет абсолютно ничего «инициатического», как, впрочем, и «религиозного»; в целом они больше препятствуют, нежели благоприятствуют продвижению к подлинно трансцендентному знанию; последнее, в отличие от этих вторичных наук, не несет ни малейшего следа какого-либо «феноменализма» и связано лишь с интеллектуальной интуицией, которая только и представляет собой чистую духовность. Некоторые из тех, кто более или менее долго предавался исследованиям феноменов необычайных или полагаемых таковыми, в конце концов пресыщаются ими либо бывают разочарованы незначительностью результатов, не отвечающих ожиданиям; тогда-то, отметим, они нередко и обращаются к мистицизму¹⁰; так происходит потому, что — сколь ни удивительным это может показаться на первый взгляд — он отвечает, хотя и в другой форме, подобным же потребностям и устремлениям. Разумеется, мы не оспариваем того, что мистицизм носит характер значительно более возвышенный, нежели магия; но при углублении в суть вещей различие оказывается менее существенным, чем можно было бы полагать; в самом деле, и здесь речь идет в целом лишь о «феноменах» — видениях и прочем, чувственных манифестациях всякого рода, которые не выводят из области индивидуальных возможностей¹¹. Это значит, что опасности иллюзий и нарушения равновесия отнюдь не преодолены и, приобретая здесь разнообразные формы, вовсе не становятся слабее; в из-

вестном смысле они еще углубляются из-за пассивности мистика, который, как мы говорили выше, оставляет дверь открытой для любых влияний, тогда как маг по крайней мере отчасти защищен от упомянутых влияний своей активной позицией; последнее, впрочем, не означает, что ему всегда это удастся: слишком часто они в конце концов его поглощают. Отсюда вытекает также, с другой стороны, что мистика почти всегда слишком легко вводит в заблуждение его воображение, порождения которого нередко нельзя отличить от реальных результатов мистического опыта. Поэтому не стоит преувеличивать значение «откровений» мистиков, или, по крайней мере, не следует принимать их бесконтрольно¹²; некоторые видения интересны именно тем, что по многим моментам согласуются с традиционными данными, явно неизвестными мистика, созерцавшему эти видения¹³; но было бы ошибкой и даже переворачиванием нормальных отношений стремление найти здесь «подтверждение» этих данных, которые в этом нисколько не нуждаются, а, напротив, являются единственной гарантией того, что такие видения — нечто иное, нежели просто плод воображения или индивидуальной фантазии.

Глава III

РАЗЛИЧНЫЕ ЗАБЛУЖДЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ИНИЦИАЦИИ

Мы полагаем нелишним — с целью своего рода расчистки территории — отметить сразу же другие заблуждения относительно природы и цели инициации; ведь все то, что нам довелось за многие годы прочесть по этому предмету, практически ежедневно приносило нам доказательства почти полного непонимания. Естественно, мы не собираемся делать здесь детальное «обозрение» всех заблуждений, как слишком утомительное и лишённое интереса; ограничимся лучше рассмотрением отдельных, по-своему типичных случаев. Это позволит нам избежать слишком прямых намеков на ту или иную школу или автора; ведь смысл всех этих замечаний совершенно не зависит для нас от вопроса о «личностях», или, выражаясь точнее, об «индивидуальностях». Напомним вначале вкратце о довольно распространенных концепциях, согласно которым инициация относится к вещам чисто «морального» и «социального» порядка¹⁴; эти концепции являются слишком ограниченными и «земными», если можно так выразиться, а самая грубая ошибка, как мы уже говорили,— далеко не всегда самая опасная. Во избежание недоразумений отметим, что подобные концепции неприложимы даже к первой части инициации, известной в античности под названием «малых мистерий»; последние, как мы объясним далее, касаются еще человеческой индивидуальности, но в полном развитии ее возможностей — следовательно, за пределами телесной модальности, действующей в сфере, общей для всех людей. Мы и впрямь не видим, какую ценность или какой смысл могла бы иметь так называемая инициация, которая ограничилась бы повторением в более или менее загадочной форме того самого банального и обывательски «общедоступного», что есть в светском образовании. Впрочем, мы нисколько не отрицаем этим, что инициатическое знание может иметь применения в социальной сфере, как и в лю-

бой другой: но, во-первых, они случайны, второстепенны и не являются целью инициации, подобно тому как вторичные традиционные науки не составляют сути традиции; далее, их характер совершенно отличен от того, о котором мы только что говорили, так как они исходят из принципов, не имеющих ничего общего с предписаниями ходячей «морали», в особенности слишком известной «светской морали», столь близкой сердцу наших соотечественников; наконец, они следуют путями, по самой природе вещей непостижимыми для профанов; стало быть, все это весьма далеко от того, что было однажды определено как «стремление жить подобающим образом». Покуда будут ограничиваться «морализированием» относительно символов, пусть и с самыми похвальными намерениями, никакой инициации не будет; но мы вернемся к этому далее, когда обратимся непосредственно к инициатическому учению.

Более тонкие, а потому и более опасные заблуждения люди демонстрируют порой, когда в связи с инициацией говорят о «коммуникации» с высшими состояниями или с «духовными мирами»; и здесь, прежде всего, слишком часто возникает иллюзия, состоящая в том, чтобы принимать за «высшее» то, что таковым на самом деле не является,— просто потому, что оно показалось более или менее экстраординарным, или «анормальным». В целом нам следовало бы повторить здесь все то, что мы уже говорили в других местах о смешении психического и духовного¹⁵, ибо именно оно чаще всего и происходит; психические состояния по сути не содержат в себе ничего «высшего» или «трансцендентного», поскольку они являются только частью индивидуального человеческого состояния¹⁶; и когда мы говорим о высших состояниях существа, то, ничуть не нарушая принятого словоупотребления, подразумеваем под этим исключительно сверхиндивидуальные состояния. Кое-кто заходит в своих заблуждениях еще дальше, делая «духовное» едва ли не синонимом «невидимого», т. е. принимая за такое без разбору все, что не воспринимается обычными «нормальными» органами чувств, вплоть до «эфирного» мира,— т. е. попросту наименее плотной части мира телесного! В этих условиях приходится опасаться, что упомянутая «коммуникация» сведется в конечном счете к «ясновидению», «яснослышанию» или какой-либо другой психической способности того же рода, столь же малозначащей,

даже если она и реальна. Именно так чаще всего и происходит; по сути дела, все псевдоинициатические школы современного Запада стоят на том в большей или меньшей степени; иные из них даже в открытую ставят своей целью «развитие психических способностей, таящихся в человеке»; впоследствии мы еще вернемся к вопросу о так называемых «психических способностях» и порождаемых ими иллюзиях.

Но это еще не все: допустим, как полагают некоторые, что речь идет о коммуникации с высшими состояниями; но этого далеко не достаточно для инициации. В самом деле, такая коммуникация устанавливается и посредством ритуалов чисто экзотерического порядка, в частности религиозных; не следует забывать, что и в этом случае действительно имеют место духовные, а не просто психические влияния, хотя цели здесь совершенно отличны от инициатических. Все истинно традиционное определяется вмешательством «нечеловеческого» элемента; но наличие этой общей черты еще не дает оснований не проводить далее необходимых различий, в частности, между религиозной и инициатической областями или усматривать это различие лишь в степени; в действительности же это различие коренится в природе, причем в природе глубинной. Такое смещение встречается весьма часто, особенно у тех, кто претендует на изучение инициации «извне», с намерениями порой весьма разными; поэтому-то его и нужно разоблачать самым решительным образом: эзотеризм, по существу,— нечто совсем иное, чем религия, а не «внутренняя» часть религии как таковой, даже когда он находит в ней свою основу и точку опоры, как это происходит в некоторых традиционных формах — например, исламе¹⁷; инициация не представляет собой и особой религии, предназначенной для меньшинства, как, по-видимому, полагают те, кто называет античные мистерии религиозными¹⁸. Мы не можем раскрывать здесь всех различий, разделяющих обе области — религиозную и инициатическую, так как это завело бы нас весьма далеко; достаточно будет уточнить, что религия рассматривает существо исключительно в индивидуальном человеческом состоянии, стараясь обеспечить ему самые благоприятные условия и отнюдь не стремясь вывести его из данного состояния¹⁹; преимущественная же цель инициации — превзойти возможности этого последнего, реально содействуя переходу к высшим состояниям, и даже, в конечном счете, вывес-

ти существо за пределы любого обусловленного состояния, каким бы оно ни было.

Отсюда следует, что простая коммуникация с высшими состояниями может рассматриваться не как цель, но лишь как отправная точка: если такая коммуникация должна быть установлена — прежде всего, в результате духовного влияния,— то затем, чтобы дать возможность действительно овладеть этими состояниями впоследствии, а не просто для того, чтобы — как в религиозной сфере — на существо снизошла благодать, которая определенным образом связывает его с высшими состояниями, но не дает проникнуть внутрь них. Чтобы выразить это более понятно, скажем, что если, например, кто-нибудь захотел бы вступить в отношения с ангелами, не выходя при этом из состояния человеческого индивида, он бы не продвинулся вперед с инициатической точки зрения²⁰; речь здесь идет не о коммуникации с другими существами, пребывающими в «ангелическом» состоянии, но о достижении и реализации такого сверхиндивидуального состояния — разумеется, не в качестве человеческого индивида, что было бы абсурдно,— но постольку, поскольку существо, проявленное как человеческий индивид, содержит в себе также и возможности всех других состояний. Всякая инициатическая реализация является, таким образом, чисто «внутренней», в противоположность «выхождению из себя», или экстазу в собственном и этимологическом смысле слова²¹; и в этом состоит важное, хотя и не единственное различие между мистическими состояниями, целиком принадлежащими религиозной области, и состояниями инициатическими. В самом деле, именно к этому приходится всякий раз возвращаться, ибо смешение инициатической точки зрения с точкой зрения мистической (коварный характер которого мы с самого начала старались подчеркнуть) по природе своей вводит в заблуждение те умы, которые не попались бы на удочку более грубых искажений, свойственных современным псевдоинициациям, и, пожалуй, могли бы без особых трудностей достичь понимания того, что такое на самом деле инициация, если бы не встретили на своем пути эти ловушки, как будто нарочно поставленные, чтобы отвлечь их от такого понимания.

Глава IV

УСЛОВИЯ ИНИЦИАЦИИ

Теперь мы можем вернуться к вопросу об условиях инициации; отметим прежде всего — хотя это может показаться само собой разумеющимся,— что первое из них состоит в определенной способности или естественной предрасположенности; без нее любое усилие окажется напрасным, так как очевидно, что индивидуум может развить лишь те свои возможности, которые несет в себе изначально; эта способность, порой именуемая «иницируемостью», и представляет собой «определение качества», требуемое всеми инициатическими традициями²². Это условие, впрочем,— единственное, которое является общим для инициации и мистицизма; ясно, что у «мистика» также должно быть особое естественное предрасположение, хотя и совершенно отличное от способности «иницируемого», даже противоположное в некоторых отношениях; но для «мистика» это условие пусть и необходимое, но в то же время и достаточное — ведь никакого другого не требуется добавлять к нему, все остальное довершают обстоятельства, сообразно которым может произойти переход от «потенции» к «актуализации» той или иной из возможностей, содержащихся в упомянутой предрасположенности. Это непосредственно вытекает из «пассивного» характера мистики, о котором мы говорили выше; в самом деле, в подобном случае не могло бы быть и речи о каком-либо личном усилии или труде, чего мистик не только не должен совершать, но и, напротив, должен тщательно остерегаться как препятствия на своем «пути»²³, тогда как для инициации, в силу ее «активного» характера, такая работа составляет второе условие, не менее необходимое, чем первое; без него переход от «потенции» к «актуализации», чем, собственно, и является «реализация», никоим образом не мог бы осуществиться²⁴.

Однако это еще не все; в целом пока мы лишь углубили установленное нами вначале различие между инициати-

ческой «активностью» и мистической «пассивностью»; согласно нашему выводу, для инициации требуется определенное условие, которого нет и не может быть в мистицизме; но существует еще и другое условие, не менее обязательное; оно занимает место между двумя вышеупомянутыми условиями. На него тем более следует указать, что на Западе в целом склонны игнорировать или не признавать его значение; но по существу это условие — наиболее характерное из всех, поскольку оно позволяет определить инициацию без возможных кривотолков, не смешивая ее ни с чем другим; благодаря ему инициацию можно определить гораздо четче, нежели мистицизм, в случае которого не существует ничего подобного. Часто бывает довольно трудно, если не невозможно, отличить ложный мистицизм от подлинного; мистик, по самому определению, — существо «изолированное» и «нерегулярное» и порой сам не знает, кто он в действительности; а тот факт, что для него не только нет и речи о знании в чистом состоянии, но даже к тому, что является реальным знанием, всегда примешивается чувство и воображение, отнюдь не упрощает вопрос; во всяком случае, есть в этом нечто ускользающее от всякого контроля, и мы могли бы выразить это так: не существует никакого «средства распознавания» мистика²⁵. Можно было бы сказать также, что мистик не имеет «генеалогии» и становится таковым лишь в силу «самозарождения»: эти выражения, как мы полагаем, легко понять без дальнейших объяснений; а если так, то можно ли безапелляционно утверждать, что этот — настоящий мистик, а тот — нет, тогда как внешние признаки могут быть одними и теми же? Напротив, отступления от инициации всегда могут быть безошибочно установлены по отсутствию вышеупомянутого условия: оно представляет собой не что иное, как связь с традиционной регулярной организацией.

Есть невежды, воображающие, что можно «иницировать» самого себя, хотя это своего рода противоречие в терминах; забыв — если они когда-либо это знали — что слово «initium» означает «вступление» или «начало», они смешивают самый факт инициации, толкуемый в строго этимологическом смысле, с тем трудом, который необходимо совершить в дальнейшем, чтобы эта инициация из виртуальной, какой она бывает вначале, стала более или менее реальной. Инициация в таком понимании — это и есть «второе рожде-

ние», как называют его все традиции; как может существо действовать самостоятельно прежде, чем оно рождено?²⁶ Мы хорошо знаем, что можно возразить на это: если существо действительно обладает необходимыми качествами (qualifié), оно уже несет в себе все возможности, которые надлежит развить; а раз так, то почему оно не может реализовать их своими собственными усилиями, без какого-либо внешнего вмешательства? В самом деле, если рассуждать теоретически, это был бы случай человека, «дважды рожденного» с первого момента его индивидуального существования; но это невозможно, если не в принципе, то фактически — в том смысле, что это противно порядку, установленному для нашего мира, по крайней мере в его нынешних условиях. Мы живем не в первозданную эпоху, когда все люди естественно и спонтанно пребывали в состоянии, которое сегодня связывают с высшей степенью инициации²⁷; впрочем, само слово «инициация» в ту эпоху не могло иметь никакого смысла. Мы находимся в Кали-юге, т. е. во времени, когда духовное знание стало скрытым и лишь немногие еще могут его достичь, если окажутся в надлежащих условиях; здесь мы говорим об одном из этих условий, так как другое состоит в усилении, в котором люди первых веков не имели никакой нужды, поскольку духовное развитие осуществлялось в них столь же естественно, сколь и развитие телесное.

Итак, речь идет об условии, которое вменяется нам законами, управляющими нашим нынешним миром; и чтобы лучше его объяснить, прибегнем к аналогии: все существа, которые разовьются в течение одного цикла, содержатся с самого начала в состоянии тонких зародышей в «Мировом Яйце»; а если так, то почему они не рождаются в телесном состоянии сами по себе, без родителей? Это не является абсолютно невозможным, и мы вправе помыслить мир, где бы так и происходило; но это не наш мир. Разумеется, мы оставляем в стороне вопрос об аномалиях; возможно, бывают исключительные случаи «самозарождения», и в духовном плане мы сами только что применили это выражение к случаю мистического опыта; но мы сказали также, что последний не носит «регулярного» характера, тогда как инициация — это вещь по преимуществу регулярная, не имеющая ничего общего с аномалиями. Следовало бы также точно знать, до чего могут дойти последние; в конечном счете, они тоже должны подчиняться какому-то закону, ибо все

вещи могут существовать лишь как элементы целостного и универсального порядка. Одно это могло бы навести на мысль, что состояния, реализованные мистиком, отличаются от состояний инициированного и что если их реализация не подчиняется тем же самым законам, то это означает, что речь действительно идет о чем-то другом; но теперь мы можем полностью отвлечься от мистицизма, о котором сказали достаточно, и всецело заняться инициацией.

В самом деле, нам остается лишь уточнить роль связи с традиционной организацией; последняя, разумеется, никоим образом не могла бы обойтись без внутренней работы, которую каждый может выполнить только сам; однако она необходима как предварительное условие, дабы этот труд мог действительно принести свои плоды. Следует хорошенько понять, что лица, ставшие хранителями инициатического знания, не могут сообщать его, подобно профессору, передающему в светском (profane) учении своим ученикам книжные формулы, которые им надлежит только накапливать в памяти; здесь речь идет о том, что по сути своей «непередаваемо»,— о состояниях, реализуемых внутри. Научиться можно лишь методам, подготавливающим к достижению этих состояний; извне может быть оказана только помощь, поддержка, которая существенно облегчает выполнение задачи, а также обеспечен контроль, устраняющий возможные препятствия и опасности, что уже немало; и тот, кто пренебрегает этим, сильно рискует потерпеть поражение; но все это еще не вполне подтверждает сказанное нами выше по поводу необходимого условия. К тому же мы не это имели в виду, по крайней мере непосредственным образом; ведь все остальное приходит лишь вторично, как следствие инициации, понимаемой в ее самом строгом смысле, указанном нами выше, когда речь идет о действительном развитии виртуальности, определяемой ею; но прежде всего необходимо, чтобы эта виртуальность предсуществовала. Поэтому инициатическая трансмиссия должна пониматься иначе; пожалуй, ее лучше всего было бы определить как «трансмиссию духовного влияния»; мы еще остановимся на этом подробнее, но сейчас ограничимся более точным определением роли этого влияния, занимающего область между естественной способностью, прирожденной индивиду, и трудом по реализации, который ему предстоит осуществить.

Мы уже отмечали, что фазы инициации, подобно фазам герметического «Великого Делания», которое, по сути, является лишь одним из ее символических выражений, воспроизводят стадии космогонического процесса²⁸; эта аналогия, основанная непосредственно на аналогии «микрокосма» и «макрокосма», позволяет лучше, нежели другие рассуждения, осветить наш вопрос. В самом деле, можно сказать, что способности или возможности, заключенные в индивидуальной природе, сами по себе суть лишь *materia prima*, т. е. чистая потенциальность, в которой нет ни дифференциации, ни развития²⁹; тогда это хаотическое и темное состояние, соответствующее в инициатической символике профанному миру, в котором пребывает существо, еще не достигшее «второго рождения». Для того чтобы этот хаос начал принимать форму и организовываться, духовные силы, которые библейская Книга Бытия называет «Элохим», должны сообщить ему первоначальную вибрацию; эта вибрация есть *Fiat Lux*, «Да будет Свет», что освещает хаос и становится необходимым исходным моментом всякого последующего развития; а с инициатической точки зрения это озарение возникает вследствие трансмиссии духовного влияния, о котором говорилось выше³⁰.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что инициация включает три условия, которые располагаются последовательно и могут быть обозначены как «потенциальность», «виртуальность», «актуализация»: 1) врожденные качества (*qualification*), обусловленные возможностями, свойственными самой природе индивида и представляющими собой *materia prima*, над которой и должна производиться инициатическая работа; 2) трансмиссия, осуществляемая посредством связи с традиционной организацией и дающая существу «озарение», которое позволит ему упорядочить и развить имеющиеся у него возможности; 3) внутренняя работа, посредством которой и с помощью внешних стимулов и «опор», в особенности на первом этапе, постепенно будет реализовываться это развитие, которое позволит существу преодолеть шаг за шагом различные ступени инициатической иерархии и приведет его к конечной цели — «Освобождению» или «Высшему Отождествлению».

Глава V

ОБ ИНИЦИАТИЧЕСКОЙ РЕГУЛЯРНОСТИ

Связь с традиционной регулярной организацией, утверждаем мы,— это не только необходимое условие инициации; именно она и конституирует инициацию, в более точном смысле, определяемом этимологией этого слова, которое повсеместно означает «второе рождение» или «духовное перерождение»: «второе рождение» — поскольку оно открывает перед существом мир иной, нежели тот, где действует его телесная модальность; мир, который станет для него сферой развития возможностей высшего порядка; «духовное перерождение» — поскольку оно восстанавливает это существо в прерогативах, которые были естественными и нормальными в первые века человечества, когда оно не отделилось еще от первоначальной духовности, увязая все более и более в материальности, как это происходило в последующие эпохи,— и поскольку оно должно повести прежде всего, на первом этапе реализации, к восстановлению в нем «первоначального состояния» — т. е. полноты и совершенства человеческой индивидуальности, пребывающей в единственной и неизменной центральной точке, откуда существо сможет затем подняться к высшим состояниям.

Теперь необходимо еще раз подчеркнуть в связи с этим важный момент: связь, о которой идет речь, должна быть реальной и действенной; связь же «идеальная», которую порой предпочитают в наше время, совершенно беспочвенна и неэффективна³¹. Это легко понять, поскольку речь идет о трансмиссии духовного влияния, которая должна осуществляться согласно определенным законам. Эти законы, будучи совершенно иными, чем те, что управляют силами телесного мира, не менее строги и, несмотря на глубокие различия, их разделяющие, в определенной мере аналогичны последним, в силу преемственности и соответствия между всеми состояниями или уровнями Всеобщей Экзистенции. Именно эта аналогия дала нам основания говорить о «виб-

рациях» в связи с Fiat Lux, которым был просветлен и упорядочен хаос духовных возможностей; пусть речь здесь идет отнюдь не о вибрациях чувственного порядка — предмете изучения физики, и тем более не о «Свете», который нельзя отождествлять со светом, доступным визуальной способности телесного организма³², но эти выражения, будучи неизбежно символическими, т. е. основанными на аналогиях и соответствиях, тем не менее вполне оправданы, так как последние реально существуют в природе вещей; при этом они заходят в известном смысле гораздо дальше, чем можно предположить³³. Мы остановимся на этих соображениях подробнее, когда будем говорить об инициатических ритуалах и их действенности; в данный момент достаточно напомнить о существовании законов, которые следует учитывать,— иначе намеченный результат не будет достигнут; ведь нельзя добиться физического результата, если не соблюсти условий, необходимых для его получения; и поэтому, чтобы трансмиссия была действительной, требуется реальный контакт, какими бы способами он ни осуществлялся,— способами, разумеется, обусловленными вышеупомянутыми законами действия «духовных влияний».

Из этой необходимости реальной связи непосредственно вытекают чрезвычайно важные последствия, которые касаются индивида, стремящегося к инициации, или самих инициатических организаций; эти-то последствия мы и намерены сейчас рассмотреть. Нам известно, что многим эти рассуждения не понравятся,— либо потому, что поколеблют привычное им, достаточно удобное и «упрощенное» представление об инициации, либо потому, что разрушат некоторые необоснованные претензии, как и не вполне бескорыстные, хотя и лишённые какой-либо авторитетности допущения; на этом мы должны хотя бы кратко остановиться, движимые исключительно заботой об истине.

Прежде всего, ясно, что само намерение индивида получить инициацию путем действительного установления связи с традицией, о которой он может иметь какое-либо «внешнее» представление, само по себе еще никоим образом не обеспечивает ему реальной инициации³⁴. В самом деле, речь идет отнюдь не об эрудиции: как и все, что относится к светскому знанию, она не имеет здесь ни малейшей ценности; тем более не о мечтах и воображении, равно как и о неких сентиментальных устремлениях. Если бы для того, чтобы

назваться иницированным, достаточно было читать книги — пусть даже священные книги ортодоксальной традиции, сопровождаемые, если угодно, глубоко эзотерическими комментариями,— или смутно грезить о какой-либо организации давних или наших дней, охотно усматривая в ней — и тем легче, чем менее она известна,— свой собственный «идеал» (слово, которое употребляют в наши дни без разбора, в самом произвольном значении, так что, по сути, оно ничего не значит), это было бы и впрямь слишком легко. Предварительное условие «совокупности качеств» (qualification) оказалось бы тем самым полностью упразднено; ведь каждый, будучи, естественно, склонен считать себя «вполне и в должной степени достойным» и являясь, таким образом, одновременно судьей и защитником своего собственного дела, без труда обнаружил бы веские причины (веские по меньшей мере в его собственных глазах, сообразно его предвзятому мнению), чтобы считать себя иницированным без дальнейших формальностей; и вправду, зачем ему останавливаться на избранном пути, если можно присвоить себе без колебаний самые трансцендентные степени? Те, кто воображает, что можно иницировать себя самого, едва ли размышлял когда-либо о скорее досадных последствиях таких мнений. В последнем случае не было бы ни отбора, ни контроля, ни «способов узнавания» (в том смысле, в каком мы уже употребили это выражение), ни возможной иерархии, ни, разумеется, какой бы то ни было трансмиссии; одним словом, не существовало бы ничего из того, что главным образом характеризует инициацию и чем она на деле является; и однако именно это с удивительным безрассудством кое-кто осмеливается представлять как «обновленную» концепцию инициации (действительно обновленную, и вполне достойную светских «идеалов», демократических и эгалитарных), даже не сомневаясь в том, что вместо по меньшей мере «виртуальных» иницированных, которые хоть что-то из себя представляют, получают простых профанов, напяливших на себя маску иницированных.

Но оставим все эти размышления — возможно, не столь важные; нам пришлось остановиться на этом потому, что непонимание и разброд в умах, характеризующие нашу эпоху, позволяют им распространяться с достойной сожаления легкостью. Следует уяснить себе, что в случае инициации речь идет об исключительно серьезных вещах и «позитив-

ных» реальностях, как мы охотно бы выразились, если бы светские ученые не злоупотребляли так этим словом; пусть принимают вещи такими, каковы они есть, или не говорят об инициации вовсе; мы не видим никакой возможной середины между этими позициями, и лучше было бы открыто отказаться от инициации, чем давать это название тому, что является просто пародией, лишенной даже внешних признаков, которые по крайней мере пытаются сохранить некоторые ее имитации, о которых мы поговорим в свое время.

Возвращаясь к исходной точке этого рассуждения, скажем, что желание индивидуума стать иницированным недостаточно и что он должен быть «принят» традиционной регулярной организацией, правомочной удостоить его инициации³⁵, т. е. передать ему «духовное влияние», без которого он не смог бы, несмотря на все усилия, когда-либо преодолеть ограничения и препятствия профанного мира. Может случиться так, что из-за отсутствия у него необходимых качеств (qualification) его намерение, несмотря на всю его искренность, не встретит никакого отклика, ведь речь здесь идет вовсе не о «морали», но единственно о «технических» правилах, связанных с «позитивными» законами (мы употребляем это слово за отсутствием более адекватного), которые столь же неотвратимы, как — в другой сфере — физические и ментальные условия, необходимые для определенных профессий. В подобном случае он никогда не сможет считать себя иницированным, каковы бы ни были приобретенные им теоретические знания; ясно, что даже в них он никогда не зайдет слишком далеко (мы говорим, естественно, об истинном понимании, пусть еще и внешнем, а не о простой эрудиции, т. е. о накоплении понятий, обязанных единственно памяти, как это происходит в светском обучении); ведь теоретическое знание само по себе, чтобы подняться на предельный уровень, уже предполагает как норму врожденные качества (qualification), требуемые для инициации, которые дадут ему возможность преобразоваться путем внутренней «реализации» в действительное знание. Тогда ничто не мешает индивиду развить способности, которые он действительно носит в себе; в конце концов, отстраняют лишь тех, кто питает иллюзии на свой собственный счет, полагая, что сможет добиться чего-то, что в действительности несовместимо с его индивидуальной природой.

Обратись к другой стороне вопроса, т. е. к самим инициатическим организациям, скажем следующее: вполне очевидно, что передать можно лишь то, чем сам владеешь; значит, необходимо, чтобы организация действительно была хранителем духовного влияния и могла бы сообщить его индивидам, связанным с ней; это сразу же исключает все псевдоинициатические образования, столь многочисленные в нашу эпоху и лишённые всякого истинно традиционного характера. В самом деле, лишь тогда инициатическая организация не была бы продуктом индивидуальной фантазии; она не могла бы быть основана — на манер светской ассоциации — по инициативе нескольких лиц, решивших объединиться в той или иной форме; даже если эти формы не собраны из разнородных частей, но заимствованы из реальных традиционных ритуалов, основатели которых обладали знаниями и «эрудицией», они не станут от этого более законными, ибо при отсутствии непрерывной связи трансмиссия «духовного влияния» невозможна; поэтому в подобном случае речь идет о вульгарной карикатуре на инициацию. С еще большим основанием эту характеристику можно отнести к чисто гипотетическому, чтобы не сказать — порожденному фантазией, воссозданию традиционных форм, исчезнувших в древние времена — к примеру, древнеегипетских или халдейских; даже если бы обращение к подобным формам было вызвано серьезным стремлением установить связь с традицией, к которой они принадлежали, они не стали бы более действенными; ведь связь возможна только с тем, что реально существует; а также необходимо, чтобы индивидуум был принят имеющими на то полномочия представителями данной традиции; поэтому новая организация может быть легитимной, лишь если она служит продолжением предшествующей организации, поддерживая непрерывную преемственность инициатической «цепи».

В целом мы лишь выразили другими словами и более ясно то, что уже сказали выше относительно необходимости реальной и непосредственной связи и бесполезности связи «идеальной»; не следует поэтому принимать за чистую монету названия, которые приписывают себе иные организации, не имеющие на них никакого права, но пытающиеся придать себе тем самым видимость подлинности. Так, используя уже приводившийся нами пример, укажем на мно-

жество объединений, совсем недавнего происхождения, называющих себя «розенкрейцерскими», но никогда не имевших ни малейшего, даже косвенного контакта с братьями Розы и Креста и не знающих, кто они такие на самом деле; ведь они неизменно представляют их себе как «общество», а это грубое и чисто современное заблуждение. Чаще всего в этом следует видеть лишь желание облечься пышным титулом или внушить почтение простакам; но даже если взять самый благоприятный случай, т. е. допустить, что учреждение некоторых из этих группировок вызвано искренним желанием «идеальной» связи с Розой и Крестом, то с инициатической точки зрения это ничего не значит. Сказанное по этому частному случаю применимо, впрочем, ко всем организациям, изобретенным оккультистами и другими неоспиритуалистами всех видов и наименований; все их претензии, каковы бы они ни были, могут быть определены лишь как «псевдоинициатические», ибо они не владеют ничем реальным, что могли бы передать, и представляют лишь подделку, а зачастую даже карикатуру или пародию на инициацию³⁶.

Добавим также, в качестве другого следствия вышесказанного: в настоящей инициатической организации ее члены не вправе менять ее формы по своей воле или видоизменять в них что-либо существенное; это не исключает известных возможностей адаптации к обстоятельствам, что не зависит от желания индивидов, которые, скорее, этому подчиняются; во всяком случае указанным адаптациям ставится предел — они не должны наносить ущерба средствам, обеспечивающим сохранение и трансмиссию духовного влияния, хранителем которого является рассматриваемая организация; если это условие не будет соблюдено, результатом окажется настоящий разрыв с традицией и утрата организацией ее «регулярности». Наконец, инициатическая организация не может вводить в свои ритуалы элементы, заимствованные из традиционных форм, отличных от тех, в соответствии с которыми она регулярно учреждена³⁷; такие элементы, введение которых носило бы совершенно искусственный характер,— чистая фантазия, лишенная какой бы то ни было эффективности с инициатической точки зрения и, стало быть, не добавляющая абсолютно ничего реальному; однако сама их разнородность стала бы причиной путаницы и дисгармонии; впрочем, опасность такого смешения

отнюдь не ограничена одной инициатической областью, и это весьма важный момент, заслуживающий отдельного разговора. Законы, управляющие духовными влияниями,—слишком сложная и тонкая вещь, чтобы те, кто обладает достаточным их знанием, могли позволить себе вносить безнаказанно более или менее произвольные изменения в ритуальные формы, где все имеет свое разумное основание, хотя точное значение этого может от них ускользнуть.

Из всего этого становится ясной ничтожность индивидуальных начинаний по учреждению инициатических организаций — как в плане их происхождения, так и в отношении присущих им форм; по этому поводу заметим, что не существует традиционных ритуальных форм, создание которых можно было бы приписать определенным индивидуумам. Это нетрудно понять, если поразмыслить о том, что основная и конечная цель инициации лежит за пределами индивидуальности и ее частных способностей, а это было бы невозможно, если бы ее сводили к средствам чисто человеческого порядка; уже из такого простого замечания, даже не углубляясь в суть вещей, можно сделать вывод о необходимости присутствия «нечеловеческого» элемента; таков, в действительности, характер духовного влияния, трансмиссия которого и представляет собой инициацию в собственном смысле слова.

ГлаваМ

СИНТЕЗ И СИНКРЕТИЗМ

Мы отметили выше, что не только бесполезно, но порой и опасно смешивать ритуальные элементы, принадлежащие различным традиционным формам, и отнесли это замечание только к сфере инициации; в действительности же это справедливо по отношению ко всей области традиции. Мы полагаем небезынтесным рассмотреть данный вопрос более полно, хотя может показаться, что это несколько отдаляет нас от рассуждений, непосредственно касающихся инициации. Поскольку упомянутое смешение представляет собой лишь частный случай того, что можно назвать «синкретизмом», мы начнем с уточнения того, что следует понимать под этим термином, тем более что те из наших современников, кто хочет изучить традиционные доктрины без глубокого проникновения в их сущность, в особенности те, кто рассматривает их с «исторической» точки зрения и как предмет чистой эрудиции, чаще всего проявляют достойную сожаления склонность смешивать «синтез» и «синкретизм». Это замечание относится в целом к светскому изучению доктрин и экзотерических, и эзотерических; различие между теми и другими проводится редко, хотя это следовало бы делать; в результате так называемое «религиоведение» трактует множество вещей, не имеющих в действительности ничего религиозного, к примеру, как мы отмечали выше, инициатические мистерии античности. Эта «наука» сама открыто утверждает свой «профанный» характер в худшем смысле слова, считая, что лишь тот, кто ставит себя принципиально вне всякой религии (мы, скорее, сказали бы «традиции», не уточняя той или иной ее конкретной разновидности) и, следовательно, может иметь о ней лишь внешнее, поверхностное представление, вправе заниматься ею «научно». На самом деле под видом незаинтересованного знания здесь скрывается явно антитрадиционалистское намерение; речь идет о «критике», которую нацеливают —

прежде всего ее активные представители и, пожалуй, менее сознательно их последователи — на разрушение всякой традиции, произвольно усматривая в ней лишь совокупность психологических, социальных либо иных, но в любом случае — чисто человеческих фактов. Мы не станем на этом задерживаться, так как нередко говорили об этом ранее и в настоящий момент лишь намеревались указать на смешение, которое, будучи весьма характерным для этой особой ментальное™, вполне может существовать независимо и от антитрадиционной направленности.

«Синкретизм» в подлинном смысле слова есть не что иное, как простое рядоположение элементов различного происхождения, собранных, так сказать, «извне», без какого-либо объединяющего их более глубокого принципа. Очевидно, что подобное соединение реально не может составить доктрины, как груда камней не может стать зданием; и если при поверхностном рассмотрении порой и возникает подобная иллюзия, то она не может противостоять более серьезному анализу. Нет нужды далеко ходить за примерами подобного синкретизма; их мы видим, по сути дела, в таких современных подделках под традицию, как оккультизм и теософия³⁸; фрагментарные понятия, заимствованные у различных традиционных форм, в целом плохо понятые и более или менее искаженные, смешаны здесь с концепциями, относящимися к сфере философии и светской науки. Существуют также философские теории, почти полностью составленные из фрагментов других теорий, и в этом случае синкретизм обычно именуют «эkleктизмом»; но данный случай менее важен, чем предшествующий, поскольку здесь речь идет лишь о философии, т. е. о мысли светской, которая по крайней мере не стремится прослыть тем, чем она не является.

Синкретизм во всех случаях есть по преимуществу — в силу самой своей «поверхности» — светский подход; это отнюдь не синтез, а в известном смысле его противоположность. Действительно, синтез, по определению, исходит из принципов, т. е. из того, что принадлежит наиболее внутренней области; он следует, так сказать, от центра к окружности, тогда как синкретизм удерживается на самой окружности, в простой атомической множественности элементов — «атомов», взятых поодиночке, сами по себе, и отделенных от принципа, т. е. от истинной основы их существования.

Синкретизм носит, следовательно, аналитический характер, хочет он того или нет; правда, никто не говорит столь часто и охотно о синтезе, как некоторые «синкретисты», но это доказывает лишь одно: они чувствуют, что если признают реальную природу своих теорий, составленных из различных частей, то тем самым сознаются в том, что не являются хранителями какой-либо традиции и что работу, которой они занимаются, первый встречный изыскатель мог бы выполнить, соединив кое-как разнообразные понятия, подчерпнутые в книгах.

Если «синкретисты» явно стремятся выдать свой синкретизм за синтез, то заблуждение тех, о ком мы говорили вначале, носит прямо противоположный характер: сталкиваясь с настоящим синтезом, они нередко называют его синкретизмом. Объяснение подобной позиции, по сути, довольно простое: придерживаясь самой поверхностной и светской точки зрения, они не имеют никакого представления о вещах другого порядка и, не желая признать существования сфер, им недоступных, естественно, стремятся все свести к приемам, соответствующим уровню своего понимания. Вообразив, что всякая доктрина есть дело рук одного или нескольких человеческих индивидов, без какого-либо вмешательства высших элементов (ибо не следует забывать, что именно в этом заключается фундаментальный постулат всей их «науки»), они приписывают этим индивидам то, что сами были бы способны сделать в подобном случае; и само собой разумеется, их ничуть не заботит, является ли доктрина, которую они на свой лад изучают, выражением истины, так как подобный вопрос, не будучи «историческим», даже не встает перед ними. Едва ли даже им приходила в голову мысль, что может существовать истина другого порядка, нежели простая «истина факта», могущая быть единственно предметом эрудиции; что касается того, какой интерес подобное исследование может представлять для нас в этих условиях, то мы должны сознаться, что совершенно не в состоянии отдать себе в этом отчет, настолько чужда нам та ментальность, о которой идет речь.

Как бы то ни было, особенно важно отметить, что ложная концепция, усматривающая синкретизм в традиционных доктринах, непосредственно и неизбежно влечет за собой то, что можно назвать теорией «заимствований»: ее сторонники, констатируя существование сходных элементов

в двух различных доктринальных формах, спешат заявить, что одна из них непременно заимствована у другой. Разумеется, речь здесь никоим образом не может идти ни об общих истоках традиций, ни об их точно установленной преемственности, с происходящей в этом процессе регулярной трансмиссией и последовательными адаптациями; все это полностью ускользает от средств исследования, которыми располагает светский историк, и для него в буквальном смысле слова не существует. Речь ведут единственно о заимствованиях в самом грубом смысле слова,— о чем-то вроде копии или плагиата, совершаемого одной традицией у другой, с которой она поддерживала контакт вследствие совершенно второстепенных обстоятельств, о случайной инкорпорации отдельных элементов, не соответствующих никакому глубинному основанию³⁹; и действительно, именно таков синкретизм по самому своему определению. Даже не ставится вопрос: разве не естественно, что одна и та же истина обретает выражения, более или менее сходные либо, по крайней мере, сопоставимые между собой, независимо от всякого заимствования; да он и не может быть поставлен — ведь, как мы только что сказали, решено было игнорировать существование этой истины как таковой. Последнее объяснение было бы, впрочем, недостаточным, если не принимать во внимание понятие изначального единства традиций; но оно, во всяком случае, отвечало бы определенному аспекту реальности; добавим, что его никоим образом не следует смешивать с другой теорией, столь же светской,— как и теория «заимствований», хотя и другого рода,— она обращена к тому, что принято называть «единством человеческого духа». Последний при этом понимается исключительно в психологическом смысле, хотя в действительности подобного единства не существует; предполагается также, что всякая доктрина — просто продукт этого «человеческого духа»; таким образом, подобный «психологизм» не более озабочен вопросом о доктринальной истине, нежели «историцизм» сторонников синкретического объяснения⁴⁰.

Отметим также, что сама идея синкретизма и «заимствований», будучи отнесена к Священному Писанию, кладет начало поиску гипотетических «источников» и предполагаемых «интерполяций», который, как известно, служит наибольшим стимулом для «критики» с ее разрушительной ра-

ботой, чьей единственной целью является отрицание какой бы то ни было «надчеловеческой» инспирации. Это тесно связано с ее антитрадиционной направленностью, указанной нами вначале; здесь же следует в особенности подчеркнуть несовместимость всякого «гуманистического» объяснения с традиционным духом, по сути своей очевидную; ведь не учитывать «нечеловеческий» элемент — значит не признавать саму сущность традиции, то, без чего она даже не заслуживает этого имени. С другой стороны, напомним, что любая традиционная доктрина непременно имеет в качестве центра и отправной точки знание метафизических принципов, и все то, что она содержит сверх того, в конечном счете является применением этих принципов к различным областям; и это еще раз подчеркивает, что она по преимуществу синтетична, а синтез — как мы говорили выше — по самой своей природе исключает синкретизм.

Можно пойти дальше; если синкретизм в самих традиционных доктринах невозможен, то он равным образом невозможен и для их приверженцев, неизбежно сознающих беспочвенность такого подхода, как и иных методов, свойственных светской мысли. Все, что действительно инспирировано традиционным знанием, всегда идет «изнутри», а не «извне»; каждый, кто сознает сущностное единство всех традиций, при изложении и интерпретации доктрины может обращаться — сообразно случаю — к средствам выражения, характерным для различных традиционных форм, если сочтет это необходимым; но в этом никогда не будет ни малейшего сходства с синкретизмом или «сравнительным методом» эрудитов. С одной стороны, единство центра и принципа все освящает и надо всем доминирует; с другой стороны, когда это единство отсутствует, или, лучше сказать, скрыто от глаз светского исследователя, последний, «ввергнутый во тьму внешнюю», может только ощупью пробираться среди хаоса, упорядочить который мог бы лишь инициатический «Fiat Lux»; но он недоступен такому исследователю — по причине отсутствия у того необходимого «врожденного качества» (qualification).

Глава VII

ПРОТИВ СМЕШЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ФОРМ

Согласно индуистской традиции, как мы уже говорили⁴¹, существуют два противоположных способа — низший и высший — пребывания вне каст: можно вести «внекастовое» существование (*аварна*) в смысле «отрицательном», т. е. быть ниже них; а можно, напротив, быть «за пределами» каст (*ати-варна*) или выше них; правда, этот второй случай неизмеримо более редок, чем первый, в особенности в условиях нынешнего времени⁴². Аналогичным образом, можно пребывать вне и за пределами традиционных форм: например, «безрелигиозный» человек, повсеместно встречающийся в современном западном мире, бесспорно, являет пример первого случая; напротив, второй способ практикуют исключительно те, кто действительно осознал фундаментальное единство и тождество всех традиций; но в нынешнее время он весьма редок. Необходимо хорошенько уяснить: когда мы говорим о действительном осознании, то имеем в виду, что чисто теоретические представления об этом единстве и тождестве хотя и важны, но отнюдь не дают оснований индивиду считать преодоленной ту стадию, на которой нужно присоединиться к определенной форме и строго ее придерживаться. Это, разумеется, отнюдь не значит, что он не должен в то же время стремиться понять другие формы по возможности полно и глубоко; однако на практике ему не следует прибегать к ритуальным или иным средствам, принадлежащим различным формам; это было бы не только бесполезно и напрасно, как мы отметили выше, но даже вредно и опасно в различных отношениях⁴³.

Традиционные формы можно сравнить с путями, ведущими к одной и той же цели⁴⁴ и все же различными; ясно, что нельзя следовать разными путями одновременно и что, вступив на один из них, надо неуклонно придерживаться его до конца; ведь переходя с одного на другой, вообще рискуешь затормозить продвижение, если не заблудиться сов-

сем. Только тот, кто дошел до конца, тем самым преодолел все остальные пути, ибо ему уже не надо проходить их снова; он может, если нужно, придерживаться любых форм без различия,— но именно потому, что они преодолены и отныне уже объединены для него в их общем принципе. В целом он по-прежнему будет придерживаться внешне той или иной определенной формы — хотя бы для того, чтобы подать «пример» окружающим, которые пока не достигли того же уровня, что и он; но если обстоятельства потребуют, он сможет также участвовать и в других формах; ведь с той точки зрения, на которой он находится, между ними нет уже никакого реального различия. Впрочем, поскольку все формы будут для него едины, станут невозможными ни смешение, ни путаница — эти неизбежные спутники разнообразия как такового; но при этом речь идет только о том, кто действительно оказался за пределами этого разнообразия; для него формы уже не носят характера путей или средств, в которых он более не нуждается; они существуют лишь как выражения единой Истины, пользоваться которыми сообразно обстоятельствам столь же оправданно, как и говорить на различных языках, чтобы тебя понимали те, к кому ты обращаешься⁴⁵.

Между этим последним примером и случаем беспорядочного смешения традиционных форм существует такое же различие, как между синтезом и синкретизмом; вот почему необходимо в связи с этим хорошенько уточнить последнее. В самом деле, тот, кто рассматривает все формы в самом единстве их принципа, как мы только что сказали, имеет по преимуществу синтетическое представление о них в самом строгом смысле слова; он находится в равной мере внутри их всех, и даже более того — в точке, которая для всех них есть самая внутренняя — ведь она и является их настоящим общим центром. Повторяя сравнение, только что употребленное нами, скажем, что все пути, выходящие из различных точек, идут, сближаясь все более, но оставаясь раздельными вплоть до того момента, когда они сольются в этом едином центре⁴⁶; но, увиденные из самого центра, они в действительности являются лишь его лучами, которые исходят из него и связывают его с многочисленными точками окружности⁴⁷. Оба этих прямо противоположных способа рассмотрения одних и тех же путей весьма точно соответствуют точке зрения того, кто находится «на пути»

к центру, и того, кто достиг его; оба эти состояния нередко описываются в традиционной символике в образах «путника» и «восседающего на вершине». Последний сравним с тем, кто, находясь на вершине горы и уже не нуждаясь в перемещении, охватывает взглядом все ее склоны; тогда как тот, кто еще только взбирается на вершину, видит лишь прилегающую часть склона; вполне очевидно, что только вид, открывающийся первому, может быть назван синтетическим.

С другой стороны, тот, кто не находится в центральной точке, всегда оказывается в позиции, более или менее «внешней» даже по отношению к своей собственной традиционной форме, и подавно — по отношению к остальным; если же он хочет, например, совершать обряды, относящиеся к различным формам, предполагая использовать и те и другие как средства или «опору» своего духовного развития, он сможет соединить их лишь внешним образом; но это и есть синкретизм, состоящий в смешении разрозненных элементов, которые по сути ничто не объединяет. Все сказанное против синкретизма в целом справедливо, следовательно, и в этом частном случае, и дело здесь, пожалуй, даже усложняется; ведь куда речь идет лишь о теориях, синкретизм — оставаясь малосущественным и иллюзорным и являясь пустой тратой сил — представляется по крайней мере относительно безобидным; но те, кто вступает в прямой контакт с реальностями высшего порядка, рискуют испытать искажение или приостановку внутреннего развития, вместо того чтобы, как они — хотя и напрасно — полагали, сколь возможно облегчить его. Подобный случай вполне сопоставим с тем, когда некто, желая вернее добиться выздоровления, употреблял бы одновременно множество разных лекарств, тем самым нарушая их действие, что могло бы даже иметь последствия непредвиденные и более или менее опасные для организма; бывают вещи, действующие в отдельности вполне эффективно, но в корне несовместимые между собой.

Это приводит нас к уточнению еще одного пункта: помимо чисто доктринальных мотивов возражения против смешения традиционных форм, существует еще одно соображение, пусть и второстепенного порядка, но не менее важное с точки зрения «технической». В самом деле, предположим, что кто-то находится в условиях, подходящих для совершения обрядов, связанных с различными формами та-

ким образом, чтобы те и другие имели реальный эффект,— а это, естественно, предполагает существование неких действительных связей с каждой из этих форм; тогда в большинстве случаев эти обряды могут ввести в действие не только духовные, но и психические влияния, которые, не согласуясь между собой, будут сталкиваться и создадут состояния беспорядка и нарушения равновесия, более или менее серьезно задевающие того, кто их неосторожно вызвал. Нетрудно понять, что не следует безрассудно подвергать себя подобной опасности; с одной стороны, нужно остерегаться шока от психических влияний, как следствия совершения самих обрядов всецело внешнего порядка (т. е. принадлежащих экзотерической стороне различных традиций), ибо в этом отношении они особенно исключают друг друга: ведь расхождения путей возрастают по мере удаления от центра; с другой стороны — пусть это и покажется парадоксальным тому, кто недостаточно размышлял над этим,— противостояние тем сильнее, чем больше у традиций общих черт; так бывает, например, когда они экзотерически облакаются в собственно религиозную форму, ибо вещам, сильнее отличающимся друг от друга, труднее вступить в конфликт между собой в силу самого этого различия; в данной области, как и во всякой другой, борьба может происходить лишь при условии пребывания на одной и той же территории. Мы не будем более на этом задерживаться, но остается пожелать, чтобы по крайней мере это предупреждение оказалось достаточным для тех, кто поддается искушению пустить в ход подобные разноречивые средства; пусть они не забывают, что чисто духовная область — единственное, что дает защиту, ибо оппозиции в ней не имеют более никакого смысла; и покуда психическая область полностью и окончательно не преодолена, всегда возможны приключения худшего свойства — и, добавим, в особенности для тех, кто решительно заявляет, что не верит в них.

Глава VIII

ОБ ИНИЦИАТИЧЕСКОЙ ТРАНСМИССИИ

Мы уже говорили, что инициация как таковая состоит по преимуществу в трансмиссии духовного влияния,— трансмиссии, которая может осуществиться лишь при посредстве традиционной регулярной организации; поэтому не может быть и речи об инициации вне связи с такой организацией. Мы уточнили, что «регулярность» должна пониматься как исключаящая все псевдоинициатические организации, которые, невзирая на их претензии и внешнее обличье, не являются хранителями какого-либо «духовного влияния» и, следовательно, ничего в действительности не могут передать. Поэтому легко понять, отчего все традиции придают особое значение так называемой «инициатической цепи»⁴⁸, т. е. преемственности, обеспечивающей непрерывность упомянутой трансмиссии; вне этой преемственности даже само соблюдение ритуальных форм бесполезно, так как будет недоставать элемента, жизненно важного для их эффективности.

Впоследствии мы специально вернемся к вопросу об инициатических обрядах, но уже теперь ответим на могущие возникнуть возражения: разве эти обряды, спросят нас, не обладают сами по себе внутренне присущей им эффективностью? Последние и в самом деле обладают ею; ведь если бы они не соблюдались или были бы изменены в каких-то своих существенных элементах, невозможно было бы достигнуть никакого реального результата; однако это условие, пусть и необходимое, все же недостаточно; чтобы эти обряды имели эффект, их должны совершать те, кто обладает необходимыми для их совершения качествами. Впрочем, это свойственно не только инициатическим обрядам, но и обрядам экзотерического порядка, например религиозным: они также эффективны, однако и их не всякий может совершать должным образом; так, если религиозный обряд требует священнического рукоположения, тот, кто

его не имеет, тщетно будет соблюдать все формы и даже вносить в них «волевое устремление» (*intention voulue*)⁴⁹; он не добьется никакого результата, поскольку не является носителем «духовного влияния», которое действует, воспринимая эти обрядовые формы как «опору»⁵⁰.

Даже в обрядах низшего порядка, связанных с вторичными приложениями традиции, к примеру обрядах магических, где участвует влияние, которое не имеет в себе ничего духовного, а является чисто психическим (если понимать под этим в самом общем смысле то, что принадлежит области тонких элементов человеческой индивидуальности, и то, что соответствует ей на «макрокосмическом» уровне), достижение реального эффекта обусловлено в большинстве случаев определенной трансмиссией; и самое заурядное деревенское колдовство дает массу примеров подобного рода⁵¹. Мы не будем останавливаться на этом последнем моменте, не относящемся к нашему предмету; мы указываем на него, чтобы лучше объяснить необходимость регулярной трансмиссии для реального совершения обрядов, предполагающих действие высших сил, которое, собственно, и может быть названо «нечеловеческим» и проявляется как в религиозных, так и в инициатических обрядах.

Это в самом деле существенный момент, и на нем следует еще несколько задержаться; мы уже сказали, что учреждение регулярных инициатических организаций не относится к сфере простых индивидуальных начинаний, и точно то же можно сказать о религиозных организациях; ведь и в том, и в другом случае необходимо наличие чего-то такого, что исходит не от индивидов, ибо превышает человеческие возможности. Впрочем, можно объединить оба эти случая, сказав, что фактически речь идет здесь обо всей совокупности организаций, которые могут быть определены как поистине традиционные; так станет понятнее без лишних рассуждений, почему мы отказываемся относить слово «традиция» к вещам чисто человеческим, чем злоупотребляет «светский» язык; бесполезно будет отметить, что само слово «традиция» в его первоначальном смысле выражает не что иное, как саму идею трансмиссии, которую мы в данный момент и рассматриваем; к этому вопросу мы вернемся немного позже.

Итак, ради большего удобства можно было бы разделить традиционные организации на «экзотерические» и «эзоте-

рические», хотя оба эти термина, если понимать их в самом точном смысле, пожалуй, не везде одинаково применимы; но в настоящий момент нам достаточно подразумевать под «экзотерическими» организации, которые в той или иной цивилизационной форме открыты для всех без различия, а под «эзотерическими» — те, что предназначены для элиты, или, другими словами, куда допущены лишь те, кто обладает особыми «качествами». Инициатическими являются, собственно, организации второго рода; другие же включают организации не только специфически религиозные, но и социальные, не носящие религиозного характера, но подобным же образом связанные с высшим принципом, что в любом случае есть необходимое условие их признания в качестве традиционных — как это можно видеть на Востоке. Впрочем, поскольку мы не намеревались рассматривать здесь экзотерические организации и вспомнили о них лишь для того, чтобы сравнить их с эзотерическими, или инициатическими, то ограничимся рассмотрением религиозных организаций; ведь они — единственные организации такого рода, известные на Западе, а потому все, что с ними связано, будет легче понять.

Итак, мы утверждаем следующее: любая религия, в истинном смысле этого слова, имеет «нечеловеческое» происхождение и устроена так, чтобы сохранять переданный ей, равным образом «нечеловеческий», элемент с самого момента своего основания; этот элемент, относящийся к сфере «духовного влияния», осуществляет эффективное воздействие посредством соответствующих обрядов; для того чтобы эти обряды были действенными, т.е. служили реальной «опорой» упомянутому влиянию, необходима прямая и непрерывная трансмиссия в лоне религиозной организации. Если дело обстоит так на уровне чисто экзотерическом (разумеется, все сказанное нами адресовано не тем упоминавшимся выше критикам-негативистам, которые пытаются свести религию к «человеческому факту»; их мнение мы не рассматриваем, как и все то, что сходным же образом вытекает лишь из антитрадиционных предрассудков), то с тем большим основанием это должно быть так и на уровне более высоком, т.е. эзотерическом. Употребленные нами термины достаточно широки, чтобы можно было и здесь не вносить в них изменений; мы ограничимся лишь заменой слова «религия» словом «инициация»; все различие связано

с природой «духовных влияний», участвующих в процессе (впрочем, имеется еще немало различий в этой области, куда мы включаем в целом все, что относится к возможностям над-индивидуального порядка), и в особенности с результатами действия, которое они осуществляют в одном и другом случае.

Если мы ради разъяснения вопроса обратимся к ситуации христианства в религиозной сфере, то сможем добавить следующее: обряды инициации, имеющие непосредственной целью трансмиссию «духовного влияния» от одного индивида к другому, который, по крайней мере в принципе, также впоследствии сможет его передать, в точности сопоставимы в этом отношении с обрядами рукоположения⁵²; отметим также, что те и другие могут включать множество степеней; ведь полнота «духовного влияния» не обязательно сообщается единожды, со всеми прерогативами, которые она предполагает, в особенности в том, что касается действительной способности осуществлять те или иные функции в традиционной организации⁵³. Известно, какое значение имеет для христианских церквей вопрос об «апостольской преемственности», и это нетрудно понять; если бы эта преемственность была прервана, никакое рукоположение не было бы действительным, и вследствие этого большинство обрядов были бы лишь пустой формальностью, лишенной реального значения⁵⁴. Тем, кто совершенно справедливо признает необходимость такого состояния дел в религиозной сфере, не составит большого труда понять, что оно не менее неукоснительно соблюдается в области инициатической; или, другими словами, здесь также строго необходима регулярная трансмиссия, образующая «цепь», о которой говорилось выше.

Мы только что сказали, что инициация должна иметь «нечеловеческое» происхождение, так как без этого она никоим образом не могла бы достичь своей конечной цели, лежащей за пределами области индивидуальных возможностей; вот почему творцами настоящих инициатических обрядов, как мы подчеркнули выше, не могли быть люди, и фактически такие творцы никогда и не были известны⁵⁵, как не были известны, по тем же причинам, создатели традиционных символов, также имеющих «нечеловеческое» происхождение и суть⁵⁶; кроме того, между обрядами и символами существуют весьма тесные связи, что мы рассмот-

рим позднее. Можно со всей уверенностью сказать, что в случаях, подобных этому, не существует «исторического» происхождения; ведь истоки их находятся в мире, к которому неприменимы условия места и времени, определяющие исторические факты как таковые; вот почему эти вещи всегда неизбежно ускользают от «светских» методов исследования, которые, по определению, могут дать относительно ценные результаты лишь в собственно человеческой сфере⁵⁷.

В этих условиях нетрудно понять, что роль индивида, сообщающего инициацию другому, есть поистине роль «передающего» в самом точном смысле этого слова; речь идет не столько об индивиде как таковом, сколько о «поддержке» влияния, не связанного с человеческой сферой; индивид является единственно звеном «цепи», исходная точка которой находится вне и за пределами человечества. Вот почему он может действовать не от своего собственного имени, но от имени организации, к которой он принадлежит и от которой получает полномочия,— или, точнее, от имени принципа, который внешне представляет данная организация. Это к тому же объясняет, что действенность обряда, совершаемого индивидом, не зависит от личных достоинств последнего, что верно также и для религиозных обрядов; и мы рассматриваем это отнюдь не с точки зрения морали (что явно не имеет значения в вопросе исключительно «технического» порядка); мы исходим из того, что даже если данный индивид не обладает уровнем знания, необходимым для понимания глубокого смысла обряда и сущностной причины его различных элементов, тем не менее сам обряд полностью возымеет действие, если «передающий», правомочно облеченный соответствующими функциями, совершает его, соблюдая все предписанные правила и сознавая свою связь с традиционной организацией. Отсюда непосредственно следует, что если в подобной организации уже не нашлось бы в тот или иной момент лиц, которых мы назвали «виртуальными» иницированными (мы вернемся к этому позднее), она сохраняла бы, тем не менее, способность реально передавать «духовное влияние», хранителем коего является; для этого было бы достаточно, чтобы «цепь» не прерывалась; и в этом отношении притча об «осле, нагруженном реликвиями», исполнена инициатического значения, заслуживающего глубокого размышления⁵⁸.

Напротив, самое полное знание обряда, если оно получено вне регулярных условий, совершенно лишено какой-либо реальной ценности; так, возьмем простой пример, ибо обряд здесь сводится к произнесению слова или формулы: мантра, воспринятая не из уст авторитетного гуру, не производит никакого действия, поскольку она не «одухотворена» присутствием духовного влияния, носителем которого является⁵⁹. Это относится в той или иной степени ко всему тому, с чем связано духовное влияние: так, изучение священных текстов традиции по книгам никогда не заменит их непосредственного сообщения; вот почему даже там, где традиционные учения были более или менее полно изложены в письменной форме, они все же продолжают оставаться объектом устной передачи; последняя, помимо того, что она необходима для придания им всей полноты действительности (коль скоро речь идет не только о теоретическом знании), обеспечивает также преемственность «цепи», с которой связана сама жизнь традиции. В противном случае имели бы дело с мертвой традицией, с которой не была бы возможна никакая действительная связь; и, если знание того, что остается от традиции, еще может иметь определенный теоретический интерес (разумеется, не в плане обычной светской эрудиции, значимость которой здесь нулевая, а лишь поскольку это способно помочь в понимании определенных доктринальных истин), то оно не могло бы иметь никакого непосредственного воздействия в плане какой-либо «реализации»⁶⁰.

Речь при этом идет о сообщении вещей, столь «жизненно важных», что в Индии ученик не смеет сесть перед лицом гуру — дабы влияние праны, связанное с дыханием и голосом, воздействуя непосредственно, не произвело слишком резкого эффекта, небезопасного в психическом и даже физическом отношении⁶¹. В самом деле, действие это тем более мощное, что сама прана в подобном случае представляется лишь носительницей или тонкой опорой духовного влияния, передаваемого от гуру к ученику; и гуру, выполняющий свою роль, должен рассматриваться не как индивидуальность (последняя в этом случае воистину исчезает, служа лишь простой опорой), но единственно как представитель самой традиции, которую он неким образом воплощает по отношению к своему ученику; в этом и состоит роль «передающего», о которой мы говорили выше.

ТРАДИЦИЯ И ТРАНСМИССИЯ

Мы отметили выше, что слово «традиция» в его этимологическом значении выражает в целом не что иное, как саму идею трансмиссии, передачи; по сути дела, это вполне нормально и согласуется с употреблением слова «традиция» в нашем понимании, что ясно следует из нашего предыдущего объяснения; однако по этому поводу иногда выдвигаются возражения, свидетельствующие о необходимости еще задержаться на этом вопросе, дабы здесь не осталось никаких недоразумений. Вот это возражение: все что угодно может стать объектом трансмиссии, включая вещи самого обыденного порядка; тогда почему бы не отнести к «традиции» все, что передается таким образом, не ограничивая употребление этого слова единственно областью «сакрального»?

Мы должны вначале сделать важное замечание, явно сужающее значение данного вопроса: последний и не возник бы, если обратиться к истокам, ибо подразумеваемого им различия между «сакральным» и «профанным» тогда не существовало. В самом деле, как нам уже приходилось объяснять, нет собственно «профанной» области, к которой вещи определенного рода относились бы по самой своей природе; в действительности есть только «профанная» точка зрения, являющаяся продуктом и следствием определенного вырождения; а последнее, в свою очередь, само является результатом нисходящего развития человеческого цикла и его постепенного удаления от изначального состояния. Следовательно, этому вырождению предшествовало нормальное состояние человека до падения, когда все носило поистине традиционный характер, ибо рассматривалось в своей сущностной зависимости от принципов и в согласии с ними; деятельность «профанная», т. е. игнорирующая эти принципы и отделенная от них, была чем-то совершенно непостижимым,— даже если она относилась к тому, что принято на-

зывать «повседневной жизнью» (или, скорее, к тому, что могло ей тогда соответствовать, но представало в аспекте, весьма отличном от того, что подразумевают под этим наши современники⁶²), и с еще большим основанием — ко всей области наук, ремесел и искусств, в которых этот традиционный характер вполне сохранялся и в гораздо более поздние времена, встречаясь еще в любой цивилизации традиционного типа. Поэтому можно сказать, что их «светская» концепция — за исключением, до известной степени, так называемой «классической» античности — свойственна исключительно современной цивилизации, представляющей собой, по сути, крайнюю степень вырождения, о котором шла речь выше.

Если мы обратимся теперь к состоянию, ставшему следствием вырождения, то сможем поставить вопрос: почему идея традиции исключает в нем все, что отныне трактуется как порядок «светский», т. е. уже не сохраняющий сознательной связи с принципами, и имеет отношение лишь к тому, что сохранило свой первоначальный характер благодаря присущим ему аспектам «трансцендентности». Недостаточно констатировать, что это произошло в процессе словоупотребления, по крайней мере пока не совершились еще смешения и искажения новейших времен, на что мы уже обращали внимание⁶³; правда, первоначальный смысл слов в ходе употребления изменяется: в частности, к нему может что-либо добавиться либо убавиться; но даже это — по крайней мере когда речь идет о правомерном употреблении — должно иметь свое обоснование, что особенно важно в вышеуказанном случае. Мы можем также отметить, что это справедливо не только для языков, использующих латинское слово «традиция»; на иврите слово «каббала», имеющее точно такой же смысл трансмиссии, передачи, подобным же образом служит обозначению традиции, как мы ее понимаем, и даже обычно, еще точнее, — ее инициатической и эзотерической части, составляющей самое «внутреннее» и возвышенное в ней, сам ее дух; отсюда также следует, что речь идет о чем-то более важном и значительном, нежели о простом вопросе словоупотребления и модификаций разговорного языка.

В первую очередь, существует указание, непосредственно вытекающее из того, что традиция в нашем понимании, по самой своей сути, если не обязательно во внешнем выра-

жении, сохранила первоначальный характер; речь идет, следовательно, о неких вещах, перенесенных от предыдущего состояния человечества к его нынешнему состоянию. В то же время можно отметить, что «трансцендентный» характер всего традиционного предполагает также трансмиссию в другом направлении, исходящую от самих принципов и сообщаемую человеческому состоянию; и это направление определенным образом соединяется с предшествующим, явно дополняя его. Можно было бы, употребляя выражения, использованные ранее⁶⁴, говорить одновременно о «вертикальной» трансмиссии от «надчеловеческого» к человеческому и о трансмиссии «горизонтальной» — через состояния или последовательные стадии человечества; тогда вертикальная трансмиссия предстает как преимущественно «вневременная», тогда как горизонтальная трансмиссия предполагает хронологическую последовательность. Добавим также, что вертикальная трансмиссия, если ее рассматривать не сверху вниз, как мы только что делали, но, напротив, снизу вверх, становится «участием» человечества в реальностях изначального порядка, — участием, которое и обеспечивается на деле традицией во всех ее формах; ведь именно благодаря ей человечество поддерживает действительные и сознательные отношения с тем, что выше него. Со своей стороны, горизонтальная трансмиссия, если ее рассматривать, двигаясь вспять по течению времени, становится, собственно говоря, «возвращением к истокам», т. е. восстановлением «первозданного» состояния; и мы уже указали выше, что это восстановление и есть необходимое условие для того, чтобы человек мог затем подняться к высшим состояниям.

Есть еще и нечто другое: к «трансцендентности», свойственной преимущественно принципам, которой все, с ней действительно связанное, тем самым в известной степени причастно (что выражается в наличии «нечеловеческого» элемента во всем собственно традиционном), добавляется «перманентность», выражающая неизменность самих этих принципов и сообщающаяся в меру возможного их приложениям, относящимся к вторичным областям. Это не означает, разумеется, что традиция неспособна к адаптациям, обусловленным определенными обстоятельствами; но при этих изменениях постоянство самого существенного всегда сохраняется; и даже когда речь идет о вещах случайных, по-

следние как таковые неким образом преодолеваются и «преобразуются» самим фактом их связи с принципами. Напротив, встав на светскую точку зрения, для которой характерно полное отсутствие такой связи, оказываешься, так сказать, в области сугубо случайного со всей его нестабильностью и постоянной изменчивостью, не имея возможности отсюда выбраться; это своего рода процесс «становления», сведенный к себе самому; нетрудно уяснить, что и в самом деле светские концепции всякого рода подвержены постоянному изменению — не в меньшей мере, чем способности действия, основанные на этой же точке зрения, самый впечатляющий образ которой представлен так называемой модой. Отсюда можно сделать вывод, что традиция включает не только все то, что достойно быть переданным, но также и все то, что может стать таковым на самом деле; ведь все остальное, как лишенное традиционного характера и, следовательно, связанное со светской точкой зрения, подвержено изменению до такой степени, что любая трансмиссия здесь становится вскоре простым «анахронизмом» или «предрассудком» в этимологическом значении слова, не соответствующим более ничему реальному и ценному.

Теперь следует уяснить, почему традиция и трансмиссия могут рассматриваться, без какой-либо натяжки в области языка, как почти синонимы или эквиваленты; или, по крайней мере, почему традиция, в каком бы отношении ее ни рассматривать, составляет то, что можно было бы назвать трансмиссией в полном смысле слова. С другой стороны, если эта идея трансмиссии настолько присуща традиционной точке зрения, что последняя с полным основанием берет ее как свое обозначение, то все сказанное нами ранее о необходимости регулярной трансмиссии для всего, что относится к сфере традиции и особенно к сфере инициатической, составляющей ее не только неотъемлемую, но и важнейшую часть, тем самым еще более подкрепляется и даже становится непосредственно очевидным. Это должно — с точки зрения самой простой логики и даже без обращения к более глубоким соображениям — сделать решительно невозможным всякий спор по данному поводу, ведущий к недоразумениям и путанице, в котором к тому же заинтересованы только псевдоинициатические организации — в частности, по причине отсутствия у них такой трансмиссии.

Глава X

ИНИЦИАТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ

Полагаем, что мы вполне ясно показали как необходимость инициатической трансмиссии, так и то, что речь идет о вещах не более или менее туманных, но, напротив, чрезвычайно точных и определенных; здесь нет места ни мечтам и воображению, ни тому, что ныне именуется «субъективным» и «идеальным». Нам остается еще, в дополнение к этому вопросу, поговорить немного о духовных центрах, откуда исходит, прямо или косвенно, любая регулярная трансмиссия,— о вторичных центрах, связанных с высшим центром; он-то и хранит неизменным сокровище изначальной Традиции, от которого — посредством ее адаптации к тем или иным определенным обстоятельствам места и времени — произошли все частные традиционные формы. Мы показали в другом исследовании⁶⁵, как учреждались эти духовные центры — по образу самого высшего центра, своего рода отражениями которого они являлись; мы не будем здесь к этому возвращаться и ограничимся лишь рассмотрением некоторых моментов, имеющих непосредственное отношение к вышеизложенному.

Прежде всего, легко понять, что связь с высшим центром необходима для обеспечения непрерывной трансмиссии духовных влияний, начиная с возникновения нынешнего человечества (скажем даже — за пределами его происхождения, поскольку речь здесь идет о «нечеловеческом») и на протяжении всего цикла его существования; это верно для всего имеющего истинно традиционный характер,— даже для экзотерических организаций, религиозных или иных, по крайней мере в их истоках; с еще большим основанием это можно отнести к сфере инициации. В то же самое время именно эта связь поддерживает внутреннее и сущностное единство с разнообразием внешних форм, являясь, следовательно, фундаментальной гарантией «ортодоксии» в истинном смысле этого слова. Но надо уяснить, что такая связь не

всегда осознается, и на экзотерическом уровне это даже слишком очевидно; напротив, она всегда должна быть осознанной в инициатических организациях, смысл существования которых и состоит в том, чтобы, опираясь на определенную традиционную форму, способствовать выходу за ее пределы и, стало быть, восхождению от разнообразия к единству. Сказанное, естественно, не означает, что таким сознанием обладают все члены инициатической организации; это, разумеется, невозможно, да к тому же сделало бы бесполезной иерархию степеней; но оно должно было бы, по идее, присутствовать на вершине этой иерархии, если ее составляют истинные «адепты», т. е. существа, действительно реализовавшие полноту инициации⁶⁶ и образующие инициатический центр, который находится в постоянном и сознательном общении с высшим центром. Однако на деле так бывает не всегда, вследствие известного вырождения, отдаляющего от истоков,— вплоть до того, что организация может включать лишь «виртуальных» инициированных; они продолжают, однако, передавать — даже если не отдают себе в этом отчета — «духовное влияние», хранительницей которого является эта организация. Тогда связь сохраняется уже благодаря тому, что трансмиссия не прерывалась; и этого достаточно, чтобы кто-либо из воспринявших «духовное влияние» в этих условиях мог по-прежнему сознавать его, если сам располагает требуемыми возможностями; так, даже в этом случае факт принадлежности к инициатической организации представляет отнюдь не простую формальность, лишенную реального значения, вроде присоединения к какой-либо светской ассоциации,— как легковерно предполагают те, кто, не вникая в суть вещей, довольствуется внешним сходством, связанным с состоянием вырождения тех инициатических организаций, о которых эти люди могут иметь более или менее поверхностное представление.

С другой стороны, инициатическая организация может быть связана с высшим центром не прямо, а через посредство вторичных и подчиненных центров, что обычно и происходит; подобно тому как в каждой организации имеется иерархия степеней, так и сами организации различаются, так сказать, по своему более «внутреннему» или более «внешнему» характеру; и ясно, что более внешние из них, т. е. более удаленные от высшего центра,— это те, где осознание связи с последним может быть утрачено легче всего.

Хотя цель всех инициатических организаций, по существу, одна и та же, они располагаются на различных уровнях соответственно их участию в изначальной Традиции (это, впрочем, не означает, что среди их членов не может быть таких, которые достигли одной и той же степени действительного знания); и не приходится удивляться, видя, что различные традиционные формы сами по себе не всегда проистекают непосредственно из одного и того же первоначального источника; «цепь» может насчитывать большее или меньшее число промежуточных звеньев, что никоим образом не нарушает преемственности. Существование этого наслоения — не последняя из причин, обуславливающих сложность и трудность сколько-нибудь углубленного изучения устройства инициатических организаций; добавим, кроме того, что такое наслоение может встречаться также внутри одной и той же традиционной формы, причем особенно яркий пример тому можно обнаружить среди организаций, принадлежащих дальневосточной традиции. Этот пример, который мы здесь просто упоминаем, пожалуй, поможет лучше понять, как обеспечивается преемственность множества ступеней, образованных стоящими друг над другом организациями — начиная от тех, которые, будучи втянутыми в сферу действия, являются просто временными образованиями, предназначенными играть относительно внешнюю роль,— вплоть до организаций самого глубокого порядка; они-то, следуя принципу «недеяния», или, скорее, в силу именно последнего, сообщают всем остальным их реальное направление. В связи с этим мы должны особо привлечь внимание к такому факту: даже если некоторые из этих организаций, из числа самых внешних, иногда оказываются в оппозиции между собой,— это никак не препятствует единству руководства, поскольку оно находится вне данной оппозиции и вне самой области. В целом это сопоставимо с актерами, играющими различные роли в одной и той же пьесе,— даже в противостоянии друг другу они, тем не менее, способствуют развертыванию целого; так и каждая организация играет предназначенную ей роль, согласно плану, который выходит за ее рамки; это может распространяться также на экзотерическую область, где в подобных условиях элементы, ведущие борьбу друг с другом, тем не менее все повинуются — пусть бессознательно и произ-

вольно — единому руководству, о существовании которого даже не подозревают⁶⁷.

Эти рассуждения помогают также понять, каким образом внутри одной и той же организации может существовать своего рода двойная иерархия, особенно в случае, когда те, кто ею по видимости руководит, сами не осознают связи с духовным центром; тогда может существовать — помимо видимой иерархии, представляемой ими, другая — невидимая иерархия; ее члены, не выполняя никакой «официальной» функции, тем не менее одним своим присутствием реально обеспечивают действительную связь с центром. Эти представители духовных центров в организациях, носящих внешний характер, очевидно, не должны обнаруживать себя и потому предстают в том обличье, которое наилучшим образом обеспечивает эффект «присутствия» — либо в качестве простых членов организации, если они должны играть в ней роль твердо установленную и постоянную; либо же — если речь идет об однократном влиянии, связанном с перемещением в различные пункты, — в качестве тех таинственных «путешественников», о которых сообщает история и чьи внешние формы поведения часто выбираются с расчетом сбить с толку исследователей — по особым причинам привлечь их внимание или, напротив, остаться полностью незамеченными⁶⁸.

Благодаря этому можно понять, кем в действительности были те, кто, не принадлежа ни к одной из известных организаций (т. е. имеющих отчетливую внешнюю форму), в некоторых случаях стояли у истоков формирования подобных организаций или впоследствии были их вдохновителями и незримо руководили ими; такова была, в частности, в течение определенного периода⁶⁹, роль братьев Розы и Креста в западном мире, и в этом — истинный смысл того явления, которое масонство XVIII века обозначило именем «Невидимые Учителя».

Все это позволяет предположить определенные возможности действия духовных центров даже при отсутствии нормальных условий, и особенно в обстоятельствах аномальных, — т. е. не позволяющих действовать более прямыми путями и более регулярным образом. Так, не говоря уже о непосредственном вмешательстве высшего центра (что возможно всегда и везде), — тот или иной духовный центр может действовать даже вне своей нормальной сферы влия-

ния — либо ради индивидов с особыми врожденными качествами (qualifé), но оказавшихся изолированными в среде, где помрачение дошло до такой степени, что уже почти ничего традиционного не сохранилось и осуществление инициации невозможно, либо с более общей, но также и совершенно особенной целью, состоящей в том, чтобы вновь связать случайно распавшуюся инициатическую «цепь». Поскольку такое действие предпринимается главным образом в тот период или в той цивилизации, где духовность почти полностью утрачена и где, следовательно, все связанное с инициацией скрыто в большей степени, нежели в каком-либо другом случае, не приходится удивляться тому, что его разновидности с трудом поддаются определению, тем более что обычные условия места и, пожалуй, даже времени здесь, так сказать, перестают существовать. Важно усвоить следующее: если некий индивид, внешне изолированный, получит доступ к реальной инициации, то последняя лишь по видимости может показаться спонтанной; на деле же она всегда предполагает связь с действительно существующим центром⁷⁰, и вне такой связи никоим образом не может быть речи об инициации. Возвращаясь к рассмотрению нормальных случаев, мы должны, во избежание недоразумений, отметить следующее: упоминая о некоторых оппозициях, мы отнюдь не имеем в виду многочисленные пути, которые могут быть представлены таким же количеством отдельных инициатических организаций, либо соответствующих различным традиционным формам, либо в рамках одной из них. Эта множественность обусловлена самим фактом природных различий между индивидами, дабы каждый мог найти то, что ему подходит для развития его собственных возможностей; хотя цель для всех одна и та же, но исходные точки бесконечно разнообразны и сопоставимы со множеством точек окружности, из которых исходит такое же количество лучей, причем все они сходятся в едином центре, являя тем самым образ путей, о которых говорилось выше. Во всем этом нет никакой оппозиции, но, напротив, совершенная гармония; собственно говоря, оппозиция возможна лишь тогда, когда некоторым организациям в силу случайных обстоятельств приходится играть своего рода случайную роль, внешнюю по отношению к основной цели инициации и никоим образом ее не задевающую. Можно, однако, полагать, судя по некоторым признакам (имен-

но так и полагают), что бывают инициации, противоположные друг другу; но это заблуждение, и нетрудно понять, почему такого не может быть. В самом деле, так как в принципе существует лишь единая Традиция, от которой происходят любые традиционные ортодоксальные формы, то и инициация является по своей сути единой, хотя и в различных формах и с многообразными особенностями; там, где не хватает «регулярности», т. е. отсутствует связь с ортодоксальным традиционным центром, не может быть и речи о настоящей инициации, и в подобном случае употребление этого слова неуместно. Здесь мы имеем в виду не только псевдоинициативские организации, ничего собой не представляющие; существует и нечто иное, более серьезное и служащее причиной иллюзии, о которой шла речь выше; если порой кажется, что существуют противоположные инициации, то это потому, что вне истинной инициации находится то, что можно назвать «контринициацией», — при условии уточнения смысла этого выражения и тех пределов, в которых нечто может реально противостоять инициации; впрочем, мы достаточно объяснились по этому вопросу, и нет нужды специально к нему возвращаться⁷¹.

DiacеXІ

ИНИЦИАТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И РЕЛИГИОЗНЫЕ СЕКТЫ

Изучение инициатических организаций является, как мы говорили выше, делом чрезвычайно сложным; добавим, что оно нередко еще усложняется теми заблуждениями, которые обычно обуславливаются более или менее полным незнанием природы данных организаций; среди этих заблуждений отметим в первую очередь то, вследствие которого их порой обозначают термином «секты»; это не просто неточность языка, а нечто гораздо большее. В самом деле, выражение «секты» должно быть отвергнуто не только потому, что оно одиозно и, как негативно окрашенное, могло бы исходить от противников; хотя, впрочем, некоторые из употребляющих его делают это без враждебного умысла, из подражания или по привычке; так случается с теми, кто называет «язычеством» учения античности, даже не подозревая о том, что это термин оскорбительный, из лексикона полемики худшего свойства⁷². Здесь и впрямь происходит серьезная путаница между вещами совершенно различного порядка, пожалуй, не всегда произвольная со стороны тех, *кто* ее создал и поддерживает; она исходит — особенно в христианском, а порой и в исламском мире⁷³ — от противников или отрицателей эзотеризма, которые хотят таким образом, посредством ложной ассимиляции, распространить на него недоверие, связанное с «сектами» как таковыми, т. е. в конечном счете с «ересями» в специфически религиозном понимании⁷⁴. Но, коль скоро мы говорим об эзотеризме и инициации, речь уже идет вовсе не о религии, но о чистом знании и о «священной науке», которая хотя и носит сакральный характер (а он отнюдь не является монополией религии, как иногда ошибочно полагают)⁷⁵, тем не менее является наукой по преимуществу, хотя и в смысле, явно отличном от того, который придают этому слову современники, знакомые лишь со светской наукой, лишенной какой-либо ценности с традиционной точки зрения

и обусловленной в той или иной степени искажением самой идеи науки, как мы неоднократно объясняли. Упомянутой путанице, возможно, способствует то, что этот эзотеризм более непосредственным образом связан с религией, нежели с какой-либо другой внешней областью, хотя бы в силу свойственного им обоим традиционного характера; в некоторых случаях он даже может находить основание и опору в определенной религиозной форме; но при этом он не вступает с ней ни в противоречие, ни в соперничество, поскольку соотносится совершенно с другой областью. Впрочем, это связано и с тем, что речь здесь идет, согласно самому определению, о сфере знания, предназначенного для элиты; в то время как религия, также по определению (будучи экзотерической частью любой традиции, даже если она не облечена в специфически религиозную форму), напротив, обращается ко всем без различия; инициация в подлинном смысле слова, предполагающая особые врожденные качества, не может принадлежать к религиозной сфере⁷⁶. Но даже если не вникать в суть предмета, само предположение, что инициатическая организация могла бы составить конкуренцию организации религиозной, поистине абсурдно; и впрямь, уже в силу своего «закрытого» характера и ограниченного пополнения, она оказалась бы тогда в слишком невыгодном положении⁷⁷; но не в этом состоят ее роль и цель.

Мы отметим далее, что «секта», согласно этимологии этого слова, непременно означает раскол или разделение; и в самом деле, «секты» суть разделения внутри религии, порожденные более или менее глубокими разногласиями между ее членами. Следовательно, «секты» неизбежно представляют собой множественность⁷⁸, и их существование предполагает удаление от принципа; эзотеризм же, напротив, по самой своей природе являет собой нечто обратное — более близкое к принципу, нежели религия и вообще экзотеризм, даже свободные от искажений. В самом деле, благодаря эзотеризму все традиционные доктрины объединяются, невзирая на различия их внешних форм, пусть и необходимых в их собственной сфере; и с этой точки зрения инициатические организации не только не являются «сектами», но представляют собой даже нечто противоположное.

Кроме того, «секты», расколы или ереси, обычно появляются как производные отданной религии, в лоне которой

они возникли и «неправильными» ответвлениями которой, так сказать, являются. Напротив, эзотеризм никоим образом не может происходить от религии, даже там, где он опирается на нее; как средство выражения и реализации, он лишь на деле связывает ее с ее принципом и в действительности представляет по отношению к ней Традицию, предшествующую всем частным традиционным формам — религиозным или иным. Внутреннее не может быть создано внешним, как центр — окружностью или высшее — низшим, как дух — телом; влияния, воздействующие на традиционные организации, всегда нисходят и никогда не восходят, подобно тому как река никогда не течет вспять к своим истокам. Предполагать, что инициация могла бы выйти из религии, и тем более — из «секты», — значит перевернуть все нормальные взаимосвязи, вытекающие из самой природы вещей⁷⁹; эзотеризм относится к религиозному экзотеризму поистине так же, как дух — к телу, тем более что, когда религия утратила всякий контакт с эзотеризмом⁸⁰, в ней остались лишь мертвая буква и непонятный формализм; и впрямь, ее оживляла лишь реальная коммуникация с духовным центром мира, а последняя может устанавливаться и сознательно поддерживаться только благодаря эзотеризму и наличию истинной и регулярной инициатической организации.

Итак, чтобы объяснить, каким образом смешение, которое мы стараемся рассеять, могло показаться достаточно резонным многим из тех, кто смотрит на вещи лишь с внешней стороны, скажем следующее: по-видимому, в некоторых случаях религиозные «секты» могли возникнуть благодаря факту неосмотрительного распространения фрагментов не вполне понятой эзотерической доктрины; но эзотеризм сам по себе никоим образом не может нести ответственность за подобного рода «вульгаризацию» или «профанацию» (в этимологическом смысле слова), противную самой его сути и нанесшую ущерб чистоте доктрины. Чтобы произошло нечто подобное, нужно было, чтобы лица, воспринявшие такого рода учение, весьма плохо его поняли, из-за отсутствия подготовки и, пожалуй, даже врожденных качеств (*qualification*); поэтому они приписали ему религиозный характер, полностью его извративший; не всегда ли, в конечном счете, заблуждение прорастает из непонимания или искажения истины? Если взять пример из ис-

тории средних веков, так обстояло дело с альбигойцами; но если последние были «еретиками», то Данте и «Верные Любви», строго придерживавшиеся принципа инициации, ими не были⁸¹; этот пример также помогает понять основное различие между «сектами» и инициатическими организациями. Добавим, что если некоторые «секты» могли быть порождены искажениями инициатического учения, то уже само это с очевидностью предполагает существование последнего и его независимость по отношению к упомянутым «сектам»; исторически, как и логически, противоположное мнение представляется совершенно необоснованным.

Остается рассмотреть еще один вопрос: как и почему порой могут происходить подобные искажения? Полный ответ потребовал бы рассмотрения каждого случая в отдельности, а это завело бы нас слишком далеко. В целом можно сказать, прежде всего, что с самой внешней точки зрения представляется почти невозможным полностью воспрепятствовать искажениям; и хотя последние в любом случае носят лишь частичный и фрагментарный характер (так как они затрагивают только то, что наиболее доступно), но в последующем деформации усиливаются. С более глубокой точки зрения можно было бы сказать, что подобные вещи должны происходить в определенных обстоятельствах, поскольку они тем самым воздействуют на ход событий; «секты» также играют свою роль в истории человечества, пусть и низшую; и не следует забывать, что любой внешний беспорядок в действительности представляет собой элемент общего мирового порядка. Распри внешнего мира заметно теряют свою значимость, когда их рассматривают с той точки, где примиряются все вызвавшие их оппозиции; так происходит, когда встаешь на точку зрения эзотерическую и инициатическую. Но именно поэтому в задачи инициатических организаций не входит вмешиваться в такие распри или, как говорится, «принимать чью-либо сторону»; тогда как «секты», напротив, по природе своей неизбежно ангажированы и, пожалуй, в этом и заключается весь смысл их существования.

Глава XII

ИНИЦИАТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА

Существует и другое, весьма распространенное заблуждение по поводу природы инициатических организаций, которое в большей мере должно привлечь наше внимание, нежели заблуждение, состоящее в ассимиляции их с религиозными «сектами»: оно относится к предмету, понимание которого, пожалуй, представляет особую трудность для большинства наших современников, но который, на наш взгляд, наиболее важен. Такие организации по самой своей природе коренным образом отличаются от того, что в наши дни называют «обществами» или «ассоциациями», поскольку внешние признаки последних могут у них полностью отсутствовать, а если порой и вводятся, то остаются всегда случайными и, скорее, должны рассматриваться как признак вырождения или, если угодно, «контаминации» — в том смысле, что речь здесь идет об усвоении «светских» или по крайней мере экзотерических форм, вне какой-либо взаимосвязи с реальной целью этих организаций. Следовательно, совершенно ошибочно отождествлять, как это обычно делают, «инициатические организации» и «тайные общества»; прежде всего, вполне очевидно, что оба выражения никоим образом не могут совпадать по своему употреблению; ведь существует немало тайных обществ, в которых определенно нет ничего инициатического; они могут быть учреждены по индивидуальной инициативе ради какой-нибудь цели; впрочем, мы вернемся к этому позднее. С другой стороны — и это, несомненно, главная причина вышеупомянутого заблуждения, — если инициатической организации случается принять, как мы только что сказали, форму общества, последнее непременно будет тайным, по крайней мере в одном из значений, которое придают этому слову в подобных случаях, не всегда выделяя его с достаточной точностью.

В самом деле, следует сказать, что выражению «тайные общества» в обычном словоупотреблении придается много

значений, довольно отличных друг от друга и не обязательно связанных между собой; отсюда различия во мнениях о том, действительно ли это обозначение подходит к тому или иному особому случаю. Кое-кто хотел бы отнести его лишь к ассоциациям, скрывающим свое существование или, по крайней мере, имена своих членов; другие же распространяют его на общества, просто «закрытые» или хранящие в тайне лишь особые формы — ритуальные или иные, некоторые «способы узнавания», предоставляемые членам, или другие вещи подобного рода; естественно, что первые будут протестовать, когда вторые назовут «тайной» ассоциацию, которая в действительности не подходит под их собственное определение. Мы говорим «будут протестовать», поскольку слишком часто дискуссии подобного рода отнюдь не назовешь беспристрастными; когда более или менее открыто заявившие о себе противники какой-либо ассоциации называют ее «тайной» — неважно, с большим или меньшим основанием, — они явно вкладывают сюда polemическую интенцию, в той или иной степени оскорбительную, как если бы тайна имела мотивы, в которых трудно «сознаться»; порой здесь можно различить и плохо скрытую угрозу, намек на «незаконность» такой ассоциации; едва ли необходимо говорить, что подобные дискуссии разворачиваются главным образом на «социальной», если не на политической территории. Вполне понятно, что в этих условиях члены или сторонники данной ассоциации стремятся заверить, что эпитет «тайный» им не подходит, а поэтому они готовы принять лишь самое ограниченное определение — такое, которое, разумеется, к ней неприменимо. В целом можно сказать, что причиной большинства дискуссий является отсутствие согласия относительно смысла употребляемых терминов; но когда затрагиваются чьи-либо интересы — как об этом свидетельствуют в данном случае расхождения в словоупотреблении, — дискуссия, вероятно, может продолжаться до бесконечности, прежде чем противники придут к согласию. Во всяком случае, возникающие при этом побочные обстоятельства весьма далеки от инициативской области, единственно нас интересующей; если мы считаем возможным сказать здесь о них несколько слов, то единственно для того, чтобы «расчистить территорию», а также показать, что в спорах относительно тайных или предполагаемых таковыми обществ речь идет отнюдь не об

инициатических организациях, или, по крайней мере, не о присущем последним характере; это было бы невозможно по другим, более глубоким причинам, которые станут понятнее в ходе нашего дальнейшего изложения. Полностью устраняясь от этих дискуссий и оставаясь на позиции совершенно беспристрастного знания, мы могли бы сказать следующее: организация — обретает ли она или нет свои особые внешние формы, позволяющие определить ее как общество,— может быть названа тайной в самом широком смысле этого слова, без малейшего негативного оттенка⁸², когда она обладает тайной, какова бы ни была ее природа,— будь то по причинам объективным или по более или менее условному соглашению. Мы полагаем, что это определение достаточно широко, чтобы можно было включить в него все возможные случаи, начиная от инициатических организаций, наиболее удаленных от всякого внешнего проявления, и вплоть до простых обществ, созданных с какой-либо целью — политической или иной — и не имеющих в себе ничего инициатического или просто традиционного. Оставаясь в рамках этого определения, мы проведем необходимые отличия, причем в двух планах: с одной стороны, между организациями, представляющими собой общества, и теми, которые ими не являются, а с другой стороны — между организациями, имеющими инициатический характер, и теми, что его лишены; ведь в силу отмеченной нами «контаминации» оба эти различия не могут в точности совпадать; так было бы, если бы исторические превращения не приводили в определенных случаях к вторжению профанных форм в организации, которые по своему происхождению и основной цели имеют бесспорно инициатическую природу.

На первом из указанных вопросов нет нужды задерживаться слишком долго; в целом каждый представляет себе, что такое «общество», т. е. ассоциация, имеющая уставы, регламенты, периодические собрания, установленное членство, архивы, протоколы заседаний и другие письменные документы — одним словом, довольно громоздкий внешний аппарат⁸³. Все это, повторяем, совершенно бесполезно для инициатической организации, которая в плане внешних форм нуждается лишь в определенной совокупности обрядов и символов, а также в сопровождающем и объясняющем их учении, которые должны регулярно передаваться

посредством устной традиции. Если порой эти вещи передаются письменно, то лишь в качестве простой «памятки», ни в коей мере не заменяющей прямую устную трансмиссию: ведь только благодаря ей возможно сообщение «духовного влияния», что составляет основной смысл существования любой инициатической организации; профан, который узнал бы об обрядах, прочитав их описания в книгах, отнюдь не стал бы благодаря этому инициированным, ибо «духовное влияние», связанное с этими обрядами, разумеется, никоим образом не передалось бы ему.

Из сказанного следует, что инициатическая организация, если она не принимает случайную форму общества со всеми присущими ему внешними проявлениями, так сказать, «неуловима» для профанного мира; нетрудно понять, что она не оставляет никакого следа, доступного обычным историкам, чей метод отличается тем, что опирается только на письменные документы, в подобных случаях несуществующие. Напротив, любое общество, сколь бы тайным оно ни было, являет внешние признаки, вполне доступные изысканиям профанов, посредством которых они приобретают о нем определенное знание, даже если неспособны проникнуть в его более глубокую природу. Само собой разумеется, что это последнее ограничение касается инициатических организаций, принявших подобную форму, или, как мы бы охотно сказали, выродившихся в «общества» силой обстоятельств и среды, в которой они оказались; добавим, что этот феномен нигде не проявился столь четко, как в современном западном мире, где он затронул все, что еще сохраняет по-настоящему инициатический характер, даже если — как слишком часто приходится констатировать — этот характер в его нынешнем состоянии становится непонятным для большинства самих его членов. Мы не намерены здесь исследовать причины этого непонимания; они разнообразны и многочисленны, и связаны в существенной мере с особой природой современной ментальности; отметим только, что сама форма «общества» вполне может в этом плане кое-что значить, поскольку внешнее неизбежно приобретает здесь важность, несоразмерную его реальной значимости, а случайное в конце концов полностью заслоняет суть; более того, внешнее сходство с обществами светского типа также может послужить причиной различных заблуждений относительно подлинной природы этих организаций. Мы приведем только один пример подобных ошибок, особенно

близко касающийся самой сути нашего предмета: в обществе светское можно вступить и из него можно выйти, оставаясь тем же, кем был до этого; исключения или ухода достаточно, чтобы всякая связь была прервана, поскольку она носила чисто внешний характер и не предполагала никакого глубокого изменения существа. Напротив, человек, принятый в какую бы то ни было инициатическую организацию, ни под каким видом не может прервать связь с ней; ведь инициация — уже тем самым, что она состоит в передаче «духовного влияния», — сообщается всем раз и навсегда, обладая поистине неуничтожимым характером; в этом и состоит «внутренний» порядок, против которого бессильна любая административная формальность. Но всюду, где есть общество, тем самым существуют и административные формальности, делающие возможными уходы и исключения, посредством которых индивид явным образом перестает входить в состав данного общества; и сразу же становится видна вытекающая из этого двусмысленность — в том случае, когда общество в целом представляет лишь внешнюю сторону инициатической организации. Стало быть, следовало бы проводить строгое различие между обществом и инициатической организацией как таковой; и поскольку первая, как мы только что сказали, есть лишь случайная и «надстроенная» форма, от которой вторая — сама по себе и по сути — остается полностью независимой, то проведение этого различия сопряжено с гораздо меньшими трудностями, чем могло бы показаться на первый взгляд.

Другое следствие, к которому по логике вещей подводят эти рассуждения, таково: общество, даже тайное, всегда может подвергнуться посягательствам извне, поскольку в его устройстве имеются элементы, так сказать, того же уровня; в частности, оно может быть распушено политической властью. Напротив, инициатическая организация по самой своей природе неподвластна подобным превратностям, и никакая внешняя сила не может ее уничтожить; в этом смысле она также поистине «неуловима». В самом деле, коль скоро «качество» ее членов не может быть ни утрачено ими, ни отнято у них, она сохраняет реальное существование, покуда хотя бы один из них остается в живых, и только смерть последнего повлечет за собой исчезновение инициатической организации; но сама эта возможность предполагает, что ее наделенные полномочиями представители, по причинам, ведомым только им, отказались от дальней-

шей передачи традиции, хранителями коей являются; таким образом, единственная возможная причина упразднения или, скорее, угасания организации неизбежно кроется внутри нее самой.

Наконец, всякая инициатическая организация «неуловима» и с точки зрения ее тайны, поскольку последняя является таковой по ее природе, а не по соглашению и, следовательно, никоим образом недоступна для профанов; подобная гипотеза была бы противоречива сама по себе, так как истинная инициатическая тайна есть не что иное, как «несказуемое», и только инициация может дать доступ к овладению им. Однако это скорее относится ко второму из двух различий, указанных нами выше,— между инициатическими организациями и тайными обществами, не входящими в их число; но это различие, пожалуй, легко установить по разнице в целях, которые ставят перед собой одни и другие; на деле же вопрос сложнее, чем представляется поначалу. В одном не приходится сомневаться: когда речь идет о группе, происхождение которой, а также имена ее организаторов вполне известны, равно как и ее цели, то можно быть уверенным, что эта группа, каковы бы ни были ее претензии, не обладает никакой традиционной связью и не имеет, следовательно, ничего инициатического. Существование ритуальных форм в некоторых из этих групп ничего в них не меняет, ибо эти формы, будучи заимствованием из инициатических организаций или их имитацией, становятся тогда простой пародией, лишенной какой-либо реальной ценности; с другой стороны, это относится не только к организациям, ставящим цели политические или социальные в том или ином смысле этих слов, но также ко всем современным образованиям, которые мы назвали псевдоинициатическими, включая те, что воскрешают смутную «идеальную» привязанность к какой-либо традиции.

Напротив, возможны сомнения относительно такой организации, в происхождении которой есть нечто загадочное, что не может быть отнесено к определенным индивидам; в самом деле, даже если известные ее проявления не носят явного инициатического характера, тем не менее возможно, что она представляет собой искажение или вырождение какой-либо формы, первоначально являвшейся инициатической. Это искажение, которое может произойти в особенности под влиянием интересов социального поряд-

ка, предполагает, что непонимание первой и основной цели у членов этой организации приобрело всеобщий характер; оно может, помимо того, стать более или менее полным; и то, что сохраняется еще от инициатических организаций на Западе, в его нынешнем состоянии представляет, так сказать, промежуточную ступень. Крайним случаем будет тот, где ритуальные и символические формы еще сохранились, но никто уже ни в малейшей степени не сознает их истинного инициатического характера, тем более что их интерпретируют исходя из второстепенных соображений; вопрос не в том, обосновано это или нет,— ведь вырождение в том и состоит, что не рассматривают более ничего за пределами второстепенного приложения и внешней области, с которой оно непосредственно соотносится. Вполне ясно, что в подобном случае те, кто видит вещи лишь «извне», будут неспособны распознать суть и провести различие между такими организациями и теми, о которых мы говорили ранее; к тому же, когда первые в той или иной мере сознательно стали преследовать ту же цель, ради которой последние были созданы искусственно, произошло фактическое «уподобление», в силу чего те и другие могут поддерживать более или менее непосредственный контакт, порой смешиваясь до неразличимости.

Чтобы лучше уяснить сказанное, приведем примеры двух организаций, которые внешне могут показаться вполне сопоставимыми между собой, но явно отличаются по своему происхождению, так что их можно отнести, соответственно, к двум вышеуказанным категориям: это баварские иллюминаты и карбонарии. Что касается первых, то известны их основатели и то, каким образом они по собственной инициативе разработали «систему» вне всякой связи с чем бы то ни было предшествующим; известна также последовательность прохождения через степени и ритуалы, многие из которых никогда не практиковались и существовали лишь на бумаге; все это излагалось письменно с самого начала и по мере того, как уточнялись и развивались идеи основателей; это и привело к провалу их планов, которые, разумеется, относились исключительно к социальной области и никоим образом не выходили за ее пределы. Итак, речь здесь шла, несомненно, об искусственном начинании нескольких индивидов, и введенные ими формы могли быть лишь подражанием или пародией на инициацию, поскольку

ку традиционная связь отсутствовала, а реальная инициативная цель была чужда их интересам. Напротив, в случае карбонаризма можно констатировать, с одной стороны, что ему нельзя приписать «историческое» происхождение подобного рода, а с другой стороны, его ритуалы явно носят характер «посвящения (initiation) в ремесло», родственного масонству и компаньонажам; но тогда как последние всегда сохраняли в определенной мере свой инициатический характер — сколь бы ни ослаблялось это осознание вмешательством интересов второстепенного свойства и их возрастающей ролью,— представляется (хотя здесь никогда не может быть абсолютной уверенности — ведь малое число членов, не обязательно занимающих видное положение, всегда могло, не подавая виду, составлять исключение из общего правила)⁸⁴, что карбонаризм дошел до крайнего вырождения, став на деле не чем иным, как простой ассоциацией политических заговорщиков, деятельность которых в истории XIX века хорошо известна. Карбонарии вступали тогда в другие, несколько ранее основанные ассоциации, не имевшие в себе ничего инициатического, тогда как, с другой стороны, многие из них в то же время принадлежали к масонству, что может объясняться и сходством обеих организаций, и определенным вырождением самого масонства, пусть зашедшего и не столь далеко в том же направлении, что и карбонаризм. Что касается иллюминатов, то их отношения с масонством носили совсем иной характер: те, кто вступил в его ряды, сделали это с запоздалым намерением приобрести там преобладающее влияние и воспользоваться им как орудием осуществления своих особых задач; впрочем, это намерение потерпело крах, как и все остальное, из чего уже достаточно ясно видно, насколько далеки от истины те, кто пытается сделать из самих иллюминатов «масонскую» организацию. Добавим также, что двусмысленность самого названия «иллюминаты» никоим образом не должна вводить в заблуждение; ему придавалось строго «рационалистическое» значение; ведь в XVIII веке в Германии «Просвещение» (les Lumières) имело значение, почти эквивалентное «философии» во Франции; другими словами, трудно было найти что-либо более «светское» и даже формально противоположное всякому инициатическому или просто традиционному духу.

Заметим в скобках по поводу последнего суждения: если «философские» и более или менее «рационалистические» воззрения порой просачиваются в инициатическую организацию, в этом следует видеть лишь результат индивидуального (или коллективного) заблуждения ее членов, связанного с их неспособностью понять ее истинную природу и, следовательно, обезопасить себя от всякой светской «заразы»; это заблуждение, разумеется, никоим образом не затрагивает самый принцип организации, но оно является одним из симптомов фактического вырождения, показывающим, сколь далеко оно зашло. Мы скажем то же самое о «сентиментализме» и «морализме» во всех формах — вещах не менее светских по самой их природе; все это в целом более или менее тесно связано с преобладанием интересов социального толка; но когда последние принимают специфически политическую, в самом узком смысле слова, форму, вырождение рискует стать почти непоправимым. Один из самых странных феноменов этого рода — проникновение «демократических» идей в западные инициатические организации (естественно, мы подразумеваем здесь в первую очередь масонство или по крайней мере некоторые его фракции). Его члены, по-видимому, не замечают здесь явного противоречия, причем двоякого рода; прежде всего, любая инициатическая организация уже по определению находится в формальной оппозиции к «демократической» и «эгалитарной» концепции профанного мира, по отношению к которому она в самом точном значении слова составляет «элиту», отдельную и замкнутую; далее, среди ее собственных членов устанавливается иерархия степеней и функций. Этот феномен представляет собой лишь одно из проявлений искажения современного западного духа, который распространяется и проникает повсюду, даже туда, где он должен был бы встретить самое неодолимое сопротивление; это, впрочем, относится не только к инициатической, но также и к религиозной точке зрения, т. е. ко всему тому, что обладает истинно традиционным характером.

Итак, наряду с организациями, сохранившими чисто инициатический характер, существуют и такие, которые по тем или иным причинам довольно значительно выродились и исказились, но, однако, остались по-прежнему инициатическими в своей глубинной сущности, сколь бы непонятой она ни была в их нынешнем состоянии. Существуют

также псевдоинициатические организации, противоположные первым или просто являющиеся карикатурой на них; наконец, есть организации более или менее тайные, но не имеющие никаких инициатических претензий и ставящие цели, совершенно не связанные с инициатической областью; но следует уяснить, что какова бы ни была видимость, псевдоинициатические организации носят столь же профанный характер, что и эти последние; стало быть, и те, и другие образуют в действительности одну группу, оппозиционную группе инициатических организаций — чистых или «зараженных» профанными влияниями. Но ко всему этому следует добавить и другую категорию организаций, которые принадлежат к сфере «контринициации» и в нынешнем мире имеют значение гораздо более существенное, чем обычно предполагают; мы ограничимся здесь их упоминанием, без которого в нашем перечислении осталась бы серьезная лакуна; отметим только новое усложнение, связанное с их существованием: порой они оказывают более или менее непосредственное влияние на профанные, особенно на псевдоинициатические организации⁸⁵; отсюда вытекает еще одна трудность в деле точного определения реального характера той или иной организации; но, разумеется, мы не должны заниматься здесь рассмотрением частных случаев, и нам достаточно четко указать общую классификацию.

Однако это еще не все: существуют организации, ставящие сами по себе цель вторичного порядка, но обладающие при этом истинной традиционной связью, поскольку они происходят от инициатических организаций, чьей эманацией являются и которыми «невидимо» направляются, тогда как их явные руководители этому совершенно чужды. Это бывает, как мы уже отмечали, главным образом в дальневосточных тайных организациях: учреждаемые единственно ради особой цели, они, как правило, существуют временно и исчезают, не оставляя следов, как только выполняют свою миссию; но на деле они представляют последнюю, самую внешнюю ступень иерархии, поднимающейся все выше и выше, вплоть до самых чистых и недоступных взглядам профанного мира инициатических организаций. Здесь, следовательно, речь идет отнюдь не о вырождении инициатических организаций, но о формах, избранных последними; это и впрямь избавляет их от необходимости самим спускаться на вторичный уровень, вмешиваясь в происходя-

щую там деятельность ради целей, весьма отличных от тех, которые может увидеть или предположить поверхностный наблюдатель. Напомним то, что мы уже говорили выше по этому предмету: самые внешние из этих организаций могут оказаться порой в оппозиции и даже вступить в борьбу друг с другом, и все же направление и инспирация у них будут общими; ведь они находятся за пределами области, где проявляется их оппозиция и в рамках которой она только и значима; этот прием, пожалуй, можно обнаружить не только на Дальнем Востоке, хотя подобная иерархизация организаций нигде не встречается в столь явном и полном виде, как в даосской традиции. Здесь перед нами организации «смешанного» типа, которые нельзя назвать ни инициатическими, ни просто профанными, поскольку их связь с вышестоящими организациями обеспечивает им причастность, пусть косвенную и бессознательную, к традиции, по сути чисто инициатической⁸⁶; и нечто от этой сути всегда обнаруживается в их обрядах и символах — для тех, кто умеет проникать в их самый глубинный смысл.

Все рассмотренные нами категории организаций объединяет единственно наличие тайны, какова бы ни была ее природа; само собой разумеется, что они могут быть совершенно различны; между настоящей инициатической тайной и скрытым политическим замыслом, а также сокрытием существования ассоциации или имен ее членов из соображений простой осторожности, разумеется, не может быть никакого сравнения. Мы не говорим уже о самых невероятных группах, во множестве существующих в наши дни, особенно в англосаксонских странах; подражая инициатическим организациям, они усваивают формы, ничего не означающие, лишённые всякого смысла, стремясь хранить их в тайне, не оправдываемой никакой серьезной причиной. Этот последний случай интересен тем, что весьма ясно показывает степень непонимания инициатической тайны светской общественностью, которая и впрямь воображает, что эта тайна имеет отношение к ритуалам, а также к словам и знакам, употребляемым для взаимного узнавания; это составляет тайну столь же внешнюю и искусственную, как и любая другая,— в конечном счете, тайну условную, по соглашению. Но если тайна такого рода и существует в большинстве инициатических организаций, то она представляет собой второстепенный и случайный элемент, имеющий

лишь чисто символическое значение по отношению к истинной инициатической тайне, которая является таковой по самой природе вещей и, следовательно, никоим образом не могла бы быть передана, ибо, будучи тайной чисто внутреннего порядка, она «несказуема», как мы отметили выше.

Глава XIII

ОБ ИНИЦИАТИЧЕСКОЙ ТАЙНЕ

Мы только что указали на сущностную природу инициатической тайны⁸⁷, однако внесем дополнительные уточнения, дабы ее очевидным образом можно было отличить от всех остальных тайн внешнего порядка, которые встречаются в многочисленных организациях, именуемых по этой причине тайными в самом широком смысле слова. В самом деле, мы говорили, что для нас это определение означает единственно то, что такие организации владеют некоей тайной, а также то, что сообразно цели, которую они перед собой ставят, эта тайна может, естественно, касаться самых различных вещей и принимать самые различные формы. Но во всех случаях любая тайна, кроме инициатической, всегда носит условный характер; мы хотим этим сказать, что она становится таковой лишь в силу более или менее явного соглашения, а не по самой природе вещей. Напротив, инициатическая тайна не может не быть таковой, ибо она состоит исключительно в «невывразимом», т. е. с необходимостью является «несказуемой». Таким образом, если инициатические организации являются тайными, то в этой особенности нет ничего искусственного и она не вытекает из чьего-либо более или менее произвольного решения. Этот момент, следовательно, весьма важен, ибо помогает, с одной стороны, отличить инициатические организации от всех остальных тайных организаций, а с другой стороны, отделить в самих инициатических организациях сущностное от случайного.

Рассмотрим теперь некоторые следствия сказанного. Первое из них, как мы уже отмечали ранее, состоит в том, что любую тайну внешнего порядка всегда можно передать, и только инициатическая тайна никоим образом не может быть выдана, ведь сама по себе и по определению она недоступна пониманию профанов; узнать ее позволяет лишь сама инициация. В самом деле, тайна эта по природе такова, что

слова не могут ее выразить; вот почему, как мы более полно объясним впоследствии, инициатическое учение может использовать лишь обряды и символы, которые скорее «намекают», нежели «выражают» в обычном смысле слова. Собственно говоря, инициация передает не саму тайну, которая невыразима, но «духовное влияние», имеющее своим носителем обряды; оно-то и делает возможной внутреннюю работу, при посредстве которой, опираясь на символы, каждый сможет достичь этой тайны и проникнет в нее — более или менее полно и глубоко, в меру своих собственных возможностей ее понимания и реализации.

Во всяком случае, в отличие от других тайных организаций, в организациях инициатических тайна не является тем, что по тем или иным причинам намеренно скрывают — обоснованно или нет — и что всегда служит предметом дискуссий и оценок, как и все, что рассматривается со светской точки зрения; природа этой тайны такова, что никому не под силу, даже при всем желании, раскрыть ее и сообщить другому. Что касается того факта, что эти организации всегда носят «закрытый» характер, т. е. не принимают всех без разбора, то он просто объясняется первым из условий инициации, изложенных нами выше, — т. е. необходимостью обладать особыми врожденными качествами, при отсутствии которых связь с такой организацией не может принести реальной пользы. Более того, если организация становится слишком «открытой» и недостаточно строгой в этом отношении, ей грозит вырождение из-за отсутствия понимания у тех, кого она так неосмотрительно допускает в свою среду; если последних становится большинство, то получают распространение профанные взгляды всякого рода, а деятельность организации обращается к целям, не имеющим ничего общего с инициатической областью, как это часто можно видеть на примере подобных организаций в западном мире.

Таким образом — и это второе следствие того, о чем мы сообщили вначале, — инициатическая тайна сама по себе и закрытый характер организаций, хранящих ее (или, точнее, сохраняющих средства, благодаря которым те, кто обладает врожденными качествами, могут получить к ней доступ), являются вещами совершенно различными, и их не следует смешивать. Что касается первой, то надо совершенно не понимать ее сущность и значение, чтобы напоминать

о причинах «осмотрительности», как это иногда делают; напротив, в отношении второго — что связано в целом с природой людей, а не самой инициатической организации,— можно до некоторой степени говорить об «осмотрительности» в том смысле, что организация защищает себя не от «разглашения тайн», невозможного по ее сущностной природе, но от опасности вырождения, о которой мы говорили выше; дело в том, что совершенно бесполезно допускать в организацию индивидов, для которых инициация — лишь «мертвая буква», т. е. пустая формальность, лишенная какого-либо реального интереса, поскольку сами они в известной мере непроницаемы для «духовного влияния». Что касается «осмотрительности» по отношению к внешнему миру, в том смысле, в каком ее чаще всего понимают, то это всего лишь второстепенное соображение, хотя оно может быть вполне оправданным в среде, более или менее сознательно враждебной; профанное непонимание редко ограничивается безразличием, с легкостью превращаясь в ненависть, проявления которой представляют собой опасность отнюдь не иллюзорную; но это, однако, не могло бы затронуть инициатическую организацию как таковую, она остается поистине «неуловимой». Предосторожности в этом отношении становятся тем важнее, чем более «экстериоризировалась» подобная организация, переставшая быть чисто инициатической; впрочем; очевидно, что в этой ситуации она может оказаться в прямом контакте с профанным миром, который в противном случае мог бы попросту ее игнорировать. Мы не говорим здесь об опасности другого рода, вытекающей из существования «контринициации»; простые внешние меры предосторожности не могли бы ей помешать; они действительны лишь в отношении профанного мира, реакций которого, повторяем, стоит опасаться, только если организация приобрела внешнюю форму «общества» или вовлечена в деятельность, осуществляющуюся в инициатической области; все эти обстоятельства следует рассматривать лишь как случайные и второстепенные⁸⁸.

Мы приступаем, таким образом, к рассмотрению другого следствия инициатической тайны: бывает так, что, помимо тайны, неотъемлемо ей присущей, инициатическая организация также обладает, ничуть не утрачивая при этом своего собственного характера, другими тайнами более или менее внешнего и второстепенного порядка; эти-то тайны

вторичного свойства — и единственно доступные глазу постороннего наблюдателя — способны повести к недоразумениям и путанице. Эти тайны могут быть следствием «контаминации», о которой мы говорили, подразумевая под ней добавление целей, не имеющих ничего инициатического, но которым может быть придано более или менее важное значение, поскольку вырождение подобного рода может достичь любой степени; но так бывает не всегда, и в равной мере может оказаться, что подобные тайны соответствуют вторичному, но правомерному применению самой инициатической доктрины; это применение по самым различным причинам, определяемым в каждом конкретном случае, считают за благо до поры до времени отложить. Тайны, о которых мы упомянули здесь, в особенности касаются традиционных наук и искусств; о них можно сказать в самом общем плане, что эти науки и искусства в действительности не могут быть поняты вне инициации, из которой они пристокают, а потому их «вульгаризация» могла бы вести лишь к несообразностям; ведь она неизбежно повлекла бы за собой деформации и искажения вроде тех, что дали начало светским наукам и искусствам, как мы уже отмечали по другому поводу.

К той же категории тайн не сущностного, второстепенного характера следует отнести тайну другого рода, зачастую присущую инициатическим организациям и обычно вызывающую у профанов непонимание, к которому мы уже привлекали внимание выше; она имеет отношение либо к совокупности обрядов и символов, используемых в такой организации, либо, в более узком и строгом смысле, — к некоторым словам и знакам, употребляемым в качестве «средств узнавания», с целью отличения ее членов от профанов. Само собой разумеется, что любая тайна этого рода имеет лишь условное и всецело относительное значение, и поскольку она касается внешних форм, то всегда может быть раскрыта или выдана; это, естественно, может произойти тем легче, чем менее «закрытой» является организация; подчеркнем особо, что у такой тайны нет ничего общего с настоящей инициатической тайной, — разве что для тех, кто не имеет ни малейшего представления о природе последней; она не только не содержит ничего сущностного, но само ее наличие или отсутствие не играет роли в определении того, обладает ли организация инициатическим хара-

ктером или лишена его. В самом деле, то же, или нечто равнозначное, хотя и на иных основаниях, существует и в большинстве других тайных организаций, не имеющих ничего инициатического; возможно, речь идет либо об имитации инициатических организаций в их внешнем облике — как в случае организаций, названных нами псевдоинициатическими, или некоторых странных объединений, не заслуживающих даже этого имени,— либо просто об ограждении себя по мере возможности от обычного обывательского любопытства; последнее в особенности относится к ассоциациям политического толка, что можно понять без труда. С другой стороны, существование тайны этого рода не является обязательной чертой инициатических организаций; и значение ее тем меньше, чем более чист и возвышен характер этих организаций, поскольку это несет для них освобождение от всех внешних форм и всего, что не является поистине сущностным. Происходит нечто на первый взгляд весьма парадоксальное, по существу же — логичное; использование организацией «средств узнавания» есть следствие ее «закрытого» характера; но как раз в наиболее «закрытых» организациях эти средства подчас совершенно исчезают, поскольку в них уже нет нужды; их польза, непосредственно связанная с определенной степенью «овнешнения» прибегающей к ним организации, достигает своего максимума, когда последняя приобретает «полупрофанный» характер с типичной для него формой «общества»; именно тогда случаи ее контакта с внешним миром становятся наиболее частыми и многочисленными и, следовательно, для нее все более важным делается сохранять отличия от него с помощью средств столь же «светских».

Существование такой внешней и вторичной тайны в инициатических организациях самого распространенного типа объясняется, впрочем, и другими причинами; иногда ей приписывают прежде всего «педагогическую» роль, если можно так выразиться. Другими словами, «дисциплина тайны» — это нечто вроде тренировки или упражнения, составляющих часть методов, свойственных этим организациям; и в этом можно было бы видеть смягченную и ограниченную форму «дисциплины молчания», которая практиковалась в некоторых древних эзотерических школах, в частности у пифагорейцев⁸⁹. Эта точка зрения, конечно, верна, хотя не является единственно возможной; и надо отметить,

что в данном отношении значение тайны полностью независимо от того, с чем оно связано; сохранение тайны, касающейся самых незначительных вещей, будет иметь как «дисциплина» совершенно такое же действие, как и тайна, понастоящему важная сама по себе. Это вполне достаточный ответ профанам, которые обвиняют инициатические организации в «ребячливости», будучи не в состоянии понять, что слова или знаки, на которые распространяется тайна, имеют собственное символическое значение; если они неспособны дойти до соображений этого рода, то указанное нами доступно им и не требует больших усилий для понимания.

Но в действительности имеется более глубокая причина, связанная с этим символическим характером «средств узнавания», о котором мы только что упомянули, и делающая их чем-то более значительным; это поистине такие же символы, как и все остальные, над ними можно размышлять, углубляя их смысл; они составляют, таким образом, одну из частей инициатического учения. Впрочем, так же обстоит дело со всеми формами, используемыми в инициатических организациях, и, шире,— со всеми формами, имеющими традиционный характер (включая формы религиозные); они всегда, по сути, представляют собой нечто иное, нежели то, чем кажутся внешне, и именно это главным образом отличает их от профанных форм, где внешний облик есть всё и не скрывает за собой реальностей другого порядка. С этой точки зрения тайна, о которой идет речь, сама по себе являет символ истинной инициатической тайны; а это, очевидно, есть нечто большее, нежели простое «педагогическое» средство⁹⁰; но, разумеется, здесь, как и в остальных областях, символ никоим образом не должен смешиваться с тем, что он символизирует; а именно такое смешение происходит из невежества профанов, не умеющих видеть за поверхностью суть вещей и даже не подозревающих о существовании чего-либо иного, помимо того, что доступно органам чувств; а это на практике приводит к отрицанию любой символики.

Наконец, укажем на последнее соображение, которое могло бы послужить поводом для последующих размышлений; тайна внешнего порядка в инициатических организациях есть часть обряда; ведь то, что составляет ее суть, сообщается (с обязательством хранить молчание) в ходе самой

инициации — при прохождении либо по завершении каждой ступени. Эта тайна являет собой, следовательно, не только символ, как мы сказали, но и настоящий обряд, со всеми присущими ему свойствами; в конечном счете, обряд и символ во всех случаях, как мы подробно объясним впоследствии, поистине тесно связаны по самой своей природе.

Глава XIV

О ВРОЖДЕННЫХ КАЧЕСТВАХ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ИНИЦИАЦИИ

Теперь нам необходимо вернуться к вопросам, относящимся к первому предварительному условию инициации, т. е. к инициатическим врожденным качествам; по правде сказать, этот предмет принадлежит к числу тех, которые невозможно изложить исчерпывающим образом; по крайней мере постараемся внести в него некоторую ясность. Прежде всего, следует уяснить, что эти качества относятся исключительно к области индивидуальности. В самом деле, если бы пришлось рассматривать только личность или «Самость», то не понадобилось бы проводить никакого различия между существами, и все они, без малейшего исключения, в равной мере обладали бы определенными качествами; но вопрос ставится совершенно иначе в силу того факта, что индивидуальность обязательно должна рассматриваться в качестве средства и опоры инициатической реализации; следовательно, нужно, чтобы она обладала способностями, необходимыми, чтобы играть эту роль, а так бывает не всегда. Индивидуальность в этом случае, если угодно, выступает как орудие истинного существа; но если в этом орудии имеются определенные изъяны, оно будет в большей или меньшей степени, а то и совсем непригодно к тому, о чем идет речь. Впрочем, это неудивительно, если поразмыслить о том, что даже в сфере светских видов деятельности (или, по крайней мере, ставших таковыми в нынешнюю эпоху) то, что годится для одного, не подходит для другого; так, например, занятия тем или иным ремеслом требуют особых способностей, как умственных, так и телесных. Основное отличие состоит в том, что в этом случае речь идет о деятельности, которая полностью относится к индивидуальной области, никоим образом не выходя за ее рамки; в инициации, напротив, результат, которого надлежит достичь, находится за пределами индивидуальности;

но, повторяем, последняя тем не менее берется как исходная точка, и этим условием невозможно пренебречь.

Можно сказать и так: существо, приступающее к инициатической реализации, неизбежно должно исходить из конкретного состояния проявленности, в котором оно находится и которое содержит всю совокупность определенных условий: с одной стороны, условий, свойственных этому состоянию и определяющих его в целом; а с другой стороны — тех, что в одном и том же состоянии присущи каждой индивидуальности и отличают ее ото всех остальных. Очевидно, что именно эти последние должны учитываться при установлении необходимых качеств, поскольку речь идет о том, что по определению свойственно не всем индивидам, но характеризует только тех, кто принадлежит, по крайней мере виртуально, к «элите»; мы уже употребляли это слово, смысл которого еще уточним впоследствии, дабы показать, как оно непосредственно связано с самим вопросом инициации.

Итак, следует уяснить, что индивидуальность берется здесь как таковая, со всеми ее конститутивными элементами; она может иметь качества, касающиеся каждого из этих элементов, включая телесный, который никоим образом нельзя трактовать как нечто не заслуживающее внимания, чем можно пренебречь. Возможно, не было бы необходимости на этом настаивать, если бы не грубо упрощенная концепция человеческого существа на современном Западе; здесь не только почитают индивидуальность за существо в целом, но и сама она сведена к двум частям, которые мыслятся как совершенно отделенные друг от друга: одна из них — тело, другая — нечто весьма смутно определяемое и обозначаемое самыми различными названиями, порой наименее уместными. В действительности же все обстоит иначе; многочисленные элементы индивидуальности, каким бы способом их ни классифицировать, отнюдь не отделены друг от друга, но образуют совокупность, в которой нет радикальной и непреодолимой разнородности; и все они, включая тело, в равной мере суть проявления или выражения существа в различных модальностях индивидуальной области. Между этими модальностями имеются соответствия, так что происходящее в одной естественно находит отзвук в остальных; отсюда следует, что, с одной стороны, состояние тела может благоприятным или неблагоприятным

гоприятным образом влиять на другие модальности; а с другой стороны, не менее истинно и обратное (и даже в большей степени, ибо возможности телесной модальности наиболее ограничены); оно может подавать сигналы, осязаемым образом выражающие само состояние последних⁹¹; ясно, что оба эти взаимодополняющие соображения имеют значение и в плане инициатических качеств. Все это было бы совершенно очевидно, если бы специфически западное современное понятие «материи», картезианский дуализм и более или менее «механистические» концепции не затемнили до такой степени эти вещи для большинства наших современников⁹². Эти второстепенные обстоятельства заставляют нас задержаться на столь элементарных соображениях; иначе было бы достаточно упомянуть о них в нескольких словах, без каких бы то ни было объяснений.

Само собой разумеется, что основное качество, доминирующее над всеми остальными,— это достаточно широкий «интеллектуальный горизонт»; но может случиться, что возможности интеллектуального порядка, виртуально присутствующие индивидуальности, из-за низших элементов последней (как психических, так и телесных) будут остановлены в своем развитии — либо временно, либо навсегда. Вот первая причина того, что можно назвать вторичными качествами; существует еще и другая причина, непосредственно вытекающая из сказанного; а именно, в этих элементах, наиболее доступных наблюдению, можно обнаружить признаки известной интеллектуальной ограниченности; в этом последнем случае вторичные качества становятся как бы символическими эквивалентами самого главного качества. В первом случае, напротив, они не всегда могут иметь равное значение; так, могут возникнуть препятствия для любой инициации, даже просто виртуальной, или для инициации действительной, или — для перехода к более высоким степеням, или, наконец, для исполнения определенных функций в инициатической организации (так как можно быть способным получить «духовное влияние», не будучи при этом способным его передавать); добавим также, что имеются порой особого рода последствия, касающиеся лишь некоторых форм инициации.

Относительно последнего пункта достаточно в целом напомнить, что разнообразные способы инициации в различных традиционных формах или в рамках одной из них

имеют целью соответствовать этим индивидуальным способностям; в них не было бы никакого смысла, если бы один-единственный способ в равной мере подходил всем тем, кто обладал бы качествами, необходимыми для получения инициации. Поскольку это не так, каждая инициативная организация должна иметь свою особую «технику» и, естественно, может принимать лишь тех, кто способен ей соответствовать и извлечь из нее реальное благо; а это предполагает в плане качеств применение всей совокупности специальных правил, действительных только для рассматриваемой организации и никоим образом не исключających для остальных возможность найти в другом месте равнозначную инициацию, коль скоро они обладают основными способностями, строго необходимыми во всех случаях. Один из самых ясных примеров в этом отношении — факт существования исключительно мужских форм инициации, хотя есть и такие, когда наряду с мужчинами могут приниматься и женщины⁹³; следовательно, можно сказать, что определенное качество в одном случае требуется, а в другом — нет, причем это различие связано с особыми формами инициации; впрочем, мы вернемся к этому впоследствии, ибо приходится констатировать, что этот факт в целом плохо понимают в наше время.

Там, где существует традиционная социальная организация, даже во внешней сфере, каждый, оставаясь на месте, отвечающем его индивидуальной природе, уже тем самым может легче найти — если он обладает нужными качествами — способ инициации, соответствующий его возможностям. Так, если рассматривать с этой точки зрения организацию каст, то инициация кшатриев не идентична инициации брахманов⁹⁴ и так далее; и, еще более частным образом, определенная форма инициации может быть связана с занятием тем или иным ремеслом; а это будет иметь реальное значение, лишь если каждый индивид занимается тем ремеслом, к которому он предназначен благодаря способностям, присущим его природе; таким образом, эти способности явятся в то же время составной частью особых качеств, требуемых для соответствующей формы инициации.

Напротив, там, где не существует организации, построенной согласно традиционным и нормальным правилам, — что мы наблюдаем в современном западном мире, — результатом становится смещение во всех областях, которое неиз-

бежно влечет за собой усложнения и многочисленные трудности в плане точного определения инициатических качеств; ведь место индивида в обществе весьма отдаленно соотносится с его природой; более того, зачастую во внимание принимаются самые внешние и наименее важные стороны последней — а именно те, что реально не имеют никакой, даже вторичной ценности с инициатической точки зрения. К этому надо добавить другую причину трудностей, в известной мере сопряженную с первой,— это забвение традиционных наук; данные некоторых из них могли бы обеспечить способ распознавания истинной природы индивида; но при их отсутствии совершенно невозможно каким-то образом их полностью заменить. Что бы ни делалось в этом плане, всегда будет в большей или меньшей степени присутствовать «эмпиризм», который станет причиной многих ошибок. В этом и состоит, в конечном счете, одна из причин вырождения некоторых инициатических организаций; допуск не обладающих необходимыми качествами членов — из-за незнания правил по их отстранению или из-за невозможности точного применения этих правил — является в действительности одним из факторов, в наибольшей степени способствующих такому вырождению, и может в случае усиления повести к полному крушению подобной организации.

После этих рассуждений общего порядка нам нужно — для дальнейшего уточнения реального значения, которое следует придавать «вторичным качествам»,— привести конкретные примеры условий, требуемых для доступа к тем или иным формам инициации, показав в каждом случае их истинный смысл и значимость: но такое изложение — когда оно обращено к представителям Запада — весьма затруднено тем фактом, что последние даже в самом благоприятном случае знают весьма ограниченное число таких инициационных форм и совершенно не поняли бы ссылок на все остальные. Все, что сохранилось от древних организаций этого рода на Западе, сильно уменьшилось во всех отношениях, как мы уже не раз говорили; нетрудно уяснить, что если некоторые способности еще востребуются, то скорее в силу привычки, чем какого-либо понимания их смысла; в подобных условиях не приходится удивляться, что члены этих организаций протестуют против сохранения упомянутых «определений качества» (qualification), в которых по невежест-

ву усматривают лишь своего рода исторический пережиток, след давно исчезнувшего положения вещей, одним словом — простой анахронизм. Однако, коль скоро за исходную точку приходится брать то, что непосредственно имеется в распоряжении, даже это может дать некие указания, которые, несмотря ни на что, не лишены интереса; хотя они и носят характер простых иллюстраций — особенно в наших глазах,— тем не менее способны повести к размышлениям, идущим гораздо дальше, чем может показаться на первый взгляд.

Из инициатических организаций на Западе, могущих претендовать на истинную связь с традицией (условие, вне которого — напомним еще раз — можно говорить лишь о «псевдоинициации»), можно назвать только компаньонаж и масонство, т. е. инициатические формы, основанные, по крайней мере в своих истоках, преимущественно на занятиях ремеслом и, следовательно, характеризующиеся особыми методами, символическими и ритуальными, непосредственно связанными с самим этим ремеслом⁹⁵. Здесь необходимо провести одно различие: в компаньонажах связь с ремеслом сохранялась всегда, тогда как в масонстве она фактически исчезла; отсюда, в этом последнем случае, проистекает опасность еще большего непонимания необходимости некоторых условий, присущих самой этой инициатической форме. И вправду, в другом случае очевидно, что, по крайней мере, никогда не следует упускать из виду условия, желательные для успешного и сколь возможно адекватного развития ремесла — даже если отвлечься от всего остального, т. е. принимать во внимание лишь их внешнюю причину, забыв о причине глубинной и чисто инициатической. Напротив, там, где эта глубинная причина также забыта, а внешняя причина сама по себе более не существует, в целом довольно естественно (что, разумеется, не значит правомерно) прийти к мысли, что сохранение подобных условий отнюдь не обязательно, и видеть в них стеснительные, даже несправедливые ограничения (таково рассуждение, которым много злоупотребляют в нашу эпоху,— следствие эгалитаризма, разрушившего понятие «элиты»), препятствующие притоку новых членов; мания «прозелитизма» и демократические предрассудки «массовости», эти весьма характерные черты современного западного духа, имеют целью максимальное увеличение числа сторонни-

ков, а это, как мы сказали,— одна из ближайших причин непоправимого вырождения инициатических организаций.

По существу, в подобном случае забывают о следующем: если инициатический ритуал, беря в качестве опоры ремесло, так сказать, проистекает из него в результате соответствующей транспозиции (возможно, следовало бы рассматривать вещи, согласно их происхождению, прямо противоположным образом, ибо ремесло с традиционной точки зрения поистине представляет собой лишь вторичное применение принципов, к которым непосредственно относится инициация), то совершение этого ритуала, чтобы быть полностью действенным, потребует в числе условий и таких, которые необходимы для самих занятий этим ремеслом; таким образом, здесь в силу соответствий между различными модальностями существа применима та же самая транспозиция; отсюда ясно, что, как мы указали выше,— «пригодность» для инициации в целом еще не означает «пригодности» для любой формы инициации без различия. Добавим, что непонимание этого основного момента, влекущее за собой совершенно профанное сведение «пригодности» к простым корпоративным правилам,— представляется, по крайней мере в случае масонства, тесно связанным с непониманием истинного смысла слова «оперативный»; по этому поводу мы объяснимся впоследствии более пространно, так как он предрасполагает к рассуждениям самого общего порядка о значении инициации.

Таким образом, если масонская инициация исключает женщин (что, как мы уже сказали, отнюдь не означает, что последние неспособны к любой инициации), а также мужчин, подверженных определенным недугам, то вовсе не потому, что в прошлом те, кто был допущен, должны были обладать способностью переносить тяжести или подниматься на строительные леса, как уверяет кое-кто с обезоруживающей наивностью; просто для исключенных масонская инициация была бы недействительной и следствия ее — нулевыми, из-за отсутствия необходимых качеств. Прежде всего, здесь можно заметить, что связь с ремеслом хотя и не существует уже в плане внешних занятий последним, тем не менее сохраняется более сущностным образом; ведь она неизбежно остается вписанной в саму форму этой инициации; если ее устранить, то это будет уже не масонская инициация, но нечто совсем иное; а так как было бы к тому же

совершенно невозможно на законных основаниях заместить другой традиционной филиацией ту, что существует фактически, то тогда не было бы уже реально никакой инициации. Вот почему там, где остается еще, по крайней мере (при отсутствии более действительного понимания), некое смутное осознание собственной значимости ритуальных форм, иногда продолжают считать условия, о которых мы говорим, составной частью *landmarks* <признаков, достопримечательностей (*англ.*)> (согласно английскому термину, в этом «техническом» значении не имеющему точного эквивалента во французском языке), которые не могут быть изменены ни при каких обстоятельствах и упразднение или принижение которых рисковало бы свести инициацию к нулю⁹⁶.

Более того: если рассмотреть внимательнее перечень телесных изъянов, считающихся помехами для инициации, то можно констатировать, что некоторые из них не кажутся внешне достаточно серьезными и уж во всяком случае не помешали бы человеку заниматься ремеслом строителя⁹⁷. Отчасти дело здесь в том, что помимо условий, необходимых для занятий ремеслом, инициация требует и других, не имеющих отношения к последнему; они связаны исключительно с приемами ритуального трудового процесса, взятого уже не только в своей, так сказать, «материальности», но прежде всего как то, что должно привести к действительным результатам для существа, которое его совершает. Это обнаруживается тем более отчетливо, что среди различных формулировок *landmarks* (ибо, будучи в принципе неписаными, они, однако, остаются предметом более или менее подробных перечислений) можно сослаться на самые древние, т. е. восходящие к эпохе, когда вещи, о коих идет речь, были известны, и даже — по крайней мере некоторым — известны не просто теоретически или «спекулятивно», но действительно «оперативно», в истинном смысле, о котором мы упоминали выше. В ходе этого рассмотрения можно заметить одну вещь, которая наверняка показалась бы сегодня необычайной тем, кто способен отдать себе в этом отчет: препятствия к получению инициации в масонстве и к рукоположению в Католической Церкви почти полностью идентичны⁹⁸.

Этот последний вопрос относится к числу тех, для понимания которых требуется комментарий; ведь на первый взгляд

можно предположить, что здесь имеет место определенное смешение вещей различного рода,— тем более, что мы часто подчеркивали сущностное различие между инициатической и религиозной областями, которое, следовательно, должно проследиваться и между принятыми в них обрядами. Однако не требуется долгих размышлений для понимания того, что должны существовать общие законы, обуславливающие совершение обрядов любого рода; ведь в целом речь идет о стяжании неких «духовных влияний», хотя цель их, естественно, в каждом случае различна. С другой стороны, можно было бы также возразить, что в случае рукоположения речь идет о способности к выполнению определенных функций", тогда как при инициации качества, требуемые для ее получения, отличаются от тех, что могут понадобиться, сверх того, для исполнения функции в инициатической организации (функции, касающейся в основном трансмиссии «духовного влияния»); и ясно, что не от функций следует исходить, чтобы действительно увидеть сходство. Во внимание принимается то, что в религиозной организации католического типа только священник активно совершает обряды, тогда как миряне участвуют в этом лишь в качестве «воспринимающей» стороны; напротив, активность в ритуальной сфере всегда, без какого-либо исключения, составляет основной элемент любого инициатического метода, так что этот метод неизбежно предполагает возможность осуществления такой активности. Следовательно, в конечном счете, такое активное совершение обрядов требует, помимо собственно интеллектуальных, определенных качеств вторичного порядка, отчасти меняющихся в соответствии с особым характером, который приобретают эти обряды при той или иной форме инициации; но здесь отсутствие известных телесных недостатков всегда играет важную роль — потому ли, что эти недостатки составляют прямую помеху совершению обрядов, или потому, что они суть внешние признаки соответствующих изъянов в тонких элементах существа. Именно к такому выводу мы хотели бы прийти в результате всех этих рассуждений; и по сути то, что на первый взгляд относится здесь к частному случаю — мажонской инициации — было для нас лишь наиболее удобным способом изложения этих вопросов; нам предстоит еще внести некоторые уточнения, приведя несколько конкретных примеров помех, связанных с телесными недостат-

ками или с психическими, проявлением которых на чувственном уровне являются первые.

Если мы рассмотрим недуги или просто телесные недостатки как внешние признаки определенных несовершенств психического порядка, то придется провести различие между недостатками, присущими существу от рождения, или теми, что естественно развиваются у него в процессе жизни, как следствие некоей предрасположенности, и теми, которые являются просто следствием несчастного случая. В самом деле, очевидно, что первые выражают нечто, что можно рассматривать, строго говоря, как более свойственное самой природе существа и, следовательно, более важное с избранной нами точки зрения,— хотя, впрочем, с существом не может случиться ничего такого, что реально не соответствовало бы какому-либо более или менее значимому элементу его природы; врожденные недостатки, внешне случайные, не следует рассматривать как совершенно не имеющие к этому отношения. С другой стороны, если усматривать в самих этих недостатках прямые помехи совершенно обрядов или их эффективному воздействию на существо, то различие, только что указанное нами, утрачивает свое значение; но следует хорошенько уяснить, что некоторые изъяны, не представляющие таких помех, все же являются препятствиями для инициации по первой причине,— и даже порой препятствиями более абсолютного характера, ибо они выражают внутреннюю «ущербность», делающую существо неспособным к любой инициации; в то же время можно иметь недуги, только ослабляющие действенность отдельных «технических» методов, свойственных той или иной инициатической форме.

Кое-кто удивится нашим словам о том, что недуги, приобретенные вследствие несчастного случая, также имеют соответствие в самой природе существа, с которым это произошло; однако в целом это лишь прямое следствие реальных отношений существа со средой его проявления; все отношения между существами, проявленными в одном и том же мире,— или, что то же самое, все их действия и взаимодействия — могут быть реальными, лишь если они выражают нечто присущее природе каждого из этих существ. Другими словами, все, что существо испытывает или делает, неизбежно соответствует, будучи модификацией его самого, какой-либо из возможностей, присущих его природе; поэ-

тому здесь не может быть ничего чисто случайного, если понимать это слово, как обычно делают, во внешнем смысле. Вся разница здесь лишь в степени; одни модификации представляют собой нечто более важное и глубокое, нежели другие; следовательно, среди различных возможностей индивидуальной области существуют иерархические ценности; но, строго говоря, ничто здесь не лишено значения; и впрямь, существо может получать извне лишь простые «поводы» для реализации — в проявленной форме — виртуальных качеств, которые оно носит прежде всего в себе самом.

Тем, кто доверяет видимости, может также показаться странным, что некоторые недуги, не столь серьезные с внешней точки зрения, всегда и везде рассматривались как помеха инициации; типичный случай этого рода — заикание. В действительности, достаточно немного поразмыслить, чтобы уяснить себе, что в этом случае одновременно присутствуют обе упомянутые нами причины; прежде всего, известно, что «техника» ритуала почти всегда включает произнесение определенных словесных формул, которое, естественно, должно быть правильным, чтобы производить должный эффект, а заикание этому препятствует. С другой стороны, в подобном недуге проявляется определенная «деритмия» существа, если можно употребить такое слово; впрочем, то и другое здесь тесно связано, ибо само употребление упомянутых формул представляет собой лишь одно из применений «науки о ритме» к инициатическому методу: ведь неспособность правильно произносить их зависит, в конечном счете, от внутренней «деритмии» существа.

Эта «деритмия» сама по себе — лишь частный случай дисгармонии или нарушения равновесия в конституции индивида; в целом можно сказать, что все телесные аномалии, служащие признаками более или менее явного нарушения равновесия, хоть и не обязательно являются абсолютными помехами (так как здесь существует немало уровней), но по меньшей мере представляют собой симптомы, неблагоприятные для кандидата на инициацию. Может случиться, что такие аномалии, не являющиеся, собственно говоря, недугами, не препятствуют совершению ритуального процесса; но если они усиливаются, указывая на глубокое и необратимое нарушение равновесия, то этого самого по себе бывает достаточно для отстранения кандидата, согласно тому, что мы уже объяснили выше. Таковы, например, замет-

ные асимметрии лица или органов тела; но, разумеется, если речь идет о незначительной асимметрии, то она даже не считается аномалией; ведь, несомненно, не найдется человека, обладающего совершенной телесной симметрией. Это, кстати, можно толковать как свидетельство того, что по крайней мере при нынешнем состоянии человечества ни один индивид не обладает полным равновесием во всех отношениях; и действительно, реализация совершенного равновесия индивидуальности, включая полную нейтрализацию всех действующих в ней противоположных тенденций,— а следовательно, определение в самом ее центре той точки, где эти оппозиции перестают проявляться, равнозначно тем самым восстановлению «изначального состояния». Разумеется, ничего не следует преувеличивать, и если индивиды «пригодны» для инициации, то вопреки неизбежному состоянию относительного неравновесия, но именно инициация — если она будет действенной — может и должна смягчить его и даже устранить, если достигнет степени, соответствующей совершенству индивидуальных возможностей, т. е., как мы объясним далее, степени «малых мистерий»¹⁰⁰.

Мы должны еще отметить, что некоторые недостатки, не составляющие помехи виртуальной инициации, могут воспрепятствовать ее реальной действенности; само собой разумеется, что здесь следует особенно учитывать различия в методах, применяемых разными формами инициации; но во всех случаях придется принимать во внимание подобные условия при переходе от «спекулятивного» к «оперативному». Одними из самых распространенных в этом плане являются недостатки, которые, подобно некоторым искривлениям позвоночника, вредят нормальной циркуляции тонких токов в организме; в самом деле, едва ли есть необходимость напоминать о важной роли, которую играют эти токи в большинстве процессов реализации — от самого их начала и до тех пор, пока не будут превзойдены индивидуальные возможности. Во избежание непонимания надлежит добавить, что если приведение в действие этих токов совершается, в соответствии с некоторыми методами, сознательно¹⁰¹, то в других случаях это не так, но все же подобное действие реально существует и имеет большое значение; углубленное рассмотрение некоторых особенностей ритуалов, например «знаков узнавания» (которые в то же

время означают совсем иное, когда их по-настоящему понимают), могло бы представить весьма четкие, хотя и наверняка неожиданные, указания для тех, кто не привык рассматривать вещи с точки зрения «техники».

В порядке самоограничения мы удовлетворимся этими примерами; конечно, они немногочисленны, но мы намеренно отобрали их среди тех, которые соответствуют самым характерным и поучительным случаям, дабы наилучшим образом пояснить, о чем идет речь; в целом было бы мало толку, да и утомительно, умножать их неограниченно. Мы потому так подробно рассказали о телесной стороне инициатической «пригодности», что она наименее ясна и понятна для наших современников и к ней следовало особо привлечь их внимание. Это позволяет еще раз показать со всей возможной ясностью, насколько далека инициация от упрощенных и смутных теорий, выдвигаемых людьми, которые — в силу обычного смешения идей, присущего современной эпохе,— стремятся говорить о вещах, в коих равным счетом ничего не смыслят, и с тем большей легкостью «реконструируют» их, полагаясь на воображение. Наконец, вышеприведенные замечания относительно «техники» позволяют уяснить, что инициация совершенно отлична от мистицизма и не имеет к нему ни малейшего отношения.

Глава XV

ИНИЦИАТИЧЕСКИЕ ОБРЯДЫ

В предшествующем изложении мы постоянно упоминали обряды, ибо они составляют основной элемент, обеспечивающий передачу «духовного влияния» и связь с инициатической «цепью»: можно сказать, что без обрядов не было бы и самой инициации. Нам придется снова обратиться к вопросу об обрядах для уточнения некоторых особо важных моментов: разумеется, мы не намерены рассматривать здесь обряды в целом: причины их существования, роль, виды, на которые они подразделяются,— так как этот предмет потребовал бы отдельного тома.

Прежде всего, важно отметить, что наличие обрядов является общей чертой всех традиционных институтов любого рода — эзотерических и экзотерических (мы употребляем эти термины в самом широком смысле, как уже делали ранее). Эта черта возникает как следствие «нечеловеческого» элемента, обязательно содержащегося в подобных институтах; ведь можно сказать, что обряды всегда имели целью прямо или косвенно связать человеческое существо с чем-то, что превосходит его индивидуальность и относится к другим состояниям экзистенции: впрочем, не всегда установленная таким образом связь должна осознаваться, чтобы быть реальной, ибо чаще всего она осуществляется через посредство некоторых тонких модальностей индивида,— модальностей, в которые большинство людей сегодня неспособны перенести центр своего сознания. Как бы то ни было, обряд — носит ли его воздействие явный или скрытый, непосредственный или опосредованный характер,— всегда эффективен сам по себе, при условии, разумеется, что он совершается сообразно традиционным правилам, обеспечивающим его значимость, вне чего он был бы бессмысленным и пустым подражанием; и в этой действительности нет ничего «чудесного» или «магического», как говорят некоторые с явным оттенком отрицания и уничтожения:

ведь она просто является следствием вполне определенных законов, согласно которым вызываются духовные влияния, а приведению в действие этих законов и служит обрядовая «техника»¹⁰².

Это рассуждение об эффективности, свойственной обрядам и основанной на законах, в которых нет места фантазии и произволу, относится ко всем случаям без исключения; это справедливо для обрядов эзотерической и экзотерической сферы, как и для обрядов инициатических, а среди первых — для обрядов, относящихся к традиционным формам — как нерелигиозным, так и религиозным. Напомним в связи с этим один особо важный момент: как мы уже объясняли ранее, эта эффективность совершенно не зависит от того, что представляет собой индивид, совершающий обряд; важна только функция, а не индивид как таковой; другими словами, необходимое и достаточное условие состоит в том, чтобы он сообразно правилам получил полномочия совершать такой обряд; неважно, правильно ли он понимает его значение и даже верит ли в его эффективность,— это ничуть не помешает обряду быть действенным, если все предписанные правила были должным образом соблюдены¹⁰³.

Вернемся теперь к собственно инициации и сразу же отметим, что ее обрядовый характер подчеркивает одно из фундаментальных отличий ее от мистицизма, в котором не существует ничего подобного; это нетрудно понять, если обратиться к сказанному нами об «иррегулярности» последнего. Пожалуй, тут возникает искушение возразить, что мистицизм порой в той или иной степени, как представляется, связан с соблюдением некоторых обрядов; но последние отнюдь не представляют собой нечто ему присущее — ведь это не что иное, как обычные религиозные обряды; кроме того, такая связь совсем не носит обязательного характера, ибо фактически она существует далеко не во всех случаях, тогда как, повторяем, нет инициации без особых и соответствующих обрядов. В самом деле, инициация, в отличие от мистических реализаций, не падает с заоблачных высей неведомо как и почему; напротив, она покоится на позитивных научных законах и строгих технических правилах; мы постоянно настаивали на этом, дабы устранить всякую возможность недоразумения относительно ее подлинной природы¹⁰⁴.

На различия между инициатическими и экзотерическими обрядами мы укажем лишь в самом общем плане, так как подробное рассмотрение увело бы нас слишком далеко; пришлось бы, в частности, сделать все выводы из того факта, что в первых участвует лишь элита, обладающая особыми качествами, тогда как вторые являются публичными и обращены ко всем членам данной социальной среды; и это хорошо показывает, что каким бы ни было порой внешнее сходство, цель в действительности не одна и та же¹⁰⁵. В самом деле, экзотерические обряды, в отличие от инициатических, не ставят целью открыть перед существом определенные возможности познания, к чему не все способны; с другой стороны, важно отметить, что хотя в этих обрядах также неизменно является вмешательство сверхиндивидуальных сил, их действие никогда не выходит за пределы индивидуальной области. Это весьма заметно в случае обрядов религиозных, которые мы в первую очередь будем использовать для сравнения, поскольку это единственные экзотерические обряды, известные сегодня на Западе; любая религия нацелена только на обеспечение «спасения» своих приверженцев (что является еще целью индивидуального порядка) и, в известном смысле по определению, не затрагивает потустороннее; сами мистики всегда имеют в виду лишь «спасение», а не «Освобождение», тогда как, напротив, именно последнее является конечной и высшей целью любой инициации¹⁰⁶.

Л вот и другой вопрос особой важности: инициация любой степени является для существа, получившего ее, обретением постоянным, тем состоянием, которого — виртуально или реально — он достиг раз и навсегда, и отныне ничто не может его отнять¹⁰⁷. Мы можем отметить здесь и весьма четкое отличие от мистических состояний, которые предстают как нечто преходящее и мимолетное, куда существо входит и откуда выходит, подчас не надеясь обрести их вновь; это объясняется «феноменальным» характером таких состояний, получаемых как бы извне, а не протекающих из «внутреннего состояния» существа¹⁰⁸. Отсюда непосредственно вытекает, что обряды инициации сообщают нечто определенное и неуничтожимое; впрочем, на другом уровне так же обстоит дело с религиозными обрядами, которые, по той же причине, никогда не повторяются для одного и того же индивида и тем самым представляют отчетливую

аналогию с обрядами инициатическими — до такой степени, что можно было бы в известном смысле рассматривать их как своего рода транспозицию последних в экзотерическую область¹⁰⁹.

Другое следствие из вышесказанного мы уже отмечали мимоходом, но остановимся на нем чуть долее: инициатическое качество, коль скоро оно получено, ничуть не связано с фактом активного членства в той или иной организации; если связь с традиционной организацией установлена, она уже не может быть прервана и сохраняется даже тогда, когда индивид больше не имеет к этой организации никакого видимого отношения; последнее имеет в этом плане значение совершенно второстепенное. Этого было бы достаточно, при отсутствии любых других соображений, чтобы показать, насколько глубоко инициатические организации отличаются от светских ассоциаций, с которыми их никоим образом нельзя отождествлять и сравнивать; тот, кто выходит из светской ассоциации или исключен из нее, не сохраняет с ней никакой связи и остается в точности тем, кем был до этого; напротив, связь инициатического порядка ничуть не зависит от таких случайных вещей, как добровольный уход или исключение; они носят, как мы уже сказали, чисто «административный» характер и затрагивают лишь внешние отношения; и если эти последние все связаны со светской сферой и ассоциация не может предоставить своим членам ничего иного, то в сфере инициации, напротив, они являются лишь вспомогательным, а отнюдь не обязательным средством по отношению к внутренним реальностям, которые на деле единственно важны.

Достаточно немного поразмыслить, чтобы уяснить совершенно очевидность всего этого; удивляет лишь — как мы неоднократно отмечали — едва ли не всеобщее непонимание вещей столь простых и элементарных¹¹⁰.

Diana XVI

ОБРЯД И СИМВОЛ

Выше мы указали, что обряд и символ, которые являются основными элементами любой инициации и в целом неизменно выступают рука об руку во всем, что носит традиционный характер, в действительности тесно связаны по самой своей природе. И вправду, во всех составных частях любого обряда обязательно заключен символический смысл; и наоборот, на того, кто, обладая надлежащими способностями и склонностями, медитирует над символом (а именно для этого он прежде всего и предназначен), последний производит воздействие, вполне сопоставимое с воздействием самих обрядов,— разумеется, с той оговоркой, что исходным моментом процесса медитации и предварительным его условием должна быть регулярная инициатическая трансмиссия, без чего обряды были бы пустой видимостью, как это и случается в пародиях псевдоинициации. Надо еще добавить, что истинно традиционные обряды и символы (те же, что лишены традиционного характера, не заслуживают такого названия, будучи в действительности профанными подделками) подобным же образом происходят из «нечеловеческого» источника; уже отмеченная нами невозможность приписать им определенного автора или создателя связана отнюдь не с невежеством, как это могут предположить заурядные историки (если они в тщетных поисках объяснения не увидят в этом продукт «коллективного сознания»); последнее, даже если бы и существовало, было бы во всяком случае неспособно породить вещи трансцендентные, подобные тем, о которых идет речь); она является неизбежным следствием именно этого «нечеловеческого» происхождения, которое может быть оспорено лишь теми, кому совершенно неведома истинная природа традиции и всего того, что составляет ее неотъемлемую часть, каковой со всей очевидностью являются как обряды, так и символы.

Рассматривая ближе это глубокое тождество обряда и символа, мы прежде всего можем сказать, что символ, понимаемый, как это чаще всего бывает, в качестве «графического» изображения, есть лишь своего рода фиксация обрядового жеста¹¹¹. Причем само вычерчивание символа, как правило, происходит в условиях, сообщающих этому процессу черты обряда в собственном смысле слова; мы видим ясный пример этого в такой низшей области, как магия (которая, невзирая ни на что, является наукой традиционной) с ее набором изображений талисманов; а на уровне, нас непосредственно интересующем, вычерчивание «янтр» в индуистской традиции представляет собой не менее поразительный пример¹¹².

Но это еще не все, ибо понятие символа, на которое мы только что сослались, по правде говоря, слишком узко; имеются не только изобразительные и визуальные, но также и звуковые символы; мы уже указывали на существующее в индуистской доктрине различие между двумя основными категориями — «янтрой» и «мантрой»¹¹³. Тогда же мы уточнили, что преобладание той или другой категории символов характеризует два рода обрядов, причем визуальные символы были связаны первоначально с традициями оседлых народов, а звуковые — народов кочевых; впрочем, ясно, что между теми и другими не следует проводить абсолютного разделения (вот почему мы и говорим только о преобладании); здесь возможны любые комбинации, обусловленные множеством адаптации, происходивших в течение веков, когда учреждались различные известные нам сегодня традиционные формы. Эти рассуждения достаточно ясно показывают связь, существующую в целом между обрядами и символами; но мы можем добавить, что в случае «мантры» эта связь видна более отчетливо; в самом деле, тогда как визуальный символ, будучи начертан, пребывает в неизменном состоянии (вот почему мы говорили о фиксированном жесте), звуковой символ, напротив, становится доступным восприятию лишь в ходе самого совершения обряда. Впрочем, это различие смягчается, когда устанавливается соответствие между визуальными и звуковыми символами; так происходит при письме, представляющем собой настоящую фиксацию звука (разумеется, не самого звука как такового, но постоянной возможности его воспроизведения); и едва ли нужно напоминать в связи с этим, что лю-

бая письменность, по крайней мере в ее истоках, есть в первую очередь символическое изображение. В конечном счете, так же обстоит дело и со словом, которому в силу самой его природы в не меньшей степени присущ символический характер; вполне очевидно, что любое слово есть не что иное, как символ идеи, которую оно призвано выразить; равным образом и язык, устный и письменный, является поистине совокупностью символов; вот почему язык — вопреки всем «натуралистическим» теориям, изобретенным в новейшие времена с целью его объяснения,— не может быть ни более или менее искусственным творением человека, ни простым продуктом его чисто индивидуальных способностей¹¹⁴. Существует также способ использования визуальных символов, вполне сопоставимый в только что указанном нами плане с символами звуковыми; в этом случае символы не имеют постоянной формы, но употребляются как знаки в обрядах инициатических (в частности, «знаки узнавания», о которых мы говорили ранее)¹¹⁵ и даже религиозных («знак креста» — типичный и известный всем пример)¹¹⁶; здесь символ реально слит с самим обрядовым жестом¹¹⁷. Впрочем, не следует усматривать в этих знаках третью категорию символов, отличную от тех, о которых мы говорили до сих пор; возможно, иные психологи толковали бы их именно таким образом, обозначив их как «моторные» символы или что-то в этом роде; но, будучи явно предназначены для зрительного восприятия, они уже тем самым входят в категорию визуальных символов и в силу своей, так сказать, «мгновенности» представляют в ее рамках наибольшее сходство с категорией звуковых символов. В конечном счете, сам «графический» символ есть, повторяем, жест или фиксированное движение (само движение либо более или менее сложная совокупность движений, необходимых для его начертания, которую психологи на своем специальном языке назвали бы, несомненно, «моторной схемой»¹¹⁸); в отношении звуковых символов можно сказать также, что движение голосовых связок, необходимое для их произнесения (идет ли речь об обычном слове или о музыкальных звуках), в целом представляет собой жест, подобно остальным видам телесных движений, от которых, впрочем, его невозможно полностью отделить¹¹⁹. Таким образом, понятие жеста, взятое в его самом широком значении (и которое, к тому же, более соответствует тому, что действительно

понимается под этим словом, нежели ограниченное значение, придаваемое ему обычно), сводит все эти различные случаи к единству, так что можно сказать, что в этом по сути и состоит их общий принцип; на метафизическом уровне данный факт имеет глубокое значение, о котором мы не можем здесь распространяться, дабы не слишком удаляться от главного предмета нашего исследования.

Теперь нетрудно будет понять, что любой обряд есть в буквальном смысле совокупность символов: и действительно, последние включают не только употребление предметов или изображение фигур, как могли бы подумать те, кто придерживается самых поверхностных представлений, но также производимые жесты и произносимые слова (причем последние, согласно вышесказанному, суть лишь частный случай первых) — одним словом, все без исключения элементы обряда; тогда эти элементы имеют значение символов по самой своей природе, а не в силу добавочного значения, возникшего из внешних обстоятельств и по сути дела им не свойственного. Можно было бы также сказать, что обряды представляют собой символы, «приведенные в действие», и что всякий ритуальный жест есть «действующий» символ¹²⁰; в целом это лишь другой способ выразить то же самое, особо подчеркивая при этом, что обряд, как и всякое действие, обязательно совершается во времени¹²¹, тогда как символ как таковой может быть рассмотрен с «вневременной» точки зрения. В этом смысле можно было бы говорить об определенном превосходстве символа над обрядом; но по сути обряд и символ — лишь два аспекта одной и той же реальности; и последняя в конечном счете — не что иное, как соответствие, сопрягающее друг с другом все уровни всеобщей Экзистенции таким образом, что при ее посредстве наше человеческое состояние может быть приведено в связь с высшими состояниями существа.

Глава XVII

МИФЫ, МИСТЕРИИ И СИМВОЛЫ

Вышеизложенные рассуждения естественно подводят нас к рассмотрению другого связанного с ними вопроса,— вопроса об отношениях символа с тем, что называют «мифом»; нам уже случалось говорить о том, что определенное вырождение символики дало начало «мифологии», если взять это слово в его обычном смысле — вполне точном, когда речь идет о так называемой «классической» античности, но, пожалуй, неприменимом вне этого периода греко-римской цивилизации. Впрочем, мы думаем, что было бы уместным повсюду избегать употребления этого термина, которое дает повод к досадным недоразумениям и необоснованным отождествлениям; но если словоупотребление и навязывает такое ограничение, то следует, однако, сказать, что слово «миф» само по себе и в своем первоначальном смысле не содержит ничего, что означало бы такое вырождение, в целом довольно позднее и связанное единственно с большим или меньшим непониманием того, что сохранилось от давней традиции. Следует добавить, что если можно говорить о «мифах» применительно к самой этой традиции — при условии восстановления истинного смысла слова и устранения уничижительного оттенка, придаваемого ему в обыденном языке,— то «мифологии», какой ее понимают наши современники, тогда в любом случае не существовало; ведь последняя есть не что иное, как исследование, предпринятое «извне» и означающее, стало быть, непонимание во второй степени.

Различение, которое порой стремятся провести между «мифами» и «символами», в действительности обосновательно: если для некоторых миф есть повествование, имеющее смысл, отличный от того, который составляющие его слова выражают буквально и непосредственно, то символ в первую очередь является фигуративным изображением определенных идей посредством геометрической схемы или

какого-либо рисунка; символ предстает тогда как графический способ выражения, а миф — как словесный. Согласно нашим предшествующим объяснениям, придавать такое значение символу — значит навязывать ему совершенно неприемлемое ограничение; ведь любой образ, взятый для выражения идеи или какого-то намека на нее, есть тем самым знак, или — что то же самое — символ этой идеи; неважно, идет ли речь о визуальном или ином образе, ибо это не ведет к какому бы то ни было существенному отличию и ничего не меняет в самом принципе символики. Последняя во всех случаях основана на отношениях аналогии или соответствия между идеей, которую надо выразить, и образом — графическим, словесным или иным, посредством которого ее выражают; с этой общей точки зрения сами слова, как мы уже сказали, не могут быть чем-либо иным, кроме как символами. Можно было бы говорить не об идее и образе, как мы это только что делали, а о двух реальностях различного порядка, между которыми существует соответствие, имеющее основание одновременно в той и другой; в этих условиях реальность одного уровня может быть выражена через реальность другого уровня, становящуюся тогда символом первой.

Итак, мы видим, что символика, чей принцип мы напомнили, существует во множестве различных форм; миф является просто ее частным случаем, составляя одну из этих форм; можно было бы сказать, что символ — это род, а миф — один из его видов. Другими словами, символическое повествование можно рассматривать так же и на том же уровне, что и символический рисунок, или как множество других вещей, имеющих тот же характер и играющих ту же роль; мифы являются символическими повествованиями, как и притчи, которые существенно от них не отличаются¹²²; нам представляется, что здесь ничто не может вызвать ни малейших затруднений, коль скоро уяснено общее и фундаментальное понятие символики.

Теперь надлежит уточнить собственное значение самого слова «миф», что может привести нас к ряду важных замечаний, связанных с характером и функцией символики, рассматриваемой в более узком смысле: в этом случае она отличается от обычного языка и в некоторых отношениях даже противостоит ему. Слово «миф» толкуют обычно как синоним «сказания», подразумевая под этим просто какой-

либо вымысел, чаще всего более или менее поэтического характера; таков результат вырождения, о котором мы говорили вначале; греки, из чьего языка заимствован этот термин, и сами, конечно, несут свою долю ответственности за то, что по сути является глубоким изменением и искажением первоначального смысла. В самом деле, у них индивидуальная фантазия достаточно рано начала свободно проявляться во всех видах искусства, которое не оставалось иератическим и символическим, как у древних египтян и у народов Востока, а приняло вскоре совсем другое направление: оно гораздо менее стремилось учить, нежели нравиться, и нашло свое завершение в произведениях, почти лишенных всякого реального и глубокого значения (в них могли сохраниться, пусть это и не осознавалось, разве что элементы, принадлежавшие предшествующей традиции), в которых, во всяком случае, уже не найти более следов той в высшей степени «точной» науки, каковой является настоящая символика; в целом здесь лежит начало того, что можно назвать светским искусством, и оно очевидным образом совпадает с началом столь же светского мышления, обязанного проявлению той же самой индивидуальной фантазии в другой области, известной под именем «философия». Упомянутая фантазия оказала воздействие, в частности, на уже существовавшие мифы; поэты, которые уже не были, как некогда, вещими сказителями и не обладали более «сверхчеловеческим» вдохновением, развивая и видоизменяя мифы по прихоти своей фантазии, расцветчивая их излишними и ненужными украшениями, затемнили и исказили их до такой степени, что зачастую стало весьма трудно обнаружить их смысл и извлечь из него существенные элементы,— разве что, пожалуй, путем сравнения с подобными же символами, находимыми в других местах и не претерпевшими подобной деформации; и в конечном счете можно сказать, что для большинства миф стал не более чем символом, каковым он и остается для современных людей. Но это всего лишь неверное словоупотребление и, можно сказать, чистой воды профанация; следует же принять во внимание, что миф еще до всякой деформации представлял собой в первую очередь символическое повествование, как мы сказали выше, и что в этом и заключался смысл его существования; уже с такой точки зрения «миф» вовсе не является синонимом «сказания»; ведь это последнее слово (по латыни *fabula*, от *fari*—

говорить) этимологически обозначает какой-либо рассказ, никоим образом не определяя особо его направленность или характер; впрочем, здесь также значение «вымысла» возникло лишь впоследствии. Более того, оба термина — «миф» и «сказание», — которые стали принимать за равнозначные, происходят от корней, имеющих в действительности противоположное значение; тогда как корень слова «сказание» означает «говорить», корень слова «миф», сколь ни странным покажется это на первый взгляд, когда речь идет о рассказе, означает, напротив, молчание.

В самом деле, греческое слово *mythos*, «миф», происходит от корня *tu*, а последний (который присутствует в латинском *mutus*, немой) означает «закрытый рот»¹²³ и, следовательно, молчание¹²⁴; таков смысл глагола *muein* — «закрыть рот», «молчать» (и в расширительном понимании он означает также «закрыть глаза» в прямом и переносном смысле); рассмотрение некоторых производных этого глагола особенно поучительно. Так, от *muo* (в инфинитиве *muein*) непосредственно произошли два других глагола, которые лишь немного отличаются от него по форме — *muao* и *mieo*; первый имеет те же значения, что и *muo*; сюда нужно прибавить другое производное — *mullo*, которое означает «сомкнуть уста», а также «бормотать не раскрывая рта»¹²⁵. Что касается *mieo* — и это более важно, — то он означает давать инициацию (в «мистерии», название которых происходит, как мы увидим, от того же корня, и как раз при посредстве *mieo* и *mystes*) и, следовательно, одновременно учить (но учить, прежде всего, без слов, как это в действительности и происходило в мистериях) и посвящать (*consacrer*); скажем даже, в первую очередь посвящать, если понимать под «посвящением», как это, собственно, и должно быть, трансмиссию духовного влияния или обряд, посредством которого оно регулярно передается; и от этого последнего значения произошло позднее в церковном христианском языке другое значение того же самого слова — рукоположение: оно также является «посвящением» в этом смысле, хотя и на ином, отличном от инициатического, уровне.

Но, скажут нам, если слово «миф» имеет такое происхождение, то как случилось, что он стал служить обозначением повествования определенного жанра? Дело в том, что сама идея «молчания» должна быть отнесена здесь к вещам, которые по природе своей невыразимы, по крайней мере

непосредственно и на обычном языке; одна из основных функций символики — намекать на невыразимое, побуждать предчувствовать его или, лучше, «сочувствовать» ему, посредством транспозиций с одного уровня на другой, с низшего на высший, от того, что можно постичь более непосредственно, к тому, что постигается с гораздо большим трудом; и именно таково было первичное назначение мифов. Впрочем, даже в классическую эпоху Платон прибегал еще к мифам, когда хотел изложить концепции, неподвластные его обычным диалектическим средствам; и эти мифы, которые он, конечно, отнюдь не «изобретал», но лишь «приспосабливал», ибо они несут бесспорный отпечаток традиционного учения (как и некоторые приемы, используемые им для интерпретации слов и сопоставимые с *нирукта* индуистской традиции)¹²⁶, — эти мифы, утверждаем мы, отнюдь не являются просто литературными украшениями, которыми можно и пренебречь, как слишком часто полагают комментаторы и современные «критики», считающие гораздо более удобным отбросить их без дальнейшего рассмотрения, нежели дать им хотя бы приблизительное объяснение; совсем напротив, мифы отвечают самому глубокому, что есть в мысли Платона, наиболее свободному от индивидуальных случайностей, — чему-то столь глубинному, что может быть выражено лишь символически; диалектика зачастую носит у него оттенок «игры», что весьма согласно с греческой ментальностью, но когда он оставляет ее ради мифа, то можно быть уверенным, что игра кончилась и речь пойдет о вещах «сакрального» характера.

В мифе говорится нечто иное, нежели то, что хотят сказать; мы можем заметить мимоходом, что этимологически такое же значение имеет слово «аллегория» (от *alio agoreuein*, буквально «говорить нечто иное»), которое дает нам другой пример искажений смысла в обычном словоупотреблении; в наши дни оно обозначает фактически только условный и «литературный» образ чисто морального и психологического свойства, который чаще всего входит в разряд так называемых «персонифицированных абстракций»; едва ли надо говорить, как далеко это отстоит от истинной символики. Но вернемся к мифу: хотя он не говорит того, что намерен сказать, но внушает это посредством аналогического соответствия, представляющего собой основу и самую суть любой символики; таким образом, можно сказать, что он

говорит, сохраняя молчание; отсюда миф и получил свое название¹²⁷.

Нам остается привлечь внимание к родству слов «миф» и «мистерия», происходящих от одного и того же корня: греческое слово *mysterion*, «мистерия», тайна, непосредственно связано с идеей «молчания»; его можно интерпретировать во многих различных смыслах, родственных друг другу, из которых каждый с определенной точки зрения имеет свое основание. Прежде всего, отметим, что согласно деривации, указанной ранее (от *mueo*), основной смысл этого слова связан с инициацией, и именно так в действительности и следует понимать то, что именовалось «мистериями» в греческой античности. С другой стороны (и это показывает поистине удивительную судьбу некоторых слов), есть еще термин, близко родственный только что упомянутому,— это «мистика», слово, этимологически приложимое ко всему, что касается мистерий: в самом деле, *mysticos* — это прилагательное от *mystes*, посвященный; следовательно, оно изначально равнозначно слову «инициатический» и обозначает все то, что относится к инициации, ее учению и даже предмету (но в этом старинном смысле оно неприменимо к личностям); так вот, для наших современников слово «мистика», единственное среди всех этих терминов общего происхождения, стало обозначать исключительно нечто не имеющее абсолютно никакой связи с инициацией, и даже в ряде отношений противоположное ей.

Вернемся теперь к различным смыслам слова «мистерия»: в самом непосредственном смысле — мы охотно сказали бы, в самом грубом или по меньшей мере поверхностном,— мистерия — это то, о чем не должно говорить, о чем следует хранить молчание, что запрещено сообщать вовне; вот что обычно подразумевают под нею, даже когда речь идет об античных мистериях; и в общепринятом значении, сложившемся впоследствии, слово это сохранило только такой смысл. Однако запрет на обнародование обрядов и учений должен в действительности — при учете обстоятельств, которые могут порой играть свою роль, но чисто случайную,— рассматриваться как имеющий прежде всего символическое значение; мы уже давали объяснение по этому вопросу, говоря об истинной природе инициатической тайны. То, что называют «дисциплиной тайны»,— писали мы,— строго соблюдавшейся и в первоначальной хри-

стианской Церкви, и в древних мистериях (и религиозные противники эзотеризма должны хорошо об этом помнить), следует понимать отнюдь не просто как меру предосторожности против вражды,— впрочем, весьма реальной и зачастую опасной, происходящей от непонимания, свойственного профанному миру; мы усматриваем здесь причины гораздо более глубокого порядка, на которые указывают другие значения, содержащиеся в слове «мистерия». Мы можем добавить, что сильное сходство между словами «сакральный» (*sacratum*) и «тайный» (*secretum*) связано отнюдь не с простым совпадением: речь в обоих случаях речь идет о том, что отложено в сторону (*secernere*, отложить в сторону, откуда причастие *secretum*)_f скрыто, отделено от мирского; точно так же священное место называется *templum*, с корнем *tern* (его мы видим и в греческом *temno* — «отрезать», «отделять», откуда *temenos* — «священная ограда»); это слово выражает ту же идею; и «созерцание» (*contemplation*), происходящее от того же корня, связано с этой идеей по своему строго «внутреннему» характеру¹²⁸.

Согласно другому смыслу слова «мистерия», уже менее поверхностному, оно обозначает то, что следует принимать в молчании¹²⁹, то, о чем не следует спорить; с этой точки зрения все традиционные доктрины, включая религиозные догматы, составляющие их частный случай, могут быть названы мистериями (тогда это слово относится и к иным областям, помимо инициатической, где также осуществляется «нечеловеческое» влияние), поскольку это истины, которые в силу своей наиндивидуальной и сверхрациональной природы находятся превыше всякого обсуждения¹³⁰. Итак, можно сказать, связывая этот смысл с первым, что бездумно распространять среди профанов так понимаемые мистерии — значит неизбежно подвергать их обсуждению, являющему собой метод по преимуществу профанный, со всеми несообразностями, которые из этого следуют и которые исчерпывающим образом передает само слово «профанация», употреблявшееся нами ранее и взятое здесь в его самом буквальном и одновременно полном значении; разрушительная работа современной «критики» по отношению к любой традиции являет красноречивый пример того, что мы имеем в виду, и едва ли нужно что-либо к этому добавлять¹³¹.

Наконец, существует третий смысл, самый глубокий из всех, согласно которому мистерия невыразима и ее можно

лишь созерцать в молчании (здесь уместно вспомнить только что сказанное нами о происхождении слова «созерцание»); и, подобно тому как невыразимое есть одновременно и тем самым несообщаемое, запрет на обнародование священного учения символизирует с этой новой точки зрения невозможность выразить словами настоящую тайну; учение является только ее одеянием, манифестируя и вместе скрывая ее¹³². Учение, затрагивающее невыразимое, может лишь указывать на него с помощью соответствующих образов, которые будут служить только опорой созерцания; согласно тому, что мы объяснили, это означает, что такое учение неизбежно принимает символическую форму. Такова всегда была у всех народов одна из основных черт посвящения в мистерии, каким бы именем они ни назывались; поэтому можно сказать, что символы, и в частности мифы — когда это учение выражалось в словах,— поистине представляют собой, согласно их первоначальному назначению, сам язык этой инициации.

СИМВОЛИКА И ФИЛОСОФИЯ

Итак, символика, как мы только что объяснили, свойственна в первую очередь всему, что носит традиционный характер; в то же время она составляет одну из черт, благодаря которым традиционные доктрины в их совокупности (ибо это относится к обеим областям — эзотерической и экзотерической) с первого взгляда можно отличить от светской мысли; символика чужда ей совершенно — уже тем самым, что выражает нечто «нечеловеческое», что, с ее точки зрения, никоим образом не могло бы существовать. Однако философы, которые являются по преимуществу, так сказать, представителями этой светской мысли, но тем не менее пытаются заниматься самыми различными вещами, считая себя компетентными во всех вопросах, порой обращаются и к символике. Тогда им случается выдвигать весьма странные идеи и теории; так, некоторые желают создать «психологию символики», что связано с типично современным заблуждением, которое можно было бы назвать «психологизмом», представляющим собой частный случай тенденции сводить все исключительно к человеческим элементам. Другие, однако, признают, что символика не относится к ведению философии; но они стараются придать этому утверждению явно отрицательное значение, как если бы символика в их глазах была чем-то низшим, тем, чем можно пренебречь. Возникает вопрос: смотря на вещи подобным образом, не смешивают ли символику с псевдосимволикой некоторых литераторов, принимая за истинное значение слова то, что свидетельствует о его извращенном употреблении. В самом деле, если символика, как говорят, есть «форма мысли» (это в известном смысле верно, но несколько не мешает тому, чтобы она была также, и прежде всего, чем-то иным), то философия — это другая «форма мысли», коренным образом отличная от первой и даже противоположная ей в ряде отношений. Можно пойти далее: форма мышле-

ния, представляемая философией, соответствует весьма узкоспециальной точке зрения; даже в самых благоприятных случаях она была бы значимой лишь в очень ограниченной области; и, пожалуй, самый большой ее недостаток (свойственный, впрочем, светской мысли как таковой) состоит в том, что она не знает или не желает признавать своих пределов; символика же, как можно уяснить себе из наших объяснений, имеет совсем другое значение. Даже если видеть в философии и символике просто две формы мышления (что означает, собственно говоря, смешивать употребление символики с самой ее сущностью), все равно было бы серьезной ошибкой ставить их на одну доску. Пусть философы придерживаются другого мнения — это ничего не доказывает; чтобы расставить вещи по своим местам, надо прежде всего рассматривать их беспристрастно, на что философы неспособны; мы же, со своей стороны, убеждены, что они, будучи философами, никогда не сумеют проникнуть в глубокий смысл какого бы то ни было символа, ибо есть в этом нечто, полностью лежащее вне их образа мышления и неизбежно превосходящее их понимание.

Те, кому уже известно, что мы неоднократно говорили о философии ранее, не будут удивлены тем, что мы придаем ей весьма мало значения; впрочем, даже не углубляясь в суть вещей, достаточно будет — для уяснения того, что ее положение может быть только второстепенным, — вспомнить, что любой способ выражения обязательно носит символический характер (в самом общем смысле этого термина) по отношению к тому, что он выражает. Философы не могут не пользоваться словами, а слова — как мы говорили выше — суть не что иное, как символы, и ничем иным быть не могут; следовательно, в известном смысле, философия — пусть и бессознательно — возвращается в область символики ^ не наоборот.

Однако в другом отношении существует оппозиция между философией и символикой, если понимать последнюю в более ограниченном смысле, обычно придаваемом ей, — именно его мы придерживаемся, рассматривая символику как характерную особенность традиционных доктрин; эта оппозиция состоит в том, что философия, как и все, что выражается в обычных языковых формах, по сути аналитична, тогда как символика по преимуществу синтетична. Форма языка, по определению, «дискурсивная, как и человеческий

рассудок, чьим орудием она является и чье действие воспроизводит со всей возможной точностью. Напротив, символика как таковая поистине «интуитивна»; и вполне естественно, что в силу этого она несравнимо более пригодна, нежели язык, к тому, чтобы служить точкой опоры для интеллектуальной и сверхрациональной интуиции; вот почему она представляет собой преимущественный способ выражения всего инициатического учения. Что касается философии, то она являет собой, скажем так, тип дискурсивной мысли (это, разумеется, не означает, что всякая дискурсивная мысль носит специфически философский характер), и это накладывает на нее ограничения, от которых она не в силах избавиться; напротив, символика, как опора трансцендентной интуиции, открывает поистине безграничные возможности.

Философия, в силу ее дискурсивного характера,— вещь исключительно рациональная: ведь дискурсивность — это характерная черта разума как такового; область философии и ее возможности не могут, следовательно, простирается за пределы того, чего способен достичь разум; и разве она не представляет собой лишь определенный, достаточно специфический метод использования этой способности, так как из самого факта существования различных наук следует, что в сфере рационального знания есть много вещей, не относящихся к философии. Впрочем, речь не идет об оспаривании ценности разума в его собственной области, коль скоро он не пытается выходить за ее пределы¹³³; но эта ценность относительна, как и сама эта область; впрочем, разве слово «рацио» первоначально не означало «отношение»? В известных пределах мы даже не оспариваем легитимность диалектики, хотя философы слишком ею злоупотребляют; но во всяком случае диалектика — это лишь средство, а не цель сама по себе, и, сверх того, средство, применимое не ко всему без различия; но чтобы уяснить это, надо выйти за рамки диалектики — а этого нельзя сделать, оставаясь философом.

Даже если допустить, что философия заходит столь далеко, сколь это возможно для нее теоретически,— скажем, до пределов области разума,— это, по правде, еще очень мало; ведь, согласно евангельскому выражению, «одно только нужно»; и оно-то всегда остается для нее недоступно, поскольку находится над и за пределами всякого рациональ-

ного знания. Что под силу философу с его дискурсивными методами перед лицом невыразимого, которое — как мы объясняли выше — есть тайна, в самом истинном и глубоком смысле этого слова? Напротив, основная функция символики, повторим еще раз,— дать почувствовать это невыразимое, обеспечить опору, которая позволит интеллектуальной интуиции действительно достичь его; кто из осознавших это осмелится бы отрицать огромное преимущество символики и усомниться в том, что ее значение неизмеримо превосходит значение любой возможной философии? Сколь бы совершенной и превосходной в своем роде ни была философия (а допуская это, мы имеем в виду не современную философию), это всего лишь «солома», по выражению святого Фомы Аквинского, который, однако, следует признать, не умалял сверх меры значение философской мысли, но во всяком случае сознавал ее пределы.

Отметим еще одно: рассматривая символику как «форму мысли», ее берут лишь в чисто человеческом плане — единственном, в котором возможно сравнение с философией; так и должно быть, поскольку это способ выражения, доступный человеку; но в действительности он далеко не достаточен и, отнюдь не затрагивая сущности вопроса, представляет лишь его внешнюю сторону. Мы неоднократно подчеркивали «нечеловеческий» аспект символики и не будем к этому возвращаться; в целом достаточно констатировать, что он укоренен в самой природе существ и вещей, пребывая в совершенном согласии с законами этой природы; следует также вникнуть в то, что естественные законы сами суть лишь выражение и, так сказать, экстерниоризация Божественной или Провиденциальной Воли. Истинное основание символики — это соответствие между всеми уровнями реальности, связывающее их друг с другом и простирающееся, стало быть, от естественного до сверхъестественного. В силу этого соответствия вся природа являет собой не что иное, как символ; иначе говоря, она обретает свое истинное значение, лишь если рассматривать ее как опору, позволяющую нам подняться к знанию сверхъестественных или «метафизических» истин, в собственном и этимологическом смысле слова. В этом и состоит основная функция символики, и в этом же заключен глубокий смысл существования всей традиционной науки¹³⁴. Поэтому в символике есть нечто, восходящее своими корнями выше и дальше че-

ловчества; ее истоки лежат в самом деянии Божественного Слова; прежде всего, их следует видеть в универсальном проявлении, а затем, применительно к человечеству, — в изначальной Традиции, которая также является «Откровением» Слова; эта Традиция, производными формами которой служат все остальные, воплощается, так сказать, в символы, которые передаются через столетия; им нельзя приписать никакого «исторического» происхождения, и процесс этого символического воплощения аналогичен, на своем уровне, процессу проявления¹³⁵. Такова трансцендентная ценность символики; какие же права может отстаивать философия? Происхождение символики теряется в начале времен — если, в определенном смысле, не пребывает вне времени, поскольку последнее — это лишь особый способ проявления¹³⁶; ни один истинно традиционный символ не относится к области человеческого изобретения, ни об одном нельзя сказать, что он придуман тем или иным индивидом; и разве это не дает повод к размышлению тем, кто на это способен? Всякая философия, напротив, восходит к определенной эпохе, в целом сравнительно недавней, даже если речь идет о «классической» античности, древность которой относительна (и это к тому же доказывает, что даже на человеческом уровне данная форма мышления не содержит ничего сущностного¹³⁷); она создана человеком, чье имя и время жизни достаточно хорошо известны; само это имя обычно служит для ее обозначения, и это со всей очевидностью показывает, что здесь мы имеем дело только с человеческим и индивидуальным, и ни с чем иным. Вот почему мы утверждаем, что какое-либо сравнение между философией и символикой можно проводить лишь при условии ограничения последней исключительно человеческой сферой; ведь для всего остального нельзя найти на уровне философии ни эквивалентов, ни соответствий какого-либо рода.

Итак, философия, если угодно, — «человеческая мудрость» или одна из ее форм, но отнюдь не более того; ведь она представляет собой вполне рационалистическую спекуляцию, а разум — это чисто человеческая способность, определяющая индивидуальную человеческую природу как таковую. «Человеческая мудрость» — то же, что «светская», или «мирская», мудрость, в том смысле, в каком «мир» понимается в Евангелии¹³⁸; мы могли бы в том же смысле сказать «профанная мудрость»; все эти выражения по существу

синонимичны и ясно показывают, что речь идет не об истинной мудрости, а лишь о тени ее, зачастую даже «перевернутой»¹³⁹. Впрочем, большинство философий — это даже не тень мудрости, пусть и искаженной; они представляют собой — особенно когда речь идет о современной философии, откуда полностью исчезли малейшие остатки древних традиционных знаний,— построения, полностью лишённые всякой прочной основы, собрание более или менее фантастических гипотез и простых индивидуальных мнений, лишённых авторитета и реального значения.

Мы можем в заключение резюмировать суть нашей мысли в нескольких словах: философия есть только «светское знание» и не может претендовать ни на что большее, в то время как символика в ее истинном смысле составляет, прежде всего, часть «священной науки», которая поистине не могла бы существовать или быть передана вовне без этого свойственного ей способа выражения. Мы хорошо знаем, что многие наши современники, даже большинство из них, к сожалению, неспособны провести надлежащим образом различие между этими двумя уровнями знания (если светское знание заслуживает этого имени); но мы, разумеется, адресуемся не к ним; и как уже неоднократно заявлялось, мы, со своей стороны, намерены заниматься единственно «священной наукой».

Глава XIX

ОБРЯДЫ И ЦЕРЕМОНИИ

Мы осветили, как смогли, главные вопросы, относящиеся к подлинной природе символики, и теперь обратимся к обрядам; нам предстоит рассеять несколько досадных недоразумений по этому поводу. В нашу эпоху стали возможны самые невероятные утверждения; причем и те, кто их высказывает, и те, кто их слушает, страдают от одного и того же — недостатка способности к различению; наблюдатель различных проявлений современной ментальности вынужден ежеминутно констатировать столько случаев этого рода, на всех уровнях и во всех областях, что он уже ничему не удивляется. Однако, несмотря ни на что, довольно трудно не выказать изумления при виде так называемых «духовных наставников» (иные даже полагают, что они облечены более или менее исключительной «миссией»), которые из «отвращения к церемониям» отвергают без разбора все обряды, заявляя даже о решительной враждебности к ним. Это отвращение — вещь сама по себе вполне допустимая, если угодно — правомерная, при условии, что оно в значительной степени связано с индивидуальными предпочтениями и не навязывается принудительно; во всяком случае, мы понимаем это без малейших затруднений, хотя, конечно, никогда не предполагали, что некоторые обряды можно отождествить с церемониями или что обряды в целом можно считать таковыми. В этом-то и состоит путаница, действительно странная у тех, кто имеет более или менее явную претензию служить другим «проводниками» в области, где обряды как раз и играют основную роль величайшей важности — как необходимые «носители» «духовных ^влияний», без которых речь может идти не о каком-либо действительном контакте с реальностями высшего порядка, но лишь о смутных и непоследовательных устремлениях, о туманном «идеализме» и о пустых спекуляциях.

Мы не станем задерживаться на исследовании происхождения самого слова «церемония»; оно довольно неясно, и лингвисты далеки от согласия по этому предмету¹⁴⁰; разумеется, мы берем его в том смысле, который устойчиво присущ ему в нынешнем словоупотреблении и достаточно общезвестен, чтобы не останавливаться на этом долее; в целом речь идет о мероприятии, происходящем с большей или меньшей торжественностью и внешней помпезностью, каковы бы ни были обстоятельства, служащие этому поводом или предлогом в каждом отдельном случае. Разумеется, может быть — и зачастую на деле бывает, особенно на экзотерическом уровне,— что и обряды совершаются с такой пышностью; но тоша церемония просто представляет собой некое добавление к самому обряду, следовательно, нечто случайное, а не существенное по отношению к нему; в свое время мы вернемся к этому моменту. Не менее очевидно, с другой стороны, что существует — и в нашу эпоху более, чем когда-либо,— множество церемоний чисто «светского» характера, отнюдь не связанных с совершением какого-либо обряда; если их и величают обрядами, то лишь в силу того поразительного неверного словоупотребления, которое мы столь часто разоблачали; все это объясняется, по сути дела, намерением учредить «псевдообряды», чье назначение — заменить собой истинные религиозные обряды; естественно, они могут имитировать последние только внешним образом, с их «церемониальной» стороны. Сам обряд, которому церемония служит своего рода простым «покровом», при этом полностью отсутствует; ведь не бывает профанного обряда, это и впрямь было бы противоречием в терминах. Можно было бы задаться вопросом — рассчитывают ли вдохновители этих грубых уловок на повсеместное невежество и непонимание как на содействие в принятии подобной подмены, или сами в известной мере разделяют их. Мы не пытаемся решить последний вопрос, а только напоминаем тем, кого удивила бы его постановка, что какое бы то ни было постижение духовных реальностей полностью закрыто для «контринициации»¹⁴¹; в настоящий момент для нас важен сам факт существования церемоний без обряда, а также обрядов без церемоний, и это в достаточной мере показывает, насколько ошибочно стремление установить между ними какое-либо тождество или подобие.

Мы часто говорили, что в строго традиционной цивилизации все носит поистине ритуальный характер, в том числе действия повседневной жизни; надо ли из этого делать вывод, что люди должны здесь жить, так сказать, в условиях постоянной церемонии? Это невообразимо в буквальном смысле, и достаточно поставить вопрос таким образом, чтобы сразу же выявилась его нелепость; скорее, следовало бы сказать, что истинно предположение, противоположное этому; ибо если обряды стали бы тогда делом совершенно естественным и отнюдь не носили исключительного характера,— каковой они, очевидно, приобретают, когда сознание традиции ослабевает и по мере этого ослабления возникает и распространяется «светская» точка зрения,— то какие-либо церемонии, сопровождающие эти обряды и подчеркивающие их исключительный характер, в подобном случае наверняка не имели бы причин для существования. Если подняться к истокам, то обряд есть не что иное, как «то, что соответствует порядку», согласно значению санскритского термина *pūṇa*^{H2} следовательно, он один реально отвечает норме, тогда как церемония, напротив, всегда и неизбежно производит впечатление чего-то более или менее аномального, вне обычного и регулярного хода событий, заполняющих остальное время существования. Это впечатление, заметим мимоходом, могло бы, пожалуй, отчасти способствовать объяснению того странного обстоятельства, что современные обитатели Запада, не умеющие отделить религию от церемоний, рассматривают ее как нечто совершенно изолированное, не имеющее никаких реальных отношений с совокупностью других видов деятельности, которым они «посвящают» свою жизнь.

Всякая церемония носит искусственный, даже, скажем так, условный характер, поскольку, в конечном счете, это изобретение человеческое; даже если она предназначена сопровождать обряд, эта ее особенность противостоит характеру самого обряда, который, напротив, содержит прежде всего «нечеловеческий» элемент. Если участник ритуала достиг определенной степени реального знания, он не только может, но и должен осознавать, что есть в этом нечто его превосходящее и никоим образом не зависящее от его индивидуальной инициативы; но что касается церемоний — если они и могут произвести впечатление на присутствующих, чья роль сведена скорее к роли простых зрителей, не-

жели «участников»,— то очевидно, что те, кто их организует и руководит ими, вполне отдают себе отчет в том, что эффективность, какой можно от них ожидать, полностью зависит от отданных ими самими распоряжений и более или менее удовлетворительного их исполнения. В самом деле, эта эффективность — потому уже, что несет в себе только человеческое начало,— не может быть по-настоящему глубокого порядка и в целом является чисто «психологической»; вот почему можно сказать, что здесь имеется стремление произвести впечатление на присутствующих или внушить (*imposer*) его им всеми возможными средствами; и разве в обыденном языке одна из самых больших похвал, которые можно высказать в адрес церемонии, не состоит в том, что ее называют «импозантной»,— впрочем, не вникая, как правило, в подлинный смысл этого определения? Отметим также, что те, кто признает за обрядами только чисто «психологические» эффекты, смешивают их, таким образом (похоже, не замечая этого), с церемониями. Это происходит вследствие непонимания «нечеловеческого» характера обряда, в силу которого его реальный эффект, независимо от всяких привходящих моментов, напротив, совершенно отличен от воздействия церемонии. Теперь можно было бы поставить следующий вопрос: отчего церемонии связывают с обрядами, как если бы «нечеловеческое» нуждалось в этой человеческой помощи, тогда как ему, скорее, следовало бы оставаться совершенно свободным от подобных случайностей? Правду говоря, это попросту обусловлено необходимостью учитывать фактические условия земного человечества, по крайней мере в тот или иной период его существования; речь идет об уступке некоему состоянию духовной слабости у людей, призванных участвовать в обрядах; сами люди, а не обряды нуждаются в помощи церемоний. Дело отнюдь не в том, чтобы укрепить или усилить воздействие обрядов в их собственной области, но единственно в том, чтобы сделать их более доступными индивидам, к которым они обращены, подготовить к этому последних, приведя их, насколько возможно, в соответствующее эмоциональное и ментальное состояние; вот и все, что могут дать церемонии, и надо признать, что они далеко не бесполезны в этом отношении и что для большинства людей они и впрямь хорошо выполняют эту функцию. Поэтому они обретают истинный смысл существования в эк-

зотерической сфере, обращенной ко всем без различия; если бы речь шла об области эзотерической или инициатической, все обстояло бы иначе, ибо последняя предназначена для элиты, которая, по самому определению, не нуждается в этих внешних подпорах; ведь ее качества как раз означают, что ей неведомо состояние духовного упадка, свойственное большинству; поэтому введение церемоний на этом уровне, если оно порой и происходит, может объясняться только известным вырождением инициатических организаций, где случаются подобные вещи.

Сказанное нами свидетельствует о правомерности церемоний; но, наряду с этим, в них присутствует также возможность злоупотреблений и опасность: ведь все чисто внешнее является также, силою вещей, непосредственно видимым, и потому всегда приходится опасаться, чтобы случайное не заслонило существенное и чтобы церемонии не приобрели в глазах тех, кто является их свидетелями, гораздо большее значение, нежели обряды, которые они в известном смысле скрывают под скоплениями вторичных форм. Может также случиться (и это еще более важно), что в такое заблуждение впадут и авторитетные представители традиции, наделенные функцией совершения обрядов,— если сами они поражены той всеобщей слабостью духа, о которой мы говорили; отсюда следует, что, поскольку истинное понимание исчезло, все сводится к избыточному и неразумному формализму, который постарается сохранить блеск церемоний, усилив его сверх меры и оставив в небрежении обряд, хотя последний и есть то, с чем по-настоящему следует считаться. Для традиционной формы это — разновидность вырождения, близкая к предрассудку (если взять это слово в его этимологическом смысле), поскольку почитание форм возобладало над их пониманием и «буква» полностью задушила «дух»; «церемониализм» — отнюдь не соблюдение обряда, это скорее забвение его глубокой ценности и реального значения, более или менее грубая материализация самой концепции его природы и роли и, наконец, непризнание его «нечеловеческого» происхождения.

Глава XX

О ЦЕРЕМОНИАЛЬНОЙ МАГИИ

В дополнение к сказанному выше о церемониях и их основных отличиях от обрядов мы рассмотрим еще особый случай, который намеренно оставили в стороне,— «магические церемонии»; и хотя он явно не относится к главному предмету нашего исследования, мы полагаем небесполезным рассмотреть его более детально; ведь магия, как мы уже сказали, дает повод к значительной массе недоразумений касательно инициации, создаваемых и поддерживаемых толпой псевдоиницированных всякого рода; впрочем, в остальном термин «магия» беспрестанно и невпопад применяется сегодня к самым различным вещам, и порой без малейшей связи с тем, что он реально обозначает. Все, что кажется более или менее странным, что выходит за рамки обычного (или того, что принято считать таковым), многие считают «магическим»; мы уже отметили, что кое-кто применяет этот эпитет к воздействию самих обрядов — чаще всего, впрочем, с намерением отрицать реальность оногo; и по правде сказать, в обыденном языке само это слово уже не имеет иного смысла. Для других «магия» приобретает скорее «литературный» оттенок,— так, образно говорят о «магии стиля»; и в особенности этот «магический» характер стремятся приписывать поэзии (по крайней мере поэзии известного рода, если не всей без различия). В последнем случае смешение, пожалуй, менее грубо, но его тем более важно рассеять; верно, что поэзия в своих истоках и до того, как она выродилась в простую «литературу» и в выражение чисто индивидуальной фантазии, представляла собой нечто совсем иное; она была непосредственно связана с понятием «мантра»¹⁴³; тогда реально могла существовать магическая поэзия, равно как и поэзия, призванная производить воздействие гораздо более высокого порядка¹⁴⁴; но, напротив, коль скоро имеется в виду светская поэзия (а только ее и имеют в виду наши современники; ведь даже когда они

сталкиваются порой с другой поэзией, они не умеют ее отличить и полагают, что все еще имеют дело с «литературой»), то не может быть и речи о чем-либо подобном, не более — что бы ни говорили (и это — еще одно неверное словоупотребление), чем о «вдохновении» в единственно истинном смысле этого слова, т. е. в смысле собственно «сверхчеловеческом». Мы не оспариваем, разумеется, того, что светская поэзия, как, впрочем, любое выражение каких-либо идей или чувств, может производить психологические эффекты; однако это совершенно другой вопрос, не имеющий абсолютно ничего общего с магией; но этот момент следует запомнить, так как, пожалуй, именно он служит источником путаницы, являясь в таком случае просто коррелятом другой ошибки,— ошибки, затрагивающей природу самой магии и часто совершаемой современными людьми; мы вернемся к ней позднее. Напомним, что магия является, собственно, «физической» наукой в этимологическом смысле этого слова, ибо речь идет о законах воспроизводства определенных феноменов (впрочем, как мы уже указали, именно «феноменальный» характер магии интересует кое-кого на современном Западе, поскольку он удовлетворяет их склонность к «эксперименту»); важно только уточнить, что силы, действующие здесь, принадлежат тонкой, а не телесной сфере и именно поэтому было бы абсолютно неверно отождествлять эту науку с «физикой», взятой в том ограниченном смысле, в каком ее понимают сегодня; эту ошибку, впрочем, и в самом деле порой совершали, полагая возможным свести магические феномены к электричеству или каким-либо «излучениям» того же рода. Итак, если магия носит научный характер, уместен вопрос: возможно ли, чтобы речь шла о «магических обрядах»,— и следует признать, что это должно быть довольно затруднительно для современных людей с их представлением о науке; при виде обрядов они думают, что речь идет о чем-то совсем ином, и почти всегда стремятся в большей или меньшей мере отождествить это с религией; но, уточним сразу же, магические обряды по своей направленности не имеют ничего общего ни с обрядами религиозными, ни (мы сказали бы — тем более) с обрядами инициатическими, как того хотели бы, с другой стороны, приверженцы некоторых псевдоинициатических концепций, имеющих хождение в нашу эпоху; и все же,

пусть и совершенно вне этих категорий, магические обряды действительно существуют.

Это объясняется, по сути, весьма просто: магия, как мы только что сказали, является наукой, но наукой традиционной; а всему традиционному — идет ли речь о науках, искусстве или ремесле — всегда свойственно то, что при правильном понимании (по крайней мере, если не ограничиваться чисто теоретическими исследованиями) нужно рассматривать как составную часть настоящего обряда; это неудивительно, ибо всякое действие, совершаемое согласно традиционным правилам, к какой бы области оно ни относилось, реально является, как мы уже отмечали, ритуальным действием. Естественно, в каждом случае эти обряды различны, поскольку их «техника» непременно соответствует той особой цели, к которой они предназначены; вот почему надо тщательно избегать всякого смешения и всякого ложного уподобления, о которых мы только что упомянули, — в том, что касается и самих обрядов, и различных областей, к которым они принадлежат, поскольку это вещи взаимосвязанные. Таким образом, магические обряды суть лишь разновидность среди многих других — и они относятся к тому же роду, что и медицинские обряды, которые, вероятно, кажутся современным людям вещью экстраординарной и даже совершенно непонятной, но существование которых в традиционных цивилизациях является тем не менее неоспоримым фактом.

Следует также напомнить, что среди традиционных наук магия — одна из тех, что принадлежат самому низшему уровню, ибо, разумеется, здесь все существует в строго иерархическом порядке согласно своей природе и собственной области; не потому ли она, пожалуй, более, чем другие, подвержена искажениям и вырождению¹⁴⁵.

Порой она развивается несоразмерно своему реальному значению — вплоть до того, что заслоняет собой знания более высокие и достойные интереса; некоторые древние цивилизации погибли вследствие нашествия магии, подобно тому как современная цивилизация рискует погибнуть из-за наступления светской науки, представляющей, впрочем, искажение еще более серьезное, — ведь магия, несмотря ни на что, все еще есть традиционное знание. Порой она, так сказать, переживает себя самое, существуя в виде более или менее бесформенных и непонятных пережитков, способ-

ных еще дать кое-какие реальные результаты, и тогда она может скатиться до уровня примитивного колдовства (это самый общий и распространенный случай) или выродиться каким-либо другим образом. До сих пор мы не говорили о церемониях, но как раз сейчас подходим к этому, ибо они представляют собой особый признак одной из таких форм вырождения магии — отчего последняя даже получила наименование «церемониальной магии».

Оккультисты наверняка не склонны были бы допустить, что «церемониальная магия» — единственная, которую они знают и пытаются практиковать, — есть лишь выродившаяся магия, но, однако, это так; и отнюдь не желая отождествить ее с колдовством, мы даже могли бы сказать, что она выродилась еще более, нежели последнее, хотя и иным образом. Объясним сказанное более четко: колдун совершает некоторые обряды и произносит определенные формулы, как правило, не понимая их смысла и удовлетворяясь повторением — сколь возможно точным — того, чему его научили те, кто их ему передал (это чрезвычайно важный момент, коль скоро речь идет о том, что носит традиционный характер, как легко можно понять из того, что мы объяснили ранее). Эти обряды и формулы, которые чаще всего представляют собой более или менее искаженные остатки вещей очень древних и не сопровождаются, конечно, никакой церемонией, тем не менее в ряде случаев обладают известной эффективностью (мы не проводим здесь никакого различия между благими или злыми намерениями, которые могут предшествовать их применению, поскольку речь идет единственно о реальности достигнутого эффекта). Напротив, оккультист, практикующий «церемониальную магию», как правило, не добивается никакого серьезного результата, сколь бы тщательно он ни исполнял массу кропотливых и сложных предписаний, которые, впрочем, он выучил по книгам, а не благодаря какой-либо трансмиссии; возможно, ему порой случается иметь иллюзии, но это совсем другое дело; и можно было бы сказать, что между практикой колдуна и его собственной существует такое же различие, как между чем-то ослабленным, но живым, и мертвым.

Эта неудача «магиста» (именно этим словом преимущественно пользуются оккультисты, считая его, возможно, более почтенным и менее вульгарным, нежели слово «маг») имеет двойную причину: с одной стороны, насколько в по-

добных случаях может еще идти речь об обрядах, он их скорее имитирует, нежели действительно совершает, поскольку ему недостает трансмиссии, необходимой, чтобы их «оживить», которую отнюдь не заменяет простое намерение; с другой стороны, эти обряды буквально удушаются пустым «формализмом» церемоний; «магист», неспособный отличить существенное от случайного (книжки, к которым он обращается, вовсе не оказывают ему помощи, ибо там все, как правило, безнадежно перепутано — в одних случаях умышленно, в других — невольно), естественно, уделит особое внимание внешней стороне, которая более поражает и впечатляет; и в целом именно это оправдывает само название «церемониальная магия». Наделе большинство тех, кто полагает, что таким образом «занимается магией», в действительности занимается попросту самовнушением; и забавнее всего, что церемониям удается производить это воздействие не только на зрителей, если они имеются, но и на тех, кто их совершает; последние же, если они искренни (нас занимает лишь этот случай, а не тот, когда в ход пускается шарлатанство), то похожи на детей, обманутых собственной игрой. «Магисты» достигают и могут достигнуть лишь эффектов чисто психологического порядка, т. е. той же природы, что и производимые церемониями в целом; эти эффекты, в конечном счете, и составляют весь смысл существования церемоний. Но даже если «магисты» достаточно осознали происходящее в них и вокруг них, дабы уяснить, что все сводится именно к этому, им и в голову не может прийти, что так происходит из-за их неспособности и невежества. Тогда они начинают изощряться в построении теорий в соответствии с самыми современными концепциями, и волей-неволей сближаются с подходом «официальной науки», объясняя, что магия и ее эффекты полностью относятся к психологической области; подобным образом часто объясняют и обряды в целом. Беда в том, что то, о чем они говорят,— вовсе не магия, с позиций которой подобные эффекты ничтожны; смешивая обряды с церемониями, они принимают за реальность то, что является лишь карикатурой или пародией на нее; и если сами «магисты» поступают так, стоит ли удивляться, что подобная путаница имеет хождение среди «широкой публики»?

Этих замечаний достаточно, чтобы, с одной стороны, связать магические церемонии с тем, что мы говорили вна-

чале о церемониях в целом, а с другой стороны — показать, где коренятся некоторые из основных современных заблуждений по поводу магии. Правда, «заниматься магией», пусть и наиболее аутентичным способом,— не то дело, которое кажется нам достойным само по себе; но мы должны признать, что это наука, чьи результаты, что бы ни думать об их ценности, так же реальны на своем уровне, как и результаты любой науки, и не имеют ничего общего с «психологическими» иллюзиями и грезами. По крайней мере, надо уметь определять подлинную природу вещей и отводить каждой надлежащее ей место, но именно это, оказывается, неспособны сделать большинство наших современников; поэтому то, что мы уже назвали «психологизмом», т. е. тенденция все сводить к психологическим интерпретациям, весьма четкий пример которых мы здесь имеем, не является чем-то из ряда вон выходящим среди характерных проявлений их ментальности; по существу, это одна из новейших форм, в которые облекается «гуманизм» — общая тенденция современного духа, пытающегося все свести к чисто человеческим элементам.

Глава XXI

ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ ПСИХИЧЕСКИЕ «СИЛЫ»

Чтобы покончить с магией и тому подобными вещами, мы должны также обратиться к другому вопросу — о так называемых психических «силах»; последний, в свою очередь, приводит нас прямо к тому, что касается инициации или, скорее, заблуждений на ее счет,— ведь, как мы сказали вначале, ей приписывается цель «развития скрытых психических сил» в человеке. Это, по сути, есть не что иное, как способность производить «феномены», более или менее экстраординарные; и фактически большинство псевдоэзотерических или псевдоинициатических школ современного Запада не предлагают ничего другого; это настоящая мания у большинства их членов, которые настолько заблуждаются относительно возможностей упомянутых «сил», что принимают их за признак духовного развития, а подчас за его завершение; однако, даже если эти «силы» не являются просто плодом воображения, то относятся единственно к психической сфере, в действительности не имеющей ничего общего со сферой духовной, и чаще всего представляют препятствие обретению всякой истинной духовности.

Эта иллюзия относительно природы и значения упомянутых «сил» чаще всего связана с чрезмерным интересом к «магии», в основе которой также лежит, как мы уже отметили, страсть к «феноменам», столь характерная для современной западной ментальности; но здесь возникает другая ошибка, которую стоит отметить: дело в том, что не существует «магических сил» — хотя такое выражение встречается на каждом шагу,— и не только у тех, о ком мы упоминаем, но также — в силу курьезного согласия в заблуждении — у тех, кто пытается бороться с этими тенденциями, пребывая в не меньшем неведении, нежели первые, относительно сути вещей. Магию следует трактовать как естественную и экспериментальную науку, каковой она и является в действительности; сколь бы странными или исключительными

ни были феномены, которыми она занимается, они не становятся от этого более «трансцендентными», чем другие; маг, вызывая подобные феномены, достигает этого, просто применяя свое знание некоторых естественных законов,— законов тонкого мира, к которому принадлежат «силы», приводимые им в действие. Следовательно, в этом нет никакой исключительной «силы», как нет ее у того, кто, изучив какую-либо науку, применяет ее результаты на практике; скажут ли, например, что врач владеет «силами», если он, зная, какое лекарство подходит при той или иной болезни, исцеляет больного при помощи указанного лекарства? Между магом и обладателем психических «сил» имеется различие, вполне сопоставимое с разницей, существующей на телесном уровне между тем, кто исполняет определенную работу с помощью машины, и тем, кто осуществляет ее единственно благодаря силе или ловкости своего организма; тот и другой действуют в одной области, но разными способами. С другой стороны, идет ли речь о магии или о «силах» — в любом случае, повторяем, в этом нет абсолютно ничего ни духовного, ни инициатического; если мы отмечаем различие между этими двумя вещами, то не потому, что ставим одно выше другого; но всегда необходимо точно знать, о чем идет речь, и рассеивать заблуждение по этому предмету.

«Психические силы» у некоторых индивидов суть нечто совершенно «спонтанное», результат простой естественной предрасположенности, которая развивается сама по себе; вполне очевидно, что в этом случае незачем ею похвалиться,— не более, нежели другой какой-либо способностью,— ведь эти «силы» не свидетельствуют ни о какой преднамеренной «реализации»; и даже тот, кто обладает ими, может не подозревать о существовании подобной вещи: если он никогда не слышал об «инициации», ему, разумеется, не придет в голову идея считать себя «иницируемым» только потому, что он видит вещи, которых не видят все остальные, или ему иногда снятся «вещие» сны, или ему удастся исцелить больного простым прикосновением, так что он сам не знает, как это вышло. Но бывают также случаи, когда подобные «силы» приобретаются или развиваются искусственно, в результате некоторых особых «тренировок»; это нечто более опасное, так как редко обходится без нарушения равновесия; и в то же время именно в этом случае легче

возникает иллюзия: есть люди, убежденные, что обрели определенные «силы», совершенно, впрочем, мнимые, либо просто под влиянием своего желания и своего рода навязчивой идеи, либо под воздействием внушения со стороны кого-то из тех кругов, где обычно практикуются «тренировки» подобного рода. Здесь в особенности невпопад говорят об «инициации», в большей или меньшей степени отождествляя ее с обретением этих пресловутых «сил»; неудивительно поэтому, что слабые или невежественные умы позволяют увлечь себя подобными претензиями, коих, однако, достаточно, чтобы обесценить констатацию существования первого случая, о котором мы говорили; в нем находят «силы», совершенно подобные, если даже не более развитые и подлинные,— и это при отсутствии малейшего следа реальной или предполагаемой инициации. Пожалуй, самое странное и малопонятное состоит в том, что если обладателям таких «спонтанных сил» случается войти в контакт с самими этими псевдоинициатическими кругами, они порой приходят к убеждению в собственной «иницированности»; им следовало, конечно, лучше знать о реальном характере этих способностей, которые встречаются в той или иной степени у многих детей, в остальном вполне обычных, хотя впоследствии чаще всего способности эти рано или поздно исчезают. Все эти иллюзии можно извинить единственно тем, что никто из тех, кто их вызывает и поддерживает у себя или других, не имеет ни малейшего понятия о настоящей инициации; но, разумеется, это отнюдь не уменьшает опасности — ни со стороны психических и даже физиологических расстройств, обычно сопровождающих подобного рода вещи, ни со стороны отдаленных и еще более серьезных последствий беспорядочного развития низших возможностей; последнее, как мы сказали в другом месте, идет в направлении, прямо противоположном духовности¹⁴⁶.

Особенно важно отметить, что «силы», о которых идет речь, вполне могут сосуществовать с полнейшим доктринальным невежеством, что нетрудно констатировать, например, у большинства «ясновидящих» и «целителей»; одно это достаточно доказывает, что они не имеют ни малейшего отношения к инициации, целью которой может быть лишь чистое знание. В то же время это показывает, что обретение таких «сил» лишено подлинного интереса, поскольку их обладатель не продвинулся в реализации своего собствен-

ного существа,— реализации, единой с самим действительным знанием; они являют собой приобретения совершенно вторичные и промежуточные, в точности сопоставимые в этом плане с телесным развитием, которое, впрочем, по крайней мере не несет в себе тех же опасностей; и даже определенные, не менее второстепенные преимущества, каковые может дать их применение, не компенсируют упомянутых неудобств. Разве эти преимущества не состоят зачастую в том, чтобы удивлять наивных и заставлять их восхищаться собой, или в других способах удовлетворения тщеславия, не менее пустых и ребяческих; выставять эти «силы» напоказ есть уже доказательство ментальноеTM, несопоставимой с любой инициацией, даже на самом начальном уровне; что же сказать тогда о тех, кто пользуется ими, чтобы прослыть за «великих посвященных»? Все это не что иное, как шарлатанство, даже если «силы», о которых идет речь, реальны в своей сфере; в самом деле, здесь представляет интерес не столько реальность феноменов как таковых, сколько значение и ценность, которые им надлежит приписывать.

Несомненно, что даже у тех, чья добросовестность неоспорима, роль внушения в подобных феноменах очень велика; чтобы убедиться в этом, достаточно рассмотреть случаи «ясновидящих»; их так называемые «откровения» отнюдь не согласуются между собой, но, напротив, всегда связаны с их собственными идеями либо с идеями их окружения или школы, к которой они принадлежат. Предположим, однако, что речь идет о вещах совершенно реальных, что, впрочем, более вероятно тогда, когда «ясновидение» спонтанно, нежели когда оно было развито искусственно; но даже в этом случае непонятно, почему увиденное или услышанное в психическом мире было бы в целом более интересным и важным, нежели то, что каждый видит и слышит в мире телесном, прогуливаясь по улице: люди, по большей части ему неинтересные или безразличные, инциденты, его не касающиеся, фрагменты бессвязных или даже непонятных разговоров и т.д.; такое сравнение, пожалуй, дает самое верное представление о том, что предстает взору вольного или невольного «ясновидца». Первый более извинителен в своем непонимании — ведь он должен испытывать известные затруднения в признании того, что все его усилия, порой в течение ряда лет, привели в конечном счете к столь

ничтожному результату; но спонтанному «ясновидящему» его способность должна казаться вполне естественной, как оно и есть на деле; если бы его не убеждали слишком часто, что она экстраординарна, он, возможно, никогда и не подумал бы ни заниматься тем, что он встречает в психической области,— не более, чем его аналогом в области телесной,— ни искать сверхъестественных или усложненных значений там, где в огромном большинстве случаев этого нет. Собственно говоря, у всего есть причина, даже у самого незначительного и на первый взгляд несущественного, но она для нас столь мало важна, что мы ее никак не учитываем и не испытываем потребности ее искать, по крайней мере когда речь идет о том, что принято называть «повседневной жизнью», т. е. в целом о событиях мира телесного; если бы то же правило соблюдалось в отношении мира психического (который, по сути, не менее ординарен сам по себе, если речь не идет о нашем его восприятии), от скольких заблуждений мы были бы избавлены! Правда, для этого потребовалось бы такое ментальное равновесие, каковым, к сожалению, «ясновидящие», даже спонтанные, одарены весьма редко, а тем более те, кто перенес психические «тренировки», о которых мы говорили выше. Как бы то ни было, эта абсолютная «незаинтересованность» по отношению к феноменам необходима каждому, кто, будучи наделен от природы такими способностями, хочет, несмотря на это, осуществить реализацию духовного порядка; что же касается того, кто их лишен, то, отнюдь не стремясь их обрести, он, напротив, должен считать это весьма ценным преимуществом в плане самой реализации — ибо ему придется, стало быть, преодолевать меньше препятствий; мы вернемся вскоре к этому последнему вопросу.

В целом, само слово «силы», когда его употребляют таким образом, имеет большой недостаток, напоминая об идее превосходства, которую эти вещи отнюдь не содержат; если его все же принять, оно стало бы простым синонимом слова «способности», этимологически почти идентичного по смыслу¹⁴⁷; это возможности существа, не имеющие, однако, ничего «трансцендентного», поскольку они полностью относятся к индивидуальному уровню, и даже на этом уровне отнюдь не являются высшими и самыми достойными внимания. Что касается придания им какой-либо инициатической ценности — как способностям даже просто

вспомогательным или подготовительным,— то это было бы противно истине; а поскольку лишь последняя имеет цену в наших глазах, мы должны видеть вещи такими, каковы они есть, не заботясь о том, нравится это кому-нибудь или не нравится; обладатели психических «сил» напрасно сердились бы на нас — тем самым они подтвердили бы нашу правоту, демонстрируя свое непонимание и недостаток духовности; как, в самом деле, иначе определить это выдвижение на первый план индивидуальных преимуществ или, скорее, их видимости, заставляющее предпочесть ее знанию и истине?¹⁴⁸

Глава XXII

ОТКАЗ ОТ «СИЛ»

Итак, мы показали, сколь мало интереса представляют так называемые психические «силы», а также подчеркнули отсутствие всякой связи между их развитием и духовной или инициатической реализацией; теперь, прежде чем расстаться с этим предметом, остановимся на том факте, что с точки зрения подобной реализации они не только бесполезны и лишены значения, но даже в большинстве случаев вредны. В самом деле, они способствуют «рассеянию» в строго этимологическом смысле этого слова: человек, поглощенный многочисленными формами деятельности мира телесного, никогда не сумеет ни «сконцентрировать» свое сознание на высших реальностях, ни, следовательно, развить в самом себе соответствующие этому возможности; тем более так произойдет и с тем, кто будет блуждать и «распотачать» себя во множественности — несравнимо более обширной и разнообразной — психического мира с его неограниченными формами; помимо исключительных случаев, весьма возможно, что он никогда не сумеет освободиться от него, особенно если, сверх того, питает относительно значения этих вещей иллюзии, которых вовсе не предполагает телесная активность.

Вот почему тот, кто имеет вполне определенное намерение следовать инициатическим путем, не только не должен стремиться обрести или развить в себе эти пресловутые «силы», но, напротив, даже если они обнаружатся у него спонтанным и совершенно случайным образом, должен безжалостно устранить их как препятствия, могущие отвратить его от единственной цели, к которой он стремится. Не то чтобы он всегда должен был видеть в этом «искушение» или «дьявольские козни» в литературном смысле — как порой слишком охотно утверждают; но все же есть нечто подобное в том, что мир индивидуального проявления, как на психическом, так и на индивидуальном уровне, по-видимому, пы-

тается всеми способами удержать того, кто стремится от него ускользнуть; в этом проявляется своего рода реакция противоположных сил, которая, как и трудности другого порядка, связана с бессознательной враждебностью среды. Разумеется, поскольку человек не может изолироваться от среды и стать совершенно независимым от нее, покуда он не достиг цели или, по крайней мере, этапа, характеризующего освобождением от условий индивидуального человеческого существования, совсем не исключено, что эти проявления суть в то же время весьма естественные, хотя и чисто случайные результаты производимой им внутренней работы, внешние отголоски которой порой принимают самые неожиданные формы, далеко выходящие за пределы того, что могут вообразить люди, не имевшие случая познакомиться с этим лично.

С другой стороны, те, кто от природы обладает некоторыми аномальными психическими способностями, ставят себя тем самым в невыгодное положение в плане их духовного развития; они должны не только перестать интересоваться этим и придавать этому какое-либо значение, но и свести соответствующие упражнения до минимума, если не прекратить совершенно. В самом деле, если рекомендовалось сократить по возможности использование телесных чувств, по крайней мере в течение определенных более или менее продолжительных периодов работы, чтобы не отвлекаться, то же в равной степени верно для свойств психических; более того, тогда как человек не сможет жить, если прекратит полностью и надолго работу своих органов чувств, то во втором случае ничего подобного не происходит и никакого серьезного неудобства не может проистечь из этого «запрета»; напротив, существо может лишь выиграть в плане своего органического и умственного равновесия и оказаться впоследствии в лучших условиях, чтобы заняться — не рискуя впасть в более или менее патологическое состояние — развитием своих высших возможностей.

Те, кто демонстрирует экстраординарные «феномены», чаще всего являются существами с довольно низким уровнем интеллектуального и духовного развития, порой даже совершенно искаженного особыми «тренировками», которым они подвергаются; легко понять, что тот, кто посвятил часть своей жизни исключительно воспроизведению какого-либо «феномена», станет с тех пор неспособным на что-

либо другое и что возможности иного рода отныне будут для него бесповоротно закрыты. Именно это обычно случается с теми, кто уступает притяжению психической области; даже если они предприняли вначале труд по инициатической реализации, то окажутся остановленными на этом пути и не пойдут дальше, радуясь тому, что еще остались здесь и не дали увлечь себя мало-помалу в направлении, которое, как мы объяснили в другом месте, противоположно духовности и в конечном счете может лишь привести к «распаду» сознательного существа¹⁴⁹; но оставим в стороне этот крайний случай — ведь даже простая приостановка всего духовного развития есть уже достаточно серьезное следствие, над которым должны бы поразмыслить любители «сил», если они не ослеплены полностью иллюзиями «промежуточного» мира.

Нам, пожалуй, возразят, что есть подлинные инициатические организации, которые сами толкают некоторых индивидов к развитию этих «сил»; но правда состоит в том, что индивиды, о которых здесь идет речь,— это те, кому недостает инициатических «качеств» и кто, напротив, имеет в то же время особые способности в психическом плане, так что в итоге это все, что в действительности возможно с ними сделать. Впрочем, в подобных условиях психическим развитием руководят и контролируют его способом, представляющим минимум неудобств и опасностей; эти существа реально пользуются благами связи, установленной таким образом, пусть и на низшем уровне, с традиционной организацией; последняя, со своей стороны, может использовать их для цели, которой они сами не сознают,— не потому что ее от них намеренно скрывают, но единственно потому, что при ограниченности своих возможностей они были бы совершенно неспособны ее понять.

Само собой разумеется, что опасности, о которых мы только что упомянули, перестают существовать для того, кто достиг определенной ступени инициатической реализации; можно даже сказать, что в последнем случае индивид имплицитно обладает всеми «силами», не имея нужды прибегать к их развитию каким-либо способом,— уже потому, что он господствует «сверху» над силами психического мира; но, как правило, он не упражняет эти способности, поскольку они более не представляют для него никакого интереса. Аналогичным образом тот, кто проник в самую суть некоторых традиционных наук, совершенно перестает ин-

тересоваться их применением и никак их не использует; ему довольно чистого знания, и поистине только оно важно для него, а все остальное — лишь простые случайности. Впрочем, любое проявление этих вещей есть неизбежно своего рода «нисхождение», даже если оно в действительности носит лишь внешний характер и реально не затрагивает само существо; и вправду, не следует забывать, что непроявленное превосходит проявленное и, следовательно, факт пребывания в этом «непроявленном» будет, если можно так выразиться, более адекватным выражением состояния, которое существо внутренне реализовало; иные выражают его символически словами: «ночь предпочтительнее дня» — и именно это состояние передается также изображением черепахи, свернувшейся под своим панцирем. Поэтому, если такое существо порой демонстрирует известные «силы», это происходит, как мы уже указывали, в исключительных случаях и по особым причинам, неизбежно ускользающим от оценки, свойственной внешнему миру,— причинам, совершенно отличным, разумеется, от тех, какие могут быть у любителя производить «феномены»; в других же случаях его единственным способом действия будет то, что дальневосточная традиция обозначила как «недейтельную активность», каковая, впрочем, именно благодаря своей непроявленности представляет саму полноту действия.

Мы напомним еще в связи с этим о полнейшей незначительности феноменов самих по себе; бывает, что феномены, внешне совершенно сходные, происходят от причин абсолютно различных и даже не одного и того же порядка; так, легко понять, что существо, находящееся на высокой ступени духовного развития, если и вызовет при случае какой-либо феномен, то не будет при этом действовать тем же способом, что тот, кто приобрел такую способность вследствие психических «тренировок», осуществляемых им в тех или иных формах; сравнение «теургии» и «магии», которое проводить здесь было бы неуместно, подкрепило бы это замечание. Эту истину должны, впрочем, без труда признать те, кто пребывает только в экзотерической области; если многочисленные случаи «левитации» или «биолокации», например, могут быть отнесены к истории святых, то наверняка столько же их отыщется и в истории колдунов; внешняя сторона (т. е. именно феномены как таковые в собственном и этимологическом смысле этого слова) точно та же у тех

и у других, но никто не делает отсюда вывод, что и причины также одинаковы. С теологической точки зрения из двух фактов, подобных во всем, один может рассматриваться как чудо, тогда как другой им не считается; чтобы различить их, непременно понадобится прибегнуть к указаниям другого рода, независимым от самих фактов; мы могли бы сказать, естественно разделяя иную точку зрения, что факт будет чудом, если он связан с духовным влиянием, и не будет им, если связан лишь с влиянием психическим. Именно это весьма четко иллюстрирует борьба Моисея с магами фараона; она, кроме того, выражает также борьбу сил инициации и контринициации — в той степени и на той территории, где такая борьба действительно возможна; разумеется, как мы имели случай объяснить в другом месте, контринициация может осуществлять свое действие только в психической области, а все связанное с областью духовной ей абсолютно недоступно¹⁵⁰.

Мы полагаем, что достаточно сказали по этому предмету, и если мы так долго на нем задержались — даже, быть может, слишком долго, на взгляд некоторых, — то потому, что нередко сталкивались с такой необходимостью; сколь ни мало приятна порой подобная задача, следовало предостеречь тех, к кому это адресовано, от заблуждений, далеко не безобидных, которые они поминутно рискуют встретить на своем пути. В заключение скажем, что инициация никоим образом не имеет целью обретение «сил», которые, как и сам мир, где они используются, принадлежат в конечном счете области «большой иллюзии»; для человека на пути духовного совершенствования речь идет не о том, чтобы крепить связь с ней новыми узами, но, напротив, о том, чтобы освободиться от нее полностью; а это освобождение может быть достигнуто только благодаря чистому знанию — при условии, разумеется, что последнее не будет только теоретическим, но, напротив, станет вполне действенным; ведь именно в этом и состоит «реализация» существа на всех его уровнях.

Глава XXIII

ИНИЦИАТИЧЕСКИЕ ТАИНСТВА И ОБРЯДЫ

Мы уже сказали, что религиозные обряды и обряды инициатические существенно различны и цель их не одна и та же; это неизбежно следует из самого различия обеих областей — экзотерической и эзотерической, к которым они соответственно относятся; если их порой смешивают, то это связано прежде всего с незнанием данного различия, а также, отчасти,— с наблюдаемым порой сходством этих обрядов, по крайней мере в их внешних формах, которые могут ввести в заблуждение тех, кто смотрит на вещи «извне». Однако различие это является совершенно отчетливым, когда речь идет о собственно религиозных обрядах, по самому определению принадлежащих экзотерической сфере и, следовательно, не оставляющих места никакому сомнению; но надо сказать, что оно может быть менее ясным в иных случаях — например, в традиции, где нет разделения на эзотеризм и экзотеризм, составляющие два отдельных аспекта, но где имеются только различные уровни знания, причем переход от одного к другому почти не заметен, как это, в частности, свойственно индийской традиции; такой постепенный переход естественно выражается в соответствующих обрядах, так что некоторые из них могут носить в определенном отношении, так сказать, смешанный или промежуточный характер.

В индийской традиции как раз и встречается один из обрядов, относительно которых совершенно правомерно поставить вопрос — носят ли они инициатический характер или нет; мы имеем в виду *упанаяну*, т. е. обряд, посредством которого индивид обретает реальную связь с одной из трех высших каст, к которой до совершения этого обряда он принадлежал, так сказать, потенциальным образом. Этот случай действительно заслуживает внимательного рассмотрения; вначале надо хорошенько уяснить, что именно следует понимать под термином *санскара*, который обычно пе-

реводят как «таинство»; этот перевод представляется нам далеко не удовлетворительным, ибо, следуя слишком обычной на Западе тенденции, он утверждает тождество между вещами хотя и сопоставимыми в ряде отношений, но по сути весьма различными. Собственно говоря, не сам этимологический смысл слова «таинство» дает повод для этого возражения — ведь в любом случае речь идет о чем-то «священном»; смысл этот, впрочем, чересчур широк, чтобы из него можно было извлечь сколько-нибудь точное понятие; если придерживаться его, любой обряд без различия может быть назван «таинством»; но фактически это слово неотделимо от специфически религиозного и узко ограниченного употребления его в христианской традиции; здесь оно обозначает нечто, чему, вероятно, нельзя найти точного эквивалента. Стоит поэтому как можно лучше сообразоваться с таким употреблением во избежание всяких недоразумений, сохранив название «таинство» исключительно за определенной категорией религиозных обрядов, принадлежащих собственно традиционной христианской форме; тогда понятие «таинство» войдет в понятие *санскара* на правах частного случая, а не наоборот; другими словами, можно сказать, что христианские таинства суть *санскара*, но индуистские *санскара* не суть таинства; ведь, согласно самой элементарной логике, название рода подходит каждому из видов, которые он включает, но, напротив, название одной из этих разновидностей не может быть отнесено ни к другой разновидности, ни к роду в целом.

Санскара — это, в сущности, обряд «вступления» <aggregation> в традиционное сообщество; ясно, что это определение вполне независимо от частной формы — религиозной или другой, в которую может облечься та или иная традиция; в христианстве такую функцию исполняют таинства, как в других традициях — *санскара* иной разновидности. Мы должны, однако, сказать, что слову «вступление», употребленному нами, отчасти недостает точности — по двум причинам; прежде всего, если строго придерживаться его собственного смысла, оно, пожалуй, обозначает саму связь с традицией, и тогда его следует применять лишь к единственному обряду — тому, посредством которого эта связь устанавливается действенным образом, тогда как в действительности в одной и той же традиции имеется большее или меньшее число *санскара*; приходится допустить, что упомя-

нутое «вступление» содержит множество уровней или модальностей, которые в целом соответствуют основным фазам жизни индивида. С другой стороны, само слово «вступление» может навести на мысль об отношении, которое еще остается в известном смысле внешним, как если бы речь шла просто о присоединении к «группе» или вхождении в «общество»; имеется в виду, однако, акт совсем другого порядка, предполагающий ассимиляцию, которую можно назвать «органической», ибо при этом происходит настоящая трансмутация (*абхисамбхава*) в тонких элементах индивидуальности. Г-н Ананда Кумарасвами предложил для передачи понятия *санскара* термин «интеграция», который и в самом деле представляется нам более предпочтительным, чем термин «вступление», с обеих этих точек зрения,— ибо он вполне точно передает идею ассимиляции. Кроме того, легко понять, что «интеграция» может быть более или менее полной и глубокой и, следовательно, может происходить постепенно; а это вполне передает понятие множественности *санскар* внутри одной и той же традиции.

Следует отметить, что «трансмутация» вроде той, о которой мы только что говорили, происходит не только в случае *санскара*, но и в случае инициатических обрядов (*дикша*⁸¹); это одна из характерных черт, общих для тех и других, позволяющая сравнивать их в некоторых отношениях, каковы бы ни были, впрочем, их существенные различия. В самом деле, в обоих случаях происходит трансмиссия или передача «духовного влияния», и это влияние, как бы «вдыхаемое» в ходе обряда, производит в индивидуальности указанную «трансмутацию». Само собой разумеется, что эффекты ее могут быть ограничены той или иной определенной областью, в соответствии с целью данного обряда; и именно по их цели, следовательно, по области или уровню возможностей, в которых они действуют, инициатические обряды глубоко отличаются от всех остальных.

С другой стороны, различие — внешне, вероятно, самое очевидное и потому легче всего узнаваемое наблюдателями «извне»,— состоит в том, что *санскара* являются общими для всех индивидов, связанных с одной и той же традицией,— т. е. в целом для всех, принадлежащих определенной «среде»; последнее придает этим обрядам аспект, который можно назвать собственно «социальным»; напротив, инициатические обряды, требующие некоторых особых ка-

чество, всегда предназначаются для более или менее ограниченной элиты. Тем самым можно уяснить себе ошибку, совершаемую этнологами и социологами, которые необдуманно употребляют, в частности применительно к так называемым «примитивным обществам», термин «инициация», настоящий смысл которого и реальное значение они явно не знают,— прилагая его к обрядам, в которых могут участвовать, в тот или иной момент своей жизни, все члены народа или племени; эти обряды в действительности отнюдь не носят инициатического характера, а представляют собой настоящие *санскара*. В тех же самых обществах, естественно, могут существовать и аутентичные инициатические обряды, пусть и более или менее выродившиеся (и, пожалуй, зачастую менее чем можно было бы предположить); но здесь, как и повсюду, последние доступны лишь некоторым индивидам при исключении остальных; а этого, даже без более глубокого рассмотрения, вполне достаточно, чтобы смешение стало невозможным.

Теперь мы можем перейти к более специальному случаю, упомянутому нами вначале,— индуистскому обряду *упанаяна*, который главным образом состоит в инвеституре брахманским шнуром (*навитра* или *упавита*), дающей доступ к изучению священных Книг; идет ли здесь речь об инициации? Вопрос, по-видимому, мог бы быть разрешен уже самим фактом, что это обряд *санскара*, а не *дикиша*; с точки зрения самой индуистской традиции — авторитет которой, разумеется, должен быть принят во внимание,— он не рассматривается как инициатический; но можно было бы также задаться вопросом — почему это так, вопреки видимости, побуждающей предполагать обратное. Мы уже указали, что этот обряд предназначен для членов трех первых каст; но, по правде сказать, это ограничение свойственно самому устройству традиционного индийского общества; его недостаточно, чтобы можно было говорить здесь об инициации,— как и, например, тот факт, что те или иные обряды предназначены для мужчин при исключении женщин или наоборот, сам по себе не позволяет приписать им инициатический характер (чтобы убедиться в этом, достаточно привести случай христианского рукоположения, которое требует, сверх того, других особых качеств и тем не менее относится, бесспорно, к экзотерическому уровню). Помимо одного этого качества, о котором мы только что напо-

нили (его-то и обозначает термин *арья*), никакого другого для *упанаяны* не требуется; это, следовательно, обряд, общий для всех членов трех первых каст и даже представляющий для них больше обязанность, нежели право; так вот, этого обязательного характера, непосредственно связанного с тем, что мы назвали «социальным» аспектом *санскар*, не может быть в случае инициатического обряда. Социальная среда, сколь бы глубоко традиционной она ни была, не может навязать ни одному из своих членов, каковы бы ни были их качества, обязанности вступить в инициатическую организацию; по самой своей природе это вступление не может быть связано ни с каким принуждением более или менее внешнего порядка, пусть даже просто моральным, что принято называть «общественным мнением»,— которому, впрочем, попросту неведомо все относящееся к инициации, поскольку этот уровень реальности по определению закрыт для общественности как таковой. Что же касается *упанаяны*, то можно сказать, что принадлежность к касте бывает виртуальной или даже потенциальной, покуда не совершен этот обряд (требуемым при этом качеством является лишь естественная способность войти в данную касту), так что он необходим для того, чтобы индивидуум мог занять определенное место и выполнять известную функцию в социальном организме; хотя его функция должна прежде всего соответствовать его собственной природе, нужно еще, чтобы он был по-настоящему способен ее выполнить, дабы эта природа была «реализована», а не осталась в состоянии простой неразвитой способности; поэтому вполне понятно и нормально, что несовершенство этого обряда в предписанные промежутки времени влечет за собой исключение из сообщества, или, точнее, само по себе означает такое исключение.

Следует, однако, рассмотреть еще один важный момент, так как именно он ведет к путанице; *упанаяна* сообщает качество *двиджа*, или «дважды рожденного»; итак, она со всей отчетливостью обозначается как «второе рождение»; при этом известно, что данное выражение в довольно точном смысле применяется также к инициации. Правда, христианское крещение, весьма отличное, впрочем, от *упанаяны* во всех других отношениях, также является вторым рождением, и слишком очевидно, что этот обряд не имеет ничего общего с инициацией; но отчего один и тот же «техниче-

ский» термин может применяться одновременно на уровне *санскара* (включая таинства) и на уровне инициатическом? Дело в том, что «второе рождение» само по себе и в своем общем смысле есть, собственно, психическое возрождение (действительно, следует обратить внимание, что оно имеет отношение непосредственно к психической области, а не к духовной — иначе это было бы уже «третье рождение»); но это возрождение может обладать единственно психическими эффектами, т. е. ограниченными более или менее специальным уровнем индивидуальных возможностей, где оно способно, напротив, стать исходной точкой «реализации» высшего порядка; только в этом последнем случае оно приобретет чисто инициатическое значение, тогда как в первом оно относится к более внешней стороне отдельных традиционных форм,— той, которой причастны все без различия¹⁵².

Упоминание о крещении поднимает другой вопрос, не лишенный интереса; этот обряд, помимо своей вышеуказанной особенности, по самой форме также сходен с некоторыми инициатическими обрядами; можно к тому же отметить его связь с обрядами очищения посредством элементов, к чему мы вернемся несколько позже,— обрядами, весьма распространенными и, безусловно подходящими для применения в различных областях; но возможно, однако, что здесь следует принять во внимание нечто другое. В самом деле, нет ничего удивительного, что экзотерические обряды строятся отчасти по модели эзотерических или инициатических обрядов; если ступени внешнего обучения в традиционном обществе могли быть заимствованы из инициации, как мы объясним это позднее,— то с тем большим основанием подобная «экстериоризация» могла осуществляться применительно к более высокому, хотя все еще экзотерическому уровню,— мы имеем в виду уровень обрядов религиозных¹⁵³.

Во всем этом строго соблюдается норма иерархических отношений; согласно этим отношениям, приложения менее высокого или более внешнего уровня должны происходить из тех, которые носят первичный характер; итак, если мы рассмотрим, ограничиваясь лишь этими примерами, такие вещи, как второе рождение или очищение посредством элементов, то в действительности первейшим из всех будет их инициатическое значение, а все остальные приложения

должны более или менее непосредственно выводиться из него; ведь ни в одной традиционной форме нет ничего более первичного, чем инициация и ее собственная «внутренняя» область, и именно в ней воистину пребывает самый дух любой традиции.

Глава XXIV

МОЛИТВА И ЗАКЛИНАНИЕ

Мы только что рассмотрели случаи, когда экзотерическая и эзотерическая области не отделены друг от друга абсолютно, благодаря особенностям устройства традиционных форм, устанавливающим между этими областями своего рода преемственность; напротив, существуют другие случаи, когда различие выступает со всей отчетливостью; в частности, так бывает, когда экзотеризм обретает специфически религиозную форму. Чтобы привести конкретный и вполне определенный пример таких случаев, рассмотрим различие между молитвой, в экзотерическом плане, и — в эзотерическом плане — тем, что мы назовем «заклинанием», употребляя этот термин за неимением другого, более ясного, которого недостает западным языкам; впоследствии мы определим его более точно. Что касается молитвы, мы должны прежде всего отметить, что хотя в обыденном языке это слово чаще всего трактуют весьма нечетко, порой даже принимают его за синоним термина «проповедь» (*ogai-son*) во всей его обобщенности, мы полагаем, что подобает сохранить за ним (или вернуть ему) гораздо более специальное и ограниченное значение, связанное с самой его этимологией: ибо слово «молитва» означает собственно и исключительно «просьба» (*príege*) и не может без искажения смысла употребляться для обозначения чего-либо другого; не следует забывать, что единственно в этом значении мы будем употреблять его в ходе дальнейших рассуждений.

Прежде всего, чтобы показать, каким образом можно понимать молитву, рассмотрим любое сообщество, будь то религиозное или просто «социальное», в самом внешнем смысле, даже просто «светском», в котором это слово чаще всего употребляется в нашу эпоху¹⁵⁴; каждый член такого сообщества связан с ним в той или иной мере, определяемой обширностью сферы действия упомянутого сообщества; логично, что в той же самой мере он должен обладать

и определенными преимуществами — только материальными в одних случаях (например таких, как нынешние нации или многочисленные ассоциации, основанные на простой солидарности интересов; само собой разумеется, что в целом речь идет о вполне светских организациях); но в других случаях они могут также относиться к внетелесным модальностям индивида, т. е. к тому, что можно назвать психической областью (утешения или другие благодеяния эмоционального и даже порой более высокого уровня); или же, будучи материальными, они достигаются способами внешне нематериальными — скажем точнее, посредством вмешательства элементов, не принадлежащих телесной сфере, но непосредственно воздействующих на последнюю (достижение исцеления с помощью молитвы — вот особенно наглядный пример этого случая). При всем том мы говорим только о модальностях индивида, ибо эти преимущества никогда не выходят за пределы индивидуальной области, которая только и доступна сообществам любого вида, помимо инициатических организаций (поскольку лишь последние имеют целью выход за пределы этой области): такие сообщества занимаются вещами второстепенными и их конкретным применением, представляющим практический интерес с какой-либо точки зрения, — и не только, разумеется, в грубо «утилитарном» смысле, которым ограничиваются чисто «светские» организации, чья сфера действия не простирается далее телесной области.

Итак, каждое сообщество можно рассматривать как располагающее — помимо чисто материальных способов действия в обычном смысле слова, т. е. относящихся единственно к телесному уровню, — силой тонкого порядка, вклад в которую внесли, так сказать, все ее члены, прошлые и нынешние; сила эта, следовательно, тем более значительна и способна производить воздействия тем более существенные, чем древнее и многочисленнее данное сообщество¹⁵⁵; впрочем, очевидно, что это «количественное» рассуждение указывает, по сути, на то, что речь идет об индивидуальной области, за пределами которой сила не могла бы действовать. Каждый из членов может при необходимости использовать часть этой силы; ему достаточно согласовать свою индивидуальность с тем сообществом, частью которого он является, — и такого результата он добьется, сообразуясь с правилами, установленными последним и соответствующими

щими различным могущим возникнуть обстоятельствам; стало быть, если индивид высказывает просьбу, то в целом, по крайней мере самым непосредственным образом, сознательно или нет, он адресует эту просьбу тому, что можно назвать «духом сообщества» (хотя слово «дух» в подобном случае явно неуместно; ведь по сути речь идет только о психической сущности). Однако следует добавить, что не всегда дело сводится единственно к этому; в случае сообществ, принадлежащих традиционной форме, подлинной и регулярной,— в частности, сообществ религиозных, где соблюдение правил, о которых мы только что говорили, состоит, среди прочего, в совершении определенных обрядов,— наличествует, сверх всего, вмешательство поистине «нечеловеческого» элемента, т. е. того, что мы назвали «духовным влиянием»; но оно должно здесь рассматриваться как «нисходящее» в индивидуальную область и осуществляющее свое действие посредством коллективной силы, в которой оно обретает свою точку опоры¹⁵⁶.

Иногда упомянутая сила, или, точнее, синтез «духовного влияния» с этой коллективной силой, в которую оно, так сказать, «внедряется», может сосредоточиться на «опоре» телесного порядка — к примеру, на определенном месте или объекте, играющем роль настоящего «конденсатора»¹⁵⁷, и вызывать в нем чувственные проявления, подобные тем, о которых сообщается в Библии в связи с Ковчегом Завета и храмом Соломона; можно было бы также привести здесь в качестве примеров места паломничества, гробницы и мощи святых или других лиц, почитаемых приверженцами той или иной традиционной формы. В этом состоит главная причина «чудес», которые происходят в различных религиях,— ибо существование подобных фактов бесспорно и отнюдь не ограничивается какой-либо одной определенной религией; впрочем, вопреки расхожим представлениям, эти факты, разумеется, не должны рассматриваться как противоречащие естественным законам,— равным образом как, с другой точки зрения, «сверхрациональное» не должно приниматься за «иррациональное». В действительности, повторяем, у «духовных влияний» также имеются свои законы — пусть и иного порядка, нежели законы естественных сил (как телесных, так и психических),— но тем не менее в известной мере аналогичные последним; поэтому обстоятельства, особо благоприятные для действия этих «духовных влия-

ний», не только поддаются определению, но и могут произвольно создаваться и направляться теми, кто обладает необходимыми для этого знаниями и прибегает к ним сообразно функциям, которыми подобные лица наделены в традиционной организации. Важно отметить, что «чудеса», о которых здесь идет речь, сами по себе и независимо от их причины — а лишь одна она имеет «трансцендентный характер» — суть феномены чисто физические и воспринимаются как таковые одним или несколькими из пяти органов чувств; впрочем, только подобные феномены и могут констатироваться повсеместно и всей массой народа или обычных «верующих», чье понимание реально не выходит за пределы телесной модальности индивидуума.

Преимущества, которые могут быть получены посредством молитвы и обрядовой практики социальной или религиозной общности (имеются в виду обряды, общие для всех ее членов без исключения,— следовательно, чисто экзотерические и отнюдь не носящие инициатического характера, а также не рассматриваемые как возможная опора духовной «реализации»), относительно вторичны, но тем не менее значимы для индивида, который и сам относительно вторичен; поэтому он был бы неправ, по своей воле лишая себя этих преимуществ, если он связан с какой-либо организацией, способной их ему обеспечить. Так, коль скоро нужно учитывать природу человеческого существа, каковой она фактически является на своем уровне реальности, то отнюдь не предосудительно — даже для того, кто является не просто «верующим» (мы проводим здесь между верой и знанием разграничение, соответствующее в целом различию между экзотеризмом и эзотеризмом), в собственных личных интересах и помимо каких-либо доктринальных соображений,— следовать внешним предписаниям религии или традиционного законодательства, если, конечно, не превеличивать их роль и значение и если сообщество не ставит условий, которые, хотя и будучи общепринятыми, были бы фактически неприемлемы в данном конкретном случае; только при этих условиях молитва — обращена ли она к коллективной общности или, через посредство последней,— к «духовному влиянию», действующему через нее,— совершенно правомерна, даже с точки зрения самой строгой ортодоксии в области чистой доктрины¹⁵⁸.

Эти рассуждения, позволяя провести сопоставление, могут лучше понять то, что мы скажем теперь по поводу «заклинаний»; важно отметить, что то, что мы под ними подразумеваем, не имеет ничего общего с магическими практиками, которым подчас дают то же название¹⁵⁹; впрочем, мы уже достаточно объяснились на предмет магии, чтобы всякое смешение стало невозможным, и нет необходимости задерживаться на этом долее. Заклинание, в противоположность молитве,— отнюдь не просьба; оно даже не предполагает существования какой-либо внешней вещи (что неизбежно подразумевает любая просьба); ведь все внешнее относится к индивиду, а его-то и следует здесь превзойти; заклинание есть устремление существа ко Всеобщему ради достижения того, что, выражаясь несколько «теологически», мы назвали бы духовной благодатью, т. е. по сути внутренним озарением, которое, естественно, может быть в разных случаях более или менее полным. Здесь действие духовного влияния должно быть рассмотрено, так сказать, в чистом состоянии; существо, вместо того чтобы молить о его снисхождении к себе, как это происходит в случае молитвы, напротив, стремится само подняться к нему. Заклинание, определяемое таким образом как действие, в принципе совершенно внутреннее, может, однако, в большинстве случаев быть выражено и «поддержано» извне словами или жестами, представляющими собой определенные инициатические обряды,— такими как «мантра» в индуистской традиции и «дхикр» в традиции исламской; эти слова и жесты вызывают ритмические вибрации на протяжении более или менее обширной области в неограниченном ряду состояний существа. Сколь бы полным ни был, как мы только что сказали, реально достигнутый результат, конечной целью всегда остается реализация в себе «Универсального Человека» через совершенную сопричастность целокупности состояний, гармонически и соответствующим образом иерархизированных, в целостном раскрытии в обоих направлениях — «расширения» и «возвышения» (exaltation), т. е. одновременно в горизонтальном развертывании модальностей каждого состояния и в вертикальном наслаивании различных состояний, согласно геометрическому изображению, детально описанному нами в другом месте¹⁶⁰.

Это приводит нас к установлению другого отличия, сообразно тому, насколько полон результат, достигнутый

в стремлении к этой цели; прежде всего, от определенной таким образом иерархии следует отделить толпу «профанов»; мы подразумеваем здесь всех тех, кто, просто исповедуя какую-либо религию, могут добиться реальных результатов лишь по отношению к своей телесной индивидуальности и в пределах этой части или этой особой модальности индивидуальности; ведь их действительное сознание не идет ни дальше, ни выше области, заключенной в этих пределах. Однако среди этих верующих имеются — хотя их и немного — те, кто достигает несколько большего (таковы известные мистики, которых можно было бы рассматривать в этом смысле как более «интеллектуальных», нежели остальные): не выходя из своей индивидуальности, но в ее «продолжениях» они косвенно воспринимают некоторые реальности высшего порядка — не такими, каковы они сами по себе, но в символическом выражении, облеченными в психические или ментальные формы. Это все еще феномены (т. е., в этимологическом смысле, видимости, всегда относительные и иллюзорные, ибо имеющие форму), но феномены сверхчувственные, доступные не всем; у тех, кто их воспринимает, они могут вызвать уверенность, всегда неполную, фрагментарную и рассеянную, но стоящую, однако, выше простой веры, которую она заменяет собой; этот результат, впрочем, достигается пассивно, т. е. без вмешательства воли и обычными средствами, которые указываются религиями,— в частности, с помощью молитвы и совершения предписанных обрядов, ибо все это не выходит из области экзотеризма.

На гораздо более высоком уровне, уже значительно удаленном от предыдущего, помещаются те, кто, расширив свое сознание до пределов целостной индивидуальности, достигают способности непосредственно созерцать высшие состояния их бытия, однако на деле при этом не причастны им; здесь мы находимся в инициатической области, но эта инициация, реальная и эффективная в плане расширения индивидуальности в ее внетелесных модальностях,— является только теоретической и виртуальной по отношению к высшим состояниям, ибо реально не приводит к овладению ими. Она дает достоверный опыт, несравнимо более полный, развитый и последовательный, нежели в предыдущем случае, ибо он уже не принадлежит области феноменов; однако того, кто приобрел такой опыт, можно сравнить

с человеком, который знает свет только по лучам, достигающим его (в предыдущем случае он, подобно узникам символической пещеры, описанной Платоном, знал о свете лишь по отражениям или теням, отбрасываемым в сфере его индивидуального ограниченного сознания); тогда как, чтобы узнать свет в совершенной полноте его внутренней и сущностной реальности, надо подняться до его истока и отождествиться с ним¹⁶¹. Этот последний случай соответствует полноте реальной и действительной инициации, т. е. сознательному и намеренному овладению целокупностью состояний существа, в соответствии с двумя вышеуказанными значениями; таков исчерпывающий и конечный результат заклинания, весьма отличный, как видим, от всех тех, которых мистики могут достичь с помощью молитвы; ибо это не что иное, как само совершенство полностью реализованного метафизического знания; йог индуистской традиции или суфий традиции исламской — если понимать эти термины в их строгом и истинном значении,— это тот, кто достиг высшей степени и таким образом реализовал в своем существе целокупную возможность «Универсального Человека».

ИНИЦИАТИЧЕСКИЕ ИСПЫТАНИЯ

Теперь мы рассмотрим вопрос о так называемых инициатических «испытаниях», представляющих собой лишь частный случай обрядов этого рода; но он достаточно важен и заслуживает особого разбора, тем более что дает повод к ошибочным воззрениям; подобные недоразумения, пожалуй, создаются самим словом «испытания», употребляемым во множестве смыслов, хотя некоторые обиходные значения, вполне возможно, возникли уже на основе ранее существовавшей путаницы. В самом деле, не очень ясно, почему обычно называют «испытанием» разного рода трудности; почему о том, кто страдает, говорят, что он переносит тяжкие «испытания»; трудно увидеть в этом что-либо иное, кроме неверного словоупотребления, корни которого было бы небезынтересно исследовать. Как бы то ни было, это обыденное представление о «жизненных испытаниях» существует, даже если не соответствует чему-либо четко определенному, и оно-то и породило ложные уподобления, касающиеся инициатических испытаний,— так что некоторые даже усматривали в них своего рода символическое изображение жизненных испытаний; такое странное «переворачивание» давало повод предположить, что только внешние факты человеческой жизни имеют реальное значение и по-настоящему ценятся даже с самой инициатической точки зрения. Это действительно было бы слишком просто; тогда все, без сомнения, оказались бы кандидатами на инициацию; каждому стоило бы только претерпеть ряд трудностей (что случается почти со всяким), чтобы достигнуть инициации, хотя сложно было бы сказать, кем и от чьего имени она была им дана. Мы полагаем, что уже сказали достаточно о подлинной природе инициации, чтобы не останавливаться на нелепости подобных выводов; дело в том, что «обычная жизнь», как ее понимают сегодня, не имеет абсолютно ничего общего с инициатическим уров-

нем, поскольку она соответствует вполне «светской» концепции; и если, напротив, рассмотреть человеческую жизнь с точки зрения традиционной и правомерной концепции, то можно было бы сказать, что жизнь следует считать символом, а не наоборот.

На этом последнем вопросе стоило бы немного задержаться. Известно, что символ всегда должен быть на порядок ниже того, что он символизирует (этого, напомним мимоходом, достаточно, чтобы устранить все «натуралистские» интерпретации, измышляемые в наши дни); реальности телесной области, относящиеся к низшему и наиболее ограниченному уровню, не могут символизироваться чем бы то ни было, да и, впрочем, ничуть в этом не нуждаются; ведь все воспринимают их прямо и непосредственно. Напротив, любое событие или феномен, сколь бы незначителен он ни был, всегда может — в силу соответствия между всеми уровнями реальности — рассматриваться в качестве символа реальности высшего уровня, являясь своего рода чувственным выражением последней уже потому, что он выводится из нее, подобно тому как следствие выводится из принципа; и в этом качестве, лишенный значения и интереса сам по себе, он может представлять глубокий смысл для того, кто способен усматривать нечто за пределами непосредственной видимости. Здесь происходит транспозиция, результат которой явно не имеет ничего общего ни с «обычной жизнью», ни даже с внешней жизнью, как бы ее ни толковать; последняя просто дает точку опоры, позволяющую существу, одаренному особыми способностями, выйти за пределы ее ограничений; и эта точка опоры, утверждаем мы, может быть какой угодно, в зависимости от собственной природы существа, которое ею пользуется. Следовательно — и это вновь приводит нас к общему представлению об «испытаниях»,— страдание в некоторых особых случаях вполне может быть поводом или исходным пунктом для развития скрытых возможностей,— но точно так же им может стать все что угодно другое; это повод, скажем мы, и ничего более; и это не позволяет приписывать страданию самому по себе никакой особой и исключительной роли, несмотря на все привычные заявления поданному предмету. Отметим, кроме того, что эта совершенно второстепенная и случайная роль страдания, даже если она не преувеличена, конечно, гораздо более ограничена на ини-

циатическом уровне, нежели в некоторых других «реализациях» более внешнего порядка; в особенности у мистиков она становится в известном смысле обычной и приобретает значение факта, могущего породить иллюзию (и, разумеется, прежде всего у самих мистиков), что несомненно объясняется, по крайней мере отчасти, соображениями специфически религиозного характера¹⁶². Надо еще добавить, что «светская» психология в значительной мере, конечно, способствовала распространению самых смутных и ошибочных идей относительно сказанного; но во всяком случае, идет ли речь о простой психологии или о мистицизме,— все эти вещи не имеют абсолютно ничего общего с инициацией.

Завершив рассмотрение этого вопроса, мы должны найти объяснение факту, могущему, на взгляд некоторых, дать повод к возражению; хотя сложные или затруднительные обстоятельства, как мы только что сказали, свойственны жизни всех людей, довольно часто случается, что те, кто следует инициатическим путем, сталкиваются с необычным умножением трудностей. Данный факт связан с некоей бессознательной враждебностью среды, о чем мы уже упоминали ранее: кажется, что этот мир — мы имеем в виду совокупность людей и вещей, составляющих область индивидуального существования,— силится всеми способами удержать того, кто стремится от него ускользнуть; подобные реакции в целом вполне нормальны и понятны, и сколь бы неприятны они ни были, этому, конечно, не следует удивляться. Таким образом, речь идет, собственно, о препятствиях, создаваемых враждебными силами, а отнюдь не — как подчас можно ошибочно вообразить себе — об испытаниях, намеренно навязанных силами, главенствующими в инициации; необходимо покончить раз и навсегда со всеми этими баснями, более близкими оккультистским мечтаниям, нежели инициатическим реальностям.

Инициатическими испытаниями называют нечто совсем другое, и теперь нам будет достаточно одного слова, чтобы окончательно положить конец всяким кривотолкам: это преимущественно обряды, а отнюдь не мнимые «жизненные испытания»; без обрядов инициации не могли бы существовать, и их нельзя заменить ничем, что не носило бы обрядового характера. Так сразу становится очевидным, что аспекты, на которых обычно настаивают более всего, в действительности второстепенны; если бы эти испытания дей-

ствительно имели целью — согласно самому «упрошенному» представлению — продемонстрировать, обладает ли кандидат на инициацию требуемыми качествами, то пришлось бы согласиться с тем, что они весьма неэффективны; и можно понять тех, кто, придерживаясь такого мнения, рассматривает их как не имеющие значения; но, как правило, тот, кто допущен к испытаниям, уже с помощью других, более адекватных средств был признан «вполне и должным образом достойным»; значит, здесь имеет место нечто совсем иное. Тогда можно было бы сказать, что эти испытания представляют собой наставление, данное в символической форме и предназначенное для последующей медитации; это очень верно, но то же самое можно сказать о любом обряде; ведь все они, как говорилось ранее, также носят символический характер и, стало быть, имеют значение, которое каждому индивиду надлежит исследовать в меру его способностей. Глубинный смысл обряда состоит, как мы уже объясняли вначале, в присущей ему эффективности; она, разумеется, тесно связана с символическим смыслом, заключенным в его форме, но тем не менее остается независимой от того, как в действительности понимают этот смысл участники обряда. Поэтому прежде всего надлежит поставить во главу угла непосредственную эффективность обряда; остальное, каково бы ни было его значение, второстепенно, и всего сказанного нами до сих пор вполне достаточно, чтобы избавить нас от дальнейших объяснений.

Ради большей точности скажем, что испытания являются предварительными или подготовительными обрядами перед собственно инициацией; они составляют ее необходимую прамбулу, так что сама инициация есть как бы их заключение или непосредственное завершение. Они часто приобретают форму символических «путешествий»; мы лишь отмечаем попутно этот момент, так как не можем здесь распространяться о символике путешествия в целом; скажем только, что в этом аспекте испытания предстают как «поиск», или лучше «искания» (queste) — как выражались в средние века¹⁶³, — ведущие существо из «мрака» профанного мира к инициатическому «свету»; но и эта форма, понятная сама по себе, в известном смысле второстепенна, хотя и хорошо соответствует тому, о чем речь. По существу, испытания являются преимущественно обрядами очищения; это и есть настоящее объяснение самого слова «испытания», смысл

которого здесь — явно «алхимический», а отнюдь не обычный, дающий повод к отмеченным нами случаям непонимания. Теперь, чтобы понять основополагающий принцип обряда, важно учитывать, что очищение производится «элементами» (в космологическом смысле этого термина), и причину этого легко выразить в нескольких словах: «элемент» означает «простой», а «простой» — значит не подверженный порче. Следовательно, материальной «опорой» ритуального очищения всегда будут тела, которые символизируют элементы и носят их названия (следует хорошенько уяснить себе, что сами элементы отнюдь не являются так называемыми «простыми» телами — что, впрочем, есть противоречие, — но тем, из чего образованы все тела), или по крайней мере одно из этих тел; это равным образом применимо в экзотерической традиционной сфере, а именно в религиозных обрядах, где данный способ очищения используется не только для человеческих существ, но и для других живых существ, неодушевленных предметов, а также для каких-либо мест или зданий. Хотя вода, по-видимому, играет здесь преобладающую роль в сравнении с другими телами, представляющими элементы, тем не менее надо сказать, что ее роль не исключительна; пожалуй, можно было бы объяснить это преобладание тем, что вода во всех вообще традициях является, как правило, символом «универсальной субстанции». Как бы то ни было, едва ли необходимо говорить, что упомянутые обряды — очищения (*lustrations*), омовения и другие (в том числе христианский обряд крещения, который, как мы уже отметили, также входит в эту категорию), не имеют, как и ритуальные посты или запрет на некоторые виды пищи, абсолютно ничего общего с предписаниями гигиены или телесной чистоты, вопреки наивным представлениям современных людей; последние, сознательно желая свести все к чисто человеческому объяснению, по-видимому, находят удовольствие в том, чтобы выбрать самую грубую из всех возможных интерпретаций. Правда, так называемые «психологические» объяснения, с виду более тонкие, по сути не лучше; все они в равной мере пренебрегают тем единственным, что следует учитывать: действительное воздействие обрядов не связано ни с «верой», ни с теоретической концепцией, но является позитивным фактом.

Теперь понятно, почему, как только испытания обретают форму последовательных «путешествий», последние ста-

вятся в соответствие с различными элементами; и нам остается только указать, в каком смысле с инициатической точки зрения должен пониматься сам термин «очищение». Речь идет о том, чтобы привести существо в состояние недифференцированной простоты, сопоставимой — как мы сказали ранее — с состоянием *materia prima* (понимаемой здесь, естественно, в относительном смысле), дабы оно обрело способность воспринимать вибрации инициатического *Fiat Lux*; надо, чтобы духовное влияние, трансмиссия которого даст ему это первое «озарение», не встретило в нем никакого препятствия, связанного с негармоничными «образованиями», исходящими из профанного мира¹⁶⁴; вот почему оно должно быть вначале сведено к состоянию *materia prima*; а это, если немного поразмыслить, достаточно ясно показывает, что инициатический процесс и «Великое Делание» в герметизме суть в действительности одно и то же, а именно — обретение божественного Света, единственного источника всякой духовности.

Глава XXVI

ОБ ИНИЦИАТИЧЕСКОЙ СМЕРТИ

Другой вопрос — по-видимому, столь же мало понятный большинству наших современников, пытающихся рассуждать об этих вещах, как и вопрос об испытаниях,— касается так называемой «инициатической смерти». Нам часто приходится встречать в связи с этим выражение «мнимая смерть», которое свидетельствует о полнейшем непонимании такого рода реальностей. Те, кто выражается подобным образом, явно видят лишь внешнюю сторону обряда и не имеют ни малейшего представления о воздействии, которое он должен оказать на тех, кто действительно обладает врожденной способностью (*qualifie*); в противном случае они бы уяснили себе, что эта «смерть» вовсе не «мнима», а напротив, в каком-то отношении даже более реальна, нежели смерть в обычном смысле слова; ведь очевидно, что профан, умирая, не становится тем самым посвященным, и отличие профанного уровня (включающего в себя не только то, что лишено традиционного характера, но также весь экзотеризм) от уровня инициатического, собственно говоря,— единственное, которое выходит за пределы случайностей, свойственных частным состояниям существа, и имеет, следовательно, глубокое и постоянное значение с универсальной точки зрения. Мы лишь напомним в связи с этим, что все традиции настаивают на фундаментальном различии в посмертных состояниях человеческого существа, смотря по тому, идет ли речь о профане или инициированном; если, таким образом, последствия смерти в обычном значении слова обусловлены этим различием, то причина заключается в том, что изменение, дающее доступ к инициатическому уровню, соответствует высшей ступени реальности.

Разумеется, слово «смерть» нужно брать здесь в его самом общем смысле, согласно которому всякое изменение состояния есть одновременно смерть и рождение, соответственно тому, с какой стороны его рассматривать: смерть —

по отношению к предшествующему состоянию, рождение — по отношению к состоянию последующему. Инициация в целом описывается как «второе рождение», чем она в действительности и является; но это «второе рождение» неизбежно предполагает смерть в профанном мире и следует за ней непосредственно; ведь это, собственно говоря, лишь две стороны одного и того же изменения состояния. Что касается символики обряда, то она, естественно, основана на аналогии, существующей между всеми изменениями состояния; в силу этой аналогии, смерть и рождение в обычном смысле сами символизируют инициатические смерть и рождение; образы, заимствованные у них, переносятся посредством обряда на другой уровень реальности. Уместно заметить по этому поводу, что любое изменение состояния следует рассматривать как совершающееся во тьме; это служит объяснением символики черного цвета, связанной с тем, о чем идет речь¹⁶⁵; в обряде посвящения кандидат должен пройти через полную темноту, прежде чем получить доступ к «истинному свету». На этой стадии — стадии темноты — происходит так называемое схождение в ад, о чем мы более пространно говорили в другом месте¹⁶⁶; это можно было бы назвать своего рода повторением предшествующих состояний, посредством которого возможности, относящиеся к профанным состояниям, будут полностью исчерпаны, с тем чтобы существо могло отныне свободно развивать возможности высшего уровня, которые оно носит в себе и реализация которых относится к области собственно инициатической.

С другой стороны, поскольку подобные рассуждения применимы к любому изменению состояния, а следующие один за другим уровни инициации, естественно, также соответствуют изменениям состояния, то можно сказать, что путь к каждому из них лежит через смерть и рождение; правда, «разрыв», если позволительно так выразиться, будет менее четок и не столь важен, как в первой инициации, т. е. при переходе от профанного к инициатическому уровню. Впрочем, само собой разумеется, что изменения, претерпеваемые существом в ходе его развития, реально составляют неограниченное множество; инициатические степеней, сообщаемые в ходе обряда, в любой традиционной форме могут, следовательно, соответствовать лишь некоей общей классификации основных этапов пути; каждый из них может сам

обобщать в себе всю совокупность вторичных и промежуточных этапов. Но в этом процессе есть один особо важный момент, где символика смерти обнаруживается вновь самым очевидным образом; и это требует еще кое-каких объяснений.

«Второе рождение», понимаемое как соответствие первичной инициации, можно назвать, как мы уже сказали, психической регенерацией; и именно в психической сфере, т. е. в сфере тонких модальностей человеческого существа, должно осуществляться инициатическое развитие на его первых стадиях; но они, не будучи целью сами по себе, являются лишь подготовительными этапами по отношению к реализации возможностей более высокого уровня — мы имеем в виду духовный уровень в истинном смысле этого слова. Только что упомянутый нами момент инициатического процесса, следовательно, знаменует собой переход с психического уровня на уровень духовный, который можно рассматривать как «вторую смерть» и «третье рождение»¹⁶⁷. Добавим, что это «третье рождение» скорее представляет собой «возрождение», нежели обычное рождение; ведь речь здесь идет не о «начале» в том же смысле, что и в ходе первой инициации; возможности, уже развитые и достигнутые раз и навсегда, должны быть обретены вновь после этого перехода, но «преображенные» способом, аналогичным тому, посредством которого «тело славы» или «тело воскресения» выражает «преобразование» человеческих возможностей за рамками ограничительных условий, определяющих способ существования индивидуальности как таковой.

Вопрос, сведенный таким образом к его сути, в целом довольно прост; усложняют его, как почти всегда случается, заблуждения, возникающие из-за того, что сюда примешиваются рассуждения, в действительности относящиеся совсем к другим вещам. Именно это происходит, в частности, со «вторым рождением», которому многие пытаются приписать особенно неверное значение, поскольку не умеют провести существенные различия между отдельными случаями, в которых может быть употреблено это выражение. «Вторая смерть», согласно вышесказанному, — не что иное, как «психическая смерть»; подобное может произойти с обычным человеком спустя больший или меньший промежуток времени после смерти телесной, помимо всякого инициатического процесса; но тогда эта «вторая смерть» не

даст доступа к духовной области, и существо, выйдя из человеческого состояния, просто перейдет в другое состояние индивидуального проявления. Подобная возможность опасна для профана, которому гораздо лучше пребывать в том, что мы назвали «продолжениями» человеческого состояния; таков, впрочем, главный смысл погребальных обрядов во всех традициях. Совсем иное дело для иницируемого: ведь он реализует возможности человеческого состояния лишь для того, чтобы превзойти их, и он обязательно должен выйти из этого состояния — не дожидаясь при этом распада телесной оболочки,— чтобы перейти к высшим состояниям.

Добавим также — чтобы не упустить из виду никакой возможности,— что существует другой неблагоприятный аспект «второй смерти», относящийся, собственно, к «контринициации»; последняя действительно имитирует в своих фазах настоящую инициацию, но ее результаты в известном смысле обратны последней; она безусловно не может никоим образом вести в духовную область, а напротив, все более отдаляет от нее существо. Когда индивид, следующий этим путем, достигает «психической смерти», он оказывается даже не в положении обычного профана, но в гораздо худшем — по причине развития у него низших возможностей тонкого плана; но мы не станем более задерживаться на этом и удовлетворимся отсылкой к нескольким упоминаниям, уже сделанным нами в других местах¹⁶⁸. Подобный случай представляет интерес лишь с узкоспециальной точки зрения и не имеет никакого отношения к настоящей инициации. Участь «черных магов», как обычно их называют,— это лишь их собственное дело; было бы по меньшей мере бесполезно уделять внимание более или менее фантастическим измышлениям по поводу этого предмета; к ним уместно обращаться, когда того требуют обстоятельства, и лишь ради разоблачения заблуждений, дабы противостоять им в меру возможного; к сожалению, в такую эпоху, как наша, эти заблуждения распространены больше, чем способны вообразить те, кто не имеет возможности уяснить себе это непосредственно.

Глава XXVII

ИМЕНА «СВЕТСКИЕ»

И ИМЕНА ИНИЦИАТИЧЕСКИЕ

Ранее мы говорили о различных тайнах более или менее внешнего порядка, которые могут существовать в определенных организациях, инициатических или иных,— и упомянули среди прочих тайну, касающуюся имен их членов; на первый взгляд вполне может показаться, что последняя относится к простым мерам предосторожности, чье назначение — оберегать от опасности со стороны каких-либо врагов, и что нет нужды искать более глубокую причину. В самом деле, чаще всего наверняка так и бывает — по крайней мере в чисто светских тайных организациях; однако, когда речь идет об организациях инициатических, дело, пожалуй, обстоит иначе, и тайна, как и все остальное, обретает истинно символический характер. Остановиться на этом моменте тем более интересно, что любопытство по отношению к именам — одно из самых обычных проявлений современного «индивидуализма», и когда оно пытается проникнуть в инициатическую сферу, то вновь делает явным серьезное непонимание реальностей этого порядка и удручающее стремление все сводить к мирским случайностям. «Историцизм» наших современников находит удовлетворение лишь в том, чтобы прикладывать имена собственные ко всем вещам, т. е. привязывать их к определенным человеческим индивидуальностям, следуя самой ограниченной концепции из всех возможных — той, что имеет хождение в светской жизни и учитывает лишь телесную модальность. Однако тот факт, что происхождение инициатических организаций не может быть связано с такими индивидуальностями, уже должен был бы заставить задуматься; а когда речь идет об организациях наиболее высокого уровня, то сами их члены не могут быть идентифицированы: не потому, что они скрываются,— ведь какие меры ни принимай, это едва ли было бы эффективно,— но потому, что, строго говоря, они не являются «персонажами» в значении, придаваемом

мом этому слову историками, так что если кто-либо поверит в возможность называть их так, неизбежно впадет в заблуждение¹⁶⁹. Прежде чем перейти к более пространным объяснениям, скажем, что нечто аналогичное обнаруживается — при сохранении должных пропорций — на всех ступенях инициатической лестницы, даже на самых начальных. Поэтому, если инициатическая организация реально является тем, чем она должна быть, то обозначение кого-либо из ее членов светским именем, даже если оно «материально» точное, всегда будет неверным — подобно тому, как неверно отождествлять актера с персонажем, роль которого он играет, и упорно называть его этим именем во всех обстоятельствах его существования.

Мы уже останавливались на концепции инициации как «второго рождения»; непосредственным логическим выводом из этой концепции было то, что иницируемый во многих организациях получал новое имя, отличное от его светского имени; это не простая формальность, так как имя должно соответствовать иной модальности его существа — той, реализация которой стала возможной в силу «духовного влияния», переданного в ходе инициации. Впрочем, можно отметить, что даже экзотерическая точка зрения по аналогичным причинам допускает такую же практику в некоторых религиозных орденах. Итак, у одного и того же существа имеются две различные модальности: одна проявляется в светской области, а другая — внутри инициатической организации¹⁷⁰; как правило, каждая из них должна иметь свое собственное имя, причем имя одной не подходит другой, ибо они располагаются на двух совершенно различных уровнях. Можно пойти дальше: любому уровню действительной инициации соответствует также другая модальность существа; последнее, таким образом, должно получать новое имя на каждом из этих уровней, и даже если это имя не дается ему фактически, оно тем не менее существует; и можно сказать, что имя на самом деле есть не что иное, как характерное выражение этой модальности. Итак, поскольку эти модальности в существе иерархизированы, то так же обстоит дело и с выражающими их именами; имя будет, следовательно, тем более верным, чем полнее оно соответствует модальности более глубокого порядка, поскольку тем самым оно выразит нечто больше отвечающее истинной сущности человеческого существа. Итак, вопреки общепринятому мнению, светское имя, связанное с самой внешней

модальностью и самым поверхностным проявлением,— наименее истинное из всех; и в особенности так обстоит дело в цивилизации, утратившей всякий традиционный характер, где такое имя не выражает почти ничего из природы существа. Настоящее же имя человеческого существа, самое истинное из всех (оно, собственно, и является «числом» в пифагорейском и каббалистическом смысле этого слова),— это имя, которое соответствует главной модальности его индивидуальности, т. е. его восстановлению в «первоначальном состоянии», ибо именно оно есть целостное выражение его индивидуальной сущности.

Из этих рассуждений следует, что инициатическое имя не должно быть известно в профанном мире; ведь оно выражает модальность существа, которая не могла бы проявиться в последнем, так что знание имени в известном смысле кануло бы в пустоту, не найдя того, к чему оно могло бы быть реально применено. И наоборот, светское имя выражает модальность, от которой существо должно избавиться, когда оно вступает в инициатическую область; тогда это имя для него — не более чем просто роль, которую оно играет вовне; имя не могло бы значить ничего в этой области, по отношению к которой выражаемое им, так сказать, не существует. Само собой разумеется, впрочем, что эти глубокие причины отличия и отделения инициатического имени от светского, как обозначающих сущности действительно различные, могут сознаваться не везде, где фактически практикуется изменение имен; вследствие вырождения некоторых инициатических организаций порой пытаются объяснить это совершенно внешними мотивами — например, представляя это как простую меру предосторожности; последнее в целом соответствует интерпретации символики и ритуала в моральном и политическом смысле, хотя первоначально они представляли собой нечто абсолютно иное. Напротив, если речь идет о светских организациях, те же самые внешние мотивы реально вполне значимы, и в них нет ничего помимо — как уже было сказано по поводу обрядов — желания имитировать обычаи инициатических организаций, что, естественно, ни в малейшей степени не соответствует реальности; и это еще раз показывает, что за внешним сходством могут на деле скрываться вещи весьма различные.

Итак, все, что мы сказали выше о множественности имен, отображающих столько же модальностей существа,

относится единственно к расширениям человеческой индивидуальности, взятой в ее целостной реализации — т. е., с инициатической точки зрения, в области малых мистерий, как мы более точно объясним впоследствии. Когда существо переходит к «великим мистериям», т. е. к реализации сверхиндивидуальных состояний, оно выходит тем самым за пределы имени и формы; ибо — как учит индуистская доктрина — последние (*мама-рупа*) являются соответствующими выражениями сущности и субстанции индивидуальности. У такого существа действительно уже нет имени — ведь это ограничение, от которого оно отныне освобождено; оно сможет, если потребует, взять любое имя для самопроявления в индивидуальной области, но имя это никоим образом не затрагивает его, будучи столь же случайным, как простая одежда, которую оно может отбросить или переменить по своей воле. В этом состоит объяснение сказанного выше; когда речь идет об организациях такого уровня, то ни они, ни их члены не имеют имени; что еще в этих условиях может дать повод к мирскому любопытству? Даже если оно сумеет раскрыть некоторые имена, значение их будет совершенно условным; это зачастую и происходит в организациях более низкого порядка, в которых применяются, например, «коллективные подписи», представляющие либо сами эти организации в их совокупности, либо функции, рассматриваемые независимо от индивидуальностей, которые их выполняют. Все это, повторяем, вытекает из самой природы вещей, принадлежащих инициатической сфере, где не берутся в расчет индивидуальные соображения; это отнюдь не имеет целью ввести в заблуждение некоторых исследователей, хотя последствия на деле именно таковы; но могут ли профаны предположить здесь что-либо иное, чем намерения, которые они сами могли бы иметь?

Отсюда в большинстве случаев также проистекает трудность или даже невозможность идентификации авторов произведений инициатического плана¹⁷¹; сочинения эти или совершенно анонимны, или, что близко к этому, подписаны символическим знаком либо условным именем; впрочем, нет никаких оснований думать, что их авторы могли играть в профанном мире какую-то внешнюю роль. Когда, напротив, такие произведения носят имя известного, реально существовавшего индивида, это немногим лучше, так как еще не дает точных сведений, о ком или о чем идет речь: этот индивид вполне может быть рупором, даже маской;

в подобном случае предполагаемое «его» произведение может содержать знания, которых у него реально никогда не было; он может быть лишь посвященным низшей ступени или даже простым профаном, которого выбрали по каким-либо второстепенным причинам¹⁷²; тогда важен, разумеется, не автор, а единственно организация, его вдохновившая.

Впрочем, даже на «светском» уровне можно подивиться тому, какое значение придается в наши дни индивидуальности автора и всему, что касается его прямо или косвенно; зависит ли ценность произведения от этих вещей? С другой стороны, нетрудно констатировать, что стремление связать свое имя с каким-либо произведением тем реже встречается в той или иной цивилизации, чем более тесно связана она с традиционными принципами; «индивидуализм» во всех его формах является поистине отрицанием последних. Легко понять, что все это взаимосвязано, и мы не намерены на этом задерживаться, тем более что по этим предметам уже часто объяснялись в других местах; но было бы небесполезным еще раз подчеркнуть здесь роль антитрадиционного духа, характерного для современной эпохи, как главной причины непонимания инициатических реальностей и стремления сводить их к «светским» точкам зрения. Именно этот дух под названиями «гуманизма» и «рационализма» в течение ряда веков постоянно стремится свести все к масштабам обычной человеческой индивидуальности — мы имеем в виду ее ограниченную часть, известную профанам,— и отрицать все, что выходит за пределы этой узкой области, в частности все, что относится к инициации на той или иной ее ступени. Едва ли необходимо отмечать, что излагаемые нами здесь рассуждения опираются преимущественно на метафизическую доктрину о многочисленных состояниях существа и являются ее непосредственным приложением¹⁷³; но как могут понять эту доктрину те, кто пытается превратить индивида (и даже одну его телесную модальность) в полное и замкнутое целое, существо самодостаточное, не видя того, чем он является в действительности,— вторичным и переходным проявлением существа в весьма частной области, среди неограниченного множества других, составляющих в совокупности универсальную Экзистенцию, которым соответствует в этом же существе столько же модальностей и различных состояний, какковые он мог бы осознать, следуя по пути, открываемому инициацией.

Diana XXVIII
СИМВОЛИКА ТЕАТРА

Мы только что сравнили отождествление существа с его внешним и «мирским» проявлением с той ошибкой, которую совершают, желая уподобить актера персонажу, чью роль он играет; чтобы уяснить, до какой степени точно это сравнение, было бы уместно высказать некоторые общие суждения о символике театра, хотя они приложимы не только к собственно инициатической области. Разумеется, эту символику можно соотнести с первоначальным характером искусств и ремесел, обладавших на своем уровне всей полнотой значения в силу их связи с высшим принципом, вторичными приложениями которого они являлись; они стали светскими, как мы часто объясняли, только вследствие духовного вырождения человечества в нисходящем цикле его исторического движения.

В целом можно сказать, что театр — это символ проявления, иллюзорный характер которого он передает со всем возможным совершенством¹⁷⁴; эта символика может быть рассмотрена с точки зрения либо актера, либо самого театра. Актер — это символ «Самости» или личности, проявляющей себя в неограниченном ряду состояний и модальностей, которые могут рассматриваться как такое же множество различных ролей; следует отметить, сколь повлияло на точность этой символики античное использование маски¹⁷⁵. И вправду, под маской актер остается самим собой во всех своих ролях, подобно тому как личность остается «не затронутой» всеми ее проявлениями; напротив, удаление маски вынуждает актера изменить свою собственную физиономию и, по-видимому, также в известной мере изменить свою сущностную идентичность. Однако во всех случаях актер остается по сути чем-то иным, чем кажется, подобно тому как личность есть нечто иное, нежели множество состояний проявления, представляющих собой лишь внешнюю и изменчивую форму, в которую она облекается, чтобы

реализовать различными способами, сообразно их природе, неограниченные возможности, которые она содержит в себе в перманентной актуальности непроявленности.

Если мы перейдем к другой точке зрения, то сможем сказать, что театр есть образ мира; тот и другой представляют собой, собственно, «изображения», ибо сам мир, существуя лишь как следствие и выражение Первопринципа, от которого он зависит во всем, чем он является, может быть рассмотрен как символизирующий на свой лад изначальный порядок; этот символический характер придает, к тому же, высшую ценность тому, чем он является сам по себе, поскольку именно благодаря этому он причастен более высокому уровню реальности¹⁷⁶. По-арабски театр обозначается словом *тамтхил*, которое, как и все слова, происходящие от того же корня *матхд*, имеет смысл сходства, сравнения, образа или изображения. Некоторые мусульманские богословы употребляют выражение *алам тамтхил*, которое можно перевести как «изображенный мир» или «мир представлений», для обозначения того, что в священных книгах описано в символических терминах и не должно пониматься в буквальном смысле. Примечательно, что кое-кто применяет это выражение к ангелам и демонам, которые действительно «представляют» высшие и низшие состояния бытия и к тому же могут быть описаны, разумеется, лишь символически, в терминах, заимствованных из чувственного мира; с другой стороны, известна значительная роль, которую играли эти ангелы и демоны — по совпадению, по меньшей мере странному,— в религиозном театре западного Средневековья.

В самом деле, театр не принужден ограничиваться изображением человеческого мира, т. е. одного состояния проявления; он может также представлять высшие и низшие миры. В средневековых «мистериях» сцена была поэтому разделена на несколько этажей, соответствовавших различным мирам, обычно в согласии с тройственным делением: небо, земля, преисподняя; действие разыгрывалось одновременно на этих различных уровнях, что хорошо передает сущностную одновременность состояний бытия. Наши современники, уже ничего не понимая в этой символике, стали рассматривать как «наивность», чтобы не сказать неумелость, то, что как раз имело самый глубокий смысл; удивительно, как быстро распространилось это непонимание,

столь поразительное у писателей XVII века; такой радикальный разрыв между ментальностью Средневековья и Нового времени — одна из немалых загадок истории.

Поскольку мы только что говорили о «мистериях» (*mysteres*), то считаем небесполезным отметить необычность этого названия, имеющего двойной смысл: надлежало — строго этимологически — писать «*misteres*», так как это слово происходит от латинского *ministerium*, означающего «должность» или «функцию»; и это ясно указывает, что театральные представления такого рода некогда рассматривались как неотъемлемая часть религиозных празднеств¹⁷⁷. Но странно то, что это название сузилось и сократилось таким образом, что стало точным омонимом «мистерий» и в конечном счете смешалось с этим словом греческого происхождения; могли ли привести к подобной ассимиляции только намеки на религиозные «мистерии», поставленные на сцене в пьесах с таким названием? Это, очевидно, могло быть достаточно вероятной причиной; но, с другой стороны, если вспомнить, что аналогичные символические представления имели место в древних мистериях — в Греции, а возможно также в Египте¹⁷⁸, можно усмотреть в этом нечто восходящее гораздо дальше, некое указание на определенную эзотерическую и инициатическую традицию, которая в сходных формах утверждалась вовне, с более или менее длительными интервалами, путем адаптации, вынуждавшейся разнообразием обстоятельств времени и места¹⁷⁹. Мы, впрочем, достаточно часто отмечали в других случаях, сколь важны — как один из приемов символического языка — фонетические ассимиляции между словами, различными с филологической точки зрения; в этом, вообще говоря, нет ничего произвольного, как могло бы подумать большинство наших современников; это достаточно тесно связано со способами интерпретации, восходящими к индустской *нирукта*; но тайны внутреннего строения языка утрачены сегодня столь безнадежно, что едва ли возможно упоминать об этом; ведь каждый вообразит, что речь идет о «ложных этимологиях» или даже обычной «игре слов», и сам Платон, который порой прибегал к такого рода интерпретациям, — как мы отмечали в связи с «мифами», — не находит пощады у псевдонаучной «критики», скованной современными предрассудками.

Завершая эти замечания, мы укажем в сфере символики театра другую точку зрения, имеющую отношение к драматургу: различные персонажи, будучи мысленными созданиями последнего, могут рассматриваться как вторичные модификации и в известном смысле продолжения его самого — примерно того же рода, что тонкие формы, создаваемые в состоянии сна¹⁸⁰.

Нечто подобное можно было бы сказать, впрочем, о любом творении воображения; но в частном случае театра есть та особенность, что оно реализуется здесь чувственным образом, создавая сам образ жизни, аналогично тому, как это происходит в сновидении. В этом плане автор выполняет поистине «демиургическую» функцию, ибо создает мир, полностью извлекая его из себя самого; он становится здесь самым символом Бытия, созидающего универсальное проявление. В данном случае — как и в случае сновидения — сущностное единство творца «иллюзорных форм» не затрагивается множественностью случайных модификаций, как единство Бытия не затрагивается множественностью форм проявления. Таким образом, со всех точек зрения мы находим в театре эту характерную особенность, которая составляет его глубинную причину, непостижимую для тех, кто сделал из него чисто светский феномен; по самой своей природе он представляет собой один из наиболее совершенных символов универсального проявления.

Глава XXIX

«ДЕЯТЕЛЬНОЕ» И «СОЗЕРЦАТЕЛЬНОЕ»

Разбирая вопрос об инициатических качествах, мы упомянули об одном весьма распространенном заблуждении относительно смысла слова «деятельный» <operatif>, а также и слова «созерцательный» <speculatif>, которое является в известной мере его противоположностью; как мы заметили, стоит особо остановиться на данном предмете, ибо существует тесная связь между этим заблуждением и общим непониманием реального назначения инициации. Исторически, если можно так сказать, этот вопрос связан в особенности с масонством, поскольку именно в нем обычно употребляются термины, о которых идет речь; но нетрудно понять, что он имеет, по сути, гораздо более широкое значение, ибо касается вещей, которые — в тех или иных преломлениях — можно отнести к различным инициатическим формам; именно в этом состоит вся его значимость с избранной нами точки зрения.

Исходный момент отмеченного нами заблуждения заключается в следующем: тот факт, что форма масонского посвящения связана с ремеслом (впрочем, как мы указали, далеко не только с ним) и что его символы и обряды, словом, свойственные ему методы во всей их «специфике» опираются преимущественно на ремесло строителя, — часто становится причиной того, что «деятельное» смешивают с «корпоративным», застревая, таким образом, на самой внешней и поверхностной стороне вещей; это вполне естественно для тех, у кого нет ни малейшего представления, ни даже предположения относительно инициатической «реализации». Самое распространенное мнение по этому поводу можно было бы сформулировать следующим образом: «деятельные» масоны были исключительно ремесленниками; мало-помалу они приняли в свою среду, в качестве кого-то вроде почетных членов, особ, чуждых искусству зодчества¹⁸¹; но в конечном счете этот второй элемент возобладал,

и отсюда ведет начало преобразование «деятельного» масонства в «созерцательное», сохраняющее с ремеслом лишь воображаемое или «идеальное» отношение. Это «созерцательное» масонство датируется, как известно, началом XVIII века; но кое-кто, констатируя присутствие не-рабочих членов в старом «деятельном» масонстве, считает возможным сделать вывод, что они уже были «созерцательными» масонами. Во всех этих случаях, по-видимому, вполне единодушно полагают, что изменение, положившее начало «созерцательному» масонству, знаменует собой превосходство по отношению к тому, от чего последнее произошло, как если бы это означало «прогресс» в «интеллектуальном» смысле и отвечало концепции более высокого уровня; и не упускают возможности противопоставить сомнительные «спекуляции» занятиям ремеслом, как будто об этом идет речь, когда имеют дело с вещами, относящимися к уровню не светскому, но инициатическому.

В действительности, в старину существовало только разделение на «свободных» масонов, которые были ремесленниками и именовались так из-за свобод, предоставленных правителями их корпорациям, а возможно, также потому (следовало, пожалуй, сказать — прежде всего), что положение человека, свободного по рождению, было одним из условий допущения к инициации¹⁸², — и масонов «допущенных», которые не были профессионалами; среди них особое место отводилось духовным лицам, проходившим посвящение в специальные Ложи¹⁸³, чтобы иметь возможность исполнять функцию «капеллана» в обычных ложах; но и те и другие были в равной степени, хотя и в различном качестве, членами одной и той же организации — «деятельного» масонства; и как могло бы быть иначе, если ни одна ложа не могла бы нормально функционировать, не имея среди своих членов «капеллана», т. е. хотя бы одного «допущенного» масона?¹⁸⁴ Впрочем, верно, что именно среди «допущенных» масонов и благодаря их действиям сформировалось «созерцательное» масонство¹⁸⁵. В целом это можно объяснить тем, что, не будучи непосредственно связаны с ремеслом и не имея поэтому достаточно прочной базы для инициатической работы в форме, о которой идет речь, они могли, с большей легкостью или в большей мере, нежели другие, утратить из виду часть того, что содержит инициация, и, скажем даже, часть самую важную — ведь именно она каса-

ется «реализации»¹⁸⁶. Следует также добавить, что по своему социальному положению и по внешним связям они были также более доступны влияниям — политическим, философским и иным — профанного мира, отвлекавшим их от инициатической работы, пусть даже это и не приводило к смешению между обеими областями, что слишком часто наблюдалось впоследствии.

Здесь-то (по-прежнему исходя, ради удобства изложения, из исторических соображений) мы касаемся самой сути вопроса: переход от «деятельного» к «созерцательному», отнюдь не будучи «прогрессом», как того хотели бы наши современники, не понимающие его значения, являет собою с инициатической точки зрения нечто прямо противоположное; он обозначает не обязательно искажение как таковое, но по меньшей мере вырождение — в смысле оскудения; и, как мы только что сказали, это оскудение состоит в отбрасывании и забвении всего того, что является «реализацией», т. е. подлинно «деятельного», и сохранении лишь чисто теоретического взгляда на инициацию. В самом деле, не следует забывать, что «спекуляция» и «теория» — синонимы; разумеется, слово «теория» должно пониматься здесь не в его первоначальном смысле — как «созерцание», но лишь в том значении, которое оно имеет в современном языке; слово «спекуляция», несомненно, выражает этот смысл более точно, поскольку оно по самой своей этимологии передает идею «отражения», подобного изображению, увиденному в зеркале¹⁸⁷, — т. е. знания опосредованного, в противоположность действительному знанию, каковое и является непосредственным следствием «реализации» или, скорее, составляет с ним единое целое. С другой стороны, слово «деятельное» <operatif> не должно рассматриваться как точный эквивалент «практического»; ведь последний термин всегда соотносится с действием (что, впрочем, строго соответствует его этимологии), так что его употребление могло бы оказаться двусмысленным и неуместным¹⁸⁸; в действительности же речь идет о таком «свершении» существа, как инициатическая «реализация» со всей совокупностью различного рода средств, которые могут быть употреблены ради этой цели; и небезынтересно отметить, что слово того же происхождения — «делание» <oeuvre> также используется именно в этом значении в алхимии.

Итак, нетрудно уяснить себе, что остается тогда от инициации, которая уже не более чем «созерцательна»: инициатическая трансмиссия по-прежнему существует, поскольку «цепь» традиции не прерывалась; но вместо инициации действительной — во всех случаях, когда ей не препятствует какой-либо телесный недостаток,— происходит лишь инициация виртуальная, обреченная оставаться таковой силою вещей; ведь «созерцательное» ограничение как раз и означает, что эта стадия не может быть преодолена, ибо все дальнейшее уже по самому определению относится к «дейтельному» уровню. Разумеется, это не означает, что обряды в подобном случае уже не действительны, так как они всегда остаются — даже если совершающие их не осознают этого — носителем духовного влияния; но их воздействие, так сказать, «отсрочено» в плане его развития в «акт»; оно подобно зародышу, которому недостает условий для роста; последние же заключаются в «дейтельной» работе, а только она и может сделать инициацию действительной.

В связи с этим мы должны еще раз подчеркнуть тот факт, что такое вырождение инициатической организации ничего не меняет в ее сущностной природе и что непрерывной трансмиссии достаточно, чтобы — если представляется благоприятные обстоятельства — было возможно ее восстановление, причем оно обязательно будет подразумевать возвращение к «дейтельному» состоянию. Очевидно, однако, что чем более оскудела в этом плане организация, тем более возможны искажения, по крайней мере частичные, которые, к тому же, естественно могут происходить в различных направлениях; и эти искажения, сохраняя свой случайный характер, делают восстановление все более трудным, хотя в принципе оно еще возможно. Как бы то ни было, инициатическую организацию, обладающую подлинной и легитимной филиацией, сколь бы ни выродилась она в настоящий момент, никогда не следует смешивать ни с псевдоинициацией, представляющей собой чистое ничто, ни с контринициацией, уже представляющей собой нечто, но абсолютно негативное, направленное прямо против той цели, которую ставит перед собой любая истинная инициация¹⁸⁹.

С другой стороны, только что разъясненная нами недостаточность «спекулятивной» точки зрения показывает, сверх того, что «мысль», культивируемая сама по себе, никоим образом не могла бы быть делом инициатической ор-

ганизации как таковой; последняя — отнюдь не кружок, где «философствуют» или предаются «академическим» дискуссиям, как и иным мирским занятиям разного рода¹⁹⁰. Если сюда вводится философская «спекуляция», то она уже представляет собой настоящее искажение, тогда как «спекуляция», касающаяся инициатической области,— когда она ограничивается самой собой, вместо того чтобы, как подобает, служить подготовкой к работе «деятельной»,— есть только оскудение, о котором мы говорили выше. В этом состоит важное различие, которое мы, надеемся, достаточно осветили; в целом можно сказать, что искажение, более или менее серьезное, существует всегда, когда происходит смешение между инициатической и светской точками зрения. Не следует упускать это из виду, оценивая степень вырождения, до которого способна дойти инициатическая организация; но и в других случаях можно вполне точно применять термины «деятельное» и «созерцательное» по отношению к любой инициатической форме — даже если она не употребляет ремесло в качестве «опоры» — как соответствующие инициации действительной и инициации виртуальной.

Глава XXX

ИНИЦИАЦИЯ РЕАЛЬНАЯ И ИНИЦИАЦИЯ ВИРТУАЛЬНАЯ

Хотя различие между инициацией реальной и инициацией виртуальной, пожалуй, уже вполне понятно из предшествующих объяснений, оно весьма важно, и мы попытаемся уточнить его еще немного; прежде всего обратим внимание на то, что среди условий инициации, которые мы определили вначале, связь с традиционной регулярной организацией (естественно, предполагающая врожденные качества) достаточна для виртуальной инициации, тогда как внутренняя работа, следующая за ней, касается, собственно говоря, инициации реальной; последняя в целом на всех своих уровнях есть «актуализация» возможностей, доступ к которым дает инициация виртуальная. Следовательно, виртуальная инициация — это инициация в самом строгом смысле слова, т. е. «вступление» или «начало»; разумеется, это вовсе не означает, что ее можно рассматривать как нечто самодостаточное, она есть лишь необходимая исходная точка для всего остального; когда вступаешь на путь, надо еще постараться по нему следовать и даже, если возможно, пройти его до конца. Можно было бы резюмировать все в нескольких словах: вступить на путь — это инициация виртуальная; следовать по пути — это инициация действительная; но, к сожалению, фактически многие остаются на пороге — не всегда потому, что сами они неспособны идти дальше, но также — в особенности в условиях нынешнего западного мира — вследствие вырождения отдельных организаций, которые, став исключительно «спекулятивными», как мы только что объяснили, тем самым не могут помочь им в «деятельной» работе даже на ее самых начальных стадиях и не дают им ничего, что навело бы их на мысль о существовании какой-либо «реализации». Однако даже в таких организациях на каждом шагу говорят об инициативской «работе», или, по крайней мере, о чем-то, что считают таковой; но тогда правомерно поставить вопрос: в каком

смысле и в какой степени это еще соответствует некоей реальности?

Чтобы ответить на данный вопрос, мы напомним, что инициация — это в сущности трансмиссия, и добавим, что последняя может пониматься в двух различных смыслах: с одной стороны, как трансмиссия духовного влияния, а с другой — как трансмиссия традиционного учения. Трансмиссию духовного влияния следует рассмотреть в первую очередь — не только потому, что она логически должна предшествовать любому учению (это совершенно очевидно, коль скоро усвоена необходимость традиционной связи), но еще и в особенности потому, что она, по сути, и есть инициация в строгом смысле слова; таким образом, если бы речь шла только о виртуальной инициации, все могло бы ограничиться этим, без последующего добавления какого-либо учения. В самом деле, инициатическое учение, об особом характере которого мы впоследствии скажем точнее, есть не что иное, как внешняя помощь, оказываемая внутренней работе по реализации, дабы поддержать ее и в меру возможного руководить ею; по существу, таков ее единственный смысл, и только в этом может состоять внешняя и коллективная сторона настоящей инициатической «работы», если понимать последнюю в ее правомерном обычном значении.

Вопрос несколько усложняется из-за того, что оба указанных нами рода трансмиссии, будучи различными по самой своей природе, не могут, однако, быть полностью отделены друг от друга; и это требует еще некоторых объяснений, хотя мы уже касались этого момента, говоря о тесной связи между обрядом и символом. В самом деле, обряды, в сущности и прежде всего, являются носителями духовного влияния, которое помимо них никоим образом не может быть передано; но в то же время — уже потому, что все их составные элементы носят символический характер,— они обязательно сами по себе содержат учение; ведь, как мы сказали, символы суть единственный язык, который реально пригоден для выражения истин инициатического уровня. И наоборот, символы являются преимущественно средством обучения, и не только обучения внешнего, но и чего-то большего, поскольку они должны служить прежде всего «опорой» медитации, представляющей собой по меньшей мере начало внутренней работы; но эти же символы, как

элементы обрядов и в силу их «нечеловеческого» характера, служат также «опорой» самого духовного влияния. Кроме того, если подумать о том, что внутренняя работа была бы неэффективной без действия или, если угодно, без содействия этого духовного влияния, станет очевидным, что медитация над символами при известных обстоятельствах сама приобретает характер настоящего обряда, — обряда, который на этот раз не только сообщает виртуальную инициацию, но и позволяет достигнуть более или менее высокой степени реальной инициации.

И напротив, вместо того чтобы использовать символы подобным образом, можно ограничиться «спекуляциями» над ними, не ища ничего большего; мы, конечно, не хотим сказать этим, что неправомерно объяснять символы в меру возможного и стремиться раскрыть, с помощью соответствующих комментариев, различные содержащиеся в них значения (с условием — остерегаться какой-либо «систематизации», которая несовместима с самой сущностью символики); но мы утверждаем, что в любом случае это не должно рассматриваться как простая подготовка к чему-то иному; однако именно это, по определению, неизбежно ускользает от «спекулятивной» точки зрения. Последняя нацелена только на внешнее изучение символов, но тем, кто ему предается, оно не поможет перейти от виртуальной инициации к инициации реальной. Чаще всего оно останавливается на самых поверхностных объяснениях; ведь для того чтобы проникнуть глубже, нужна степень понимания, которая на деле предполагает нечто совсем иное, нежели простая «эрудиция»; и хорошо еще, если оно не заплутается совершенно в побочных рассуждениях — к примеру, когда оно намерено найти в символах предлог к «морализаторству» или извлечь из них социальные и даже политические приложения, не содержащие в себе ничего инициатического и вообще традиционного. В этом последнем случае уже перейдена та граница, за которой «работа» определенных организаций полностью перестает быть инициатической, пусть даже на «спекулятивный» манер, и переходит на чисто светскую позицию; эта граница и отделяет простое выражение от искажения; и совсем нетрудно понять, каким образом «спекуляция», рассматриваемая как цель сама по себе, почти незаметно соскальзывает от одного к другому.

Теперь мы можем сделать вывод: покуда люди только предаются «спекуляциям», даже придерживаясь инициативной точки зрения, без тех или иных ее искажений, они в известном смысле пребывают в тупике, ибо этим они не в силах превзойти виртуальную инициацию; впрочем, последняя существовала бы и без всякой «спекуляции», являясь непосредственным следствием трансмиссии духовного влияния. Воздействие обряда, посредством которого производится эта трансмиссия, «отсрочено», как мы сказали выше, и остается в латентном и «свернутом» состоянии, покуда не осуществлен переход от «спекулятивного» к «дейтельному»: это означает, что теоретические рассуждения не имеют реального смысла инициативной работы, если они не нацелены на подготовку «реализации»: на деле они и являются необходимой для нее подготовкой, но именно это «спекулятивная» точка зрения сама неспособна осознать и, следовательно, отнюдь не может содействовать осознанию этого теми, чей горизонт лишь ею и ограничен.

Глава XXXI

ОБ ИНИЦИАТИЧЕСКОМ ОБУЧЕНИИ

Вернемся к свойственным инициатическому обучению чертам, которые в корне отличают его от обучения светского; речь пойдет о том, что можно назвать внешним характером этого обучения, т. е. о средствах выражения, с помощью которых оно определенным образом и до известной степени может быть передано — в плане подготовки к чисто внутренней работе,— благодаря чему инициация из виртуальной, какой она была вначале, становится более или менее реальной. Многие, не отдавая себе отчета в том, чем на деле должно быть инициатическое обучение, не видят в нем ничего, кроме такой достойной внимания особенности, как применение символики; последняя, впрочем, действительно играет в нем основную роль, но надо также знать, почему; так вот, эти люди, с их поверхностным подходом, не выходящим за пределы видимости и внешних форм, совершенно не понимают смысла существования и даже, можно сказать, обязательности символики, которую в этих условиях они находят лишь странной и по меньшей мере бесполезной. Они действительно предполагают, что инициатическая доктрина есть, по сути дела, обычная философия, немного отличающаяся от других форм философии, возможно, своим методом, но ничем более; ибо их ментальность устроена так, что они неспособны понять другое. Но по причинам, изложенным нами выше, очевидно, что философия не имеет ничего общего с символикой и в определенном смысле даже противостоит ей. Те, кто, невзирая на это непонимание, согласятся все же признать за обучением подобной доктрине какую-либо ценность с той или иной точки зрения и по тем или иным мотивам, как правило, не связанным с инициатической сферой, увидят в нем, самое большее, продолжение светского обучения, дополнение к обычному образованию, предназначенному для элиты¹⁹¹. Пожалуй, лучше было бы совсем отрицать его значение, т. е. попросту его

игнорировать, чем принижать его таким образом и зачастую выражать вместо него и от его имени какие-либо частные, более или менее взаимосвязанные взгляды на всякого рода вещи, которые в действительности не являются инициатическими ни сами по себе, ни в том, как их толкуют; в этом, собственно, и состоит искажение «спекулятивной» работы, о котором мы уже упомянули.

Существует и другой способ рассматривать инициатическое обучение, не менее ложный, чем первый, хотя внешне ему противоположный; его противопоставляют обучению светскому, располагая его тем самым на том же уровне и приписывая ему в качестве предмета некое специальное знание, которое не получает четкого определения и на каждом шагу вступает в противоречие и конфликт с другими науками, хотя постоянно объявляется высшим по отношению к последним — чисто гипотетически, без приведения каких-либо ясных оснований. Такой способ видения в основном отличает оккультистов и других псевдоинициированных, которые в действительности далеко не так презирают светское обучение, как об этом заявляют; и вправду, они делают из него многочисленные заимствования, более или менее скрытые; кроме того, эта оппозиция отнюдь не согласуется с их постоянным стремлением находить, с другой стороны, точки сопоставления между традиционной доктриной или тем, что они считают таковой, и современными науками; правда, оппозиция и сопоставление по сути также предполагают, что речь идет о вещах одного порядка. Здесь допускается двойная ошибка: с одной стороны, смешение инициатического знания с изучением более или менее второстепенной традиционной науки (будь то магия или что-то в этом роде), а с другой стороны — пренебрежение ко всему, что составляет сущностное различие между традиционными и светскими науками; но после всего уже сказанного нами не стоит долго на этом останавливаться.

Итак, если инициатическое обучение не является ни продолжением светского обучения, как того хотели бы одни, ни его антитезой, как считают другие, если оно не представляет собой ни философской системы, ни особой науки, то это потому, что в действительности оно относится к совершенно иному уровню; но, впрочем, не нужно стремиться дать ему точное определение, так как это неизбежно означало бы его искажение. Постоянное употребление симво-

лики в передаче этого знания дает о нем достаточное представление, коль скоро мы допустим — а это весьма логично, даже если не углубляться в суть вещей,— что должен быть принят способ выражения, весьма отличный от обычного языка, для передачи идей, равным образом иных, нежели те, что выражает этот последний, и концепций, которые не могут быть полностью переданы в словах и нуждаются в языке менее ограниченном и более универсальном, ибо сами они принадлежат более универсальному порядку. Следует, кроме того, добавить, что инициатические концепции в корне отличны от светских в первую очередь потому, что проистекают из иной ментальности¹⁹², нежели последние, от которых они отличаются не столько своим предметом, сколько точкой зрения, с которой они его рассматривают; и дело обстоит именно так, поскольку предмет не может быть выражен конкретно, ибо это означало бы попытку навянуть инициатическому знанию ограничение, несовместимое с самой его природой. Поэтому нетрудно допустить, что, с одной стороны, на все, рассматриваемое со светской точки зрения, можно взглянуть также — но по-другому и с иным пониманием — с точки зрения инициатической (ибо, как мы часто отмечали, не существует профанной области, к которой определенные вещи принадлежали бы по самой их природе, но есть лишь профанная точка зрения, представляющая собой неправомерный и искаженный способ их рассмотрения)¹⁹³, тогда как, с другой стороны, имеются вещи, полностью ускользающие от любой светской точки зрения¹⁹⁴, поскольку они относятся исключительно к инициатической области.

Мы уже объясняли ранее, что символика, своего рода чувственная форма любого инициатического обучения, в реальности представляет собой язык более универсальный, нежели обычные языки; и в этом ни на миг нельзя усомниться, если принять во внимание, что любой символ поддается многочисленным интерпретациям, отнюдь не противоречащим, но дополняющим друг друга, причем все они истинны, хотя и проистекают от различных точек зрения; так происходит потому, что символ есть не столько выражение четко определенной отдельной идеи (на манер «ясных» и «отчетливых» идей картезианской философии, которые, как предполагается, вполне выразимы словами), сколько синтетическая и схематическая репрезентация всей сово-

купности идей и концепций, которые каждый может постичь сообразно присущим ему интеллектуальным способностям и в той мере, в какой он подготовлен к их пониманию. Стало быть, символ сможет дать тому, кто сумеет проникнуть в его глубокий смысл, несравнимо более, нежели все то, что можно выразить непосредственно; значит, это единственное средство передать, насколько это возможно, все то невыразимое, что составляет собственную область инициации, или, точнее, поместить зачатки этих идей, подобно ростку, в интеллект иницируемого, который должен впоследствии перевести их из потенциального состояния в актуальное, развить их и разработать личным трудом; ведь никто не может сделать чего-то большего, нежели подготовить его к этому, наметив при помощи соответствующих формулировок план, который он потом реализует в себе, чтобы действительно достичь инициации, полученной извне лишь виртуально. Впрочем, не следует забывать, что если символическая инициация, служащая основой и опорой инициации действительной,— единственная, которую можно получить извне,— то она по крайней мере может сохраняться и передаваться даже теми, кто не понимает ни ее смысла, ни значения; достаточно, чтобы символы сохранялись нетронутыми, и тогда будет возможно пробудить в существе, способном к этому, все идеи, синтезом которых они являются. Здесь-то, напомним, и скрыта настоящая инициатическая тайна, несказуемая по своей природе, сама обороняющая себя от любопытства профанов; относительная таинственность ее внешних знаков — лишь символическое ее выражение. В эту тайну каждый может проникнуть в большей или меньшей степени, сообразно широте своего интеллектуального горизонта, но, даже проникнув в нее полностью, он не сумеет сообщить другому того, что понял сам; самое большее, что в его силах,— помочь прийти к этому пониманию тем, кто к нему действительно способен.

Это ничуть не препятствует тому, чтобы чувственные формы, используемые для трансмиссии инициации внешней и символической, имели свое собственное значение как средство обучения, даже помимо их основной роли как опоры и носителя духовного влияния; можно попутно отметить (и это вновь подтверждает тесную связь символа с обрядом), что они выражают традиционные символы в жестах — если взять это слово в самом широком смысле, как мы уже

делали ранее,— и таким образом заставляют иницируемо-го как бы «пережить» («vivre») его обучение¹⁹⁵; это наиболее адекватный и широко распространенный способ подгото-вить к его усвоению, ибо все проявления человеческой ин-дивидуальности в нынешних условиях существования обя-зательно находят свое отражение в различных способах жизнедеятельности. Впрочем, не следовало бы пытаться ра-ди этого превратить жизнь — как того хотели бы многие на-ши современники — в своего рода абсолютный принцип; выражение идеи через жизнедеятельность — в конечном счете, такой же символ, как и другие,— к примеру, его выра-жение пространственным способом, в виде геометрическо-го символа или идеограммы; но это, сказали бы мы, символ, который по своей особой природе способен проникать бо-лее непосредственно, чем любой другой, внутрь человече-ской индивидуальности. По существу, если любой процесс инициации представляет в своих различных фазах соответ-ствие либо с индивидуальной человеческой жизнью, либо даже с земной жизнью в целом, то это потому, что развитие жизненного проявления самого по себе, частного или об-щего, «микрокосмического» или «макрокосмического», происходит по плану, аналогичному тому, который иници-руемый должен осуществить в себе, чтобы самореализо-ваться в полном раскрытии всех возможностей своего суще-ства. Везде и повсюду эти планы соответствуют одной и той же синтетической концепции, так что в принципе они тож-дественны; будучи различными и бесконечно разнообра-зными в своей реализации, они происходят от единого «ар-хетипа», универсального плана, начертанного высшей Во-лей, символически обозначаемой как «Великий Архитектор Вселенной».

Итак, любое существо стремится, сознательно или нет, реализовать в себе самом с помощью средств, свойственных его особой природе, то, что в западных инициатических фор-мах, использующих «строительную» символику, называется «планом Великого Архитектора Вселенной»¹⁹⁶, и тем самым способствовать, сообразно функции, присущей ему в кос-мическом целом, целокупной реализации этого плана, ко-торый есть не что иное, как универсализация его самореа-лизации. В точно определенный момент развития существа, когда оно реально осознает эту конечную цель, для него на-чинается действительная инициация, долженствующая по-

вести его, ступень за ступенью и в соответствии с его личным путем, к той целокупной реализации, которая состоит не в обособленном развитии отдельных свойств, но в полном, гармоническом и иерархическом развитии всех возможностей, заключенных в его сущности. Впрочем, поскольку цель у всякого, кто исходит от того же принципа, непременно одна и та же, то именно в средствах, употребляемых для ее достижения, и заключается то, что свойственно каждому существу в рамках особой функции, которая, какова бы она ни была, определена его индивидуальной природой и должна рассматриваться как необходимый элемент универсального и целокупного порядка; и по самой природе вещей это разнообразие отдельных путей сохраняется, покуда область индивидуальных возможностей реально не преодолена.

Таким образом, инициатическое обучение, рассматриваемое в его универсальности, должно охватывать собой — как неограниченное разнообразие приложений одного и того же трансцендентного принципа — все пути реализации, свойственные не только каждой категории существ, но также и всякому отдельно взятому существу; и, включая их все в себя самое, оно синтезирует и собирает их в абсолютное единство универсального Пути¹⁹⁷. Итак, хотя принципы инициации незыблемы, ее модальности могут и должны варьироваться, чтобы приспособиться к многообразным и относительным условиям проявленного существования, — условиям, разнообразие которых делает невозможным существование во вселенной двух тождественных вещей, как мы уже объясняли в других случаях¹⁹⁸. Следовательно, нельзя сказать, что два различных индивида проходят в точности схожие инициации, даже с внешней и ритуальной точки зрения, и с тем большим основанием — с точки зрения внутренней работы иницируемого; единство и незыблемость принципа несколько не требуют единообразия и неизменности, которые к тому же реально не осуществимы и в действительности представляют собой лишь их «обратное» отражение на нижележащем уровне проявления; истина заключается в том, что инициатическое учение, предполагающее возможность адаптации к неограниченному разнообразию индивидуальных природ, тем самым противостоит единообразию, в котором, напротив, светское обучение видит свой «идеал». Модификации, о которых идет

речь, к тому же сводятся, безусловно, лишь к внешней передаче инициатического знания и его усвоению той или иной индивидуальностью; в той мере, в какой такая передача со стороны возможна, она обязательно должна учитывать все относительное и случайное, тогда как то, что она выражает, не зависит от них в универсальности своей изначальной сущности, охватывающей все возможности в одновременности единого синтеза.

Инициатическое учение, передаваемое во внешних формах, не является и не может быть, как мы уже говорили, чем-то иным, помимо подготовки индивида к обретению — в результате его личного труда — истинного инициатического знания. Можно, таким образом, указать ему путь, которым нужно следовать, план, который нужно осуществить, помочь ему занять умственную и интеллектуальную позицию, необходимую для достижения действительного, а не просто теоретического знания; можно также содействовать ему и руководить им, постоянно контролируя его работу, — но это и все, ибо никто другой, даже «Мэтр» в самом полном значении этого слова¹⁹⁹, не может сделать эту работу за него. То, чего иницилируемый непременно должен достичь сам, поскольку никто и ничто извне не может этого ему передать, — и есть действительное обладание инициатической тайной в собственном смысле слова; для достижения этого обладания во всей его полноте и со всем, что оно в себе заключает, необходимо, чтобы обучение, служащее основой и опорой его личного труда, открывалось навстречу реально неограниченным возможностям и таким образом позволяло иницилируемому неограниченно наращивать свои познания в ширину и глубину одновременно, а не замыкать их, как это делает любая светская точка зрения, в более или менее тесные границы систематической теории или какой-либо словесной формулировки.

ПРЕДЕЛЫ МЕНТАЛЬНОГО

Выше мы говорили о ментальное™, необходимой для приобретения инициатического знания и совершенно отличной от ментальности профанной; ее формированию весьма способствует соблюдение обрядов и внешних форм, применяемых в традиционных организациях, не говоря уже об их ином, более глубоком воздействии; но надо хорошенько уяснить, что речь при этом идет лишь о предварительной стадии, соответствующей чисто теоретической подготовке, а отнюдь не действительной инициации. В самом деле, пора указать на недостаточность ментального по отношению к любому чисто метафизическому и инициатическому знанию; мы вынуждены отдать предпочтение именно термину «ментальный», как эквиваленту санскритского «манас», поскольку он имеет тот же корень; итак, мы понимаем под ним совокупность способностей познания, характерных для человеческого индивида (он и сам в различных языках обозначается словами, имеющими тот же корень), главной из которых является разум.

Мы достаточно часто уточняли различие между рассудком — способностью чисто индивидуальной — и чистым интеллектом, который, напротив, надьиндивидуален, и нет нужды к этому возвращаться; напомним только, что метафизическое знание в подлинном смысле этого слова относится к универсальному уровню, а потому и существо должно обладать способностью того же порядка, трансцендентной по отношению к индивиду: эта способность и есть интеллектуальная интуиция. В самом деле, поскольку всякое знание есть прежде всего отождествление, то очевидно, что индивид как таковой не может достигнуть знания, выходящего за пределы индивидуальной области; это было бы противоречием, ибо такое знание возможно лишь потому, что существо, каковым является человек в определенном преходящем состоянии манифестации, есть в то же время

и нечто иное; было бы абсурдно заявлять, что человек как таковой, своими собственными человеческими средствами, может преодолеть себя самого; но существо, которое проявлено в этом мире как человек, в действительности есть нечто иное благодаря постоянному и незыблемому первоначалу, составляющему его глубинную сущность²⁰⁰. Всякое знание, которое можно назвать подлинно инициатическим, является результатом сознательно установленной коммуникации с высшими состояниями; и именно к подобной коммуникации, без сомнения, относятся — если понимать их в их истинном смысле, отвлекаясь от случаев неверного словоупотребления, нередких в обычном языке в нашу эпоху,— такие термины, как «инспирация» и «откровение»²⁰¹.

Непосредственное знание трансцендентной сферы с предполагаемой им абсолютной достоверностью само по себе, безусловно, несообщаемо и невыразимо; всякое выражение, будучи неизбежно формальным уже по определению и, следовательно, индивидуальным²⁰², ему неадекватно и на человеческом уровне может являться лишь его отражением. Это отражение может помочь некоторым существам реально достичь такого же знания, пробуждая в них высшие способности, но, как мы уже говорили, оно никоим образом не может избавить их от необходимости проделать то, что никто не может сделать за них; оно есть только «опора» для их внутренней работы. Впрочем, в этом отношении следует проводить важное различие между такими средствами выражения, как символы и обыденный язык; мы объясняли ранее, что символы, в силу их преимущественно синтетического характера, особенно пригодны для того, чтобы служить точкой опоры интеллектуальной интуиции, тогда как язык, который преимущественно аналитичен, представляет собой орудие дискурсивной и рациональной мысли. Добавим также, что символы в их «нечеловеческом» аспекте несут в самих себе влияние, действие которого способно непосредственно пробудить интуитивную способность у тех, кто специально медитирует над ними; но это относится единственно к их в известном смысле ритуальному употреблению в качестве опоры для медитации, а отнюдь не к словесным комментариям, которые могут быть сделаны относительно их значения и в любом случае представляют только внешнее исследование²⁰³. Человеческий язык по самой структуре тесно связан с осуществлением рациональной

способности, а отсюда следует, что то, что выражено или передано при посредстве языка, обязательно принимает, более или менее явным образом, форму «рассуждения»; но надо понять, что возможно лишь чисто внешнее и поверхностное сходство по форме, а не по сути, между обычным рассуждением, касающимся вещей из индивидуальной области, к коим оно непосредственно применимо, и тем, что предназначено отражать, в меру возможного, некоторые истины сверхиндивидуального уровня. Вот почему мы сказали, что инициатическое учение никогда не должно принимать «систематическую» форму, но, напротив, всегда должно открываться навстречу неограниченным возможностям, дабы уберечь ту долю невыразимого, которая на деле и есть самое главное; и благодаря этому сам язык в отнесении к истинам данного уровня в известной мере приобретает собственно символический характер²⁰⁴. Но в любом случае тот, кто в результате изучения какого-либо диалектического трактата придет к теоретическому познанию некоторых из этих истин, отнюдь не приобретет благодаря этому непосредственного и реального (или, точнее, «реализованного») знания, в отношении к которому дискурсивное и теоретическое знание предстает как простая подготовка.

Сколько бы ни была необходима эта теоретическая подготовка, сама по себе она играет роль лишь второстепенного и случайного средства; покуда ее придерживаются, рано еще говорить о действительной инициации, даже на самом элементарном уровне. Если бы не существовало ничего большего или иного, в ней можно было бы усмотреть аналог — на более высоком уровне — того, чем является в другой области какая-либо «спекуляция»²⁰⁵; ведь такое знание, чисто теоретическое, остается только ментальным, тогда как действительное знание постигается «умом и сердцем», т. е. в целом всем существом. Вот почему, даже вне инициатической точки зрения, простые мистики, не выходя за пределы индивидуальной области, на своем уровне экзотерической традиции бесспорно выше не только философов, но даже теологов; и впрямь, малейшая частичка действительного знания имеет несравнимо большую цену, чем все рассуждения, проистекающие только от ментального²⁰⁶.

Покуда знание осуществляется только посредством ментального, оно остается простым «отраженным» знанием, рефлексией, подобной теням, которые созерцают узники

символической пещеры Платона, т. е. знанием опосредованным и внешним; перейти от тени к реальности, постигаемой непосредственно в ней самой,— вот что означает перейти «извне» «внутри», а также, с нашей конкретной точки зрения,— от виртуальной инициации к инициации действительной. Этот переход подразумевает отказ от ментального, т. е. от всякой дискурсивной способности, которая отныне становится бессильной, ибо не в состоянии преступить пределы, навязанные ей ее собственной природой²⁰⁷; только интеллектуальная интуиция выходит за эти пределы, ибо не принадлежит сфере индивидуальных способностей. Используя традиционную символику, основанную на органических соответствиях, можно сказать, что центр сознания должен быть перенесен из «мозга» в «сердце»²⁰⁸; для этого переноса любая «спекуляция» и диалектика, очевидно, были бы уже бесполезны; и только с этого момента можно говорить о реальной инициации. Точка, в которой начинается последняя, расположена, следовательно, далеко от той точки, где кончается все сравнительно ценное в какой-либо «спекуляции»; между той и другой — настоящая бездна, преодолеть которую позволяет, как мы сказали, только отказ от ментального. Тот, кто привязан к рассудку и не может освободиться от него в нужный момент, становится пленником формы — ограничения, определяющего индивидуальное состояние; он никогда не преодолет «внешнее» и не пойдет далее него, т. е. останется привязанным к неограниченному циклу проявления. Переход «извне» «внутри» есть также переход от множественности к единству, от окружности к центру, к той единственной точке, откуда человеческое существо, восстановленное в его прерогативах «первозданного состояния», может подняться к высшим состояниям²⁰⁹ и путем целокупной реализации своей истинной сущности стать, наконец, действительно и актуально тем, чем он потенциально является в вечности. Тот, кто познает себя самого в «истине» «Сущности», вечной и бесконечной²¹⁰, тот приобретает знание и власть надо всем в себе самом и над самим собою, ибо он достиг необусловленного состояния, содержащего в себе любые возможности, по отношению к которому все остальные состояния, сколь бы высокими они ни были, по сути служат лишь предварительными стадиями, несоизмеримыми с ним²¹¹; это состояние, являющееся конечной целью любой инициации, и есть «Высшее Отождествление».

Глава XXXIII

ИНИЦИАТИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ И СВЕТСКАЯ «КУЛЬТУРА»

Ранее мы уже отмечали, что следует остерегаться всякого смешения между доктринальным инициатическим знанием — даже когда оно является лишь теорией и простой подготовкой к «реализации», — и всем тем, что представляет собой чисто внешнее обучение или светскую науку, в действительности не имеющую никакого отношения к такому знанию. Однако мы должны специально остановиться на этом предмете, необходимость чего неоднократно констатировали: надо покончить с чересчур распространенным предрассудком, согласно которому все то, что принято называть «культурой», в смысле «мирском» и светском, имеет некую значимость, пусть даже в плане подготовительном, по отношению к инициатическому знанию, тогда как оно не имеет и не может иметь с ним поистине никакой точки соприкосновения.

В принципе, речь здесь идет вообще об отсутствии какого-либо отношения: светское образование, на каком бы уровне его ни рассматривать, ни в чем не может служить инициатическому знанию и (если учесть все сказанное выше об интеллектуальном вырождении, предполагаемом самим принятием светской точки зрения) даже не является несовместимым с ним²¹²; оно предстает в этой связи единственно как нечто индифферентное — того же рода, что сноровка, приобретенная в занятиях механическим ремеслом, или «физическая культура», столь модная в наши дни. По существу, все это вещи одного порядка для того, кто разделяет нашу точку зрения; но опасность состоит в том, что можно увлечься обманчивой видимостью мнимой «интеллектуальности», не имеющей абсолютно ничего общего с интеллектуальностью чистой и истинной; и постоянное неверное употребление нашими современниками именно слова «интеллектуальный» достаточно доказывает, что эта опасность слишком реальна. Отсюда нередко следует, среди других не-

сообразностей, склонность к соединению или, скорее, смешению между собой вещей совершенно различного порядка; не будем вновь подробно говорить о вторжении всецело светского типа «спекуляции» в некоторые западные инициативские организации, напомним только о тщетности (многokrатно отмечавшейся нами) всех попыток установления связи или какого-либо соотношения между современной наукой и традиционным знанием²¹³. Некоторые предпринимают даже попытки найти в первой «подтверждения» второго — как будто последнее, опирающееся на незыблемые принципы, могло бы извлечь хоть малейшую пользу из случайного и совершенно поверхностного схождения с гипотетическими и непрестанно меняющимися результатами того неуверенного и движущегося ошупью поиска, которому наши современники присвоили имя «наука»!

Но не на этой стороне вопроса должны мы сейчас остановиться и не на опасности, которую может повлечь за собой преувеличение значимости этого низшего (а зачастую даже совершенно иллюзорного) знания и посвящение ему всех своих сил в ущерб высшему знанию, сама возможность которого окажется, таким образом, совершенно неосознанной или неведомой. Хорошо известно, что именно так обстоит дело для огромного большинства наших современников; для них нет больше вопроса об отношении к инициативскому или вообще традиционному знанию, поскольку они даже не подозревают о существовании такого знания. Но, даже не доходя до такой крайности, светское обучение нередко представляет собой на деле, если не в принципе, препятствие приобретению истинного знания, т. е. прямую противоположность успешной подготовке. Это вызвано различными причинами, которые мы должны теперь объяснить более подробно.

Прежде всего, светское образование насаждает определенные умственные привычки, от которых бывает более или менее трудно избавиться впоследствии; легко констатировать, что ограничения и даже деформации, являющиеся обычным следствием университетского обучения, зачастую непоправимы; чтобы полностью преодолеть это вредное влияние, нужны особые способности, которыми обладают лишь немногие. Мы говорим здесь в общем плане и не станем задерживаться на таких отдельных недостатках, как узость взглядов — неизбежное следствие «специализации»,

или «интеллектуальная близорукость», обычно сопутствующая «рудиции», культивируемой ради нее самой; важно отметить, что если светское знание само по себе просто индифферентно, то методы, которыми оно внедряется, суть на деле прямое отрицание методов, которые открывают доступ к знанию инициатическому.

Далее, надо учитывать — как препятствие, которое не следует недооценивать,— некую слепую увлеченность, часто вызываемую мнимым знанием, которая у многих выражена тем сильнее, чем более элементарным, низшим и неполным является это знание; впрочем, даже если речь идет об условностях «обычной жизни», недостатки начального образования охотно признают все те, кто не ослеплен некоторыми предвзятыми идеями. Ясно, что из двух невежд тот, кто сознает, что ничего не знает, находится в положении, гораздо более благоприятствующем приобретению знания, нежели тот, кто полагает, что знает кое-что; естественные возможности первого, можно сказать, остались неповрежденными, тогда как у второго они как бы «заторможены» и не могут развиваться свободно. Впрочем, даже если допустить равно добрую волю у обоих рассматриваемых индивидов, все же в любом случае окажется, что одному из них вначале придется освободиться от ложных идей, загромаждающих его ум, тогда как второй по крайней мере избавлен от этой предварительной и негативной работы, выражающей одно из значений того, что в масонской инициации символически обозначается как «очищение металлов».

Этим можно легко объяснить факт, который нам часто случалось отмечать в связи с так называемыми «образованными» людьми; известно, что обычно понимается под этим словом: речь идет даже не об образовании, сколь бы непрочным, ограниченным и низшим ни было его содержание, но о поверхностном «налете» всевозможного рода сведений, об образовании в первую очередь «литературном», в любом случае чисто книжном и словесном, позволяющем с уверенностью говорить обо всем, в том числе и о том, чего совершенно не знаешь, и способном создать иллюзию у тех, кто, соблазненный этой блестящей видимостью, не замечает, что под нею кроется пустота. Эта «культура» в целом приводит, на другом уровне, к результатам, вполне сопоставимым с теми, о которых мы напомнили в связи с начальным образованием; бывают, конечно, исключе-

ния — ибо может оказаться, что воспринявший подобную «культуру» в достаточной мере одарен естественными способностями, чтобы оценить ее по достоинству и самому не обманываться относительно нее; но мы ничуть не преувеличиваем, говоря, что в целом к огромному большинству «образованных» людей приходится причислять тех, чье умственное состояние совершенно не благоприятствует восприятию подлинного знания. По отношению к последнему у них наблюдается своего рода сопротивление, зачастую бессознательное, порой намеренное; те же, кто не отрицает формально — предвзято и априорно — всего, что относится к эзотерическому и инициатическому уровню, во всяком случае не проявляют к нему никакого интереса, а иногда даже выставляют напоказ свое невежество в подобных вещах, как если бы оно было в их собственных глазах одним из признаков превосходства, которым их наделила «культура»! Пусть не заподозрят нас хотя бы в малейшем намерении подать все в карикатурном виде; мы лишь точно передаем то, что в разных обстоятельствах наблюдали не только на Западе, но даже и на Востоке; здесь, впрочем, тип «образованного» человека, к счастью, распространен незначительно, поскольку появился совсем недавно как продукт образования «западного» типа; отсюда следует, что — заметим мимоходом — такой «образованный» человек в то же время — непременно «модернист»²¹⁴. Из этого можно сделать вывод, что люди такого рода наименее — из числа «профанов» — способны к инициации и что было бы совершенно неразумно хоть в малейшей степени учитывать их мнение, — разве что для того, чтобы попытаться приспособить к нему выражение некоторых идей; впрочем, следует добавить, забота об общественном мнении в целом является позицией совершенно «антиинициатической».

В связи с этим мы должны уточнить здесь еще один момент, примыкающий к этим рассуждениям: любое исключительно «книжное» знание не имеет ничего общего со знанием инициатическим, даже взятым на его чисто теоретической стадии. Это может показаться очевидным в свете того, что мы только что сказали; ведь любое чисто книжное обучение, бесспорно, составляет часть образования самого внешнего порядка; мы подчеркиваем это во избежание неверных представлений, могущих возникнуть в случае, когда такое обучение основано на книгах, содержащих инициати-

ческое знание. Тот, кто читает такие книги на манер «образованных» людей, даже тот, кто изучает их на манер «эрудитов» с помощью светских методов, не приблизится таким путем к истинному знанию, поскольку привнесет в него определенные предрасположенности, не позволяющие ему ни проникнуть в их реальный смысл, ни в какой-либо степени отождествиться с ним; убедительной иллюстрацией тому является пример ориенталистов, свидетельствующий, как правило, об их полном непонимании. Совсем другое дело, когда тот, кто берет те же самые книги в качестве «опоры» для своей внутренней работы,— к каковой роли они в первую очередь и предназначены,— умеет видеть поверх слов и находит в них повод и точку опоры для развития своих собственных возможностей; здесь мы возвращаемся к вопросу о символическом использовании языка, о котором мы говорили ранее. Нетрудно понять, что это не имеет ничего общего с простым книжным обучением, хотя книги и являются его исходной точкой; нагромождение в памяти вербальных понятий не приносит даже и тени реального знания; единственное, что имеет значение,— это «дух», облеченный во внешние формы,— проникновение, предполагающее, что существо носит в себе самом соответствующие возможности, ибо всякое знание есть по преимуществу отождествление; и без этой внутренней способности, присущей самой природе такого существа, наивысшие выражения инициатического знания — в той мере, в какой оно вообще выразимо,— и сами священные книги всех традиций останутся только «мертвой буквой» и *flatus vocis* <«гласом вопиющего в пустыне» (лат.) >.

ШКОЛЬНАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ И ПСЕВДОИНИЦИАЦИЯ

Одной из характерных черт большинства современных псевдоинициатических организаций является способ использования ими некоторых сравнений, заимствованных из «обычной жизни», т. е. в целом из мирской деятельности в той или иной из форм, чаще всего приобретаемых ею в современном мире. Речь здесь идет даже не столько об аналогиях, которые, несмотря на несносную банальность употребляемых образов и чрезвычайную отдаленность от традиционной символики, могли бы еще быть более или менее приемлемыми в известных пределах; более или менее, говорим мы, ибо не следует забывать, что, по сути, светская точка зрения как таковая всегда содержит в себе нечто неправомерное, поскольку является отрицанием точки зрения традиционной; но гораздо серьезнее то, что все это рассматривается самым буквальным образом, вплоть до отождествления так называемых духовных реальностей с формами деятельности, которые, по крайней мере в современных условиях, противостоят всякой духовности. Так, в иных оккультных школах, которые мы некогда знали, только и речи было что об «уплате долга», причем эта идея стала едва ли не манией; в теософии и различных ее ответвлениях, более или менее непосредственных, речь постоянно идет об «уроках, которые надлежит усвоить», и все описывается в «школьных» терминах, что вновь приводит нас к вопросу о смешении инициатического знания со светским образованием. Вся Вселенная воспринимается как обширная школа, в которой существа переходят из одного класса в другой по мере того, как они «усвоили свои уроки»; кстати, представление об этих последовательных классах тесно связано с концепцией «реинкарнации», но не этот момент интересует нас сейчас, ибо мы хотим привлечь внимание к ошибкам, присущим этим «школьным» образам, и глубоко светской мен-

тальности, из которой они проистекают, независимо от их связи с той или иной конкретной теорией.

Светское образование, возникшее в современном мире и послужившее основой указанным представлениям,— несомненно, одно из явлений, которые носят в высшей степени антитрадиционный характер; можно даже сказать, что оно для того и создано, или, по крайней мере, что в такой его отличительной черте и заключен первичный и основной смысл его существования; и впрямь, очевидно, что это одно из самых мощных орудий, которые можно было бы использовать для разрушения традиционного духа. Не стоит еще раз останавливаться на всех этих рассуждениях; но вот другой момент, который на первый взгляд может показаться менее очевидным: даже если бы не произошло такого искажения, все равно было бы заблуждением прилагать подобные «школьные» представления к инициатическому уровню, ибо внешнее обучение, если бы даже оно было не профанным, как нынче, а напротив, правомерным и даже традиционным на своем уровне, тем не менее оставалось бы по самой своей природе и назначению чем-то глубоко отличным от того, что относится к области инициатической. Во всех этих случаях происходило бы смешение между эзотеризмом и экзотеризмом,— смешение, которое свидетельствовало бы не только о незнании истинной природы эзотеризма, но и об утрате смысла традиции в целом, что, следовательно, есть само по себе проявление светской ментальности. Чтобы лучше объяснить это, надлежит уточнить — несколько детальнее, чем мы это делали до сих пор,— некоторые глубинные различия между внешним образованием и инициацией; к тому же это позволит более четко выявить недостаток, который встречается уже в ряде инициатических организаций, хотя и подлинных, но вырождающихся, и который, естественно, в еще большей степени проявился, почти в карикатурном виде, в организациях псевдоинициатических, о коих мы уже упоминали.

В связи с этим мы должны, прежде всего, сказать, что в самом университетском образовании или, скорее, в его истоках было нечто отнюдь не простое и даже более загадочное, чем обычно полагают, не желая ставить вопрос, который, однако, должен был бы незамедлительно прийти на ум любому, способному на малейшее размышление: в самом деле, если несомненно истинно то, что невозможно даро-

вать или передать другому нечто, чем сам не владеешь²¹⁵, то каким образом вначале могли быть учреждены университетские степени, если не посредством вмешательства, в той или иной форме, авторитета высшего уровня? Здесь, следовательно, должна была иметь место настоящая «экстериоризация»²¹⁶, которую в то же самое время можно рассматривать как «нисхождение» на нижележащий уровень, к каковому неизбежно относится всякое «публичное» образование, пусть даже базирующееся на строго традиционных основаниях (тогда мы охотно назвали бы его «схоластическим», согласно словоупотреблению, принятому в средние века, отдавая предпочтение слову «школьный» в его обычном светском смысле); впрочем, именно в силу этого «нисхождения» такое обучение могло действительно быть причастным, в пределах своей собственной области, самому духу традиции. Это хорошо согласуется, с одной стороны, с тем, что известно об основных чертах эпохи, в которую возникли университеты, т. е. Средневековья, а с другой стороны, и более конкретно, с фактом, на который слишком мало обращали внимания, — что разделение на три университетские степени достаточно очевидно образом копирует устройство инициатической иерархии²¹⁷. В связи с этим напомним также, что, как мы уже указали в другом месте²¹⁸, науки *trivium'a* и *quadrivium'a*, представляя в своем экзотерическом смысле разделы программы университетского образования, в результате соответствующей транспозиции были поставлены в соответствие со степенями инициации²¹⁹; но, само собой разумеется, такое соответствие, где строго соблюдались нормальные отношения различных уровней, никоим образом не могло бы предполагать перенос в инициатическую область таких вещей, как система классов и экзаменов наподобие той, каковую обязательно включает в себя светское обучение. Едва ли надо добавлять, что поскольку западные университеты в нынешние времена полностью утратили свой изначальный дух и не сохранили ни малейшей связи с высшим первопринципом, способным придать им законную силу, то и сохранившиеся в них степени, вместо того чтобы быть внешним отражением степеней инициатических, являются не более чем пародией, подобно тому как светская церемония есть пародия на обряд или поделка под него, а светские науки в ряде отношений — пародия на науки традиционные; последний случай, впрочем, вполне

сопоставим с системой университетских степеней, которые если и сохранились в неизменности, в настоящее время представляют собой «осадо́к» того, чем они были вначале,— подобно тому, как и светские науки (мы не раз это объясняли) представляют собой «осадо́к» прежних традиционных наук.

Мы только что упомянули об экзаменах и теперь хотели бы остановиться на этом вопросе; экзамены, как свидетельствует их постоянное практическое применение в самых различных цивилизациях, занимают надлежащее место и имеют свой смысл существования во внешнем обучении, даже традиционном, где по определению не существует никакого иного критерия; напротив, когда речь идет о такой чисто внутренней области, как инициация, они становятся совершенно излишними и неэффективными и, как правило, могли бы играть лишь исключительно символическую роль — подобно тому, как тайна относительно некоторых обрядовых форм есть лишь символ истинной инициатической тайны; впрочем, они совершенно бесполезны в инициатической организации, если она поистине такова, какой должна быть. Надо только принимать в расчет некоторые случаи вырождения, когда отсутствие кого-либо, способного применять реальные критерии (в особенности из-за полного забвения традиционных наук, которые только и могли их предоставить, как мы уже говорили в связи с инициатическими качествами), восполняют, как могут, учреждая для перехода с одной степени на другую экзамены, более или менее сходные по форме, если не по программе, с университетскими экзаменами; как и последние, они могут в целом касаться только «заученных» вещей, подобно тому как в отсутствие реального внутреннего авторитета устанавливают административные формы, сопоставимые с формами светского правления. Оба эти явления, будучи, по существу, следствием одной и той же причины, к тому же тесно связаны друг с другом, и их почти всегда можно одновременно наблюдать в одних и тех же организациях; их взаимосвязь обнаруживается не только в действительности, но также и в сфере мысленных представлений, свойственных псевдоинициатическим организациям: так, теософы, столь охотно использующие «школьные» образы, в то же время размышляют об «оккультном мировом правительстве», разделенном на различные «департаменты», с полномочиями, слишком явно напоминающими министерства и администрации

светского мира. Впрочем, это последнее замечание подсказывает нам, каков может быть главный источник заблуждений подобного рода: создатели псевдоинициатических организаций, не зная, даже извне, никакой подлинной инициатической организации помимо тех, что дошли до состояния вырождения (и это вполне естественно, ибо только такие и сохраняются еще в наши дни в западном мире), не придумали ничего лучшего, как их имитировать, причем, разумеется, в самых внешних чертах, наиболее подвергшихся упомянутому вырождению и очевиднее всего выражающих его, как те вещи, которые мы только что рассматривали; и не удовлетворяясь введением этой имитации в устройство своих собственных организаций, они, так сказать, проецировали ее мысленно на «другой мир», т. е. в свое представление о мире духовном или о том, что они полагают таковым. В результате, тогда как инициатические организации, не пертерпевшие искажений, устроены по образу истинного духовного мира, карикатура на последний становится, напротив, образом для организаций псевдоинициатических, которые, желая копировать инициатические организации, дабы придать себе такой же облик, в действительности восприняли лишь стороны, искаженные заимствованиями у мира профанного.

Идет ли речь об инициатических организациях, в большей или меньшей мере подвергшихся вырождению, или об организациях псевдоинициатических,— введение светских <юрм, как видим, прямо противоположно «нисхождению», которое мы имели в виду, говоря о происхождении Университетов, и посредством которого в эпоху традиционной цивилизации экзотерическое создавалось в известном смысле по образцу эзотерического, а низшее — по образцу высшего; но главное различие между тем и другим состоит в том, что в случае ослабевшей или даже отчасти выродившейся инициации наличие этих паразитарных форм не препятствует трансмиссии духовного влияния, тогда как в случае псевдоинициации за этими формами кроется лишь чистое ничто. Сторонники псевдоинициации не подозревают, что, перенося свои «школьные» идеи и подобные вещи в сферу представлений об универсальном порядке, они попросту ставят на них печать собственной профанной ментальности; но в особенности достойно сожаления, что те, кому они адресуют свои фантастические концепции, неспособ-

ны различить этого отпечатка; будь они в состоянии уяснить его значение, этого было бы достаточно, чтобы предостеречь их от подобных деяний и даже отвратить от них навсегда.

ИНИЦИАЦИЯ И ПАССИВНОСТЬ

Выше мы сказали, что все, относящееся к инициатическому знанию, никоим образом не может быть предметом каких-либо дискуссий, да и сами дискуссии в целом являются приемом преимущественно светским; кое-кто пытался сделать из этого факта вывод, что инициатическое обучение должно восприниматься «пассивно», и даже представить это как аргумент, направленный против самой инициации. Данное недоразумение особенно важно рассеять: инициатическое обучение, чтобы быть действительно полезным, в самом деле требует «рецептивной», воспринимающей ментальной позиции, но эта «рецептивность» отнюдь не является синонимом «пассивности»; такое обучение, напротив, требует от воспринимающей стороны постоянного усилия по усвоению и носит в высшей степени активный характер. В действительности, скорее светскому обучению можно было бы с определенным основанием адресовать упрек в пассивности, поскольку оно лишь предлагает «данные»; последние должны быть скорее восприняты, чем поняты, т. е. ученик должен просто регистрировать их и складывать в своей памяти, так что они не становятся предметом какого-либо реального усвоения; в силу чисто внешнего характера такого обучения и его результатов, личная и внутренняя активность оказывается сведенной к минимуму, а то и вовсе отсутствует.

Указанное недоразумение касается, по сути, гораздо более серьезных вещей; и вправду, мы часто замечали у тех, кто стремится выступать с позиций противников эзотеризма, досадную склонность смешивать последний с подделками под него и, вследствие этого, подвергать общим нападкам вещи, в действительности совершенно разные, даже противостоящие друг другу. Это, разумеется, еще один очевидный пример современного непонимания; невежество во всем, что касается эзотерической и инициатической облас-

ти, столь полно и повсеместно в нашу эпоху, что ничему здесь нельзя удивляться; и во многих случаях оно может служить извинением для тех, кто поступает подобным образом; однако порой возникает искушение задаться вопросом — достаточно ли такого объяснения для тех, кто хотел бы глубже понять суть вещей. Прежде всего, разумеется, сами эти непонимание и невежество входят в план разрушения всякой традиционной идеи, реализация которого охватывает весь современный период, и, следовательно, они являются результатом некоего намерения и имеют поддержку со стороны тех подрывных влияний, которые работают на это разрушение; но, помимо данного соображения совершенно общего порядка, есть в этом, как нам представляется, нечто отвечающее более точному и четко определенному замыслу. В самом деле, когда произвольно смешивают инициацию с псевдоинициацией и даже с контринициацией, запутывая все столь безнадежным образом, что никто ничего не в силах разобрать, то и впрямь те немногие, кто способен на какое-то размышление, должны задуматься о том, кому идет на пользу вся эта путаница. Разумеется, мы не ставим сейчас вопрос о добрых или дурных намерениях; впрочем, это имело бы здесь второстепенное значение, так как вред от ложных идей, распространяющихся таким образом, не становится от этого больше или меньше; и очень возможно, что предвзятость, проявляемая некоторыми, связана только с тем, что они бессознательно повинуются определенному внушению. Из этого следует заключить, что враги инициатической традиции одурачивают лишь тех, кого они вовлекают в организации, которые «контролируют» прямо или косвенно, и что даже те, кто полагает, что борется с ними, становятся порой вполне полезными — пусть и на другой лад — орудиями для целей, которые первые ставят перед собой. Когда контринициация не в состоянии успешно скрыть свои приемы и цели, для нее вдвойне полезно приписать те и другие настоящей инициации, поскольку тем самым она бесспорно наносит вред последней и в то же время отстраняет угрожающую ей опасность, вводя в заблуждение умы, которые могли бы оказаться на пути определенных открытий.

Эти размышления мы приводили много раз²²⁰, в частности, по поводу книги, опубликованной несколько лет назад в Англии бывшим членом ряда организаций весьма подоз-

рительного характера,— мы имеем в виду псевдоинициатические организации, из тех, которые особенно явственно отмечены печатью влияния контринициации; хотя он оставил их и даже открыто выступил против них, все же его сильно затронуло полученное там учение, и это особенно заметно в представлении, которое он составил себе об инициации. Эта концепция, где господствует идея «пассивности», достаточно необычна, чтобы стать предметом особого внимания; она служит ведущей идеей для того, что выдает себя за историю инициатических (или именующих себя таковыми) организаций с древности до наших дней,— историю в высшей степени фантастическую, где все перепутано именно так, как мы говорили выше; она опирается на многочисленные разнородные цитаты, большинство которых заимствовано из весьма сомнительных источников; но поскольку мы, конечно, не собирались давать здесь нечто вроде рецензии упомянутой книги, нас в настоящий момент не интересует ни она сама, ни то, что просто согласуется с некоторыми «общепринятыми» тезисами, неизменно встречающимися во всех произведениях подобного рода. Мы предпочтем ограничиться — ибо это самое «поучительное» с нашей точки зрения,— указанием на ошибки, присущие самой ведущей идее,— ошибки, которыми автор явно обязан своим внутренним пристрастиям, тем более что он лишь способствует их распространению и обоснованию точки зрения тех, чьим противником себя считает, продолжая принимать за инициацию то, что они выдают за такую и что реально представляет собой лишь один из путей, могущих служить весьма эффективной подготовке агентов или орудий для контринициации.

Естественно, все, о чем идет речь, сосредоточено в некоторой чисто психической области, и уже тем самым не могло бы иметь никакого отношения к настоящей инициации, ибо последняя, напротив,— преимущественно духовного порядка; здесь же слишком много говорится о «магии»; как мы уже достаточно объясняли, магические операции любого рода отнюдь не составляют инициатического процесса. С другой стороны, мы находим здесь странное убеждение, согласно которому любая инициация должна быть основана на пробуждении и восхождении тонкой силы, обозначенной в индуистской традиции именем *Кундалини*, тогда как на деле это метод, свойственный ряду отдельных инициатических форм; впрочем, не впервые нам приходится

констатировать в том, что мы охотно назвали бы антиинициатическими легендами, своего рода одержимость *Кундалини*, по меньшей мере любопытную, причины коей в целом представляются не очень ясными. Здесь они оказываются достаточно тесно связаны с определенной интерпретацией символики змеи, где этот символ толкуется исключительно в «пагубном» смысле; автор, по-видимому, не имеет ни малейшего представления о двойном значении некоторых символов — весьма важном вопросе, который мы уже обсуждали в другом месте²²¹.

Как бы то ни было, Кундалини-Йога, какую практикуют в особенности в тантрической инициации,— нечто совершенно отличное от магии; но именно она ошибочно рассматривается под этим именем в интересующем нас случае; если бы речь шла только о псевдоинициации, это могло бы быть, вероятно, даже нечто меньшее, нежели простая «психологическая» иллюзия; но если на какой-либо ступени вмешивается контринициация, может произойти реальное искажение и даже своего рода «инверсия», ведущая к установлению контакта отнюдь не с трансцендентным принципом или высшими состояниями существа, но попросту с «астральным светом» или, скорее,— сказали бы мы — с миром «блуждающих влияний», т. е. с низшей частью тонкого мира. Автор, признающий выражение «астральный свет»²²², обозначает этот результат именем «иллюминация», озарение, которое любопытным образом приобретает двусмысленное звучание; вместо того чтобы прилагаться к вещам чисто интеллектуального уровня, приобретению высшего знания, как то должно быть, если брать его в правомерном инициатическом смысле, оно отнесено здесь лишь к феноменам «ясновидения» или к другим силам того же рода, которые сами по себе весьма мало интересны и к тому же особенно негативны в этом случае; по-видимому, они в конечном счете служат для того, чтобы сделать существо, обладающее такими свойствами, доступным внушениям, исходящим от так называемых неведомых «Учителей», которые в данном случае являются не чем иным, как зловещими «черными магами».

Мы охотно допускаем, что подобное описание справедливо для ряда вспомогательных организаций контринициации, поскольку последние стремятся лишь превратить своих членов в простые орудия, которые они могут использовать по своей воле; мы спросим только — ибо этот пункт

недостаточно ясен,— какую именно роль играет так называемый инициированный в магических операциях, которые должны привести к подобному результату; представляется, что это, по сути дела, совершенно пассивная роль «подданного», в том смысле, в каком понимают данное слово всевозможные «психисты». Но мы полностью оспариваем, что подобный результат имеет что-либо общее с инициацией, которая, напротив, исключает всякую пассивность; мы уже с самого начала объяснили, что это одна из причин, по которой инициация несовместима с мистицизмом, и уж давно — с тем, что предполагает пассивность несравнимо более низкую, нежели у мистиков, и связанную с тем, что со времен изобретения спиритизма обозначают вульгарным словом «медиумичность». Возможно даже, отметим мимоходом, что подразумеваемое здесь вполне сопоставимо с тем, что было реальным источником «медиумичности» и самого спиритизма; и, с другой стороны, когда «ясновидения» добиваются определенными «психическими» тренировками, даже если *Кундалини* в них не участвует, оно обычно делает существо в высшей степени «внушаемым», как это доказывает постоянное соответствие (о чем мы уже упоминали выше) его видений специальным теориям школы, к которой он принадлежит; нетрудно понять, какую выгоду могут извлечь отсюда настоящие «черные маги», т. е. сознательные представители контринициации. Не более трудно уяснить себе, что все это действует прямо вопреки самой цели инициации, которая в том и состоит, чтобы «освободить» существо от всех его наслоений, а не в том, чтобы навязать ему еще новые узы в добавление к тем, которые естественно обуславливают существование обычного человека; иницируемый — не «поданный», а даже совсем наоборот; всякая склонность к пассивности может быть только препятствием для инициации, и там, где пассивность преобладает, она свидетельствует о непоправимом отсутствии «врожденной способности». Сверх того, во всякой инициатической организации, сохранившей четкое осознание своей истинной цели, все гипнотические и иные практики, предполагаемые ролью «подданного», считаются неправомерными и строго запрещены; и даже предписано, добавим мы, всегда сохранять активную позицию по отношению к промежуточным духовным состояниям, которые могут быть достигнуты на первых стадиях «реализации», дабы избежать тем самым опасности «самовнушения»²²³; строго говоря,

с инициатической точки зрения пассивность возможна и допустима исключительно только по отношению к высшему Первопринципу.

Мы хорошо знаем, что — как могут возразить — некоторые инициатические пути предполагают более или менее полное подчинение гуру; но это возражение не основательно, прежде всего потому, что речь идет о подчинении совершенно добровольном, а не о порабощении, навязываемом вопреки воле ученика; затем потому, что гуру всегда вполне известен и находится с ним в реальных и непосредственных отношениях, а вовсе не является неведомой личностью, проявившейся из «астрала», т. е. действует вне какой-либо фантазмагии, посылающей внушения посредством своего рода «телепатического» влияния, причем ученик, воспринимающий их, совсем не знает, откуда они приходят. Кроме того, такое подчинение носит характер простого, так сказать, «педагогического» средства, временной необходимости; настоящий духовный наставник не только не будет злоупотреблять им, но и воспользуется им только с целью помочь ученику освободиться от него по возможности раньше; ибо именно в подобном случае справедливо утверждение, что истинный гуру находится внутри, являя собой не что иное, как «Самость» существа, а внешний гуру только выражает его, откуда существо еще не в состоянии войти в сознательное общение с этой «Самостью». Инициация как раз и должна вести к полностью реализованному и действительному осознанию «Самости», а это явным образом невозможно ни для детей, нуждающихся в опеке, ни для психических автоматов; инициатическая «цепь» не связывает существо, но, напротив, дает опору, помогающую ему подниматься неограниченно, преодолевая свои собственные ограничения как существа индивидуального и обусловленного. Даже когда речь идет о второстепенных применениях, которые могут сосуществовать с основной целью, инициатическая организация не нуждается в пассивных и слепых орудиях, место которых — в профанном мире, поскольку у них нет надлежащих качеств; ее члены на всех ступенях и во всех функциях должны стремиться к сознательному и добровольному сотрудничеству, означающему действительное понимание, на которое способен каждый; и никакая истинная иерархия не может реализоваться и сохраняться на иной основе.

ИНИЦИАЦИЯ И «СЛУЖЕНИЕ»

Среди характерных черт современных псевдоинициатических организаций, пожалуй, самым всеобщим и поразительным окажется факт приписывания эзотерического и инициатического значения рассуждениям, которые реально могут иметь более или менее внятный смысл только в чисто эзотерической области; впрочем, такое смешение, которое вполне согласуется с употреблением образов, извлеченных из «повседневной» жизни (о чем мы говорили выше), по-своему неизбежно у профанов; желая прослыть тем, чем не являются, они стремятся говорить о вещах, в которых не разбираются, составляя о них представление в меру того, что способны понять сами. Не менее естественно, что рассуждения подобного рода, на которых они особенно настаивают, всегда оказываются в согласии с преобладающими тенденциями нынешней эпохи и даже следуют им в своих более или менее второстепенных вариациях; можно было бы в связи с этим задаться вопросом: каким образом факт такой подверженности влияниям светского мира может быть примирен с какими-либо инициатическими претензиями; но, разумеется, те, о ком идет речь, не видят здесь никакого противоречия. Можно было бы без труда назвать такие организации, которые поначалу создавали иллюзию интеллектуальности, по крайней мере для тех, кто не вникал в суть вещей, а впоследствии все более и более замыкались в сентиментальных банальностях худшего толка; очевидно, что подобное распространение сентиментализма вполне соответствует тому, что можно констатировать в настоящее время также и во «внешнем мире». Впрочем, с той и другой стороны встречаются одни и те же формулы, столь же пустые, сколь и красноречивые, чей эффект связан с теми «внушениями», о которых мы упоминали; правда, те, кто их употребляет, сами, конечно, не всегда сознают, к какой цели все это направлено; и в глазах тех, кто сколько-ни-

будь способен к размышлению, они становятся еще смешнее, когда используются пародиями на эзотеризм. Эта смешная сторона есть, впрочем, отличительная черта влиятельных, реально действующих за всем этим, даже если те, кто им повинуются, вовсе об этом не догадывается; но, не задерживаясь более на замечаниях общего порядка, мы хотим только рассмотреть здесь случай, который представляется нам особенно значительным и к тому же связанным с тем, что мы только что сказали по поводу «пассивности».

В особой фразеологии организаций, о которых идет речь, есть слова, неизменно повторяющиеся со все возрастающей настойчивостью: «служение» и «служители»; их находят повсюду и по всякому поводу; они подобны навязчивой идее, и правомерно задаться вопросом, какого рода «внушению» они соответствуют. Несомненно, отчасти это следует отнести на счет западной мании «смирения» или, говоря точнее, выставления его напоказ, ибо наделе все может быть совсем иначе,— подобно тому как в тех же кругах самые бурные и злобные ссоры сопровождаются пышными речами о «всеобщем братстве». Впрочем, понятно, что в этом случае речь идет о «смирении» вполне «светском» и «демократическом», в совершенном согласии с «идеалом», состояющим не в том, чтобы возвышать низшее в меру его способности, но, напротив, понижать высшее до его уровня; в самом деле, ясно, сколь надо быть проникнутым этим современным «идеалом», преимущественно антииерархическим, чтобы не заметить малопривлекательности подобных выражений, даже если порой скрытые за ними намерения сами по себе похвальны; несомненно, в этом плане следовало бы проводить различие между теми или иными употреблениями таких выражений, но здесь нам важно только состояние духа, которое отражают упомянутые слова.

Однако, если общие рассуждения сохраняют значение во всех случаях, они недостаточны, когда речь идет конкретно о псевдоинициации; тогда происходит, сверх того, смешение, связанное с предпочтением, отдаваемым современными людьми действию, с одной стороны, и социальной точке зрения — с другой; и это побуждает их считать, что подобные вещи должны иметь влияние даже в областях, где в действительности они не нужны. В силу одного из таких странных искажений нормального хода вещей, обыч-

ных для нашей эпохи, самые внешние виды деятельности порой рассматриваются как важные условия инициации, порой даже как ее цель; сколь ни невероятно, но кое-кто даже видит в ней не что иное, как средство лучшего «служения»; и, подчеркнем, есть еще одно отягчающее обстоятельство в том, что эти виды деятельности понимаются самым профанным образом, будучи лишены традиционного характера — пусть, естественно, вполне экзотерического, — который они могли бы по крайней мере принять, если бы рассматривались с религиозной точки зрения; но, конечно, далеко до религии простому «гуманитарному» морализму, отличающему псевдоинициированных любого рода!

С другой стороны, бесспорно, что сентиментализм во всех его формах всегда предрасполагает к некоторой «пассивности»; здесь мы подходим к вопросу, уже рассмотренному ранее, и весьма возможно, что именно в нем заключена главная причина «внушения», которое мы имеем в виду, — во всяком случае того, что делает его особенно опасным. В самом деле, если повторять кому-либо, что он должен «служить» неведомо чему, каким-то неясным «идеальным» сущностям, то в конце концов можно поставить его в такие условия, что он будет готов действительно служить, когда представится случай, всякому, кто выдает себя за воплощение этих сущностей или их более позитивное выражение; и повеления, которые они могут ему дать, даже самые экстравагантные, он постарается исполнить с усердием настоящего «служителя».

Нетрудно понять, что такое средство станет лучшим из возможных для подготовки орудий, которые контринициация сможет использовать по своему желанию; и, сверх того, оно имеет еще то преимущество, что менее компрометирует; ведь «внушение» в случаях этого рода вполне может осуществляться обычными оболваненными, т. е. другими бессознательными орудиями, так что те, кто ведет их без их ведома, и не нуждаются в непосредственном вмешательстве.

Пусть не возражают, что там, где речь идет о «служении», имеется в виду то, что индуистская традиция называет путем *бхакти*, несмотря на сентиментальный элемент, который последний предполагает в определенной мере (никогда не вырождаясь, однако, в «сентиментализм»), это нечто совершенно иное; и даже когда в западных языках стремятся передать *бхакти* как «преданность», как это чаще всего бы-

вает (хотя значение это производное, а первый и основной смысл слова в действительности — «участие», как показал Ананда К. Кумарасвами), «преданность» — это не «служение», или, по крайней мере, исключительно «божественное служение», а вовсе не — как мы только что сказали — «служение» неизвестно кому или чему. Что касается «служения» гуру (если уж употреблять это слово), то оно существует только в качестве подготовительной дисциплины, имеющей отношение лишь к тем, кого можно назвать «кандидатами» <aspirant>, а отнюдь не к тем, кто уже достиг действительной инициации; и здесь «служение» еще вовсе не носит характера высокой духовной цели, столь курьезно приписываемого ему псевдоиницированными. Наконец — попробуем предугадать все возможные возражения относительно связей, существующих между членами инициатической организации,— очевидно, что невозможно назвать «служением» помощь, оказываемую высшим низшему, как и в более общем плане — такие отношения, где должна строго соблюдаться двойная иерархия степеней и функций, к которой мы вернемся впоследствии.

Не будем более задерживаться на этом предмете, в целом достаточно малопривлекательном; но мы, по крайней мере, считали необходимым, видя, к скольким разнообразным и сомнительным «служениям» приглашают сегодня людей со всех сторон, указать на скрывающуюся за этим опасность и сказать сколь возможно ясно, что это такое. Кратко обобщая вышеизложенное, просто добавим следующее: иницируемый не должен быть «служителем», или, если он должен им быть — то лишь по отношению к Истине²²⁴.

Глава XXXVII

ДАР ЯЗЫКОВ

С вопросом об инициатическом обучении и его адаптациях непосредственно связан другой вопрос — о «даре языков», который часто упоминают среди привилегий истинных братьев Розы и Креста, или, выражаясь точнее (ибо слово «привилегии» могло бы слишком легко подать повод к ложным интерпретациям), среди их характерных признаков, хотя применение его может быть гораздо более широким, нежели то, что имеет место в отдельной традиционной форме. По-видимому, еще никогда вполне точно не объясняли, что следует понимать под этим с точки зрения собственно инициатической, ибо многие из тех, кто употреблял это выражение, понимали его почти исключительно в самом буквальном смысле; этого недостаточно, хотя, несомненно, упомянутый буквальный смысл отчасти может быть оправдан. В самом деле, владение некими ключами языка может дать, помимо обычных, совершенно иные средства для того, чтобы понимать и говорить на самых различных языках; и верно, что среди традиционных наук существует то, что можно было бы назвать сакральной филологией, полностью отличной от филологии светской, возникшей на современном Западе. Однако, вполне принимая эту первую интерпретацию и отводя ей надлежащее место — среди вторичных применений эзотеризма,— мы позволим себе рассмотреть прежде всего символический смысл более высокого порядка, который накладывается на первый, ничуть ему не противореча, и к тому же согласуется с инициатическими данными всех традиций как Востока, так и Запада.

С этой точки зрения можно сказать, что тот, кто действительно обладает «даром языков», говорит с каждым на его собственном языке,— в том смысле, что он всегда выражается в форме, приспособленной к образу мышления людей, к которым он обращается.

Так, на это намекают более внешним образом, говоря, что братья Розы и Креста должны принимать костюм и обычаи страны, где они находятся; а другие даже добавляют, что они должны брать себе новое имя всякий раз, когда меняют страну, как если бы они облекались при этом в новую индивидуальность. Таким образом, брат Розы и Креста, благодаря достигнутому им духовному уровню, уже не был больше связан исключительно с какой-либо определенной формой, как и с определенными условиями какого-либо определенного места²²⁵, и вот почему он был «космополитом» в истинном смысле этого слова²²⁶. Такое же учение встречается в исламском эзотеризме: Мухйи ад-Дин ибн Араби говорит, что «истинный мудрец не связывает себя ни с каким верованием», поскольку он находится вне любых отдельных верований, ибо достиг познания их общего принципа; но именно поэтому он может, сообразно обстоятельствам, говорить на языке, свойственном каждому верованию. В этом нет — что бы ни думали профаны — ни «оппортунизма», ни какого-либо сокрытия; напротив, это неизбежное следствие познания, которое выше всех форм; ведь любая из них, уже тем самым, что она является частной адаптацией, не могла бы подходить всем людям без различия. Чтобы понять сказанное, можно сравнить то, о чем идет речь, с переводом одной и той же мысли на разные языки: это по-прежнему все та же мысль, сама по себе независимая от всякого выражения; но всякий раз, будучи выраженной на другом языке, она становится доступной людям, которые иначе не смогли бы ее понять; и это сравнение, к тому же, строго соответствует самой символике «дара языков».

Лишь тот пришел к этому, кто непосредственно и глубоко познал идентичную основу всех традиционных доктрин и, расположившись в центральной точке, из которой все они эмануруют, обрел истину, скрытую под разнообразием и множественностью внешних форм. В самом деле, различие может заключаться лишь в форме и видимости; суть же повсюду и всегда одна и та же; ведь истина одна, хотя аспекты ее многочисленны, сообразно более или менее специальным точкам зрения, с которых ее рассматривают; как говорят мусульманские инициированные, «учение о Единстве едино»²²⁷; но нужно разнообразие форм, чтобы адаптироваться к умственным условиям той или иной страны либо

эпохи, или — если предпочитают,— чтобы соответствовать различным обособившимся точкам зрения, сообразным этим условиям; и те, кто останавливается на форме, видят прежде всего различия — до того, что даже порой принимают их за оппозиции, тогда как они, напротив, исчезают для тех, кто вышел за их пределы. Такие могут потом вновь опуститься до формы, оставаясь при этом ничуть не подвластными ей, а их глубокое знание не претерпевает ни малейших видоизменений; они могут (подобно тому как извлекают следствия из принципа) реализовать, следуя сверху вниз, изнутри наружу (в этом и состоит, как мы объяснили предварительно, истинный синтез, противоположный вульгарному «синкретизму»), все адаптации фундаментальной доктрины. Если опять прибегнуть к той же символической, они могут, не ограничиваясь одним определенным языком, говорить на всех, ибо познали самое начало, из которого происходят все языки путем адаптации; мы называем здесь языками все традиционные формы, религиозные или другие, в действительности представляющие собой лишь адаптации великой изначальной и универсальной Традиции, различные одеяния одной истины. Те, которые превзошли все отдельные формы, достигнув всеобщего, и таким образом «знают» то, во что другие просто «верят», неизбежно являются «ортодоксами» с точки зрения любой регулярной традиции; и в то же время только они могут назвать себя в полной мере и действительно «католиками», в строго этимологическом смысле этого слова²²⁸, тогда как другие никогда не смогут стать ими иначе чем виртуально, в силу стремления, пока не достигшего своей цели, или движения, всецело направленного к центру, но не сумевшего реально его достичь.

Те, кто вышел за пределы формы, освободились тем самым от ограничений, свойственных индивидуальному положению обычного человечества; те же, кто достиг лишь центра человеческого состояния, но не реализовал в действительности состояний высших, в любом случае преодолел ограничения, в силу которых человек, утративший «изначальное состояние» целостности, связан с отдельной индивидуальностью, равно как и с определенной формой, ибо непосредственное начало всех индивидуальностей и всех форм человеческой области находится в той самой точке, где они помещены. Вот почему они могут, как мы сказали

выше, облекать различные индивидуальности, адаптируясь к любым обстоятельствам; сами же индивидуальности поистине имеют значение не большее, чем простые одежды. Отсюда можно понять, что в действительности обозначает изменение имени, и это, естественно, связано с тем, что мы сказали ранее по поводу инициатических имен; впрочем, повсюду, где встречается подобная практика, она всегда представляет собой изменение состояния на более или менее глубоком уровне; в самих монашеских орденах смысл ее существования по сути тот же; ведь и мирская индивидуальность²²⁹ должна исчезнуть, чтобы уступить место новому существу, и даже когда символика в ее глубинном смысле уже не вполне понятна, она, однако, сама по себе сохраняет определенную эффективность.

Если будут поняты эти немногочисленные указания, то станет понятно и то, почему истинные братья Розы и Креста никогда не могли бы учредить что бы то ни было, близко или отдаленно напоминающее «общество» или даже какую-либо внешнюю организацию; они, несомненно, могли бы — как это делают на Востоке и особенно на Дальнем Востоке посвященные примерно той же степени — вдохновлять, более или менее непосредственно и в известном смысле незримо, внешние организации, временно образованные с той или иной специальной и конкретной целью; но, хотя подобные организации могли бы по этой причине именоваться «розенкрейцерскими», сами они несколько с ними не связаны и — кроме, пожалуй, нескольких совершенно исключительных случаев — не играли в них никакой внешней роли. То, что называли Розой и Крестом на Западе начиная с XIV века и что получило иные наименования в другие времена и в других местах (ибо имя обладает здесь чисто символическим значением и само должно применяться к обстоятельствам), — это не какая-либо ассоциация, а сообщество существ, достигших одного и того же состояния — высшего, нежели у обычного человечества, — одной и той же степени действительной инициации, существенный аспект которой мы только что указали, и обладающих также одними и теми же внутренними особенностями; всего этого им достаточно, чтобы узнавать друг друга, не нуждаясь в каком-либо внешнем знаке. Вот почему у них нет иного места собраний, кроме «Храма Святого Духа, который повсюду», так что приводимые порой описания его мо-

гут пониматься только символически; потому также они неизбежно остаются неизвестными профанам, среди которых живут, внешне подобные им, хотя совершенно отличные от них в действительности; ведь единственные их отличительные знаки — чисто внутреннего свойства и могут быть замечены только теми, кто достиг такого же духовного развития; так что их влияние, связанное скорее с «воздействием присутствия», нежели с какой-либо внешней деятельностью, осуществляется путями, совершенно непостижимыми для обычных людей.

РОЗА И КРЕСТ И РОЗЕНКРЕЙЦЕРЫ

Мы подошли, таким образом, к розенкрейцерам; поэтому, пожалуй, будет небесполезным — хотя этот предмет относится скорее к частному случаю, нежели к инициации в целом,— внести вначале некоторые уточнения; ведь имя Розы и Креста употребляют в наши дни неточно и зачастую неверно, прилагая его без различия к самым разным персонажам, из которых, несомненно, весьма немногие действительно имели бы на это право. Во избежание всей этой путаницы, пожалуй, было бы лучше всего установить четкое различие между Розой и Крестом и розенкрейцерами, причем последний термин безусловно мог бы получить более широкое распространение, нежели первый; и, вероятно, большинство так называемых братьев Розы и Креста, повсеместно обозначаемых как таковые, в действительности являются только розенкрейцерами. Чтобы понять полезность и значение такого различия, следует прежде всего напомнить, что — как мы только что сказали — истинные братья Розы и Креста никогда не учреждали организации с определенными внешними формами и что имелись, однако, по крайней мере с начала XVII столетия, многочисленные ассоциации, которые можно квалифицировать как розенкрейцерские²³⁰, хотя это вовсе не означает, что их члены были братьями Розы и Креста; можно даже с уверенностью сказать, что они отнюдь не были таковыми,— именно потому, что входили в подобные ассоциации; на первый взгляд это может показаться парадоксальным и даже противоречивым, но становится вполне понятным после рассуждений, приведенных выше.

Указанное нами различие отнюдь не сводится к простому вопросу терминологии и в действительности связано с предметом более глубокого порядка, ибо термин «Роза и Крест» является, как мы уже объяснили, обозначением реальной инициатической степени, т. е. определенного ду-

ховного состояния, не связанного обязательно с фактом принадлежности к какой-либо конкретной организации. Он обозначает то, что можно назвать совершенством человеческого состояния, ибо сам символ Розы и Креста обоими образующими его элементами выражает реинтеграцию существа в центр этого состояния и полный расцвет его индивидуальных способностей исходя из этого центра; итак, он весьма точно обозначает восстановление «изначального состояния» или, иными словами, завершение посвящения в «малые мистерии». С другой стороны, с точки зрения, которую можно назвать «исторической», следует учитывать тот факт, что такое обозначение Розы и Креста, очевидным образом связанное с использованием определенной символики, употреблялось только в определенных, конкретных обстоятельствах места и времени, вне которых применять его было бы неправомерно; можно было бы сказать, что те, кто достиг указанной степени, появлялись как братья Розы и Креста только в данных обстоятельствах и по причинам случайного порядка, как могли бы в других обстоятельствах появиться под другими именами и в иных аспектах. Разумеется, сам символ, с которым соотносится данное название, может быть гораздо более древним, нежели подобное его употребление; пожалуй, как и в случае всякого истинно традиционного символа, было бы совершенно напрасным выяснять его конкретное происхождение. Мы лишь отметим, что это название было применено к инициатической степени только начиная с XIV века и, более того, единственно в западном мире; следовательно, он используется только в конкретной традиционной форме — христианском эзотеризме или, точнее, христианском герметизме; далее мы вернемся к тому, что следует понимать под термином «герметизм». Сказанное нами подтверждает сама «легенда» о Христиане Розенкрейце, чье имя, впрочем,— чисто символическое; в нем вряд ли можно видеть исторический персонаж, что бы ни говорили другие; скорее, он выглядит как олицетворение того, что можно было бы назвать «коллективной сущностью»²³¹. Общий смысл «легенды» об этом предполагаемом основателе, и в частности приписываемых ему путешествий²³², по-видимому, состоит в том, что после разрушения Ордена тамплиеров посвященные в христианский эзотеризм в согласии с посвященными в исламский эзотеризм произвели реорганизацию, чтобы сохранить, в меру воз-

возможного, связь, по видимости прерванную этим разрушением; но такая реорганизация должна была произойти более скрытым, так сказать, невидимым образом, без опоры на институцию, которая, будучи известной вовне, могла бы поэтому вновь подвергнуться разрушению²³³. Истинные братья Розы и Креста были, собственно говоря, вдохновителями указанной реорганизации; если угодно, это были обладатели инициативной степени, о которой мы говорили, известные именно тем, что они играли эту роль; так продолжалось вплоть до того момента, когда — вследствие других исторических событий — в XVII столетии упомянутая традиционная связь была решительно прервана западным миром²³⁴. Тогда братья Розы и Креста удалились на Восток, а это означает, что отныне на Западе не осталось никакой инициации, позволяющей действительно достигнуть подобной степени, а также что деятельность по сохранению соответствующего традиционного учения, которая осуществлялась там дотоле, более не проявляется вовне, по крайней мере регулярным и нормальным образом²³⁵.

Знать же, каковы были истинные братья Розы и Креста, и утверждать с уверенностью, был ли тот или иной персонаж одним из них, представляется совершенно невозможным — ибо речь идет прежде всего о духовном, т. е. чисто внутреннем состоянии, судить о котором по каким-либо внешним признакам было бы весьма опрометчиво. Более того, в силу самого своего положения братья Розы и Креста не могли оставить какого-либо видимого следа в светской истории; так что, даже если их имена были бы известны, они, несомненно, никому ничего не говорили бы; в этом плане отсылаем к сказанному выше об изменении имен, что вполне объясняет, как это может быть в действительности. Что касается лиц, чьи имена известны, — в частности, авторов тех или иных сочинений, — которых обыкновенно называют братьями Розы и Креста, то наиболее вероятно, что чаще всего они более или менее непосредственно подвергались воздействию или инспирации со стороны братьев Розы и Креста, которым служили своего рода рупором²³⁶; мы объясним это, сказав, что это были только розенкрейцеры — принадлежали они или нет к одному из объединений, которым можно было дать такое название. Напротив, если бы оказалось — в порядке исключения и как бы случайно, — что истинный брат Розы и Креста сыграл роль во внешних

событиях, то это произошло бы в известном смысле скорее вопреки его качеству, нежели благодаря ему, и тогда истории никоим образом не смогут догадаться об этом качестве — настолько к разным областям относятся обе вещи. Все это наверняка не удовлетворит любопытствующих, но они должны с этим смириться; множество вещей ускользает таким образом от способов исследования, принятых в светской истории, которая неизбежно, по самой своей природе, позволяет уловить лишь то, что можно назвать «внешней стороной» событий.

Следует сказать еще об одной причине, по которой истинные братья Розы и Креста должны были всегда оставаться неизвестными: ни один из них не может утверждать, что он является таковым, подобно тому как в исламской инициации ни один настоящий суфий не может открыто называть себя этим именем. Здесь даже имеется сходство, которое особенно интересно отметить, хотя, по правде говоря, оба наименования не равнозначны; ведь название «суфий» в действительности предполагает нечто более высокого порядка, нежели тот, на который указывает название «Роза и Крест»; оно относится к возможностям, превосходящим возможности человеческого состояния, даже совершенного; строго говоря, оно должно быть сохранено для существа, которое достигло реализации «Высшего Отождествления», т. е. конечной цели любой инициации²³⁷; но, разумеется, такое существо тем более обладает степенью, соответствующей Розе и Кресту, и может, если потребуется, выполнять надлежащие функции. Впрочем, обычно имя суфия употребляют столь же неверно, как имя Розы и Креста, применяя его даже к тем, кто только находится на пути, ведущем к действительной инициации, и не достиг еще и первых ее степеней; по этому поводу можно заметить, что подобное неправомерно расширительное толкование не менее часто дается слову «йог», если речь идет об индуистской традиции, так что это слово, также обозначающее того, кто достиг высшей цели, и являющееся, таким образом, точным эквивалентом «суфия», стало применяться к тем, кто находится еще на предварительных стадиях и даже на стадии самой внешней подготовки. Не только в подобном случае, но даже и для того, кто достиг самых высоких степеней, но не конечной цели, подходящим обозначением будет *мутавауф*; и поскольку сам суфий не отмечен никаким

внешним отличием, это обозначение к тому же будет единственным, которое он сможет принять, отнюдь не по чисто человеческим соображениям — скажем, из осторожности или смирения, но потому, что его духовное состояние представляет собой поистине неизреченную тайну²³⁸. Это различие в более ограниченной области (поскольку она не выходит за рамки человеческого состояния) аналогично тому, которое можно выразить двумя терминами — «брат Розы и Креста» и «розенкрейцер», причем последний может обозначать любого, стремящегося к состоянию Розы и Креста, независимо от достигнутой им степени, даже если он получил еще только чисто виртуальную инициацию в форме, которой это обозначение фактически соответствует. С другой стороны, из сказанного можно извлечь нечто вроде негативного критерия — в том смысле, что если кто-нибудь объявил себя братом Розы и Креста или суфием, то можно утверждать, даже не предпринимая более глубокого исследования, что в действительности он им, конечно, не является.

Другой негативный критерий проистекает из того факта, что братья Розы и Креста никогда не связывали себя с какой-либо внешней организацией; если кто-нибудь слышит членом подобной организации, то также можно утверждать, что именно потому, что он активно в ней участвует, он не является братом Розы и Креста. Впрочем, организации этого рода получили название Розы и Креста очень поздно, ибо они появились, как мы отмечали выше, только в начале XVII столетия, т. е. незадолго до момента, когда истинные братья Розы и Креста удалились с Запада; и по ряду признаков видно даже, что те, кто назвал себя этим именем, уже в большей или меньшей степени отклонились от пути, во всяком случае, сильно отошли от первоначального источника. Тем более так обстояло дело с организациями, которые были учреждены под тем же названием еще позднее, причем большинство из них, несомненно, не могли претендовать на какую-либо аутентичную и регулярную преемственность по отношению к Розе и Кресту, сколь бы косвенной она ни была²³⁹; мы уже не говорим, разумеется, о многочисленных современных псевдоинициатических образованиях, в которых только и есть розенкрейцерского, что присвоенное название, но нет и следа какой-либо традиционной доктрины; они попросту, по личной инициативе их основателей, усвоили символ, который каждый интерпретирует

в меру собственной фантазии, по причине незнания его истинного смысла, полностью ускользающего как от этих мнимых розенкрейцеров, так и от первого встречного профана.

Мы должны вернуться еще к одному пункту, чтобы внести в него большую ясность; мы сказали, что в основе розенкрейцерства должно было лежать сотрудничество между посвященными двух эзотеризмов — христианского и исламского; это сотрудничество, вероятно, продолжилось и впоследствии, поскольку речь шла именно о сохранении связи между инициациями Востока и Запада. Мы скажем даже больше: одни и те же лица, пришедшие из христианства или ислама, могли, если они жили на Востоке и на Западе (и постоянные намеки на их путешествия, помимо всякой символики, наводят на мысль, что так обстояло дело для большинства из них), быть одновременно братьями Розы и Креста и суфиями (или *мутасаввуфинами* высших степеней), причем достигнутое ими духовное состояние означало, что они находились за пределами различий между внешними формами, ни в чем не затрагивающих сущностное и фундаментальное единство традиционной доктрины. Разумеется, следует, тем не менее, учитывать различие между *тасаввуф* и розенкрейцерством — двумя разными формами традиционного учения; и розенкрейцеры, более или менее непосредственные ученики братьев Розы и Креста,— это только те, кто следует особым путем христианского герметизма; но не может быть инициатической организации, вполне достойной этого имени и осознающей свою цель, которая не имела бы во главе своей иерархии существ, преодолевших многообразие формальных различий. Последние могут, сообразно обстоятельствам, выступать как розенкрейцеры, как *мутасаввуфины*, или без каких-либо внешних особенностей; они поистине осуществляют живую связь между всеми традициями, ибо своим осознанием единства реально участвуют в великой изначальной Традиции, от которой — посредством адаптации ко времени и месту — произошли все остальные и которая едина, как сама Истина.

Глава XXXIX

ВЕЛИКИЕ МИСТЕРИИ И МАЛЫЕ МИСТЕРИИ

Мы неоднократно упоминали в предшествующем изложении о различии между «великими мистериями» и «малыми мистериями»; эти названия заимствованы из античной Греции, но могут употребляться в более общем плане; теперь нам необходимо немного остановиться на данном вопросе, дабы уточнить, как лучше понимать это различие. Прежде всего следует хорошенько уяснить, что речь идет не о двух различных видах инициации, но о стадиях или степенях одной и той же инициации, если рассматривать ее как единое целое, которое должно быть доведено до своего высшего предела; в принципе, «малые мистерии» — это лишь подготовка к «великим мистериям», поскольку сам их предел — только этап на инициатическом пути. Мы говорим «в принципе», ибо вполне очевидно, что каждое существо на деле может пойти только до той точки, где кончаются его собственные возможности; следовательно, некоторые окажутся пригодными только для «малых мистерий» или даже для более или менее ограниченной части последних; но это означает лишь то, что они не способны следовать инициатическим путем до конца, а отнюдь не то, что они следуют иным путем, нежели те, кто может идти дальше, чем они.

«Малые мистерии» включают все то, что относится к развитию возможностей человеческого состояния, взятого в его целокупности; они приводят, следовательно, к тому, что мы назвали совершенством этого состояния, т. е. к тому, что традиционно обозначалось как восстановление «изначального состояния». «Великие мистерии» касаются собственно реализации сверхчеловеческих состояний: беря существо в той точке, где для него завершаются «малые мистерии» и которая является центром области человеческой индивидуальности, они ведут его за пределы этой области, и через сверхиндивидуальные, но еще обусловленные состояния — вплоть до состояния необусловленного, каковое только

и является истинной целью, обозначенной как «окончательное Освобождение» или «Высшее Отождествление». Чтобы охарактеризовать соответственно обе эти фазы, можно, прибегнув к геометрической символике²⁴⁰, говорить о «реализации горизонтальной» и «реализации вертикальной», где первая служит основой для второй; эта основа символически представлена землей, соответствующей человеческой области, а сверхчеловеческая реализация описана как восхождение сквозь семь небес, соответствующее высшим состояниям сущего²⁴¹. Впрочем, нетрудно понять, почему второе обязательно предполагает первое: центральная точка человеческого состояния — единственная, где возможно прямое общение с высшими состояниями; ведь последнее происходит вдоль вертикальной оси, которая пересекает в этой точке человеческую область; нужно, стало быть, вначале достичь этого центра, чтобы суметь потом подняться, следуя направлению оси, к сверхиндивидуальным состояниям; и вот почему, если использовать язык Данте, «земной Рай» — это этап на пути, ведущем в «Рай небесный»²⁴².

Мы процитировали и объяснили в другом месте текст, в котором Данте соотносит «Рай небесный» и «Рай земной» с традиционным пониманием соответственно роли духовного авторитета и роли мирской власти, т. е., другими словами, с ролью священнослужителей и царей²⁴³; мы лишь кратко напомним важные последствия, которые — с точки зрения, занимающей нас в данный момент, — вытекают из этого соответствия. Из них действительно следует, что «великие мистерии» непосредственно связаны со «священнической инициацией», а «малые мистерии» — с «инициацией царской»²⁴⁴; в терминологии, заимствованной из индуистской организации каст, первые, как правило, рассматриваются как собственная область брахманов, а вторые — как область кшатриев²⁴⁵. Можно сказать также, что первая из двух областей принадлежит к сфере «сверхъестественной» или «метафизической», тогда как вторая — только к сфере «естественной» или «физической», что действительно соответствует атрибутам духовного владычества и мирской власти; а с другой стороны, это также позволяет точно охарактеризовать уровень знаний, с которым соотносятся «великие мистерии» и «малые мистерии» и который они используют в их части инициатической реализации: последние включают в себя преимущественно знание природы (рассматрива-

емой, разумеется, с точки зрения традиционной, а отнюдь не профанной, каковой является точка зрения современных наук), а первые — знание о том, что находится за пределами природы. Чистое метафизическое знание относится, следовательно, к области «великих мистерий», а знание традиционных наук — к области «малых мистерий»; так как первое является, кроме того, началом, из которого неизбежно истекают все традиционные науки, отсюда следует также, что «малые мистерии», по сути, зависят от «великих мистерий», заимствуя у них самый свой принцип; подобным образом и мирская власть получает свою легитимность от духовного владычества, заимствуя у него свой принцип.

Мы упомянули только брахманов и кшатриев, но не следует забывать, что и вайшьи могут обладать качествами, необходимыми для инициации; в самом деле, мы повсюду находим как будто специально для них предназначенные инициатические формы, основанные на занятиях ремеслами; мы не намерены долго останавливаться на этом, поскольку уже объяснили их принцип и смысл существования в другом месте²⁴⁶; впрочем, мы вынуждены и здесь неоднократно возвращаться к этому вопросу, учитывая, что именно с такими формами связано все то, что еще сохраняется от инициатических организаций на Западе. Инициатическая область «малых мистерий» подходит вайшьям в еще большей мере, чем кшатриям; эта общность области, если можно так выразиться, зачастую приводила к контактам между инициатическими формами, предназначенными для тех и других²⁴⁷, и, вследствие этого, к более тесным отношениям между организациями, в которых, соответственно, практиковались эти формы²⁴⁸. Очевидно, что вне человеческого состояния индивидуальные различия, на которых по преимуществу базируются занятия ремеслом, полностью исчезают, переставая играть какую-либо роль; как только существо достигает «изначального состояния», дифференциации, порождающие различные «специализированные» функции, прекращают существовать, хотя все эти функции в равной мере имеют в нем и свой общий источник или, скорее, именно благодаря этому; и к источнику-то и нужно вернуться, следуя вплоть до завершения «малых мистерий», чтобы во всей полноте овладеть тем, что включает в себя исполнение какой-либо функции.

Если мы рассмотрим историю человечества так, как это учат традиционные доктрины,— в согласии с циклическими законами,— то должны будем сказать, что вначале человек, вполне овладевший своим состоянием существования, естественно, располагал тем самым и возможностями, соответствующими всем функциям, еще задолго до какого-либо различия последних. Разделение этих функций произошло на позднейшей стадии, представлявшей уже состояние, низшее по отношению к «изначальному» состоянию; но и в нем каждое человеческое существо, располагавшее теперь лишь некоторыми определенными возможностями, еще спонтанным образом реально осознавало эти возможности. Только в период наибольшего помрачения такое осознание было утрачено; и с тех пор возникла необходимость в инициации, призванной дать человеку возможность вновь обрести, вместе с этим сознанием, предшествующее состояние, которому оно было свойственно; такова в действительности первая из целей инициации, которую она ставит самым непосредственным образом. Чтобы это стало возможным, требуется трансмиссия, восходящая по непрерывной «цепи» до состояния, которое необходимо восстановить, и так, шаг за шагом, вплоть до самого «изначального состояния»; и далее — поскольку инициация на этом не останавливается, а «малые мистерии» суть только подготовка к «великим мистериям», т. е. к овладению высшими состояниями сущего,— следует в конечном счете подняться за пределы самих истоков человечества; вот почему вопрос об «историческом» происхождении инициации выглядит совершенно лишенным смысла. Впрочем, так же обстоит дело во всем, что касается происхождения ремесел, искусств и наук в их традиционном и правоммерном понимании; ведь все они, посредством многочисленных, но второстепенных дифференциаций и адаптаций, подобным же образом происходят от «изначального состояния», которое содержит их все в едином первоначале, и тем самым связывают себя с другими уровнями существования, за пределами самого человечества; а это, к тому же, необходимо, чтобы они могли, на своем уровне и в свою меру, эффективно способствовать реализации «плана Великого Архитектора Вселенной».

Мы должны еще добавить, что, поскольку «великие мистерии» — это область чисто метафизического знания, сущ-

ностью единого и неизменного в силу его изначального характера, искажения могли произойти только в области «малых мистерий»; и это помогло бы объяснить многие факты, касающиеся некоторых неполных инициатических организаций. В целом эти искажения свидетельствуют о том, что нормальная связь с «великими мистериями» была прервана, так что «малые мистерии» в конце концов были приняты за цель сами по себе; и в этих условиях они даже не могут более быть реально доведены до конца, но в известном смысле растрачивают свои силы на развитие более или менее вторичных возможностей,— развитие, которое, не будучи уже упорядоченным ради достижения некоей высшей цели, рискует поэтому принять дисгармоничный характер, в чем и состоит искажение. С другой стороны, в той же области «малых мистерий», и только в ней, истинной инициации способна противостоять контринициация, вступающая с ней в борьбу²⁴⁹; область «великих мистерий», которая связана со сверхчеловеческими состояниями и с чисто духовным уровнем, по самой своей природе находится вне подобной оппозиции; следовательно, она совершенно закрыта для всего, что не является истинной инициацией согласно традиционной ортодоксии. Из всего этого следует, что возможность заблуждения сохраняется, покуда существо не вернулось вновь в «изначальное состояние», но она исчезает, как только оно достигает центра человеческой индивидуальности; вот почему можно сказать, что тот, кто достиг этой точки, т. е. завершения «малых мистерий», уже виртуально «стал свободным»²⁵⁰, хотя сможет им действительно стать лишь тогда, когда пройдет путь «великих мистерий» и в конечном счете осуществит «Высшее Отождествление».

Глава XL

ИНИЦИАЦИЯ СВЯЩЕННИЧЕСКАЯ И ИНИЦИАЦИЯ ЦАРСКАЯ

Хотя сказанного в целом достаточно, чтобы вполне ясно охарактеризовать инициацию священническую и царскую, мы полагаем необходимым остановиться еще немного на вопросе об их отношениях, из-за некоторых ошибочных концепций, встречавшихся нам в различных местах; они пытаются представить каждую из обеих инициаций как образующую некое завершенное целое, как будто речь идет не о двух иерархически различных степенях, а о двух самостоятельных доктринальных типах. Главное намерение тех, кто распространяет подобную концепцию, по-видимому, состоит в том, чтобы противопоставить восточные традиции, относящиеся якобы к священническому и созерцательному типу, и традиции западные, принадлежащие к типу воинскому и царскому, или активному; если они не доходят до провозглашения превосходства одних над другими, то пытаются по крайней мере уравнять их. Добавим, что чаще всего этому сопутствует — в случае западных традиций — весьма фантастическое историческое воззрение на их происхождение, — например гипотеза о «средиземноморской традиции», первоначальной и единой, которой, вероятно всего, никогда не существовало.

В действительности вначале, до разделения каст, обе функции — священническая и царская — не существовали в отдельном и дифференцированном состоянии; обе они содержались в их общем первопринципе, вне каст: последние выделились из него только в конечной фазе цикла земного человечества²⁵¹. Впрочем, очевидно, что как только выделились касты, всякая социальная организация должна была, в той или иной форме, охватить их все в равной мере, ибо они представляют различные функции, которые неизбежно должны сосуществовать; невозможно вообразить общество, состоящее единственно из брахманов или же только из кшатриев. Сосуществование этих функций, как пра-

вило, предполагает их иерархизацию, соответственно присущей им природе и, следовательно, природе индивидов, которые их исполняют; брахман выше кшатрия по природе, а не потому, что он более или менее произвольно занял первое место в обществе; он таков потому, что знание выше действия, ибо «метафизическая» область выше области «физической», подобно тому как начало выше того, что из него вытекает; отсюда и следует, не менее естественным образом, различие между «великими мистериями», составляющими собственно священническую инициацию, и «малыми мистериями», составляющими инициацию царскую.

Если это так, то любая традиция, чтобы быть регулярной и полной, должна одновременно содержать в себе обе инициации, или, точнее, обе части инициации, т. е. «великие мистерии» и «малые мистерии», причем вторая часть непременно подчинена первой, как достаточно ясно указывают сами обозначающие их термины. Такое подчинение отрицалось лишь мятежными кшатриями, которые стремились перевернуть нормальные отношения, а в определенных случаях преуспевали в создании своего рода нерегулярной и неполной традиции, сведенной к области «малых мистерий» — единственной, которая была им известна, — ошибочно представляя последние как целостную доктрину²⁵². В подобном случае сохраняется только царская инициация, впрочем выродившаяся и искаженная, поскольку она уже не связана с первопринципом, который ее обосновывал; что касается противоположного случая, когда сохранялась бы только священническая инициация, то ни одного подобного случая нигде нельзя обнаружить. Этого достаточно, чтобы сделать вывод: если действительно существуют два типа традиционных и инициатических организаций, то один является регулярным и нормальным, а второй — иррегулярным и аномальным, один — полным, а другой — неполным (и надо ли добавлять — неполным сверху); иначе и быть не могло, причем повсеместно, как на Западе, так и на Востоке.

Конечно, по крайней мере при нынешнем положении дел, как мы говорили во многих случаях, созерцательные тенденции гораздо шире распространены на Востоке, а активные тенденции (или, скорее, «деятельные» в самом внешнем смысле слова) — на Западе; но это все же вопрос пропорции, а не исключительности. Если бы на Западе

имелась традиционная организация (и, подчеркнем,— целостная традиционная организация, действительно содержащая оба аспекта — эзотерический и экзотерический), она должна была бы, разумеется, включать в себя, подобно организациям Востока, одновременно священническую и царскую инициацию (независимо от частных форм, которые они могли принять с целью адаптации к условиям среды), но всегда с признанием превосходства первой над второй, безотносительно к числу индивидов, способных воспринять ту или иную из двух этих инициаций; ведь число здесь ничего не значит и никоим образом не могло бы изменить то, что присуще самой природе вещей²⁵³.

Хотя на современном Западе не существует ни царской, ни священнической инициации²⁵⁴, иллюзию может породить то обстоятельство, что здесь легче найти следы первой, нежели второй; это объясняется прежде всего связями, сохраняющимися между царской инициацией и инициациями ремесла, как мы указали выше; благодаря этому подобные следы можно встретить в организациях, сложившихся на основе ремесленных инициаций, которые еще и сегодня существуют в западном мире²⁵⁵. Скажем больше: в силу довольно странного феномена можно видеть, как порой — более или менее фрагментарным, но тем не менее весьма очевидным образом — вновь дают о себе знать остатки этих ослабленных и искаженных традиций, которые были, в весьма различных обстоятельствах места и времени, продуктом мятежа кшатриев; главную черту этих традиций составляет их «натуралистский» характер²⁵⁶. Не задерживаясь на этом более, отметим только, что в таких случаях преимущественное внимание уделяется некоей «магической» точке зрения (не следует, впрочем, понимать под этим исключительно поиск внешних, более или менее необычных эффектов, как бывает, когда речь идет о псевдоинициации), вследствие искажения традиционных наук, отделившихся от их метафизического принципа²⁵⁷.

«Смешение каст», т. е. разрушение всякой истинной иерархии, характерное для последнего периода Кали-юги²⁵⁸, делает к тому же более сложным, в особенности для тех, кто не достигает самой сути вещей, точное определение реальной природы элементов, на которые мы здесь намекаем; и мы еще, несомненно, не дошли до крайней степени смешения. Исторический цикл, начавшийся с уровня высшего,

нежели различие каст, должен завершиться постепенным нисхождением, различные этапы которого мы описали в другом месте²⁵⁹, к уровню низшему, нежели это различие; ведь, как мы указали выше, существует два противоположных способа пребывать вне каст: можно быть и по эту и по ту сторону — выше самой высокой или ниже самой низкой из них; и если в первом случае речь шла, естественно, о людях начала цикла, то во втором — об огромном большинстве людей в его конечной фазе; уже сейчас достаточно очевидны признаки последней, а потому не будем на этом останавливаться; всякий, кто не полностью ослеплен известными предрассудками, не сможет отрицать, что тенденция к уравниванию по низшему уровню стала одной из самых поразительных черт нынешней эпохи²⁶⁰.

Можно было бы, однако, высказать следующее возражение: если конец одного цикла должен обязательно совпасть с началом другого, то каким образом низшая точка может воссоединиться с высшей? В другом месте мы уже отвечали на этот вопрос²⁶¹: восхождение действительно должно произойти и станет возможным именно тогда, когда будет достигнута низшая точка: оно, собственно, связано с тайной «смены полюсов».

Это восхождение должно, впрочем, быть подготовлено, даже зримо, еще до конца нынешнего цикла; но его сможет осуществить только тот, кто, соединив в себе могущество Неба и Земли, Востока и Запада, проявит внешним образом, одновременно в области знания и области действия, двойную власть — священническую и царскую, сохраняющуюся на протяжении столетий в целостности ее единого принципа тайными хранителями изначальной Традиции. Впрочем, было бы тщетным стремление уже теперь узнать, когда и как произойдет подобная манифестация; и, несомненно, она будет весьма отличаться от всего, что можно вообразить; «тайны Полюса» (*ал-асрар-ал-кутбаниях*) хорошо охраняются, и ничто не станет известным вовне, прежде чем исполнится назначенный срок.

Глава ХLI

НЕКОТОРЫЕ РАССУЖДЕНИЯ О ГЕРМЕТИЗМЕ

Выше мы сказали, что братья Розы и Креста были существами, достигшими реального завершения «малых мистерий», и что розенкрейцерская инициация, вдохновленная ими, была частной формой христианского герметизма; сближая сказанное с тем, что мы объяснили в предшествующей главе, уже можно понять, что герметизм в целом принадлежит к области «царских мистерий». Однако стоило бы еще несколько уточнить этот вопрос; ведь и сюда внесено немало путаницы, и само слово «герметизм» употребляется многими из наших современников весьма смутным и нечетким образом; мы имеем в виду не только оккультистов, в отношении которых все это слишком очевидно; но существуют и другие, кто, изучая вопрос более серьезно, из-за ряда предвзятых идей не вполне четко уясняют себе, о чем в действительности идет речь.

Прежде всего, следует отметить, что слово «герметизм» указывает на традицию египетского происхождения, облекшуюся впоследствии, вероятно в александрийскую эпоху, в эллинистическую форму и переданную в этой форме в средние века одновременно исламскому миру и миру христианскому; добавим, второму в значительной мере при посредничестве первого²⁶², как это доказывают многочисленные арабские или арабизированные термины, усвоенные европейскими герметистами, и прежде всего само слово «алхимия» (*ал-химия*)²⁶². Было бы неверным распространять название «герметизм» на другие традиционные формы, например, называть «Каббалой» не древнееврейский эзотеризм, а нечто иное²⁶⁴; это не значит, разумеется, что его эквивалентов нет в других местах; более того, такая традиционная наука, как алхимия²⁶⁵, имеет точное соответствие в доктринах Индии, Тибета и Китая, хотя со способами выражения и методами реализации, естественно, весьма различными; но когда произносят слово «герметизм», тем

самым указывают четко определенную форму, происхождение которой может быть только греко-египетским. В самом деле, обозначенная таким образом доктрина возводится, стало быть, к Гермесу, поскольку последний рассматривался греками как идентичный египетскому Тоту; кроме того, эта доктрина выводится прежде всего из священнического учения; ведь Тот в его роли хранителя и передатчика традиции есть не что иное, как само воплощение древнего египетского жречества или, точнее, «сверхчеловеческого» принципа, от которого последнее получало свою власть, формулируя и передавая от его имени инициатическое знание. Не следует видеть в этом ни малейшего противоречия с тем фактом, что данная доктрина принадлежит области царской инициации, ибо нужно уяснить, что в любой регулярной и полной традиции именно священство в силу своей основной функции — обучения — в равной мере дарует, прямо или опосредованно, обе инициации, обеспечивая действительную легитимность самой царской инициации и связывая ее с ее высшим принципом таким образом, что мирская власть может черпать свою легитимность только из освящения, полученного от духовной власти²⁶⁶.

Вследствие сказанного главный вопрос ставится следующим образом: можно ли рассматривать то, что сохранилось под именем «герметизм», как традиционную доктрину саму по себе? Ответ может быть только отрицательным, так как речь здесь идет о знании не метафизического, но только космологического уровня, если понимать это слово в его двойном значении — «микrokосмическом» и «макrokосмическом»; ибо, разумеется, во всякой традиционной концепции всегда имеется четкое соответствие между двумя этими точками зрения. Следовательно, нельзя допустить, что герметизм — в том смысле, который приобрело это слово еще в александрийскую эпоху и постоянно сохраняло с тех пор,— представляет, пусть под видом «реадаптации», целостную египетскую традицию, тем более что это находилось бы в явном противоречии с ведущей ролью, играемой в последней жречеством, о чем мы только что напомнили; хотя космологическая точка зрения, по-видимому, была в нем особо развита — по крайней мере насколько еще возможно в наше время судить о вещах столь неопределенных и, во всяком случае, о наиболее явных следах, дошедших от них, будь то тексты или памятники,— не нужно забывать,

что она может быть лишь вторичной и случайной точкой зрения, приложением изначальной доктрины к знанию того, что мы можем назвать «промежуточным миром», т. е. областью тонкого проявления, где находятся внетелесные продолжения человеческой индивидуальности, или сами возможности, развитие которых связано с собственно «малыми мистериями»²⁶⁷.

Было бы интересно, но, вероятно, весьма трудно исследовать, как эта часть египетской традиции оказалась в известном смысле изолированной и сохранялась внешне независимым образом, а затем встроилась в исламский и христианский эзотеризм Средневековья (что, впрочем, не составило целостной доктрины) настолько, что стала по настоящему неотъемлемой частью того и другого и обеспечила их всей символикой, которая, при соответствующей транспозиции, даже служила порой носителем истин более высокого уровня²⁶⁸. Мы не хотим вдаваться здесь в эти весьма сложные исторические рассуждения; как бы ни обстояло дело с этим частным вопросом, напомним, что науки космологического порядка в действительности в традиционных цивилизациях были прежде всего достоянием кшатриев или тех, кто им соответствовал, тогда как чистая метафизика была, как мы уже сказали, достоянием брахманов. Вот почему мятеж кшатриев против духовной власти брахманов наглядно показал, как подчас возникали неполные традиционные течения, сведенные к одним этим наукам, отделенным от их трансцендентного принципа и даже, как мы указали выше, подвергшимся «натуралистскому» искажению из-за отрицания метафизики и непонимания подчиненного характера «физической» науки²⁶⁹, так же как (обе эти вещи тесно связаны, о чем свидетельствуют уже данные нами объяснения) и преимущественно священнического происхождения всякого инициатического учения, даже специально предназначенного для использования кшатриями. Это не означает, конечно, что герметизм сам по себе представляет такое искажение или в чем-то неправомерен; очевидно, тогда было бы невозможно инкорпорировать его в традиционные ортодоксальные формы; но надо признать, что он весьма предрасположен к этому по самой своей природе, коль скоро представляются благоприятствующие такому искажению обстоятельства²⁷⁰: именно эта опасность, впрочем, грозит в целом всем традиционным наукам, когда

они развиваются в известном смысле сами по себе и теряется из виду их связь с изначальным уровнем. Алхимия, которую можно было бы определить как «технику» герметизма, в действительности есть «царское искусство», если понимать под этим способ инициации, соответствующий именно природе кшатриев²⁷¹; но это как раз и указывает ее точное место в совокупности правильно устроенной традиции; и кроме того, не следует смешивать способы инициативской реализации, каковы бы они ни были, и ее цель, какой, в конечном счете, всегда является чистое знание.

С другой стороны, следует всячески остерегаться проводимого порой уподобления герметизма «магии»; даже если при этом последнюю берут в значении, достаточно отличном от обычного слова, приходится сильно опасаться, что это неправильное словоупотребление может привести только к досадной путанице. Магия, в ее собственном смысле, в действительности является — как мы подробно объясняли — только одной из низших среди всех форм приложения традиционного знания, и мы не видим ни малейшей пользы в том, чтобы воскрешать эту идею, когда речь в действительности идет о вещах, которые, даже будучи второстепенными, все равно относятся к гораздо более высокому уровню. Впрочем, возможно, что здесь таится нечто иное, нежели просто вопрос неудачной терминологии; слово «магия» в нашу эпоху некоторым странным образом зачаровывает; и, как мы уже отметили, предпочтение, оказываемое подобной точке зрения, бывает, пусть даже лишь в интенции, опять же связано с искажением традиционных наук, отделенных от их метафизического принципа; это, несомненно,— основная преграда, с которой рискует столкнуться всякая попытка восстановления или возрождения этих наук, если не начать с того, что поистине является началом во всех отношениях, — т. е. с самого принципа, который в то же время есть также и цель, в виду которой все остальное должно быть правильно упорядочено.

Другая точка зрения, на которой следует остановиться,— это сама чисто «внутренняя» природа истинной алхимии — собственно психическая, если брать ее в самом непосредственном приложении, и духовная, если рассматривать ее в высшем смысле; именно в этом и состоит все ее значение с точки зрения инициативской. Итак, эта алхимия не имеет абсолютно ничего общего с материальными операциями

какой-либо «химии», в нынешнем смысле этого слова; как ни странно, почти все современные люди не понимают этого — как те, кто желал встать в позу защитников алхимии, так и те, кто, напротив, выступал с ее разоблачением; и подобное непонимание еще менее извинительно у первых, нежели у вторых: ведь последние, по крайней мере, никогда не претендовали на овладение каким-либо традиционным знанием. Однако нетрудно заметить, в каких выражениях прежние герметисты говорят об «угольщиках» и «пускателях дыма», в которых надо признать настоящих предшественников нынешних химиков, сколь ни мало лестно это для последних; и даже еще в XVIII веке такой алхимик, как Пернети, не упускал случая подчеркнуть отличие «герметической философии» от «вульгарной химии». Таким образом, как мы уже неоднократно говорили, показывая, что светские науки выступают по отношению к традиционным как «осадок» (*residu*) (но это вещи, настолько чуждые нынешней ментальности, что напоминать об этом нужно неустанно), начало современной химии положила отнюдь не алхимия, к которой она не имеет никакого реального отношения (впрочем, как и «гиперхимия», плод воображения некоторых современных оккультистов)²⁷²; она является только ее деформацией и искажением, следствием непонимания тех, кто, будучи лишенным каких-либо инициативских качеств и неспособным проникнуть хоть сколько-нибудь в истинный смысл символов, восприняли все буквально; следуя самому внешнему и самому обыденному значению употребляемых терминов и полагая, что во всем этом речь шла только о материальных операциях, они предали более или менее беспорядочному экспериментаторству, в любом случае, впрочем, по причинам, вряд ли достойным интереса²⁷³. В арабском мире материальная алхимия также весьма мало почиталась, а порой даже отождествлялась с разновидностью колдовства, тогда как, напротив, в большой чести была алхимия «внутренняя» и духовная, зачастую обозначаемая именем *кимья эс-саада*, или «алхимия блаженства»²⁷⁴.

Впрочем, это не значит, что надо поэтому отрицать возможность трансмутации металлов, являющей собой в глазах черни отличительную черту алхимии; но следует оценивать ее по ее реальному значению, которое в целом не более велико, чем роль каких-либо «научных» экспериментов, и не

смешивать вещи совершенно различного порядка; даже априорно неясно, почему подобные трансмутации не могли бы произойти в ходе процессов, относящихся просто-напросто к «обычной химии» (а по сути, «гиперхимия», которую мы только что упомянули, есть не что иное, как попытка этого рода)²⁷⁵. Имеется и другой аспект этого вопроса: существо, которое достигло реализации некоторых внутренних состояний, может, в силу аналогического отношения «микрокосма» и «макркосма», вызывать вонне соответствующие эффекты; следовательно, вполне допустимо, что тот, кто достиг определенной ступени в практике «внутренней» алхимии, уже тем самым будет способен осуществлять трансмутации металлов или другие вещи того же рода, но совершенно случайным образом и не прибегая к какому-либо процессу материальной псевдоалхимии, а единственно в результате проецирования вонне энергий, которые он носит в себе. Впрочем, и здесь необходимо проводить существенное различие: речь при этом может идти только о действии психического порядка, т. е. об активизации тонких влияний, относящихся к области человеческой индивидуальности, и тогда это будет, если угодно, еще материальная алхимия, но оперирующая способом, совершенно отличным от средств псевдоалхимии, которые относятся исключительно к телесной области; или же — для существа, достигшего более высокой степени реализации,— речь может идти о внешнем воздействии истинных духовных влияний, подобном тому, что происходит в «чудесах» религий, о чем мы уже кратко упоминали ранее. Между этими двумя случаями существует различие, сопоставимое с тем, что отделяет «теургию» от магии (хотя, повторяем еще раз, здесь, собственно, речь идет не о магии, так что мы указываем на это лишь в плане сходства), поскольку в целом здесь имеется в виду различие между духовным уровнем и уровнем психическим; хотя внешние следствия с обеих сторон аналогичны, причины, вызывающие их, полностью и глубоко различны. Впрочем, те, кто реально обладает такими способностями²⁷⁶, не считают нужным демонстрировать их на потребу толпе и даже никак их не используют — разве что в особых обстоятельствах, где их применение оправдывается другими соображениями²⁷⁷.

Как бы то ни было, никогда не следует терять из виду самую основу истинно инициатического учения: всякая реали-

зация, достойная этого имени, носит по сути внутренний характер, даже если она способна вызвать вовне разного рода следствия. Человек может обрести его принципы только в себе самом и лишь потому, что содержит в себе соответствие всему, что существует; не следует забывать, что, согласно формуле исламского эзотеризма, «человек есть символ универсальной Экзистенции»²⁷⁸; и если он сумеет проникнуть в центр своего существа, то достигнет тем самым тотального знания, со всем, что оно включает сверх того: «Тот, кто знает свою Самость, знает своего Господина»²⁷⁹, — и тогда он познает все вещи в высшем единстве самого Первозачала, в котором содержится вся реальность.

Глава XLII

ТРАНСМУТАЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ

С герметизмом связан еще один вопрос — о «долгожительстве», считающемся одной из характерных черт истинных братьев Розы и Креста. Впрочем, о нем в той или иной форме шла речь во всех традициях; это «долгоительство», достижение которого рассматривалось как одна из целей алхимии и составная часть самого завершения «Великого Делания»²⁸⁰, имеет много значений, которые следует тщательно отличать друг от друга, так как они в действительности соответствуют различным уровням возможностей существа. Самый непосредственный смысл, но отнюдь не самый важный,— это, разумеется, продолжение телесной жизни; чтобы понять его возможность, стоит обратиться к учению, согласно которому длительность человеческой жизни постепенно уменьшалась в процессе прохождения разных фаз цикла, проживаемого нынешним земным человечеством, от его истоков до нынешней эпохи²⁸¹. Если рассматривать инициатический процесс в той его части, которая связана с «малыми мистериями», в известном смысле направляющими человека вспять по ходу цикла, с тем чтобы повести его шаг за шагом от состояния нынешнего к «изначальному состоянию», то он должен тем самым предоставить человеку на каждом этапе все возможности, характерные для соответствующего состояния, в том числе возможность жизни более долгой, нежели у обычного современного человека. Будет ли такая возможность реализована или нет — это другой вопрос; в самом деле, известно, что тот, кто поистине обрел способность продлить таким образом свою жизнь, обычно ничего не делает для этого, если не имеет на то особых причин; ведь жизнь реально уже не представляет для него никакого интереса (как трансмутации металлов и другие эффекты подобного рода неинтересны тому, кто способен их осуществить, что в целом относится к тому же уровню возможностей); напротив, он даже может находить

пользу в том, чтобы не задерживаться на этих предварительных этапах, весьма далеких от истинной цели; ведь использование подобных второстепенных и случайных результатов на всех ступенях может лишь отвлечь от самого существенного.

С другой стороны — и это может еще более способствовать верной оценке возможности, о которой идет речь,— в различных традициях сказано также, что длительность телесной жизни никоим образом не может превосходить максимум, т. е. тысячу лет; неважно, впрочем, следует ли понимать это число буквально, или же оно имеет скорее символическое значение; усвоить надо лишь то, что эта длительность в любом случае ограничена и, следовательно, поиск мнимого «телесного бессмертия» совершенно иллюзорен²⁸². Причину такого ограничения по сути довольно легко понять; поскольку всякая человеческая жизнь сама по себе составляет цикл, аналогичный циклу человечества, взятого в совокупности, время в известном смысле «сжимается» для всякого существа, по мере того как оно исчерпывает возможности телесного состояния²⁸³; следовательно, неизбежно должен наступить момент, когда оно будет, скажем так, сведено к точке, и тогда существо в прямом смысле слова не найдет больше в этом мире какой-либо длительности, в которой оно могло бы пребывать; поэтому у него уже не будет иного выхода, как перейти в другое состояние, подчиненное условиям, отличным от условий телесного существования, даже если это состояние в действительности представляет собой лишь одну из внетелесных модальностей индивидуальной человеческой области.

Это приводит нас к рассмотрению других значений «долгожительства», которые действительно соотносятся с иными возможностями, нежели те, что связаны с телесным состоянием; но чтобы хорошенько понять, что же это значит, следует прежде всего уточнить различие между «трансмутацией» и «трансформацией». Мы по-прежнему берем слово «трансформация» в его строго этимологическом смысле, т. е. как «выход за пределы формы»; следовательно, существо можно назвать «трансформированным», только если оно действительно перешло в сверхиндивидуальное состояние (поскольку индивидуальное состояние, каким бы оно ни было, есть тем самым состояние, связанное с формой); значит, речь здесь идет о чем-то таком, чья реализация отно-

сится преимущественно к области «великих мистерий». Что касается самого тела, то его «трансформация» есть не что иное, как переход в изначальную форму существования; другими словами, то, что можно назвать «трансформированным» телом,— это телесная возможность, освобожденная от ограничительных условий, которым она подчинена в ее индивидуальном способе существования (они, впрочем, как и всякое ограничение, носят сугубо отрицательный характер), и неизбежно попадающая, на своем уровне и по тем же основаниям, что и все остальные возможности, в сферу целокупной реализации существа²⁸⁴. Все это, разумеется, выходит за рамки всевозможных концепций «долгожительства»; ведь последнее, по самому определению, обязательно включает длительность и, следовательно, не может — даже при самом большом расширении, на которое оно способно,— выходить за пределы «постоянства» или циклической неограниченности; тогда как, напротив, то, о чем здесь идет речь, в силу своей принадлежности к изначальному уровню относится к вечности — одному из самых существенных атрибутов этого уровня; «трансформация» выводит за пределы всякой длительности, а не в какую-либо из них, сколь бы продолжительной она ни была.

Напротив, «трансмутация» есть, собственно, только изменение состояния внутри формальной области, включающей всю совокупность индивидуальных состояний, или даже, проще говоря, изменение модальности внутри индивидуальной человеческой области; впрочем, это единственный случай, который фактически и надлежит рассматривать²⁸⁵; такая «трансмутация» возвращает нас, следовательно, к «малым мистериям», с которыми в действительности и связаны возможности внетелесного порядка, чья реализация может быть понята в терминах «долгожительства», хотя и в смысле, отличном от того, который мы рассматривали в первую очередь и который не выводит за пределы самого телесного уровня. Здесь можно провести еще и другие различия, в соответствии с тем, идет ли речь о каких-либо расширениях человеческой индивидуальности или о ее совершенстве в «изначальном состоянии». Начнем с возможностей наименее высокого уровня; можно предположить, что в определенных случаях и с помощью особых способов, находящихся в ведении герметизма или того, что ему соответствует в других традициях (ибо то, о чем идет речь, извест-

но, в частности, в индийской и дальневосточной традициях), сами элементы, составляющие тело, могут быть «трансмутированы» и «сублимированы» с целью перенесения их во внетелесную модальность, где существо могло бы пребывать в условиях, менее ограниченных, нежели условия телесной области,— в частности, в плане длительности. В подобном случае существо в определенный момент исчезнет и его тело не оставит ни малейшего следа; оно сможет, впрочем, в особых обстоятельствах временно вновь появиться в телесном мире, в силу «интерференции», существующих между последним и другими модальностями человеческого состояния; этим могут объясняться многие факты, которые нынче, естественно, торопятся объявить «легендами»; но в них, однако, присутствует некая реальность²⁸⁶. Не следует, впрочем, усматривать здесь что-либо «трансцендентное» в истинном смысле этого слова, поскольку речь идет только о человеческих возможностях, чья реализация, правда, может представлять интерес только для существа, которого она делает способным выполнить какую-либо особую «миссию»; в других случаях это представляло бы собой лишь простое «отклонение» в ходе инициативного процесса и более или менее продолжительную остановку на пути, который в нормальных условиях должен вести к восстановлению «изначального состояния».

О возможностях этого «изначального состояния» нам и надлежит поговорить сейчас; поскольку существо, его достигшее, уже виртуально «освободилось», как мы сказали выше, то можно утверждать, что оно тем самым также виртуально «трансформировалось»; разумеется, его трансформация не может быть действительной, поскольку оно еще не вышло из человеческого состояния, а только сполна реализовало его совершенство; но возможности, приобретенные им с тех пор, отражают и в известном смысле «предвосхищают» возможности существа, по-настоящему «трансформированного», поскольку в центре человеческого состояния непосредственно отражаются высшие состояния. Существо, утвердившееся в этом центре, занимает действительно «центральную» позицию по отношению ко всем условиям человеческого состояния; так что, не выходя за их пределы, оно, однако, определенным образом господствует над ними, а не подвластно им, как обычный человек; и это справедливо, в частности, по отношению к условиям и времени,

и пространства²⁸⁷. Отсюда оно сможет, если захочет (несомненно, впрочем, что на той духовной ступени, которой оно достигло, оно никогда не пожелает этого без какого-либо существенного основания), перенестись в любой момент времени, как и в любое место пространства²⁸⁸. Сколь бы необычной ни казалась такая возможность, она, однако, является лишь непосредственным следствием реинтеграции в центр человеческого состояния; и если такое состояние человеческого совершенства достигнуто истинными братьями Розы и Креста, то отсюда можно понять, что в действительности представляет собой «долгительство», приписываемое последним; оно означает даже нечто большее, нежели то, что подразумевается под этим словом на первый взгляд, ибо является, собственно, отражением в сфере человеческого существования самой изначальной вечности. Эта возможность, впрочем, при обычном ходе вещей никоим образом не проявляется вовне; но существо, ее достигшее, отныне постоянно и неизменно обладает ею и не утратит ее ни при каких обстоятельствах; ему достаточно удалиться из внешнего мира и вернуться к самому себе, как только оно пожелает это сделать, чтобы вновь обрести в центре своего собственного существа истинный «источник бессмертия».

Глава XLIII

О ПОНЯТИИ ЭЛИТЫ

Есть слово, употреблявшееся нами в других случаях довольно часто, смысл которого нам надлежит здесь уточнить с точки зрения инициатической, что до сих пор не было сделано в явной форме: это слово «элита», служившее нам для обозначения чего-то такого, что не существует более в нынешнем состоянии западного общества; ее создание или, скорее, воссоздание представляется нам первым и основным условием восстановления интеллекта и реставрации традиции²⁸⁹. Необходимо отметить, что это слово — из числа тех, которые на удивление неверно употребляют в нашу эпоху, даже чаще всего используют их в значениях, не имеющих ничего общего с тем, что они должны обозначать; такие деформации, как мы отмечали по другому поводу, нередко принимают вид настоящей карикатуры и пародии; в частности, так происходит, когда речь идет о словах, которые еще до всякого профанного искажения были в известном смысле освящены традиционным употреблением: и именно таков, как мы увидим, случай слова «элита»²⁹⁰. Такие слова определенным образом связаны, как «технические» термины, с самой инициатической символикой; поэтому, если профаны перенимают порой символ, который неспособны понять, извращают его смысл и употребляют его столь неправомерным образом, сам символ еще не утрачивает свою подлинную сущность; поэтому нет никаких веских причин для того, чтобы неверное употребление слова вынудило нас избегать его; и, впрочем, если бы это было так, то — учитывая беспорядок, царящий в нынешнем языке,— какие термины, в конечном счете, остались бы в нашем распоряжении?

Когда мы ранее употребляли слово «элита», ложные концепции, в рамках которых его обычно применяют, еще не казались нам столь распространенными, как мы затем констатировали, и возможно, так оно и было в действитель-

ности, ибо все это, как видим, все более усугубляется; и в самом деле, никогда не говорили столько об элите поминутно и на каждом шагу, как с тех пор, когда ее более не существует; разумеется, то, что под этим подразумевают, отнюдь не является элитой в подлинном смысле. Более того: нынче даже говорят об «элитах», пытаясь подвести под этот термин всех индивидов, которые хоть сколько-нибудь превосходят «средний» уровень в том или ином виде деятельности, пусть даже в самом низком и далеком от всякой интеллектуальности²⁹¹. Отметим прежде всего, что множественное число является здесь настоящей нелепостью: даже не выходя за пределы обычной светской точки зрения, можно было бы сказать, что это слово — из тех, которые не подлежат употреблению во множественном числе, поскольку смысл их предполагает как своего рода «превосходную степень», так и то, что по самой природе неспособно дробиться и подразделяться; но нам, со своей стороны, надлежит обратиться к соображениям гораздо более глубокого порядка.

Порой ради большей точности и во избежание возможного недоразумения мы употребляли выражение «интеллектуальная элита»; но, правду говоря, это почти плеоназм, так как невозможно даже представить себе, чтобы элита не была интеллектуальной, или, если угодно, духовной, причем оба слова для нас в целом равнозначны, ибо мы не считаем возможным смешивать истинную интеллектуальность с «рациональностью». Это обусловлено тем, что выделение элиты как таковой может, по самому определению, производиться лишь «сверху», т. е. по отношению к самым высоким возможностям существа; и это нетрудно уяснить себе, поразмыслив немного над собственным смыслом слова, непосредственно вытекающим из его этимологии. В самом деле, с собственно традиционной точки зрения значение слова «элита» связано с тем, что оно производно от слова «избранный» (*eluc*); и именно это, скажем прямо, побудило нас предпочесть этот термин любому другому; но надо еще несколько уточнить, как его следует понимать²⁹². Не стоит думать, что мы ограничиваемся здесь религиозным и экзотерическим смыслом, какой чаще всего вкладывают в слово «избранные», хотя именно он дает возможность без труда осуществить перенос по аналогии, соответствующий тому, о чем в действительности идет речь; но есть в этом и нечто иное, указание на что можно найти даже и в хорошо известном евангельском изречении, часто цитируемом, но, пожа-

луй, недостаточно понятном: «Много званых, но мало избранных».

В сущности, мы могли бы сказать, что элита в нашем понимании представляет совокупность тех, кто обладает качествами, требуемыми для инициации, и кто, естественно, всегда составляет меньшинство среди людей; в определенном смысле все они «званы», в силу «центрального» положения, какое занимает человеческое существо в данном экзистенциальном состоянии среди всех остальных существ, которые также пребывают в нем²⁹³, но мало «избранных», а в условиях нынешней эпохи их явно меньше, чем когда-либо²⁹⁴. Можно было бы возразить, что эта элита фактически существует всегда, ибо сколь бы ни малочисленны были те, кто обладает качествами, необходимыми для инициации, по крайней мере несколько таких существует, и к тому же число здесь не так важно²⁹⁵; это верно, но тогда они представляют только виртуальную элиту, или, так сказать, возможность элиты, и для ее реального появления прежде всего нужно, чтобы сами они осознали свои качества. С другой стороны, следует уяснить себе, что — как мы объясняли ранее — инициатические качества, которые можно было бы определить с точки зрения собственно «технической», не относятся все исключительно к интеллектуальному уровню, а затрагивают и другие конститутивные элементы человеческого существа; но это абсолютно ничего не меняет в том, что мы сказали об определении элиты, ибо, каковы бы ни были эти качества сами по себе, их всегда следует рассматривать с точки зрения реализации преимущественно интеллектуальной или духовной, и именно в этом состоит в конечном счете их единственный смысл.

Вообще говоря, все те, кто наделен такими качествами, должны были бы иметь тем самым возможность получить инициацию; и если на деле это не так, то причиной тому — нынешнее состояние западного мира; а потому исчезновение элиты, сознающей себя таковой, и отсутствие адекватных ей инициатических организаций предстают как факты, тесно связанные между собой, как своего рода корреляты, так что даже, пожалуй, не возникает вопроса, какой из них является следствием другого. Но очевидно, с другой стороны, что инициатические организации, которые вполне и действительно были бы тем, чем должны быть, а не просто выродившимися остатками некогда существовавших организаций, могли бы реформироваться только в том слу-

чае, если бы их члены обладали не только инициатической способностью, необходимой в качестве предварительного условия, но также действительной предрасположенностью, обусловленной осознанием этой способности. Ведь только таким членам свойственно прежде всего «стремиться» к инициации; и мы перевернули бы нормальные отношения вещей, если бы полагали, что она низойдет к ним независимо от всякого стремления, каковое есть первичное проявление преимущественно «активной» позиции, требуемой всем тем, что относится к подлинно инициатическому уровню. Вот почему возрождение элиты,— элиты, сознающей свои инициатические возможности (хотя эти возможности могут быть скрытыми и неразвитыми, если не существует регулярной традиционной связи),— является здесь первым условием, от которого зависит все остальное,— подобно тому, как наличие предварительно подготовленных материалов необходимо для постройки здания, хотя эти материалы, конечно, смогут выполнить свое предназначение лишь тогда, когда обретут свое место в самом здании.

Если признано, что инициация — это связь с традиционной «цепью», реально достигнутая теми, кто принадлежит к элите, то остается исследовать для каждого из них возможность идти более или менее далеко, т. е., прежде всего, перейти от инициации виртуальной к инициации действительной, затем овладеть в рамках последней той или иной более или менее высокой степенью, сообразно своим собственным частным возможностям. Надлежит, следовательно, рассмотреть — в плане перехода с одного уровня на другой — то, что можно было бы назвать элитой внутри самой элиты²⁹⁶, и именно в этом смысле, вероятно, говорилось об «элите элит»²⁹⁷; другими словами, можно рассмотреть последовательные «избрания», все более и более ограниченные по количеству затрагиваемых индивидов, производимые всегда «сверху» согласно одному и тому же принципу и соответствующие в целом различным ступеням инициатической иерархии²⁹⁸. Таким образом постепенно можно было бы прийти до высшего «выбора» — того, который соотносится с «адептом», т. е. с выполнением высшей цели всякой инициации: и, следовательно, избранник в самом полном смысле этого слова, кого можно назвать «совершенным избранником»,— это тот, кто в конечном счете достигнет реализации «Высшего Отождествления»²⁹⁹.

Глава XLIV

ОБ ИНИЦИАТИЧЕСКОЙ ИЕРАРХИИ

То, что мы только что отметили в связи с инициатической иерархией, нуждается еще в некотором уточнении; ибо по этому вопросу, как и по многим другим, слишком часто происходит путаница не только в чисто профанном мире — чему вообще-то не стоило бы удивляться,— но даже среди тех, кто по тем или иным причинам должен был бы проявлять большую осведомленность в том, о чем идет речь. Впрочем, по-видимому, сама идея иерархии, даже вне инициатической области, стала особенно неясной в нашу эпоху, будучи одной из тех, против которых ожесточился современный дух отрицания, а это, по сути, вполне согласуется с антитрадиционным по преимуществу характером последнего, причем «эгалитаризм» во всех формах представляет просто один из его аспектов. Не менее странно и почти невероятно для того, кто не лишен способности к размышлению, что этот «эгалитаризм» открыто признается и даже настойчиво провозглашается членами инициатических организаций, которые, как бы они ни сократились в числе и каким бы искажениям ни подверглись со многих точек зрения, по-прежнему сохраняют определенное иерархическое устройство, без которого они никоим образом не могли бы существовать³⁰⁰. В этом явно присутствует нечто парадоксальное и даже противоречивое, что можно объяснить лишь крайним беспорядком, царящим ныне повсюду; впрочем, в ином случае светские концепции никогда не смогли бы заполнить, как это случилось, область, по определению совершенно закрытую для них и на которую в нормальных условиях они не смогли бы произвести абсолютно никакого влияния. Нет необходимости задерживаться на этом долее, так как вполне ясно, что мы адресуемся отнюдь не к тем, кто сознательно отрицает любую иерархию; прежде всего, мы хотели бы сказать, что когда дело доходит до этого, то неудивительно, что такую идею порой плохо по-

нимают даже те, кто ее все же признает, и что им случается ошибаться относительно того, как ее следует применять.

Любая инициатическая организация по существу иерархична, так что можно было бы усмотреть в этом одну из ее основополагающих черт, хотя, разумеется, это свойственно не только ей; ведь эта черта присуща также и традиционным «внешним» организациям — мы имеем в виду те, что относятся к экзотерическому уровню; и она может наличествовать в известном смысле (ибо искажение, естественно, тоже имеет свои степени) даже в организациях светского толка, коль скоро они учреждены на своем уровне согласно обычным правилам — по крайней мере, в той степени, в какой эти правила совместимы с самой светской точкой зрения³⁰¹. Однако инициатическая иерархия содержит в себе нечто особое, отличающее ее от всех остальных: она включает в себя, прежде всего, «степени знания», в самом подлинном смысле этого слова (а когда его понимают во всей полноте, то имеют в виду действительное знание), ибо именно в этом и состоят степени инициации, и никакие иные соображения, кроме этого, не должны бы сюда вмешиваться. Иногда эти степени представляли в виде ряда концентрических ограждений, через которые следовало постепенно проникнуть: это весьма точный образ, так как в действительности речь идет о постепенном приближении к «центру», вплоть до конечного слияния с ним на последней ступени; инициатическую иерархию сравнивали также с пирамидой, которая постепенно сужается от основания к вершине, завершаясь здесь одной точкой, играющей ту же роль, что и центр в предыдущей фигуре; впрочем, какую бы символику ни принимать, именно такую иерархию степеней мы имеем в виду, говоря о последовательных различениях, производимых внутри элиты.

Следует хорошенько уяснить, что число этих степеней может быть неограниченным, как и число соответствующих им состояний, которые обязательно предполагаются их реализацией; ведь именно о различных состояниях, или по крайней мере о различных модальностях одного состояния (поскольку индивидуальные человеческие возможности еще не преодолены), идет речь, когда знание становится уже не просто теоретическим, а действительным. Следовательно, как мы уже указывали ранее, степени, существующие в какой-либо инициатической организации, всегда

представляют собой лишь нечто вроде более или менее обобщенной классификации, неизбежно «схематической» здесь, как и во всех остальных случаях, и в целом сводящейся к различению некоторых основных или более четко выделяющихся этапов. Сообразно частной точке зрения, избранной для проведения такой классификации, различаемые при этом степени фактически могут быть более или менее многочисленными³⁰², причем не следует видеть в этих различиях в числе противоречие или какую-либо несовместимость; ведь по сути этот вопрос не затрагивает никакого доктринального принципа, а просто относится к более специальным методам, которые могут быть присущи каждой инициатической организации, даже внутри одной и той же традиционной формы, и тем более — при переходе от одной формы к другой. По правде говоря, во всем этом нет различия столь же четкого, как отличие «малых мистерий» от «великих мистерий», т. е. того, что относится соответственно к человеческому состоянию и к высшим состояниям существа; все остальное в обеих областях — лишь подразделения, которые можно проводить в большей или меньшей степени, исходя из причин случайного порядка.

С другой стороны, нужно также хорошо понять, что распределение членов инициатической организации по ее различным степеням в известном смысле «символично» по отношению к иерархии реальной, поскольку посвящение в какую-либо степень чаще всего может быть только виртуальным (и тогда, естественно, речь может идти лишь о степенях теоретического знания, но именно таковыми они, как правило, и должны быть). Если бы инициация всегда была действительной или обязательно становилась таковой прежде, чем индивид получал доступ к высшей степени, обе иерархии совпадали бы полностью; но ведь если вещь вполне постижима в принципе, это еще не значит, что она реализована на деле; тем более так обстоит дело в определенных организациях, которые подверглись большому или меньшему вырождению и слишком легко допускают, причем даже на любые степени, членов, подавляющая часть которых, к сожалению, вряд ли способны добиться большего, нежели простая виртуальная инициация. Однако, хотя эти недостатки в известной мере неизбежны, они ничуть не затрагивают само понятие инициатической иерархии, которая остается всецело независимой от всех обстоятельств по-

добного рода; фактическое состояние, сколь бы плачевным оно ни было, не может никоим образом противостоять принципу; и только что указанное нами различие естественно отвечает на возражение, которое могло бы прийти на ум тем, кому случалось замечать в инициатических организациях, о коих они могут иметь определенное представление, присутствие даже на высших ступенях — не говоря уже о самой верхушке внешней иерархии,— индивидуальностей, которым слишком явным образом недостает действительной инициации.

Другой важный момент состоит в следующем: инициатическая организация предполагает не только иерархию степеней, но также иерархию функций, и это вещи совершенно разные, которые нельзя смешивать; ведь функция, которой кто-либо может быть наделен на каком бы то ни было уровне, не дает ему новой степени и ни в чем не меняет ту, которой он уже обладает. Функция носит, так сказать, «случайный» характер по отношению к степени: исполнение определенной функции может потребовать обладания той или иной степенью, но отнюдь не обязательно связано с ней, сколь бы высокой она ни была; более того, функция может быть только временной; выполнение ее по многим причинам может закончиться, тогда как степень является приобретением постоянным, полученным раз и навсегда; ее никоим образом невозможно утратить, идет ли речь о действительной или просто виртуальной инициации.

Этим, отметим еще раз, завершается уточнение реального значения, которое следует придавать ряду второстепенных качеств, о которых мы упомянули выше; помимо качеств, требуемых для самой инициации, могут, сверх того, понадобиться более частные, необходимые только для выполнения той или иной функции в инициатической организации. И вправду, способность к принятию инициации, вплоть до самого высокого уровня, не обязательно предполагает способность исполнять какую-либо функцию, даже простейшую; но во всех случаях наиболее существенным является сама инициация с ее степенями; ведь именно она действительно влияет на реальное состояние существа, тогда как функция никоим образом не смогла бы его изменить или что бы то ни было добавить.

Воистину основополагающей является, следовательно, иерархия степеней, и действительно, именно она составля-

ет особую черту устройства инициатических организаций; коль скоро в любой инициации речь идет о «знании», то очевидно, что сам факт облечения какой-либо функцией ничего не значит в этом отношении, даже применительно просто к теоретическому знанию, и уж подавно — к знанию действительному; с этим может быть связана способность передавать инициацию другим или руководить определенными работами, но не способность самому подняться к более высокому состоянию. Не существует степени или духовного состояния выше, чем у «адпта»; достигшие его могут исполнять, сверх того, определенные функции, по обучению или иные, или же не исполнять никаких,— здесь нет никакого различия; это столь же справедливо для высшей степени, как — на всех уровнях иерархии — для каждой из нижележащих степеней³⁰³. Следовательно, когда говорят об инициатической иерархии без дальнейших уточнений, следует понимать, что речь всегда идет об иерархии степеней; она, и только она, как мы сказали выше, определяет последовательные «избрания», идущие постепенно от простой инициатической связи вплоть до отождествления с «центром»,— и не только, по завершении «малых мистерий», с центром человеческой индивидуальности, но также, по завершении «великих мистерий», с самим центром целокупного сущего,— т. е., другими словами, идущие вплоть до реализации «Высшего Отождествления».

О ТРАДИЦИОННОЙ НЕПОГРЕШИМОСТИ

Мы должны теперь сказать несколько слов об иерархии инициатических функций, и потому следует также рассмотреть другой вопрос, особо с ней связанный,— о доктринальной непогрешимости; впрочем, мы можем это сделать, встав на точку зрения не только собственно инициатическую, но в целом традиционную, включающую как эзотерический, так и экзотерический уровни. Для лучшего понимания того, о чем идет речь, надо прежде всего принять за принцип, что непогрешимой, собственно, является сама доктрина, и только она, а отнюдь не человеческие индивиды как таковые, кто бы они ни были; и если доктрина непогрешима, то потому, что она есть выражение истины, самой по себе абсолютно независимой от индивидов, которые ее принимают и понимают. Гарантия доктрины заключена в ее «нечеловеческом» характере; кроме того, можно сказать, что любая истина, какого бы она ни была уровня, если ее рассматривать с традиционной точки зрения, носит тот же характер; ведь она является истиной только потому, что связана с высшими принципами и производна от них как более или менее непосредственное их следствие или применение в определенной области. Истина не создана для человека, как думают современные «релятивисты» и «субъективисты», а, напротив, навязывается ему, но не «извне» — на манер «физического» принуждения, а «изнутри»; ведь очевидно, что если человек вынужден «признать» ее как истину, то потому, что «знал» ее до этого, т. е. она проникла в него и реально им усвоена³⁰⁴. В самом деле, не надо забывать, что любое истинное знание является по преимуществу и в той мере, в какой оно реально существует, отождествлением познающего с предметом познания,— отождествлением еще несовершенным и как бы «отражательным» в случае чисто теоретического знания и совершенным — в случае знания действительного.

Отсюда следует, что любой человек будет непогрешим, когда он выразит истину, которую познал реально, т. е. с которой он отождествился³⁰⁵; но в силу этого отождествления он будет представлять, так сказать, саму эту истину отнюдь не как человеческий индивид; строго говоря, в подобном случае следовало бы сказать, что не он выражает истину, но скорее истина выражает себя через него. С этой точки зрения непогрешимость ничуть не кажется чем-то экстраординарным или исключительным, либо представляющим какую-то «привилегию»; фактически кто угодно может обладать ею в меру своей «компетентности», т. е. того, что он знает в подлинном смысле этого слова³⁰⁶; вся трудность заключается, естественно, в определении реальных пределов этой компетентности в каждом отдельном случае. Само собой разумеется, что пределы эти зависят от степени знания, которой достигнет существо, и они тем обширнее, чем выше эта степень; следовательно, ясно также, что непогрешимость на определенном уровне знания отнюдь не повлечет за собой непогрешимости на другом, более высоком или глубоком уровне; например, если применить сказанное к самому общему разделению в традиционных доктринах, непогрешимость в экзотерической области никоим образом не влечет за собой непогрешимости в области эзотерической и инициатической.

Выше мы рассматривали непогрешимость в ее связи со знанием, т. е. в целом как свойственную существу, обладающему этим знанием, или, точнее, состоянию, которого он тем самым достиг, и при этом не как данное существо, но в той мере, в какой в этом состоянии он реально отождествился с соответствующей частью истины. Кроме того, можно сказать, что эта непогрешимость имеет отношение лишь к существу, которое ею обладает; она составляет неотъемлемую часть его внутреннего состояния и не требует признания со стороны других, если такое существо не облечено некоей особой функцией, точнее, функцией обучения доктрине; это поможет избежать на практике ошибок в применении, которые всегда возможны в силу только что указанных нами трудностей в установлении «извне» пределов этой непогрешимости. Но, с другой стороны, любой традиционной организации присуща непогрешимость иного рода, которая связана исключительно с функцией обучения, на каком бы уровне оно ни осуществлялось, ибо это

приложимо одновременно к обеим областям — экзотерической и эзотерической, причем каждая из них рассматривается, естественно, в ее собственных пределах; и прежде всего, здесь можно особенно ясно видеть, что непогрешимость отнюдь не свойственна индивидам как таковым, ибо в этом случае она совершенно независима оттого, кем является сам индивид, осуществляющий функцию, о которой идет речь.

Здесь надо обратиться к тому, что мы уже сказали ранее по поводу действенности обрядов: она прежде всего свойственна самим обрядам, поскольку они являются средствами осуществления духовного влияния; обряд действует, следовательно, независимо от каких-либо достоинств совершающего его индивида, и даже от того, осознает ли он эту действенность³⁰⁷. Необходимо только, если обряд из числа тех, что закреплены за конкретной функцией, чтобы индивид получил от традиционной организации, с которой он связан, полномочия по его совершению; никакого иного условия здесь не требуется, а если могут понадобиться, как мы видели, некоторые особые качества, то они, во всяком случае, не имеют отношения к обладанию определенной степенью знания; они просто дают возможность как бы осуществлять духовное влияние через посредство индивида с тем, чтобы особенности конституции последнего не чинили этому препятствий. Человек становится тогда «носителем» или «передатчиком» духовного влияния; только это и важно, ибо перед таким влиянием преимущественно сверхиндивидуального порядка, и при исполнении функции, которой он облечен, его индивидуальность уже не идет в счет и почти полностью стирается. Мы уже подчеркивали важность этой роли «передатчика», особенно в случае инициатических обрядов; эта же самая роль выполняется применительно к доктрине, когда речь идет о функции обучения; и между этими двумя аспектами, а следовательно, между соответствующими функциями, имеется в действительности весьма тесное соотношение, вытекающее непосредственно из характера самих традиционных доктрин.

В самом деле, как мы уже объясняли в связи с символикой, невозможно установить абсолютно четкого различия, а тем более разделения, между тем, что относится соответственно к обрядам и к доктрине,— следовательно, между совершением первых и обучением второй; даже если они внешне составляют две различные функции, однако по су-

ти имеют одну и ту же природу. Обряд всегда содержит учение в себе самом, а доктрина в силу своего «нечеловеческого» характера (который, напомним, передается особым образом, в чисто символической форме выражения) несет в себе также и духовное влияние, так что они поистине составляют лишь два взаимодополняющих аспекта одной и той же реальности; и последнее можно отнести в целом не только к инициатической области (ее мы особо коснулись вначале), а ко всему традиционному уровню. В принципе, можно не проводить никакого различия в этом отношении; фактически здесь может быть только одно различие, а именно: поскольку в инициатической области основной целью является чистое знание, то и функция обучения на какой-либо ступени, как правило, должна быть доверена только тому, кто обладает действительным знанием предмета (тем паче, что внешний характер обучения здесь менее важен, нежели результат внутренний, достижению которого оно должно способствовать у обучаемых), тогда как исполняющий подобную функцию на экзотерическом уровне, где непосредственная цель иная, вполне может обойтись просто теоретическим знанием, достаточным для того, чтобы выразить доктрину понятным образом; но в любом случае не это главное, по крайней мере в плане непогрешимости, связанной с самой функцией.

С этой точки зрения можно сказать следующее: факт регулярного облечения определенными функциями позволяет сам по себе и без прочих условий³⁰⁸ исполнять те или иные обряды; аналогичным образом, факт регулярного облечения функцией обучения сам по себе влечет возможность действительно исполнять эту функцию, а для этого он должен обязательно даровать непогрешимость в пределах исполнения данной функции; и причина этого по сути в обоих случаях одна и та же. С одной стороны, она состоит в том, что духовное влияние присуще самим обрядам, являющимся его носителями, а с другой стороны — в том, что само это духовное влияние присуще также и доктрине,— уже потому, что оно является, по сути, «нечеловеческим»; следовательно, оно всегда, в конечном счете, действует через индивидов — при совершении обрядов или при обучении доктрине — и именно благодаря ему эти индивиды, кто бы они ни были, обретают способность эффективно исполнять возложенную на них функцию³⁰⁹. Разумеется, в этих

условиях лицо, облеченное функцией преподавания доктрины, может выступать отнюдь не от своего собственного имени, но единственно от имени традиции, которую оно представляет и, в известном смысле, «воплощает», ибо только она одна действительно непогрешима; пока дело обстоит так, индивид существует лишь в качестве простой «опоры» того или иного положения доктрины, играя при этом роль не более активную, нежели та, какую бумага, на которой напечатана книга, играет по отношению к идеям, которым служит носителем. Если, впрочем, ему случается говорить от своего собственного имени, то тем самым он отходит от исполнения своей функции и выражает лишь простое индивидуальное мнение; в последнем же его никоим образом нельзя назвать непогрешимым — не более, нежели любого другого индивида; следовательно, сам по себе он не пользуется какой-либо «привилегией»; ибо с того момента, как проявляется и утверждается его индивидуальность, он тотчас же перестает быть представителем традиции и становится обычным человеком, чье значение, как и любого другого, определяется — в доктринальном отношении — мерой знания, которым он реально обладает, не стремясь навязывать кому бы то ни было своего авторитета³¹⁰. Стало быть, такая непогрешимость связана единственно с функцией, а отнюдь не с индивидом, поскольку вне исполнения этой функции или же в том случае, если он по какой-либо причине перестанет ее исполнять, в нем не остается ничего от этой непогрешимости; и здесь мы находим пример того, о чем говорили выше, — а именно, что функция, в противоположность степени знания, поистине ничего не прибавляет к тому, чем существо является само по себе, и ни в чем не изменяет его внутреннего состояния.

Мы должны еще уточнить, что доктринальная непогрешимость в нашем понимании обязательно ограничена (как и сама функция, с которой она связана), причем многими способами: прежде всего, она может осуществляться только внутри традиционной формы, к которой относится эта функция, и утрачивает смысл применительно ко всему тому, что принадлежит любой другой традиционной форме; иными словами, никто не может выдвигать претензию судить об одной традиции от имени другой; подобная претензия была бы ложной и необоснованной, ибо от имени одной традиции можно говорить лишь о том, что касается ее

самой; в целом это очевидно для любого, кто не привносит сюда каких-либо предвзятых идей. Далее, если функция принадлежит определенной сфере, она дарует непогрешимость лишь тому, что относится к этой сфере, которая может быть, сообразно обстоятельствам, заключена в более или менее узкие рамки: так, например, не покидая экзотерической области, можно представить себе непогрешимость, которая в силу частного характера функции, с коей она связана, касается не всей доктрины, а только той или иной ее ветви; тем более любая функция экзотерического порядка не могла бы даровать никакой непогрешимости и, следовательно, никакого авторитета в сфере эзотерической; и здесь любая попытка противоположного свойства, которая означала бы, впрочем, переворачивание нормальных иерархических отношений, не могла бы иметь никакого значения. Необходимо всегда отмечать оба эти различия — с одной стороны, между разными традиционными формами, а с другой — между областями экзотерической и эзотерической³¹¹, во избежание всякого заблуждения и ошибки в определении сферы действия традиционной непогрешимости; вне законных пределов, соответствующих каждому случаю, непогрешимости не существует, поскольку нет и того, к чему ее можно по-настоящему применить. Мы сочли необходимым задержаться на этом, поскольку знаем слишком многих людей, которые склонны не понимать этих важных истин: либо потому, что их горизонт ограничен единственной традиционной формой, либо потому, что в самой этой форме им известна только экзотерическая точка зрения; все, о чем можно их попросить, дабы прийти к взаимопониманию,— чтобы они знали и признавали пределы своей компетенции, не дерзая вторгаться на чужую территорию, что, впрочем, повредило бы им самим, ибо они доказали бы тем самым безнадежную неспособность к пониманию.

Глава XLVI

О ДВУХ ИНИЦИАТИЧЕСКИХ ДЕВИЗАХ

В шотландском масонстве высших степеней имеются два девиза, чей смысл соответствует некоторым из вышеизложенных рассуждений: один из них — *Post Tenebras Lux* <«Из мрака свет» (лат.)>, а другой — *Ordo ab Chao* <«Порядок из хаоса» (лат.)>¹ по сути, они столь тесно связаны по значению, что почти тождественны, хотя второй, пожалуй, пригоден для более широкого применения³¹². Оба они соотносятся с инициатическим «озарением», первый — непосредственно, а второй — как его следствие; ведь именно первоначальная вибрация *Fiat Lux* и полагает начало космогоническому процессу, в ходе которого «хаос» упорядочивается, становясь «космосом»³¹³. В традиционной символике тьма всегда выражает состояние неразвитых возможностей, составляющих «хаос»³¹⁴; и, соответственно, свет ставится в связь с миром проявленным, в котором эти возможности будут актуализированы, т. е. с «космосом»³¹⁵, причем такая актуализация определяется или «измеряется» в каждый момент процесса проявления протяженностью «солнечных лучей», исходящих из центральной точки, где было возведено первоначальное *Fiat Lux*.

Итак, свет — «после тьмы», причем с точки зрения не только «макрокосмической», но и «микроскопической», каковая есть также точка зрения инициации, поскольку в этом плане тьма символизирует профанный мир, откуда является новый посвящаемый, или профанное состояние, в котором он находился прежде, до того момента, когда стал посвященным, «обретя свет». Стало быть, путем инициации существо переходит «от тьмы к свету», подобно тому как это происходило с миром в самом его начале (и символика «рождения» сходным образом применима в обоих случаях) под воздействием творящего и упорядочивающего Слова³¹⁶; и, следовательно, инициация — в соответствии

с общим характером традиционных обрядов — воистину есть образ того, «что было вначале».

С другой стороны, «космос» как «порядок» или упорядоченная совокупность возможностей не только извлечен из «хаоса» как состояния «неупорядоченного», но в прямом смысле слова произведен из последнего (*ab Chao*), где те же самые возможности содержались в потенциальном и «нераздельном» состоянии; таким образом, хаос есть также *materia prima* (в относительном смысле, т. е., говоря точнее и применительно к истинной *materia prima*, или универсальной субстанции,— *materia secunda* конкретного мира)³¹⁷ или «субстанциальная» исходная точка проявления этого мира, подобно тому как *Fiat Lux*, со своей стороны, является его «сущностной» (*essentiel*) исходной точкой. Аналогичным образом, состояние существа перед инициацией составляет «нераздельную» субстанцию всего того, чем оно может действительно стать впоследствии³¹⁸; ведь результатом инициации, как мы сказали ранее, не может быть придание ему возможностей, которых не было вначале (в этом, впрочем, и состоит смысл требуемой в качестве предварительного условия врожденной способности), как и космогонический *Fiat Lux* не добавляет «субстанциально» чего бы то ни было к возможностям мира, для которого возвещается; но эти возможности пока пребывают в нем в состоянии «хаотичном и темном»³¹⁹, и необходимо «озарение», чтобы они начали упорядочиваться и тем самым перешли из потенциальности в действительность. В самом деле, надо хорошо уяснить, что этот переход происходит не мгновенно, а продолжается в процессе всей инициатической работы, подобно тому как, с точки зрения «макрокосмической», он совершается в течение всего цикла проявления данного мира; «космос» или «порядок» существует пока лишь виртуально, благодаря первоначальному *Fiat Lux* (что само по себе следует рассматривать как носящее «вневременной» характер, поскольку оно предшествует разворачиванию цикла проявления и, стало быть, не может располагаться внутри последнего); точно так же инициация совершается лишь виртуально благодаря сообщению духовного влияния, свет которого является своего рода «опорой», выражаясь в обряде.

Другие соображения, на которые наводит девиз *Ordo ab Chao*, относятся скорее к роли инициатических организаций по отношению к внешнему миру: поскольку, как мы

только что сказали, реализация «порядка» (коль скоро она составляет единое целое с самим проявлением в той области состояния экзистенции, каковой является наш мир) продолжается непрерывно, вплоть до исчерпания заложенных в ней возможностей (исчерпания, позволяющего достичь предела, до которого может простираться «измерение» этого мира), все существа, способные осознать это, должны — каждое на своем месте и сообразно присущим ему возможностям — эффективно содействовать тому, что обозначается также как реализация «плана Великого Архитектора Вселенной» в общей и внешней сфере; одновременно каждое из них посредством собственно инициатической работы реализует в себе самом, в своей внутренней обособленной сфере, план, соответствующий первому с точки зрения «микrokосмической». Нетрудно понять, что это может иметь разнообразные и многочисленные приложения во всех областях; так, в социальной области сказанное может выразиться в создании целостной традиционной организации, вдохновляемой инициатическими организациями, которые, составляя ее эзотерическую часть, станут как бы самим «духом» всего этого социального целого³²⁰; и последнее тогда действительно будет выражать собой даже в эзотерическом отношении истинный «порядок», в противовес «хаосу», символизируемому чисто профанным состоянием, где отсутствует подобная организация.

Мы упомянем еще, не слишком на этом задерживаясь, другое значение более частного характера; оно, впрочем, непосредственно соотносится с тем, которое мы только что указали, ибо принадлежит той же самой области: это значение связано с использованием (ради содействия в реализации одного и того же совокупного плана) внешних организаций, не знающих об этом плане и с виду противостоящих друг другу, под единым «незримым» руководством, которое само пребывает вне любых противостояний; мы уже намекали на это ранее, отмечая, что особенно явственно это выразилось в дальневосточной традиции. Сами по себе противостояния, с вызываемой ими беспорядочной деятельностью, создают своего рода «хаос», по крайней мере кажущийся; но речь как раз идет о том, чтобы воспользоваться самим этим «хаосом» (рассматривая его как некую «материю», на которую воздействует «дух», представленный инициатическими организациями самого высокого и «вну-

треннего» уровня) в реализации общего «порядка»; подобным же образом в единстве «космоса» все вещи в их кажущемся противостоянии друг другу реально являются в конечном счете элементами всеобщего порядка. Чтобы так и было в действительности, тот, кто руководит «порядком», должен исполнять по отношению к внешнему миру функцию «неподвижного двигателя»: последний, пребывая в неподвижной точке — центре «космического колеса», — тем самым является осью, вокруг которой вращается это колесо, нормой, регулирующей его движение; он может быть ею потому, что сам не участвует в этом движении и не должен никоим образом вмешиваться во внешнюю деятельность, которая всецело осуществляется на окружности колеса³²¹. Все, что вовлечено в обращения последнего, представляет собой лишь случайные модификации, изменчивые и преходящие; пребывает только то, что, будучи едино с Первоначалом, неизменно держится в центре, незыблемом, как и само Первоначало; и центр, который ничто не может затронуть в его нерасчлененном единстве, является исходной точкой неограниченного множества этих модификаций, составляющих всеобщее проявление; в то же время он является и точкой их завершения, ибо в конечном счете все они упорядочены по отношению к нему, — так же как потенции любого существа непременно упорядочиваются, будучи нацелены на его конечную реинтеграцию в первоначальную неизменность.

Diana XLVII
VERBUM, LUX ET VITA

Мы только что упомянули о воздействии Слова, вызывающем «озарение»,— воздействии, которое лежит в основе любого проявления и может быть обнаружено по аналогии в исходной точке инициатического процесса; это побуждает нас — хотя может показаться, что подобный вопрос стоит несколько в стороне от главного предмета нашего исследования (впрочем, в силу соответствия точек зрения «микрокосмической» и «макрокосмической» это лишь видимость),— отметить тесную связь, существующую, с космогонической точки зрения, между звуком и светом; она весьма ясно выражена в ассоциации и даже идентификации, установленной в начале Евангелия от Иоанна между терминами *Verbum, Lux et Vita* (Слово, Свет и Жизнь)³²². Известно, что индуистская традиция, рассматривающая «светоносность» (*тайяса*) как характерную особенность тонкого состояния (вскоре мы поймем связь этого с последним из трех только что упомянутых терминов), утверждает, с другой стороны, первостепенность звука (*гуабда*) среди чувственных качеств, что соответствует эфиру (*акаша*) среди элементов; это утверждение в данном его виде относится непосредственно к миру телесному, но в то же время его можно применить к другим областям³²³, ибо в действительности оно отображает по отношению к этому телесному миру, представляющему лишь обычный частный случай, сам процесс всеобщего проявления. Если взять последний в его целостности, то данное утверждение можно будет отнести к сотворению всех вещей в любом состоянии Божественным Глаголом, или Словом, которое, таким образом, находится в начале, или, лучше сказать (ибо здесь речь идет о чем-то в высшей степени «вневременном»), в первопринципе любого проявления³²⁴, и это также ясно указано в начале древнееврейской Книги Бытия: мы видим здесь, что первое произнесенное слово, как исходный момент проявления, было

Fiat Lux, озарившее и упорядочившее хаос возможностей; этим и устанавливается непосредственное отношение, существующее в сфере Первопринципа между тем, что может быть обозначено по аналогии как звук и как свет,— т. е. тем, выражением чего являются звук и свет в том смысле, какой обычно имеют эти слова в нашем мире.

Здесь следует сделать важное замечание: основной смысл глагола *омар*, употребленного в библейском тексте и обычно переводимого словом «говорить», в действительности означает как в древнееврейском, так и в арабском «приказывать» или «повелевать»; божественное Слово — это «повеление» (*амр*), благодаря которому совершается творение, т. е. универсальное проявление — либо в его целостности, либо в какой-либо одной из модальностей³²⁵. Равным образом, согласно исламской традиции, первым творением был Свет (*Эн-Нур*), который, как сказано, *мин амри' Ллах*, т. е. произошел непосредственно от божественного повеления или приказа; и это творение находится, если так можно сказать, в «мире», т. е. в состоянии или на уровне существования, которое по этой причине обозначено как *аламул-амр*, являясь, в полном смысле слова, миром чистой духовности. В самом деле, интеллигибельный Свет — это сущность «Духа» (*Эр-Рух*), а последний, взятый в универсальном смысле, отождествляется с самим Светом; вот почему выражения *Эн-Нур ал-му-хаммади* и *Эр-Рух ал-мухаммадиях* эквивалентны: оба они обозначают изначальную и целокупную форму «Универсального Человека»³²⁶, который есть *аввалу кхальки'Ллах*, «первое из творений Божиих». Это истинное «Сердце Мира», расширение которого влечет за собой проявление всех существ, тогда как его сжатие приводит их к их началу — Первопринципу³²⁷; таким образом, оно является одновременно «первым и последним» (*ал-аввал ва ал-акхер*) по отношению к творению, как сам Аллах есть «Первый и Последний» в абсолютном смысле³²⁸, «Сердце сердец и Дух духов» (*Калбул-кулуби ва Рухул-арвах*): это в его лоне дифференцируются различные «духи», ангелы (*ал-малайках*) и «отдельные духи» (*ал-арвах ал-муджараддах*), которые образованы, стало быть, из первичного Света как из их единственной сущности, без примеси элементов, составляющих главные условия низших уровней экзистенции³²⁹.

Если мы перейдем теперь к более частному рассмотрению нашего мира, т. е. к уровню экзистенции, к которому

относится человеческое состояние (взятое здесь целостно, а не только лишь в его телесной модальности), то найдем здесь — в качестве «центра» — начало, соответствующее этому универсальному «Сердцу» и являющееся своего рода спецификацией его по отношению к указанному состоянию. Именно это начало в индуистской доктрине обозначено как *Хираньягарбха*: это аспект Брахмы, т. е. Слова как первопричины проявления³³⁰, и одновременно — «Свет», как указывает обозначение *Тайяса*, даваемое тонкому состоянию, которое образует свой собственный «мир» и все возможности которого он в полном смысле слова содержит в себе³³¹. Именно здесь мы находим третий из терминов, упомянутых вначале: для существ, проявленных в этой области и в соответствии с их особыми условиями существования, этот космический Свет выступает как «Жизнь»; именно в таком смысле в Евангелии от Иоанна сказано: *Et Vita erat Lux hominum* (И Жизнь был Свет человек). *Хираньягарбха* есть, следовательно, как бы «жизненный принцип» всего этого мира, и он назван *джива-гхана*, поскольку вся жизнь изначально синтезирована в нем; слово *гхана* указывает, что мы находим здесь ту «глобальную» форму, о которой мы говорили выше в связи с изначальным Светом, так что «Жизнь» предстает как образ или отражение «Духа» на определенном уровне проявления³³²; и эта же самая форма есть также «Мировое Яйцо» (*Брахманда*), животворящим зародышем которого и является *Хираньягарбха*, согласно значению этого слова³³³.

В определенном состоянии, соответствующем этой первой тонкой модальности человеческого уровня, которая и представляет собой мир *Хираньягарбхи* (но, разумеется, без отождествления с самим «центром»)³³⁴, существо воспринимает себя как волну «первозданного Океана»³³⁵, причем невозможно сказать, является ли эта волна звуковой вибрацией или световой волной; в действительности она является обеими одновременно, в их нераздельном изначальном соединении вне какой бы то ни было дифференциации, которая произойдет лишь на более поздней стадии проявления. Мы, разумеется, прибегаем здесь к аналогии; ведь очевидно, что в тонком состоянии речь может идти не о звуке и свете в обычном смысле, т. е. как о чувственных качествах, но только о том, из чего они происходят; а с другой стороны, вибрация или волнообразное колебание в бу-

квалном понимании есть движение, которое, как таковое, неизбежно предполагает условия пространства и времени, свойственные области телесного существования; но аналогия тем не менее точна и кроме того является здесь единственно возможным способом выражения. Состояние, о котором идет речь, непосредственно связано, стало быть, с началом Жизни, в самом универсальном смысле, который можно предположить³³⁶; образом его служат основные проявления самой органической жизни, необходимые для ее сохранения, — такие как пульсации сердца или чередование вдоха и выдоха; оно и составляет подлинную основу многочисленных приложений «науки о ритме», роль которой чрезвычайно важна в большинстве методов инициативской реализации. Эта наука обычно включает *мантра-видья*, которая соответствует здесь «звуковому» аспекту³³⁷; а с другой стороны, поскольку «светоносный» аспект проявляется, в частности, в *нади* «тонкой формы» (*сукима-шарира*)^m, нетрудно увидеть связь всего этого с двойной природой — светоносной (*джиотирмайи*) и звуковой (*шабдамайи* или *мантрамайи*), которую индуистская традиция приписывает *Кундалини* — космической силе; последняя, пребывая, в частности, в человеческом существе, действует в нем как «витальная сила»³³⁹. Таким образом, мы вновь находим три термина *Verbum*, *Lux* и *Vita* пребывающими нераздельно в самом первопринципе человеческого состояния; и в этом вопросе, как и во многих других, мы можем констатировать совершенное согласие различных традиционных доктрин, которые в действительности представляют собой лишь различные выражения единой Истины.

Глава XLVIII

РОЖДЕНИЕ АВАТАРЫ

Указанное нами сходство между символикой сердца и символикой «Мирового Яйца» побуждает нас упомянуть еще один аспект «второго рождения», отличный от рассмотренного ранее: в этом аспекте оно предстает как рождение духовного первопринципа в центре человеческой индивидуальности, который, как известно, изображается именно в виде сердца. По сути дела, этот первопринцип всегда присутствует в центре любого существа³⁴⁰, но в случае обычного человека он пребывает там в латентном состоянии, и когда говорят о «рождении», подразумевают под этим исходную точку действительного развития; именно эта исходная точка появляется или, по крайней мере, становится возможной благодаря инициации. В одном смысле духовное влияние, передаваемое через последнюю, можно отождествить с самим указанным первопринципом; в другом смысле — и если учитывать предсуществование этого первопринципа в существе — можно сказать, что оно оказывает «животворное воздействие» (разумеется, не само по себе, но через посредство существа, в котором пребывает), т. е. в целом «актуализирует» его присутствие, которое вначале было только потенциальным; как бы то ни было, очевидно, что символика рождения может в равной мере использоваться в обоих случаях.

Теперь следует хорошо уяснить, что в силу конститутивной аналогии «макрокосма» и «микрокосма» содержимое «Мирового Яйца» (едва ли есть необходимость подчеркивать здесь очевидную связь яйца с рождением или началом становления существа) реально тождественно тому, что символически содержится в сердце³⁴¹: речь идет о духовном «зародыше», который на макрокосмическом уровне обозначен в индуистской традиции, как мы уже говорили, символом *Хираньягарбха*; а этот «зародыш» — по отношению к миру, в центре которого он расположен,— и есть, собст-

венно говоря, первозданный *Аватара*³⁴². Итак, место рождения *Аватары*, как и то, что ему соответствует с точки зрения микрокосмической, как раз и репрезентируется сердцем, отождествляемым также в этом плане с «пещерой»; инициатическая символика пещеры могла бы стать предметом пространных рассуждений, в которые мы здесь не будем вдаваться; на это весьма ясно указывают тексты, подобные следующему: «Знай, что этот *Агни*, который есть основание мира вечного (изначального) и посредством которого он может быть достигнут, скрыт в пещере (сердца)»³⁴³. Можно было бы, пожалуй, возразить, что здесь, как, впрочем, и в других случаях, *Аватара* прямо назван *Агни*, тогда как, с другой стороны, сказано, что именно Брахма скрыт в «Мировом Яйце», названном по этой причине *Брахманда*, чтобы родиться там как *Хираньягарбха*; но, помимо того, что различные имена в действительности обозначают лишь различные аспекты или атрибуты Божества, обязательно связанные друг с другом, а не отдельные «сущности», уместно напомнить, в частности, что *Хираньягарбха* характеризуется как принцип, имеющий природу светоносную, стало быть, огненную³⁴⁴, а это, в свою очередь, отождествляет его с самим *Агни*³⁴⁵.

Чтобы перейти отсюда к «микрокосмической» точке зрения, достаточно напомнить аналогию между *пинда* — тонким эмбрионом индивидуального существа, и *Брахманда* или «Мировым Яйцом»³⁴⁶; этот *пинда* — как вечный и неразрушимый «зародыш» существа — отождествляется, кроме того, с «ядром бессмертия», которое называется *луз* в габраистской традиции³⁴⁷. В целом верно, что *луз* не обозначается как находящийся в сердце или что это — лишь одна из различных «локализаций», которые допустимы для него в силу его связи с телесным организмом, и что эта локализация не относится к числу самых обычных; и все же точно известно, что она, наряду с остальными, находится там, где *луз* пребывает в непосредственной связи со «вторым рождением». В самом деле, эти «локализации», которые связаны с индуистской доктриной *чакр* или тонких центров человеческого существа, в той же мере соотносятся с состояниями последнего или фазами его духовного развития, представляющими собой фазы действительной инициации: с основанием позвоночного столба — состояние сна, где находится *лузу* обычного человека; с сердцем — начальная фаза его

«прорастания», каковое и есть, собственно, «второе рождение»; с «третьим глазом» — совершенство человеческого состояния, т. е. реинтеграция в «первозданное состояние»; наконец, с макушкой головы³⁴⁸ — переход к сверхиндивидуальным состояниям, которые, в конечном счете, должны повести к «Высшему Отождествлению».

Мы не можем продолжать изложение, не входя в рассуждения, которые, будучи связаны с более детальным рассмотрением отдельных символов, были бы гораздо уместнее в других исследованиях; здесь же мы намеревались придерживаться более общей точки зрения, по мере необходимости используя те или иные символы в качестве примеров или «иллюстрации». Итак, в заключение нам достаточно будет кратко указать, что инициация как «второе рождение» по сути есть не что иное, как «актуализация» в человеческом существе того самого первопринципа, который в универсальном проявлении предстает как «вечный *Аватара*».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Так, особенно с тех пор, как английский ориенталист Николсон решил перевести *tasawwuf* как «мистицизм», на Западе принято считать, что исламский эзотеризм — это нечто по преимуществу «мистическое»; и в этом случае уже говорят не об эзотеризме, но исключительно о мистицизме; так произошла настоящая подмена понятий. Самое поразительное заключается в том, что по вопросам такого рода мнение ориенталистов, знающих об этом лишь по книгам, значительно более весомо в глазах огромного большинства людей Запада, нежели мнение тех, кто владеет непосредственным и реальным знанием подобных вещей!

² Другие также стремятся вырядить восточные доктрины в «философские» одежды, но эта ложная ассимиляция, пожалуй, по сути дела менее опасна, чем другая, — в силу узкой ограниченности самой философской точки зрения; они, впрочем, не имеют успеха по причине глубоко специального изложения этих доктрин, что совершенно лишает их интереса и оставляет от чтения подобных работ поразительное чувство скуки!

³ Мы можем привести в качестве примера «аскетики» «*Exercices spirituels*» св. Игнатия Лойолы, дух которых, бесспорно, мистичен столь мало, сколь это возможно; по меньшей мере вероятно, что он отчасти вдохновлялся некоторыми инициатическими методами исламского происхождения, но, разумеется, применяя их с совершенно иной целью.

⁴ Было бы интересно в этом плане провести сравнение с «сухим» и «влажным» путями алхимиков, но это выходит за рамки настоящего исследования.

⁵ «*Les deux sources de la morale et de la religion*». — См. по этому поводу «Царство количества и знамения времени» (гл. XXXIII).

⁶ В самом деле, иудаистский мистицизм как таковой можно найти лишь в хасидизме, т. е. в весьма позднюю эпоху.

⁷ Альфред Луази, отвечая Бергсону, выдвинул возражение, что у того имеется лишь один «источник» морали и религии; будучи специалистом в области «истории религии», он предпочитает теории Фрезера теориям Дюркгейма, а тем самым идее «непрерывной эволюции» идее «эволюции» путем внезапных изменений; в наших глазах одно

стоит другого; но по крайней мере по одному пункту мы должны признать его правоту, и он обязан этим своему церковному образованию: благодаря последнему он знал мистиков лучше, чем Бергсон, и потому отметил, что они никогда ни в малейшей степени не подозревали наличия у себя чего-либо, хоть немного напоминающего «жизненный порыв»; очевидно, Бергсон хотел сделать из них «бергсонистов» до появления самого этого слова, что не может соответствовать исторической истине; поэтому вполне понятно удивление Луази по поводу того, что Жанну д'Арк причислили к мистикам. Отметим мимоходом любопытное признание, которым открывается его книга: «Автор настоящего сочинения,— заявляет он,— не выказывает особой склонности к вопросам чисто спекулятивного порядка». Вот по меньшей мере откровенность, достойная похвалы; и поскольку он сам сказал это, причем совершенно спонтанно, мы охотно верим ему на слово!

⁸ Этот же характер «пассивности» объясняет, хотя отнюдь не оправдывает, современные заблуждения, которые смешивают мистиков либо с «медиумами» и другими «сенситивами» в смысле, придаваемом этому слову «психистами», либо даже просто с больными.

⁹ См. книгу: «Царство количества и знамения времени» (гл. XXXIX).

¹⁰ Случается порой, что те, кто реально вступил на инициатический путь, а не погряз в иллюзиях псевдоинициации, все же оставляют его ради мистицизма; мотивы этого, естественно, различны, и в основном относятся к сфере чувств, но каковы бы они ни были, подобные случаи свидетельствуют о недостатке качеств, необходимых для осуществления действительной инициации. Один из самых типичных примеров этого рода — Ж. К. де Сен-Мартен.

¹¹ Разумеется, это вовсе не означает, что феномены, о которых идет речь,— только психологического порядка, как считают некоторые наши современники.

¹² Таковую позицию осторожной сдержанности, необходимой из-за естественной склонности мистиков к «напусканию тумана», неизменно соблюдает в их отношении католицизм.

¹³ Можно привести здесь в качестве примера видения Анны Марии Эммерих.

¹⁴ Такова, в частности, точка зрения большинства современных масонов; и в то же время именно на этой, исключительно «социальной» территории по большей части располагаются те, кто борется с ними; это лишний раз доказывает, что инициатические организации дают повод к нападкам извне лишь в меру своего вырождения.

¹⁵ См. «Царство количества и знамения времени» (гл. XXXV).

¹⁶ Согласно геометрическому изображению, описанному нами в «Символике креста», эти модальности одного и того же состояния являются простыми развертываниями в горизонтальном направлении, т. е. на одном и том же уровне, но не в вертикальном направлении, которое обозначает иерархию высших и низших состояний сущего.

¹⁷ Во избежание недоразумений следует употреблять выражения «исламский эзотеризм» или «христианский эзотеризм», а не «эзотерический ислам» или «эзотерическое христианство», как иногда делают; легко понять, что это нечто большее, нежели простой нюанс.

¹⁸ Известно, что выражение «религия мистерий» постоянно встречается в специальной терминологии, принятой среди «историков религий».

¹⁹ Разумеется, речь идет здесь о человеческом состоянии в его целокупности, включая неограниченное развертывание его внетелесных продолжений.

²⁰ Из этого видно, насколько обманываются те, кто хотел бы, например, приписать чисто инициатическое значение писаниям типа тех, что оставил Сведенборг.

²¹ Само собой разумеется, что это «выхождение из себя» не имеет абсолютно ничего общего с так называемым «выходом в астрал», играющим столь большую роль в оккультистских мечтаниях.

²² В специальном исследовании, продолжающем рассмотрение вопроса об инициатических «врожденных качествах», мы покажем, что этот вопрос содержит гораздо более сложные аспекты, чем может показаться в первом приближении, если придерживаться самого общего понимания, которое мы здесь даем.

²³ Потому-то теологи охотно и не без оснований считают «ложным мистиком» того, кто стремится посредством какого-либо усилия добиться видений или других необычайных состояний, пусть даже это усилие сводится к простому желанию.

²⁴ Отсюда вытекает, среди прочего, что необходимые инициированному знания доктринального порядка, теоретическое понимание которых является для него предварительным условием всякой «реализации», могут совершенно отсутствовать у мистика; поэтому у последнего, помимо возможных многообразных заблуждений и неясностей, нередко встречается странная неспособность выражаться вразумительно. Кроме того, следует уяснить, что вышеупомянутые знания не имеют ничего общего с тем, что представляет собой лишь внешнее обучение или «светское знание», не имеющее в этом случае никакой ценности, как мы объясним далее; учитывая характер современного образования, оно скорее было бы препятствием, нежели помощью в подобных случаях; человек, не умеющий ни читать, ни писать, может тем не менее достичь самых высоких степеней инициации; такие случаи не столь редки на Востоке, тогда как существуют «ученые» и даже «гении», согласно оценке светского мира, ни в малейшей степени не способные к инициации.

²⁵ Мы подразумеваем под этим не внешние и условные знаки и слова, но то, чему они служат символическим выражением.

²⁶ Напомним здесь элементарное схоластическое поучение: «Чтобы действовать, нужно существовать».

²⁷ В индийской традиции на это указывает слово *хамса* — название единой касты, существовавшей первоначально; это слово обозначало, собственно, состояние *ативарна*, т. е. состояние «вне каст».

²⁸ См.: «L'Esoterisme de Dante», особенно р. 63-64 и 94.

²⁹ Строго говоря, очевидно, что это *materia prima* лишь в относительном, а не в абсолютном смысле; но такое различие неважно с избранной нами точки зрения; и точно так же обстоит дело с *materia prima* нашего мира, который, будучи определен известным образом по отношению к универсальной субстанции, является *materia secunda* (см. «Царство количества и знамения времени», гл. IV), так что даже в этом отношении аналогия с развитием нашего мира из первичного хаоса вполне точна.

³⁰ Отсюда происходят выражения типа «дать свет» и «принять свет», употребляемые для обозначения инициации в ограниченном смысле, т. е. духовной трансмиссии от иницирующего к иницируемому. Относительно *Элохим* отметим, что приписываемая ему семичисленность связана с учреждением инициатических организаций, которое должно отображать сам космический порядок.

³¹ Примеры этой так называемой «идеальной» связи, посредством которой кое-кто хочет оживить традиционные формы, полностью исчезнувшие, см. в книге: «Царство количества и знамения времени» (гл. XXXVI); мы вернемся к этому далее.

³² Выражения типа «умопостигаемый Свет» и «духовный Свет» или другие, эквивалентные им, хорошо известны во всех традиционных доктринах, как западных, так и восточных; в связи с этим мы только напомним, в частности, уподобление в исламской традиции самой сущности Духа (*Эр-Рух*) Свету (*Эн-Нур*).

³³ Именно непонимание подобной аналогии, ошибочно принимаемой за тождество, вкупе с констатацией определенного сходства в способах действия и внешних эффектах, привело некоторых к ошибочной, более или менее грубо материализованной концепции — не только психических или тонких влияний, но и собственно духовных, которые были просто отождествлены с «физическими» силами в самом ограниченном смысле этого слова — такими как электричество и магнетизм. Это непонимание могло привести также, по крайней мере отчасти, к весьма распространенной идее — к поискам сходства между традиционными знаниями и подходом современной «светской» (*profane*) науки, — идея совершенно беспочвенная и иллюзорная, поскольку эти вещи принадлежат разным областям, да и сама «светская» точка зрения, собственно говоря, неправомерна. — См.: «Царство количества и знамения времени», гл. XVIII.

³⁴ Мы понимаем под этим не только вполне реальную, но даже просто виртуальную инициацию, следуя различению, которое необходимо проводить в этом отношении; впоследствии мы его уточним.

³⁵ Стало быть, речь не только должна идти о собственно инициатической организации, а не о какой-либо иной ее традиционной разно-

видности, что в целом вполне очевидно; эта организация, кроме того, не должна быть связана с такой традиционной формой, которой, в ее внешней части, был бы чужд индивид, о котором мы говорим; имеются даже случаи, где то, что можно было бы назвать «юрисдикцией» инициатической организации, еще более ограничено, как в случае инициации, основанной на ремесле, когда посвящение дается лишь индивидам, занимающимся этим ремеслом или имеющим с ним тесные связи.

³⁶ Исследования по этому предмету, предпринятые нами уже давно, привели нас к формальному и неоспоримому выводу; мы выскажем его здесь открыто, не боясь того, что это может повлечь за собой яростные нападки с различных сторон. За исключением случаев возможного выживания редких групп средневекового христианского герметизма, из всех организаций с инициатическими претензиями, распространившихся в наши дни в западном мире, фактически лишь две — невзирая на упадок, в котором они пребывают вследствие невежества и непонимания большинства их членов,— могли бы отстаивать свои права на истинно традиционное происхождение и реальную инициатическую трансмиссию; обе эти организации, первоначально составлявшие одну, правда с многочисленными ответвлениями,— это Компаньонажи и Масонство. Все остальное — просто фантазия и шарлатанство, если не скрывает за собой нечто худшее; и в кругу этих идей нет изобретения столь абсурдного или экстравагантного, чтобы оно не имело в нашу эпоху известных шансов преуспеть и быть принятым всерьез, начиная от оккультистского бреда относительно «инициации в астрале» и кончая американской системой по преимуществу коммерческого толка,— «инициации по переписке»!

³⁷ Так, сравнительно недавно кое-кто попытался ввести в масонство — чисто западную инициатическую форму — элементы, заимствованные из восточных доктрин, которые они к тому же знали весьма поверхностно; пример приведен в книге «L'Esoterisme de Dante» (р. 20).

³⁸ См.: «Царство количества и знамения времени» (гл. XXXVI).

³⁹ В качестве примера подобного взгляда на вещи, относящиеся к эзотерической и инициатической области, мы можем привести теорию, которая представляет исламский *масаввуф* как заимствование из Индии — на том основании, что подобные методы встречаются в той и другой стране; очевидно, ориенталистам, поддерживающим подобную теорию, никогда не приходило в голову задаться вопросом: а не обусловлены ли эти методы в обоих случаях самой природой вещей, что совсем нетрудно понять, по крайней мере тем, кто подходит к этому вопросу без предвзятости.

⁴⁰ См.: «Царство количества и знамения времени», гл. XIII.

⁴¹ Там же, гл. IX.

⁴² Напротив, как мы указали в предшествующем примечании, это было нормой для людей изначальной эпохи.

⁴³ Сказанное поможет лучше понять то, что мы говорили выше о «юрисдикции» инициатических организаций, относящихся к определенной традиционной форме; инициация в строгом смысле, полученная в результате связи с такой организацией, была бы «началом», и очевидно, что принявший ее еще весьма далек от того, чтобы реально выйти за пределы традиционных форм.

⁴⁴ Для пущей точности здесь следовало бы добавить: при том условии, что эти формы являются полными, т. е. включают не только экзотерическую, но также эзотерическую и инициатическую части; впрочем, в принципе всегда так и бывает, но на деле может случиться, что в результате вырождения эта вторая часть окажется забытой и утраченной.

⁴⁵ Именно это и означает в действительности с инициатической точки зрения «дар языков», к которому мы вернемся позднее.

⁴⁶ В случае, когда традиционная форма оказывается неполной, путь к достижению центра становится, так сказать, отрезанным, или, точнее, непреодолимым начиная с определенной точки, отмечающей переход из экзотерической области в эзотерическую.

⁴⁷ Вполне понятно, что с этой центральной точки зрения пути, которые уже не требуется проходить до конца, как мы сказали в предшествующем примечании, отнюдь не составляют исключения.

⁴⁸ Слово «цепь» в переводе на иврит звучит как *шелшелет*, на арабский — *шил шил ах*, на санскрите — *парам пара*, что выражает прежде всего идею регулярной и непрерывной последовательности.

⁴⁹ Мы подчеркиваем здесь это условие — наличие «волевого устремления», чтобы уточнить, что обряды не могут стать объектом «экспериментов» в «светском» смысле этого слова; тот, кто захотел бы совершить такой обряд из простого любопытства, желая узнать, каков будет результат, на каком бы уровне он ни находился, может быть заранее уверен, что тот будет нулевым.

⁵⁰ Обряды, не требующие такого рукоположения, также могут совершаться не всяким, ибо принадлежность к традиционной форме, частью которой они являются, в любом случае составляет условие их действенности.

⁵¹ Это условие трансмиссии обнаруживается даже в самих искажениях традиции или в ее подвергшихся вырождению остатках, а также, добавим, — в самом подрыве ее основ, являющемся результатом того, что мы назвали «контринициацией». — См. по этому поводу «Царство количества и знамения времени» (гл. XXXIV и XXXVIII).

⁵² Мы говорим «в этом отношении», поскольку с другой точки зрения инициацию как «второе рождение» можно было бы сопоставить с обрядом крещения; само собой разумеется, что соответствия между вещами, принадлежащими к столь различным сферам, весьма сложны и не могут сводиться к однолинейной схеме.

⁵³ Мы говорим «действительная способность», поскольку речь здесь идет о чем-то большем, нежели предшествующие ей врожденные качества, которые также можно назвать способностью; так, можно

сказать, что индивидум способен к осуществлению священнических функций, если для этого нет никаких препятствий, но он действительно будет к этому способен, если получит рукоположение. Отметим также, что это единственное таинство, для которого требуются особые врожденные качества, и в этом оно также сопоставимо с инициацией,— разумеется, при условии учета сущностного различия обеих областей — экзотерической и эзотерической.

⁵⁴ Протестантские церкви, не признающие священнических функций, упразднили почти все обряды либо же сохранили их в качестве простых «условностей»; если учесть само содержание христианской традиции, станет ясно, что они и не могут быть ничем иным в подобном случае. С другой стороны, известно, какую роль играет вопрос об «апостольской преемственности» в дискуссиях о «легитимности» англиканской церкви; и любопытно отметить, что сами теософы, задумав учредить свою «свободно-католическую церковь», стремились прежде всего обеспечить ей благоденствие регулярной «апостольской преемственности».

⁵⁵ Порой их приписывают легендарным или, точнее, символическим персонажам, которых никоим образом нельзя рассматривать как «исторических», что вполне подтверждает сказанное нами здесь.

⁵⁶ Исламские эзотерические организации обмениваются знаком «взаимного узнавания», который, согласно традиции, был сообщен Пророку архангелом Гавриилом; невозможно было бы более четко подчеркнуть «нечеловеческое» происхождение инициации.

⁵⁷ Заметим по этому поводу, что те, кто с «апологетическими» намерениями настаивают на том, что они обозначают довольно варварским термином «историчность» религии,— вплоть до того, что видят в этом самое существенное и даже порой подчиняют этому доктринальные соображения (тогда как, напротив, исторические факты сами по себе значимы, лишь когда они могут рассматриваться как символы духовной реальности),— совершают серьезную ошибку, нанося этим ущерб «трансцендентности» самой религии. Подобная ошибка, свидетельствующая к тому же о довольно сильно «материализованной» концепции и о неспособности подняться на более высокий уровень, может рассматриваться как досадная уступка точке зрения «гуманистической», т. е. индивидуалистической и антитрадиционной, что, собственно, и характеризует современный западный дух.

⁵⁸ Следует заметить по этому поводу, что именно реликвии суть носители духовных влияний; в этом состоит истинная причина культа, предметом коего они являются, даже если эта причина не всегда осознается представителями экзотерических религий; последние порой не отдадут себе отчета в весьма «позитивном» характере сил, которыми они управляют, что, впрочем, не мешает этим силам действовать эффективно, хотя, пожалуй, с меньшим размахом, чем в том случае, если бы ими лучше управляли «технически».

⁵⁹ Отметим попутно, в связи с этим «одухотворением» (если можно так выразиться), что освящение храмов, изображений и ритуальных предметов нацелено в основном на то, чтобы сделать их действительным вместилищем духовных влияний; ведь без них обряды, которым они служат, были бы лишены действенности.

⁶⁰ Это дополняет и уточняет сказанное выше о бесполезности мнимой «идеальной» связи с формами исчезнувшей традиции.

⁶¹ Это также служит объяснением особого расположения мест в масонской ложе, о чем большинство нынешних масонов едва ли подозревают.

⁶² См.: «Царство количества и знамения времени», гл. XV.

⁶³ См., в частности, там же, гл. XXXI.

⁶⁴ См.: книгу «Символика креста».

⁶⁵ «Царь Мира».

⁶⁶ Только в этом заключается истинный и правомерный смысл данного слова, которое вначале относилось исключительно к инициатической терминологии, в первую очередь розенкрейцеровской; в связи с этим следует отметить одно из странных языковых злоупотреблений, столь многочисленных в нашу эпоху; в обыденном языке слово «адепт» стало синонимом «члена» — так что его теперь относят к совокупности членов любой организации, будь то самая светская ассоциация, какую только можно себе представить!

⁶⁷ Согласно исламской традиции, всякое существо есть естественно и неизбежно *муслим*, то есть подчинено божественной Воле, от которой в действительности ничто не может ускользнуть; разница лишь в том, что одни существа сознательно и добровольно подчиняются всеобщему порядку, тогда как другие игнорируют его или даже пытаются противостоять ему (см. «Символика креста»). Чтобы понять связь этого с ранее сказанным, надо отметить, что настоящие духовные центры должны рассматриваться как представители божественной Воли в этом мире; те же, кто реально с ними связан, могут считаться сознательно сотрудничающими в осуществлении того, что масонская инициация обозначает как «план Великого Архитектора Вселенной»; что касается двух остальных упомянутых нами категорий, то простыми невеждами здесь являются профаны, к коим, естественно, следует отнести «псевдоинициированных» всякого рода; те же, кто в своем заблуждении пытается идти против предустановленного порядка, относятся к тому, что мы назвали «контринициацией».

⁶⁸ Относительно этого последнего случая, неизбежно ускользающего от внимания историков, но, несомненно, наиболее частого, приведем только два типичных примера, широко известных в даосской традиции; их эквиваленты можно было бы найти даже и на Западе; это бродячие фокусники и торговцы лошадьми.

⁶⁹ Хотя здесь трудно претендовать на особую точность, можно считать, что это период от XIV до XVII столетия; следовательно, можно сказать, что он соответствует первой половине Нового времени; поэ-

тому нетрудно понять, что речь шла, прежде всего, о сбережении того, что могло быть сохранено из традиционных знаний Средневековья, несмотря на новые условия, сложившиеся в западном мире.

⁷⁰ Некоторые таинственные случаи в жизни Якоба Бёме, например, только так и можно объяснить.

⁷¹ См.: «Царство количества и знамения времени», гл. XXXVIII.

⁷² Фабр д'Оливе в своем «Обзрении золотых стихов Пифагора» («Examens des Vers Dorés de Pythagore») весьма верно пишет по этому поводу: «Слово "язычник" есть термин оскорбительный и уничижительный, происходящий от латинского "paganus", что значит "мужлан, крестьянин" ("деревенщина". — *Прим. пер.*)». Когда христианство полностью восторжествовало над греческим и римским политеизмом и по приказу императора Феодосия в городах были разрушены последние храмы, посвященные языческим богам, то оказалось, что лишь население сельской местности достаточно долго упорствовало в сохранении старого культа; это и повело к тому, что тем же словом *pagani* называли и тех, кто следовал их примеру. Такое обозначение, которое применялось к грекам и римлянам V века, отказывавшимся подчиниться господствующей религии империи, является ложным и нелепым, когда его распространяют на другие времена и народы».

⁷³ Арабский термин, соответствующий слову «секта», — *фиркаха*, — также выражает идею разделения.

⁷⁴ Мы видим, что хотя речь по-прежнему идет о смешении обеих областей — эзотерической и экзотерической, — здесь проявляется достаточно большое отличие от ложного уподобления эзотеризма мистицизму, о чем мы говорили прежде; это уподобление — пожалуй, более недавнего времени — направлено скорее на «аннексирование» эзотеризма, нежели на его дискредитацию; это, конечно, подход более уместный и наводит на мысль, что кое-кто, наконец, отдал себе отчет в ущербности позиции грубого пренебрежения и простого отрицания.

⁷⁵ Кое-кто заходит в этом плане так далеко, что для них не существует иной «священной» науки, кроме теологии!

⁷⁶ На это можно возразить, что для священнического рукоположения также необходимы определенные «качества», но в этом случае речь идет лишь о способности к осуществлению некоторых частных функций; в другом же случае «качества» необходимы не только для того, чтобы исполнять некую функцию в инициатической организации, но и для того, чтобы получить саму инициацию, а это совсем другое дело.

⁷⁷ Преимущество инициатической организации как таковой, напротив, состоит в максимальном ограничении ее пополнения, ибо в этой сфере слишком большое расширение становится одной из первых причин определенного вырождения, как мы объясним дальше.

⁷⁸ Это показывает коренную ошибочность концепций, особенно распространенных среди «антимасонских» писателей, которые говорят о «Секте» в единственном числе и с большой буквы, как о некоей

целостности, в которую их воображение вкладывает все, что для них ненавистно; а то, что слова при этом полностью теряют присущий им смысл,— одна из характеристик умственного разброда нашей эпохи.

⁷⁹ Подобную, но еще более серьезную ошибку совершают те, кто хотел бы вывести инициацию из чего-то еще более внешнего, например из философии: инициатический мир осуществляет свое «невидимое» влияние на мир профанный прямо или опосредованно, но, за исключением аномальных случаев серьезного вырождения некоторых организаций, он никоим образом не мог бы подвергнуться влиянию внешнего мира.

⁸⁰ Следует отметить, что когда мы говорим «всякий контакт», то это подразумевает наличие общей границы между обеими областями, на которой происходит контакт между ними, что не влечет за собой ни малейшего смешения.

⁸¹ См.: «L'Esoterisme de Dante», особенно р. 3-7 и 27-28.

⁸² На самом деле негативный оттенок, связанный с этим, вытекает из характерной черты современного менталитета, которую мы определили ранее как «ненависть к тайне» во всех ее формах («Царство количества и знамения времени», гл. XII).

⁸³ Не забудем упомянуть и «финансовую» сторону, диктуемую самим фактом наличия такого аппарата; ведь слишком хорошо известно, сколь важен вопрос о «взносах» во всех обществах, включая западные инициатические организации, воспринявшие их внешние формы.

⁸⁴ Не стоит, впрочем, упрекать их за это, так как непонимание достигло уже такой степени, что реагировать на него стало практически невозможно.

⁸⁵ См.: «Царство количества и знамения времени», гл. XXXVI.

⁸⁶ Напомним, что даосизм представляет только эзотерическую сторону дальневосточной традиции, тогда как его экзотерическую сторону представляет конфуцианство.

⁸⁷ См. также: «Царство количества и знамения времени», гл. XII.

⁸⁸ Сказанное здесь относится к профанному миру, сведенному, так сказать, к самому себе; но стоит добавить, что в некоторых случаях он может служить бессознательным орудием действий, осуществляемых представителями «контринициации».

⁸⁹ *Discipline secreti* или *discipline arcani*, — говорили также в христианской церкви первых веков, о чем, по-видимому, забывают некоторые противники «тайны»; но следует отметить, что латинское слово «discipline» чаще всего означает «учение» (что и составляет его этимологический смысл), и даже — как производное — «науку» или «доктрину»; тогда как по-французски «дисциплина» имеет значение подготовительного средства на пути к цели, каковой может быть знание (как в нашем случае), но также и вещь другого порядка, например чисто «морального»; фактически именно так чаще всего и понимают его в светском мире.

⁹⁰ Можно было бы, не входя в детали, отметить, например, что «священные слова», которые не должны никогда произноситься, весьма явным образом символизируют «невыразимое»; известно, что нечто подобное можно найти порой и в экзотеризме,— например, это тетраграмма иудаистской традиции. На примере идей того же рода можно было бы показать, что некоторые знаки соотносятся с «локализацией» в человеческом существе «тонких центров», «пробуждение» которых с помощью определенных методов (в частности, тантрических в индуистской традиции) представляет собой одно из средств достижения действительно инициатического знания.

⁹¹ Отсюда наука, которая в исламской традиции обозначается как *илм-ул-физазах*.

⁹² По всем этим вопросам см. «Царство количества и знамения времени».

⁹³ В античности существовали даже исключительно женские формы инициации.

⁹⁴ Мы вернемся далее к вопросу о священнической и царской инициации.

⁹⁵ Мы изложили принципы, на которых покоятся отношения инициации и ремесла, в книге «Царство количества и знамения времени» (гл. VIII).

⁹⁶ Эти *landmarks* рассматриваются как существующие с незапамятных времен (*from time immemorial*), то есть им невозможно приписать никакого определенного исторического происхождения.

⁹⁷ Так, к примеру, неясно, почему недуг заикания может мешать заниматься этим ремеслом.

⁹⁸ Так, в частности, обстоит дело с тем, что в XVIII веке называли «правилом буквы "В"», то есть с недугами и телесными изъянами, в равной мере составляющими препятствие для инициации; их названия на французском языке, по довольно любопытному совпадению, все начинаются с буквы «В».

⁹⁹ Этот случай, впрочем, как мы отметили ранее,— единственный, когда особые качества могут быть востребованы в традиционной организации экзотерического порядка.

¹⁰⁰ Мы уже указывали в другом месте, в связи с описаниями антихриста, а точнее — в связи с вопросом о телесной асимметрии, что подобного рода недостатки могут, напротив, представлять собой качества, требуемые в случае «контринициации» («Царство количества и знамения времени», гл. XXXIX).

¹⁰¹ В частности, в «тантрических» методах, о которых мы упомянули ранее.

¹⁰² Едва ли надо говорить, что все приводимые здесь рассуждения касаются исключительно настоящих обрядов, обладающих подлинно традиционным характером: мы категорически отказываемся давать название обрядов тому, что является только пародией на них, — т. е. церемониям, установленным в силу человеческих обычаев, воздействие

которых, если бы оно имело место, отнюдь не выходило бы за пределы «психологической» области в самом светском смысле слова; различие между обрядами и церемониями, впрочем, достаточно серьезно, и мы особо остановимся на нем впоследствии.

¹⁰³ Серьезной ошибкой было бы — и ее часто совершал один писатель-масон, видимо очень довольный своей, на наш взгляд, неуклюжей «находкой», — употреблять выражение «разыграть ритуал», говоря о совершении инициатических обрядов индивидами, не знавшими их смысла и не пытавшимися в него проникнуть; подобное выражение подошло бы лишь профанам, которые симулировали бы обряд, не располагая полномочиями совершить его по-настоящему; но в инициатической организации, сколь бы она ни выродилась в плане «качества» своих членов, обряд не есть то, что разыгрывают, он всегда был и остается вещь серьезной и действительно эффективной, даже без ведома тех, кто принимает в нем участие.

¹⁰⁴ К этой технике овладения духовными влияниями и относятся такие выражения, как «священническое искусство» и «царское искусство», означающие формы применения соответствующих инициации; с другой стороны, речь здесь идет о священной и традиционной науке, которая — будучи совершенно иного порядка, нежели наука светская, — не менее, а в действительности куда более «позитивна», если брать это слово в его истинном смысле, а не исказить его, на манер современных «сциентистов».

¹⁰⁵ Отметим попутно заблуждение этнологов и социологов, которые совершенно неверно именуют «обрядами инициации» обряды, касающиеся просто приема индивида во внешнюю социальную организацию, причем единственным требуемым качеством является факт достижения определенного возраста; мы вернемся к этому вопросу позднее.

¹⁰⁶ Если скажут, что, согласно различению, которое мы уточним далее, это верно только для «великих мистерий», то мы ответим, что «малые мистерии», которые действительно останавливаются на пределе человеческих возможностей, составляют по отношению к первым лишь подготовительную стадию и сами по себе не являются их целью, тогда как религия предстает как самодостаточное целое, не требующее никаких последующих дополнений.

¹⁰⁷ уточним, во избежание недоразумений, что под этим понимаются степени инициации, а не ее функции, которые могут быть доверены индивиду лишь временно или которые последний может оказать неспособным исполнять по множеству причин; это две вещи совершенно различные, и следует остерегаться их смешивать, ибо первая относится к чисто внутреннему уровню, тогда как вторая — к внешней деятельности существа, что и объясняет указанное нами выше различие.

¹⁰⁸ Это относится к вопросу о «дуальности», неизбежно присущей религиозной точке зрения уже в силу того, что она обращается в пер-

вую очередь к тому, что индуистская терминология обозначает как «Не-Высшее».

¹⁰⁹ Известно, что три из семи таинств католичества относятся к тем, которые могут быть получены единожды: крещение, конфирмация и посвящение в сан; аналогия крещения с инициацией как «вторым рождением» очевидна; конфирмация представляет собой переход на высшую степень; что же касается сана, то мы уже отмечали сходство, которое можно обнаружить здесь в плане трансмиссии духовных влияний, которые еще более поразительны благодаря тому факту, что это таинство даруется не всем и требует, как мы уже сказали, некоторых особых качеств.

¹¹⁰ В пояснение вышесказанного приведем самый простой и пространственный пример, касающийся инициатических организаций: совершенно неверно говорить «экс-масон»; вышедший из организации или даже исключенный масон, не являясь членом какой-либо ложи, не перестает из-за этого быть масоном; хочет он того или нет, это ничего не меняет; и это доказывается тем, что если он захочет впоследствии восстановить свое членство, его не посвящают снова и он не должен проходить вновь уже пройденные степени; английское выражение *unattached Mason* (не примкнувший масон. — *Прим. перев.*) — единственно уместно в подобном случае.

¹¹¹ Эти рассуждения непосредственно связаны с тем, что мы назвали «теорией жеста»; мы неоднократно упоминали ее по различным поводам.

^{1.2} Можно добавить сюда изображение «таблицы Ложи» в старом масонстве (по-английски *tracing board*, а также, возможно искаженное, *trestle-board*), которая действительно была настоящей «янтрой». В качестве примера можно также привести обряды, связанные с сооружением объектов традиционного характера, непременно наделенных символическим значением.

^{1.3} См.: «Царство количества и знамения времени», гл. XXI.

¹¹⁴ Само собой разумеется, что различие между «священными языками» и «языками светскими» есть вторичное явление; языки, подобно наукам и искусствам, приобретают светский характер только в результате вырождения; с языками это случается раньше и легче по причине их более обиходного и повсеместного использования.

^{1.5} «Слова», используемые подобным образом, естественно, входят в разряд звуковых символов.

¹¹⁶ Этот знак, впрочем, был также настоящим «знаком узнавания» для первых христиан.

^{1.7} Промежуточным в своем роде является случай символических фигур, которые чертятся при подготовке обряда или в начале его и стираются тотчас после его завершения; это относится к большинству «янтр», а некогда относилось также к «таблице Ложи» в масонстве. Это делается не только в целях защиты от любопытства профанов (такое объяснение слишком упрощенно и поверхностно); прежде всего

здесь нужно видеть следствие тесной связи символа и обряда, так что первый не мог бы визуально существовать без второго.

¹¹⁸ Это ясно видно в случае, подобном «знаку узнавания», который у пифагорейцев состоял в начертании пентаграммы одним движением.

¹¹⁹ В связи с вопросом об отношениях между языком и жестом, взятым в его самом обычном и ограниченном смысле, отметим работы достопочтенного Марселя Жюсса, которые — хотя его позиция, безусловно, совершенно отлична от нашей, — тем не менее, на наш взгляд, достойны внимания, особенно в части, касающейся некоторых традиционных способов выражения, связанных с созданием и использованием традиционных языков и почти полностью утраченных или забытых в языках светских, которые в итоге оказались сведены к самой ограниченной языковой форме.

¹²⁰ С этой точки зрения отметим, в частности, роль, выполняемую в обрядах жестами, которые индуистская традиция называет *мудра* и которые представляют собой настоящий язык движений и позиций; «прикосновения» (по-английски «grips»), употребляемые в качестве «средств узнавания» в инициатических организациях как на Западе, так и на Востоке, в действительности суть не что иное, как особый случай *мудра*.

¹²¹ На санскрите слово *карма*, которое означает прежде всего «действие» в целом, употребляется «техническим» образом для обозначения, в частности, «обрядового действия»; тогда оно выражает непосредственно тот характер обряда, на который мы здесь указываем.

¹²² Небезынтересно отметить, что так называемые легенды, характерные для различных степеней масонства, охватываются этим определением мифа; «приведение в действие» этих легенд хорошо показывает, что они в самом деле встроены в эти обряды, от которых их совершенно невозможно отделить; сказанное нами об абсолютном тождестве обряда и символа прямо относится к подобному случаю.

¹²³ «На устах печать». (Прим. перев.)

¹²⁴ *Mytus liber* герметистов — это буквально «немая книга», т. е. книга без словесного комментария, но в то же время это книга символов, поскольку символика поистине может рассматриваться как «язык молчания».

¹²⁵ Латинское *murmur* есть не что иное, как корень *mi*, продолженный буквой *г* и повторенный дважды; здесь воспроизводится глухой протажный звук, издаваемый с закрытым ртом.

¹²⁶ Примеры интерпретаций этого рода см. в особенности в диалоге «Кратил».

¹²⁷ Можно отметить, что именно таково значение слов Христа, хорошо подтверждающих глубокую тождественность «мифа» и «притчи», отмеченную нами выше: «вам дано знать тайны Царствия Божия, а тем внешним все бывает в притчах; так что они своими глазами смотрят и не видят; своими ушами слышат и не понимают» (Мк 4:11 — 12; Мф 13:13; Лк 8:10). Речь здесь идет о тех, кто улавливает лишь то, что

сказано буквально, и кто неспособен идти дальше, дабы постичь невыразимое: им, следовательно, «не дано знать тайну Царствия Небесного»; употребление слова «тайна» (*mystere*) в этой последней фразе надо отметить особо в связи с дальнейшими рассуждениями.

¹²⁸ Поэтому с этимологической точки зрения абсурдно говорить о «созерцании» какого-либо внешнего зрелища, как сплошь и рядом делают наши современники, для которых настоящий смысл слов в ряде случаев, по-видимому, полностью утрачен.

¹²⁹ Можно напомнить здесь предписание о молчании, которое надлежало хранить ученикам некоторых инициатических школ, в частности пифагорейской.

¹³⁰ В этом и заключалась абсолютная непогрешимость, свойственная любой традиционной доктрине.

¹³¹ Этот смысл слова «мистерия», равным образом придаваемый и слову «сакральный» в силу сказанного нами выше, весьма четко выражен в словах Евангелия: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас» (Мф 7:6). Отметим, что профаны символически представлены здесь животными, считавшимися «нечистыми», в собственно обрядовом значении этого слова.

¹³² Вульгарная концепция «мистерий», в особенности когда она применяется к религиозной области, предполагает явное смешение между «невыразимым» и «непонятым», — смешение совершенно неоправданное, кроме тех случаев, когда имеется в виду интеллектуальная ограниченность некоторых индивидов.

¹³³ В связи с этим обратим внимание, что «сверхрациональное» отнюдь не является синонимом «иррационального»: то, что выше разума, несколько ему не противоположно, но попросту ускользает от него.

¹³⁴ Вот почему мир — это божественный язык для тех, кто умеет его понимать: согласно библейскому выражению, «Небеса поют славу Господу» (Пс 19:2).

¹³⁵ Напомним еще раз по этому поводу, во избежание недоразумений, что мы решительно отказываемся давать название «традиции» всему чисто человеческому и «светскому», и в частности философской доктрине.

¹³⁶ Поэтому маловразумителен известный масонский ритуал («регулярность» его, впрочем, весьма спорна), в котором источники датируются эпохой, ведущей начало от «Истоков символизма» (*Ille Origine Symbolismi*).

¹³⁷ Пожалуй, уместно задаться вопросом, почему философия возникла именно в VI веке до Р.Х., — в эпоху, отличавшуюся довольно странными особенностями, как мы отмечали в ряде случаев.

¹³⁸ В санскрите слово *laukika* — «светский», «мирской» (прилагательное от слова *loka* — «мир») зачастую берется в том же значении, что и в евангельском тексте, т. е. в смысле «мирской», «профанный», и это совпадение кажется нам достойным упоминания.

¹³⁹ Впрочем, даже если рассматривать лишь собственный смысл слов, должно быть очевидно, что *philosophia* — отнюдь не *Sophia*, мудрость; по отношению к последней она могла бы быть подготовкой или этапом; поэтому можно было бы сказать, что философия становится непропорциональной, если она не стремится вести к тому, что ее превосходит. Это признавали средневековые схоласты, когда говорили: *Philosophia ancilla theologiae* («Философия — служанка богословия». — *Прим. перев.*); но в этом их точка зрения была еще очень ограниченной, так как богословие относится к экзотерической области и чрезвычайно далеко от того, чтобы представлять традиционную мудрость во всей ее полноте.

¹⁴⁰ Происходит ли это слово от празднеств Цереры у римлян, или, как полагают другие, от названия древнего города в Италии — Цере? По сути дела, это неважно, так как в любом случае его происхождение, как и происхождение слова «мистика», о котором мы говорили ранее, может иметь весьма слабое отношение к тому смыслу, который это слово обрело в обыденном употреблении, ставшем нынче единственным.

¹⁴¹ См.: «Царство количества и знаменья времени» (гл. XXXVIII и XL).

¹⁴² См.: там же, гл. III и VIII.

¹⁴³ Священные книги, или по крайней мере некоторые из них, возможно, представляют собой «поэмы» в этом плане; но они, конечно, не являются ими в «литературном» смысле, как считают современные литературные критики, которые тем самым стремятся свести их на чисто человеческий уровень.

¹⁴⁴ Единственные следы магической поэзии, которые можно еще обнаружить в настоящее время на Западе, составляют часть того, что наши современники дружно называют «народными суевериями»; действительно, чаще всего они встречаются в деревенском колдовстве.

¹⁴⁵ См.: «Царство количества и знаменья времени», гл. XXVI и XXVII.

¹⁴⁶ См.: там же, гл. XXXV.

¹⁴⁷ По этому первоначальному смыслу слово «способности» идентично соответствующему санскритскому термину *индрийя*.

¹⁴⁸ Не следует противопоставлять вышесказанному аргумент из числа тех, согласно которым стихийные «силы» могли бы быть результатом какой-либо инициации, полученной в «астрале», если не в «предыдущих существованиях»; необходимо уяснить, что, говоря об инициации, мы подразумеваем серьезные вещи, а не сомнительные фантасмагории.

¹⁴⁹ См.: «Царство количества и знаменья времени», гл. XXXV.

¹⁵⁰ См.: там же, гл. XXXVIII и XXXIX.

¹⁵¹ Слово *дикша* в санскрите обозначает собственно инициацию, хотя порой его следовало бы переводить скорее как «посвящение» (см. о связи этих двух идей сказанное нами выше о различных смыслах греческого слова *миео*); в самом деле, в некоторых случаях, когда речь

идет о лице, приносящем жертву, «посвящение», передаваемое термином *дикша*, носит лишь временный характер и значимо только в течение самого жертвоприношения; его надлежит повторить, если впоследствии та же самая персона станет приносить другую жертву, пусть того же рода, что и первую; поэтому невозможно признать за подобным «посвящением» характер инициации в подлинном смысле слова; ведь, как мы уже сказали, любая инициация есть нечто постоянное, приобретаемое раз и навсегда, и ее нельзя утратить ни при каких обстоятельствах.

¹⁵² Ограниченность эффектов возрождения, совершаемого экзотерическим путем, объясняет, почему оно никоим образом не может заменить инициацию или обойтись без нее, хотя общей чертой обоих является «второе рождение», понимаемое в самом широком смысле.

¹⁵³ Можно отметить, что с этой точки зрения религиозное рукоположение представляет собой «экстериоризацию» священнической инициации, а помазание королей — «экстериоризацию» царской инициации, причем соответствующими функциями уже не наделяются лишь посвященные, как это было ранее.

¹⁵⁴ Разумеется, констатация фактического существования чисто светских общественных организаций, т. е. лишенных каких-либо традиционных элементов, отнюдь не означает признания их правомерности.

¹⁵⁵ Это справедливо даже для светских организаций, но очевидно, что последние в любом случае могут использовать эту силу только бессознательно и ради достижения результатов исключительно телесного порядка.

¹⁵⁶ Можно отметить, что в христианской доктрине роль «духовного влияния» соответствует действию «благодати» и коллективной силы — «сообщества святых».

¹⁵⁷ В подобном случае имеет место устройство, сопоставимое с живым существом в его полноте — с «телом», служащим вышеупомянутой «опорой», «душой», каковой является коллективная сила, и «духом», которым, естественно, становится «духовное влияние», действующее вовне при посредстве двух других элементов.

¹⁵⁸ Разумеется, «молитва» — отнюдь не синоним «поклонения»; вполне можно просить милостей у кого-то, при этом отнюдь его не обожествляя.

¹⁵⁹ Слово «заклинание» («*incantation*») означает также «колдовство». — *Прим. перев.*) претерпело в обиходном употреблении известное вырождение, подобно слову «чары», которое также повсеместно употребляется в том же значении, тогда как латинское *carmen*, от которого оно происходит, первоначально означало поэзию в ее собственно «сакральном» смысле; пожалуй, небезынтересно отметить, что слово *carmen* имеет близкое сходство с санскритским *karma*, понимаемым, как мы уже сказали, в смысле «ритуального действия».

¹⁶⁰ См.: «Символика креста».

¹⁶¹ Исламская традиция обозначает это как *хакгсул-якин*, тогда как предшествующий уровень, который соответствует «видению» без отождествления, называется *айнул-яким*, а первый, какового могут достичь простые верующие с помощью традиционного экзотерического обучения, — это *илмул-якин*.

¹⁶² Уместно было бы спросить, действительно ли это прославление страдания свойственно особой форме христианской традиции и не «навязано» ли оно ей скорее естественными склонностями западного темперамента.

¹⁶³ «Искания» — в этом смысле слово употреблено в средневековом источнике «*Queste de Saint Graal*». — *Прим. перев.*

¹⁶⁴ Таким образом, очищение — это то же самое, что на языке Каббалы называют «растворением скорлуп»; в связи с этим вопросом мы также отметили в другом месте символическое значение «растворения металлов» («Царство количества и знамения времени», гл. XXII).

¹⁶⁵ Это объяснение равным образом подходит и для фаз герметического «Великого Делания», которые, как мы уже указали, строго соответствуют фазам инициации.

¹⁶⁶ См.: «Эзотеризм Данте».

¹⁶⁷ В масонской символике это соответствует посвящению в степень Мастера.

¹⁶⁸ См.: «Царство количества и знамения времени» (гл. XXXV и XXXVIII).

¹⁶⁹ На Западе именно таков случай истинных братьев Розы и Креста.

¹⁷⁰ Первая должна, к тому же, рассматриваться как имеющая лишь иллюзорное существование в сравнении со второй — не только в силу различия уровней реальности, к которым они соответственно относятся, но также потому, что — как мы объяснили выше — «второе рождение» обязательно предполагает «смерть» профанной индивидуальности, которая, таким образом, может далее существовать лишь как простая видимость.

¹⁷¹ Это, впрочем, можно отнести в самом общем плане ко всем традиционным цивилизациям, поскольку инициатический характер приписывается в них самим ремеслам, так что любое произведение искусства (или то, что так называют наши современники), какого бы рода оно ни было, непременно причастие этой сфере. О высшем и традиционном смысле «анонимата» см.: «Царство количества и знамения времени», гл. IX.

¹⁷² Например, так и было, по крайней мере отчасти, с романами о Святом Граале; к вопросу этого рода сводятся, пожалуй, все дискуссии о «личности» Шекспира, хотя на деле все, кто занят ими, никогда не рассматривали этот вопрос в его подлинном смысле и потому лишь запутали, сделав почти неразрешимым.

¹⁷³ См. полное изложение указанной доктрины в нашей работе: «*Les etats multiples de 1 'etre*».

¹⁷⁴ Мы не говорим «ирреальный»; разумеется, иллюзия должна рассматриваться только как меньшая реальность.

¹⁷⁵ Уместно, кроме того, отметить, что эта маска называлась по латыни *persona*; личность, в буквальном смысле, и есть то, что скрывается под маской индивидуальности.

¹⁷⁶ Рассмотрение мира либо в соотношении с Первопринципом, либо только как самого по себе лежит в основе традиционных и «светских» наук.

¹⁷⁷ С другой стороны, от *ministerium* в смысле «функции» происходит слово *metier*, «ремесло», как мы уже отметили в другом месте («Царство количества и знаменья времени», гл. VIII).

¹⁷⁸ С этими символическими представлениями можно, к тому же, непосредственно соотнести ритуальную постановку инициатических «легенд», о которых мы говорили выше.

¹⁷⁹ В средние века «экстериоризация» в религиозной форме могла быть следствием такой адаптации; она, стало быть, не служит возражением против эзотерического характера этой традиции самой по себе.

¹⁸⁰ См.: «Les etats multiples de Tetre», ch. VI.

¹⁸¹ Однако на деле эти люди должны были иметь по крайней мере косвенную связь с данным искусством, пусть в качестве «покровителей» (или «патронов» в английском значении этого слова); аналогичным образом позднее печатники (ритуал которых строился, в его основной части, по «легенде» о Фаусте) «допустили» всех тех, кто имел какое-либо отношение к книжному ремеслу, т. е. не только книгоиздателей, но и самих авторов.

¹⁸² Невозможно, не извращая полностью смысла слов, дать иную интерпретацию выражению «свободнорожденный» (*free-born*), отношению к кандидату на инициацию и наверняка не имеющему ничего общего с освобождением от так называемых предрассудков!

¹⁸³ Это были «Ложы Иакина», и сам «капеллан» именовался в старом «деятельном» масонстве «Брат Иакин».

¹⁸⁴ Мы должны сказать, что в действительности она обязательно насчитывала даже двух таких членов — второй из них был врачом.

¹⁸⁵ Эти масоны, впрочем, не получали всех «деятельных» степеней, и именно этим объясняется наличие у истоков «современного» масонства определенных лакун, которые пришлось заполнить впоследствии; а это могло совершиться лишь через посредство сохранившихся элементов «старого» масонства, гораздо более многочисленных в XVIII веке, чем обычно полагают историки.

¹⁸⁶ Мы уже отметили ранее это различие, в связи с нынешним состоянием компаньонажа и масонства; компаньоны охотно называют масонов «своими братьями-созерцателями», и хотя это выражение означает признание общности происхождения, в то же самое время оно содержит оттенок пренебрежения,— впрочем, не без основания, как можно понять из нашего изложения.

¹⁸⁷ Слово *speculum* на латыни действительно означает «зеркало».

¹⁸⁸ В целом здесь существует такое же различие, как в греческом между соответствующими значениями слов *praxis* и *poesis*.

¹⁸⁹ Мы неоднократно имели случай констатировать, что подобные уточнения ничуть не излишни; мы также решительно протестуем против всякой интерпретации, в силу вольного или невольного смешения относящей к любой инициатической организации то, что в наших сочинениях в действительности относится либо к псевдоинициации, либо к контринициации.

¹⁹⁰ Мы никогда не могли понять, что в точности означает выражение «общества мысли», изобретенное некоторыми для обозначения одной категории объединений, которые довольно трудно определить. Но можно сказать наверняка, что если существует нечто соответствующее такому названию, то оно в любом случае не имеет ни малейшего отношения к какой-либо инициатической организации.

¹⁹¹ Разумеется, лица, о которых идет речь, в равной мере неспособны понять, что такое элита в истинном смысле этого слова,— смысле, имеющем, как мы объясним далее, чисто инициатическое значение.

¹⁹² В действительности слово «ментальность», как мы увидим впоследствии, недостаточно в этом отношении, но не стоит забывать, что в настоящий момент речь идет лишь о стадии подготовки к подлинному инициатическому знанию, на которой, следовательно, еще невозможно прямо обращаться к трансцендентному интеллекту.

¹⁹³ Сказанное здесь можно с равным успехом отнести как к традиционной точке зрения в целом, так и к точке зрения инициатической; если речь идет только о том, чтобы отличить их от светской точки зрения, то между той и другой нет никакого различия.

¹⁹⁴ А также, добавим, от традиционной экзотерической точки зрения, которая в целом есть правомерный и нормальный способ рассматривания того, что искажено светской точкой зрения; обе они в известном смысле относятся к одной и той же области, что несколько не уменьшает их глубокого различия; но за пределами той области, которую можно назвать экзотерической — поскольку она затрагивает всех людей без различия,— существует эзотерическая и собственно инициатическая область, совершенно неведомая тем, кто пребывает на экзотерическом уровне.

¹⁹⁵ Отсюда то, что мы назвали «претворением в жизнь» инициатических «легенд»; здесь можно было бы также сослаться на сказанное нами выше о символике театра.

¹⁹⁶ Эта символика, впрочем, не связана исключительно с западными формами; скажем, *Вигивакарма* индуистской традиции — в точности то же самое, что и «Великий Архитектор Вселенной».

¹⁹⁷ Этот универсальный Путь есть Дао дальневосточной традиции.

¹⁹⁸ См., в частности, «Царство количества и знамения времени» (гл. VII).

¹⁹⁹ Мы понимаем под этим того, кого называют «гуру» в индуистской традиции или «шейхом» в исламской и кто не имеет ничего об-

щего с фантастическими идеями на сей предмет, бытующими в некоторых псевдоинициатических кругах Запада.

²⁰⁰ Речь здесь идет о фундаментальном различии «самости» и «я», или личности и индивидуальности, которое составляет исходный принцип метафизической теории множественных состояний сущего.

²⁰¹ Оба эти слова по сути обозначают одну и ту же вещь, рассмотренную с двух несколько отличных точек зрения; то, что является «инспириацией» для одного существа, которое ее обретает, становится «откровением» для других существ, которым оно его, в меру возможности, передает, манифестируя его вовне с помощью какого-либо способа выражения.

²⁰² Напомним, что среди условий проявленного существования форма есть то, что характеризует всякое индивидуальное состояние как таковое.

²⁰³ Разумеется, это не означает, что тот, кто объясняет символы, пользуясь обычным языком, обязательно располагает лишь внешним знанием; это означает только, что лишь такое знание может быть сообщено другим в ходе подобных объяснений.

²⁰⁴ Такое высшее использование языка главным образом возможно, когда речь идет о священных языках, которые являются таковыми как раз потому, что устроены таким образом, что сами по себе носят чисто символический характер; это, естественно, гораздо сложнее в случае с обычными языками, в особенности когда последние употребляются в основном для выражения светских точек зрения, как это происходит с языками современными.

²⁰⁵ Таковую «спекуляцию», осуществляемую на эзотерическом уровне, можно было бы сравнить не с философией, которая имеет отношение только к светской точке зрения, но скорее с теологией, соответствующей традиционному эзотерическому и религиозному уровню.

²⁰⁶ Мы должны уточнить, что такое превосходство мистиков должно пониматься исключительно по отношению к их внутреннему состоянию, ибо, с другой стороны, может случиться, как мы уже указывали выше, что за отсутствием теоретической подготовки они окажутся неспособны выразить что бы то ни было внятным образом; и кроме того, надо учитывать тот факт, что, невзирая на свою действительную «реализацию», они всегда рискуют заблудиться — уже в силу того, что не преодолели возможностей индивидуального порядка.

²⁰⁷ Этот отказ отнюдь не означает, что знание, о котором идет речь, становится в известном смысле противоположным или противостоящим знанию ментальному; последнее правомерно и значимо в своей относительной, т. е. индивидуальной области; мы вновь повторим, во избежание каких-либо недоразумений, что «сверхрациональное» не имеет ничего общего с «иррациональным».

²⁰⁸ Едва ли необходимо напоминать, что «сердце», рассматриваемое символически как центр целостной человеческой индивидуальности, традиции соотносят с чистым интеллектом; и это не имеет абсо-

лютно никакого отношения к «сентиментальности», которую ему приписывают современные светские концепции.

^{2.0} См.: «L'Esoterisme de Dante», p. 58-61.

^{2.0} Мы берем здесь слово «истина» в значении арабского термина *хакика*, а слово «Сущность» в значении *Эд-Дхат*. — К этому в исламской традиции относится следующий *хадит*: «Тот, кто познал себя самого, знает своего Господина» (*Ман арафа нафсаху факад арафа Рабба-ху*); такое знание достигается тем, кто назван «оком сердца» (*айнул-кальб*), а это есть не что иное, как сама интеллектуальная интуиция; Аль-Халладж выразил ее в следующих словах: «Я вижу моего Господа оком моего сердца, и я говорю: кто ты? Он отвечает: Ты» (*Рааму Рабби би-айни кальби факулту ман анта, кала анта*).

^{2.1} Здесь подразумеваются не только состояния, соответствующие расширениям индивидуальности, но также и сверхиндивидуальные, но еще обусловленные состояния.

^{2.2} Очевидно, в частности, что тот, кто с детства получил светское и «обязательное» образование в школах, не может считаться ответственным за него или рассматриваться поэтому как непригодный для инициации; весь вопрос состоит в том, какой «отпечаток» этого образования сохранит он впоследствии, ибо именно это реально зависит от его собственных способностей.

^{2.3} См., в частности, «Царство количества и знамения времени» (гл. XVIII и XXXII).

^{2.4} Об отношениях такого «модернизма» с оппозицией любому эзотеризму см.: «Царство количества и знамения времени» (гл. XI).

^{2.5} На наших глазах один писатель-масон утверждал, что «первый инициированный должен был инициировать себя самого», причем с очевидным намерением отрицать «нечеловеческое» происхождение инициации; трудно дойти до большого абсурда, как мы уже показали, объясняя истинную природу инициации; но не менее абсурдно полагать — в какой бы то ни было области, — что кто-то может дать самому себе то, чего у него нет, и тем более — передать; мы уже подчеркивали в другом месте вопрос подобного рода, в связи с весьма сомнительным характером психоаналитической трансмиссии («Царство количества и знамения времени», гл. XXXIV).

^{2.6} Мы уже говорили о подобной «экстериоризации», происходящей на другом уровне, в связи с отношением между некоторыми экзотерическими и инициатическими обрядами.

^{2.7} Три степени — бакалавра, лиценциата и доктора — воспроизводят тройственное деление, которое часто учреждается в инициатических организациях, в том числе в масонстве с его тремя степенями Ученика, Подмастерья и Мастера.

^{2.8} См.: «L'Esoterisme de Dante», p. 10-15.

^{2.9} В этом случае мы имеем другое деление, уже не на три, а на семь частей, которое и было характерно для средневековой организации «Верных Любви», а также в античности — для митраистских мистерий;

в обоих случаях семь степеней или «уровней» инициации были подобным же образом поставлены в соответствие семи планетарным небесам.

²²⁰ В этом отношении «оборотная» сторона некоторых антимасонских кампаний совершенно необычна.

²²¹ «Царство количества и знамения времени», гл. XXX.

²²² Это выражение восходит к Парацельсу, но на деле приобрело известность благодаря оккультистским рассуждениям, которым послужило поводом.

²²³ Именно это однажды выразил один шейх в следующих словах: «Надо, чтобы человек господствовал над *хал* (еще не стабилизированное духовное состояние.— *Прим. перев.*), а не *хал* господствовал над человеком» (*Лазим ал-инсан яркаб ал-хал, ва лайза ал-хал яркаб ал-инсан*).

²²⁴ По-арабски *Ал-Хакк*, что означает — не следует забывать — одно из божественных имен.

²²⁵ Ни какой-либо отдельной эпохи, могли бы мы добавить; но то, что непосредственно относится к характеру «длительности», потребовало бы для лучшего понимания более обширных объяснений, которым здесь не место; к тому же, мы дадим далее некоторые указания по этому вопросу «длительности».

²²⁶ Известно, что название «космополит» служило сигнатурой — «прикрытием» для различных персонажей; если сами они и не являлись истинными братьями Розы и Креста, то, по-видимому, служили рупором последней для внешней передачи некоторых учений и могли, следовательно, отождествляться с ними в известной степени, поскольку выполняли эту особую функцию.

²²⁷ *Ал-тавхиду в ахи дун.*

²²⁸ Слово «католический» (вселенский. — *Прим. перев.*), взятое таким образом в его первоначальном значении, часто встречается в сочинениях, в большей или меньшей степени несущих печать розенкрейцерского влияния.

²²⁹ Со всей строгостью следовало бы сказать здесь — мирская модальность индивидуальности,— ибо очевидно, что на этом экзотерическом уровне изменение не может быть достаточно глубоким, чтобы отнести его к чему-то большему, нежели простые модальности.

²³⁰ К организации именно такого рода принадлежал, к примеру, Лейбниц; мы говорили в другом месте о явно розенкрейцерской инспирации некоторых его концепций, но мы показали также, что нельзя полагать, будто бы он получил нечто большее, чем просто виртуальную инициацию, да к тому же неполную даже в теоретическом отношении (см. нашу книгу: «*Les Principes du calcul infinitesimal*»),

²³¹ В целом это «легенда» того же рода, что и другие инициатические «легенды», о которых мы уже упоминали ранее.

²³² Здесь мы напомним то, что говорилось выше об инициатической символике путешествия; впрочем, известно, особенно в связи с герметизмом, немало других путешествий — Николая Фламелья, на-

пример,— которые, по-видимому, имеют прежде всего символическое значение.

²³³ Отсюда название «Коллегия Невидимых», порой относимое к сообществу Розы и Креста.

²³⁴ Точная дата этого разрыва отмечена во внешней истории Европы заключением Вестфальских договоров, которые положили конец тому, что сохранялось еще от средневекового «христианства», заменив последнее чисто «политической» организацией в современном и светском смысле этого слова.

²³⁵ Было бы совершенно бесполезно пытаться определить «географически» место удаления братьев Розы и Креста; из всех известных нам предположений на этот счет самым верным является, конечно, то, согласно которому они удалились в «Царство пресвитера Иоанна», причем последнее, как мы объяснили в другом месте (см. «Царь Мира»),— не что иное, как репрезентация высшего духовного центра; там действительно сохраняются в латентном состоянии, вплоть до конца нынешнего цикла, все традиционные формы, которые по той или иной причине прекратили манифестировать себя вовне.

²³⁶ Весьма сомнительно, что кто-нибудь из братьев Розы и Креста когда-либо писал что бы то ни было — разве что строго анонимно; ведь само его состояние возбраняло ему представлять в качестве простого индивида, выступающего от своего собственного имени.

²³⁷ Небезынтересно отметить, что слово «суфий» по значению составляющих его букв численно равнозначно выражению *ал-хикма алияхия*, т. е. «божественная мудрость». — Различие между братом Розы и Креста и суфием в точности соответствует существующему в даосизме различию между «истинным человеком» и «трансцендентным человеком».

²³⁸ Таково в арабском языке одно из значений слова *сирр*, тайна, в частном его употреблении в «технической» терминологии эзотеризма.

²³⁹ Так, вероятно, обстояло дело в XVIII веке с организациями, которые были известны под именем «Златорозовый Крест».

²⁴⁰ См. наше исследование в «Символике креста».

²⁴¹ Это представление мы более подробно объяснили в книге «Эзотеризм Данте».

²⁴² В исламской традиции состояния, которые приводят соответственно к «малым мистериям» и «великим мистериям», обозначены как «изначальный человек» (*ал-инсан ал-кадим*) и «универсальный человек» (*ал-инсан ал-камил*); оба эти термина в точности соответствуют «истинному человеку» и «трансцендентному человеку» даосизма, что отмечено нами в предшествующем примечании.

²⁴³ См.: «*Autorite spirituelle et pouvoir temporel*», ch. VIII. — Этот текст представляет собой отрывок, в котором Данте в конце своего трактата «*De Monarchia*» определяет соответственно атрибуты папы и императора, выражающие полноту этих двух функций в составе «христианства».

²⁴⁴ Священническая и царская функции предполагают совокупность приложений, принципы которых установлены, соответственно, указанными инициациями; отсюда употребление выражений «священническое искусство» и «царское искусство» для обозначения этих приложений.

²⁴⁵ Об этом см.: «Autorite spirituelle et pouvoir tempore!», ch. II.

²⁴⁶ См.: «Царство количества и знамения времени», гл. VIII.

²⁴⁷ На Западе в средние века формы инициации, свойственные кшатриям или тем, кого следует рассматривать как их максимально точный эквивалент, существовали в среде рыцарства.

²⁴⁸ Именно это объясняет — если ограничиться единственным характерным примером,— что выражение типа «царское искусство» могло употребляться и сохраняться вплоть до наших дней такой организацией, как масонство, связанной по своему происхождению с занятиями ремеслом.

²⁴⁹ См.: «Царство количества и знамения времени», гл. XXXVIII.

²⁵⁰ Он становится тем, кого в буддизме называют *анагами*, т. е. «тот, кто не возвращается» в состояние индивидуального проявления.

²⁵¹ См.: «Autorite spirituelle et pouvoir tempore!», ch. I.

²⁵² См.: *ibid.*, ch. III.

²⁵³ Во избежание возможных недоразумений мы должны уточнить, что было бы совершенно ошибочно считать, на основании сказанного нами о взаимном соответствии обеих инициаций «великим мистериям» и «малым мистериям», что священническая инициация не предполагала прохождения через «малые мистерии»; но дело в том, что этот переход в подобном случае может осуществиться гораздо быстрее, ибо брахманы по своей природе более склонны к познанию принципов и, следовательно, им нет нужды задерживаться на детальном развитии второстепенных возможностей; поэтому «малые мистерии» могут быть сведены для них к минимуму, т. е. только к тому, что в них наиболее существенно и нацелено непосредственно на достижение «изначального состояния».

²⁵⁴ Разумеется, мы понимаем эти термины в самом широком смысле, как обозначающие инициации, которые подходят соответственно природе кшатриев и природе брахманов, ибо для того, что связано с исполнением соответствующих функций в социальной сфере, царское миропомазание и священническое рукоположение представляют собой только «экстериоризации», как мы уже сказали выше; иначе говоря, они относятся только к экзотерической области и не предполагают никакой инициации, пусть даже просто виртуальной.

²⁵⁵ В этой связи можно было бы напомнить, в частности, о существовании «рыцарских» степеней среди высших степеней, превосходящих собственно масонские степени; каково бы ни было на самом деле их более или менее давнее историческое происхождение — вопрос о котором можно обсуждать до бесконечности, не приходя к скольконибудь определенному решению,— самый принцип их существования

реально может быть объяснен только этим, что единственно важно для нас в настоящий момент.

²⁵⁶ Явления подобного рода, по-видимому, были наиболее распространены в эпоху Ренессанса, но и в наши дни они еще далеко не прекратились, хотя носят в целом весьма потаенный характер и совершенно неизвестны не только «широкой публике», но даже и большинству тех, кто пытается сделать своей специальностью изучение того, что принято обозначать расплывчатым термином «тайные общества».

²⁵⁷ Следует добавить, что эти инициации, низшие и искаженные, естественно, наиболее легко поддаются влияниям, исходящим от контринициации; мы напомним в связи с этим сказанное нами в другом месте об использовании всего того, что носит характер «осадков» (*residus*), в работе по разрушению традиции (см.: «Царство количества и знамения времени», гл. XXVI и XXVII).

²⁵⁸ По этому предмету см., в частности, *Вишну-Пурана*.

²⁵⁹ См.: «Царство количества и знамения времени», гл. VII.

²⁶⁰ См.: там же, гл. II.

²⁶¹ См.: там же, гл. X и XXIII.

²⁶² Это следует также соотносить с тем, что мы сказали об отношениях розенкрейцерства в самых его истоках с мусульманским эзотеризмом.

²⁶³ Это слово является арабским по форме, но не по происхождению; оно, вероятно, производно от названия *Кемп*, или «Черная Земля», данного Древнему Египту, что также указывает на происхождение того, о чем идет речь.

²⁶⁴ Слово *Каббала* имеет то же значение, что и слово «традиция»; но поскольку это слово древнееврейское, то при использовании другого языка, помимо еврейского, нет никаких оснований относить его к иным традиционным формам, нежели та, к которой оно принадлежит, что могло бы только вести к новой путанице. Точно так же слово *таставуф* в арабском языке может быть принято для обозначения всего того, что носит эзотерический и инициатический характер в какой бы то ни было традиционной форме; но при использовании другого языка следует оставить это слово исламской форме, к которой оно принадлежит по своему происхождению.

²⁶⁵ Отметим сразу, что не надо смешивать или попросту отождествлять алхимию и герметизм; собственно говоря, первая является доктриной, а второй — только ее приложением.

²⁶⁶ См.: «*Autorite spirituelle et pouvoir temporel*», ch. II.

²⁶⁷ Космологическая точка зрения предполагает также, разумеется, знание телесного проявления, но она рассматривает его прежде всего потому, что связывает себя с тонким проявлением как со своим непосредственным принципом; в этом она полностью отличается от профанной точки зрения, свойственной современной физике.

²⁶⁸ Такая транспозиция в действительности всегда возможна, коль скоро связь с высшим и истинно трансцендентным принципом не

прерывалась. Мы говорили, что само герметическое «Великое Делание» может быть рассмотрено как представление инициатического процесса в его совокупности; однако речь тогда уже идет о герметизме не самом по себе, но о таком, который может служить основой вещам иного уровня,— аналогично тому, как традиционный экзотеризм сам может быть взят за основу инициатической формы.

²⁶⁹ Разумеется, мы берем здесь это слово в его древнем и строго этимологическом смысле.

²⁷⁰ Такие именно обстоятельства и представились на Западе в эпоху, обозначившую переход от средних веков к Новому времени, и это объясняет отмеченное нами выше появление и распространение известных искажений этого рода в период Ренессанса.

²⁷¹ Мы сказали, что «царское искусство» есть, собственно, форма приложения соответствующей инициации; но алхимия в действительности носит характер приложения доктрины, и способы инициации, если их рассматривают с «нисходящей» точки зрения, являются приложением самого ее принципа, тогда как, напротив, с «восходящей» точки зрения они служат «опорой», которая позволяет получить доступ к последнему.

²⁷² Эта «гиперхимия» по отношению к алхимии — примерно то же, что современная, так называемая «научная», астрология по отношению к настоящей традиционной астрологии (см.: «Царство количества и знаменья времени», гл. X).

²⁷³ Еще существуют там и сям псевдоалхимики подобного рода, и мы знали кое-кого из них как на Востоке, так и на Западе; но мы можем заверить, что никогда не встречали ни одного, кто добился каких-либо результатов, хоть как-то сопоставимых с огромными усилиями, потраченными на изыскания, поглотившие всю его жизнь!

²⁷⁴ В частности, такое название носит трактат Аль-Газали.

²⁷⁵ Напомним в связи с этим, что практические результаты, полученные светскими науками, никоим образом не оправдывают и не узаконивают саму точку зрения этих наук, как и не доказывают значение теорий, сформулированных последними, к которым они в действительности имеют лишь чисто «случайное» отношение.

²⁷⁶ Здесь можно использовать слово «способ», поскольку речь идет о результатах внутреннего состояния, достигнутого существом.

²⁷⁷ В исламской традиции мы находим весьма ясные примеры того, на что мы здесь указываем; так, Сейидна Али обладал, как говорят, совершенным знанием алхимии во всех ее аспектах, включая тот, который относится к созданию внешних эффектов, таких как трансмутации металлов; но он всегда отказывался хоть как-то использовать это знание. С другой стороны, рассказывают, что Сей-иди Абул-Хасан Эш-Шадили во время своего пребывания в Александрии превратил в золото, по просьбе египетского султана, который очень в том нуждался, большое количество презренных металлов; но он сделал это, не прибегая ни к какой операции материальной алхимии или какому-

либо средству психического порядка, единственно посредством своей *барака*, или духовного влияния.

²⁷⁸ *Ал-инсану рамзул-вуджуд.*

²⁷⁹ Это *хадит*, который мы приводили выше: «*Ман арафа нафсаху факад арафа Раббаху*».

²⁸⁰ «Философский камень» является в то же время и в других аспектах «эликсиром долголетия» и «универсальным лекарством».

²⁸¹ См.: «Царство количества и знаменения времени», гл. XXIII.

²⁸² Нам известны некоторые так называемые эзотерические школы, которые действительно ставили перед собой цель добиться телесного бессмертия; следует сказать, что на самом деле речь шла лишь о псевдоинициации, даже усложненной элементами довольно сомнительного характера.

²⁸³ Кроме того, известно, что по мере того как человек становится старше, ему кажется, что годы протекают все быстрее, а это говорит о том, что длительность, которую они реально представляют для него, все более уменьшается.

²⁸⁴ Таков высший смысл «возрождения» и «тела славы», хотя порой эти термины могут также употребляться для обозначения того, что фактически существует лишь как продолжение человеческого состояния, но соответствует этим реальностям высшего уровня, являясь как бы их отражением; таковы, прежде всего, некоторые возможности, свойственные «изначальному состоянию», подобные тем, которые мы рассмотрим далее.

²⁸⁵ В самом деле, нет никакого смысла рассматривать переход в другие индивидуальные состояния; ведь совершенство человеческого состояния, как мы объяснили ранее, само по себе дает непосредственный доступ к сверхиндивидуальным состояниям.

²⁸⁶ По-видимому, именно таков случай некоторых индийских *сиддха*, которые — если судить по описаниям — живут в действительности на «другой земле», т. е. на одном из *двипа*, которые последовательно проявляются вовне в различных *Манвантарах*, а во время периодов, когда они переходят в «нечувственное состояние», сохраняются во внетелесных продолжениях человеческой области.

²⁸⁷ О символике «средины времен» и отношений, существующих в этой связи между обеими точками зрения — временной и пространственной, см.: «L'Esoterisme de Dante», p. 78-87

²⁸⁸ Применительно к пространству эта возможность именуется «вездесущность»; она является отражением «всеприсутствия» принципа, подобно тому как соответствующая возможность по отношению ко времени есть отражение вечности и предполагаемой ею абсолютной одновременности.

²⁸⁹ См.: «Orient et Occident» и «La crise du Monde moderne».

²⁹⁰ Выше мы отметили особенно абсурдную деформацию подобного рода, говоря о смысле слова «адепт»; само слово «инициация» не более защищено от этих неверных употреблений, ибо некоторые пользует-

ются им сегодня для обозначения элементарного учения какого-либо профанического «знания» и порой оно фигурирует в названиях произведений, которые на деле представляют собой «вульгаризацию» худшего толка.

²⁹¹ В языке журналистов встречается даже термин «спортивная элита», и это последняя степень вырождения, возможного в случае этого слова!

²⁹² Естественно, мы не должны заниматься здесь социальной концепцией — современной и светской — «выборов», проистекающих из «всеобщего голосования» и, следовательно, осуществляемых «снизу», когда пытаются произвести высшее от низшего, в противовес всякому понятию истинной иерархии.

²⁹³ Это верно в отношении не только телесного мира, но и тонких модальностей, принадлежащих той же области индивидуального существования.

²⁹⁴ Можно было бы сказать, что в силу циклического движения «нисхождения» их неизбежно должно становиться меньше и меньше; и благодаря этому можно понять, что означает традиционное утверждение, согласно которому нынешний цикл завершится, когда «число избранных исполнится».

²⁹⁵ Разумеется, во всем, связанном с элитой, важен всегда только вопрос «качества», а не «количества».

²⁹⁶ Существовал достаточно ясный намек на это еще в масонстве XVIII века, где говорилось об учреждении системы высоких степеней «внутри» обычной Ложы.

²⁹⁷ Разумеется, речь при этом идет отнюдь не о различных «элитах», но о степенях внутри одной и той же элиты.

²⁹⁸ Именно в этом значении оказывается слово «избранник», например, в названии некоторых высших степеней различных масонских обрядов; это, впрочем, не говорит о том, что всегда сохранялось реальное осознание его значения и всего того, что оно действительно подразумевало.

²⁹⁹ В исламской традиции *Лл-Мустафа*, «Избранник», — одно из имен Пророка; когда это слово употребляется «по преимуществу» таким образом, оно, следовательно, относится к «Универсальному Человеку».

³⁰⁰ Это иерархическое устройство фактически было искажено введением некоторых «парламентских» форм, заимствованных у светских институтов, но, несмотря ни на что, оно существует в системе надстраивающихся друг над другом степеней.

³⁰¹ В качестве примера светских иерархических организаций можно назвать современные армии; этот пример, пожалуй, остается самым ясным в нынешних условиях, поскольку административные иерархии в действительности ни в коей мере не заслуживают этого названия.

³⁰² Выше мы упоминали разделения на три и семь степеней; очевидно, что при разнообразии инициатических форм их может существовать гораздо больше.

³⁰³ Мы напомним, что «адепт» — это именно тот, кто достиг полноты действительной инициации; некоторые эзотерические школы проводят, однако, различие между теми, кого они называют «младший адепт» и «старший адепт»; эти выражения, по крайней мере в их первичном значении, следует тогда понимать как обозначающие того, кто достиг совершенства, соответственно, на уровне «малых мистерий» и «великих мистерий».

³⁰⁴ Мы говорим, что человек ассимилирует истину, поскольку так-ков обычный словесный способ передачи, но вполне можно было бы сказать наоборот. что он сам ассимилируется этой истиной; значение этого замечания станет понятно впоследствии.

³⁰⁵ Уместно было бы только сделать оговорку относительно того, что выражение или формулировка истины могут быть неадекватными и что даже всегда так и бывает в известной мере; но это отнюдь не затрагивает сам принцип.

³⁰⁶ Так, возьмем самый простой пример: ребенок, если он понял и усвоил элементарную математическую истину, будет непогрешим всякий раз при очередном изложении этой истины; но, напротив, он не будет непогрешим, если станет повторять вещи, которые просто «заучил наизусть», но отнюдь не овоил.

³⁰⁷ Напомним, что это верно для эзотерических обрядов, открыто признаваемых и католической доктриной, как и для обрядов инициатических.

³⁰⁸ Когда мы говорим «регулярно», то это обязательно означает обладание требуемыми качествами.

³⁰⁹ Именно это воздействие духовного влияния в случае обучения доктрине обозначается на языке католической теологии как «схождение (assistance) Святого Духа».

^{3,0} Все это в точности соответствует католическому понятию «папской непогрешимости»; удивление вызывает лишь та особенность, что доктринальная непогрешимость всецело приписывается функции, осуществляемой исключительно одним индивидом, тогда как в других традиционных формах обычно признается, что все те, кто исполняет регулярную функцию обучения, причастны этой непогрешимости сообразно объему их функции.

³¹¹ Прибегая к геометрической символике, можно было бы сказать, что первым из двух этих различий доктринальная непогрешимость определяется в горизонтальном плане — ибо традиционные формы как таковые располагаются на этом уровне; а вторым — в плане вертикальном, ибо здесь речь идет об иерархически расположенных друг над другом областях.

^{3,2} Если полагают, что исторически девиз *Ordo ab Chao* выражал прежде всего намерение внести порядок в «хаос» многочисленных сте-

пеней и «систем», возникших во второй половине XVIII века, то это отнюдь не является веским доводом против сказанного нами, ибо речь здесь идет в любом случае только об очень узком применении, которое ничуть не препятствует существованию других, более важных значений.

³¹³ См.: «Царство количества и знамения времени» (гл. III).

³¹⁴ Существует также другой, высший смысл символики тьмы, относящийся к состоянию изначальной не проявленности; но мы рассматриваем здесь только низший и собственно космогонический смысл.

^{3.5} Санскритское слово *лока*, «мир», произведенное от корня *лок*, «видеть», имеет прямое отношение к свету, как показывает, впрочем, сопоставление с латинским *lux*; с другой стороны, сближение слова *Логе* с *лока* — через посредство латинского *locus*, идентичного ему, отнюдь не лишено смысла, поскольку масонская Ложа рассматривается как символ мира, или «космоса»: это есть, в противовес «тьме внешней», соответствующей профанному миру, «место светлое и устроенное», где все совершается по обряду, т. е. в соответствии с «порядком» (*puma*).

^{3.6} Другой смысл слова «порядок» имеет здесь особо значимый оттенок: в самом деле, значение «веления», которое оно также несет в себе, выражено в древнееврейском слове *йамап*, которым передано воздействие божественного Слова в первой главе Книги Бытия; впрочем, мы вернемся к этому несколько позже.

^{3.7} См.: «Царство количества и знамения времени», гл. II.

^{3.8} Это «необработанный камень» (*rough ashlar*) масонской символики.

^{3.9} Или «безвидном и пустом», согласно другому переводу, впрочем, почти равнозначному по сути *тоху ва-боху* Книги Бытия; Фабр д'Оливе передает его как «случайная потенция бытия в потенции бытия», что и в самом деле довольно хорошо выражает совокупность частных возможностей, содержащихся и как бы свернутых в потенциальном состоянии в самой потенциальности этого мира (или состояния экзистенции), взятого в его целостности.

³²⁰ В связи с девизом, о котором идет речь в настоящий момент, это обозначено в шотландском масонстве как «царство Священной Империи» — явно в память об устройстве прежнего «христианства», рассматриваемого как применение «царского искусства» в частной традиционной форме.

³²¹ Таково само определение «недеятельной активности» в даосской традиции; именно это мы ранее назвали «воздействием присутствия».

³²² Небезынтересно отметить в связи с этим, что в масонских организациях, наиболее полно сохранивших старинные обрядовые формы, Библия, лежащая на алтаре, раскрыта именно на первой странице Евангелия от Иоанна.

³²³ Впрочем, это ясно следует из того факта, что теория, на которую опирается наука мантр (*мантра-видья*), проводит различие между разными модальностями звука: *пара*, или непроявленный, *пашьян-ти* и *вайкхари*, или слово артикулированное: только это последнее относится собственно к звуку как чувственному качеству, принадлежащему телесному миру.

³²⁴ Таковы первые слова Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово» (*In principio erat Verbum*).

³²⁵ Здесь мы должны напомнить об упомянутой нами ранее связи между двумя различными смыслами слова «повеление» (*ordre*) (приказ и порядок. — *Прим. перев.*).

³²⁶ См.: «Символика креста», с. 51-54.

³²⁷ Символика двоякого движения сердца должна рассматриваться здесь как эквивалент хорошо известной в индуистской традиции символики двух противоположных и взаимодополняющих фаз дыхания; в обоих случаях речь идет о чередовании расширения и сжатия, которые соответствуют также двум терминам — *coagula* и *solve* — герметизма, — но при условии, что обе фазы должны пониматься в обратном смысле, сообразно тому, рассматриваются ли вещи по отношению к принципу или к проявлению, так что изначальное расширение обусловливает «коагуляцию» проявленного, а изначальное сжатие — его «растворение».

³²⁸ Все это соотносится с ролью *Метатрона* в еврейской Каббале.

³²⁹ Нетрудно увидеть, что все это может быть отождествлено с областью сверхиндивидуального проявления.

³³⁰ Он «творец» по отношению к нашему миру, но в то же время он сам «сотворен» по отношению к высшему Первоначалу, и вот почему его называют также *Карья-Брахма*.

³³¹ См.: «L'Homme et son devenir selon le Vedanta», ch. XIV. — В самом имени *Хираньягарбха* ясно обозначена эта светоносная природа, так как свет символизируется золотом (*хиранья*), которое само есть «минеральный свет» и занимает среди металлов то же положение, что и солнце посреди планет; известно, что солнце в символике всех традиций является также одной из фигур «Сердца Мира».

³³² Это замечание может помочь определить отношения «духа» (*эрух*) и «души» (*эн-нефс*), причем последняя является, в полном смысле слова, «витальным принципом» каждого отдельного существа.

³³³ См. «Царство количества и знаменья времени», гл. XX.

³³⁴ Состояние, о котором идет речь, в терминологии исламского эзотеризма обозначается как *хал*, тогда как состояние, соответствующее отождествлению с центром, как *макам*.

³³⁵ Согласно общей символике Вод, «Океан» (на санскрите *самудра*) представляет совокупность возможностей, содержащихся в определенном состоянии существования; каждая волна соответствует, таким образом, в этой совокупности выявлению отдельной возможности.

³³⁶ В исламской традиции это относится в особенности к аспекту или атрибуту, выраженному в божественном имени *Ал-Хайи*, которое обычно переводят как «Живой», но гораздо точнее было бы передать как «Животворящий».

³³⁷ Это, разумеется, относится не только к *мантре* индуистской традиции, но также и к тому, что соответствует ей в иных традициях, например, к *зикру* в традиции исламской; речь идет в самом общем плане о звуковых символах, рассматриваемых в ритуалах как чувственные «подпорки» «заклинаний» в смысле, объясненном нами ранее.

³³⁸ См.: «L'homme et son devenir selon le *\fedanta*», ch. XVI и XXI.

³³⁹ Поскольку *Кундалини* символически изображается в виде змеи, свернувшейся кольцом (*кундала*), можно было бы здесь напомнить о тесной связи, существующей в традиционной символике между змеей и «Мировым Яйцом», о которой мы упомянули, говоря о *Хираньягарбхе*: так, у древних египтян *Кнеф* в форме змеи выпускает «Мировое яйцо» изо рта (что означает намек на первостепенную роль Слова в создании мира проявленного); упомянем также равнозначный символ «змеиною яйца» друидов, которое изображалось в виде окаменелости морского ежа (*oursin fossile*).

³⁴⁰ См. «L'Homme et son devenir selon le *\fedanta*», ch. III.

³⁴¹ Другой символ, чья связь с сердцем подобна в этом плане связи сердца с яйцом,— это плод, в центре которого также находится зародыш, обозначающий то, о чем идет речь; каббалистический этот зародыш изображается в виде буквы «iod», которая в древнееврейском алфавите является первоначалом всех остальных букв.

³⁴² Речь здесь идет не об отдельных *Аватарах*, которые проявляются в ходе отдельных циклических периодов, но о том, кто реально и с самого начала является принципом всех *Аватар*: равным образом, с точки зрения исламской традиции *Эр-Рух мухаммадия* является принципом всех форм пророчества и лежит в самих истоках всего творения. Напомним, что слово *Аватара* выражает, собственно, «нисхождение» первоначала в область проявления, а также, с другой стороны,— что словом «зародыш» (*germe*) во многих библейских текстах обозначается Мессия.

³⁴³ Катха Упанишада, 1-е Балл и, шрути 14.

³⁴⁴ Огонь (*Тежас*) содержит в самом себе два взаимодополняющих аспекта — свет и тепло.

³⁴⁵ Это еще одна причина — в добавление к «центральному» положению *Хираньягарбхи*, — чтобы символически отождествить его с солнцем.

³⁴⁶ *Иатха пинда Брахманда* (см.: «L'Homme et son devenir selon le *\fedanta*», p. 143, 191).

³⁴⁷ См. «Царь Мира». — Можно также отметить, что отождествление «второго рождения» с «прозябанием» луза в точности напоминает даосское описание инициатического процесса как «эндогении бессмертного».

³⁴⁸ Чакрой короны. — *Прим. перев.*

***ЦАРСТВО КОЛИЧЕСТВА
И ЗНАМЕНΙΑ ВРЕМЕНИ***

Ж

Глава I

КОЛИЧЕСТВО И КАЧЕСТВО

Обычно рассматривают количество и качество как два дополнительные термина, не понимая глубокого смысла этого отношения; этот смысл заключается в том соответствии, которое его предваряет. Исходить надо, таким образом, из первой космической дуальности, содержащейся в самом принципе существования или универсального проявления, без которой никакое проявление невозможно, какого бы рода оно ни было. Согласно индуистской доктрине, эта дуальность Пуруши и Праkritи, или же, если использовать другую терминологию, это «сущность» и «субстанция». Будучи двумя полюсами всякого проявления, они должны рассматриваться как универсальные принципы; но и на другом уровне или, скорее, на других уровнях, представляющих собою более или менее частные области, которые можно наблюдать внутри всеобщего существования, также можно аналогичным образом употреблять эти же термины в относительном смысле, чтобы обозначить то, что соответствует или представляет эти принципы более непосредственно по отношению к определенному, более или менее ограниченному способу проявления. Так, можно говорить о сущности и субстанции либо по отношению к миру, то есть по отношению к состоянию существования, определенному некоторыми особыми условиями, либо по отношению к бытию, рассматриваемому как частное, или даже по отношению к его проявлению на каждой ступени существования; в этом последнем случае сущность и субстанция, естественно, представляют собою микрокосмическое соответствие тому, чем они являются с макрокосмической точки зрения для мира, в котором это проявление располагается, или, другими словами, они являются лишь конкретизациями тех же относительных принципов, которые являются определениями универсальных сущности и субстанции по отношению к миру, в котором они действуют.

Понимаемые в этом относительном смысле, и главным образом, по отношению к частному бытию, сущность и субстанция в конце концов суть то же самое, что философы-схоласты называли «формой» и «материей»; но мы предпочитаем не употреблять эти термины, которые, несомненно из-за некоторого несовершенства латинского языка, довольно неточно передают идеи, которые они призваны выражать¹ и которые стали еще более двусмысленными из-за совершенно отличного смысла, приобретенного этими словами в современном языке. Как бы то ни было, сказать, что все проявленное бытие состоит из «формы» и «материи», это все равно что сказать, что его существование с необходимостью проистекает сразу из сущности и из субстанции и что, следовательно, в нем есть нечто, соответствующее тому и другому принципу таким образом, как если бы это проистекало из их единства, или, выражаясь более точно, из действия, осуществляемого активным принципом или сущностью, на пассивный принцип или субстанцию; в более специальном применении в случае с индивидуальным бытием эти «форма» и «материя», конституирующие это бытие, тождественны соответственно тому, что в индуистской традиции обозначается как *нама* (паша) и *рупа* (гира). Мы обозначили в общем соответствие между различными терминологиями, что позволит переводить наши объяснения в более привычный для них язык и, следовательно, легче понимать их; теперь мы еще добавим, что именуемое в аристотелевском смысле «действием» и «возможностью» тоже соответствует сущности и субстанции; впрочем, эти два термина имеют более широкое применение, чем «форма» и «материя»; но, по существу, сказать, что всякое бытие есть смесь действия и возможности,— значит сказать то же самое, так как действие есть само по себе то, через что оно причастно субстанции. Чистое действие и чистая возможность никоим образом не могли бы оказаться в проявлении, поскольку они в конечном счете суть эквиваленты универсальных сущности и субстанции.

Если это понятно, то мы можем говорить о сущности и субстанции нашего мира, то есть мира индивидуального человеческого бытия. Добавим, что согласно с условиями, этот мир определяющими, эти два принципа возникают здесь соответственно под видом качества и количества. Это уже может быть очевидным относительно качества, потому

что сущность, в конечном счете, есть принципиальный синтез всех атрибутов, принадлежащих некоторому бытию и делающих так, что это бытие есть то, что оно есть, а «атрибуты» или «качества» суть, на самом деле, синонимы; можно еще заметить, что качество, рассматриваемое как содержание сущности, если можно так сказать, не ограничено исключительно только нашим миром, но что возможно преобразование, обобщающее его значение, в чем, впрочем, нет ничего удивительного, так как оно здесь представляет высший принцип: но при такой универсализации качество перестает коррелировать с количеством, потому что последнее, напротив, строго связано со специальными условиями вашего мира; к тому же, с теологической точки зрения, не относят ли качество в некотором роде к самому Богу, говоря о Его атрибутах, в то время как было бы совершенно немыслимо стремиться переносить на него какие бы то ни было количественные определения?² Можно было бы возражать против того, что Аристотель располагает качеством, равно как и количеством, среди «категорий», которые являются всего лишь особыми способами бытия, не обладающими одинаковой с ним экстенсивностью; но дело в том, что тогда перечислением категорий не осуществляется то преобразование, о котором мы только что говорили, и что оно, впрочем, и не должно этого делать, соотносясь лишь с нашим миром и его условиями, так что качество может и должно здесь рассматриваться только лишь в более непосредственном для нас в нашем, индивидуальном бытии смысле, или же, как мы только что говорили, оно представляет собою коррелятив количества.

С другой стороны, интересно отметить, что «форма» схоластов есть то, что Аристотель называл «эйдосом», и это слово также использовалось для обозначения «вида», который представляет собою, собственно говоря, природу или общую для неопределенного множества индивидов сущность; однако, эта природа чисто качественного порядка, так как она поистине «неисчислима» в строгом смысле этого слова, то есть не зависима от количества, являясь неделимой и целиком пребывающей в каждом из индивидуумов, принадлежащих к этому виду таким образом, что она никоим образом не задевается и не изменяется их числом, не чувствительна к «большему» или «меньшему». Более того, эйдос этимологически означает «идею», не в современном психо-

логическом смысле, а в онтологическом смысле, более близко к платоновскому, чем это обычно себе представляют, так как сколь ни была бы велика разница, реально существующая в этом отношении между концепциями Платона и Аристотеля, все же эта разница значительно преувеличена их учениками и комментаторами, как это часто и бывает. Платоновские идеи являются также и сущностями; Платон в особенности подчеркивает их трансцендентный аспект, а Аристотель — имманентный, что не исключает одного другого с необходимостью, а лишь соотносится с различными уровнями, что бы ни говорили при этом о «систематическом» осознании; во всяком случае, всегда речь идет при этом об «архетипах» или о сущностных принципах вещей, представляющих собою то, что можно назвать качественной стороной проявления. Кроме того, те же самые платоновские идеи суть, под другим названием и при прямой преемственности, то же самое, что пифагорейские числа; и это хорошо показывает, что те же самые пифагорейские числа, как это мы уже показывали ранее, хотя и называются также числами, вовсе не являются числами в количественном и обычном смысле этого слова, но что они, напротив, чисто качественные и соответствуют обратным образом, со стороны сущности, тому, что представляют собою количественные числа со стороны субстанции³.

Напротив, когда святой Фома Аквинский говорит, что «*numerus stat ex parte materiae*» («число отчасти становится материей»), то речь идет именно о количественном числе, и тем самым он утверждает, что количество непосредственно имеет отношение к субстанциальной стороне проявления; мы говорим субстанциальной, потому что *materia* в схоластическом смысле вовсе не есть «материя» как ее понимают современные физики, но именно субстанция, будь то в относительном значении, когда она ставится в соответствии с формой и соотносится с частным бытием, или же когда вопрос стоит о *materia prima* (первоматерии) как о пассивном принципе универсального проявления, то есть о чистой потенции, которая эквивалентна Пракрита в индуистском учении. Тем не менее, как только речь заходит о «материи», в каком бы смысле ее ни желали понимать, все становится в особенности темным и путаным, и, несомненно, не без основания⁴; итак, поскольку нам удалось достаточно ясно показать отношение качества и сущности,

не вдаваясь в длинные рассуждения, то мы должны теперь продвинуться дальше к тому, что касается отношения количества и субстанции, так как нам сначала надо прояснить различные аспекты, в которых предстает то, что на Западе называют «материей» вплоть до современного отклонения, когда это слово было призвано играть столь большую роль; это тем более необходимо, что вопрос этот лежит в некотором роде в самой основе главного предмета нашего исследования.

Diana II
«MATERIA SIGNATA QUANTITATE»
(МАТЕРИЯ, ОТМЕЧЕННАЯ КОЛИЧЕСТВОМ)

Вообще, схоласты называют *materia* то, что Аристотель называл «улэ»; как мы уже говорили, эта *materia* никоим образом не должна отождествляться с «материей» наших современников, сложное и в определенном отношении даже противоречивое понятие, которое представляется чуждым как для древних Запада, так и для древних Востока; но даже если предположить, что оно может стать этой «материей» в некоторых частных случаях или, говоря более точно, что можно ввести задним числом эту недавнюю концепцию, то все же оно включает в то же самое время еще множество других вещей, и нам следует прежде всего позаботиться различать именно эти различные вещи; но чтобы их все вместе обозначать общим наименованием, таким, как «улэ» и *materia*, у нас нет в современном западном языке лучшего термина, чем «субстанция». Прежде всего «улэ» в качестве универсального принципа есть чистая возможность, где нет ничего различного или «актуализированного» и которая образует пассивное «основание» любого проявления; следовательно, именно в этом смысле Пракрита есть универсальная субстанция, и все, что мы ранее говорили по этому поводу, равным образом применимо к «улэ», понимаемому таким образом⁵. Что касается субстанции, взятой в относительном смысле, как то, что представляет субстанциальный принцип по аналогии и играет эту роль по отношению к определенному, более или менее узко ограниченному порядку существования, то именно субстанция во второй раз называется «улэ», а именно в корреляции этого термина с «эйдос», чтобы обозначить две стороны частного существования: сущностную и субстанциальную.

Схоласты, следуя Аристотелю, различают эти два смысла, говоря о *materia prima* (первичной материи) и *materia secunda* (вторичной материи); мы, следовательно, можем сказать, что их *materia prima* есть универсальная субстан-

ция, а что их *materia secunda* есть субстанция в относительном смысле; но как только вступают в область относительного, термины становятся многократно приложимыми к различным степеням, оказывается так, что то, что является материей на одном уровне, может стать формой на другом уровне, и наоборот, в соответствии с иерархией степеней более или менее партикуляризованных, как ее принимают в проявленном существовании. Во всяком случае, *materia secunda*, хотя она и конституирует потенциальную сторону мира или бытия, никогда не есть чистая возможность; чистой возможностью является лишь универсальная субстанция, которая располагается не только под нашим миром (субстанция, от *sub stare*, означает буквально «то, что держится внизу», что также вызывает идеи «опоры» и «субстрата»), но под всеми мирами или под всеми состояниями, которые входят в универсальное проявление. Добавим, что тем самым, что она есть только лишь абсолютно «неразличимая» и недифференцированная потенциальность, универсальная субстанция.

Что касается относительных субстанций, то в той мере, в какой они причастны потенциальности универсальной субстанции, они причастны также и ее «непостижимости». Следовательно, искать объяснения вещей надо не с субстанциальной стороны, но как раз наоборот, со стороны сущностной, и если это перевести в термины пространственного символизма, то можно сказать, что всякое объяснение следует сверху вниз, а не снизу вверх; это замечание особо важно для нас, потому что оно непосредственно указывает на причину того, почему современные науки лишены всякой объясняющей силы.

Прежде чем идти дальше, мы должны сразу же отметить, что «материя» физиков может быть в любом случае лишь *materia secunda*, потому что они полагают, что она одарена некоторыми свойствами, относительно которых, впрочем, они не могут прийти к полному согласию, так что в ней не оказывается ничего, кроме потенциальности и «неразличимости»; в результате, поскольку их концепции относятся к одному лишь чувственному миру и дальше этого они не идут, им незачем рассматривать *materia prima*. Тем не менее, по странному недоразумению, они каждую минуту говорят об «инертной материи», не замечая того, что если бы она в действительности была инертной, то она была бы лишена

всяких свойств и не проявлялась бы никоим образом, так что она не могла бы быть абсолютно ничем из того, что их чувства могут воспринять, тогда как они, напротив, объявляют «материей» все то, что подлежит восприятию чувств; на самом деле, инерция может соответствовать только одной лишь *materia prima*, потому что она есть синоним пассивности или чистой потенциальности. Говорить о «свойствах материи» и утверждать в то же время, что «материя инертна», представляет собою неразрешимое противоречие; и по странной иронии современные «сайентисты», претендующие на устранение всякой «тайны», обращаются тем не менее к самому что ни есть в обыденном смысле этого слова «таинственному», то есть наиболее темному и наименее постижимому.

Теперь можно спросить, оставляя в стороне так называемую «инерцию материи», которая на самом деле является абсурдом, представляет ли собою та самая «материя», которая наделена более или менее четко определенными качествами, что и делает ее доступной нашим органам чувств, то же самое, что и *materia secunda* нашего мира так, как ее понимают схоласты. Сразу же можно усомниться, не является ли такое приравнивание неточным, если только обратить внимание на то, что для того, чтобы играть по отношению к нашему миру роль, аналогичную роли *materia prima*, или универсальной субстанции, по отношению ко всякому проявлению, *materia secunda*, о которой идет речь, никоим образом не должна быть проявлена в этом самом мире, но служит всего лишь «опорой» или «корнем» тому, что проявляется и, следовательно, ей не могут быть присущи чувственные качества, но напротив, они происходят от «форм», полученных ею, что еще раз нас приводит к утверждению, что все качественное должно быть отнесено, в конечном счете, к сущности. Здесь появляется новое смешение: современные физики в своем усилении свести качество к количеству, пришли из-за некоего рода логической ошибки к смешению одного и другого и, вследствие этого, к приписыванию самого качества к их «материи» как таковой, к которой они сводят всякую реальность или по крайней мере все то, что они могут признать как реальность, что и конституирует «материализм» в собственном смысле слова.

Materia secunda нашего мира, тем не менее, не должна быть лишена всякой определенности, потому что в против-

ном случае она смешалась бы с самой *materia prima* в ее полной «неразличимости»; с другой стороны, она не может быть какой угодно *materia secunda*, но она должна быть определена согласно особым условиям этого мира и таким способом, чтобы именно по отношению к этому миру она действительно могла бы играть роль субстанции, а не по отношению к чему бы то ни было другому. Следовательно, надо уточнить природу этой определенности, что и делал Фома Аквинский, определяя эту *materia secunda* как *materia signata quantitate* (материю, отмеченную количеством); то, что присуще ей и делает ее тем, что она есть, не является, следовательно, качеством, пусть даже рассматриваемым в одном лишь чувственном порядке, но это, напротив, количество, которое есть таким образом *ex parte materia* (отчасти материя). Количество есть одно из условий существования в чувственном и телесном мире; оно является даже среди всех условий одним из присущих в наибольшей степени этому миру; таким образом, как и следовало ожидать, определение *materia secunda*, о котором идет речь, не касается ничего иного, кроме этого мира, но касается оно его всего целиком, потому что все то, что в нем существует, с необходимостью подчинено количеству; этого определения совершенно достаточно, и нет необходимости приписывать этой *materia secunda*, как это делают для современной «материи», свойства, которые никоим образом не могут в реальности ей принадлежать. Могут сказать, что количество, конституирующее в собственном смысле слова субстанциальную сторону нашего мира, есть, так сказать, «базовое», или фундаментальное, условие; но следует остерегаться придавать по этой причине ему значение иного порядка, нежели то, которым оно реально обладает, и в особенности, стремиться извлечь из него объяснение этого мира, так же, как следует остерегаться смешивать фундамент здания и его крышу: пока есть один фундамент, еще нет здания, хотя этот фундамент для него необходим, и точно так же, пока есть одно лишь количество, еще нет чувственного проявления, хотя в нем и есть самый его корень. Количество, сведенное к самому себе, есть только необходимое «предрасположение», которое еще ничего не объясняет; это, конечно, база, но и ничего более, и не следует забывать, что база, по самому своему определению, есть то, что расположено на самом низшем уровне; так что сведение качества к количеству по

сути есть не что иное, как то самое «сведение высшего к низшему», которым кое-кто хотел весьма справедливо охарактеризовать материализм: претендовать на выведение «большого» из «меньшего» — это и есть на самом деле одно из самых типичных современных заблуждений.

Возникает еще один вопрос: количество предстает перед нами в различных модусах, а именно, есть прерывное количество, которое и есть собственно число⁶, и непрерывное количество, представленное, главным образом, величинами пространственного и временного порядков; какой из этих модусов составляет то, что можно с большей точностью назвать чистым количеством? Этот вопрос тоже важен. Тем более, что Декарт, который находится у истоков большей части современных философских и, особенно, научных концепций, стремился определить материю через протяженность и даже сделать из этого определения принцип количественной физики, которая если и не была еще «материализмом», то по крайней мере была «механицизмом»; из этого можно было сделать вывод, что протяженность, непосредственно присущая материи, представляет фундаментальный модус количества. Напротив, святой Фома Аквинский, говоря, что «*numerus stat ex parte materiae*» (число отчасти становится материей), кажется, скорее утверждает, что число составляет субстанциальную базу этого мира и что, следовательно, оно должно рассматриваться на самом деле как чистое количество; этот «базовый» характер числа, кроме того, прекрасно согласуется с тем фактом, что в пифагорейском учении именно оно, в соответствии с обратной аналогией, принято в качестве символа сущностных принципов вещей. Впрочем, следует отметить, что материя Декарта уже не является *materia secunda* схоластов, но представляет собою пример, и возможно, по времени первый, «материи» современных физиков, хотя он и не включил еще в это понятие всего того, что должны были в него его последователи малопомалу вводить, чтобы прийти к самым недавним теориям относительно «конституции материи». Уместно, таким образом, заподозрить, что здесь, возможно, имеется ошибка или какое-нибудь смешение в картезианском определении материи, и сюда уже мог проникнуть, быть может, без ведома автора, некий элемент, не принадлежащий к чисто количественному порядку; и действительно, как это мы увидим далее, протяженность, очевидно обладающая количествен-

ным характером, как, впрочем, и все то, что принадлежит к чувственному миру, не может, тем не менее, рассматриваться как чистое количество. Более того, можно отметить также, что теории, идущие еще дальше в направлении сведения к количественному уровню, являются, в основном, «атомистическими» в той или иной форме, то есть они вводят в свое понятие материи прерывность, что в гораздо большей степени сближает ее с природой числа, чем протяженности; и даже тот факт, что телесная материя, несмотря ни на что, не может быть понята иначе, чем протяженность, является для «атомистов» только источником противоречий. Другой причиной смешения, к чему мы еще вернемся, является усвоенная привычка рассматривать «тело» и «материю» почти как синонимы; на самом деле, тела ни в коей мере не представляют собою *materia secunda*, которая нигде не встречается нам в существующих проявлениях этого мира, тела лишь следуют из нее как из своего субстанциального принципа. В конечном счете, число как раз никогда непосредственно и в чистом виде не воспринимается в телесном мире, который в первую очередь должен рассматриваться в сфере количества, составляющего его фундаментальный модус; другие модусы суть только производные, то есть они в определенном роде количественны лишь через причастность их к числу, что, впрочем, имплицитно и признают, когда полагают, что все количественное должно быть выражено нумерически. Во всех этих модусах количество, даже если оно и доминирует, сказывается всегда более или менее смешано с качеством, и таким образом, вопреки всем усилиям современных математиков, концепции пространства и времени не могут быть никогда исключительно количественными, по крайней мере если их не сводят к совершенно пустым понятиям, не соприкасающимся ни с какой реальностью. Но, по правде говоря, не состоит ли современная наука по большей части из этих пустых понятий, которые носят лишь характер «конвенции» без всякого действительного значения? Далее мы подробнее остановимся на этом вопросе, особенно на том, что касается природы пространства, так как здесь есть тесная связь с принципами геометрического символизма, и в то же время здесь мы находим прекрасный пример вырождения традиционных концепций в профанные; мы придем к этому, исследуя прежде всего, каким образом идея «меры», на которой сама геометрия

покоится, традиционно была подвержена превращению, придавшему ей совершенно иное значение, чем то, которое ей придают современные ученые, видящие в ней, в конечном счете, лишь средство как можно больше приблизить свой «идеал наизнанку», то есть мало-помалу совершить сведение всех вещей к количеству.

Глава III

МЕРА И ПРОЯВЛЕНИЕ

Если мы предпочитаем избегать использования слова «материя» до тех пор, пока мы не исследовали специально современные концепции, то причина этого заключается в смешении, которое рождается неизбежно, потому что оно не может не вызывать в памяти прежде всего идею — и так происходит даже с теми, кто знает особый смысл, придаваемый ей схоластами,— как раз того, что таким образом обозначают современные физики; это недавно возникшее значение является единственным, применяемым к этому слову в обыденной речи. Однако, как мы уже говорили, эта идея не встречается ни в одном традиционном учении, ни в западном, ни в восточном; это лишь показывает, даже в той мере, в какой можно было бы ее принять законным образом, очистив от некоторых посторонних и явно противоречивых элементов, что такая идея не имеет в себе ничего истинно существенного и относится на самом деле лишь к очень частному способу рассмотрения вещей. В то же время, поскольку речь идет здесь об очень недавней идее, то очевидно, что она не содержится в самом слове, намного более древнем, чем она, первоначальное значение которого, следовательно, полностью от нее не зависимо; впрочем, следует признать, что это слово принадлежит к тем, для которых очень трудно с точностью определить их истинное этимологическое происхождение, как если бы более или менее непроницаемая завеса неизбежно должна закрывать все то, что относится к «материи», и в этом отношении ничего нельзя сделать большего, чем только различить некоторые идеи, которые наиболее близки к ее истоку, что представляет определенный интерес, даже если и не иметь возможности различить, какая из этих идей ближе всего к первоначальному смыслу.

Чаще всего отмечается ассоциация, связывающая *materia* и *mater*, и это действительно хорошо подходит для суб-

станции, так как она есть пассивный или, говоря символически, «женский» принцип; можно сказать, что Праkrita играет «материнскую» роль по отношению к проявлению, так же, как Пуруша играет «отцовскую» роль; и так происходит одинаково на всех уровнях, на которых можно аналогичным образом рассматривать корреляцию сущности и субстанции⁷. С другой стороны, возможно также сблизить то же самое слово *materia* с латинским глаголом *metiri*, «измерять» (мы сейчас увидим, что в санскрите существует еще более близкая к этому форма), но тот, кто говорит «измерять», тем самым говорит об определении, и это уже неприменимо к абсолютной неопределимости универсальной субстанции, или *materia*, но скорее всего должно соотноситься с другим, более ограниченным значением; именно это мы сейчас будем рассматривать более специальным образом.

Как говорит по этому поводу Ананда К. Кумарасвами: «Для всего того, что может быть познано и воспринято (в проявленном мире), в санскрите есть лишь одно выражение *пата-гира*, два термина которого соответственно значат «умопостигаемое» и «чувственное» (рассматриваемые как два взаимодополнительных аспекта, относящихся соответственно к сущности и субстанции вещей)⁸. Верно, что слово *матра*, буквально означающее «мера», это этимологический эквивалент *materia*; но то, что «измеримо», это не «материя» физиков, это возможности проявления, присущие духу (*Atma*)⁹. Эта идея «меры», поставленная таким образом в прямое соответствие с самим проявлением, очень важна, но она отнюдь не является принадлежностью исключительно одной лишь индуистской традиции, что Кумарасвами и имеет в виду; действительно, можно сказать, что она обнаруживается в той или иной форме во всех традиционных учениях, и хотя, естественно, мы не в состоянии в настоящее время указать все те соответствия, которые здесь можно открыть, мы тем не менее пытаемся сказать достаточно для того, чтобы оправдать это утверждение, разъясняя, насколько это возможно, символизм «меры», который как раз занимает значительное место в некоторых формах посвящения.

Мера, понимаемая в своем буквальном смысле, относится главным образом к сфере непрерывного количества, то есть, более непосредственно, к вещам, обладающим пространственным характером (потому что само время, хотя

оно и непрерывно, можно измерить лишь косвенно, связывая его определенным образом с пространством через посредство движения, которое устанавливает отношение между ними); отсюда следует, что она имеет отношение либо к самой протяженности, либо к тому, что принято называть «телесной материей» из-за протяженного характера, которым она с необходимостью обладает, что, впрочем, не означает, что природа ее сводится просто к протяженности, как это полагал Декарт. В первом случае меру правильной назвать «геометрической», во втором, скорее, можно говорить о «физической» мере в обычном смысле слова; но на самом деле второй случай сводится к первому, потому что тела являются непосредственно измеримыми, поскольку они располагаются в протяженности и потому что они в ней занимают некую определенную часть, в то время как их остальные свойства могут подлежать мере постольку, поскольку они каким-либо образом могут быть соотнесены с протяженностью. Как мы и полагали, здесь мы очень далеки от *materia prima*, которая в своей абсолютной «неразличимости» не может быть никоим образом измерена или служить для измерения чего бы то ни было; но мы должны еще спросить, не связано ли более или менее тесно это понятие меры с тем, что конституирует *materia secunda* нашего мира; и действительно, эта связь существует, потому что последняя представляет собою *signata quantitate* (означенное через количество). Если мера прямо касается протяженности и того, что в ней содержится, то она становится возможной именно через количественный аспект этой протяженности; но непрерывное количество само, как это мы пояснили, есть только зависимый от количества модус, то есть оно, собственно говоря, количественно лишь по своей причастности к чистому количеству, которое принадлежит к *materia secunda* телесного мира; добавим, что поскольку непрерывность не является чистым количеством, постольку мера всегда обладает некоторым несовершенством своего нумерического выражения, то есть прерывностью чисел, делающей невозможным ее адекватное приложение к определению непрерывных величин. Поистине, число есть основа всякой меры, но пока имеют в виду только число, нельзя говорить о мере, о мере как приложении числа к чему-то другому, которое в определенных границах всегда возможно, учитывая «неадекватность», о которой мы говорили, для всего того, что подлежит условиям количества или, другими словами,

для всего, что принадлежит к области телесного проявления. Только надо иметь в виду,— и мы здесь опять обращаемся к идее, выраженной А. Кумарасвами,— что на самом деле, вопреки неточности обыденного языка, количество это не то, что измеряется, но, напротив, то, чем измеряются вещи; и, сверх того, можно сказать, что мера по отношению к числу, но в обратной аналогии, есть то, что есть проявление по отношению к своему сущностному принципу.

Теперь понятно, что для распространения идеи меры за пределы телесного мира необходимо ее переносить аналогичным образом: поскольку пространство есть место проявления возможностей телесного порядка, то им можно воспользоваться для представления любой области универсального проявления, которая иначе «непредставимая; таким образом, прилагаемая к ней идея меры, по существу, принадлежит к тому пространственному символизму, примеры которого мы так часто приводили. В сущности, мера есть «означение» или «определение», необходимо присущее всякому проявлению, в каком бы порядке или модусе оно ни совершалось; естественно, что это определение соответствует условиям каждого состояния существования, и в некотором смысле оно даже отождествляется с самими этими условиями, воистину количественно оно лишь в нашем мире, потому что количество, в конечном счете, так же, впрочем, как пространство и время, есть только одно из особых условий телесного существования. Но во всех мирах существует определение, которое может быть для нас символизировано через количественное определение, представляющее собой меру, потому что она есть то, что этому соответствует, учитывая различие в условиях. И можно сказать, что именно через эти определения миры со всем их содержимым реализованы или «актуализированы» как таковые, потому что оно составляет нечто единое с самим процессом проявления. Кумарасвами отмечает, что «платоновское и неоплатоновское понятие «мера» согласуется с индийским понятием: «немерное» есть то, что еще не было определено; «мерное» есть определенное или конечное содержание «космоса», то есть «упорядоченного» универсума; «не-измеримое» есть бесконечное, которое является источником одновременно и неопределенного и конечного и которое, по определению, остается незатронутым тем, что определимо», то есть реализацией содержащихся в нем возможностей проявления.

Ясно, что идея меры состоит в тесной связи с идеей «порядка» (на санскрите *rita*), который соотносится с созданием проявленного универсума, согласно этимологическому смыслу греческого слова «космос», это создания «порядка» из «хаоса»; «хаос» это, в платоновском смысле слова, неопределенное, «космос» — определенное¹⁰. Это создание уподобляется всеми традициями «освещению» («Да будет свет» Творения, *Fiat Lux*), «хаос» же символически отождествляется с «мраком»: это потенция, исходя из которой «актуализируется» проявление, то есть, в конечном счете, субстанциальная сторона мира, которая, таким образом, описывается как темный полюс существования, тогда как сущность есть его светлый полюс, потому что именно его влияние действительно освещает «хаос», чтобы извлечь из него «космос». Сам процесс проявления, соответственно, содержит одновременно идеи «выражения», «зачатия» и «светлого излучения»¹¹. Солнечные лучи делают вещи видимыми, освещая их, заставляют их появляться, следовательно, символически говоря, их «проявляют»; если рассматривать центральную точку в пространстве и исходящие из этого центра лучи, то можно также сказать, что эти лучи «реализуют» пространство, заставляя его переходить из виртуальности в актуальность и что их действительное распространение в каждый момент есть мера реализованного пространства. Эти лучи, собственно говоря, соответствуют направлениям пространства (направлениям, которые часто представляются символизмом «волос», который в то же время соотносится с солнечными лучами); пространство определено и измерено трехмерным крестом, и в традиционном символизме «семи солнечных лучей» этот крест образуют шесть из этих лучей, противопоставляемых по два, в то время как «седьмой луч», тот, который проходит через «солнечные ворота», графически может быть представлен только самим центром. Все это согласовано и следует одно из другого самым совершенным образом; добавим также, что в индуистской традиции «три шага» Вишну, «солнечный» характер которого хорошо известен, отмеряют «три мира», что позволяет сказать, что они «осуществляют» всеобщность универсального проявления. С другой стороны, известно, что три элемента, составляющие священный слог Оум, обозначаются термином *matra*, что указывает на то, что они представляют тоже меру, соответствующую «трем мирам», и посредством

медитации на эти matras бытие реализует в себе соответствующие состояния или ступени универсального существования и само также становится «мерой всех вещей»¹².

Санскритское слово matra в точности соответствует еврейскому слову muddah; в Каббале же middoth связываются с божественными атрибутами и говорится, что с их помощью Бог создал миры, что, кроме того, в точности соответствует символизму центральной точки и направлений пространства¹³. По этому поводу можно было бы также напомнить библейские слова, согласно которым Бог «все расположил мерою, числом и весом»¹⁴; это перечисление, явно соответствующее трем различным модусам количества, как таковое приложимо буквально не только к телесному миру, но при соответствующем преобразовании, можно видеть в нем также выражение универсального «порядка». Так же обстоит дело и с пифагорейскими числами, но среди всех модусов количества именно протяженности соответствует мера в собственном смысле слова, потому что она чаще всего и самым непосредственным образом соотносится с самим процессом проявления в силу некоторого естественного доминирования в этом отношении пространственного символизма, происходящего от того факта, что пространство, конституирующее «поле» (в смысле санскритского kshetra), на котором разворачивается телесное проявление, само с неизбежностью принимается за символ любого универсального проявления.

Идея меры сразу же приводит к идее «геометрии», так как не только всякая мера по существу «геометрична», как мы видели, но можно сказать, что геометрия есть не что иное, как сама наука меры; очевидно, что здесь речь идет о геометрии, понимаемой прежде всего в символическом и тайном смысле, по отношению к которой профанная геометрия есть только выродившийся остаток, лишенный глубокого значения, имевшегося вначале и целиком утраченного для современных математиков. Именно на этом, по существу, основывается любая концепция, сближающая божественную активность как творящую и упорядочивающую миры, с «геометрией» и, следовательно, также и с «архитектурой», которая от нее неотделима¹⁵; известно, что эти концепции сохранялись и передавались, не прерываясь, начиная с учения Пифагора (которое и само, впрочем, было лишь «адаптацией», а не истинным «началом») и вплоть до

того, что сегодня представляют собою западные тайные организации, как мало бы они ими не осознавались. Именно к этому относятся слова Платона: «Бог все время геометризирует» (чтобы перевести точно, нам приходится прибегнуть к неологизму из-за отсутствия во французском языке глагола, используемого для обозначения операций геометрии), слова, которым соответствует надпись, как говорят, на двери его школы: «Пусть никто не входит сюда, если он не геометр», предполагают, что его обучение, по крайней мере в своем эзотерическом аспекте, не может быть правильно и действительно понято иначе, чем как «подражание» самой божественной деятельности. Как последнее эхо этого в современной философии (если речь идет о ее датировке, но на самом деле это реакция против специфических современных идей), у Лейбница, говорящего, что «когда Бог считает и упражняется в размышлении (то есть составляет планы), создается мир» (*dum Deus calculat et cogitationem exercet, fit mundus*); но для древних здесь имелся гораздо более точный смысл, как в греческой традиции «Бог геометр» это был, собственно говоря, Аполлон Гиперборейский, что еще раз нас приводит к солнечному символизму и в то же время к довольно явному отклонению от первоначальной традиции; но это уже другой вопрос, который мы здесь не можем развивать, не оставляя полностью нашего предмета рассмотрения; мы должны, как это предоставляет нам случай, ограничиться несколькими замечаниями об этих традиционных знаниях, столь полностью забытых нашими современниками¹⁶.

Глава IV

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ КОЛИЧЕСТВО И КАЧЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО

Выше мы уже видели, что протяженность не является просто и исключительно модусом количества, или, иными словами, если и можно с уверенностью говорить о протяженном или пространственном количестве, то сама протяженность не может из-за этого исключительно сводиться к количеству; мы еще раз должны об этом сказать, тем более что это очень важно для обнаружения несостоятельности картезианского «механицизма» и других физических теорий, которые в ходе времени более или менее непосредственно из него следуют. Прежде всего следует отметить в этом отношении, что для того, чтобы пространство было чисто количественным, надо, чтобы оно было совершенно однородным и чтобы его части различались между собою только по их относительной величине; это привело бы к предположению, что оно есть лишь содержащее без содержимого, то есть чего-то такого, что в действительности не может существовать изолированно в проявлении, где отношение содержащего и содержания по самой своей коррелятивной природе с необходимостью предполагает одновременное присутствие обоих понятий. Можно задать себе вопрос, по крайней мере с некоторой видимостью обоснованности, не представляет ли собою геометрическое пространство такую однородность, но в любом случае это не приложимо к физическому пространству, то есть содержащему тела, одного лишь присутствия которых, очевидно, достаточно, чтобы показать качественное различие между занимаемыми этими телами частями пространства соответственно; однако Декарт говорил именно о физическом пространстве, или же сама его теория ничего не значит, потому что она не была бы тогда реально приложимой к миру, которому она намеревалась дать объяснение¹⁷. Возражение, что в исходной точке этой теории лежит «пустое пространство», не имеет силы, так как, во-первых, это приводит нас к кон-

цепции содержащего без содержимого, и к тому же пустота не имела бы в нашем проявленном мире никакого места, потому что сама она не есть возможность проявления¹⁸, и во-вторых, поскольку Декарт сводил природу тел целиком к протяженности, то он должен был полагать, что их присутствие ничего не добавляет в действительности к тому, что есть протяженность сама по себе, и действительно, различные свойства тел суть для него лишь простые модификации протяженности; но в таком случае, откуда могут эти свойства прийти, если они некоторым образом не присущи самой протяженности, и как они могли бы быть ей присущи, если бы ее природа была лишена качественных элементов? Это было бы противоречиво, и по правде говоря, мы не осмеливались бы утверждать, что это противоречие у Декарта, как, впрочем, и других тоже, не содержится имплицитно; он, как и более поздние материалисты, которые, конечно, больше чем по букве имеют право ссылаться на него, в конечном счете хочет, как представляется, извлечь «плюсы» из «минусов». По сути, сказать, что тело есть только лишь протяженность, понимая ее количественно, значит сказать, что его поверхность и объем, отмеривающий занимаемую им протяженность, суть само тело со всеми его свойствами, что явно абсурдно; если же это понимать иначе, то следует предположить, что сама протяженность есть нечто качественное, и тогда она больше не может служить основанием для исключительно «механицистских» теорий.

Но если эти соображения показывают несостоятельность картезианской физики, то их тем не менее еще недостаточно для того, чтобы четко установить качественный характер протяженности; на самом деле, можно было бы сказать, что если природа тел и не сводится к протяженности, то они именно из нее извлекают свои количественные элементы. Но здесь сразу возникает следующее соображение: среди телесных определений, бесспорно представляющих собою чисто пространственный порядок и, следовательно, могущих рассматриваться как модификации протяженности, есть не только величина тел, но и их расположение; является ли оно чисто количественным? Сторонники редукции к количеству, несомненно, скажут, что взаиморасположение различных тел определено через их дистанции, и что дистанция — это, конечно, количество: это протяженное количество, которое их разделяет, является величиной, как

и протяженное количество, занимаемое ими; но достаточно ли этой дистанции на самом деле для определения расположения тел в пространстве? Есть еще нечто, что следует учитывать по существу. Это — направление, согласно которому дистанция должна отсчитываться; но с количественной точки зрения направление должно быть безразлично, потому что в этом отношении пространство может рассматриваться только как однородное, а это предполагает, что различные направления ничем не отличаются одно от другого; если же направление действительно присуще расположению (ситуации) и если оно, очевидно, так же, как и дистанция, является чисто пространственным феноменом, то, следовательно, в самой природе пространства есть нечто качественное.

Чтобы еще больше убедиться в этом, мы оставим в стороне физическое пространство и пространство тел, чтобы рассмотреть только геометрическое пространство в собственном смысле слова, которое, конечно же, и есть пространство, сведенное к самому себе, если можно так сказать; обращается ли реально геометрия, изучая это пространство, к чему-либо другому, кроме понятий строго количественных? В данном случае, разумеется, речь идет о профанной современной геометрии, и сразу же добавим, что если в ней еще и сохранилось нечто, не сводимое к количеству, то не следует ли непосредственно из этого, что в сфере физических наук еще более незаконно и невозможно претендовать на то, чтобы все сводилось к нему? Мы не будем здесь говорить даже о том, что касается взаимного расположения, потому что оно играет достаточно заметную роль только в некоторых специальных областях геометрии, и строго говоря, их можно не рассматривать как составную часть чистой геометрии¹⁹; но в элементарной геометрии рассматривается только величина фигур, а также их формы; осмелится ли все же геометр, в наибольшей степени впитавший современные концепции, утверждать, например, что треугольник и квадрат с равными площадями, представляют собою одно и то же? Он только скажет, что эти две фигуры «эквивалентны», понимая под этим, очевидно, «в отношении их величин»; но он будет вынужден признать, что в другом отношении, в отношении формы, есть нечто, что их отличает, и что раз равенство величин не ведет к подобию форм, то, значит, форма не сводима к количеству. Пой-

дем дальше: существует целый раздел элементарной геометрии, в котором не применимо количественное рассмотрение, это теория подобия фигур. Действительно, подобие определяется исключительно через форму и целиком независимо от величины фигур, что позволяет сказать, что оно представляет чисто качественный порядок²⁰. Если теперь мы спросим, что представляет собою по существу эта пространственная форма, то мы заметим, что она может быть определена через ансамбль направлений: в каждой точке линии направление, о котором идет речь, отмечается ее касательной, и ансамбль касательных определяет форму этой линии; в геометрии трех измерений то же самое можно сказать о поверхностях, рассматривая вместо касательных прямых касательные плоскости; очевидно, также, что это значимо как для самих тел, так и для простых геометрических фигур, так как форма тела есть не что иное, как форма поверхности, ограничивающая ее объем. Итак, мы пришли к заключению, что сказанное нами относительно взаимного расположения тел (ситуации) позволяет предполагать следующее: именно понятие направления представляет, в конечном счете, подлинный качественный элемент, присущий самой природе пространства, равно как понятие величины представляет элемент количественный; и таким образом, пространство не однородное, но дифференцированное по своим направлениям, есть то, что мы можем назвать «качественным» пространством.

Истинное пространство это как раз «качественное» пространство, и не только с физической точки зрения, но и с геометрической, как мы это видели только что. Действительно, однородное пространство вовсе не имеет никакого существования в собственном смысле слова, так как оно есть не более, чем полная виртуальность. Чтобы быть измеримым, то есть, согласно тому, что мы только что объяснили, чтобы быть действительно реализованным, пространство должно с необходимостью соотноситься с ансамблем определенных направлений; притом, эти направления появляются как лучи, эманулирующие из центра, исходя из которого они формируют крест трех измерений, и у нас нет необходимости еще раз напоминать о той значительной роли, которую они играют в символизме всех традиционных учений²¹. Можно даже представить себе, что именно вернув рассмотрению направлений пространства его реальное значение, можно

было бы придать геометрии, по крайней мере по большей части, тот глубокий смысл, который она потеряла; нельзя не заметить, что это потребовало бы далеко идущей работы, как в этом можно легко убедиться, если принять во внимание то действительное влияние, которое это рассмотрение оказывает на все то, что соотносится с самим устройством традиционных обществ²².

Пространство, так же как и время, есть одно из условий, определяющих телесное существование, но эти условия отличаются от «материи» или, скорее, от количества, хотя они естественно с ним сочетаются; они менее «субстанциальны», следовательно, более приближены к сущности, и как раз это, в действительности, предполагает в них существование качественного аспекта; мы только что это видели для пространства и увидим для времени то же. Прежде, чем подойти к этому, мы упомянем, что несуществования «пустого пространства» достаточно для того, чтобы показать абсурдность слишком знаменитых космологических «антиномий» Канта: вопрос «бесконечен ли мир или он ограничен в пространстве» абсолютно лишен всякого смысла; невозможно, чтобы пространство простиралось за мир, чтобы его содержать, потому что тогда бы речь шла о пустом пространстве, а пустота не может содержать чего бы то ни было. Напротив, как раз пространство есть в мире, то есть в проявленном, и если ограничиваться только областью телесного проявления, то можно сказать, что пространство сопряжено этому миру, потому что оно есть одно из его условий; но этот мир не более бесконечен, чем само пространство, потому что, как и оно, мир не содержит всех возможностей, но представляет собою только некоторый порядок особых возможностей, он ограничен определениями, конституирующими саму его природу. Добавим также, чтобы к этому не возвращаться, что абсурдно спрашивать, «вечен ли мир или он имеет начало во времени»; реально, на совершенно сходных основаниях, время именно начато в мире, если речь идет об универсальном проявлении, или вместе с миром, если речь идет только о телесном проявлении; но мир вовсе не является поэтому вечным, так как существуют еще невременные начала; мир не вечен, потому что он случаен, или, другими словами, он имеет начало, так же, как и конец, потому что он не есть сам в себе свой собственный принцип или он не содержит его в самом себе,

но этот принцип с необходимостью ему трансцендентен. Во всем этом нет никакой трудности; большая же часть рассуждений современных философов состоит из плохо поставленных и, следовательно, неразрешимых проблем, а значит способных вызвать нескончаемые дискуссии, которые полностью исчезают, как только, исследуя их вне всяких предрассудков, приходят к тому, что они есть на самом деле, то есть к простым следствиям смещения, характеризующим современный способ мышления. Самым любопытным является то, что это смещение само тоже, как кажется, имеет свою «логику», потому что в течение многих веков и через все разнообразные формы, в которые оно облекалось, оно постоянно двигалось в одном и том же направлении; но эта «логика» в своей сути есть только лишь согласованность с самим ходом человеческого цикла, управляемого, в свою очередь, самими космическими условиями; и это прямо приводит нас к рассмотрению того, что касается природы времени, и того, что в противоположность чисто количественной концепции, которую создали «механицисты», мы можем назвать его качественными определениями.

КАЧЕСТВЕННЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВРЕМЕНИ

Время оказывается еще дальше отстоящим от чистого количества, чем пространство; можно говорить о временных величинах так же, как и о пространственных, и те и другие обнаруживают непрерывное количество (так как здесь не место говорить о странной концепции Декарта, согласно которой время конституируется серией прерывных мгновений, что с необходимостью предполагает постоянно возобновляемое «творение», без которого мир исчезал бы каждое мгновение в интервалах этой прерывности); но следует, тем не менее, делать существенное различие между этими двумя случаями, потому что, как мы уже отмечали, тогда как пространство можно измерять непосредственно, напротив, время можно измерять лишь сводя его, так сказать, к пространству. То, что измеряют, никогда не является длительностью, но пространством, проходимым в течение этой длительности неким движением, закон которого известен; этот закон, являясь как бы отношением между временем и пространством, позволяет, если известна величина пройденного пространства, вывести величину использованного для его прохождения времени; и какие бы приемы ни использовали, в конечном счете нет никакого другого средства, чем это, для определения временных величин.

Еще одно замечание, приводящее к тому же выводу, таково: телесные явления в собственном смысле слова суть единственные, располагающиеся как в пространстве, так и во времени; феномены мыслительного порядка, изучаемые «психологией» в обычном смысле слова, не имеют никакого пространственного характера: напротив, они все одинаково развертываются во времени; однако мысленное, принадлежа к тонкому проявлению, необходимым образом является более близким к сущности, чем телесное; если природа времени позволяет ему простираться и сюда и обу-

славливать сами умственные проявления, то следовательно, эта природа должна быть еще более качественной, чем природа пространства. Поскольку мы говорим о мысленных феноменах, то добавим, что как только мы оказываемся на той стороне, каковую в индивиде представляет сущность, то становится совершенно напрасным искать количественные элементы и, более того — поскольку некоторые доходят и до этого,— желать свести их к количеству; то, что «психофизиологи» определяют количественно, вовсе не есть в реальности сами мысленные феномены, как они это себе представляют, но только лишь некоторые из сопровождающих их телесных явлений; и в этом нет ничего, что бы каким-то образом приближалось к собственной природе мысленного, ни того, что могло бы, следовательно, хоть в малейшей степени послужить к его объяснению. Абсурдная идея количественной психологии поистине представляет собой ярчайшую степень заблуждения современного «сайентиста».

Исходя из этого, если можно говорить о «качественном» пространстве, то еще с большим правом можно говорить о «качественном» времени; мы хотим сказать этим, что во времени должно иметься меньше количественных и больше качественных определений, чем в пространстве. К тому же, «пустое время» имеет не больше действительного существования, чем «пустое пространство», и мы могли бы в этом отношении повторить все то, что мы говорили о пространстве; нет ни времени, ни пространства вне нашего мира, а в нем реализованное время всегда содержит события, так же как реализованное пространство всегда содержит тела. В определенном отношении между пространством и временем имеется как бы симметрия, о них часто можно говорить в некотором роде параллельно; но эта симметрия, которая не обнаруживается по отношению к другим условиям телесного существования, находится, быть может, более с их качественной стороны, чем со стороны количественной, как об этом свидетельствует разница, которую мы указали, между определением пространственных и временных величин, а также отсутствия относительно времени количественной науки такого ранга, каковой является геометрия для пространства. Напротив, в качественном порядке симметрия выражается особенно замечательным образом через соответствие, которое существует между пространственным

и временным символизмом и примеры которого нам случалось довольно часто приводить. Как только речь идет о символизме, то само собою разумеется, что именно рассмотрение качества, а не количества сюда привлекается существенным образом.

Очевидно, что эпохи времени количественно различаются посредством событий, которые в них разворачиваются, так же, как части пространства различаются телами, которые там содержатся и что никоим образом нельзя рассматривать как реально эквивалентные количественно равные длительности, заполненные сериями совершенно различных событий; таково же и обычное наблюдение, что количественное равенство в мысленной оценке деятельности полностью исчезает перед качественным отличием. Но может быть, нам скажут, что это отличие присуще не самой длительности, а только тому, что в ней происходит; но следует, напротив, спросить, нет ли в качественном определении событий чего-то такого, что происходит из самого времени; и, говоря по правде, не признают ли по крайней мере имплицитно, что это так, когда говорят, например, об особых условиях той или иной эпохи, как это постоянно и делают в обычной речи? Это еще более явно для времени, чем для пространства, хотя, как мы уже объясняли относительно взаимного положения тел, и для него качественными элементами совсем не следует пренебрегать; и даже, если хотят дойти до сути вещей, можно сказать, что некое тело не может быть расположено без различия в любом месте, так же, как некое событие не может происходить в любую эпоху без различия; однако, здесь симметрия не совершенна, потому что расположение тела в пространстве подвержено изменению через факт движения, тогда как расположение события во времени строго определено и собственно «уникально», хотя сущностная природа событий проявляется как гораздо более строго связанная со временем, чем природа тел с пространством, что еще больше подтверждает, что время должно иметь в самом себе в большей степени качественный характер.

Истина состоит в том, что время не есть нечто разворачивающееся единообразно, и следовательно, его геометрическое представление в виде прямой линии, как его обычно рассматривают современные математики, дает полностью ложную его идею из-за крайнего упрощения; далее мы уви-

дим, что тенденция чрезмерного упрощения является еще одной из черт современного духа и что, кроме того, она неизбежно сопровождается тенденцией все сводить к количеству. Истинное представление времени присуще традиционной концепции циклов; это, разумеется, по существу концепция «качественного» времени; коль скоро стоит вопрос о геометрическом представлении, реализовано ли оно графически или просто выражено в используемой терминологии, очевидно, что речь идет о применении пространственного символизма, и это должно привести к мысли, что здесь можно найти указание на некую корреляцию между качественными определениями времени и качественными определениями пространства. Это именно и происходит в действительности: для пространства эти определения, по существу, содержатся в направлениях; циклическое же представление как раз и устанавливает соответствие между фазами временного цикла и направлениями пространства; чтобы в этом убедиться, достаточно взять самый простой и самый непосредственно доступный, а именно годовой цикл, который играет, как известно, очень важную роль в традиционном символизме²³, в котором четыре сезона поставлены в соответствие с четырьмя сторонами света²⁴.

Мы не будем здесь давать более или менее полное изложение учения о циклах, хотя оно естественно предполагается как основание настоящего исследования; чтобы остаться в границах, которые мы должны себе поставить, мы в данный момент ограничимся некоторыми замечаниями, имеющими самое непосредственное отношение к нашему предмету, рассматриваемому в целом, оставляя за собой право впоследствии обратиться к другим рассмотрением того же учения. Первое замечание состоит в том, что не только каждая фаза временного цикла, какова бы она ни была, имеет свое собственное качество, влияющее на определение событий, но что даже скорость, с которой эти события разворачиваются, есть нечто, что также зависит от этих фаз, и, следовательно, принадлежит скорее качественному, чем количественному порядку. Так, когда говорят о скорости событий во времени по аналогии со скоростью тел, перемещающихся в пространстве, то следует осуществить некоторое преобразование этого понятия скорости, которое тогда не может быть сведено к количественному выражению, подобно тому, которое придается скорости

в собственном смысле слова в механике. Мы хотим сказать, что в различных фазах цикла серии сравнимых между собою событий не осуществляются за количественно равные длительности; это проявляется особенно четко, когда речь идет о больших циклах одновременно и космического и человеческого порядка; и один из самых замечательных примеров мы находим в уменьшающемся соотношении длительностей, соответствующих четырем Югам, ансамбль которых образует Манвантару²⁵. И именно поэтому события в настоящее время разворачиваются со скоростью, равной которой не знали предшествующие эпохи, скоростью, которая непрестанно увеличивается и будет так продолжать увеличиваться до конца цикла; здесь происходит как бы прогрессивное «сжатие» длительности, предел которого соответствует «остановке», о которой мы уже говорили; позже мы специально вернемся к этим рассмотрением и объясним их подробнее.

Второе замечание касается нисходящего направления по ходу цикла, поскольку оно рассматривается как хронологическое выражение процесса проявления, заключающее в себе постепенное удаление от принципа; мы достаточно часто уже об этом говорили, чтобы не настаивать на этом вновь. Если мы еще раз упоминаем здесь эту остановку, то потому, что здесь — в связи со сказанным только что — есть достойная интереса пространственная аналогия: увеличение скорости событий по мере приближения к концу цикла можно сравнить с ускорением, которое существует при падении тяжелых тел; развитие современного человечества поистине напоминает движение тела, брошенного по склону и продвигающегося тем быстрее, чем ближе оно к низу; даже если некоторые обратные действия в противоположном направлении, в той мере, в какой они возможны, делают все немного более сложным, тем не менее возникает очень точный образ циклического движения, взятого в его всеобщности.

Наконец, третье замечание таково: нисходящее движение проявления и, следовательно, выражаемого им цикла, осуществляющееся от позитивного или сущностного полюса существования и до его негативного или субстанциального полюса, приводит к тому, что все вещи должны принимать вид все менее и менее качественный и все более количественный; вот почему последний период цикла в особенности

должен склоняться к утверждению себя как «царства количества». В конечном счете, когда мы говорим, что так должно быть со всеми вещами, то мы понимаем под этим не только тот способ, которым они рассматриваются с человеческой точки зрения, но также реальное изменение самой «среды»; каждый период истории человечества, в точности отвечающий определенному «космическому моменту», необходимо должен коррелировать с самим состоянием мира или с тем, что называют «природой» в самом обычном смысле этого слова и, более специально, с ансамблем земной среды и среды человечества, существование которого, очевидно, этой средой обусловлено. Добавим, что общее игнорирование этих изменений космического порядка есть не последняя причина непонимания профанной наукой всего того, что находится вне определенных пределов; родившаяся при весьма специальных условиях современной эпохи, сама эта наука слишком очевидно неспособна постичь иные, чем ее, условия; и даже если их предполагать существующими, то определяющая ее точка зрения устанавливает во времени «барьеры», которые так же невозможно пересечь, как невозможно близорукому видеть ясно далее некоторой дистанции; и действительно, современная и «сайентистская» ментальность во всех отношениях характеризуется как настоящая «интеллектуальная близорукость». Дальнейшее наше изложение позволит лучше понять то, чем могут быть эти изменения среды, относительно которых теперь мы можем сделать замечание самого общего порядка; возможно, через это поймут, что многое из того, что сегодня рассматривается как «баснословное», вовсе не было таковым для древних и может вовсе не быть таковым и для тех, кто сохранил вместе с некоторым запасом традиционных знаний понятия, позволяющие восстановить образ «потерянного мира», равно как и предвидеть то, чем будет, по крайней мере в общих чертах, будущий мир, так как на основании тех же циклических законов, управляющих проявлением, прошлое и будущее аналогичным образом соответствуют друг другу, так что, как бы ни думал об этом обыватель, такие предвидения на самом деле совсем не являются «гаданием», но полностью покоятся на том, что мы называли качественным определением времени.

ПРИНЦИП ИНДИВИДУАЦИИ

Полагаем, что мы сказали достаточно о природе пространства и времени согласно нашему намерению, но нам следует еще раз вернуться к «материи», чтобы исследовать вопрос, о котором до этого еще речь не шла и который может бросить еще немного света на некоторые аспекты современного мира. Схоласты рассматривают *materia* как конституирующую *principium individuationis* (принцип индивидуации); каково основание этого способа рассмотрения и до какого предела он оправдан? Чтобы хорошо понять, о чем идет речь, не выходя за границы нашего мира (так как здесь не обращаются ни к какому принципу трансцендентного порядка), достаточно в целом рассмотреть отношение индивидов к виду: вид в этом отношении предстает со стороны «формы», или сущности, а индивиды или же, точнее, то что их различает внутри вида,— со стороны «материи» или субстанции²⁶. Не следует удивляться, принимая во внимание то, что мы сказали выше о смысле слова «эйдос», который представляет собою одновременно «форму» и «вид», и о чисто качественном характере последнего; но уместно сделать еще некоторые уточнения и, прежде всего, рассеять некоторые двусмысленности, к которым может вести терминология.

Мы уже говорили, почему слово «материя» может вызывать некоторые недоразумения; слово «форма» может их вызвать даже еще легче, потому что его обычный смысл совершенно отличен от того, который оно имело в языке схоластов; в том смысле, о котором мы говорили ранее, например, при рассмотрении формы в геометрии, следует, если пользоваться схоластической терминологией, говорить о «фигуре», а не о «форме»; но это слишком противоречило бы устоявшемуся употреблению, которое следует учитывать, если хотят быть понятыми, вот почему всякий раз, когда мы используем слово «форма» без специальной отсылки

к схоластике, то мы его понимаем в обычном смысле слова. Так и происходит, когда мы говорим, что среди условий состояния существования именно форма характеризует, собственно говоря, это состояние как индивидуальное; к тому же очевидно, что вообще эта форма вовсе не обязательно должна пониматься как имеющая пространственный характер; она такова только в нашем мире, потому что она здесь сочетается с другим условием, пространством, которое принадлежит, собственно, лишь к одной области телесного проявления. Но тогда возникает следующий вопрос, не содержится ли форма, понятая таким образом, а не «материя» или, если угодно, количество, среди условий этого мира, которое представляет истинный «принцип индивидуации», поскольку индивиды таковы в силу того, что они обусловлены ею? Это означало бы непонимание того, что схоласты хотели сказать на самом деле, когда они говорили о «принципе индивидуации»; под этим они ни в коем случае не понимали того, что определяет состояние существования как индивидуальное или даже относится к этому порядку рассмотрения, который они, кажется, никогда не рассматривали; к тому же, с этой точки зрения, сам вид следует рассматривать как присущий индивидуальному порядку, так как он не является трансцендентным по отношению к состоянию, определенному таким образом, и мы даже можем добавить, что в соответствии с геометрическим представлением о состояниях существования, о котором мы говорили в другом месте, вся иерархия родов должна рассматриваться как простирающаяся горизонтально, а не вертикально.

Вопрос о «принципе индивидуации» имеет гораздо более ограниченное значение, и в общем, он сводится к следующему: индивиды одного и того же вида все причастны одной природе, которая и есть сам вид и который равно присутствует в каждом из них; что же приводит к тому, что, несмотря на эту общность природы, эти индивиды суть существа различные и даже, лучше сказать, отделенные друг от друга? Хорошо понятно, что об индивидах здесь речь идет, поскольку они принадлежат к виду, независимо от всего того, что в них может быть в других отношениях; таким образом, вопрос можно сформулировать так: какому порядку причастна детерминация, которая добавляется к специфической природе, чтобы создать из индивидов в самом же виде разделенные существа? Именно эта детерминация схо-

ластами соотносится с «материей», то есть, по сути, с количеством, согласно их определению *materia secunda* нашего мира, и таким образом, «материя» или количество понимаются собственно как принцип «разделенности». Действительно, можно сказать, что количество и есть та детерминация, которая добавляется к виду, потому что он является исключительно качественным, следовательно, независимым от количества, иначе обстоит дело в случае индивидов именно потому, что они «телесны»; в этом отношении особенно следует иметь в виду, что в противоположность ошибочному мнению, слишком распространенному среди современников, вид никоим образом не должен пониматься как «коллективность»; она есть не что иное, как арифметическая сумма индивидов, то есть, в противоположность виду, нечто совершенно количественное; смешение общего и количественного — это еще одно следствие тенденции, которая заставляет современников во всем видеть только одно количество, тенденция, которую мы находим с таким постоянством в основе всех характерных концепций и их особого образа мысли.

Мы пришли теперь к такому выводу: в индивидах количество тем больше будет доминировать над качеством, чем больше они будут склоняться к тому, чтобы быть, если можно так сказать, простыми индивидами и, чем больше они будут тем самым разделены друг с другом, что не означает, разумеется, более дифференцированы, потому что еще есть качественная дифференциация, которая является, собственно, обратной по отношению к этой совершенно количественной дифференциации, являющейся разделением, о котором шла речь. Это разделение делает из индивидуумов лишь только «единицы» в низшем смысле этого слова, а из их ансамбля — чистую количественную множественность; в пределе, эти индивиды будут не более, чем нечто сравнимое с так называемыми «атомами» физиков, лишенными всякой качественной детерминации, и хотя этот предел в действительности никогда не может быть достигнут, таково направление, в котором движется современный мир. Достаточно бросить вокруг себя взгляд, чтобы убедиться, что повсюду стремятся все свести все больше и больше к единообразию, идет ли речь о самих людях или же о вещах, среди которых они живут; очевидно, что такой результат может быть достигнут лишь при уничтожении, насколько

ко это возможно, всякого качественного различия. Но еще более достойно внимания то, что по странной иллюзии некоторые охотно принимают это «единообразие» за «объединение», в то время как оно представляет собою как раз обратное, что может стать очевидным, с момента включения все более и более ярко выраженного подчеркивания «раздельности». Количество — мы настаиваем на этом — может только разделять, а не объединять; все, что исходит из «материи», производит лишь антагонизмы различной формы между фрагментарными «единствами», которые крайне противоположны истинному единству или, по крайней мере, имеют эту тенденцию со всей весомостью количества, не уравновешенного более качеством; но это «единообразие» конституирует слишком важный и в то же время слишком уязвимый для ложной интерпретации аспект современного мира, чтобы не остановиться на этом еще немного.

ЕДИНООБРАЗИЕ ПРОТИВ ЕДИНСТВА

Если мы будем рассматривать ансамбль той области проявления, которая представляет собою наш мир, то мы можем сказать, что по мере удаления от начального единства существование становится все более количественным и все менее качественным; в самом деле, это единство, синтетически содержащее в себе все качественные определения возможностей этой области, есть в ней сущностный полюс, тогда как субстанциальный полюс, к которому, очевидно, приближаются в той мере, в какой удаляются от другого полюса, представлен чистым количеством с бесконечным «атомным» множеством, заключающимся в нем, исключая всякие иные различия между элементами, кроме нумерических. Это постепенное удаление от сущностного единства, кроме того, может рассматриваться под двойным углом зрения, в одновременности и в последовательности; мы хотим сказать, что его можно рассматривать, с одной стороны, в организации его проявленного бытия, где эти степени проявляют что-то вроде иерархии для входящих сюда элементов или модальностей, им соответствующих, и с другой стороны, в самом ходе ансамбля проявлений от начала и до конца цикла; очевидно, что здесь мы должны особенно остановиться на второй из этих точек зрения. В любом случае, область, о которой идет речь, можно представить в том отношении треугольником, вершина которого есть сущностный полюс, представляющий собою чистое количество, во время как основанием является субстанциальный полюс, то есть для нашего мира чистое количество, изображенное множеством точек этого основания в противоположность единственной точке, представляющей собой вершину; если начертить параллели основанию, чтобы представить различные степени удаления, о которых мы только что говорили, то очевидно, что множественность будет тем более явной, чем более мы удалимся от вершины, чтобы прибли-

зиться к основанию. Для того, чтобы символ был максимально точен, необходимо предположить, что основание бесконечно удалено от вершины, прежде всего потому, что эта область проявления поистине бесконечна сама по себе, а также и для того, чтобы множественность точек основания была, так сказать, доведена до своего максимума; сверх того, этим будет обозначаться, что это основание, то есть чистое количество, не может быть никогда достигнуто в процессе проявления, хотя и приближается к нему все более и более, и что, начиная с некоторого уровня, вершина, или сущностное единство, или чистое качество, теряется, в некотором роде, из виду, что в точности соответствует современному состоянию нашего мира.

Мы только что сказали, что «единицы» различаются между собою в чистом количестве только нумерически, и в самом деле, здесь нет никакого иного отношения, в котором они могли бы быть различны; но в действительности это показывает, что это чистое количество поистине и с необходимостью располагается под всяким проявленным существованием. Здесь уместно напомнить то, что Лейбниц называл «принципом неразличимых», в силу которого нигде не могут существовать два идентичных существа, то есть сходных между собою во всех отношениях; как мы уже показали, это есть непосредственное следствие беспредельной универсальной возможности, которая влечет за собою отсутствие всякого повторения в частных возможностях; можно еще сказать, что два бытия, предполагаемые тождественными, поистине будут не два, но совпадая во всем, они будут в реальности одним и тем же бытием; но говоря точно, для того, чтобы два бытия не были тождественны или неразличимы, надо чтобы между ними всегда было какое-нибудь качественное отличие, следовательно, их детерминация никогда не будет количественной. Именно это выразил Лейбниц, сказав, что никоим образом не является истинным то, что два бытия, каковы бы они ни были, отличались бы между собою только *solo numero* (одним числом); в приложении к телам это нацелено против концепций «механицистов», таких как Декарт; он говорит еще, что если бы они не отличались качественно, то «это не было бы далее и бытием», но нечто сравнимое с частями, совершенно между собою сходными, гомогенного пространства и времени, у которых нет никакого реального существова-

ния, но которые являются лишь тем, что схоласты называли *entia rationis* (мысленная сущность). Отметим, впрочем, по этому поводу, что у него самого не было удовлетворительной идеи о природе пространства и времени, так как когда он определяет первое как «порядок сосуществования», а второе «как порядок исследования», то рассматривает их с чисто логической точки зрения, которая как раз сводит их к гомогенным вместилищам, лишенным какого бы ни было качества и, следовательно, всякого действительного существования. Он, таким образом, не отдавал себе отчета в их онтологической природе, мы хотим сказать, реальной природе проявленных пространства и времени в нашем мире и, следовательно, существующих на самом деле в качестве условий, определяющих тот особый способ существования, который и есть в собственном смысле слова телесное существование.

Из этого определенно следует вывод, что единообразие, чтобы быть возможным, предполагает существа, лишенные всякого качества и сведенные к простым нумерическим «единицам»; такое единообразие в действительности никогда не может быть реализовано, а все усилия реализовать его, в частности, в человеческой области, могут иметь своим результатом более или менее полное лишение существ их собственных качеств и создание из них чего-то такого, что похоже, насколько это возможно, на простые машины, так как машина, типичный продукт современного мира, как раз есть то, что в наивысшей из достижимых степеней представляет преобладание количества над качеством. Именно к этому ведут с собственно социальной точки зрения «демократические» и «эгалитарные» концепции, для которых все индивиды между собой эквивалентны, что ведет за собою абсурдное допущение, что все должны быть равно способными, безразлично к чему; это «равенство» есть нечто такое, чему природа не дает никакого примера по тем же причинам, которые мы только что указали, потому что оно не было бы ничем другим, как совершенным подобием индивидов; но очевидно, что именем этого так называемого «равенства», которое является одним из самых дорогих для современного мира «идеалов наизнанку», индивиды действительно делаются настолько похожими друг на друга, насколько это позволяет природа, стремясь прежде всего всем навязать единообразное воспитание. Само со-

бою разумеется, что как, несмотря на все, нельзя полностью устранить различие в способностях, так и это воспитание не даст для всех одинаковых результатов; но однако слишком ясно, что если оно и не способно дать некоторым индивидам качества, которыми они не обладают, то оно, напротив, очень пригодно для того, чтобы задушить у других все способности, превосходящие средний уровень; так, например, «уравнивание» всегда осуществляется по «низу», да оно и не может осуществляться иначе, потому что само оно есть выражение тенденции к низу, то есть к чистому количеству, которое располагается ниже всех телесных проявлений, не только под ступенью, занятой самыми рудиментарными живыми существами, но также и ниже того, что наши современники договорились называть «грубой материей» и что, тем не менее, еще далеко от того, чтобы быть полностью лишенным качества, поскольку оно обнаруживается для чувств.

Современный западный человек, впрочем, не удовлетворяется тем, что у себя учреждает такой тип воспитания; он хочет навязать его и другим со всем ансамблем своих умственных и телесных привычек, чтобы сделать единообразным весь мир, который он в то же время делает единообразным вплоть до внешнего вида через распространение продуктов своей промышленности. Парадоксальным, но только на первый взгляд, является то следствие, что мир, насколько он является менее «единым» в реальном смысле слова, настолько становится более единообразен: и это, по сути, совершенно естественно, потому что его влечет, как мы уже говорили, в том направлении, где «разделенность» все более и более усиливается; но мы видим, что здесь появляется «пародийный» характер, который так часто встречается во всем специфически современном. Действительно, во всем противясь истинному единству, это сведение к единообразию, поскольку оно стремится реализовать то, что наиболее от единства удалено, представляет собою как бы некую карикатуру, и происходит это на основании аналогичного отношения, в котором, как мы уже отмечали вначале, само единство отражается обратным образом в «единицах», образующих чистое количество. Именно эта инверсия позволила нам только что сказать об «идеале наизнанку», и действительно, его надо понимать в очень точном смысле; впрочем, это не означает, что мы испытываем потребность, сколь ма-

ла она ни была бы, реабилитировать слово «идеал», которое служит всем нашим современникам без различия, в особенности для того, чтобы замаскировать отсутствие всякого истинного принципа, которым злоупотребляют до такой степени, что оно в конце концов полностью лишилось смысла; но мы не можем, по крайней мере, не отметить, что в ходе самого этого отклонения становится заметной некая тенденция к «идее», понятой в более или менее платоновском значении, то есть, в общем, к сущности и к качеству, насколько бы смутно их ни понимали, несмотря на то, что чаще всего, как и в случае, о котором идет речь, его, то есть идеал, на самом деле принимают, обозначая нечто, в точности ему противоположное.

Мы говорили, что существует тенденция сводить к единообразию не только человеческие индивиды, но и вещи; если люди современной эпохи хвалятся тем, что изменяют мир во все большей и большей степени, и если действительно все становится все более и более «искусственным», то они понимают это изменение в первую очередь в том смысле, чтобы всю свою деятельность направить на область настолько строго количественную, насколько это возможно. К тому же, как только возжелали конституировать совершенно количественную науку, так неизбежно практические приложения, извлекаемые из этой науки, также приобрели этот характер; это те приложения, ансамбль которых вообще обозначается именем «промышленность»; можно даже сказать, что современная промышленность во всех отношениях представляет собою триумф количества, и не только потому, что ее технологии требуют знания чисто количественного порядка, или потому, что используемые ею инструменты, то есть собственно машины, созданы таким образом, что качественный подход к ним допускается настолько мало, насколько это возможно, а люди, приводящие их в действие, сами сведены к совершенно механической деятельности, но также и потому, что в самой продукции этой промышленности качество полностью принесено в жертву количеству. Несомненно, было бы излишним сделать несколько замечаний по этому поводу; но прежде чем приступить к этому, мы поставим еще один вопрос, к которому вернемся впоследствии: что бы ни думали о ценности результатов осуществляемой современным человеком в мире деятельности, факт, что независимо от любой оценки,

эта деятельность, по крайней мере в некоторой степени, достигает своей цели; если бы люди иных эпох действовали таким же образом (впрочем, это предположение чисто «теоретическое» и в действительности неправдоподобное, учитывая умственное различие, существующее между теми людьми и современными), то были бы достигаемые ими результаты одинаковыми? Иными словами, чтобы земная среда поддавалась такой деятельности, не должно ли быть так, чтобы она была каким-то образом к этому предрасположена космическими условиями того циклического периода, в котором мы находимся в настоящее время, то есть что по отношению к предшествующим эпохам изменилось в природе этой среды? По ходу нашего рассуждения еще слишком рано уточнять природу этого изменения и характеризовать его иначе, чем некое качественное умаление, дающее преимущество всему тому, что подлежит введению количества; но то, что мы сказали о качественных изменениях времени, по крайней мере уже открывает возможность и позволяет понять, что для реализации искусственных изменений мира должны быть предпосланы естественные изменения, которым те лишь соответствуют и с которыми они некоторым образом согласуются в силу той самой корреляции, которая постоянно существует в ходе циклического времени между космическим и человеческим порядками.

Глава VIII

СТАРИННЫЕ РЕМЕСЛА И СОВРЕМЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Существующая оппозиция между тем, чем являлись старинные ремесла и тем, что представляет собою современная промышленность, есть, по сути, особый случай и как бы приложение оппозиции двух точек зрения — количественной и качественной — доминирующей соответственно в том и ином случае. Небесполезно прежде всего было бы отметить для ясности, что различие между «искусствами» и «ремеслами» или между «художником» и «ремесленником» («*artiste*» и «*artisan*») является чем-то специфически современным, как если бы оно родилось от вырождения и отклонения, которые во всем заменяют традиционную концепцию на профанную. *Artifex* для древних — это человек, который занимается искусством или ремеслом безразлично; но, по правде говоря, это и не художник, и не ремесленник в том смысле, который эти слова имеют сегодня (к тому же слово «ремесленник» все более и более стремится к исчезновению в современном языке); это было нечто превосходящее и то и другое, потому что изначально, по крайней мере, деятельность его была связана с принципами гораздо более глубокого характера. Если ремесла также понимались некоторым образом как искусства в собственном смысле слова, не отличающиеся от них существенным образом, то следовательно, и они были по своей природе истинно качественными, ведь никто не откажется признать таковую природу за искусством, по крайней мере, по определению; однако именно по этой причине современные люди при том сниженном понимании, которое они имеют об искусстве, помещают его в нечто подобное замкнутой сфере, не имеющей уже никакого отношения к остальной человеческой деятельности, то есть ко всему тому, что они рассматривают как конституирующую «реальное» в самом грубом смысле, который этот термин для них имеет; они доходят даже до того, что охотно квалифицируют это искусство, совершен-

но лишенное всякого практического значения, как «бесплезную деятельность» (роскошь, «*activite de luxe*»), выражение, которое очень хорошо характеризует то, что можно было бы назвать без всякого преувеличения «глупостью» нашей эпохи.

Во всякой традиционной цивилизации, как мы уже часто отмечали, всякая человеческая деятельность, какова бы она ни была, по своей сути рассматривается как исходящая из принципов; то, что верно для наук, так же верно и для искусств и ремесел, к тому же есть тесная связь между теми и другими, так как согласно формуле, принятой в качестве фундаментальной аксиомы строителями Средневековья, *ars sinescientia nihil* («искусство без науки ничто»), естественно, под «наукой» здесь надо понимать традиционную науку, а не профанную, применение которой не может дать ничего иного, кроме современной промышленности. Через эту связь с принципами человеческая деятельность, можно сказать, как бы «преображается», и вместо того, чтобы быть сведенной к тому, что она есть в качестве простого внешнего проявления (в чем состоит вообще профанная точка зрения), она интегрирована в традицию и создает для того, кто ее исполняет, средство действенного в ней участия, что позволяет сказать, что она облечена «священным» и «ритуальным» характером в собственном смысле слова. Поэтому можно сказать, что в такой цивилизации «всякое занятие есть священство»²⁷; чтобы не придавать этому последнему термину если не совсем неправильное, то несколько не свойственное ему значение, мы бы сказали, скорее, что оно в самом себе обладает свойством, которое может быть сохранено одними лишь священническими функциями, если делают различие между «священным» и «профанным», которого ни в коем случае не существовало вначале.

Чтобы понять этот «священный» характер человеческой деятельности в целом, даже с простой внешней точки зрения или, если угодно более экзотически, рассматривать, к примеру, исламскую или христианскую цивилизацию Средних веков, то легче всего констатировать, что самые обычные действия существования всегда имеют в себе что-то «религиозное». Дело в том, что там религия вовсе не есть нечто узкое и тесно ограниченное, находящееся в стороне, без всякого действенного влияния на все остальное, какой она является для современных западных людей (для тех,

по меньшей мере, которые еще соглашаются принимать религию); напротив, она пронизывает все существование человеческого существа, или лучше сказать, все то, что составляет это существование, и, в особенности, в собственном смысле слова социальная жизнь оказывается как бы соединенной в своей сфере в одно целое настолько, что в этих условиях здесь не может быть ничего «профанного», за исключением тех людей, которые по той или иной причине находятся вне традиции, но их случай тогда представляет собой только простую аномалию. В ином случае, когда название «религия», собственно говоря, больше не может прилагаться к форме рассматриваемой цивилизации, все-таки существует традиционное или «священное» законодательство, которое, обладая различными чертами, в точности выполняет ту же роль; следовательно, эти наблюдения могут применяться ко всякой традиционной цивилизации без исключения. Но есть еще нечто большее: если мы перейдем от экзотеризма к эзотеризму (мы используем здесь эти слова для большего удобства, хотя они не одинаково строго применимы ко всем случаям), то в очень общей форме мы заметим существование посвящения, связанного с ремеслами и берущего их в качестве основания и «опоры»²⁸; следовательно, надо, чтобы эти ремесла также были причастны высшему и более глубокому значению, чтобы действительно иметь возможность открыть доступ к сфере посвящения. Это также очевидно из-за их, по существу, качественного характера, насколько это возможно.

Нам это станет яснее с помощью того понятия, которое в индуистском учении называется *swadharma* (свадхарма), понятие само по себе совершенно качественное, потому что оно означает исполнение каждым существом деятельности, согласной с его сущностью или его собственной природой, и как раз поэтому в высшей степени соответствующей «порядку» (*rita*) в том смысле, который мы уже объяснили; и именно этим понятием, или скорее его отсутствием, ясно обнаруживается ошибка современной светской концепции. В ней, действительно, человек может избрать любую профессию, он даже может ее изменить по своему усмотрению, как если бы эта профессия была бы чем-то чисто внешним по отношению к нему без всякой реальной связи с тем, что он на самом деле есть, с тем, что делает его именно им самим, а не кем-либо другим. В традиционной концепции,

напротив, каждый должен нормально выполнять функцию, к которой он предназначен по своей собственной природе, с теми определенными способностями, которые по существу в себе заключает²⁹, и он не может исполнять другую функцию, не внося серьезного беспорядка, который имел бы последствия для всей социальной организации, частью которой он составляет; более того, если такой беспорядок будет распространяться, то будут последствия и для самой космической среды, потому что все вещи связаны между собой точными соответствиями. Не останавливаясь более на этом последнем пункте, который можно было бы приложить и к условиям современной эпохи, мы сделаем следующий вывод из того, что сказано: в традиционной концепции сущностные качества определяют деятельность существ; в профанной концепции, наоборот, эти качества больше не учитываются, а индивиды рассматриваются как взаимозаменяемые и чисто нумерические «единицы». Логически эта концепция может привести только к осуществлению лишь «механической» деятельности, в которой больше нет ничего истинно человеческого, и действительно, именно это мы можем констатировать в наши дни; само собою разумеется, что эти «механические» занятия современных людей, которые образуют всю промышленность в собственном смысле слова и которые суть лишь продукт профанного отклонения, не могут предложить никакой возможности из порядка посвящения и могут быть только лишь препятствием в развитии всякой духовности; по правде говоря, впрочем, они не могут даже считаться подлинными ремеслами, если сохранять за этим словом значение, придаваемое ему традиционным смыслом.

Если ремесло есть нечто присущее самому человеку, как бы проявление и продолжение его собственной природы, то легко понять, что оно может служить основанием для посвящения, и каково бы оно ни было, в большинстве случаев оно даже лучше всего приспособлено для этой цели. Действительно, если посвящение по существу имеет своей целью превзойти возможности человеческого индивида, то так же верно, что оно может в качестве отправной точки брать этого индивида таким, каков он есть, но, разумеется, беря его в некотором роде в его высшем аспекте, то есть опираясь на то, что в нем наиболее качественно в собственном смысле слова; отсюда разнообразие путей посвящения,

то есть, в конечном счете, средств, используемых в качестве «опор» в соответствии с различием индивидуальных природ, различием, которое становится впоследствии тем меньше, чем дальше существо продвигается по своему пути и таким образом приближается к цели, которая является одной и той же для всех. Используемые таким образом средства могут быть эффективными, только если они реально соответствуют самой природе существ, к которым они применяются; а поскольку необходимо действовать от более доступного к менее доступному, от внешнего к внутреннему, то нормально брать их в той деятельности, в которой эта природа проявляется вовне. Но само собой разумеется, что эта деятельность может исполнять эту роль лишь постольку, поскольку она действительно выражает внутреннюю природу; следовательно, здесь возникает вопрос о подлинной «квалификации» в посвященческом смысле этого термина; при нормальных условиях эту «квалификацию» должно требовать и при самом исполнении ремесла. Здесь мы одновременно затрагиваем фундаментальное отличие, которое отделяет инициационное обучение и, даже шире, всякое традиционное обучение от обучения профанного: то, что просто «выучено» извне, здесь не имеет никакой ценности, каково бы ни было количество так усвоенных понятий (в этом также проявляется четко количественный характер профанного «знания»); здесь, следовательно, речь идет о том, чтобы «пробудить» скрытые возможности, которые в себе носит человеческое существо (в этом и состоит истинное значение платоновского «воспоминания») ³⁰.

Из этого последнего положения можно также понять, каким образом посвящение, принимающее ремесло в качестве «опоры», осуществляет в некотором роде обратное отражение на исполнение этого ремесла. Действительно, существо, полностью реализовавшее возможности, для которых его профессиональная активность является только внешним выражением, и владеющее, таким образом, действительным познанием самого принципа этой деятельности, с этого времени будет сознательно выполнять то, что сначала было лишь совершенно «инстинктивным» следствием его природы. Таким образом, если инициационное познание для него родилось из ремесла, то последнее, в свою очередь, становится полем приложения этого познания, от которого оно уже не может быть отделено. И тогда будет пол-

ное соответствие между внутренним и внешним, и созданное произведение сможет стать не только лишь в некоторой степени и более или менее поверхностным выражением того, что было задумано и исполнено, а реальным и адекватным выражением его; это то, что составляет «шедевр» в подлинном смысле слова.

Из этого можно легко увидеть, насколько истинное ремесло далеко от современной промышленности, вплоть до того, что можно их назвать противоположностями, и насколько это, к несчастью, верно, что ремесло «в царстве количества» является чем-то отжившим, как это охотно утверждают сторонники «прогресса», естественно, приветствующие это. В индустриальном труде рабочий не должен ничего привносить от самого себя, и даже проявляется великая забота помешать этому, если бы у него появилось малейшее побуждение; но это даже и невозможно, потому что вся его деятельность состоит в том, чтобы приводить в движение машину, к тому же он стал совершенно не способен к инициативе из-за своего «образования» (formation) или, скорее, профессиональной деформации (deformation) полученной им, которая является как бы антитезой древнему ученичеству и цель которого состоит в том, чтобы обучить его выполнять некоторые «механические» движения всегда одним и тем же образом, не понимая их причин и не думая о результате, потому что он не сам, а машина на самом деле изготавливает предмет. Раб машины, человек сам становится машиной, и в его труде больше нет ничего подлинно человеческого, так как он не включает больше использования ни одного из качеств, составляющих именно человеческую природу³¹. Все это приводит к тому, что на современном жаргоне принято называть «серийным» производством, цель которого — производить большее количество возможных объектов, и объектов, насколько возможно более похожих друг на друга, предназначенных для использования людьми, которые также предполагаются совершенно похожими; именно в этом триумф количества, как мы это выше сказали, и это также тем самым есть триумф однообразия. Эти люди сведены к простым нумерическим «единицам», их помещают жить, мы не скажем, «в дома», потому что это слово не подходит, а в «ульи», в которых жилища сделаны по одному и тому же образцу и меблированы вещами, «серийно» сфабрикованными таким образом, что из среды,

в которой мы живем, заставляют исчезнуть всякое качественное различие; достаточно изучить проекты некоторых современных архитекторов (которые сами называют эти жилища «машинами для жилья»), чтобы увидеть, что мы ничего не преувеличиваем; во что превратилась традиционная наука древних строителей и ритуальные правила, предшествовавшие основанию городов и зданий в нормальных цивилизациях? Бесполезно продолжать дальше, так как надо быть слепым, чтобы не видеть пропасть, отделяющую их от современной цивилизации, и всякий, без сомнения, согласится признать, насколько велико различие; только то, что огромное большинство современных людей прославляет как «прогресс», нам представляется, как раз наоборот, глубоким падением, поскольку это явно лишь результат падения, без конца ускоряющегося, которое влечет все современное человечество на «дно», где царит чистое количество.

Глава IX

ДВОЙНОЙ СМЫСЛ АНОНИМНОСТИ

В связи с традиционной концепцией ремесел, составляющей одно целое с концепцией искусств, мы должны отметить еще один важный вопрос: традиционное произведение искусства, например, произведение средневекового искусства в основном анонимно, и только совсем недавно, по причине воздействия современного «индивидуализма», стали стремиться связать некоторые сохранившиеся в истории имена с известными шедеврами, хотя эти «атрибуции» часто являются весьма гипотетическими. Эта анонимность совершенно противоположна постоянной озабоченности современных художников утвердить и сделать известной прежде всего свою индивидуальность; с другой стороны, поверхностный наблюдатель мог бы предположить, что она сравнима с также анонимным характером продуктов современной промышленности, хотя они, конечно, ни в коем случае не есть «произведения искусства»; истина состоит совсем в ином, потому что если действительно в обоих случаях есть анонимность, то по совершенно противоположным причинам. Как и во многих других случаях, анонимность вследствие обратной аналогии может быть понята сразу в высшем и в низшем смысле: так же, например, как в традиционной социальной организации человек может оказаться вне каст двумя способами, либо потому что он над ними (*ativarna*), либо потому что он под ними (*avarna*); очевидно, что это две противоположные крайности. Сходным образом те современные люди, которые рассматривают себя как бы вне любой религии, находятся в крайней противоположности по отношению к людям, которые, проникнувшись принципиальным единством всех традиций, не связаны больше исключительным образом ни с одной частной традиционной формой³². По отношению к условиям нормальной и в некотором роде «средней» человечности одни находятся по эту сторону, тогда как другие — по ту;

можно сказать, что одни пали в «инфрачеловеческое», тогда как другие поднялись в «ультрачеловеческое»: первый случай представляет собою современную анонимность, анонимность типа толпы или «массы», в том смысле слова, в каком ее понимают сегодня (это совершенно количественное слово «масса» очень знаменательно), а второй случай это традиционная анонимность в ее различных приложениях, включая те, которые касаются произведений искусства.

Чтобы это хорошо понять, надо обратиться к принципам учений, общим для всех традиций: существо, достигшее сверхиндивидуального состояния, тем самым освобождается от всех ограничительных условий индивидуальности, то есть оно вне определений «имени и формы» (паша-гара), которые составляют сущность и субстанцию этой индивидуальности как таковой; оно, следовательно, поистине «анонимно», потому что в нем «я» («moi») стерлось и полностью исчезло перед «Самом» («Soi») ³³. Те, кто в действительности не достигают такого состояния, должны, по крайней мере, в силу своих возможностей стремиться его достичь, и следовательно, в той же мере, деятельность их должна имитировать эту анонимность и, можно сказать, каким-то образом быть ей причастна, что дает им «опору» в их духовной реализации в будущем. Это особенно хорошо видно в монашеских установлениях, действующих в христианстве или буддизме, где то, что можно назвать «практикой» анонимности всегда поддерживается, даже если ее глубокий смысл часто бывает забыт; но не следует думать, что отражение этой анонимности в социальном порядке ограничивается этим особым случаем, это означало бы строить иллюзии из-за привычки различать «священное» и «светское», различие, которое, повторяем, не существует и даже не имеет никакого смысла в строго традиционных обществах. То, что мы сказали о «ритуальном» характере, в который облечена вся целиком человеческая деятельность, это достаточно объясняет; а в том, что касается именно ремесел, то мы видели, что этот характер позволяет говорить здесь о «священстве»; следовательно, нет ничего удивительного в том, что анонимность будет здесь правилом, поскольку она представляет собою истинное соответствие с «порядком», который *artifex* (художник, мастер) должен применить для

реализации насколько можно совершенным образом ко всему, что он делает.

Можно здесь привести одно возражение: поскольку ремесло должно соответствовать собственной природе того, кто его осуществляет, то производимая работа должна, как мы сказали, необходимо выражать эту природу, и она может рассматриваться как в своем роде совершенная или как производящая «шедевр», когда она ее выражает адекватным образом; однако, природа, о которой идет речь, является сущностным аспектом индивидуальности, то есть того, что определено «именем»; нет ли здесь чего-то такого, что прямо противоречит анонимности? Чтобы ответить на это, надо прежде всего отметить, что вопреки всем ложным западным интерпретациям таких понятий, как Мокша и Нирвана, угасание «я» никоим образом не есть аннигиляция человеческого существа, но оно, напротив, предполагает как бы «сублимацию» его возможностей (без чего, отметим по ходу дела, сама идея «воскресения» не имела бы никакого смысла); несомненно, *artifex*, который все еще находится в индивидуальном человеческом состоянии, может только стремиться к такой «сублимации», но факт сохранения анонимности как раз и был бы для него знаком этой «трансформирующей» тенденции.

С другой стороны, можно сказать еще по отношению к самому обществу, что *artifex* не как «таковой» создает свое произведение, но он выполняет некоторую «функцию» собственно «органического», а не «механического» порядка (в этом фундаментальное отличие от современной промышленности), с которым он должен в своей работе отождествляться насколько это возможно; это отождествление, являясь средством его собственной «аскезы», в то же самое время указывает на меру его действительного участия неким образом в традиционной организации, поскольку именно через осуществление своего ремесла он включается в нее и занимает там место, соответствующее его природе. Таким образом, как бы мы это ни рассматривали, анонимность, в некотором роде, нормально предписывается; и даже если все то, что в принципе предполагается, не может быть реализовано в действительности, все же, по крайней мере, должна соблюдаться относительная анонимность в том смысле, что — в особенности там, где посвящение освящается на ремесле, — профанная или «внешняя» инди-

видуальность, обозначаемая, как «такой-то, сын такого-то» (papa-gotra), исчезнет во всем том, что относится к исполнению этого ремесла³⁴.

Если теперь мы перейдем к другой стороне, а именно к той, которую представляет современная промышленность, то мы увидим, что там рабочий тоже анонимен, но потому, что то, что он производит, совсем не выражает его самого и даже не является подлинно его произведением; роль, которую он исполняет в этом производстве, чисто «механическая». В общем, рабочий как таковой реально не имеет «имени», потому что он в своем труде только простая нумерическая «единица» без собственных качеств, которая может быть заменена всякой другой эквивалентной «единицей», то есть любым другим рабочим, не меняя ничего в продукте этого труда³⁵; и таким образом, как мы сказали выше, деятельность не имеет больше ничего собственно человеческого и очень далека от того, чтобы передавать или, по крайней мере, отражать нечто «сверхчеловеческое»; она, напротив, сводится к «дочеловеческому» и даже стремится к его самой низкой степени, то есть к модальности настолько вполне количественной, насколько возможно это реализовать в проявленном мире. Эта «механическая» деятельность рабочего представляет собою, впрочем, лишь частный случай (самый типичный из всех, которые можно констатировать фактически в современном состоянии, потому что промышленность есть область, где современные концепции получили свое наиболее полное выражение) того, что странный «идеал» наших современников хотел бы сделать из всех человеческих индивидов во всех обстоятельствах их существования; в этом прямое следствие тенденции, называемой «эгалитарной» или, другими словами, тенденции к единообразию, которая требует, чтобы эти индивиды трактовались только как простые нумерические «единицы», реализующие «равенство» снизу, поскольку это единственное направление, в котором оно может быть реализовано «до предела», то есть где возможно если и не достичь его совершенно (так как это противоречит, как мы видели, самим условиям проявленного существования), то, по крайней мере, все больше и больше, бесконечно приближаться к этому, вплоть до достижения «остановки», которой отмечен конец современного мира.

Если мы себя спросим, чем станет индивид при таких условиях, то мы увидим, по причине все более подчеркнутого преобладания в нем количества над качеством, что он будет, так сказать, сведен к одному лишь его субстанциальному аспекту, к аспекту, который индуистское учение называет гира (действительно, он ведь никак не может утратить форму, которая и определяет его индивидуальность как таковую, не утратив тем самым своего существования), что вынуждает нас сказать, что он уже не более, чем «тело без души», как это выражается в разговорном языке, и как раз в самом буквальном смысле этого слова. В таком индивиде качественный или сущностный аспект почти полностью испарился (мы говорим «почти», потому что в реальности предел никогда не может быть достигнут); и так как этот аспект обозначается как раз как паша, то этот индивид поистине не имеет больше имени, которое было бы для него собственным, потому что он как бы лишен качеств, которые должно выражать это имя; он, следовательно, реально «анонимен», но в плохом смысле этого слова. Это анонимность «массы», часть которой составляет индивид и в которой он себя теряет, «массы», которая представляет собою собрание сходных индивидов, рассматриваемых как такое же число чистых и простых арифметических «единиц»; можно даже сосчитать такие «единицы», нумерически эквивалентные, таким образом, той коллективности, которую они составляют и которая, по определению, есть лишь количество, но никак нельзя никакой из них придать такое наименование, которое предполагало бы ее качественное отличие от других.

Мы только что сказали, что индивид себя утрачивает в «массе» или что, по крайней мере, он стремится там раствориться; этому «смешению» в количественной множественности соответствует, кроме того, обратным образом «слияние» в изначальном единстве. В нем существо обладает всей полнотой своих «измененных» возможностей настолько, что можно сказать, что различие, понятое в качественном смысле, здесь доведено до своей высшей степени, в то время как все разделения исчезли³⁶; в чистом количестве, напротив, разделение доходит до своего максимума, потому что именно в нем покоится принцип «разделенное™», и существо, очевидно, тем более «отделено» и заключено в самом себе, чем более узко ограничены его

возможности, то есть чем меньше качеств заключает в себе его сущностный аспект; но в то же время, поскольку оно тем меньше различается внутри «массы» качественно, постольку оно на самом деле стремится смешаться с нею. Это слово «смешение» тем лучше сюда подходит, что оно напоминает всеобщую потенциальную неразличимость «хаоса», и именно об этом на самом деле идет речь, поскольку индивид стремится свести себя только лишь к одному субстанциальному аспекту, то есть к тому, что схоласты называли «материей без формы», где все в потенции и ничего нет в действии, так что последний предел, если бы он был достижим, был бы подлинным «растворением» всего того, что есть в индивидуальности от позитивной реальности; и по причине крайней оппозиции, существующей между одним и другим, это смешение существ в единообразии обнаруживается как зловещая и «сатанинская» пародия на их слияние в единстве.

ИЛЛЮЗИИ СТАТИСТИКИ

Теперь вернемся к более «научной» в собственном смысле слова точке зрения так, как ее понимают современные люди; эта точка зрения прежде всего характеризуется претензией все свести к количеству и не учитывать ничего из того, что не позволяет себя к нему свести, и рассматривать это как бы несуществующим; дошло до того, что стало обычным думать и говорить, что все то, что не может быть «исчислено», то есть выражено в чисто количественных терминах, лишено тем самым всякой «научной» ценности; эта претензия относится не только к «физике» в обычном смысле слова, но ко всему ансамблю наук, «официально» признанных в наши дни, как мы уже видели, она простирается даже до области психологии.

Выше мы достаточно подробно объяснили, что таким образом упускают все то, что является подлинно существенным, в самом строгом смысле этого слова, и что «осадок», который выпадает от приемов такой науки, совершенно неспособен объяснить что бы то ни было в реальности; но мы еще немного остановимся на очень характерном аспекте этой науки, который особо четким образом показывает, как она создает иллюзии относительно того, что можно извлечь простые нумерические оценки и к тому же связать их достаточно непосредственно ко всему тому, что мы обозначили в предыдущей главе.

Действительно, тенденция к единообразию, которая распространяется на «естественную» сферу так же, как и на человеческую, ведет к предположению и даже к возведению в своего рода принцип (мы должны были бы сказать скорее в «псевдопринцип»), того, что существует повторение тождественных феноменов, то, что, в силу «принципа неразличимых», на самом деле есть только простая и чистая возможность. Эта идея выражается особенно ясно в распространенном утверждении, что «те же самые причины всегда

производят те же самые следствия», что, заявленное в такой форме, является, собственно говоря, абсурдным, так как фактически, в последовательном порядке проявления, никогда не существует ни тех же самых причин, ни тех же самых следствий; и не доходит ли даже до утверждения, что «история повторяется», тогда как истина состоит в том, что существуют лишь соответствия по аналогии между некоторыми периодами и некоторыми событиями? Следовало бы сказать, что сравнимые между собою в некоторых отношениях причины производят следствия, также сравнимые в тех же самых отношениях; но рядом со сходством, которое есть как бы частичное тождество, всегда и необходимо есть различия, так что фактически, речь идет предположительно о двух различных вещах, а не об одной и той же вещи. Правда, эти отличия, поскольку они являются качественными различиями, тем меньше, чем к более низкой ступени проявления они принадлежат, и следовательно, сходства усиливаются в той же мере; так что в некоторых случаях поверхностное и частичное наблюдение позволяет поверить в некоторого рода тождественность; но на самом деле различия полностью не устраняются никогда, что было бы ниже всякого проявления; можно ли будет когда-нибудь полностью пренебречь тем, что следует из влияния без конца меняющихся во времени и пространстве обстоятельств; правда, для понимания этого надо учесть то, что реальные пространство и время, в противоположность современным концепциям, вовсе не есть только однородные вместительности и модусы чистого и простого количества, но что также существует и качественный аспект временных и пространственных определений. Как бы то ни было, позволительно спросить, каким образом, пренебрегая различиями и отказываясь их видеть каким-либо образом, можно претендовать на построение «точной» науки; строго и фактически точной может быть только чистая математика, потому что она поистине относится к области количества, и всякая иная современная наука в этих условиях может быть и есть только лишь ткань более или менее грубых приближенностей, и так обстоит дело не только в области приложения, где все вынуждены признать неизбежное несовершенство средств наблюдения и измерения, но также и с самой теоретической точки зрения; нереализуемые предположки, которые представляют собою почти все основание «классической» механики, которая сама служит базой всей современ-

ной физики, могли бы нам дать здесь множество характерных примеров³⁷.

Идея каким-то образом основать науку на повторении обнаруживает еще одну иллюзию количественного порядка, которая состоит в убеждении, что только накопление большого числа фактов может служить «доказательством» для теории; однако очевидно, если немного поразмыслить, что факты одного и того же рода существуют в неопределенном множестве, так что никогда нельзя констатировать все, не учитывая, что одни и те же факты вообще так же хорошо согласуются со множеством различных теорий. Могут сказать, что констатация возможно большего числа фактов дает по крайней мере большую «вероятность» теории; но это значит, что таким образом никогда нельзя прийти ни к какой уверенности, и следовательно, провозглашаемые выводы никогда не имеют ничего «точного»; это также означает признание совершенно «эмпирического» характера современной науки, сторонники которой приписывают «эмпиризм» познаниям древних, тогда как верно совершенно противоположное, потому что эти познания, истинную природу которых они полностью игнорируют, исходили из принципов, а вовсе не из экспериментальных констатации, так что можно сказать: профанная наука построена в точности противоположным образом по сравнению с традиционной наукой. Наконец, сколь ни был бы недостаточен «эмпиризм» сам по себе, эмпиризм современной науки далек от того, чтобы быть всеохватывающим, поскольку она пренебрегает или не учитывает значительную часть данных опыта, вообще все те данные, которые обладают качественным характером в собственном смысле слова; чувственный опыт не более, чем любой другой вид опыта, никогда не может быть отнесен к чистому количеству, и чем более к нему приближаются, тем больше удаляются от реальности, которую намереваются констатировать и объяснить; и в сущности, не трудно заметить, что наиболее недавние теории как раз имеют наименьшее отношение к этой реальности и заменяют ее охотнее всего «конвенциями», не скажем, что полностью произвольными (поскольку это вещь невозможная, чтобы создать «конвенцию», надо иметь какую-либо причину создавать ее), но по крайней мере, настолько произвольными, насколько возможно, то есть имеющими в некотором роде минимум основания в истинной природе вещей.

Мы только что сказали, что современная наука, поскольку она хочет быть исключительно количественной, отказывается учитывать различия между конкретными фактами вплоть до тех случаев, когда эти различия оказываются самыми ярко выраженными. Естественно, что это как раз те случаи, когда качественные элементы преобладают над количественными; можно сказать, что таким образом большая часть реальности от нее ускользает и что частный и низший аспект истины, который она, несмотря ни на что, может охватить (потому что полная ошибка не имела бы никакого другого смысла, кроме чистого и простого отрицания), оказывается сведенным почти на нет. И в особенности это верно, когда приступают к рассмотрению фактов человеческого порядка, потому что они являются в высшей степени качественными из всех тех, которые эта наука согласна включить в свою область, и, тем не менее, она пытается трактовать их точно так же, как и другие факты, которые она относит не только к «организованной материи», но и к «грубой материи», поскольку у нее есть по сути лишь один метод, который она единообразно прилагает к самым различным объектам как раз из-за того — по причине своей специальной точки зрения,— что она не способна видеть то, что в них конституирует существенные различия. Потому именно в этом человеческом порядке, идет ли речь об истории, «социологии», «психиатрии» или о любом другом жанре исследования, который бы захотели измыслить, наиболее полным образом проявляется баснословный характер «статистики», которой современные люди придают такое большое значение; здесь, как впрочем, и везде, статистика, по существу, состоит в том, чтобы сосчитать более или менее значительное число фактов, которые считаются совершенно сходными между собою, без чего их сложение ничего бы не означало; очевидно, что этим достигается тем более деформированный образ реальности, что факты, о которых идет речь, сходны и сравнимы между собою лишь в самой малейшей степени, то есть важность и сложность содержащихся в них элементов более значительна. Расставляя таким образом цифры и подсчеты, создают себе и также намереваются создать для других некую иллюзию «точности», которую можно квалифицировать как «псевдоматематику»; но в действительности, даже не замечая этого и в силу предвзятости идей, извлекают из этих цифр почти без

различия все, что хотят, настолько они сами по себе лишены всякого значения; доказательством этого служит то, что одна и та же статистика в руках различных ученых, даже принадлежащих к одной «специальности», часто приводит в соответствии с их требованиями к совершенно различным выводам, иногда даже диаметрально противоположным. В этих условиях так называемые «точные» науки современных людей, поскольку они обращаются к статистике и доходят даже до того, что претендуют извлечь из этого предвидения будущего (всегда вследствие предполагаемого тождества всех рассматриваемых фактов, будь они в прошлом или в будущем), в действительности представляют собою не что иное, как «гадательные» науки, согласно выражению, охотно используемому (в чем они, к тому же, признаются более откровенно, чем многие другие) сторонниками некой современной астрологии, называемой «научной», которая, разумеется, имеет весьма смутные и отдаленные отношения, если она и имеет какие-нибудь отношения кроме терминологии, к истинной традиционной астрологии древних, сегодня так же почти полностью утраченной, как и другие познания того же порядка; эта «неоастрология» как раз тоже в большой степени использует статистику в своих усилиях утвердиться «эмпирически», не соотносясь ни с каким принципом, и статистика занимает там даже преобладающее место; именно на этом самом основании думают, что можно ее украсить эпитетом «научная» (что, впрочем, предполагает, что в этом отказывают истинной астрологии, так же как и всем традиционным наукам, построенным сходным образом), и это очень значимо и характерно для современного умственного состояния.

Предположение тождества между фактами, которые в реальности представляют собою всего лишь один и тот же род, то есть сравнимы только в некоторых отношениях, одновременно с тем, что оно, как мы только что объяснили, вносит вклад в создание иллюзии «точной» науки, удовлетворяет также потребность в крайнем упрощении, которое представляет собою еще одну поразительную черту современного умственного состояния до такой степени, что его без всякого иронического умысла можно было бы квалифицировать как «упрощенческое», как в его «научных» концепциях, так и во всех иных его проявлениях. Впрочем, все это есть: потребность же в упрощении с необходимостью

сопровождает тенденцию сводить все к количеству и еще больше ее усиливает, так как очевидно, что ничего нет более простого, чем количество; если удастся полностью лишить существо или вещь их собственных качеств, то полученный остаток, конечно, будет представлять собою максимум простоты; и в пределе, эта крайняя простота будет такова, что сможет принадлежать лишь только чистому количеству, то есть она будет простотой «единиц», совершенно сходных между собой, конституирующих нумерическое множество; но это достаточно важно, чтобы привести еще некоторые размышления.

Глава XI

ЕДИНСТВО И ПРОСТОТА

Потребность в упрощении, в том, что есть в ней незаконного и чрезмерного, как мы только что сказали, является отличительной чертой современного умственного состояния; в силу этой потребности некоторые философы дошли до принятия в качестве как бы логического «псевдопринципа» утверждения, что «природа действует всегда самыми простыми путями». Это совершенно произвольный постулат, так как неясно, что может заставить действовать природу так, а не иначе; кроме простоты в ее действиях может приводить и преобладать над нею много других условий, что может предопределить ее действие таким образом, который по крайней мере с нашей точки зрения покажется весьма сложным. Говоря по правде, этот «псевдопринцип» представляет собою не что иное, как пожелание, выражающее нечто вроде «умственной лени»: хотят, чтобы вещи были возможно более простыми, потому что если бы они действительно были бы такими, то в таком случае их гораздо легче было бы понять; и кроме того, это хорошо согласуется с совершенно новой и светской концепцией науки, которая должна быть «доступной всем», что, очевидно, возможно лишь в том случае, когда она проста до такой степени, что становится «инфантильной» и когда из нее тщательно исключены любые соображения высшего и действительно глубокого порядка.

Незадолго до нового времени в собственном смысле слова мы уже встречаем как бы первый признак этого состояния духа, выраженного в поговорке схоластов: «Не следует без необходимости умножать сущности»³⁸; если же речь идет о совершенно гипотетических «спекуляциях» — что мы и утверждаем, — то это не представляет никакого интереса; человек может законным образом ограничиться оперированием с мысленными конструкциями, не сравнивая их с чем-то другим, в лучшем случае лишь в сфере математики,

и если он может тогда по своему усмотрению «упрощать», то только потому, что он имеет дело с количеством, комбинации которого, поскольку они сводятся к самим себе, как полагают, вовсе не понимаются существующими в действительном порядке проявления. Напротив, если учитывают какие-либо утверждения фактов, то все обстоит иначе, и тогда необходимо признать, что сама «природа», кажется, поистине изощряется умножать сущности без необходимости (*praeter necessitatem*); какое логическое удовлетворение может, например, испытать человек, констатируя множество и чудесное разнообразие животных и растительных видов, представители которых живут вокруг него? Разумеется, это очень далеко от простоты, постулируемой философами, которые хотели бы сократить реальность ради удобства их собственного понимания и понимания «среднего» человека, ему подобного; если так обстоит дело в телесном мире, который представляет собою всего лишь очень ограниченную сферу существования, то насколько иначе должно обстоять дело — и с еще большим основанием — в других мирах и, можно сказать, во все более увеличивающихся пропорциях?³⁹ К тому же, чтобы разом покончить со всеми дискуссиями, достаточно напомнить, что, как мы уже объясняли, все, что возможно, тем самым реально в своем собственном порядке и в согласии со своим собственным модусом, и раз универсальная возможность необходимо является бесконечной, то в ней есть место для всего того, что не является чистой и простой невозможностью; не та же ли самая потребность в излишнем упрощении толкает философов ради построения их «систем» всегда к желанию ограничить тем или иным образом универсальную возможность?⁴⁰

Особенно любопытно здесь то, что так понимаемая тенденция к простоте, так же как тенденция к «единообразию», как бы параллельная ей, теми, кто попал под ее влияние, принимается за усилие по «объединению»; но на самом деле это «объединение наизнанку», как и все, что направляется к области чистого количества или к субстанциальному и низшему полюсу существования; здесь мы встречаем еще раз карикатуру на единство такого рода, которое мы уже рассматривали с другой точки зрения. Если настоящее единство тоже может быть названо «простым», то в совершенно отличном от этого смысле, а именно в том, что оно является существенно неделимым, что с необходимостью

исключает всякую «составленность» и предполагает, что оно никогда не может быть понято как образованное из каких-либо частей; однако, и здесь есть как бы пародия на эту неделимость в том, что некоторые философы и физики приписывают своим «атомам», не замечая, что они не совместимы с телесной природой, так как тело, понимаемое как бесконечно делимое, которое по определению есть нечто протяженное, обязательно всегда составлено из частей, и сколь бы ни было оно маленьким и как бы ни хотели его таковым представить, это ничего не меняет, так что понятие корпускулы является противоречащим само себе; но очевидно, что такое понятие хорошо согласуется с понятием простоты, зашедшим так далеко, что оно уже не может больше соответствовать никакой реальности.

С другой стороны, если принципиальное единство абсолютно неразделимо, то оно не перестает от этого быть предельной сложностью, можно сказать, потому что оно содержит в себе «в высшей степени» все то, что на низших, так сказать, ступенях составляет сущность или качественную сторону проявленных существ; достаточно сослаться на то, что мы объяснили выше об истинном смысле, который следует понимать под выражением «угасание я», чтобы понять, что именно здесь любое «преображенное» качество сохраняется в своей полноте, и что различие, освобожденное от всякого «разделяющего» ограничения, доведено здесь до своей высшей степени. С того момента, как вступают в проявленное существование, ограничения появляются в форме самих условий, которые определяют каждое состояние и каждый способ проявления; когда опускаются на все более низшие уровни этого существования, ограничения становятся все более и более тесными, а возможности, присущие природе существ, все более и более узкими, что заставляет сказать, что сущность этих существ следует за этим, упрощаясь в той же самой мере; и это упрощение таким образом постепенно спускается ниже самого существования, то есть до области чистого количества, где оно в конце концов доходит до своего максимума через полное вытеснение всякого качественного определения.

Из этого видно, что упрощение строго следует нисходящему движению, что в современном языке, инспирированном картезианским «дуализмом», должно быть описано как идущее от «духа» к «материи»; сколь ни были бы неадекват-

ны эти оба термина, замещающие термины «сущность» и «субстанция», все-таки может быть бесполезно нам их здесь использовать для лучшего понимания. Действительно, самое необыкновенное, когда это упрощение стремится приложить к тому, что относится к самой «духовной» области или, по крайней мере, к тому, что еще способно как-то ее представлять, захватывая религиозные концепции так же, как и философские и научные; самый типичный пример этого — протестантизм, где это упрощение выражается одновременно и в почти полном устранении обрядов и в преобладании морали над учением, которое тоже все больше и больше упрощается и сокращается до того, что оно сводится почти на нет, к нескольким элементарным формулам, которые каждый может понимать по своему усмотрению; протестантизм в своих, впрочем, многообразных формах, является единственным религиозным продуктом современного духа, и хотя он еще не дошел до того, чтобы отбросить всякую религию, но однако он движется в этом направлении в силу антитрадиционных тенденций, присущих ему и даже, собственно говоря, его конституирующих. Доходя до предела этой «эволюции», как сказали бы сегодня, религия полностью заменяется «религиозностью», то есть смутной сентиментальностью без всякого реального значения; и это предпочитают рассматривать как «прогресс», что хорошо показывает, каким образом для современного мышления перевернуты все нормальные отношения, в чем хотят видеть «спиритуализацию» религии, как если бы «дух» был бы лишь пустым обрамлением или «идеалом» столь же туманным, сколь и незначимым; это то, что некоторые из наших современников называют также «очищенной религией», и она действительно такова настолько, что оказывается лишенной всякого положительного содержания и не имеет уже никакого отношения к какой-либо реальности!

Следует также отметить, что все так называемые «реформаторы» постоянно афишируют свое намерение вернуться к «первоначальной простоте», которая, несомненно, нигде, кроме их воображения, никогда не существовала; возможно, что это всего лишь достаточно удобное средство для того, чтобы скрыть истинный характер их нововведений, но довольно часто это может быть и иллюзией, чьей игрушкой они сами являются, так как очень трудно определить, до какой степени явные сторонники антитрадиционного

духа реально осознают роль, которую они играют, ту самую роль, которая вынуждает предполагать у них ложное мышление; сверх того, совершенно не ясно, каким образом претензия, о которой идет речь, может быть согласована с идеей «прогресса», деятелями которого они себя одновременно считают; одного этого противоречия достаточно, чтобы показать, что здесь поистине есть что-то ненормальное. Как бы то ни было, если бы мы даже придерживались идеи «первоначальной простоты», то вовсе не понятно, почему все должно начинаться от простого, чтобы потом усложниться; напротив, если представить себе, что зародыш какого-либо существа с необходимостью должен содержать в себе виртуально все то, чем это существо будет впоследствии, то есть все возможности, которые развернутся в ходе его существования, там уже заключены, то это заставляет думать, что начало каждой вещи должно быть на самом деле крайне сложным, и это как раз качественная сложность сущности; зародыш является маленьким только в отношении количества или субстанции, и преобразуя символически идею «величины», можно сказать, что, в соответствии с обратной аналогией, то, что самое маленькое по количеству, должно быть самым большим по качеству⁴¹. Сходным образом, любая традиция с самого начала содержит все учение полностью, включая в принципе тотальность развития и применений, которые могут впоследствии законосообразно последовать во времени, так же, как тотальность приложений, которым она может дать место во всех областях; поэтому чисто человеческое вмешательство может только ограничить и уменьшить ее, если не полностью ее исказить, и действительно, именно в этом и состоит реально работа всяких «реформаторов».

Особенно странно то, что «модернисты» всякого рода (здесь мы имеем в виду не только модернистов Запада, но и Востока, которые, впрочем, являются «западниками»), гордясь простотой учения в религиозной области, такого, как «прогресс», часто изъясняются таким образом, как если бы религия была создана для дураков или, по крайней мере, как если бы они предполагали, что те, к кому они обращаются, должны обязательно быть дураками; действительно ли они верят, утверждая, справедливо или нет, что учение просто, что тем самым они дадут человеку, сколь ни мало бы он был разумен, значительное основание его принять? По

сути, это проявление «демократической» идеи, по которой, как мы говорили выше, хотят науку сделать «доступной для всех»; и едва ли стоит отмечать, что эти же самые «модернисты» также всегда вследствие своей установки являются открытыми противниками всякого эзотеризма; само собою разумеется, что эзотеризм, который по определению адресуется только к элите, не должен быть простым, так что его отрицание предстает как бы первым неминуемым этапом всякой попытки упрощения. Что касается религии в собственном смысле слова или, более обобщенно, внешней части всякой традиции, то она, разумеется, должна быть такой, чтобы каждый мог в ней что-либо понять по мере своих способностей, и в этом смысле она адресуется ко всем; но это не означает, что она должна сводиться к тому минимуму, который самые невежественные (мы под этим не понимаем профанного образования, которое здесь не имеет никакого значения) или наименее разумные люди могут в ней постичь; как раз наоборот, в ней должно быть нечто, что было бы, так сказать, на уровне возможностей всех индивидов, каково бы ни были они воспитания, и как раз поэтому она может давать им «опору», соответствующую внутреннему аспекту, который во всякой неискаженной традиции является ее необходимым дополнением и который обнаруживает собственно порядок посвящения. Но «модернисты», отбрасывая именно эзотеризм и посвящения, тем самым отрицают, что религиозные учения содержат в себе какое-нибудь более глубокое значение; и таким образом, претендуя на «спиритуализацию» религии, они впадают, напротив, в самый узкий и самый грубый «буквализм», в котором дух полностью отсутствует, показывая, таким образом, поразительный пример того, что так часто оказывается справедливым, по словам Паскаля, что «тот, кто хочет казаться ангелом, оказывается зверем» <здесь игра слов: «faire la bete» — «валять дурака»>!

Мы, однако, еще не совсем покончили с «первоначальной простотой», потому что есть по крайней мере один смысл, в котором это выражение реально может применяться: а именно, когда речь идет о «хаосе», который некоторым образом действительно «первоначален», поскольку он также «вначале»; но там он не один, поскольку всякое проявление предполагает одновременно и коррелятивно необходимым образом и сущность и субстанцию, а «хаос»

представляет собою только субстанциальное основание. Если бы было так, как этого хотят сторонники «первоначальной простоты», то мы бы, конечно, не возражали против этого, потому что как раз к этой неразличимости стремится в конечном счете тенденция к упрощению, если бы она могла реализоваться до своих последних следствий; но следует еще отметить, что эта крайняя простота, будучи ниже уровня проявления, а не в нем, никоим образом не соответствует истинному «возвращению к началу». По этому поводу, чтобы разрешить кажущуюся антиномию, необходимо сделать четкое различие между двумя точками зрения, соотносящимися соответственно с двумя полюсами существования: если говорят, что мир был образован из «хаоса», то его рассматривают исключительно с субстанциальной точки зрения, и тогда это начало надо рассматривать как вневременное, так как очевидно, время не существует в «хаосе», а существует только в «космосе». Если же обратиться к порядку развертывания проявления, который в области телесного существования и определяющих его условий претворяется в порядок временной последовательности, то тогда надо двигаться не с этой стороны, но напротив, со стороны сущностного полюса, от которого проявление, согласно циклическим законам, постоянно удаляется, чтобы спуститься к субстанциальному полюсу. «Творение» как разложение «хаоса» в определенном смысле «мгновенно»; это, собственно, и есть библейское «Да будет Свет»; но в самом начале «космоса» находится поистине сам Первичный Свет, то есть «чистый дух», в котором заключены сущности всех вещей, начиная с которого проявленный мир может в действительности идти лишь все больше и больше ниспадая к «материальности».

НЕНАВИСТЬ К ТАЙНЕ

Нам необходимо остановиться более подробно на том, что мы лишь бегло рассмотрели в предшествующем тексте: на том, что можно было бы назвать тенденцией к «популяризации» (это еще одно из слов, особенно значимых для изображения современного состояния умов), то есть намерением все сделать «доступным всем», что мы уже обозначили как последствие «демократических» концепций и что в итоге сводится к желанию снизить уровень сознания до самого низкого интеллектуального уровня. Было бы легко показать многочисленные неудобства, которые в общем доставляет опрометчивое распространение обучения, которое желают распространить на всех одинаково, в одинаковых формах и одинаковыми методами, что может привести лишь к нивелировке на самом низшем уровне, как мы уже говорили: здесь, как и повсюду, качество приносится в жертву количеству. К тому же на самом деле профанное обучение, о котором идет речь, не представляет, в общем, никакого познания в подлинном смысле слова и не содержит в себе абсолютно ничего такого, что принадлежало бы к более глубокому порядку; но помимо его незначительности и неэффективности, особенно пагубным его делает то, что оно выдает себя за нечто такое, чем не является, что оно стремится отрицать все то, что его превосходит, и душит таким образом все возможности, относящиеся к более высокой сфере; может даже показаться, что оно специально создано для этого, так как современное «сведение к единообразию» необходимо предполагает ненависть ко всему высшему.

Самое удивительное, что некоторые полагают возможным в наше время представить традиционные учения, принимая в некотором роде их в качестве модели для профанного образования и не учитывая ни в малейшей степени ни самой природы этих учений, ни сущностных различий, которые есть между ними и всем тем, что сегодня обозначает-

ся именем «науки» и «философии» и от которых их отделяет настоящая пропасть; или они должны, поневоле действуя таким образом, полностью деформировать эти учения, упрощая их и оставляя в них только самый внешний смысл, или же их претензии совершенно не оправданы. Во всяком случае, здесь имеется вторжение современного духа в то, что ему радикальным образом противоположно по определению, и легко понять, сколь разлагающими могут быть последствия этого, даже без ведома тех, кто становится, часто с добрыми намерениями и без определенной цели, инструментом подобного проникновения; упадок религиозного учения на Западе и тотальная утрата соответствующего эзотеризма достаточно хорошо показывают, к чему можно прийти, если такой способ видения когда-нибудь распространится до самого Востока; в этом есть достаточно большая опасность, и хорошо было бы на нее указать, пока еще есть время.

Но самым невероятным является тот главный аргумент, который выдвигают эти «пропагандисты» нового типа, чтобы оправдать свои установки: один из них недавно писал, что некогда на распространение определенных познаний были наложены ограничения, но сегодня уже неуместно их учитывать (мы специально цитируем эту фразу текстуально, чтобы нельзя было нас заподозрить ни в каком преувеличении), так как «средний уровень культуры поднялся и умы оказались готовыми воспринять интегральное образование». Здесь также четко проявилась возможность смешения с профанным обучением, обозначаемая этим термином «культура», который стал одним из самых привычных его наименований; это нечто, не имеющее ни малейшего отношения ни к традиционному образованию, ни к готовности его получить; и сверх того, поскольку так называемое повышение «культурного уровня» в качестве своего неминусового дополнения имеет исчезновение интеллектуальной элиты, то можно сказать, что эта «культура» с точностью представляет противоположность подготовки к тому, о чем идет речь. Однако можно спросить себя, каким образом инду (так как мы цитируем именно индуса) может полностью игнорировать, в какой точке Кали-юги мы сейчас находимся, дойдя до утверждения, что «время пришло, когда система Веданты может быть полностью опубликована», в то время как малейшее знакомство с циклическими законами, на-

против, заставляет утверждать, что время сейчас менее благоприятно, чем когда бы то ни было; и если она никогда не была «доступной для большинства людей», для чего она, впрочем, никогда и не создавалась, то, конечно же, не сегодня она могла бы таковой стать, так как слишком очевидно, что для «большинства людей» никогда не была она еще столь тотально недоступной для понимания. В конце концов, истина состоит в том, что по той же самой причине все то, что представляет собою традиционное знание истинно глубокого порядка и тем самым соответствует тому, что должно заключать в себе «интегральное образование» (так как если это выражение действительно имеет смысл, то, собственно говоря, образование через посвящение тоже сюда должно включаться), делается все более и более труднодоступным, и так происходит повсюду; перед лицом распространения современного и профанного духа совершенно ясно, что иначе и быть не может; каким же образом можно не признавать реальность до такой степени, чтобы утверждать прямо противоположное и с таким спокойствием, как будто сообщается самая неопровержимая из истин?

В случае, который мы только что цитировали в качестве примера, типичного для «иллюстрации» определенного устроения, основания, выдвигаемые для объяснения особого интереса, который может сегодня представлять распространение ведантического образования, не менее экстраординарны: напоминают прежде всего о «развитии социальных идей и политических установлений»; но если это действительно «развитие» (во всяком случае, надо уточнить в каком смысле), то это нечто такое, что имеет отношение к пониманию метафизического учения не больше, чем к распространению профанного обучения; впрочем, достаточно посмотреть в любой стране Востока, насколько политические занятия там, где они внедрились, вредят познанию традиционных истин, чтобы понять, что более правильно было бы говорить о непонимании, по крайней мере, фактическом, чем о возможном согласии между этими двумя «развитиями». Мы на самом деле не видим, какую связь могла бы иметь «социальная жизнь» в чисто профанном смысле, который ей придают современные люди, к духовности, для которой она, наоборот, создает одни затруднения; напротив, эта связь была явной, когда социальная жизнь была интегрирована внутри традиционной цивили-

зации, но как раз современный дух разрушил эту связь или нацелен на ее разрушение там, где она еще существует; тогда чего же можно ожидать от «развития», самой характерной чертой которого является, собственно говоря, сопротивление всякой духовности?

Тот же автор приводит другую причину: «В то же время, для Веданты дело обстоит так же, как и для научных истин; сегодня больше не существует научной тайны; наука не колеблясь публикует самые новые открытия». Действительно, эта профанная наука создана только для «широкой публики», и с того времени, как она существует, в этом и состоит весь смысл ее существования; слишком очевидно, что она и реально есть не более того, чем она кажется, поскольку — мы не скажем, что из принципа, но скорее из-за отсутствия принципа — она придерживается исключительно поверхностности вещей; разумеется, в ней нет ничего такого, что было бы достойно оставаться в тайне, или, говоря точнее, что заслуживало бы внимания элиты, и кроме того, ей нечего с этим делать. Какое подобие стоило бы установить между так называемыми истинами и «недавними открытиями» профанной науки и положениями таких учений, как Веданта или всякого другого традиционного учения, пусть даже самого внешнего порядка? Это всегда одно и то же смешение, и позволено будет спросить, до какой степени некто, кто это осуществляет с таким упорством, может обладать пониманием учения, которое он хочет преподавать; между традиционным духом и современным реально нет никакого согласия, и всякая уступка в пользу второго делается за счет первого, потому что, по существу, современный дух есть лишь отрицание всего того, что собою представляет традиционный дух.

Истина состоит в том, что современный дух у всех тех, кто в какой-нибудь степени им заражен, предполагает подлинную ненависть к тайне и ко всему тому, что ее более или менее напоминает в любой области; мы воспользуемся случаем, чтобы четче пояснить этот вопрос. Строго говоря, даже нельзя утверждать, что «популяризация» учений была бы опасна, по крайней мере если речь идет об их теоретической стороне; она была бы, скорее, просто бесполезной, если бы она была все же возможной; но на самом деле истины определенного порядка даже по самой своей природе сопротивляются всякой «популяризации»: сколь бы ясно их ни пред-

ставляли (разумеется, при условии, что их представляют таковыми, каковыми они действительно являются, без всякого искажения), их понимают только те, кто по своему качеству готов их понять, а для других они как если бы и не существовали. Мы не говорим здесь о «реализации» и о ее собственных средствах, так как в этом отношении абсолютно нет ничего такого, что могло бы иметь действительную ценность, если это не находится внутри религиозной организации посвященных; но с теоретической точки зрения сдержанность может быть оправдана по соображениям простой уместности, то есть по чисто случайным основаниям, однако это вовсе не означает обязательно по основаниям, не заслуживающим внимания. По существу, подлинная тайна и к тому же единственная, которую никогда нельзя раскрыть никоим образом, состоит исключительно в ее невыразимости, которая тем самым и есть ее непередаваемость, но во всякой истине трансцендентного порядка необходимо имеется и выразимая часть; в этом, главным образом, и состоит реально глубокое значение тайны, посвящения; любая внешняя тайна может иметь только лишь ценность ее образа или символа, а также ценность «дисциплины», которая может быть бесполезной. Но, разумеется, как раз значение и смысл этого полностью ускользают от современного мышления и, по отношению к ним непонимание, естественно, порождает враждебность; к тому же обыватель всегда испытывает страх ко всему, чего он не понимает, и страх легко порождает ненависть, даже когда его стараются избежать с помощью простого и полного отрицания непонятной истины; впрочем, существуют отрицания, которые сами похожи на настоящие крики ярости, каковы, например, отрицания так называемых «свободных мыслителей» по отношению ко всему тому, что относится к религии.

Современное состояние сознания устроено так, что оно не может переносить никакой тайны и даже никакой осторожности; подобные вещи ему представляются — поскольку оно не знает их причин,— только «привилегиями», установленными в пользу кого-нибудь, и тем более оно не может переносить никакого превосходства; если же предпринимаются попытки объяснить ему, что эти так называемые «привилегии» в реальности имеют свое основание в самой природе человеческих существ, то это будет напрасно потерянное время, так как это как раз с упорством и отрицает его

«эгалитаризм». Оно гордится, впрочем совершенно напрасно, не только тем, что устранило с помощью своих исключительно «рациональных» науки и философии всякое «таинство» и стало «общедоступным»; но этот ужас перед «таинством» заходит так далеко во всех областях, что простирается даже до того, что принято называть «обыденной жизнью». Однако мир, в котором все стали «публикой», приобретает поистине чудовищный характер; мы говорим «приобретает», так как фактически, несмотря на все, мы еще окончательно не дошли до этого, и, возможно, что никогда полностью это не будет реализовано, так как здесь речь идет о «пределе»; но несомненно, что в настоящее время во всех направлениях стремятся достичь этого результата, и в этом отношении можно заметить, что многие явные противники «демократии», и результате, только лишь доводят последствия до конца, насколько это возможно, поскольку они тоже, по сути, проникнуты современным духом, как и те, кому они желают противостоять. Чтобы привести людей к полностью «публичной» жизни, не ограничиваются тем, что собирают их в «массы» по любому случаю и под любым предлогом; их помещают жить не просто в «ульи», как мы говорили раньше, но в «стеклянные ульи», к тому же расположенные таким образом, чтобы можно было в них питаться только «сообща»; люди, способные подчиниться такому существованию, поистине пали на «инфрачеловеческий» уровень, уровень, если угодно, насекомых, таких как пчелы и трутни; и в результате всеми средствами их стараются «выдрессировать» отличаться друг от друга не больше, чем представители этих видов животных или даже еще меньше.

Поскольку мы вовсе не намереваемся входить в детали некоторых «предвидений», которые, возможно, будут легко и даже слишком быстро превзойдены событиями, то мы больше не будем распространяться по этому поводу; нам достаточно указать на тенденцию — при том состоянии вещей, к которому они пришли в настоящее время,— по которой они не могут не следовать и далее, по крайней мере, в течение еще некоторого времени. Ненависть к тайне, по сути, есть не что иное, как одна из форм ненависти ко всему, что превосходит «средний» уровень, и к тому, что отменяет единообразие, которое хотят навязать всем; в самом современном мире, между тем, есть тайна, которая лучше сохраняется, чем всякая другая: это тайна невероятного на-

чинания по внушению, которое произвело и которое поддерживает современное состояние сознания, которое его конституировало и, можно было бы сказать, его «сфабриковало» таким образом, что оно может только отрицать существование и даже возможность этого, что, разумеется, есть лучшее средство, и средство поистине «дьявольской» ловкости для того, чтобы эта тайна никогда не могла быть раскрыта.

Глава XIII

ПОСТУЛАТЫ РАЦИОНАЛИЗМА

Мы только что сказали, что именем науки и философии, квалифицируемых как «рациональные», современные люди думают исключить всякое «таинство» из мира, как они его себе представляют, и можно было бы сказать, что чем ограниченнее концепция, тем скорее она рассматривается как строго «рациональная»; достаточно хорошо известно, что начиная с энциклопедистов 18 века, самые рьяные отрицатели всякой сверхчувственной реальности особенно любили упоминать разум по всякому поводу и называть себя «рационалистами». Какова бы ни была разница между обывательским «рационализмом» и собственно философским, в конце концов, это только разница в степени; и тот и другой очень хорошо соответствуют одним и тем же тенденциям, которые только лишь усиливаются, «популяризируясь» в ходе всего Нового времени. Мы уже так часто имели случай говорить о «рационализме» и определять его главные черты, что могли бы отослать по этому предмету к некоторым из наших предыдущих работ⁴²; однако, он так тесно связан с самой концепцией количественной науки, что мы не можем не сказать здесь еще несколько слов.

Итак, мы напомним, что рационализм, собственно говоря, восходит к Декарту, и следует отметить, что он таким образом оказывается с самого начала непосредственно связанным с идеей «механистической» физики; впрочем, протестантизм предуготовил ему путь, введя в религию вместе со «свободным исследованием» нечто вроде рационализма, хотя тогда самого слова не существовало, оно было введено, когда та же самая тенденция утвердилась более явно в области философии. Рационализм во всех своих формах, по существу, определяется через веру в главенство разума, объявляемое настоящей «догмой» и предполагающее отрицание всего того, что представляет собою сверхиндивидуальный порядок, а именно, чистую интеллектуальную интуицию,

что логически ведет к исключению истинного метафизического познания; то же самое отрицание имеет своим следствием в другой сфере отбрасывание всякого духовного авторитета, поскольку он необходимо исходит от «сверхчеловеческого»; рационализм и индивидуализм, таким образом, так тесно связаны, что фактически они чаще всего смешиваются, за исключением все-таки некоторых недавних теорий, которые, не будучи рационалистическими, являются, тем не менее, исключительно индивидуалистскими. Теперь мы можем отметить, насколько этот рационализм согласуется с современной тенденцией к упрощению: действуя, естественно, всегда через сведение вещей к их самым низшим элементам, оно прежде всего утверждается через устранение всей области сверхиндивидуального, ожидая, что потом ему удастся свести то, что осталось, то есть все то, что принадлежит индивидуальному порядку, к одной только чувственной или телесной модальности и, в конце концов, к простому агрегату количественных определений; легко видеть, каким образом все это строго связано друг с другом, составляя как бы необходимые этапы одной и той же «деградации» концепций, которые человек составляет о самом себе и о мире.

Существует еще один вид упрощения, присущий картезианскому рационализму и проявляющийся, прежде всего, в сведении всей в целом природы духа к «мышлению», а тела — к «протяженности»; последнее, впрочем, как мы уже видели, и есть основание «механистической» физики и, можно сказать, отправная точка для идеи абсолютно количественной науки⁴³. Но это не все, по отношению к «мышлению» осуществляется другое чрезмерное упрощение самим тем фактом, каким образом Декарт рассматривает разум, который он также называет «здравым смыслом» (если иметь в виду обыденное значение этого выражения, то это приводит на память понятие некоего особо посредственного уровня) и «наилучшим образом распределенной в мире вещью», что уже предполагает нечто вроде «эгалитарной» идеи и что, впрочем, слишком очевидно ошибочно; при этом он просто и непосредственно смешивает разум «в действии» и «разумность», поскольку эта последняя носит специфический характер человеческого бытия как такового⁴⁴. Разумеется, человеческая природа присутствует целиком в каждом индивиде, но она там проявляется весьма

различным образом, согласно собственным качествам, принадлежащим соответственно этим индивидам и в них соединяющихся этой особой природой, чтобы образовать единство их сущности; думать иначе значит думать, что человеческие индивиды во всем между собою подобны и различаются только нумерически (*solo numero*). Отсюда непосредственно следуют все те рассуждения о «единстве человеческого разума», о котором современные люди непрестанно вспоминают, ради объяснения самых разных вещей, многие из которых вовсе не относятся к «психологическому» порядку, как, например, тот факт, что одни и те же традиционные символы встречаются во все времена и во всех местах; кроме того, для них речь идет совсем не о «духе» на самом деле, а лишь о «ментальном», и здесь может быть лишь ложное единство, так как истинное единство не может принадлежать к индивидуальной сфере, которая одна только и существует для тех, кто об этом говорит, и вообще для всех тех, кто верит, что можно говорить о «человеческом духе», как если бы дух мог бы принимать специфический характер; во всяком случае, общность природы индивидов в виде может обладать проявлением только очень общего порядка, она совершенно неспособна учитывать сходство, имеющее, напротив, отношение к очень точным деталям; но как разъяснить этим современным людям, что фундаментальное единство всех традиций на самом деле объяснимо только тем, что в них есть «сверхчеловеческого»? С другой стороны и возвращаясь к тому, что есть действительно только человеческое, Локк, очевидно, вдохновившись картезианской концепцией, счел возможным заявить, что для того, чтобы знать, что некогда думали греки и римляне (потому что его горизонт не простирался дальше западной «классической» античности), следует всего лишь найти, что думают в наши дни англичане и французы, так как «человек всегда и повсюду одинаков»; нет ничего более ошибочного, и однако, психологи все время на этом настаивают, и в то время, как они воображают, что говорят о человеке вообще, большая часть из того, что они говорят, реально относится только к современному европейцу; не значит ли это, что то единообразие, которое стремятся навязать человеческим индивидам, как полагают, уже реализовано? Правда, по той же самой причине делаемых в этом направлении усилий, различия уменьшаются, и, таким образом, гипотеза психологов

сегодня является менее ошибочной, чем она была во времена Локка (разумеется, при условии, тем не менее, что старательно остерегаются соотносить это, как делал он, с прошлым); но несмотря ни на что, предел никогда не может быть достигнут, как это мы говорили выше, и пока этот мир длится, будут существовать неустранимые различия; и наконец, сверх этого, означает ли это действительно знание человеческой природы, когда принимают в качестве типа «идеал», который, строго говоря, может быть квалифицирован лишь как «инфрачеловеческое»?

После сказанного осталось еще объяснить, почему рационализм связан с идеей исключительно количественной науки или, лучше сказать, почему он из нее следует; и в этом отношении надо признать, что существует значительная часть истины в той критике, которую Бергсон адресовал тому, что он ошибочно именовал «интеллектом» и что на самом деле есть только разум и даже, точнее, некоторое употребление разума, основанное на картезианской концепции, так как именно из этой концепции в конце концов вышли все формы современного рационализма. В конце концов, надо заметить, что философы часто говорят гораздо более истинные вещи тогда, когда они выдвигают аргументы против других философов, чем когда они выдвигают свои собственные точки зрения; каждый, в основном, видит достаточно хорошо недостатки других, и таким образом они взаимно разрушают друг друга; так Бергсон, если очистить ошибки его терминологии, хорошо показывает ошибки рационализма (который есть, не отождествляя его с истинным «интеллектуализмом», напротив, его полное отрицание) и недостатки разума, но он не менее ошибается в свою очередь, когда, чтобы устранить последние, ищет в «инфрарациональном» вместо того, чтобы подняться в «ультрарациональное» (и поэтому его философия так же является индивидуалистической и так же полностью игнорирует сверхиндивидуальное, как и его противники). Таким образом, когда он упрекает разум, которому мы должны вернуть его подлинное имя, в том, что тот «искусственно рассекает реальное», то у нас нет никакой нужды принимать его идею «реального» пусть даже временно и гипотетически для того, чтобы лучше понять, что он хочет сказать на самом деле: явно речь идет о сведении всего к элементам, полагаемыми однородными и тождественными между собою, что есть не

что иное, как сведение к количественному, так как это единственная точка зрения, с которой такие элементы доступны пониманию; это «рассечение» весьма ясно напоминает усилия, делаемые ради введения прерывности, которая, собственно говоря, принадлежит только чистому или нумерическому количеству, то есть тенденции, о которой мы говорили выше, считать «научным» только то, что может быть «исчислено»⁴⁵. Когда говорят, что разум у себя дома только тогда, когда он применяется к чему-то «твердому», что это в некотором роде его собственная сфера, то кажется, что осознают тенденцию, которая неизбежно возникает, когда она, представленная самой себе, все «материализует» в обычном смысле слова, то есть рассматривает все вещи лишь в их самых грубых модальностях, потому что именно в них качество в наибольшей степени умалилось в пользу количества; однако кажется, что имеют в виду лишь окончание этой тенденции, а не отправную точку, что могло бы вызвать обвинения в некотором преувеличении, так как очевидно, что в этой «материализации» есть определенные степени; но если соотносятся с настоящим состоянием научных концепций (или, как мы увидим позже, скорее с состоянием уже теперь несколько пройденным), то, конечно же, они близки, насколько это возможно, к последней и самой низкой степени, а именно, к «твердости»; разумеется, эта тенденция достигла своего максимума, и само это уже есть особенно характерный знак периода, к которому мы пришли. Разумеется, мы не считаем, что Бергсон сам понимал все это так же ясно, как это следует при «переводе» с его языка, что кажется весьма вероятным, учитывая множество смещений, совершаемых им постоянно; но не менее верно, что в действительности эти воззрения, были ему внушены тем, что представляет собою современная наука и что на этом основании свидетельством человека, который сам бесспорно является представителем современного духа, не стоит пренебрегать; что касается его собственных теорий, то мы их значение рассмотрим в другой части нашего исследования, все, что мы можем сказать в настоящий момент — это то, что они соответствуют в ином аспекте и другому этапу, в некотором роде, того же отклонения, ансамбль которого и составляет в собственном смысле современный мир.

Резюмируя предшествующее, мы можем сказать еще следующее: рационализм, будучи отрицанием всякого выс-

шего по отношению к разуму принципа, влечет за собой в качестве «практического» следствия исключительное использование этого самого ослепленного разума, если можно так сказать, ослепленного тем, что он изолирован от чистого и трансцендентного интеллекта, свет которого законным и нормальным образом он может лишь отражать в индивидуальной области. С того момента, как он утратил всякую действенную связь со сверхиндивидуальным интеллектом, разум может стремиться только к низу, то есть к низшему полюсу существования и погружаться все более и более в «материальность»; в такой же степени он мало-помалу утрачивает и саму идею истины и доходит до того, что стремится лишь к наибольшему удобству для своего ограниченного понимания, в чем он, однако, находит непосредственное удовлетворение вследствие самой своей тенденции к снижению, поскольку она ведет его в направлении упрощения и сведения всех вещей к единообразию; он тем легче и скорее подчиняется этой тенденции, что ее результаты согласуются с его желаниями, и этот все более быстрый спуск может в конце концов привести лишь к тому, что мы называли «царством количества».

МЕХАНИЦИЗМ И МАТЕРИАЛИЗМ

В порядке, именуемом «научным», первым продуктом рационализма был картезианский механицизм; материализм должен был появиться позже, потому что, как мы это пояснили в другом месте, слово и сам предмет датируются собственно лишь 18 веком; впрочем, каковы бы ни были намерения самого Декарта (действительно, можно было из его идей, доведя их до логического конца, извлечь теории, сильно противоречащие друг другу), тем не менее между одними и другими есть прямая преемственность. В этом отношении небесполезно напомнить, что если и можно квалифицировать древние атомистические концепции как механистические, как, например, концепция Демокрита и особенно Эпикура, которые в античности, несомненно, были единственными «предшественниками», на кого современные ученые могут с некоторым основанием ссылаться, то ошибочно было бы их рассматривать как первую форму материализма, так как он прежде всего предполагает понятие «материи» современных физиков, понятие, которое в ту эпоху еще не родилось. Истина состоит в том, что материализм представляет собою просто одну из двух половин картезианского дуализма, как раз ту, к которой ее автор прилагал механистическую концепцию; с этого момента достаточно было пренебречь или отрицать другую половину или же, что приводит к тому же самому, претендовать на сведение к ней всей в целом реальности, чтобы естественным образом прийти к материализму.

Лейбниц очень хорошо показал недостаточность механицистской физики Декарта и его учеников, которая по самой своей природе может учитывать лишь внешнюю видимость вещей и неспособна объяснить то, что было бы их истинной сущностью; таким образом, можно сказать, механицизм обладает лишь исключительно «репрезентативной», а вовсе не объяснительной ценностью; и, по существу, не так ли обстоя-

ит дело и для всей современной науки? Так обстоит дело даже в таком простом случае, каким является движение, обычно рассматриваемое как подлежащее исключительно механистическому объяснению; но это объяснение, говорит Лейбниц, имеет смысл лишь тогда, когда в движении ничего, кроме изменения взаимного расположения тел, не рассматривают, и тогда, если меняется расположение двух тел относительно друг друга, то безразлично, движется ли одно тело по отношению к другому или второе по отношению к первому, так как здесь есть совершенная взаимность; но все происходит иначе, как только принимают во внимание причину движения, и когда эта причина находится в одном из тел, то одно только это тело будет называться двигателем, тогда как другое будет выступать в этом изменении в чисто пассивной роли; но именно это полностью ускользает от механистического и количественного рассмотрения. Механицизм, следовательно, ограничивается простым описанием движения, как оно представлено в своих внешних явлениях, и он не способен схватить его причину, следовательно, выразить тот сущностный или качественный аспект движения, который один только позволяет дать реальное объяснение; и с еще большим основанием можно это сказать о всякой другой вещи, характер которой более сложен или в которой качество преобладает над количеством в большей степени; следовательно, конституированная таким образом наука не может на самом деле обладать никакой ценностью эффективного познания даже в том, что касается относительной и ограниченной области, в которой она заключена.

Тем не менее Декарт хотел приложить столь явно недостаточную концепцию ко всем феноменам телесного мира, сводя природу тел в целом к протяженности, которую он к тому же рассматривал с чисто количественной точки зрения; и уже как самые недавние механицисты и материалисты, он в этом отношении не делал никакого различия между телами, называемыми «неорганическими», и живыми существами. Мы говорим «живые существа», а не только «организованные тела», потому что само существо здесь оказывается сведенным действительно к телу на основании слишком хорошо известной картезианской теории «животных-машин», которая, конечно, представляет собою одну из самых удивительных нелепостей, когда либо порожден-

ных системным духом; и только при рассмотрении человеческого существа Декарт в своей физике считает себя обязанным уточнить, что он собирается говорить лишь о «человеческом теле»; чего стоит на самом деле это ограничение, принимающее, согласно гипотезе, что все то, что в этом теле происходит, будет в точности таким же, как если бы «дух» отсутствовал? Действительно, человеческое существо в виду своего дуализма оказывается как бы рассеченным на две части, которые больше не достигают соединения и не могут образовать реальный состав, потому что будучи абсолютно гетерогенными, они не могут никакими средствами вступить в общение, так что всякое действительное воздействие одного на другое тем самым становится невозможным. Сверх того, предполагается механическим образом объяснить все феномены, наличные у животных, включая проявления, которые самым очевидным образом обладают психическим характером; можно спросить, таким образом, почему не так же дело обстоит у человека и не позволительно ли пренебречь второй стороной дуализма, как не способствующей ничему при объяснении мира? От рассмотрения ее как несуществующей не так уж далеко до чистого и простого отрицания, в особенности для людей, все внимание которых постоянно обращено к чувственной области, как это происходит в случае современных западных людей; и таким образом, механистическая физика Декарта неизбежно должна готовить путь материализму.

Редукция к количественному была уже теоретически совершена для всего того, что принадлежит к телесному порядку, в том смысле, что сама структура картезианской физики предполагает возможность такой редукции; ничего больше не оставалось, как только распространить эту концепцию на всю реальность так, как ее понимали, реальность, которая, в силу постулатов рационализма, оказывалась, ко всему прочему, ограниченной одной только областью индивидуального существования. Исходя из дуализма, эта редукция должна была необходимым образом предстать как редукция «духа» к «материи», заключающаяся в том, чтобы исключительно в последней полагать все то, что Декарт полагал в обоих этих понятиях, для того чтобы иметь возможность все одинаково свести к количеству; и отправив, в некотором роде, «за облака» существенный аспект вещей, полностью его устранили, чтобы рассматривать

и предполагать в них только субстанциальный аспект, потому что именно этим двум аспектам соответствуют «дух» и «материя», хотя по правде говоря, они представляют их образ сильно ослабленным и деформированным. Декарт ввел в количественную сферу половину мира так, как он ее понимал, и даже без сомнения половину наиболее важную в его глазах, так как в глубине своей души, какова бы ни была видимость, он хотел быть прежде всего физиком; материализм, в свою очередь, претендовал на то, чтобы ввести туда весь мир целиком; оставалось тогда действительно совершить эту редукцию посредством теорий, все лучше и лучше приспособленных к этой цели, и именно над этой задачей трудится вся современная наука, даже когда она не объявляет себя открыто материалистической.

Кроме эксплицитного и формального материализма на деле существует еще то, что можно было бы назвать фактическим материализмом, влияние которого простирается гораздо дальше, так как множество людей, которые вовсе не считают себя материалистами, практически, однако, ведут себя как таковые во всех обстоятельствах; между этими двумя материализмами существует отношение, сходное с отношением между философским и повседневным рационализмом, как мы говорили об этом выше, за тем исключением, что простой фактический материалист не признает за собой, в основном, этого качества и часто будет даже протестовать, если его к нему приложат, тогда как обыденный рационалист, пусть даже самый невежественный во всякой философии, будет, напротив, стараться объявить себя таковым, одновременно гордо и иронически украшая себя, скорее всего, титулом «свободный мыслитель», в то время как в реальности он только лишь раб всех распространенных предрассудков своей эпохи. Как бы то ни было, как повседневный рационализм есть продукт диффузии философского рационализма в «широкую публику» со всем тем, что неизбежно заключает в себе его «доступность для всех», так же точно и материализм в собственном смысле слова есть отправная точка фактического материализма в том смысле, что он делает возможным это общее состояние духа и действительно вносит свой вклад в его формирование; но, развитие одних и тех же тенденций, которые образуют само основание современного духа. Само собою разумеется, что

ученый, в современном смысле этого слова, даже если он не разделяет материалистического убеждения, тем сильнее будет под его влиянием, что все его образование направляет его по этому пути; и даже если этот ученый, как это иногда бывает, считает себя не чуждым «религиозного духа», то он все равно найдет средство столь полно разделить свою религию и свою научную деятельность, что его работа не будет отличаться ничем от работы самого отъявленного материалиста, и он таким образом сыграет свою роль так же хорошо, как и тот, в «прогрессивном» построении науки, исключительно количественной и самой грубо материалистической, какую только можно себе вообразить; и, таким образом, антитрадиционное действие ставит себе на службу даже тех, кто должен быть, напротив, по логике вещей его противниками, поскольку отклонение современного менталитета произвело таких существ, которые полны противоречий и даже не способны заметить этого. К тому же тенденция к единообразию обретает свою реализацию, поскольку все люди практически начинают думать и действовать одинаковым образом, и все, в чем они еще различались несмотря ни на что, обладает минимумом действительного воздействия и вовне не выражается ни в чем реальном; в таком мире, за редким исключением, человек, объявляющий себя христианином, не преминет вести себя фактически как если бы не было никакой иной реальности, кроме одного телесного существования, и «занимающийся наукой» священник почти ничем не отличается от университетского материалиста; если все обстоит так, то могут ли вещи пойти еще гораздо дальше, прежде чем самая низшая точка «спуска» будет достигнута?

ИЛЛЮЗИЯ ОБЫЧНОЙ ЖИЗНИ

Материалистическая установка, идет ли речь об эксплицитном и формальном или же о простом «практическом» материализме, необходимым образом привносит во всю «психофизиологическую» организацию человеческого существа реальное и очень важное изменение; это легко понять, и действительно, достаточно посмотреть вокруг себя, чтобы констатировать, что современный человек стал поистине непроницаемым для любого иного влияния, кроме того, которое подлежит действию его органов чувств; не только его способности понимания становятся все более и более ограниченными, но и само поле его восприятия тоже сузилось. Отсюда следует своего рода усиление профанной точки зрения: поскольку эта точка зрения родилась поначалу от недостатка понимания, следовательно, от ограничения человеческих способностей, постольку то же самое ограничение, усиливаясь и расширяясь на все области, кажется, впоследствии ее же и оправдывает, по крайней мере в глазах тех, кто ею затронут; действительно, какое же еще может быть у них основание принимать существование того, что они не могут больше реально ни постичь, ни воспринять, то есть всего того, что могло бы показать им недостаточность или ложность самой профанной точки зрения?

Отсюда происходит идея того, что обычно обозначают как «обычную жизнь» или «обыденную жизнь»; действительно, под этим понимают прежде всего что-то такое, в чем, при исключении всего ритуального, священного или символического (рассматриваемого специально в религиозном смысле или следуя совершенно другой, традиционной модальности, здесь это не важно, потому что во всех этих случаях речь идет одинаково об эффективном действии «духовных влияний»), никоим образом не может быть ничего, что не было бы чисто человеческим; и кроме того, сами эти обозначения предполагают, что все то, что эту концепцию

превосходит, даже если и не отрицает ее специально, по меньшей мере отодвигает это в область «экстраординарного», рассматриваемого как исключительное, странное и непривычное; здесь, следовательно, имеется переворачивание, собственно говоря, нормального порядка, как он интегрально представлен традиционными цивилизациями, где профанной точки зрения никоим образом не существует, и это переворачивание логически может лишь привести к игнорированию или полному отрицанию «ультрачеловеческого». Некоторые также доходят до того, что в том же смысле используют выражение «реальная жизнь», что представляет собою, по сути, особо странную иронию, так как истина заключается в том, что то, что они так называют, напротив, есть чистая иллюзия; мы не хотим этим сказать, что вещи, о которых идет речь, сами по себе лишены всякой реальности, хотя эта реальность, представляющая собою, в общем, реальность чувственного порядка, находится на самой низкой ступени из всех и ниже ее больше нет ничего, кроме того, что, собственно говоря, подлежит всякому совершенному существованию; но способ их рассмотрения совершенно ошибочен, и тот, кто их отделяет от всякого высшего принципа, как раз и отрицает то, что составляет всю их реальность; вот почему, строго говоря, не существует профанной сферы, а существует только лишь профанная точка зрения, которая все время расширяется все больше и больше вплоть до того, что в конце концов захватывает все человеческое существование полностью.

При этом хорошо видно, каким образом в этой концепции «обычной жизни» происходит почти незаметно от одной стадии к другой прогрессивно нарастающее вырождение: начинают с допущения, что какие-то вещи выведены из-под традиционного влияния, затем эти вещи начинают рассматривать как нормальные; отсюда слишком легко перейти к их рассмотрению как единственно «реальных», что приводит к отбрасыванию как «ирреального» всякого «ультрачеловеческого» и даже, раз область человеческого понимается все более и более ограниченно, вплоть до сведения ее к одной лишь телесной модальности, всего того, что относится просто к сверхчувственному порядку. Следует только обратить внимание, каким образом наши современники постоянно используют, даже не замечая этого, слово «реальный» в качестве синонима «чувственному», чтобы по-

нять, что они действительно придерживаются этой самой точки зрения и что этот способ видения настолько внедрился в саму их природу, если так можно сказать, что стал для них как бы инстинктивным. Современная философия, которая в целом есть лишь «систематизированное» выражение общего умонастроения, прежде чем реагировать на него в какой-нибудь степени, следовала ему параллельно: началось это с картезианского восхваления «здорового смысла», о чем мы говорили выше, который в этом отношении очень характерен, так как «обычная жизнь» есть, конечно, область исключительно так называемого «здорового смысла», или «здоровомыслия», столь же и тем же самым образом ограниченного, как и она; позже от рационализма, который по сути есть лишь один из специальных философских аспектов «гуманизма», то есть сведения всех вещей исключительно к человеческой точке зрения, мало-помалу приходят к материализму или к позитивизму: отрицают ли специально, как это делает первый, все, что существует по ту сторону чувственного мира, или же ограничиваются, как второй (который на этом основании любит называть себя «агностицизмом»), делая себе, таким образом, почетное звание из того, что на самом деле есть признание неисцелимого невежества), отказом заниматься этим, объявляя его «недоступным» или «непознаваемым», результат фактически будет один и тот же в обоих случаях, и он будет именно таким, каким мы его описали.

Мы еще раз здесь отметим, что в большинстве случаев речь идет, естественно, лишь о том, что можно назвать материализмом или «практическим» позитивизмом независимо от всякой философской теории, которая есть и всегда будет чем-то совершенно чуждым для большинства; но это даже еще хуже, не только потому, что такое состояние духа получает тем самым несравнимо более широкое распространение, но также и потому, что оно тем более неисцелимо, чем более оно не осмысленно и чем менее ясно оно осознается, так как это свидетельствует о том, что оно поистине пронизывает и как бы пропитывает всю природу индивида. То, что мы уже сказали о фактическом материализме и том способе, каким к нему приспособляются люди, считающие себя, тем не менее, «религиозными», достаточно ясно это показывает; и в то же время из этого примера ясно, что философия в собственном смысле слова не имеет

всего того значения, которое некоторые хотели бы ей приписать, или же что она имеет его, если рассматривать ее скорее как «представляющую» некоторое умонастроение, чем как действующую в действительности и направляющую его; наконец, может ли какая-нибудь философская концепция иметь хотя бы малейший успех, если она не отвечает какой-нибудь из господствующих тенденций эпохи, в которой она была сформулирована? Мы не хотим этим сказать, что философы наравне с другими людьми не играют своей роли в современном отклонении, это, конечно, было бы преувеличением, но только то, что эта роль гораздо более ограничена, чем это представляется с первого взгляда, и что она сильно отличается от того, чем кажется извне; впрочем, в самом общем смысле, то, что представляется самым явным, есть всегда, согласно тем самым законам, которые управляют проявлением, скорее следствие, чем причина, скорее завершение, чем отправная точка⁴⁶; во всяком случае, никогда здесь не следует искать того, что поистине эффективно действует в более глубоком порядке, идет ли речь о действии, осуществляемом в нормальном и законном направлении или же как раз в противоположном, как в случае, о котором мы сейчас говорили.

Механицизм и материализм сами смогли приобрести всеобщее влияние лишь перейдя из философской области в научную; то, что относится к последней или облекается — справедливо или нет — этим «научным» характером, действительно оказывает по различным причинам несомненно гораздо большее, чем философские теории, воздействие на общее состояние умов, в котором всегда более или менее явно присутствует вера в истину «науки», гипотетический характер которой неизбежно от него ускользает, в то время как все то, что считается «философией», оставляет его более или менее индифферентным; немаловажно при этом существование в одном случае практических и полезных приложений и их отсутствие в другом. Это еще раз приводит нас к идее «обычной жизни», к которой примешивается достаточно большая доза «прагматизма»; то, что мы сейчас говорим, совершенно, разумеется, не независимо от того факта, что некоторые из наших современников пожелали воздвигнуть «прагматизм» в философскую систему, что оказалось возможным лишь потому, что утилитарный образ мысли вообще присущ современному и в целой профанному мента-

литету, а также потому, что в настоящем состоянии интеллектуального вырождения дошли до полной потери из поля внимания самого понятия истины, так что понятия полезности или удобства окончательно и целиком его заменили. Как бы то ни было, но с тех пор, как было общепризнано, что «реальность» состоит исключительно в том, что подпадает под восприятие органами чувств, стало совершенно естественным полагать, что ценность, приписываемая какой-либо вещи, в некотором роде измеряется ее способностью воздействия на чувственный порядок; очевидно, что «наука», рассматриваемая по-современному как, по существу, действующая заодно с промышленностью, если не смешиваемая с нею более или менее полностью, должна в этом отношении занимать первое место и что тем самым она оказывается насколько возможно более тесно смешанной с той самой «обычной жизнью», одним из главных факторов которой она таким образом становится; косвенно, гипотезы, на которых она стремится основываться, сколь произвольными или ошибочными они бы ни были, сами способствуют этой привилегированной позиции в глазах толпы. Само собою разумеется, что на самом деле практические приложения никак не зависят от истины этих гипотез, и даже можно спросить, что стало бы с такой наукой, столь ничтожной, как только познание, если бы от нее отделить те приложения, которым она дает место; но в настоящем ее состоянии фактом является то, что эта наука «преуспевает», а для инстинктивно утилитарного духа современной публики «преуспевание» или «успех» стал как бы одним из «критериев истины», если еще можно говорить здесь об истине в каком бы то ни было смысле.

Впрочем, не важно, о какой точке зрения идет речь, о философской, научной или просто «практической»: очевидно, что все это представляет собою только лишь различные аспекты одной и той же тенденции и что эта тенденция, как и все другие, конституирующие на том же основании современный дух, конечно, не могла развиваться спонтанно; мы уже имели раньше случай объяснить это, но на этом никогда слишком долго не останавливались, и у нас еще будет возможность впоследствии вернуться к тому, чтобы уточнить, какое место занимает материализм посреди того «плана», согласно которому осуществляется отклонение современного мира. Разумеется, сами материалисты в большей

степени, чем кто бы то ни было, совершенно не способны отдать себе отчет и даже осознать возможность этого, ослепленные своими предвзятыми идеями, которые закрывают им любой выход из этой узкой области, в которой они привыкли двигаться; и без сомнения, они были бы очень удивлены, если бы узнали, что существовали и даже еще существуют люди, для которых то, что они называют «обычной жизнью», есть нечто самое экстраординарное из всего, что только можно себе вообразить, потому что она ничему из того, что реально происходит в их существовании, не соответствует. Однако это так, и более того, эти люди должны считаться подлинно «нормальными», тогда как материалисты ее всем их хваленым «здравым смыслом» и «прогрессом», по отношению к которым они с гордостью рассматривают себя как наиболее законченные продукты и как наиболее «продвинутые» представители, на самом же деле являются лишь существами, в которых некоторые способности до такой степени атрофировались, что почти полностью исчезли. Ведь только при этом условии чувственный мир может казаться «замкнутой системой», внутри которой они чувствуют себя в совершенной безопасности; нам осталось посмотреть, каким образом эта иллюзия может, в определенном смысле и определенной мере, быть «реализована» фактически самим материализмом; но мы увидим далее также, что, несмотря на это, она представляет собою крайне нестабильное состояние и каким образом в точке сегодняшнего состояния эта безопасность «обычной жизни», на которой покоилась до сих пор вся внешняя организация современного мира, сильно рискует быть поколебленной неожиданными взаимодействиями.

ВЫРОЖДЕНИЕ ДЕНЕГ

Дойдя до этой точки нашего исследования, нам следует немного отклониться, по крайней мере, по видимости, чтобы дать, очень суммарно, несколько указаний по вопросу, относящемуся, как кажется, к факту очень частного рода, но представляющему собою яркий пример результатов концепции «обычной жизни» и одновременно замечательную «иллюстрацию» способа, которым она связана с исключительно количественной точкой зрения и который этой стороной особенно тесно связан с нашим предметом. Вопрос, о котором идет речь, касается денег, и, конечно, если придерживаться просто «экономической» точки зрения, как ее понимают сегодня, то кажется, что они суть нечто такое, что полностью, насколько это возможно, принадлежит «царству количества»; именно эту роль они играют, по преимуществу, в современном обществе, о которой слишком хорошо знают и на которой, очевидно, излишне было бы останавливаться; но истина состоит в том, что сама «экономическая» точка зрения и исключительно количественная концепция денег, присущая ей, есть продукт вырождения, в общем, достаточно недавний, и что деньги в своем истоке обладали совершенно отличным характером и долго его сохраняли, и собственно качественной ценностью, как это ни показалось бы удивительным большинству наших современников.

Есть одно замечание, которое легко понять для тех, кто «имеет глаза, чтобы видеть»: древние монеты были буквально все покрыты традиционными символами, выбиравшимися из тех, которые представляли особенно глубокий смысл; именно это можно отметить у кельтов, у которых символы, изображенные на монетах, могут быть объяснены лишь при соотнесении их с теоретическими познаниями, свойственными друидам, что впрочем, предполагает прямое воздействие последних на эту область; и разумеется, то,

что верно в этом отношении для кельтов, также верно и для других народов древности, принимая во внимание, естественно, собственные качества их традиционной организации соответственно. Это в точности согласуется с отсутствием профанной точки зрения в строго традиционных цивилизациях: деньги, там, где они существовали, не могли быть профанной вещью, какой они стали позже; если бы они были таковыми, то как можно было бы объяснить вмешательство сюда духовного авторитета, который, очевидно, не должен относиться к «профанному», и как можно было бы понять, что различные традиции говорят о деньгах как о чем-то, что на самом деле нагружено неким «духовным влиянием», которое эффективно может осуществляться посредством символов, образующих нормальную их «опору»? Добавим, что до самого последнего времени еще можно было найти следы этого понятия в девизах, носящие религиозный характер, которые, конечно, уже больше не имели собственно символической ценности, но были по меньшей мере как бы напоминанием о традиционной идее, более или менее непонятной отныне; после того, как в некоторых странах они были отодвинуты на «край» монет, на их «ребро», эти девизы сами в конце концов полностью исчезли, и действительно, не было никакой причины им оставаться с того времени, как деньги перестали представлять собою что-либо иное, кроме знаков исключительно «материального» и количественного порядка.

Факт контроля со стороны духовной власти над деньгами, в какой бы форме он ни осуществлялся, не ограничивался исключительно только античностью, есть признаки, показывающие, что контроль существовал еще в конце средних веков, то есть пока там была еще традиционная цивилизация. Иначе никак нельзя, действительно, объяснить того, что некоторые правители этой эпохи обвинялись в том, что они «поддельвали монеты»; если их современники считали это преступлением, то отсюда следует заключить, что у них не было свободного права чеканить монеты и что, меняя их по своей собственной инициативе, они превышали права, признаваемые за светской властью⁴⁷. В любом другом случае такое обвинение, очевидно, было бы лишено смысла; проба монеты тогда имела бы совершенно конвенциональное значение, и вообще, было бы не важно, если бы монету чеканили из любого металла или даже заменя-

ли простой бумагой, как это делают по большей части в наши дни, так как это не мешало бы продолжать придавать ей точно то же самое «материальное» использование. Следовательно, должно было существовать нечто, относящееся к иному порядку, мы можем сказать, к высшему порядку, потому что только в этом случае это изменение могло приобрести характер столь исключительной тяжести, доходящей до того, что она могла пошатнуть стабильность самой королевской власти, потому что действуя таким образом, последняя узурпировала прерогативы духовной власти, которая, по определению, является единственным подлинным источником всякой законности; таким образом, эти факты, почти не понятные, по-видимому, профанным историкам, дают еще одно четкое указание на то, что вопрос о деньгах в средние века, как и в античности, имел стороны, совершенно не учитываемые современными людьми.

Таким образом, здесь произошло то, что обычно происходит в том или ином виде со всеми вещами, играющими какую-нибудь роль в человеческом существовании: эти вещи мало-помалу лишаются своего «священного» или традиционного характера, и таким образом само это существование во всем ансамбле становится совершенно профанным и оказывается, в конце концов, сведенным к низменной посредственности «обычной жизни», какой она представляется сегодня. В то же время пример денег хорошо показывает, что эта «профанация», если можно использовать подобный неологизм, принципиально совершается через сведение вещей к одному лишь их количественному аспекту; действительно, закончили тем, что больше не способны даже понять, что монета есть что-то другое, чем представление простого и чистого количества; но если этот случай особенно ясен, потому что он в некотором роде доведен до предела, то это, конечно, далеко не единственный случай, когда такая редукция вносит свой вклад в ограничение существования узким горизонтом профанной точки зрения. Все то, что мы говорили об исключительно количественном характере современной промышленности и того, что с ней соотносится, позволяет это достаточно хорошо понять: постоянно окружая человека продуктами этой промышленности и не позволяя ему видеть что-либо еще (за исключением, как, например, в музеях, в виде простых «достопримечательностей», не имеющих никакого отношения к «реальным»

обстоятельствам его жизни, ни, следовательно, никакого действительного влияния на нее), поистине принуждают его закрываться в узком круге «обычной жизни» без выхода, как в тюрьме. В традиционной цивилизации, напротив, каждый объект, одновременно с тем, что он был насколько возможно совершенным образом приспособлен к тому использованию, к которому он был непосредственно предназначен, создан таким образом, что каждое мгновение мог и фактически при его реальном использовании служил (вместо того, чтобы считаться как бы мертвой вещью, как это делают современные люди по отношению ко всему тому, что они рассматривают как «произведение искусства») «опорой» для медитации, связывающей индивида с чем-то другим, помимо простой телесной модальности, помогая, таким образом, каждому подняться к более высокому состоянию согласно мере его способностей⁴⁸; какая бездна между этими двумя концепциями человеческого существования!

Это качественное вырождение всех вещей, кроме того, тесно связано с вырождением денег, что видно из того факта, что уже дошли до того, что вещь обычно «уважают» за ее цену, понимаемую только как «число», «сумма прописью» или нумерическое денежное количество; действительно, у большинства наших современников всякое суждение, выносимое относительно какой-либо вещи, основывается почти всегда на том, что она стоит. Мы выделили слово «уважать» на основании того, что в нем есть двойной смысл, качественный и количественный; сегодня первый потерял из вида или, что приводит к тому же самому, сводится ко второму, и таким образом не только вещь «уважают» за ее цену, но также и человека «уважают» за его цену⁴⁹. То же самое, совершенно естественно, произошло и со словом «ценность», заметим по ходу дела, что на ней основывается любопытное заблуждение некоторых недавних философов, которые додумались даже до изобретения выражения «философия ценностей», чтобы охарактеризовать свои теории; в основании их мысли лежит идея, что все вещи, к какому бы порядку они ни относились, могут быть поняты количественно и выражены нумерически; «морализм», составляющий, с другой стороны, их доминирующее занятие, прямо оказывается связанным с количественной точкой зрения⁵⁰. Эти примеры также показывают, что существует поистине

вырождение языка, сопровождающее или неизбежно следующее за вырождением всех вещей; действительно, в мире, в котором стараются свести все к количеству, очевидно, надо пользоваться языком, который и сам вызывает идеи чисто количественные.

Возвращаясь более конкретно к вопросу денег, мы должны добавить, что здесь возникает явление, достойное внимания: с тех пор, как деньги потеряли всякую гарантию высшего порядка, сама их количественная ценность, или, что на жаргоне «экономистов» называется «покупательной способностью», без конца уменьшается настолько, что можно себе представить, что на пределе, к которому она все больше и больше приближается, они утратят всякое, даже просто «практическое» или «материальное», основание своего бытия и исчезнут, как и само человеческое существование. Следует признать здесь странный поворот хода вещей, который без труда становится понятным из того, что мы только что сказали: чистое количество, собственно, находясь под всяким существованием, может, когда редукцию доводят до предела, как в случае с деньгами (наиболее поразительный случай, потому что здесь уже почти дошли до предела), привести только к настоящему растворению. Это показывает, как мы уже говорили выше, что безопасность «обычной жизни» на самом деле есть нечто весьма непрочное, и далее мы увидим также, что она такова и во многих других отношениях; но вывод, который отсюда следует, будет, в конечном счете всегда тот же самый: реальным завершением тенденции, которая влечет людей и вещи к чистому количеству, может быть только окончательное растворение актуального мира.

Глава XVII

ОТВЕРДЕНИЕ МИРА

Теперь вернемся к объяснению того способа, которым действительно реализуется в современную эпоху мир, соответствующий, насколько это возможно, материалистической концепции; чтобы понять это, надо вспомнить, как мы уже много раз говорили, что человеческий и космический порядки в реальности вовсе не отделены, как это слишком легко представляют в наши дни, но что они, напротив, тесно связаны таким образом, что каждый из них постоянно реагирует на другой и что всегда есть соответствие между их взаимными состояниями. Это положение, по существу, заключается во всех учениях о циклах, и без него традиционные данные, относящиеся к нему, почти полностью оказываются непостижимыми; связь, которая существует между некоторыми критическими фазами человеческой истории и некоторыми катаклизмами, происходящими согласно определенным астрономическим периодам, является, может быть, самым поразительным тому примером, но само собою разумеется, что это только лишь предельный случай соответствий, которые существуют постоянно в реальности, хотя они, несомненно, и менее явны, поскольку вещи меняются постепенно и почти незаметно.

Поскольку это так, что совершенно естественно, то в ходе циклического развития космическое проявление в целом и человеческая ментальность, которая, впрочем, включена необходимым образом в него, следуют одновременно одному и тому же нисходящему движению, в направлении, которое мы уже назвали и которое является постепенным удалением от принципа, следовательно, от изначальной духовности, которая присуща сущностному полюсу проявления. Следовательно, это движение может быть описано, применяя здесь понятия обыденного языка, которые четко выделяют соответствие, рассматриваемое нами как нечто вроде прогрессирующей «материализации» самой космической

среды, и только когда эта «материализация» достигла определенной степени, уже очень сильно выявленной, может, соответственно, у человека появиться материалистическая концепция, так же, как и общая установка, практически ей соответствующая и согласующаяся, как мы сказали, с идеей того, что называют «обычной жизнью»; однако, без этой действительной «материализации» все это не имело бы даже малейшего оправдания, так как окружающая реальность каждое мгновение приносила бы слишком явные опровержения. Сама идея материи, как понимают ее современные люди, на самом деле могла родиться только при этих условиях; то, что она более или менее смутно выражает, есть во всяком случае только лишь предел, который по ходу нисхождения, о котором идет речь, никогда не может быть достигнут фактически, прежде всего потому, что она рассматривается как нечто само по себе чисто количественное, и затем потому, что она предполагается «инертной», а мир, в котором есть что-либо поистине «инертное», тем самым тотчас же перестает существовать; следовательно, эта идея есть самое иллюзорное из всего, что только может быть, потому что она не отвечает абсолютно никакой реальности, сколь низко не помещалась бы она в иерархии проявленного существования. Другими словами, можно сказать, что «материализация» существует как тенденция, но «материализация», которая была бы полным завершением этой тенденции, есть состояние нереализуемое; отсюда следует, среди других последствий, что теоретически сформулированные современной наукой механические законы никогда не подлежат точному и строгому применению в условиях опыта, где всегда существуют элементы, которые с необходимостью от них ускользают, даже в той фазе, где роль этих элементов оказывается, в некотором роде, сведенной до минимума. Следовательно, здесь речь всегда идет только о приближении, которое в этой фазе с оговоркой, что случай исключительный, может быть достаточным для непосредственных практических нужд, но что, тем не менее, предполагает очень грубое упрощение, что лишает его не только всякой предполагаемой «точности», но и всякой «научной» ценности в подлинном смысле этого слова; и так же обстоит дело с тем самым приближением, по которому чувственный мир может принять вид «замкнутой системы»,

как в глазах физиков, так и в потоке событий, составляющих «обычную жизнь».

Вместо того, чтобы говорить о «проявлении», как мы это только что делали, можно было бы в том же, по существу, смысле и, может быть, даже более точным и «реальным» образом говорить об «отвердении»; твердые тела, действительно, по своей плотности и непроницаемости суть то, что более чем что-нибудь другое дает иллюзию «материальности». В то же время, если мы вспомним манеру, с которой Бергсон, как мы выше отмечали, говорил о «твердом» как в некотором роде конституирующем собственную область разума, из чего становится очевидным, что сознательно или нет (несомненно, не слишком сознательно, не только потому что он обобщает, не внося никакого ограничения, но он даже верит, что может говорить об этом как об «интеллекте», как он всегда и делает в этих случаях, тогда как то, что он говорит, можно реально отнести только к разуму), он преимущественно соотносится с тем, что видит вокруг себя, то есть имеет место «научное» употребление, которое сделали в настоящее время из этого разума. Добавим, что это действительное «отвердение» как раз и есть истинная причина, по которой современная наука «преуспевает», но, конечно, не в своих теориях, которые не становятся из-за этого менее ошибочными и которые к тому же ежеминутно меняются, но в своих практических приложениях; в другие эпохи, в которые это «отвердение» не было еще достаточно выражено, не только человек не мог мечтать о промышленности, как ее сегодня понимают, но и сама эта промышленность еще была совершенно невозможна, так же, как и вся «обычная жизнь», в которой она занимает столь важное место. По ходу дела отметим, что этого достаточно, чтобы покончить со всеми мечтаниями так называемых «ясновидящих», которые, воображая прошлое по модели настоящего, приписывают некоторым «доисторическим» и давно прошедшим цивилизациям что-либо очень сходное с современной «машинностью»; это одна из форм заблуждения, которую на популярном языке можно назвать «история повторяется» и которая предполагает полное незнание того, что мы назвали качественным определением времени.

Чтобы дойти до того, что мы описали, надо, чтобы человек вследствие самой этой «материализации» или «отвердения», которое совершенно естественно в нем так же осуще-

ствляется, как и во всей остальной сфере космического проявления, часть которого он составляет и которое именно и изменяет его «психофизиологическую» конституцию, утратил опыт употребления способностей, которые позволяли бы ему нормальным образом превосходить границы чувственного мира, так как, даже если он весьма реально и окружен непроницаемыми ограждениями, то можно было бы сказать, что он таким не был в предшествующих состояниях; не в меньшей степени также верно, что в нем никогда не было никакого абсолютного разделения между различными порядками существования; такое разделение имело бы следствием отсечение от самой реальности той области, которая бы в ней заключалась, так что существование этой области, то есть, в данном случае, чувственного мира, немедленно бы испарилось. Впрочем, было бы законно спросить, как столь полная, столь всеобщая атрофия определенных способностей действительно могла произойти; для этого нужно было, чтобы человек сначала пришел к тому, чтобы все свое внимание направлять исключительно на вещи чувственного мира, и с этого должна была необходимо начаться работа по отклонению, которую можно было бы назвать «изготовлением» современного мира и которая, разумеется, может быть удачной только на этой фазе цикла, «дьявольским» образом используя условия, предоставляемые самой средой. Мы не будем больше останавливаться сейчас на этом. Как бы то ни было, не следует слишком обольщаться торжественной глупостью некоторых заявлений, дорогих для научных «популяризаторов» (мы должны были бы сказать, скорее, «сайентистов»), которые с удовольствием утверждают по любому поводу, что современная наука отодвигает без конца границы познанного мира, что, на самом деле, в точности противоположно истине: никогда эти границы не были столь узкими, каковыми они являются в концепциях, предлагаемых этой профанной мнимой наукой, и никогда ни мир, ни человек не оказывались столь уменьшенными до такой степени, что стали сведенными к простым телесным единствам, гипотетически лишенным малейшей возможности связи с любым другим порядком реальности!

Впрочем, существует другой аспект проблемы, дополнительный к тому, который мы до этого рассматривали: во всем этом человек не сведен к пассивной роли простого

созерцателя, который должен ограничиваться созданием более или менее истинных или более или менее ложных идей относительно того, что происходит вокруг него; он сам является одним из факторов, которые активно внедряются в изменение мира, в котором он живет; мы должны добавить, что и сам он является особенно важным фактором из-за его, собственно говоря, «центральной» позиции, которую он занимает в этом мире. Говоря об этом человеческом внедрении, мы не имеем в виду просто искусственные изменения, которые промышленность заставляет претерпеть земную среду и которые, к тому же, слишком очевидны, чтобы стоило об этом распространяться; конечно, это следует учитывать, но это не все, и то, о чем речь идет с точки зрения, на которой мы теперь находимся, представляет собою нечто совершенно иное, чего человек не желал, по крайней мере, сознательно и специально, но что в реальности зашло еще гораздо дальше. Действительно, истина состоит в том, что материалистическая концепция, будучи однажды сформулирована и распространена каким-то образом, может только лишь содействовать этому «отверждению» мира, которое сначала было возможным, и все последствия, которые прямо или опосредованно выводились из этой концепции, включая распространенное понятие «обычной жизни», составляли двигаться к той же самой цели, так как общие реакции самой космической среды действительно менялись согласно установке, принятой человеком по отношению к ней. Поистине, можно сказать, что некоторые аспекты реальности скрываются от того, кто ее рассматривает как профан и материалист, становятся недоступными для его наблюдения; и это не просто «образный» способ выражения, как некоторые предпочли бы думать, но как раз чистое и простое выражение факта, так же как фактом является то, что животные спонтанно и инстинктивно убегают от того, в ком они замечают враждебную установку. Вот почему есть вещи, которые никогда не могут констатировать «ученые» материалисты или позитивисты, что, естественно, еще больше утверждает их в их вере в ценность своих концепций, представляясь им как бы негативным доказательством, в то время как это есть ни больше ни меньше, как только простое следствие самих этих концепций. Разумеется, эти вещи не перестают существовать ни в коей мере из-за этого, начиная с рождения материализма и позитивизма, но они

поистине «врываються» из той области, которая не доступна опыту профанных ученых, воздерживаясь от проникновения в него каким бы то ни было образом, который мог бы позволить заподозрить об их воздействии или о самом их существовании, совершенно так же, как в другом порядке, который, впрочем, не лишен связи с этим. После чего хранилище традиционных познаний закрывается и исчезает из виду все более и более строгим образом перед распространением современного духа. Это в некотором роде «копия» ограничения способностей человеческого существа теми, которые относятся собственно к одной телесной модальности: из-за этого ограничения оно становится, как мы сказали, неспособным выйти из чувственного мира; из-за того, о чем сейчас идет речь, она утрачивает всякую возможность констатировать явное проникновение сверхчувственных элементов в самый чувственный мир. Так оказывается завершенным для него, насколько это возможно, «ограждение» этого мира, ставшего настолько более «твердым», что он еще больше изолируется от всякого иного порядка реальности, даже от тех порядков, которые для него являются самыми близкими и которые просто констатируют различные модальности самой индивидуальной сферы; внутри такого мира может казаться, что «обычная жизнь» отныне может протекать без волнений и без непредвиденных случайностей, наподобие движений «механизма», налаженного совершенным образом; механизировав окружающий мир, не собирается ли современный человек «механизировать» самого себя, насколько это в его силах во всех видах деятельности, которые еще остались открытыми для его узко ограниченной природы?

Тем не менее «отверждение» мира, как бы далеко оно в действительности не зашло, никогда не может быть полным, и есть пределы, которые оно никогда не перейдет, потому что, как мы сказали, его предельное завершение было бы несовместимым со всем реальным существованием даже на его самой низшей ступени; по мере того, как это «отверждение» продвигается вперед, оно даже становится все более шатким, потому что самая низшая реальность есть также и самая нестабильная; без конца растущая скорость изменений актуального мира доказывает это весьма красноречиво. Ничего нельзя было бы сделать, если бы не было «трещин» в этой так называемой «закрытой системе», в которой по е

«механическому» характеру есть что-то искусственное (разумеется, что мы берем здесь это слово в смысле гораздо более широком, чем тот, который приложим собственно к простым промышленным продуктам), природа которого не внушает доверия в смысле ее длительности; и даже теперь уже есть много знаков, точно показывающих, что ее непрочное равновесие находится в точке его нарушения. Если это так, то сказанное нами о материализме и механицизме современной эпохи может быть уже в определенном смысле отнесено к прошлому; это, конечно, не означает, что ее практические следствия не могут продолжать развиваться еще в течение какого-то времени или что ее влияние на общее состояние умов не будет продолжаться более или менее долго, пусть это будет вследствие «популяризации» в ее различных формах, включая школьное обучение всех степеней, куда всегда тащат многочисленные «пережитки» такого рода (мы вскоре вернемся к этому более подробно); но не менее верно в тот момент, в котором мы живем, что само понятие «материи», с таким трудом конституированное во множестве различных теорий, кажется, постепенно испаряется; но только, может быть, не стоит радоваться этому сверх меры, так как это может быть только еще одним шагом к окончательному распаду, как это с большей ясностью мы увидим дальше.

Diana XVIII
НАУЧНАЯ МИФОЛОГИЯ
И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ

Поскольку мы упомянули «пережитки», оставляемые в общественном сознании теориями, которым сами ученые больше не верят, но которые продолжают оказывать не меньшее влияние на позицию большинства людей, то было бы неплохо остановиться на этом еще, так как здесь содержится нечто, что может способствовать объяснению некоторых аспектов современной эпохи. В этом отношении следует напомнить прежде всего, что одной из главных черт профанной науки, когда она оставляет область простого наблюдения фактов и пытается что-нибудь извлечь из бесконечного накапливания частных деталей, является то, что и есть ее единственный непосредственный результат, а именно, более или менее трудоемкое сооружение чисто гипотетических теорий, и это не может быть ничем большим, поскольку дана чисто эмпирическая исходная точка, а факты, которые и сами поддаются различным объяснениям, никогда не могли и никогда не смогут гарантировать истины ни одной теории и, как мы это видели выше, большее или меньшее их количество ничего не дает; кроме того, такие гипотезы, по существу, в меньшей степени вдохновлены эмпирическими наблюдениями, нежели некоторыми предвзятыми идеями и некоторыми доминирующими в современном сознании тенденциями. Впрочем, известно, с какой постоянно растущей быстротой в наше время эти гипотезы оставляются и заменяются другими, и слишком очевидно, что этих изменений достаточно, чтобы показать их малую надежность и невозможность признания их ценности в качестве реального познания; таким образом, они принимают в мышлении самих ученых все больше и больше конвенциональный, следовательно, вообще ирреальный характер, и мы еще раз можем здесь отметить симптом движения к окончательному распаду. Действительно, эти ученые, а именно, физики, уже и не могут более обманываться

подобными конструкциями, хрупкость которых они сегодня, как никогда, хорошо знают; эти концепции не только быстро «стареют», но с самого своего возникновения те, кто их создает в качестве чего-то «временного», верят в них лишь в определенной мере, несомненно, довольно ограниченной; и часто даже кажется, что они их рассматривают скорее как простые «представления» или как «способ выражения», чем как подлинные попытки объяснения; и такими они в действительности и являются, и мы видели, что уже Лейбниц показал, что картезианский механизм не может быть чем-либо другим, кроме как «представлением» внешней видимости, лишенной, собственно, всякой объяснительной ценности. В этих условиях в лучшем случае об этом можно сказать, что это нечто совершенно суетное и что концепция науки, из которой следует подобная работа, является, конечно, странной; но опасность этих иллюзорных теорий состоит, в особенности, в их влиянии, которое (из-за того, что они называются «научными») они способны оказывать на «широкую публику», принимающую их совершенно всерьез и слепо, как «догму»; и так происходит не только тогда, когда они еще сохраняют значение (тогда едва ли есть время для того, чтобы их узнали), но даже и, в особенности, тогда, когда ученые их уже оставили, и еще долго после этого, по причине их постоянного присутствия, о котором мы выше говорили, в первоначальном обучении и в «популярных» произведениях, в которых они всегда к тому же представлены в упрощенной и крайне утвердительной форме, а вовсе не как простые гипотезы, какими они были в действительности для тех, кто их создавал. Не без причины мы только что сказали о «догме», так как для антитрадиционного современного духа речь идет, конечно, о чем-то таком, что должно противодействовать религиозным догмам и заменять их; такой пример, среди прочих, как «эволюционистские» теории, не может в этом оставлять никакого сомнения; и еще более важно то, что у большинства «популяризаторов» есть привычка усеивать свои писания более или менее яростными заявлениями, направленными против традиционной идеи, что лишь еще яснее показывает ту роль, которую они себе присвоили, пусть даже в большинстве случаев бессознательно, в интеллектуальном разрушении нашей эпохи.

Таким образом, в «сайентистском» сознании, которое большей части по утилитарным причинам, указанным нами, присуще в той или иной степени огромному большинству наших современников, возникла настоящая «мифология», конечно, не в первоначальном и трансцендентном смысле истинных традиционных «мифов», но просто в «уничжительном» значении, которое это слово приняло в повседневном языке. Можно привести большое число примеров этого; один из самых поразительных и самых «актуальных», если можно так сказать, это создание «воображаемого мира» атомов и многочисленных элементов различного рода, на которые они окончательно разложились в последних физических теориях (что, впрочем, показывает, что они вовсе не атомы, то есть буквально «неделимые», хотя их все равно продолжают так называть вопреки всякой логике); мы сказали «воображаемый мир», так как он есть, несомненно, только в сознании физиков; но «широкая публика» твердо верит, что речь идет о реальных «единицах», которые мог бы увидеть и потрогать некто, у кого чувства были бы достаточно развиты или кто располагал бы достаточно мощными средствами наблюдения; не есть ли это одна из самых наивных «мифологий»? Это не мешает той же самой публике насмехаться по любому поводу над концепциями древних, из которых, они, разумеется, не понимают ни единого слова; даже предполагая, что во все времена могли быть «популярные» искажения («популярные» — это еще одно выражение, которое сегодня употребляют по любому случаю, несомненно по причине растущего значения, приписываемого «массе»), но можно усомниться, чтобы они были бы когда-нибудь столь грубо материальными и в то же время столь общезначимыми, какими они являются сегодня, как благодаря тенденциям, присущим современному сознанию, так и столь прославленному распространению «обязательного всеобщего образования», профанного и рудиментарного.

Мы не хотим распространяться более по этому поводу, по которому можно говорить бесконечно, слишком удаляясь от того, что мы главным образом имеем в виду; легко было бы, например, показать, что, вследствие «пережитка» гипотез, элементы, на самом деле принадлежащие к различным теориям, наслаиваются друг на друга и перемешиваются таким образом в обывательских представлениях, что они

иногда образуют самые причудливые комбинации; впрочем, вследствие царящего повсюду запутанного беспорядка, современное сознание устроено так, что оно охотно принимает самые странные противоречия. Мы только продолжаем настаивать на одном из аспектов проблемы, который, по правде говоря, несколько предвосхищает дальнейшее, так как он относится к тому, что больше принадлежит к другой фазе, чем та, о которой шла речь до сих пор; но все это не может быть разделено полностью, это дало бы слишком «схематическое» изображение нашей эпохи, и в то же время, в этом уже можно увидеть, каким образом тенденция к «отверждению» и к распаду, хотя они по-видимому противоположны в некотором отношении, тем не менее объединяются в своем действии, чтобы окончательно привести к последней катастрофе. Мы хотели бы здесь поговорить о том исключительно экстравагантном характере, которым облакаются представления, о которых идет речь, когда их переносят в иную область, чем та, для которой они были первоначально предназначены; действительно, именно от этого происходит большинство фантазмагорий, которые мы называем «неоспиритуализмом» в его различных ((формах; как раз эти заимствования из концепций, зависящих, в основном, от чувственного порядка, чем и объясняется этот тип «материализации» сверхчувственного, составляют одну из самых общих их черт⁵¹. Не стремясь в настоящий момент определить более точно природу и качество сверхчувственного, с которым они действительно здесь имеют дело, полезно было бы отметить, до какой степени, по существу, проникнуты материалистическим влиянием те, кто его не допускает и думает, что констатирует его воздействие; если они не отрицают всякую внетелесную реальность, как большинство их современников, то потому, что они составили себе идею, которая позволяет им свести ее в некотором роде к образцу чувственных вещей, что, конечно, ничуть не лучше. Впрочем, не следует удивляться тому, как всякие оккультные, теософские и другие школы этого рода постоянно стремятся найти точки сближения с современными научными теориями, которыми они вдохновляются даже гораздо чаще, чем хотели бы в этом признаться; в общем, они, в результате, логически должны оказаться в тех же условиях; и можно даже отметить, что, вследствие последовательных изменений этих научных теорий, сходство

концепций той или иной школы с той или иной специальной теорией позволило бы в некотором роде «датировать» эту школу при отсутствии иного более точного указания о его истоках и его истории. Такое положение дел возникло тогда, когда изучение и управление некоторыми психическими влияниями попало, если можно так выразиться, под сферу влияния профанной науки, что означает, в некотором роде, начало в самом прямом смысле «разрушительной» фазы современного отклонения; короче говоря, можно подняться к 18 веку, в точности к самому современному материализму, и ясно увидеть, что эти две вещи, только по видимости противоположные, фактически должны сопутствовать друг другу; представление о том, что подобного раньше не было, несомненно возникает потому, что отклонение еще не достигло той степени развития, которая сделала бы это возможным. Главной чертой научной «мифологии» того времени была концепция различных «флюидов», в виде которых тогда представляли себе психические силы; и как раз эта концепция была перенесена из телесного порядка в тонкий порядок с теорией «животного магнетизма»; если обратиться к идее «отвердения» мира, то могут сказать, что «флюид» («текучее») по определению противоположен «твердому», но не менее верно, что в этом случае он играет ту же самую роль, поскольку эта концепция имеет своим следствием «отелесивание» вещей, которые на самом деле принадлежат к проявлениям тонкого порядка. Магнетизеры были в некотором роде прямыми предшественниками «неоспиритизма», если не первыми его представителями, собственно говоря; их теории и практика влияли в более или менее широкой степени на все школы, возникшие позже, будь то откровенно профанные, как спиритизм, или претендующие на «псевдопосвящение», как многочисленные варианты оккультизма. Это постоянное влияние тем более странно, что оно кажется совершенно несообразным значению психических феноменов, в общем, весьма элементарных, которые составляют поле магического опыта; но еще более удивительна та роль, которую играет этот самый магнетизм со времени своего появления в отвлечении от всякой серьезной работы тайных организаций, которые до того времени еще сохранили если не идущие далеко действительные познания, то, по крайней мере, сознание того, что они в этом отношении потеряли, и волю к то-

му, чтобы их вернуть; и позволительно думать, что это не последняя причина, ради которой магнетизм был «пущен в дело» в нужный момент, даже если, как это почти всегда бывает в подобных случаях, его мнимые инициаторы были в этом лишь более или менее бессознательными инструментами.

Концепция «флюидов» дожила, если не в теориях физиков, то в общественном сознании, по меньшей мере до середины 19 века (еще долго продолжали использовать привычные выражения, как, например, «электрический флюид», но скорее машинальным образом, не связывая с этим точного представления); спиритизм, появившийся в эту эпоху, наследовал ей тем более естественно, что он был предрасположен к этому через свою первоначальную связь с магнетизмом, связь, являющуюся даже более тесной, чем это можно предположить с первого взгляда, так как вполне вероятно, что спиритизм никогда не смог бы получить такого большого развития без бродяжничества сомнамбул и что именно существование магнетических «субъектов» приготавливало спиритических «медиумов» и сделало их возможными. Еще сегодня большинство магнетизеров и спиритов продолжают говорить о «флюидах» и, более того, в них серьезно верить; этот «анахронизм» тем более курьезен, что все эти люди в основном фанатичные сторонники «прогресса», что плохо согласуется с концепцией, которая, будучи столь давно исключенной из научной сферы, должна бы казаться в их глазах очень «ретроградной». В современной «мифологии» «флюиды» заменены «волнами» и «излучениями»; они, в свою очередь, не перестают играть ту же роль в теориях, изобретенных совсем недавно для объяснения воздействия некоторых тонких влияний; достаточно вспомнить о «радиосвязи», которая в этом отношении «представлена» настолько, насколько это возможно. Разумеется, что если бы речь здесь шла лишь о простых образах, о сравнениях, основанных на некоторой аналогии (а не на тождестве) с феноменами чувственного порядка, то это не было бы слишком неуместным, а было бы до некоторой степени оправданным; но это не так, и «радиостезисты» совершенно буквально верят, что психические влияния, с которыми они имеют дело, суть «волны» или «излучения», распространяющиеся в пространстве столь «телесным» способом, как только это можно себе вообразить; к тому же

сама «мысль» не избежала этого способа представления. Таким образом, это все та же «материализация», которая продолжает утверждаться в новой форме, может быть, более коварной, чем «флюиды», потому что она может казаться менее грубой, хотя, по сути, все они одного порядка и в целом выражают лишь сами ограничения, присущие современному сознанию, его неспособность постичь все то, что находится вне области чувственного воображения⁵².

Едва ли необходимо отмечать, что «ясновидящие» непременно видят «флюиды» или «излучения» в соответствии со школами, к которым они принадлежат, так же как и теософы, которые видят атомы и электроны; но это, как и то многое другое, что они действительно видят, суть лишь их собственные ментальные образы, которые, естественно, всегда согласуются с частными теориями, в которые они верят. Так же дело обстоит, когда они видят «четвертое измерение» и другие дополнительные измерения пространства; это принуждает нас сказать в завершение еще несколько слов о другом случае, также относящемся к научной «мифологии», который мы охотно назовем «безумием четвертого измерения». Надо признать, что «гипергеометрия» была, конечно, создана для того, чтобы поразить воображение людей, не владеющих достаточными математическими познаниями, чтобы отдавать себе отчет в истинном характере алгебраических конструкций, выражаемых в геометрических терминах, так как здесь на самом деле ни о чем другом речь не идет; заметим также по ходу дела, что это еще один пример опасностей «популяризации». Так, задолго до того, как физики вознамерились ввести «четвертое измерение» в свои гипотезы (ставшие к тому же в гораздо большей степени математическими, чем подлинно физическими, из-за своего все более и более количественного и одновременно «конвенционального» характера), «физикалисты» (в это время еще не говорили о «метафизиках») уже пользовались им для объяснения феноменов, когда твердое тело, казалось, проходит через другое тело; к тому же это не было для них простым «иллюстративным» образом определенного способа, который можно назвать «интерференцией» между областями или различными состояниями, что было бы приемлемо, но они думали, что упомянутое тело весьма реально проходит через «четвертое измерение». Впрочем, это было вначале, впоследствии мы видим, как под влиянием но-

вой физики школы оккультизма пришли к тому, что стали воздвигать большую часть своих теорий на этой самой концепции «четвертого измерения»; таким образом, можно отметить по этому поводу, что оккультизм и современная наука все больше и больше стремятся к соединению в четвертом измерении по мере того, как «дезинтеграция» мало-помалу продвигается вперед, потому что оба движутся в одном направлении различными путями. Далее мы еще поговорим о «четвертом измерении» с другой точки зрения; в настоящий момент мы сказали об этом достаточно, настало время вновь вернуться к вопросам, относящимся более непосредственно к проблеме «отвердения» мира.

ПРЕДЕЛЫ ИСТОРИИ И ГЕОГРАФИИ

Выше мы сказали, что вследствие качественных отличий между различными периодами времени, например, между различными фазами такого цикла, как наша Манвантара (очевидно, что за пределами длительности нашего человечества условия должны еще сильнее отличаться), в космической среде вообще, и в частности, в земной среде, более непосредственным образом касающейся нас, происходят изменения, о которых профанная наука, ограниченная горизонтом одного только современного мира, в котором она возникла, не может составить никакой идеи, так что какую бы эпоху она ни рассматривала, она всегда представляет ее миром, условия которого будут похожи на современные условия. С другой стороны как мы видели, психологи полагают, что человек психологически был всегда таким же, как и теперь; то, что верно для психологов, также истинно и для историков, которые оценивают действия людей античности или средних веков так же точно, как и действия своих современников, приписывая им одинаковые мотивы и намерения; идет ли речь о человеке или о среде, и там и тут очевидно применение упрощенческих и «приводящих к единообразию» концепций, которые так хорошо соответствуют актуальным тенденциям; разумеется, мы не беремся разрешать здесь проблему определения, каким образом это «сведение к единству» прошлого согласуется с «прогрессистскими» и «эволюционистскими» теориями в одно и то же время у одних и тех же индивидов, но несомненно, это лишь один из примеров многочисленных противоречий современного состояния сознания.

Когда мы говорим об изменениях среды, то имеем в виду не только более или менее обширные катаклизмы, которыми отмечены каким-то образом «критические точки» цикла; это внезапные изменения, соответствующие настоящим нарушениям равновесия, и даже в тех случаях, когда

речь не идет об исчезновении целого континента (случаи, которые действительно встречаются в истории настоящего человечества), легко понять, что весь ансамбль земной среды должен быть не в меньшей мере задет его отзвуками и что таким образом «лицо мира», если можно так сказать, должно значительно измениться. Но существуют еще постоянные и незаметные модификации, которые в течение периода, когда не происходит никаких катаклизмов, приводят, тем не менее, мало-помалу к такому же значительному результату; само собою разумеется, что речь здесь идет не о простых «геологических» модификациях в том смысле, в котором это понимают профанные геологи, к тому же ошибочно рассматривать сами катаклизмы исключительно с этой точки зрения, которая как всегда ограничивается наиболее внешним; мы имеем в виду нечто гораздо более глубокое, относящееся к самим условиям среды, так что существа и вещи от этого не в меньшей степени претерпели бы подлинное изменение, даже если и не принимать во внимание геологические явления, которые здесь не более чем детали второстепенной важности. Что касается искусственных модификаций, произведенных вмешательством человека, то они вообще суть лишь следствия в том смысле, в каком, как мы уже объяснили, условия именно той или иной эпохи делают их возможными; однако, если человек и может действовать более глубоким образом на среду, то это скорее психически, чем телесно, и то, что мы уже сказали об эффектах материалистической установки, делает это достаточно понятным.

Из всего представленного нами выше легко понять теперь общее направление, в котором осуществляются эти изменения: это то направление, которое мы охарактеризовали как «отверждение» мира, придающее всем вещам вид, соответствующий все более близким образом (хотя, тем не менее, всегда на самом деле неточным) той манере, в какой их рассматривают количественные, механистические или материалистические концепции; именно поэтому, говорили мы, современная профанная наука преуспевает в своих практических приложениях и также поэтому окружающая реальность не представляет ей слишком очевидных опровержений. Этого не могло быть в предшествующие эпохи, когда мир не был таким «твердым», каким он стал сегодня, и когда телесная модальность и тонкие модальности инди-

видуальной сферы еще не были столь полно разделены (хотя, как мы далее увидим, даже в настоящем состоянии следует сделать некоторые оговорки относительно этого разделения). Не только человек видел мир не такими глазами, как сегодня, и воспринимал многие вещи, которые с тех пор полностью от него ускользают, поскольку тогда его способности были гораздо тесно ограничены; но соответственно, сам мир как космический ансамбль поистине был качественно иным, потому что возможности другого порядка отражались в телесной сфере и «преображали» ее в некотором роде; и когда, например, некоторые «легенды» говорят, что некогда было время, в котором драгоценные камни были так же распространены, как сегодня самые грубые булыжники, это не надо понимать в одном лишь символическом смысле. Разумеется, символический смысл всегда присутствует в подобных случаях, но это не значит, что он единственный, так как всякая проявленная вещь сама необходимо является символом по отношению к высшей реальности; мы полагаем, что больше на этом не следует останавливаться, так как мы уже имели выше достаточно возможность это объяснить, будь то в общей форме, или же в более частных случаях, таких, как символическое значение исторических и географических фактов.

Мы предупредим, не откладывая далее, возражение, которое может быть выдвинуто по поводу этих качественных изменений в «лице мира»: возможно, скажут, что если бы это было так, то следы исчезнувших эпох, которые каждое мгновение открывают, должны об этом свидетельствовать и что, не говоря уже о «геологических» эпохах и придерживаясь только того, что относится к человеческой истории, археологи и специалисты по «первобытной истории» никогда ничего не находят такого, как бы далеко в прошлое не простирались бы результаты их раскопок. Ответ, на деле, очень прост: прежде всего эти следы в том состоянии, в каком они сегодня предстают и, следовательно, составляют часть современной среды, с необходимостью причастны, как и все остальное, к «отвердению» мира; если бы они не были ему причастны, то их существование не было бы в согласии с общими условиями, и они бы полностью исчезли, и, несомненно, так оно и есть в действительности для многих вещей, от которых теперь нельзя найти ни малейшего следа. Кроме того, археологи изучают сами эти остатки со-

временными глазами, которые охватывают лишь самую грубую модальность проявления, так что даже если что-нибудь более тонкое и сохранилось еще несмотря ни на что, они, конечно же, совершенно не в состоянии этого заметить; они вообще их рассматривают так, как механики рассматривают вещи, с которыми имеют дело, потому что сознание у них такое же и способности их так же ограничены. Говорят, что когда драгоценности ищут те, для кого они по каким-то причинам не предназначены, то золото и драгоценные камни для них превращаются в уголь и пошлый щебень; современные любители раскопок могли бы извлечь пользу и из этой «легенды»!

Как бы то ни было, но совершенно очевидно, что в виду того, что они предпринимают любое свое исследование, исходя из современной и профанной точки зрения, они во времени встречают некоторые «барьеры», более или менее непроницаемые, и, как мы уже говорили в другом месте, первый из этих «барьеров» находится в VI веке до начала христианской эры, где начинается то, что, в согласии с современными концепциями, можно назвать историей в собственном смысле слова, так что рассматриваемая ею античность в конечном счете является античностью в очень относительном смысле. Без сомнения скажут, что недавние раскопки позволяют восходить гораздо дальше, находя остатки гораздо более древней античности, чем эта, и до некоторой степени это правда; но только особенно замечательно то, что здесь больше нет никакой надежной хронологии, так что расхождения в предполагаемых датах объектов и событий иногда доходят до веков и даже до целых тысячелетий; кроме того, не удалось создать никакой сколько-нибудь ясной идеи о цивилизациях этих столь удаленных эпох, потому что там уже не могут найти понятия, сравнимые с теми, что существуют сегодня, которые еще встречаются тогда, когда речь идет только о «классической» античности, что не означает, что они не были бы сильно искажены в представлениях современных историков, так же, как и средние века, еще более близкие к нашему времени. К тому же все самые древние сведения, которые могут предоставить археологические раскопки, восходят приблизительно только до начала Кали-юги, где располагается, естественно, второй «барьер»; и если бы каким-нибудь образом его удалось пересечь, то был бы еще третий, соответствующий эпохе последнего

большого земного катаклизма, то есть той, которая традиционно обозначается как исчезновение Атлантиды; очевидно, что было бы совершенно бесполезно желать подняться еще дальше, так как прежде чем историкам удастся дойти до этой точки, современный мир будет иметь достаточно времени, чтобы самому в свою очередь исчезнуть!

Этих нескольких указаний достаточно, чтобы понять, сколь пусты все те дискуссии, в которых профаны (под этим словом мы здесь должны понимать всех тех, кто заражен современным духом) могут выступать по поводу того, что касается первых периодов Манвантары, времен «золотого века» и «первоначальной традиции» и даже таких гораздо менее удаленных от нас фактов, как библейский «потоп», если принимать его лишь в самом непосредственном, буквальном смысле, относя к катаклизму Атлантиды; эти вещи были и всегда будут недоступными. Впрочем, именно поэтому их и отрицают, как без разбора отрицают все то, что превосходит их каким-то образом, так как все работы, все исследования и предприятия, исходящие из ложной и ограниченной точки зрения, могут в конце концов привести лишь к отрицанию всего того, что не подпадает под эту точку зрения; сверх того, эти люди настолько убеждены в своем «превосходстве», что они не могут предположить существование того света и извлекать из этого повод для того, чтобы с гордостью считать себя выше нормальных людей!

То, что мы сказали о пределах истории, рассматриваемой в согласии с профанной концепцией, может быть также применено к географии, так как и здесь много такого, что полностью исчезло с горизонта современных людей; когда сравнивают описания древних и современных географов, то нередко спрашивают себя, возможно ли, чтобы и те и другие говорили об одной и той же стране. Однако, это «древние» в очень относительном смысле, и чтобы констатировать подобные вещи, даже не надо подниматься далее средних веков; не было, следовательно, в интервале, разделяющем нас от них, никакого значительного катаклизма; и несмотря на это, мог ли мир изменить свое лицо до такой степени и так быстро? Мы прекрасно знаем, что современники скажут: древние плохо видели или они плохо сообщали то, что видели; но это объяснение, которое снова нас как бы возвращает к предположению, что до нашего времени все люди были поражены умственным расстройством и рас-

стройством чувств, поистине, является слишком «упрощенческим» и негативным; если же хотят изучить вопрос со всей непредвзятостью, то почему не предположить, напротив, что плохо видят наши современники и что они даже вообще не видят некоторых вещей? Они победоносно заявляют, что «земля теперь полностью открыта», что, может быть, не так уж верно, как они думают, и они воображают, что, напротив, она была древним неизвестна в своей большей части, но можно спросить, о каких древних они на самом деле говорят и не думают ли они, что до них не было других людей, кроме западных людей «классической» эпохи и что обитаемый мир сводился к маленькой части Европы и Малой Азии; они добавляют, что это «неизвестное, поскольку оно неизвестное, может быть лишь таинственным»; но где они видели, чтобы древние говорили, что там есть «таинственные» вещи, и не они ли сами их объявляют таковыми, потому что больше уже их не понимают? Добавим к этому, что вначале видят «чудеса», потом находят только «достопримечательности» или «странности», и, наконец, «замечают, что эти странности подчиняются общим законам, которые стремятся определить ученые»; но не является ли то, что они кое-как описывают, как раз последовательностью этапов ограничения человеческих способностей, этапов, последний из которых соответствует тому, что можно назвать собственно манией рациональных объяснений со всем присущим им грубым несовершенством? Действительно, этот последний способ видения вещей, из которого происходит современная география, датируется на самом деле 17—18 веками, то есть той самой эпохой, которая была свидетельницей рождения и распространения особой рационалистической ментальности, что хорошо подтверждает нашу интерпретацию; начиная с этого времени, способности понимания и восприятия, которые позволяли человеку проникать в нечто иное, чем наиболее грубый и низший модус реальности, были полностью атрофированы в то же самое время, как мир сам непоправимо «отвердел».

Рассматривая вещи таким образом, в конце концов пришли к следующему: или тогда видели то, что не видят теперь, потому что произошли значительные изменения либо в земной среде, либо в способностях человека, или же, скорее, эти изменения и в том и в другом шли тем более быстро, чем ближе мы подходим к нашей эпохе; или же то, что

называют «географией», имело в древности совершенно иное значение, нежели сегодня. Действительно, оба термина этой противоположности вовсе не исключают друг друга, и каждый из них выражает одну сторону истины, концепцию, которую себе составляют относительно науки, зависящей, естественно, одновременно и от точки зрения, с которой рассматривают ее предмет, и от меры, в которой действительно способны схватить присущие ему реальности: по этим двум параметрам одновременно традиционная наука и профанная, даже если они носят одно и то же имя (вообще говоря, это указывает на то, что вторая есть «остаток» от первой), столь глубоко различны, что реально они разделены пропастью. Итак, вполне реально существует традиционная или «священная география», которую наши современники полностью игнорируют, как и все другие познания того же рода; равно как и исторический, существует географический символизм, и именно символическая ценность вещей придает им глубокое значение, потому что через это устанавливается их соответствие с реальностями высшего порядка; но чтобы действительно установить это соответствие, надо быть способным тем или иным образом воспринимать в самих вещах отражение их реальностей. Так, есть места, которые в особенности пригодны для того, чтобы служить «опорой» для воздействий «духовных влияний», и именно на них всегда основываются определенные главные и второстепенные традиционные «центры», из которых «оракулы» античности и места паломничества представляют собою наиболее явные внешние примеры; существуют также и другие места, которые тоже особо благоприятны для проявления «влияний» совершенно противоположного характера, принадлежащих к самым низким областям тонкой сферы; но что современному западному человеку до того, если в таком-то месте находится «дверь на небеса», а в другом «пасть ада», раз «плотность» его «психофизиологической» конституции такова, что ни в том, ни в другом случае он не может испытать абсолютно ничего особого? Для него эти вещи буквально не существуют, что вовсе не означает, что они действительно перестали существовать; но, впрочем, правда и то, что связь между тонкой сферой и телесной сведена до минимума, и чтобы иметь возможность ее констатировать, нужно большее развитие тех же способностей, чем когда-то, и как раз эти способности вме-

сто того чтобы развиваться, напротив, были вообще ослаблены и, в конце концов, у «среднего» человеческого индивида совсем исчезли, так что трудность и редкость восприятий этого порядка вдвое возросли, что позволяет современным людям обращать в насмешку рассказы древних.

В связи с этим добавим еще одно замечание, касающееся некоторых описаний странных существ, встречающихся в этих рассказах: поскольку эти рассказы датируются самое большее «классической» античностью, в которой уже произошло несомненное вырождение с традиционной точкой зрения, очень возможно, что здесь были произведены смешения разного рода; так, часть из этих описаний на самом деле могла происходить от «пережитков» символизма, который больше не был понятен⁵³, тогда как другая могла относиться к видимостям, облеченным проявлениями некоторых «сущностей» или «влияний», принадлежащих тонкой сфере, а другая часть, хотя она, может быть, несомненно, не самая важная, представляла собою реальное описание существ, имевших телесное существование в более или менее удаленные времена, но принадлежавшие к уже давно исчезнувшим видам и продолжавшим существовать лишь в исключительных условиях и в очень редких представителях, что может даже еще и сегодня встречаться, не зависимо от того, что об этом думают те, кто воображает, что в этом мире больше нет ничего неизвестного для них. Ясно, что для описания всего этого по существу нужна довольно долгая и трудная работа, тем более, что имеющиеся «источники» далеки от того, чтобы доставлять чистые традиционные данные; очевидно, что легче и удобнее отбросить все сразу, как это и делают современные люди, которые при всем том не будут лучше понимать подлинные традиционные данные и увидят в них лишь не поддающиеся расшифровке загадки и, естественно, настаивать на этой негативной установке до тех пор, пока новое изменение в «лице мира» окончательно не разрушит их обманчивую безопасность.

Глава XX

ОТ СФЕРЫ К КУБУ

После этих нескольких «иллюстраций» к тому, что мы обозначили как «отверждение» мира, нам осталось еще сказать об его представлении в геометрическом символизме, где оно может быть изображено как постепенный переход от сферы к кубу; собственно говоря, на самом деле сфера есть прежде всего первичная форма, потому что она из всего является наименее «специфицированной», являясь подобной себе во всех направлениях, таким образом, что при любом движении вращения вокруг центра все ее последовательные позиции совпадают друг с другом⁵⁴. Следовательно, можно сказать, что это самая универсальная из всех форм, некоторым образом содержащая все остальные формы, которые исходят из нее посредством дифференциации, осуществляющейся по определенным частным направлениям; вот почему эта сферическая форма «Глаза Мира» существует во всех традициях — это то, что представляет собою «глобальный» ансамбль в его первичном и «эмбриональном» состоянии всех тех возможностей, которые будут развертываться в ходе цикла проявления⁵⁵. Впрочем, уместно заметить, что это первое состояние, относящееся к нашему миру, принадлежит, собственно говоря, области тонкого проявления, поскольку оно с необходимостью предшествует грубому проявлению и есть как бы его непосредственный принцип; и именно поэтому, в действительности, совершенная сферическая форма или форма круга, которая ей соответствует в геометрической плоскости (как сечение сферы плоскостью по какому-то направлению) нигде не бывает реализована в телесном мире⁵⁶.

Напротив, куб — это наиболее «устоявшаяся», если так можно выразиться, из всех форма, то есть соответствующая максимуму «спецификации»; эта форма среди телесных стихий соотносится с Землей, так как она конституирует «окончательный и финальный элемент» проявления в этом телес-

ном состоянии⁵⁷; и, таким образом, она соответствует также концу цикла проявления, тому, что мы называем «остановкой» циклического движения. Это в некотором роде исключительно «твердая» форма⁵⁸, она символизирует «стабильность», так как предполагает остановку всего движения; впрочем, это очевидно, что куб, покоящийся на одной из своих сторон, действительно есть тело, равновесие которого обладает максимумом стабильности. Важно отметить, что эта стабильность, в терминах нисходящего движения, не есть и не может быть ничем другим, кроме как только чистой и простой неподвижностью, самый близкий образ которого в телесном мире предоставляет нам минерал; эта неподвижность, если бы она могла быть реализована полностью, была бы, собственно говоря, на самой низшей точке перевернутым отображением того, что на самой высокой точке представляет собою изначальная неизменность. Так понятая неподвижность или стабильность, представленная кубом, соотносится, следовательно, с субстанциальным полюсом проявления, так же, как неизменность, в которой заключены все возможности «глобального» состояния, представляемого сферой, относится к его сущностному полюсу⁵⁹; поэтому также куб символизирует идею «базиса» или «основания», которая как раз и соответствует этому субстанциальному полюсу⁶⁰. Теперь мы отметим, что стороны куба можно рассматривать соответственно как ориентированные попарно по трем измерениям пространства, то есть как параллельные трем плоскостям, определенными осями, образующими систему координат, с которой соотнесено это пространство и которая позволяет его «измерить», то есть действительно его реализовать в его полноте; поскольку, как мы объяснили в другом месте, три оси, образующие крест трех измерений, должны рассматриваться как проводимые исходя из центра сферы, бесконечное расширение которой заполняет целиком все пространство (и три плоскости, определяемые этими осями, также необходимым образом проходят через этот центр, который является «началом» всей системы координат), то здесь устанавливается отношение, существующее между этими двумя крайними формами, сферой и кубом, отношение, в котором то, что было внутренним и центральным в сфере, оказывается в некотором роде «перевернутым», чтобы образовать поверхность или внешнюю сторону куба⁶¹.

Куб к тому же представляет Землю во всех традиционных значениях этого слова, то есть не только землю, как телесную стихию, о чем мы только что говорили, но также и принцип гораздо более универсального порядка, принцип, который в дальневосточной традиции обозначается как П (Земля) в соотнесении с Тien (Небом): сферические или круглые формы соответствуют Небу, а кубические и квадратные — Земле; так как эти два взаимодополнительные понятия эквивалентны в индуистском учении Пуруше и Пракрити, то есть это лишь другое выражение сущности и субстанции, понятых в универсальном смысле, то здесь еще раз мы приходим точно к тому же заключению, что и раньше; очевидно, что как сами понятия сущности и субстанции, так один и тот же символизм всегда может прилагаться к различным уровням, то есть как к принципам особенного состояния существования, так и к принципам всего ансамбля универсального проявления. Вместе с геометрическими формами с Небом и Землей соотносятся также и инструменты, которые соответственно служат их изображению, то есть компас и угольник, равно как в дальневосточной традиции, так и в западных традициях посвящения⁶²; соответствия этим формам, естественно, встречаются, в различных случаях, во многих ритуальных символических приложениях⁶³.

Другим случаем, где очевидно отношение этих геометрических форм, является символизм «Земного рая» и «Небесного Иерусалима», о котором мы уже имели случай говорить⁶⁴; этот случай особенно важен с той точки зрения, на которой мы сейчас находимся, потому что речь здесь идет как раз о двух пределах годового цикла. При этом форма «Земного рая», соответствующая началу цикла, круговая, тогда как форма «Небесного Иерусалима», соответствующая его концу, квадратная⁶⁵; круговая ограда «Земного рая» есть не что иное, как горизонтальный срез «Мирового Яйца», то есть универсальной и первоначальной сферической формы⁶⁶. Можно сказать, что сам круг окончательно превращается в квадрат, потому что два конца должны соединиться или, скорее (цикл никогда реально не завершен, что предполагало бы, в противном случае, невозможность повторения), в точности соответствовать друг другу; само присутствие «Древа Жизни» в центре в обоих случаях как раз указывает на то, что речь идет, в действительности,

о двух состояниях одной и той же вещи; квадрат здесь изображает исполнение возможностей цикла, которые заключались в зародыше в «органической ограде» вначале и которые таким образом стабилизировались и были зафиксированы в некотором смысле в окончательное состояние по крайней мере по отношению к самому этому циклу. Этот окончательный результат может быть также представлен как «кристаллизация», что всегда отвечает кубической форме (или квадратной в его плоскостном сечении); тогда мы имеем «город» с минеральным символизмом, тогда как вначале был «сад» с растительным символизмом; растительность представляет собою выработку семян в сфере витальной ассимиляции⁶⁷. Напомним то, что мы выше сказали о неподвижности минерала как образе конца, к которому стремится «отверждение» мира; но уместно добавить, что здесь речь идет о минерале уже «преображенном» или «сублимированном», так как в описании «Небесного Иерусалима» фигурируют драгоценные камни; вот почему фиксация реально оказывается окончательной лишь для актуального цикла, и по ту сторону «остановки» тот же самый «Небесный Иерусалим» должен становиться, в силу цепи причин, которая не допускает никакой действительной прерывности, «Земным раем» будущего цикла, его начало и конец предшествующего цикла представляют собою, собственно говоря, один и тот же момент, видимый с противоположных сторон⁶⁸.

Так же верно, что если рассматривать только актуальный цикл, то в конце концов настанет момент, когда «колесо перестанет вращаться», и здесь, как и всегда, символизм в совершенстве соответствует действительности: на самом деле, колесо ведь фигура круговая, и если оно деформируется таким образом, что становится в результате квадратным, то очевидно, что оно может тогда лишь остановиться. Вот почему момент, о котором идет речь, обнаруживается как «конец времени»; и именно тогда, согласно индуистской традиции, одновременно засияют «двенадцать Солниц», так как время в действительности измеряется прохождением Солнца через двенадцать знаков Зодиака, образующих годовой цикл, и раз вращение будет остановлено, то двенадцать соответствующих аспектов сплавятся, так сказать, в один, вступая, таким образом, в сущностное и первоначальное единство их общей природы, поскольку отличаются

ся они только в своем циклическом проявлении, которое тогда будет закончено⁶⁹. С другой стороны, замена круга эквивалентным квадратом⁷⁰ есть то, что обозначается как «квадратура круга»; те, кто заявляет, что эта проблема неразрешима, хотя они вообще игнорируют символическое значение, фактически тогда оказываются правы, поскольку эта «квадратура», понятая в своем истинном смысле, может быть реализована только в самом конце цикла⁷¹.

Из всего этого следует, что «отвердение» мира представляется в некотором роде в двух смыслах: рассматриваемое само по себе в ходе цикла как следствие движения, нисходящего к количеству и «материальности», оно, очевидно, имеет «неблагоприятное» и даже «зловещее» значение, противоположное духовности; но с другой стороны, оно не менее необходимо для подготовки, хотя можно сказать, «негативным» способом, окончательной фиксации результатов цикла в форме «Небесного Иерусалима», где эти результаты тотчас же станут семенами возможностей будущего цикла. Однако, само собою разумеется, что в самой этой окончательной фиксации и для того, чтобы она поистине была восстановлением «первоначального состояния», необходимо непосредственное вмешательство трансцендентного принципа, без чего ничто не может быть спасено, и «космос» просто-напросто испарился бы в «хаосе»; именно это вмешательство производит конечное «возвращение», уже изображаемое «трансмутацией» минералов в «Небесном Иерусалиме» и затем ведущее к новому появлению «Земного рая» в видимом мире, где отныне будут «и новые небеса, и новая земля», потому что это будет начало другой Манвантары и существования другого человечества.

Глава XXI

КАИН И АВЕЛЬ

«Отверждение» мира имеет еще и другие следствия в человеческом и социальном порядке, о которых мы до сих пор не говорили: в этом отношении оно порождает такое состояние вещей, в котором все сосчитано, зарегистрировано и регламентировано, что, впрочем, по существу, есть лишь другая сторона «механизации»; весьма легко повсюду констатировать в наше время симптоматические факты, такие, как, например, манию переписи населения (которая, впрочем, тесно связана со значением, придаваемым статистике)⁷² и, вообще говоря, нескончаемое множество административных вмешательств во все обстоятельства жизни, вмешательств, которые, естественно, должны обеспечивать возможно более полное единообразие между индивидами, тем более что это в некотором роде «принцип» всей современной администрации — трактовать этих индивидов как простые, совершенно сходные между собою нумерические единицы, то есть действовать так, как если бы, согласно гипотезе, «идеальное» единообразие уже было реализовано, и таким образом принудить всех людей подчиниться, если можно так сказать, одной и той же «средней» мере. С другой стороны, эта все более и более расширяющаяся регламентация, оказывается, имеет весьма парадоксальное следствие: хвалятся растущими скоростью и легкостью коммуникаций между самыми далекими странами благодаря изобретениям современной промышленности, но в то же самое время ставят всевозможные препятствия для свободы этих коммуникаций, так, что практически часто невозможно попасть из одной страны в другую, во всяком случае это стало гораздо труднее, чем было во времена, когда не существовало никаких механических транспортных средств. И в этом заключается еще один аспект «отверждения»: в таком мире больше нет места для кочующих народов, которые до этого времени еще существовали в различных условиях, так как они мало-

помалу перестали находить для себя какое-либо свободное пространство, к тому же всеми средствами их стараются привести к оседлой жизни⁷³, так что и в этом отношении момент, когда «колесо перестанет крутиться», не слишком далек; сверх того, в этой оседлой жизни города, которые в некотором роде представляют собою последнюю степень «фиксации», приобретают преобладающее значение и все больше и больше стремятся все поглотить⁷⁴; таким образом, к концу цикла Каин поистине закончит убивать Авеля.

Действительно, в библейском символизме Каин прежде всего представлен как земледелец, а Абель как пастух, и таким образом, они являются двумя типами народов, которые существовали от начала современного человечества или, по крайней мере, с тех пор, когда произошла первая дифференциация: оседлые посвятили себя возделыванию земли, кочевые — возвращению стад⁷⁵; можно утверждать, что в этом состоят основные и первоначальные занятия этих двух человеческих типов; основные и первоначальные знания были лишь случайными, производными или дополнительными, и говорить об охотнических народах или о народах рыбаков, например, как это делают этнологи, означает принимать случайное за существенное или же иметь дело исключительно с более или менее поздними случаями аномалии и вырождения, как это действительно можно встретить среди диких народов (в первую очередь, промышленные и торговые народы современного Запада являются не в меньшей степени аномальными, хотя другим образом)⁷⁶. Каждая из этих двух категорий, естественно, имела свой собственный традиционный закон, отличный от другого и приспособленный к его образу жизни и к роду его занятий; конкретно это различие проявлялось в священных ритуалах, откуда специальное упоминание о растительных жертвах Каина и животных жертвах Авеля в повествовании Бытия⁷⁷. Поскольку мы напомнили здесь специально о библейском символизме, то неплохо тут же отметить по этому поводу, что еврейская Тора относится, собственно, к типу закона кочевых народов: отсюда и тот способ, которым представлена история Каина и Авеля, которая с точки зрения оседлых народов выглядела бы в совершенно ином свете и имела бы иную интерпретацию; разумеется, соответствующие аспекты этих двух точек зрения заключены один в другом в своем глубинном смысле, но в общем, это лишь

приложение двойного смысла символов, приложение, о котором мы отчасти уже упоминали в связи с «отвержением», поскольку этот вопрос, как мы это, может быть, еще лучше увидим далее, тесно связан с символизмом убийства Авеля Каином. От особого характера еврейской традиции происходит также осуждение, с которым в ней относятся к некоторым искусствам и ремеслам, которые соответствуют, собственно говоря, оседлым народам, а именно всему тому, что относится к строительству постоянных жилищ; по крайней мере, так действительно было до того времени, когда Израиль перестал быть кочевым народом, по меньшей мере, многие века, то есть до времен Давида и Соломона; известно, что для строительства Храма в Иерусалиме еще надо было вызывать иноаранных рабочих⁷⁸.

Естественно, что земледельческие народы, именно в силу того, что они оседлые, рано или поздно приходят к созданию городов; и действительно, сказано, что первый город был основан самим Каином; это основание, однако, мы находим гораздо позже, чем было сделано упоминание о его земледельческих занятиях; это хорошо показывает, что здесь были как бы две последовательные фазы в «оседлости», по отношению к первой вторая представляла более подчеркнутую степень фиксации и пространственного «сжатия». Вообще, труды оседлых народов, можно сказать, это труды времени: фиксированные в пространстве, в строго ограниченной области, они развивают свою деятельность во временном континууме, который представляется им бесконечным. Напротив, кочевые и пастушеские народы не создают ничего длительного и не работают ради будущего, которое от них ускользает; но они имеют перед собой пространство, не выдвигающее перед ними никакого ограничения, но напротив, открывающее им постоянно новые возможности. Таким образом, обнаруживается соответствие космическим принципам, с которыми соотносится — в ином порядке — символизм Каина и Авеля: принцип сжатия, представленный временем; принцип расширения, представленный пространством⁷⁹. На самом деле, и тот и другой принципы проявляются сразу и во времени, и в пространстве, как и во всех вещах, что необходимо отметить, чтобы избежать слишком «упрощенческих» уподоблений или отождествлений; но не менее верно, что действие первого преобладает во временных условиях, а второго —

в пространственных. Однако время изнашивает, если можно так сказать, пространство, утверждаясь в своей роли «пожирателя»; а также в ходе веков оседлые народы мало-помалу поглощают кочевые: в этом, как мы уже указывали выше, социальный и исторический смысл убийства Авеля Канном.

Деятельность кочевников осуществляется специальным образом в животном мире, мобильном как и они; напротив, именно у оседлых в качестве непосредственного объекта принимаются фиксированные растительный и минеральный миры⁸⁰. С другой стороны, силою вещей оседлые приходят к созданию визуальных символов, образов, сделанных из различных субстанций, с точки зрения их сущностного значения всегда более или менее непосредственно сводимых к геометрическому схематизму, истоку и основанию любого пространственного образования. Кочевники, для которых образы, как и все, что стремится привязать их к определенному месту, запрещены, напротив, создают звучащие символы, единственно совместимые с их состоянием постоянной миграции⁸¹. Но что замечательно, среди чувственных способностей, зрение имеет отношение к пространству, а слух — ко времени: элементы визуального символа выражаются в одновременности, в этом порядке происходит нечто вроде переворачивания отношений, которые мы выше рассматривали, переворачивания, которое, однако, необходимо для установления определенного равновесия между двумя противоположными принципами, о которых мы говорили, и для поддержания соответствующих действий в границах, совместимых с нормальным человеческим существованием. Таким образом, оседлые создают пластические искусства (архитектуру, скульптуру, живопись), то есть искусство форм, которое разворачивается в пространстве; кочевники создают искусства фонетические (музыку, поэзию), то есть искусство форм, которое развертывается во времени, так как, еще раз повторим по этому поводу, всякое искусство по своему происхождению, в сущности, символично и ритуально, и лишь из-за позднейшего вырождения, на самом деле весьма недавнего, оно утратило этот священный характер, чтобы в конце концов стать чисто профанной «игрой», к которой оно сводится у наших современников⁸².

Вот, следовательно, в чем проявляется дополнительность условий существования: те, кто работает для времени, стабилизированы в пространстве; те, кто бродит в пространстве, без конца изменяются во времени. Вот откуда появляется антиномия «обратного смысла»: те, кто живет согласно времени, изменяющемуся и разрушительному началу, фиксируются и сохраняются; те, кто живет согласно пространству, началу фиксированному и постоянному, рассеиваются и. непрерывно меняются. И нужно, чтобы было так, для того чтобы существование и тех и других было возможным при равновесии, по крайней мере, относительно, которое устанавливается между пределами, представляющими две противоположные тенденции; если бы только одна из этих тенденций — сжатия и расширения — была задействована, то тотчас же настал бы конец либо через «кристаллизацию», либо через «улетучивание», если позволено использовать в этой связи символические выражения, которые должны вызывать в памяти алхимические «коагуляцию» и «растворение» и которые, к тому же, действительно соответствуют двум фазам в современном мире, значение которых мы еще будем уточнять впоследствии⁸³. Действительно, здесь мы оказываемся в области, где с особой четкостью утверждаются все последствия космических двойственностей, таких, как сущность и субстанция, Небо и Земля, Пуруша и Пракрита, которые порождают и правят всем проявлением.

Возвращаясь к библейскому символизму, мы видим, что животная жертва фатальна для Авеля⁸⁴, а растительные дары Каина не были приняты⁸⁵; тот, кого благословили, умер, тот, который живет, проклят. Равновесие, следовательно, и с той и с другой стороны нарушено; как иначе его восстановить, если не через обмен продукцией, которой каждый располагает? Таким образом, движение соединяет время и пространство, будучи в некотором роде результирующей от их сочетания, и примиряет в них обе противоположные тенденции, о которых только что шла речь⁸⁶; и само движение также есть лишь серия нарушений равновесия, но их сумма образует относительное равновесие, соответствующее закону проявления или «становления», то есть самому случайному существованию. Всякий обмен между существами, подчиненный временному и пространственному условиям, в общем есть движение или, скорее, ансамбль двух

встречных и взаимных движений, которые гармонизируют и компенсируют друг друга; здесь равновесие реализуется, следовательно, непосредственно самим фактом этой компенсации⁸⁷. Альтернативное движение обменов может относиться к трем областям: духовной (или чисто интеллектуальной), психической и телесной; в соответствии с «тремя мирами», обмен принципов, символов и даров и есть то тройное основание в истинной традиционной истории земного человечества, на котором покоится мистерия договоров, союзов и благословений, то есть это в нашем мире есть, по существу, распределение «духовных влияний» в действии; но мы не можем больше останавливаться на этих последних замечаниях, очевидно, относящихся к нормальному состоянию, от которого мы сегодня слишком далеки во всех отношениях и безусловным отрицанием которого, собственно говоря, и является современный мир как таковой⁸⁸.

Глава XXII

ЗНАЧЕНИЕ МЕТАЛЛУРГИИ

Мы сказали, что искусства и ремесла, которые предполагают осуществление деятельности в царстве минералов, свойственны, собственно говоря, оседлым народам, и что как таковые они были запрещены традиционным законом кочевых народов, наиболее общеизвестный пример которого представляет еврейский закон; действительно, очевидно, что эти искусства непосредственно ведут к «отвердению», которое в телесном мире предстает перед нами в наиболее резко очерченной степени в минерале. Притом этот минерал предстает в самой общей форме, как камень, служащий прежде всего для строительства постоянных зданий⁸⁹; в особенности город, как составляющий его ансамбль зданий, представляется в некотором роде искусственной агломерацией минералов; и, как мы уже сказали, жизнь в городах соответствует еще большей степени оседлости, чем земледельческая жизнь, так же, как минерал более фиксирован и более «прочен», чем растение. Но есть еще нечто другое; искусства, объектом которых является минерал, включает также и металлургию во всех ее формах; однако, если обратить внимание на то, что в наше время металл стремится все больше и больше заменить собою в строительстве камень, как некогда камень заменил дерево, то есть искушение думать, что это, должно быть, характерный симптом более «продвинутой» фазы нисходящего хода цикла; и вообще это подтверждается тем фактом, что металл играет все возрастающую роль в современной «индустриализованной» и «механизированной» цивилизации, и это так же верно с деструктивной, если можно так сказать, точки зрения, как и с конструктивной, так как потребление металла в ходе современных войн поистине невероятно

Это замечание к тому же согласуется и с той, особенностью, о которой рассказывается в еврейской традиции: в самом начале, когда использование камней было разрешено

в некоторых случаях, таких, как строительство алтаря, тем не менее уточнялось, что эти камни должны быть «цельными» и «не тронутыми железом»⁹⁰; согласно определениям этих строк, в меньшей степени настаивается здесь на факте запрета обрабатывать камень, чем применять металл; следовательно, запрет, касающийся металла, был более строгим, в особенности для всего того, что было специально предназначено для ритуального использования⁹¹. Следы этого запрета можно еще наблюдать, когда Израиль перестал быть кочевым и строил или заказывал строить постоянные здания: когда строился Храм в Иерусалиме, «на строение употребляемы были обтесанные камни; ни молота, ни тесла, ни всякого другого железного орудия не было слышно в храме при строении его»⁹². В этом, однако, нет ничего исключительного, и в этом смысле можно было бы найти множество соответствующих свидетельств: так, во многих странах существовало и еще даже существует нечто вроде частичного исключения из общины или, по крайней мере, «отстранения» по отношению к рабочим, имеющим дело с металлом, в особенности, кузнецам, ремесло которых к тому же часто ассоциировалось с практикой худшей и опасной магии, вырождающейся в большинстве случаев в конце концов в простое колдовство. Однако с другой стороны, металлургия в некоторых традиционных формах была, напротив, особенно почитаема и даже служила основанием для очень значительных тайных организаций; мы ограничимся упоминанием в этом отношении примера Мистерий Кабиров, не имея, впрочем, здесь возможности останавливаться на этом предмете, очень сложном и слишком далеко уводящем; сейчас следует отметить, что металлургия имеет одновременно и «священный» аспект и «внешний», и по сути, оба аспекта происходят от двойного символизма, присущего самим металлам.

Чтобы понять это, надо прежде всего вспомнить, что металлы, в виду их соответствия звездам, суть в некотором смысле «планеты низшего мира»; таким образом, естественно, они должны иметь, как и сами планеты, от которых они получают и, так сказать, конденсируют влияния в земной среде, и «благоприятный», и «неблагоприятный» аспекты⁹³. Более того, поскольку вообще речь идет об отражении в низшем плане, который очень ясно представляют металлургические шахты внутри земли, «неблагоприятная»

сторона легко должна была превратиться в преобладающую; не следует забывать, что с традиционной точки зрения металлы и металлургия находятся в прямом отношении с «подземным огнем», идея которого во многих отношениях ассоциируется с огнем «инфернального мира»⁹⁴. Разумеется, влияния металлов, если их принимать с «благоприятной» стороны, используя их поистине «ритуальным» способом в самом полном смысле этого слова, должны быть подтверждены «трансмутацией» и «сублимацией», и они могут даже тогда стать с большим успехом духовной «опорой» (из всего того, что есть на самом низшем уровне), соответствующей тому, что, по аналогии, существует на самом высшем уровне; весь символизм минералов в алхимии, так же, как и в древних инициациях Кабириов, в конечном счете основан на этом⁹⁵. Напротив, когда речь идет только о профанном использовании металлов, и учитывая, что сама профанная точка зрения имеет своим необходимым следствием разрыв всякой связи с высшими принципами, то уже больше нет почти никакой другой стороны, кроме «неблагоприятной» в соответствующих влияниях, которые действительно могут осуществляться и которые будут разворачиваться тем в большей степени, чем они будут оказываться изолированными от всего того, что могло бы их ограничить и уравновесить; именно это исключительно профанное использование, очевидно, и реализуется в современном мире во всей своей полноте⁹⁶.

До сих пор мы занимали точку зрения «отвердения» мира, которая, собственно, ведет к «царству количества», одним из аспектов которого является современное использование металлов; эта точка зрения самым явным образом обнаруживалась во всех вещах вплоть до того момента, до которого мир дошел в настоящее время. Но все может идти и дальше, и металлы, в виду тонкого влияния, связанного с ними, могут играть свою роль в последующей фазе, более непосредственно ведущей к окончательному распаду; конечно, эти тонкие влияния на протяжении хода всего периода, который можно назвать материалистическим, в некотором роде перешли в латентное состояние, как и все то, что находится вне чисто телесного порядка; но это не означает, что они перестали существовать или что они полностью перестали действовать, хотя и скрытым образом, «сатанинская» сторона которого, существующая в самой «ма-

шинности», в ее деструктивных применениях в особенности (но не только), вообще есть лишь проявление, хотя материалисты не способны ничего подобного и предположить. Следовательно, эти самые влияния могут лишь ожидать благоприятного случая, чтобы утвердить свое действие более открыто, и естественно, всегда в том же самом «неблагоприятном» смысле, потому что для влияний «благоприятного» порядка этот мир, так сказать, закрыт профанной установкой современного человечества; однако этот случай может представиться в очень недалеком времени, так как растущая во всех областях нестабильность хорошо показывает, что уровень, соответствующий наибольшему действительному преобладанию «твердости» и «материальности», уже превзойден.

Может быть, будет понятнее то, что мы сейчас сказали, если обратят внимание на то, что металлы, согласно традиционному символизму, находятся в отношении не только к «подземному огню», как мы уже указывали, но еще и к «тайным сокровищам»; впрочем, все это достаточно тесно соединено по причинам, о которых мы в данный момент никак не можем распространяться, но которые как раз могут помочь объяснению того способа, которым человеческие вмешательства способны провоцировать или, говоря более точно, «приводить в действие» некоторые естественные катаклизмы. Как бы то ни было, но все «легенды» (говоря современным языком), которые сообщают о «сокровищах», ясно показывают, что их «хранители», то есть именно связанные с ними тонкие влияния, суть психические «сущности», к которым очень опасно приближаться, не имея требуемых «квалификаций» и не принимая желательных предосторожностей; но на самом деле, какие же предосторожности могли бы принять современные люди в этом отношении, если они полностью в этих вещах невежественны? Совершенно очевидно, что они лишены всякой «квалификации», так же, как и всякого средства деятельности в этой области, которая ускользает от них вследствие установки принятой ими по отношению ко всем этим вещам; правда, они постоянно хвалятся, что «укротили силы природы», но, конечно, очень далеки от того, чтобы предположить, что за этими самыми силами, которые они рассматривают исключительно в телесном смысле, есть нечто иного порядка, внешней видимостью и проводником чего они

реально являются; и это однажды сможет восстать и в конце концов повернуться против тех, кто их недооценивает.

В связи с этим мы добавим попутно другое замечание, которое может показаться странным и любопытным, но к которому мы будем иметь случай вернуться впоследствии: «хранители тайных сокровищ», которые являются в то же самое время кузнецами, работающими в «подземном огне», в «легендах» изображаются одновременно, согласно обстоятельствам, то гигантами, то карликами. Нечто похожее было и у Кабилов, что указывает на то, что весь этот символизм еще доступен практике, относящейся к высшему порядку; но если мы остаемся на этой точке зрения, на которой, в виду самих условий нашей эпохи, мы должны в настоящее время оставаться, можно увидеть в этом лишь в некотором роде «инфернальный» лик, то есть, что в этих условиях, имеется лишь выражение влияний, принадлежащих к низшей и «теневого» стороне того, что можно назвать «космическим психизмом»; и как мы это еще лучше увидим в ходе нашего исследования, это действительно суть те влияния, которые в своих различных формах сегодня угрожают «прочности» мира.

Чтобы завершить это рассмотрение, мы отметим еще, как относящееся, очевидно, к «неблагоприятной» стороне влияния металлов, часто встречающееся запрещение носить при себе металлические объекты при выполнении некоторых ритуалов, будь то эзотерические ритуалы⁹⁷, или же собственно ритуалы посвящения⁹⁸. Несомненно, все предписания этого рода имели прежде всего символический характер, и как раз это и составляло их глубокую ценность; но следует учитывать, что истинный традиционный символизм (который не следует смешивать с подделками и ложными интерпретациями, к которым современные люди иногда противозаконно прилагают то же имя)⁹⁹ имеет всегда действительное значение и что его ритуальные приложения, в частности, оказывают совершенно реальное воздействие, хотя узко ограниченные способности современного человека вообще не могут его воспринимать. Речь здесь вовсе не идет о смутных, «идеальных» вещах; но как раз наоборот, о вещах, реальность которых проявляется иногда самым «осозаемым» образом; если бы это было иначе, то как можно было бы объяснить тот факт, например, что есть люди, которые в определенных духовных состояниях

не могут переносить ни малейшего контакта, даже опосредованного, с металлами, даже тогда, когда этот контакт осуществляется без их ведома и в условиях, в которых они не могли бы это заметить своими телесными чувствами, что совершенно исключает психическое и «упрощенческое» объяснение через «самовнушение»?¹⁰⁰ Если мы добавим, что этот контакт может в подобном случае привести внешним образом к тому, что вызывает физиологические эффекты настоящего ожога, то современным людям следовало бы дать себе труд поразмышлять об этих фактах, если они еще на это способны; но профанная и материалистическая установка и предубеждение, которое из этого следует, погружают их в неизлечимое ослепление.

Diana XXIII

**ВРЕМЯ, ПРЕВРАЩАЮЩЕЕСЯ
В ПРОСТРАНСТВО**

Как мы говорили раньше, время в некотором смысле истощает пространство через воздействие силы сжатия, которую оно представляет и которая стремится все больше и больше сократить пространственное расширение, которому она противостоит; но в этом действии против антагонистического принципа само время разворачивается со все возрастающей скоростью, так как, отнюдь не являясь однородным, как это полагают те, кто рассматривает его только с количественной точки зрения, оно, напротив, является «качественным» в каждый момент различным образом из-за циклических условий проявления, которому принадлежит. Это ускорение стало явным в нашу эпоху, как никогда раньше, потому что оно осуществляется в последние периоды цикла, но в действительности оно существует постоянно от начала до конца цикла; можно было бы сказать, что время сжимает не только пространство, но оно прогрессивно сжимает также самого себя; это сжатие выражается в убывающей пропорции четырех Юг со всем тем, что она включает в себе, в том числе соответственное уменьшение длительности человеческой жизни. Иногда говорят, несомненно не понимая истинной причины, что современные люди живут с большей скоростью, чем раньше, и это буквально верно; характерная спешка, которую привносят современные люди во все, есть, однако, лишь следствие от того впечатления, которое они смутно испытывают.

В своей крайней степени сжатие времени дошло бы до окончательного сведения его к единственному мгновению, и тогда длительность поистине перестала бы существовать, так как очевидно, что в мгновении больше не может быть никакой последовательности. Таким образом, «время-пожиратель закончило бы тем, что поглотило бы самого себя», так что к «концу мира», то есть к самому пределу циклического проявления, «времени больше не было бы»; вот поче-

му также говорят, что «смерть умрет последней», так как там, где больше нет никакой последовательности, более невозможна и смерть¹⁰¹. Как только последовательность установлена или, в символических терминах, «колесо перестало вращаться», так все, что существует, может существовать лишь в абсолютной одновременности; последовательность некоторым образом оказывается превращенной в одновременность, что можно также выразить, сказав, что «время превратилось в пространство»¹⁰². Таким образом, «переворачивание» осуществляется в конечном счете против времени и в пользу пространства: в тот самый момент, когда время окончательно поглотило пространство, оказывается все наоборот, пространство вбирает в себя время; и в этом состоит, можно сказать, ссылаясь на космологический смысл библейского символизма, окончательный реванш Авеля над Каином.

Нечто вроде «предвосхищения» этого поглощения времени пространством, конечно же, совершенно не осознанное его авторами, встречается в недавних физико-математических теориях, которые трактуют «пространственно-временной» комплекс как составляющий единый и неделимый ансамбль; впрочем, часто этим теориям дают неточную интерпретацию, говоря, что они рассматривают время как «четвертое измерение» пространства. Правильнее было бы сказать, что рассматривают время как уподобляемое «четвертому измерению» в том смысле, что в уравнениях движения оно играет роль четвертой координаты, добавляемой к трем координатам, представляющим три измерения пространства; впрочем, неплохо было бы отметить, что это соответствует геометрическому представлению времени в форме прямой линии, недостаточность которого мы отмечали выше, но иначе и быть не может по причине чисто количественного характера теорий, о которых идет речь. Но то, что мы только что сказали, очищая до некоторой степени «вульгаризованную» интерпретацию, остается все еще неточным: в реальности, то, что играет роль четвертой координаты, есть не время, а то, что профанные математики называют «воображаемым временем»¹⁰³; и это выражение, которое само является особенностью языка, производного от использования совершенно «конвенциональной» нотации, принимает здесь достаточно неожиданное значение. Действительно, сказать, что время должно стать «воображаемым», чтобы его можно

было бы уподобить «четвертому измерению» пространства — это, по существу, не что иное, как сказать, что нужно, чтобы оно перестало как таковое существовать реально, то есть что превращение времени в пространство, собственно говоря, реализуемо лишь в «конце мира»¹⁰⁴.

Из этого можно было бы сделать вывод, что совершенно бесполезно искать то, что может быть «четвертым измерением» пространства в условиях современного мира, что, по крайней мере, положило бы конец всем разглагольствованиям «неоспиритуалистов», о которых мы выше сказали уже несколько слов; не следует ли также из этого заключать, что поглощение времени пространством должно действительно пониматься как присоединение к нему дополнительного измерения, или же это только лишь «способ выражения»? По этому поводу можно сказать лишь то, что раз тенденция пространства к расширению больше не ограничивается и не подавляется тенденцией времени к сжатию, то пространство, естественно, должно тем или иным образом подвергнуться расширению, поднимающему в некотором роде свою бесконечность до высшей мощности¹⁰⁵; но само собою разумеется, что речь идет о чем-то таком, что не могло бы быть представлено каким-либо образом, занимаемым из телесной сферы. Действительно, если время есть одно из определяющих условий телесного существования, то очевидно, что как только оно устраняется, мы оказываемся вне этого мира; в том, что мы называли в другом месте внетелесным «продолжением» того же самого индивидуального существования, простую модальность которого представляет телесный мир; впрочем, это показывает, что конец телесного мира никоим образом не есть конец этого состояния, взятого в его интегральности. Следует пойти и дальше: конец цикла, такого, каким является современное человечество, поистине есть конец «самого телесного мира лишь в некотором относительном смысле и только по отношению к возможностям, которые, будучи заключены в этом цикле, заканчивают тогда свое развитие в телесной модальности; но в реальности, телесный мир не уничтожается, а «преобразуется» и тотчас же получает новое существование, поскольку по ту сторону «остановки», соответствующей этому единственному мгновению, где времени больше нет, «колесо вновь начинает вертеться», чтобы пройти другой цикл.

Можно извлечь еще одно важное следствие из этого суждения, а именно, что конец цикла является «вневременным», так же, как и его начало, что, впрочем, подтверждается строгим соответствием по аналогии, которое существует между этими двумя крайними пределами; таким образом, этот конец, действительно, для человечества данного цикла является восстановлением «первоначального» состояния, на что собственно, с другой стороны, указывает символическое отношение «Небесного Иерусалима» и «Земного Рая». Это также и возвращение к «центру мира», который внешне проявляется на двух пределах цикла в соответствующей форме «Земного Рая» и «Небесного Иерусалима» с «осевым» деревом, одинаковым образом возвышающимся как посреди одного, так и посреди другого; во всем остальном интервале, то есть в ходе самого цикла, этот центр, напротив, скрыт, и чем дальше, тем больше, потому что человечество шествовало, постепенно от него удаляясь, в чем и заключается, по существу, истинный смысл «падения». Это удаление, впрочем, представляет собою лишь иной способ изображения нисходящего хода цикла, так как противоположность такого, как наше, состояния, будучи точкой прямого соединения с высшими состояниями, есть в то же время сущностный полюс существования в этом состоянии; идти от сущности к субстанции это — следовательно, идти от центра к окружности, изнутри — вовне, а также, как показывает с ясностью геометрическое представление, от единства — ко множеству¹⁰⁶.

«Pardes» — «центр мира», согласно первому смыслу его санскритского эквивалента «paradesha», «высшая сфера»; но это также, согласно второму значению того же слова, «удаленное место», с того времени, как по ходу циклического процесса он действительно стал недоступен для обыкновенного человечества. И действительно, по крайней мере по видимости, он удален в наибольшей степени, будучи расположен в «конце мира» в двойном смысле, пространственном (вершина горы «Земного Рая», касающаяся лунной сферы) и временном («Небесный Иерусалим», спускающийся на землю в конце цикла); тем не менее на самом деле он всегда есть самое близкое, поскольку никогда не перестает быть в центре всех вещей¹⁰⁷, и это означает обратное отношение «внешней» точки зрения и «внутренней». Однако, чтобы эта близость могла быть действительно реализована, необходи-

мо, чтобы временные условия были упразднены, поскольку именно само развертывание времени, согласно законам проявления, вызывает видимое удаление, и к тому же время, ввиду самого определения последовательностью, не может идти против своего течения; освобождение от этого условия всегда возможно для некоторых существ в частности, но что касается человечества (или, точнее, данного человечества), взятого в целом, то освобождение, очевидно, предполагает, что это человечество полностью прошло цикл своего телесного проявления, и только тогда оно может быть поистине реинтегрировано, вместе со всем ансамблем земной среды, которая от него зависит и участвует в том же самом циклическом ходе, в «первоначальном состоянии» или, что то же самое, в «центре мира». Именно в этом центре «время превращается в пространство», потому что именно здесь есть прямое отражение, в нашем состоянии существования, изначальной вечности, что исключает всякую последовательность; его не может также достичь и смерть, и это также, следовательно, «местопребывание бессмертия»¹⁰⁸; все вещи там появляются, в совершенной одновременности в неподвижном настоящем через посредство силы «третьего глаза», с помощью которого человеку открыт «смысл вечности»¹⁰⁹.

Глава XXIV

К РАЗЛОЖЕНИЮ

После рассмотрения конца цикла нам, в определенном смысле, надо вернуться назад, чтобы полнее исследовать то, что может действительно способствовать, в условиях современной эпохи, продвижению человечества и мира к этому концу, и в этом отношении мы должны различать две тенденции, которые выражаются в понятиях, по-видимому, антиномичных: с одной стороны, тенденция к тому, что мы называли «отверждением» мира, о чем мы только что говорили специально, и с другой — тенденция к его разложению, действие которого нам еще осталось уточнить, так как не надо забывать, что всякий конец с необходимостью, в конечном счете, представляет собою разложение проявленного как такового. К тому же можно заметить, что с настоящего времени вторая из этих тенденций становится преобладающей; и действительно, прежде всего материализм в собственном смысле слова, который соответствует, очевидно, «отверждению» в его самой грубой форме (можно было бы даже сказать «окаменению», по аналогии с тем, что в этом отношении представляет собой минерал), во многом уже потерял свои позиции, по крайней мере, в области научных и философских теорий, если еще и не в сфере всеобщего настроения; и это настолько верно, что, как мы уже выше отмечали, само понятие «материи» начало испаряться и растворяться. С другой стороны, в соответствии с этим изменением, иллюзия безопасности, которая царилла во времена, когда материализм достиг максимума своего влияния, и которая была в некотором роде неотделима от идеи, которую составили об «обычной жизни», в своей большей части рассеялась из-за самих событий и растущей скорости, с которой они развертывались, настолько, что сегодня, напротив, преобладающим впечатлением является нестабильность, простирающаяся на все области; а поскольку «прочность» с необходимостью предполагает стабильность, то это еще

раз показывает, что точка наибольшей действительной «прочности» в соответствии с условиями нашего мира, была не только достигнута, но и уже превзойдена, и что, следовательно, отныне мир движется, собственно говоря, к разложению.

Само ускорение времени, без конца возрастая и делая изменения все более стремительными, кажется, само идет к этому распаду, и в этом отношении, нельзя сказать, что было изменено общее направление событий, так как движение цикла все еще продолжает следовать тому же нисходящему направлению. Впрочем, физические теории, о которых мы только что говорили, меняясь все скорее и скорее, как и все остальное, приобретают характер все более и более исключительно количественный, доходя до того, что полностью облакаются видимостью чисто математических теорий, что, однако, удаляет их, как мы уже отмечали, все больше и больше от чувственной реальности, которую они якобы выражают, вовлекая их в область, которая может предполагаться лишь под этой реальностью в соответствии с тем, что мы говорили о чистом количестве. Впрочем, «твердое», даже в своем мыслимом максимуме плотности и непроницаемости вовсе не соответствует чистому количеству, по крайней мере, минимум качественных элементов оно имеет всегда; к тому же, по определению, оно есть нечто телесное и даже в некотором смысле, самое телесное из всего; однако «телесность» предполагается присущей пространству необходимостью, сколь бы ни было оно «сжато», вплоть до «твердого» состояния; пространство же, напомним еще раз, никак не может отождествляться с чистым количеством. Если даже, на мгновение принимая точку зрения современной науки, свести, с одной стороны, «телесность» к протяженности, как это делал Декарт, и с другой стороны, рассматривать само пространство лишь как простой модус качества, то все еще оставалось бы то, что всегда находится в области непрерывного количества; если от него перейти к области прерывного количества, то есть к числу, которое только одно может рассматриваться как представитель чистого количества, то очевидно, что по причине самой этой прерывности больше уже нельзя иметь никакого отношения к «твердому» или чему-либо телесному.

Следовательно, в постепенной редукции всех вещей к количественному есть точка, начиная с которой эта редук-

ция больше не ведет к «отвердению», и точка эта, в целом, есть та, в которой желают свести само непрерывное количество к прерывному количеству; тогда тела как таковые больше не могут существовать, они растворятся в чем-то вроде бесплотной «атомной» пыли; следовательно, в этом отношении можно было бы говорить о настоящем «распылении» мира, что, очевидно, является одной из возможных форм циклического разложения¹¹⁰. Тем не менее, если это разложение можно таким образом представить и некоторой точки зрения, то оно проявляется и с другой точки зрения, согласно уже использованному нами ранее выражению, как «улетучивание»: «распыление», каким бы полным оно ни предполагалось, всегда оставляет «осадки», пусть даже неощутимые; с другой стороны, конец цикла, чтобы полностью осуществиться, предполагает, что все то, что заключено в этом цикле, полностью исчезнет как проявление; но оба эти различные способы понимания вещей представляют собою лишь некоторую часть истины. Действительно, тогда как позитивные результаты циклического проявления «кристаллизуются», чтобы затем быть «преобразованными» в семена возможностей будущего цикла, то, что образует завершение «отвердения» в его «благоприятном» аспекте (существенным образом предзаключающем в себе «сублимацию», которая совпадает с окончательным «переворачиванием»), то, что не может быть таким образом использовано, то есть вообще все то, что составляет негативные результаты того же самого проявления, «осаждается» в форме *caput mortuum* (мертвой головы) в алхимическом смысле этого термина в самых низших «продлениях» нашего состояния существования или же в той части тонкой сферы, которую поистине можно было бы квалифицировать как «инфрателесную»¹¹¹; но в обоих случаях равно переходят во внетелесную модальность, высшую для одних, и низшую для других, так, что в конечном счете можно сказать, что само телесное проявление в том, что относится к данному циклу, реально испаряется или полностью «улетучивается». Очевидно, что во всем этом и до самого конца всегда надо рассматривать оба термина, соответствующих тому, что герметизм обозначает как «коагуляцию» и «растворение»; и в этом же заключаются одновременно обе стороны: с «благотворной» стороны имеется «кристаллизация» и «сублимация»; с «пагуб-

ной» стороны имеется «выпадение в осадок» и окончательное возвращение к неразличимости «хаоса»¹¹².

Теперь мы должны поставить следующий вопрос: для того, чтобы прийти к разложению, достаточно ли в некотором роде предоставить самому себе то движение, которым все больше и больше утверждается и усиливается «царство количества», чтобы оно просто-напросто дошло до своего предела? Правда, эта возможность, о которой мы говорили в другом месте, рассматривая современные концепции физиков и содержащееся в них значение (бессознательным образом, так как очевидно, что современные «ученые» никоим образом не подозревают, что они делают), отвечает прежде всего теоретическому взгляду на вещи, взгляду «одностороннему», который лишь очень частным образом представляет то, что реально должно быть; фактически, чтобы развязать «узлы», происходящие из «затвердения», имевшего место до настоящего времени (мы намеренно здесь используем слово «узлы», которое напоминает о действии определенного рода «коагуляции», сразу же обнаруживающей магический порядок), необходимо вмешательство, осуществляемое более непосредственно, чего-то такого, что к этой области уже не принадлежит, области, в общем, узко ограниченной, к которой собственно и относится «царство количества». Легко понять, как мы уже имели случай об этом говорить, что речь идет о воздействии определенных влияний тонкого порядка, воздействии, которое уже давно начало осуществляться в современном мире, хотя вначале мало заметным образом и, которое всегда существовало вместе с материализмом, начиная с того самого момента, когда он конституировался в четко определенной форме, как это мы уже видели на примере магнетизма и спиритизма, говоря о заимствованиях, которые они черпали в научной «мифологии» той эпохи, в которой они родились. И как мы говорили ранее, если правда, что засилье материализма уменьшается, то вовсе не следует себя с этим поздравлять, так как циклический «спуск» еще не завершен; «щели», о которых мы тогда упоминали и к природе которых мы вскоре вернемся, могут образовываться только снизу; иначе говоря, то, что через них «интерферирует» в чувственный мир, не может быть ничем другим, как только низшим «космическим психизмом» со всем тем, что в нем есть наиболее деструктивного и «распадающегося», и к тому же, очевидно, что только влияния такого рода на

самом деле способны воздействовать перед лицом разложения; отсюда нетрудно понять, что все то, что способствует и расширяет эти «интерференции», какую бы внешнюю видимость они ни принимали, что часто бывает очень обманчиво, соответствует, сознательно или бессознательно, лишь новой фазе отклонения, менее «продвинутой» стадию которого, на самом деле, представляет собою материализм.

В этой связи мы должны отметить, что плохо осведомленные «традиционалисты»¹¹³ опрометчиво радуются, когда видят современную науку в ее различных отраслях несколько выходящей за узкие границы, в которых до этого времени заключались ее концепции, и принимающей менее грубую материалистическую установку, которая у нее была в предыдущем веке; они даже охотно воображают себе, что каким-либо образом профанная наука закончит тем, что соединится с традиционной наукой (которую они почти не знают и о которой у них имеется совершенно неверное представление, всецело основанное на некоторых деформациях и современных подделках), что является абсолютно невозможной вещью по тем причинам, о которых мы часто и настоятельно говорили. Эти же самые «традиционалисты» так же радуются, и даже больше, наблюдая некоторые проявления тонких влияний, происходящих все более и более открыто, вовсе и не думая спросить себя, каково же может быть на самом деле «качество» этих влияний (они, может быть, и не подозревают, что такой вопрос следует поставить); они возлагают большие надежды на то, что сегодня называется «метафизикой», на исцеление тех зол современного мира, которые они, в основном, предпочитают вменять одному только материализму, что представляет собою еще одну довольно досадную иллюзию. Они не замечают (и в этом они гораздо более заражены современным духом, чем сами предполагают, со всеми теми недостатками, которые ему присущи), что во всем этом, в действительности, состоит новый этап развития, следующий с совершенной логикой, но логикой поистине «дьявольской», по «плану», согласно которому совершается прогрессирующее отклонение современного мира; разумеется, материализм сыграл свою роль, и роль, несомненно, очень важную, но теперь простое отрицание, которое он собою представляет, стало недостаточным; оно хорошо сослужило свою службу, чтобы закрыть человеку доступ к возможностям высшего порядка, но оно еще не развязало низшие силы, а лишь только они

одни могут довести до последней точки дело разложения и беспорядка.

Материалистическая установка, в виду самой своей ограниченности, представляет собою опасность также в равной степени ограниченную; ее «неповоротливость», если так можно сказать, предоставляет ее сторонникам защиту от всех тонких влияний без различия и дает им в этом отношении нечто вроде иммунитета, легко сравнимого с тем, что есть у моллюска, пребывающего в своей строго замкнутой раковине, иммунитета, от которого у материалистов исходит то самое впечатление безопасности, о котором мы говорили; но если в этой раковине, которая в данном случае представляет собою ансамбль конвенционально принятых научных концепций и соответствующих умственных установок с тем «отверждением», которое из этого следует в «психофизиологической» конституции индивида¹¹⁴, сделать снизу отверстие, как мы об этом только что сказали, то тотчас же сюда проникнут деструктивные тонкие влияния, и с тем большей легкостью, что вследствие негативной работы, произведенной в предшествующей фазе, ни один элемент высшего порядка не сможет проникнуть сюда, чтобы противостоять их действию. Можно было бы еще сказать, что период материализма составляет лишь нечто вроде приготовления, в особенности теоретического, тогда как период низшего «психизма» включает «псевдореализацию», направленную, собственно говоря, в противоположную духовной истинной реализации сторону; далее мы подробнее будем объяснять это. Смехотворная безопасность «обычной жизни», бывшая нераздельным спутником материализма, теперь, конечно, находится в значительной степени под угрозой, и мы, без сомнения, все яснее и яснее и почти повсеместно видим, что это была лишь иллюзия; но в чем же здесь реальное преимущество, если это означает лишь еще худшую иллюзию, чем первая, и еще более опасную со всех точек зрения, потому что она несет в себе гораздо более глубокие и далекие последствия, иллюзию «духовности наизнанку», по отношению к которой различные «неоспиритуалистические» движения, увидевшие свет и развитые в наше время, включая даже те, которые уже представляют собою четко «извращенный» характер, суть еще только слабые и посредственные предтечи?

ЩЕЛИ «ВЕЛИКОЙ СТЕНЫ»

Как бы далеко ни зашло «отверждение» чувственного мира, оно никогда не может реально быть «закрытой системой», как это полагают материалисты; сама природа вещей поставила ему границы, и чем больше оно приближается к этим границам, тем нестабильнее состояние, представляемое им; фактически, как мы уже видели, соответствующая этому максимуму точка уже превзойдена, и видимость «закрытой системы» теперь может становиться лишь все более и более иллюзорной и неадекватной реальности. Мы также говорили о «щелях», через которые уже проходят и еще будут проходить деструктивные силы; согласно традиционному символизму, эти «щели» возникли в «Великой Стене», окружающей этот мир и предохраняющей его против пагубных влияний низшей тонкой сферы¹¹⁵. Чтобы лучше понять этот символизм во всех его аспектах, важно отметить, что стена одновременно представляет собою защиту и ограничение; в определенном смысле, она, можно сказать, обладает и преимуществами и неудобствами; но поскольку она, по существу, предназначена обеспечивать защиту против нападений, идущих снизу, то ее преимущества значительно преобладают, так что в результате лучше оказывается находиться внутри этого ограждения, ограниченным с этой низшей стороны, чем постоянно подвергаться нашествиям врага, если даже и не полному разрушению. К тому же, на деле стена не закрыта сверху и, следовательно, не мешает общению с высшими сферами, что соответствует нормальному состоянию вещей; в современную эпоху это общение перекрыто «скорлупой» без окон, сконструированной материализмом. Однако, как мы уже сказали, пока «спуск» еще не был закончен, эта «скорлупа» еще могла существовать незатронутой сверху, то есть с той стороны, с которой как раз мир не имеет нужды защищаться и, напротив, может лишь получать «благодарные» влияния;

«щели» возникли только внизу, следовательно, в самой защищающей стене, и низшие силы, через них проникающие, встречали там меньше сопротивления при условии, что никакая власть высшего порядка не могла сюда проникнуть, чтобы эффективно им противостоять; следовательно, мир оказался безо всякой защиты, предоставленный атакам своих врагов, и тем в большей степени, что он полностью игнорирует угрожающие ему опасности из-за самой современной ментальности.

Согласно исламской традиции, через эти «щели» при приближении конца цикла будут проникать все опустошающие орды Гога и Магога¹¹⁶, которые, впрочем, делают постоянные усилия, чтобы заполнить наш мир; эти «сущности», представляющие собою низшие влияния, о которых идет речь и которые сегодня считаются ведущими «подземное» существование, описываются одновременно и как гиганты и как карлики, что, согласно тому, что мы видели выше, позволяет отождествить их с «хранителями тайных сокровищ» и с кузнецами «подземного огня», у которых тоже есть, напомним, крайне пагубный аспект; по существу, речь здесь идет всегда о том же самом порядке «инфрателесных» тонких влияний¹¹⁷. По правде говоря, попытки этих «сущностей» основаться в этом телесном и человеческом мире не являются новостью, они восходят, по крайней мере, к началу Кали-юги, то есть гораздо раньше античных «классических» времен, которыми ограничивается горизонт профанных историков. Китайская традиция по этому поводу сообщает, что «Нюйва [сестра и супруга Фуси, которая, как говорят, правила вместе с ним] обрушила камни пяти цветов¹¹⁸, чтобы закрыть дыру, которую гигант сделал в небе [явно на месте земного горизонта, хотя это здесь и не поясняется]¹¹⁹; это относится к эпохе, отстоящей от начала Кали-юги всего на несколько веков.

Однако, если в целом Кали-юга, собственно, есть период помрачения, что и делает возможными подобные «щели», все же это помрачение еще далеко от того, каким оно будет в его последних фазах, и потому эти «щели» еще могут быть исправлены относительно легко; но из-за этого не следует ослаблять постоянную бдительность, что, естественно, входило в компетенцию духовных центров различных традиций. Затем идет эпоха, в которой этих «щелей», вследствие крайнего «отвердения» мира, опасались гораздо мень-

те, по крайней мере, временно; эта эпоха была в начале Нового времени, то есть эпоха, которая именно и определяется как механистический и материалистический период, где «закрытая система», о которой мы говорили, была близка к реализации, по крайней мере, насколько это было возможно. Теперь же, то есть в уже начавшийся период, который мы можем обозначить как вторую часть Нового времени, условия по отношению к предшествующим эпохам сильно изменились: не только могут образовываться заново все более и более обширные «щели», гораздо более тяжелого характера, чем когда бы то ни было, из-за того нисходящего пути, который был пройден в интервале, но и возможности восстановления теперь уже не такие, как прежде; действительно, воздействие духовных центров сокращается все больше и больше, потому что высшие влияния, которые они передают нашему миру в нормальном состоянии, не могут больше проявляться вовне, останавливаемые той непроницаемой «скорлупой», о которой мы только что говорили; где же, таким образом, можно найти сколько-нибудь эффективную защиту против «орд Гога и Магога» при подобном состоянии этого ансамбля, одновременно человеческого и космического?

Это еще не все: то сказанное нами представляет, в определенном смысле, лишь негативную сторону растущих трудностей, с которыми сталкивается противодействие вторжению этих пагубных влияний; к этому можно еще присоединить ту инерцию, которая следует из общего невежества в этих вопросах и из «пережитков» материалистического умонастроения и соответствующей установки, которая продолжает существовать столь долго, что стала, так сказать, инстинктивной у современных людей и как бы вросшей в саму их природу. Разумеется, большое число «спиритуалистов» и даже «традиционалистов» или тех, кто так себя называет, в этом отношении такие же материалисты, как и другие, и это делает ситуацию еще более непоправимой, так как те, кто самым искренним образом намеревается сражаться против современного духа, сами почти все против их воли им заражены, так что все их усилия обречены оставаться безрезультатными по существу; и это как раз тот случай, когда одной доброй воли далеко не достаточно, а нужно также, и даже прежде всего, действительное знание; но именно влияние современного духа и его огра-

ничений делает это знание совершенно невозможным даже для тех, кто в иных, более нормальных условиях, мог бы иметь в этом отношении определенные интеллектуальные способности.

Но помимо всех этих негативных элементов, трудности, о которых мы говорили, имеют также и положительную, так сказать, сторону, представляющую все то в нашем мире, что активно способствует проникновению тонких низших энергий, будь это сознательно или не сознательно. Было бы уместно здесь рассмотреть эту, в некотором роде, «определяющую» роль самих действующих сил современного отклонения в целом, поскольку это проникновение составляет, собственно, новую, более «продвинутую» фазу этого отклонения и в точности отвечает самому следованию «плана», согласно которому оно осуществляется; очевидно, таким образом, что именно в этом надо искать сознательных пособников этим пагубным силам, хотя это осознание может быть и различной степени. Что касается других пособников, то есть всех тех, кто действует с добрыми намерениями и, игнорируя истинную природу этих сил (именно благодаря влиянию современного духа, на которое мы только что указывали), играют в целом роль одураченных, что им не мешает часто быть тем более активными, чем они более искренни в своем ослеплении; они уже почти неисчислимы и могут быть разделены на множество категорий, начиная от наивных сторонников «неоспиритических» организаций всякого рода и до философов-«интуитивистов», включая ученых-«метафизиков» и психологов новейших школ. Мы больше не будем останавливаться на этом, так как это означало бы предвосхищать то, что мы будем говорить далее; но прежде нам надо привести еще несколько примеров того способа, которым действительно образуются эти «щели», а также и «опоры», которые тонкие и психические влияния (так как тонкая сфера и психическая для нас, по существу, синонимы) могут обрести в самой космической среде, чтобы осуществить свое воздействие и распространиться в человеческом мире.

Глава XXVI

ШАМАНИЗМ И КОЛДОВСТВО

Современная эпоха тем самым, что она соответствует последним фазам циклического проявления, должна исчерпать самые низшие возможности; вот почему она использует все то, чем пренебрегали предшествующие эпохи: экспериментальные и количественные науки современных людей и, в особенности, их промышленное приложение несут, по своей сути, именно такой характер; отсюда следует, что современные профанные науки, как мы говорили, часто образуют, и это верно как исторически, так и в отношении их содержания, настоящий «осадок» некоторых древних традиционных наук¹²⁰. Другим фактом, согласующимся с этим, какое бы малое значение ему ни придавали, является то неистовство, с которым наши современники начали эксгумировать остатки прошлых эпох и исчезнувших цивилизаций, в которых на самом деле они ничего не способны понять; и это довольно неутешительный симптом по причине природы связанных с этими остатками тонких влияний, которые, без малейшего подозрения на то исследователей, были таким образом ими возвращены к жизни и выпущены, так сказать, на свободу самой этой эксгумацией. Чтобы это можно было лучше понять, мы обязаны прежде всего сказать несколько слов о некоторых вещах, которые как таковые совершенно вне современного мира, но которые от этого не перестали быть пригодными для использования в особым образом «разлагающей» этот мир деятельности; то, что мы, следовательно, будем говорить, будет отклонением от темы лишь по видимости, к тому же это будет повод прояснить некоторые малоизвестные вещи.

Прежде всего, здесь нам надо рассеять еще одно заблуждение и одну ошибку интерпретации, присущую современному образу мысли: идея, что существуют чисто «материальные» вещи, и присущая ей концепция является ничем другим, если ее освободить от всех вторичных усложнений,

добавленных специальными теориями физиков, как идей, что существуют только телесные существа и вещи, конституция и существование которых не предполагает никакого другого элемента иного порядка, чем этот. Эта идея вообще связана непосредственным образом с профанной точкой зрения, как она утверждается в некотором роде в самой полной форме современными науками. Так как для них характерно отсутствие всякой связи с принципами высшего порядка, то вещи, которые они принимают в качестве объекта своего изучения, должны быть поняты как тоже лишённые такой связи (в чем еще раз обнаруживается «остаточный» характер этих наук); таково, можно сказать, условие адекватности науки своему предмету, поскольку если она допустит, что он иной, то тем самым должна будет признать, что природа этого предмета полностью от нее ускользает. Впрочем, возможно, не следует искать причину, по которой «сайентисты» так неистово стремятся дискредитировать всякую иную, чем эта, концепцию, представляя ее как «предрассудок», присущий воображению «примитивных», которые для них не могут быть ничем иным, кроме как дикарями или людьми с детским умом, как того желают «эволюционистские» теории; тому, что было с их стороны обычным непониманием или добровольным предвзятым мнением, им удалось фактически придать достаточно карикатурный облик для того, чтобы такая оценка казалась целиком оправданной в глазах тех, кто им верит на слово, то есть громадного большинства наших современников. В особенности, так дело обстоит с теориями этнологов относительно того, что они условились называть «анимизмом»; впрочем, такой термин, строго говоря, мог иметь приемлемый смысл, но, разумеется, при условии совершенно иного его понимания, чем у них, и принятия в нем именно того, что он значит этимологически.

Действительно, телесный мир, на самом деле не может рассматриваться ни как нечто самодостаточное само по себе, ни как нечто изолированное в ансамбле универсального проявления; напротив, какова бы ни была видимость, присутствующая в настоящее время «отвердению» мира, он целиком происходит из тонкого порядка, в котором находится, можно сказать, его непосредственный принцип и через, посредство которого он связан все более и более с неоформленным проявлением, а затем и с непроявленным; если бы было

иначе, то его существование было бы всего лишь простой иллюзией, чем-то вроде фантазмагии, позади которой ничего нет, это все равно, что сказать, что он никоим образом вообще не существует. При этих условиях в телесном мире не было бы ничего такого, чье существование покоилось бы на элементах тонкого порядка, за которыми стоит принцип, называемый «духовным», без которого невозможно вообще никакое проявление, какой бы степени оно ни было. Если мы попытаемся рассмотреть тонкие элементы, которые должны быть представлены во всех вещах, но которые только более или менее в них скрыты в соответствии с конкретным случаем, то мы можем сказать, что они соответствуют тому, что составляет собственно «психический» порядок человеческого бытия; можно, следовательно, с помощью более широкого, но совершенно естественного, толкования, не предполагающего никакого «антропоморфизма», но только лишь совершенно законную аналогию, называть их также «психическими» в любом случае (почему мы ранее уже и говорили о «космическом психизме») или же «анимистическими», так как оба эти слова, если взять их первоначальный смысл, согласно их соответствующему греческому и римскому происхождению, суть, на самом деле, точные синонимы. Из этого следует, что реально «неодушевленного» объекта существовать не может, и поэтому «жизнь» есть одно из условий, которым подчинено всякое телесное существование без исключения; и именно поэтому также никто и никогда удовлетворительным образом не мог получить различия «живого» и «неживого», это вопрос, как и многие другие в современной философии и науке, неразрешим лишь потому, что он никоим образом не мог быть правильно поставлен, потому что «неживого» вовсе нет в рассматриваемой нами области, и все сводится в этом отношении вообще к простым различиям в степени.

Таким образом, можно, если угодно, назвать «анимизмом» такой способ рассмотрения вещей, понимая под этим не что иное, как присутствие в них «анимистических» элементов; ясно, что «анимизм» прямо противоположен механизму, как сама реальность противостоит простой внешней видимости; таким образом, очевидно, что эта концепция «примитивна» просто потому, что она истинна, что прямо противоположно тому смыслу, который хотят вложить сюда «эволюционисты». В то же время и по той же самой причи-

не эта концепция с необходимостью является общей для всех традиционных учений; мы могли бы сказать, что она «нормальна», тогда как противоположная идея «неодушевленных» вещей (которая нашла свое крайнее выражение в картезианской теории «животных-машин») представляет собою истинную аномалию, как и вообще все специфические современные и профанные идеи. Но следует, разумеется, понимать, что речь не идет никоим образом о «персонализации» сил природы, которые изучаются учеными их методами и еще менее о «поклонении», как это понимают те, для которых «анимизм» образует «примитивную религию» (как, они полагают, ее можно назвать); на самом деле, эти наблюдения открываются только в области космологии и могут находить свое приложение в различных традиционных науках. Само собою разумеется также, что когда речь идет о «психических» элементах, присущих вещам, или о силах этого порядка, выражающихся или проявляющихся через них, то в этом нет абсолютно ничего «духовного»; смешение этих двух областей является чисто современным явлением, и оно, несомненно, не чуждо идее создать «религию» из того, что является наукой в самом точном смысле этого слова; вопреки своим претензиям на «ясные идеи» (прямое наследие механицизма и «универсального материализма» Декарта), наши современники смешивают весьма странным образом, по существу, самые разнородные вещи!

В том, к чему мы сейчас хотим обратиться, важно отметить, что этнологи привыкли рассматривать как «примитивные» те формы, которые, напротив, являются вырожденными в той или иной степени; однако очень часто они реально не находятся на столь низком уровне, который предполагают их интерпретаторы; но как бы то ни было, этим можно объяснить, почему «анимизм», который вообще составляет лишь одну частную точку зрения учения, мог быть принят для характеристики его в целом. Действительно, в случае вырождения естественно, что высшая часть учения, то есть метафизическая и «духовная» сторона, исчезают более или менее полно; следовательно, то, что вначале было вторичным, а именно космологическая и «физическая» сторона, к которой, собственно, и принадлежит «анимизм» и его применение, неизбежно приобретает преобладающее значение; в результате, даже если он еще и сущест-

вует в некоторой мере, то легко ускользает от внешнего наблюдателя, тем более что последний, игнорируя глубокое значение ритуалов и символов, неспособен распознать того, что открывается высшим порядком (не в меньшей степени он неспособен также распознать этого и в следах полностью исчезнувших цивилизаций), и полагает, что все можно объяснить в равной мере в терминах «магии» и даже, нередко, просто-напросто «колдовства».

Четким примером того, что мы только что сказали, может служить «шаманизм», который, в основном, рассматривается как одна из типичных форм «анимизма»; это название, происхождение которого довольно, впрочем, неясно, означает, собственно, ансамбль традиционных учений и практик некоторых монгольских народов Сибири; иногда его понимают шире, распространяя на то, что имеет более или менее сходный характер. Для многих «шаманизм» — это почти синоним колдовства, что, конечно, не верно, так как это совершенно разные вещи; это слово, таким образом, претерпело изменение, противоположное слову «фетишизм», которое этимологически имеет смысл колдовства, но которое применялось к вещам, не имеющим отношения к этому. Отметим по этому поводу, что различие, которое некоторые хотят установить между «шаманизмом» и «фетишизмом», рассматривая их как две разновидности «анимизма», не является, может быть, столь четким и столь важным, как они думают: будь то человеческие существа, как в первом случае, или какие-нибудь объекты, как во втором, служащие, главным образом, «поддержкой» или «конденсаторами», если так можно сказать, для определенных тонких влияний, это всего лишь простое различие «технических» способов, которое, в целом, совершенно несущественно¹²¹.

Если рассматривают, собственно говоря, «шаманизм», то в нем обнаруживают существование очень развитой космологии, имеющей сходство с космологиями других традиций во многих пунктах, начиная с разделения на «три мира», которое, видимо, представляет самое его основание. С другой стороны, здесь встречаются также и ритуалы, сравнимые с некоторыми ритуалами, принадлежащими к традициям самого высокого порядка: некоторые, например, поразительным образом напоминают ведические ритуалы; есть среди них также и такие, которые более явно происходят от первоначальной традиции, подобные тем, в ко-

торых главную роль играют символы дерева и лебедя. Несомненно, таким образом, что здесь есть нечто продолжающее традиционную правильную и нормальную форму, по крайней мере, в своем истоке; притом, вплоть до современной эпохи, сохранилась определенная «линия передачи» необходимых для осуществления функций «шаманизма» сил; но когда мы видим, что он свою деятельность посвящает прежде всего самым низшим из традиционных наук, таким, как магия и гадание, то в этом можно заподозрить присутствие очень реального вырождения, и мы можем даже себя спросить, не доходит ли оно иногда до настоящего извращения, которому вещи этого порядка могут быть весьма легко подвержены, если они получают столь чрезмерное развитие. По правде говоря, есть достаточно опасные признаки этого: одним из них является связь, устанавливаемая между «шаманом» и животным, связь, касающаяся исключительно индивида и, следовательно, никоим образом не сопоставимая с коллективной связью, конституирующей то, что к делу и не к делу называют «тотемизм». Впрочем, мы должны сказать, что то, о чем здесь идет речь, само по себе может быть интерпретировано совершенно законным образом, не имеющим ничего общего с колдовством; но более подозрительный характер этому придает тот факт, что у некоторых народов, если не у всех, животное тогда рассматривается в определенном роде как форма самого «шамана»; и подобное отождествление не так уже далеко, может быть, от «ликантропии», такой, какая существует, главным образом, у народов черной расы¹²².

Но есть еще нечто, более непосредственно связанное с нашим предметом: среди психических влияний, с которыми «шаманы» имеют дело, естественно, различаются два вида, одни благотворные, а другие — пагубные, и так как очевидно, что незачем опасаться первых, занимаются почти исключительно вторыми; таков, как представляется, по крайней мере наиболее распространенный случай, так как возможно, что «шаманизм» включает в себя достаточно разнообразные формы, между которыми надо делать различие в этом отношении. Речь, впрочем, вовсе не идет о «культе», воздаваемом этим пагубным влияниям, что было бы чем-то вроде сознательного «сатанизма», как его здесь иногда ошибочно предполагают; речь, в принципе, идет лишь о том, чтобы помешать вредить, нейтрализовать

или отворотить их воздействие. То же замечание можно было бы высказать и относительно других предполагаемых «поклонников дьявола», которые существуют в различных странах; вообще говоря, почти невероятно, чтобы реальный «сатанизм» мог быть делом для всего народа. Однако не менее верно, что, каково бы ни было первоначальное намерение, манипулирование с влияниями этого рода без всякого обращения к влияниям высшего порядка (и еще менее к собственно духовным влияниям) приводит самим ходом вещей к возникновению настоящего колдовства, впрочем, совершенно отличного от колдовства вульгарных западных «деревенских колдунов», которые представляют собою не более чем осколки магического знания настолько вырожденного и редуцированного, насколько это возможно, до точки полного угасания. Магическая часть «шаманизма», конечно, обладает совсем другой действительной ценностью, и именно поэтому она представляет собою нечто опасное по крайней мере в одном отношении; действительно, постоянный, так сказать, контакт с этими низшими психическими силами наиболее опасен прежде всего для самого «шамана», это разумеется само собою, но также и с другой точки зрения, круг влияния которой «локализован» гораздо менее узко. Действительно, может случиться так, что некто, оперируя более сознательным образом и с более обширными познаниями (что не означает познаний более высокого порядка) использует те же самые силы совершенно для других целей помимо воли «шаманов» или тех, кто действует, как они, играя роль не более, чем простых инструментов для аккумуляции упомянутых сил в определенных точках. Мы знаем, что по всему миру имеется определенное количество «резервуаров» влияний, распределение которых, разумеется, не несет в себе ничего «случайного», и очень хорошо служащих намерениям определенных «сил», ответственных за все современное отклонение; но это требует дополнительного объяснения, так как с первого взгляда можно было бы удивиться тому, что остатки, которые некогда были подлинной традицией, отдают себя «подрывной деятельностью» подобного рода.

Глава XXVII

ПСИХИЧЕСКИЕ ОСТАТКИ

Чтобы понять то, что мы только что сказали о «шаманизме» и какова та основная причина, по которой мы высказали здесь это суждение, надо отметить, что эти следы, сохранившиеся от вырожденной традиции, высшая или «духовная» часть которой исчезла, по своему существу совершенно подобны той части психических остатков, которые человеческое существо оставляет после себя, переходя в другое состояние и которые с того момента, как они таким образом были оставлены «духом», тоже могут служить чему угодно; однако, будут ли они сознательно использованы магом или колдуном или, бессознательно, спиритами, те более или менее пагубные следствия, которые могут проистекать от них, не имеют, очевидно, ничего общего с собственным качеством существа, которому эти элементы принадлежали прежде; это не более чем особая категория «блуждающих влияний», согласно выражению, используемому дальневосточной традицией, которые сохраняют от этого существа не более, чем чисто иллюзорную видимость. Чтобы лучше понять это подобие, необходимо дать себе отчет в том, что сами духовные влияния, чтобы вступить во взаимодействие с нашим миром, должны с необходимостью найти соответствующие «опоры», сперва в психическом порядке, а затем в самом телесном порядке, ведь нечто аналогичное есть и в конституции человеческого существа. Если эти духовные влияния потом отходят по какой-нибудь причине, их прежние телесные «опоры», места или объекты (когда речь идет о местах, то их расположение, естественно, находится в соответствии со «священной географией», о которой мы говорили выше) не перестают быть из-за этого менее насыщенными психическими элементами, которые будут даже тем более крепкими и стойкими, чем для более могущественных действий они служили посредниками и инструментами. Из этого можно логически заключить, что случай,

в котором речь идет о традиционных и значительных центрах посвящения, угасших уже более или менее давно, вообще представляет собою наибольшую опасность в этом отношении, или потому, что просто опрометчивые люди провоцируют неуправляемые реакции психических «конгломератов», которые там продолжают существовать, или потому, главным образом, что «черные маги», если воспользоваться общепринятым выражением, овладевают ими, чтобы управлять по своей воле и достигать воздействий, соответствующих их намерениям.

Первый из двух только что обозначенных нами случаев объясняет в достаточной мере тот вредоносный, по большей части, характер, который носят некоторые следы исчезнувших цивилизаций, когда они извлекаются людьми, которые, подобно современным археологам, игнорируя все эти вещи, неизбежно действуют неосмотрительно. Не стоит и упоминать, что иногда может быть и другое: так, та или иная древняя цивилизация могла в последний период переродиться из-за чрезмерного развития магии¹²³, и ее остатки, естественно, тогда будут сохранять печать, очень низкого порядка в форме психических влияний. Может быть и так, что, помимо любого перерождения, места и объекты были специально приготовлены ради защиты против тех, кто неподобающим образом к ним прикоснулся бы. Так как такие предосторожности не содержат в себе ничего незаконного, хотя, тем не менее, сам факт придания им слишком большого значения не является очень благоприятным признаком, поскольку он свидетельствует о предосторожностях, достаточно далеких от чистой духовности, и даже, может быть, об определенной недооценке собственного могущества, которым она сама по себе обладает, не имея нужды прибегать к подобным «вспомогательным средствам». Но, отвлекаясь от этого, существующие психические влияния, лишённые «духа», который когда-то ими управлял, и сведённые таким образом к чему-то вроде состояния «лярвы», сами очень хорошо могут реагировать на всякую провокацию, сколь произвольна она ни была бы, более, или менее неупорядоченным образом, но в любом случае, ничего не имеющим общего с намерениями тех, кто когда-то их использовал для действий совершенно иного порядка, так же, как и нелепые проявления психических «кадавров», которые иногда появляются на спиритических сеансах, не име-

ют никакого отношения к тому, что могли делать или хотели бы делать в каких бы то ни было обстоятельствах те индивидуальности, тонкую форму которых они конституировали и загробную «идентичность» которых они кое-как изображают к великому восхищению тех простаков, которые бы очень хотели их принимать за «духов».

Те влияния, о которых идет речь, уже могут быть во многих случаях достаточно пагубными, если они просто представлены сами себе; этот факт происходит от самой природы этих сил «срединного мира», в котором никто ничего не может, тем более никто не может помешать воздействию «физических» сил, мы хотим сказать, тех сил, которые принадлежат телесному порядку и которым занимаются физики, являющихся при некоторых условиях причинами происшествий, за которые не может нести ответственность никакая человеческая воля; только через это можно понять истинное значение современных исследований и ту роль, которую они действительно играют в открытии некоторых из этих «щелей», о которых мы говорили. Но кроме того, эти самые влияния, равно как и «физические» силы, оказываются в распоряжении того, кто умеет их «улавливать»; само собою разумеется, что и те и другие могут тогда служить самым разным и даже противоположным целям, согласно намерениям тех, кто овладеет ими и кто будет ими управлять в соответствии со своим пониманием; что касается тонких влияний, то если окажется, что это «черный маг», то совершенно очевидно, что он будет их употреблять прямо противоположным образом тому, каким их использовали вначале квалифицированные представители истинной традиции.

То, что мы до сих пор говорили, относится к следам, оставленным полностью исчезнувшей традицией; но вместе с тем, уместно рассмотреть и другой случай: случай древней традиционной цивилизации, которая сама выжила, так сказать, в том смысле, что ее вырождение было доведено до такой степени, что «дух» окончательно ее оставил; некоторые познания, сами по себе не содержащие ничего «духовного» и открывающие лишь порядок случайных приложений, могут еще продолжать передаваться, в особенности, самые низшие из них, но, разумеется, с этого времени они будут подвержены всяким отклонениям, потому что они тоже представляют собою не более чем «остатки» иного сорта,

раз чистое учение, от которого они должны нормальным образом зависеть, исчезло. В подобном случае «выживания» предшествующие психические влияния, задействованные представителями традиции, еще могут быть «уловлены», даже без ведома их видимых, но отныне незаконных и лишенных всякого подлинного авторитета продолжателей; те же, кто через них станет пользоваться этими влияниями реально, будут таким образом иметь преимущество обладать ими как бессознательными инструментами воздействия, которое они хотят осуществить, и не только объектами, называемыми «неодушевленными», но также и живыми людьми, которые служат «опорами» для этих влияний и существование которых придаст им, естественно, гораздо большую жизненность. Именно это мы и имели в виду, рассматривая пример «шаманизма» с тем ограничением, разумеется, что это наименование не может прилагаться без разбора ко всему тому, что привыкли подводить под это несколько конвенциональное обозначение, и что, может быть, еще не дошло до такой степени падения.

Отклонившаяся таким образом традиция как таковая мертва, так же, как и традиция, никакой даже видимости продолжения которой уже больше не существует; впрочем, даже если бы она была еще жива, пусть в самой малой степени, то подобное «извращение», которое вообще есть не что иное, как переворачивание того, что от нее еще сохранилось, чтобы использовать это в антитрадиционном, по определению, направлении, очевидно, не могло бы иметь места никоим образом. Следует, тем не менее, добавить, что до того, как ход вещей пришел бы к этому, и с того времени, как уменьшились и ослабли в достаточной степени традиционные организации, чтобы не быть способными больше оказывать достаточное сопротивление, более или менее прямые «агенты противника»¹²⁴ смогли уже туда внедриться, чтобы работать над ускорением и приближением того момента, когда «переворот» станет возможным; не обязательно, чтобы они всегда добивались успеха, так как все то, что еще обладает какой-нибудь жизнью, в любом случае может сопротивляться; но если наступит смерть, то враг окажется тут как тут, можно сказать, абсолютно готовый извлечь выгоду и тотчас же использовать «труп» в своих собственных целях. Представители всего того, что еще в настоящее время в западном мире обладает подлинным традиционным

характером как в экзотерической области, так и в области посвящения, должны, как мы думаем, проявить самый большой интерес к извлечению пользы из этого последнего наблюдения, пока еще есть время, так как вокруг них, к несчастью, нет недостатка в угрожающих признаках, представляющих собою «инфильтрации» этого рода, для того, кто умеет их замечать.

Другое, также обладающее определенной важностью, замечание таково: если «противник» (природу которого мы попытаемся впоследствии немного уточнить) обладает преимуществом овладевать местами, которые были очагом древних духовных центров, то это не всегда исключительно по причине психических влияний, которые там аккумулированы и находятся там в некотором роде «в наличии»; это происходит также по причине особого положения этих мест, так как само собою разумеется, что выбирались они вовсе не случайно для той роли, которая была им предписана в ту или иную эпоху и по отношению к той или иной традиционной форме. «Священная география», знание которой определяло такой выбор, как и всякая другая традиционная наука случайного порядка, подвержена отклонению от своего законного использования и применению «наоборот»: если это точка, «привилегированная» для передачи и управления психическими влияниями, когда они являются средством передачи духовного воздействия, то она будет таковой не в меньшей степени также и тогда, когда те же самые психические влияния будут использоваться совершенно иным способом и в целях, противоположных всякой духовности. Эта опасность извращения определенных познаний, явный пример которого мы находим здесь, очень хорошо объясняет, отметим по ходу дела, те ограничения, которые совершенно естественны для нормальной цивилизации, но которые современные люди совершенно не способны понять, потому что они приписывают обычно желание «монополизировать» эти познания тому, что на самом деле есть лишь мера, предназначенная помешать злоупотреблению ими, насколько это возможно. К тому же, по правде говоря, эта мера перестает быть эффективной только в случае, когда организации хранительницы знания, о котором идет речь, позволяют проникнуть в их среду неквалифицированным индивидам, и даже, как мы только что сказали, «агентам противника», одна из самых непосред-

венных целей которых как раз и состоит в раскрытии этих секретов. Все это, конечно, не имеет прямого отношения к подлинной тайне посвящения, которая, как мы сказали выше, покоится исключительно в «невывыказанном» и в «не-сообщаемом» и которая тем самым защищена от всякого нескромного исследования; но, хотя здесь и идет речь о случайных вещах, следует, однако, признать, что предосторожности, которые могут быть приняты в этом порядке, против всякого отклонения и, следовательно, всякого пагубного действия, которое может из этого произойти, имеют далеко не малый практический интерес.

Как бы то ни было, поскольку речь идет о самих местностях, о влияниях, которые остаются с ними связанными, и о знаниях того рода, о которых мы только что упоминали, можно привести в этой связи древнюю поговорку: «соггир-тио optimi pessima» («лучше болезнь, чем погибель»), «не до жиру, быть бы живу», которая может быть в этом случае более подходит, чем в любом другом; действительно, именно о «коррупции» («порче») следует здесь говорить, даже в самом буквальном смысле этого слова, поскольку «остатки», о которых здесь идет речь, как мы отметили вначале, сравнимы с продуктами разложения того, что было живым существом; а так как всякая порча в определенном смысле заразна, то и эти продукты разложения прошлых вещей сами будут везде производить, куда бы они ни были «заброшены», особое разлагающее и расщепляющее воздействие, в особенности если они используются волей, четко осознающей свои цели. Здесь есть нечто вроде «некромантии», как можно было бы сказать, которая приводит в действие совсем иные психические остатки, чем остатки человеческих индивидуальностей, и это, конечно, не менее опасно, так как она обладает тем самым возможностями воздействия гораздо более широкими, чем возможности вульгарного колдовства, в этом отношении не может быть даже никакого сравнения; однако, наши современники должны быть поистине слепыми при сегодняшнем положении вещей, чтобы даже и не подозревать об этом.

Глава XXVIII

ЭТАПЫ АНТИТРАДИЦИОННОГО ДЕЙСТВИЯ

После приведенных выше примеров и наблюдений становится более понятным, каковы вообще этапы той анти-традиционной деятельности, которая поистине «создала» современный мир как таковой; но прежде всего, необходимо отдавать себе отчет в том, что любое фактическое действие обязательно предполагает агентов действия; оно не может быть, как и всякое другое, чем-то вроде спонтанного и «случайного» результата, и поскольку оно осуществляется в человеческой сфере, то неизбежно предполагает человеческого субъекта действия. Тот факт, что эта деятельность согласуется с собственными чертами того циклического периода, в который она производится, объясняет ее возможность и успех, но его недостаточно для объяснения того способа, с помощью которого она была реализована, и он не указывает на те средства, которые были использованы для ее исполнения; впрочем, для того, чтобы убедиться в этом, достаточно немного подумать о следующем: сами по себе духовные влияния во всякой традиционной организации действуют всегда через посредство человеческих существ, законных представителей традиции, хотя реально в своей сущности она «сверхчеловеческая»; с еще большим основанием так должно быть в том случае, когда в игру вступают только психические влияния, пусть даже самого низшего порядка, то есть совершенно противоположные силе, трансцендентной нашему миру, не говоря уже о том, что характер «поделки», повсюду обнаруживающийся в этой области, к которому мы вернемся, еще более настоятельно требует, чтобы это было именно так. С другой стороны, поскольку именно инициация, в какой бы форме она ни существовала, есть то, что на самом деле воплощает «дух» традиции, а также то, что позволяет достичь эффективной реализации «сверхчеловеческих» состояний, то очевидно, что именно ей наиболее непосредственным образом

должно противостоять (в той мере, в которой постижимо это противостояние) то, о чем здесь идет речь и что стремятся, напротив, всеми имеющимися средствами увлечь человека в «инфрачеловеческое»; термин «контринициация» лучше подходит для обозначения того, с чем оказываются связанными вообще все вместе и по различным степеням (как и в самой инициации, здесь обязательно есть степени) те человеческие субъекты действия, через которых исполняется антитрадиционная деятельность; и это не просто условное наименование, используемое для удобного разговора о том, что на самом деле вообще не имеет никакого имени, но выражение, которое соответствует очень конкретной реальности настолько точно, насколько это возможно.

Довольно замечательно, что во всем том, что составляет современную цивилизацию в собственном смысле слова, под каким бы углом зрения ее ни рассматривали, мы всегда вынуждены констатировать, что все предстает более и более искусственным, извращенным и фальсифицированным; многие из тех, кто сегодня подвергает критике эту цивилизацию, оказываются пораженными этим, даже когда они не могут идти дальше и не имеют ни малейшей догадки о том, что в реальности за всем этим кроется. Нам кажется, что было бы достаточно иметь немного логики, чтобы сказать, что если все стало искусственным, то сама ментальность, которой соответствует такое состояние вещей, должна быть, как и все остальное, «сфабрикованной», а вовсе не спонтанной; и после этого простого размышления уже больше нельзя не видеть соответствующих признаков, умножающихся со всех сторон и почти бесконечно; но надо думать, что, к несчастью, также очень трудно совершенно избежать тех «внушений», которым обязан современный мир самим своим существованием и своей длительностью, поскольку даже те, кто объявляет себя самым решительным образом «антимодернистом», вообще ничего этого не видят; вот почему их усилия так часто растрачиваются напрасно и лишены почти всякого реального значения.

Антитрадиционная деятельность должна была стремиться с необходимостью одновременно изменить общую ментальность и разрушить все традиционные институты на Западе, поскольку именно там она непосредственно и прежде всего осуществляется в ожидании возможности распростра-

няться затем в целом мире с помощью западных людей, приготовленных таким образом для того, чтобы стать ее инструментами. Впрочем, раз ментальность изменилась, то те установления, которые больше ей не соответствуют, должны тем самым с легкостью разрушиться; следовательно, поистине фундаментальной здесь является работа по извращению ментальности, потому что от этого тем или иным образом зависит все остальное и, следовательно, на этом следует настаивать особо. Очевидно, что эта работа не может быть произведена одним ударом, хотя самым удивительным является та быстрота, с которой западные люди смогли прийти к полному забвению того, что у них имело отношение к опыту традиционной цивилизации; если подумать о том всеобщем непонимании, свидетельством которого были 17 и 18 века по отношению к Средневековью, и непонимании во всем, то можно легко понять, что такое полное внезапное изменение не могло совершиться естественным и спонтанным образом. Как бы то ни было, прежде всего следовало свести индивида лишь к нему самому каким-нибудь образом, и в этом, в особенности, как мы уже объясняли, и состояла работа рационализма, который отрицал за человеком обладание и использование любой способности трансцендентного порядка; само собою разумеется, что рационализм начал действовать до того, как он получил это имя, в своей специальной философской форме, так же, как мы видели это в случае с протестантизмом; в конце концов, и сам «гуманизм» Ренессанса был не что иное, как прямой предшественник рационализма, собственно говоря, потому что тот, кто говорит «гуманизм», высказывает тем самым претензию все свести к чисто человеческим элементам, следовательно, (по крайней мере фактически, если еще и не в специально сформулированной теории) исключить все то, что относится к сверхиндивидуальному порядку. Затем надо было полностью обратить внимание индивида к внешним и чувственным вещам, чтобы, так сказать, запретить его не только в человеческой области, но и через еще гораздо более узкое ограничение, в одном только телесном мире; в этом состоит отправная точка всякой современной науки, которая, двигаясь постоянно в этом направлении, должна сделать это ограничение все более и более эффективным. Учреждение научных теорий или, если угодно, философско-научных, также должно бы-

ло происходить постепенно; и (мы должны здесь обобщенно напомнить то, что уже говорили) механицизм прямо уготовил путь материализму, который должен был отметить, в некотором роде неисцелимым образом, редукцию ментального горизонта к телесной области, рассматриваемой с этих пор как единственная «реальность», к тому же лишенная всего того, что могло бы рассматриваться как нечто просто «материальное»; естественно, выработка самого понятия «материи» физиками играло в этом важную роль. С этого времени, собственно говоря, мы вступили в «царство количества»; профанная наука, всегда бывшая, начиная с Декарта, механицистской, со второй половины 18 века ставшая более специально материалистической, должна была в своих последовательно возникающих теориях становиться все более и более количественной, в то время как материализм, внедрившись в общий менталитет, стал насаждать там эту установку, независимо от всякого теоретического утверждения, но тем более диффузным образом, перешедшим в конце концов в нечто вроде «инстинктивного» состояния, которое мы назвали «практическим материализмом», и сама установка должна была быть еще усилена промышленными приложениями количественной науки, результатом чего было все более и более полное прикрепление людей к одним только «материальным» реализациям. Человек «механизировал» все вещи, и в результате он пришел к «механизации» самого себя, впадая мало-помалу в состояние ложных нумерических «единств», теряющихся в единообразии и неразличимости «массы», то есть, в конце концов, во множественности; в этом состоит, конечно, самая полная победа, какую только можно вообразить, количества над качеством.

Однако, одновременно с тем, как происходила эта работа «материализации» и «квантификации», которая, впрочем, еще не закончена и, может быть, даже никогда не будет закончена, потому что тотальная редукция к чистому количеству нереализуема в проявлении, уже началась другая работа, лишь по видимости противоположная первой, и началась она, напомним, вместе с появлением материализма, собственно говоря. Эта вторая часть антитрадиционного действия должна стремиться не к «отвердению», но к растворению, разложению; отнюдь не противореча первой тенденции, которая характеризуется редукцией к количест-

венному, тогда, когда максимум возможного «отвердения» будет достигнут, эта тенденция должна способствовать тому, чтобы она, превзойдя свою первоначальную цель и стремясь привести непрерывность к прерывности, стала бы сама тенденцией к разложению. Эта вторая работа, которая осуществлялась как более или менее скрытая подготовка, по крайней мере, посреди ограничений, в это время также должна выйти на свет и, в свою очередь, приобрести все более и более важное значение, в то время как сама количественная наука становится менее строго материалистической в собственном смысле слова и, в конце концов, перестает опираться на понятие «материи», становящееся все более и более неосновательным и «ускользающим» вследствие самих теоретических разработок.

После полного, насколько возможно, закрытия телесного мира, нужно было, не позволяя восстановить никакой связи с высшими сферами, открыть его снизу, чтобы дать доступ деструктивным и разлагающим силам из низшей тонкой области; именно «развязывание», можно сказать, этих сил и их введение в действие для завершения извращения нашего мира и приведения его действительно к окончательному разложению и составляет эту вторую часть или вторую фазу, о которой мы только что говорили. Можно даже сказать, что, в действительности, здесь есть две отдельные фазы, хотя частично они и одновременны, так как в «плане» всего ансамбля современного извращения они логически следуют друг за другом и полностью осуществляются лишь последовательно; впрочем, как только материализм был конституирован, первая фаза виртуально, в определенном роде, была уже выполнена и должна была лишь развернуться через развитие того, что уже имплицитно содержалось в самом материализме; и как раз тогда началась подготовка второй фазы, лишь только первые следствия которой видны в настоящее время, но однако, следствия эти достаточно уже явны для того, чтобы предвидеть то, что из этого последует, и чтобы можно было сказать, без всяких преувеличений, что именно этот второй аспект антитрадиционной деятельности с настоящего момента выходит на первый план на самом деле в намерениях того, что мы общим образом обозначили вначале как «противник» и что мы можем более точно назвать «контринициацией».

ИЗВРАЩЕНИЕ И РАЗРУШЕНИЕ

Мы рассматривали антитрадиционную деятельность, с помощью которой в некотором роде «сфабрикован» современный мир, как производящую, в целом, работу извращения по отношению к нормальному состоянию, присущему всякой традиционной цивилизации, каковы бы ни были ее частные формы; это легко понять и не требует обширных комментариев. С другой стороны, необходимо делать различие между извращением и разрушением: извращение происходит, можно сказать, через бесконечное множество степеней, так что оно осуществляется мало-помалу и как бы незаметно; пример этого мы видим в постепенном нисхождении современной ментальности от «гуманизма» и рационализма к механицизму, потом к материализму, и следуя этому процессу, профанная наука вырабатывала последовательно теории все более и более количественного характера, что позволяет сказать, что все это отклонение с самого своего начала постоянно стремилось в прогрессирующей степени установить «царство количества». Но когда отклонение дошло до своего последнего предела, то оно достигло истинного «переворота», то есть состояния, которое диаметрально противоположно нормальному порядку, и именно тогда можно, собственно, говорить о «разрушении», следуя этимологическому смыслу этого слова; разумеется, это «разрушение» никоим образом нельзя смешивать с тем «переворачиванием», о котором мы говорили в связи с последним мгновением цикла, и оно ему даже в точности противоположно, поскольку это «переворачивание», наступая как раз после «извращения» и в тот самый момент, когда оно кажется окончательным, есть в реальности «возрождение», восстанавливающее нормальный порядок и вновь учреждающее «первоначальное состояние», представляющее собой совершенство в человеческой области.

Можно сказать, что так понимаемое разрушение вообще есть только последняя степень и завершение отклонения, или же, что ведет к тому же в целом отклонение в конечном счете ведет не к чему-нибудь иному, как только к разрушению, и это действительно так; при настоящем положении вещей, хотя еще и нельзя сказать, что произошло полное разрушение, но уже есть очень явные знаки этого во всем том, что обладает характером «подделки» или «пародии», о чем мы много раз упоминали и к чему мы более подробно вернемся в дальнейшем. В настоящий момент мы ограничимся в этом отношении тем замечанием, что этот характер сам по себе образует очень важный признак, указывающий на реальное происхождение того, что поражено этим и, следовательно, на само современное отклонение, поистине «сатанинскую» природу которого он делает тем самым очевидной; действительно, это последнее определение приложимо ко всему тому, что представляет собой отрицание и переверачивание порядка, и нет ни малейшего сомнения, что как раз последствия этого мы можем констатировать вокруг нас; не есть ли сам современный мир вообще не что иное, как чистое отрицание любой традиционной истины? Но в то же время этот дух отрицания есть также и, в некотором роде с необходимостью, дух лжи; он все облачает в маскарадные костюмы и нередко в самые неожиданные, чтобы нельзя было распознать его, чтобы даже заставить принять его за нечто совсем противоположное, именно так и проявляется притворство; по этому поводу можно напомнить поговорку, что «Сатана есть обезьяна Бога», а также, что он «преображается в ангела света». По сути, это позволяет сказать, что он имитирует на свой лад, искажая и фальсифицируя таким способом, чтобы всегда иметь возможность поставить это на службу своим собственным целям, имитируя то самое, чему он намеревается противостоять: он поступает таким образом, чтобы беспорядок принял видимость ложного порядка, он скрывает отрицание всякого принципа под видом утверждения ложного принципа, и так далее. Естественно, что все это может быть на самом деле только лишь обманным маневром или даже карикатурой, но достаточно ловко представленной для того, чтобы обмануть огромное большинство людей; и как же не удивляться, когда видишь, сколько мошеннических трюков, даже самых грубейших, с легкостью удаётся внушить толпе,

и как, напротив, трудно после вывести ее из заблуждения? «*Vilgus vult decipi*» («Толпа хочет быть обманутой»), как говорили уже древние в «классическую» эпоху; и всегда, несомненно, найдутся люди, хотя их никогда не было так много, как в наши дни, расположенные добавить: «*ergo decipiatur*» («следовательно, будем обманывать»)!

Однако, если тот, кто создает притворство, тем самым создает пародию, так как это почти синонимы, то во всех вещах такого рода непременно присутствует и гротеск, который может быть более или менее заметен, но который в любом случае не должен ускользать от наблюдателей, сколь мало ни были бы они наблюдательны, если бы все-таки претерпеваемые ими «воздействия» не уничтожали их естественную проницательность в этом отношении. Именно этой стороной и выдает и не может не выдать себя ложь, сколь ни была бы она ловкой; и разумеется, это также и родовая «печать», неотделимая от самого притворства, которая нормальным образом должна позволять его распознавать как таковое. Если угодно здесь привести примеры, взятые среди разнообразных проявлений современного духа, то, конечно, с выбором не будет затруднений, начиная с «гражданских» и «светских» псевдоритуалов, которые получили повсюду такое распространение в эти последние годы и которые нацелены на то, чтобы предоставить «массам» чисто человеческую замену подлитых религиозных ритуалов, вплоть до экстравагантности так называемой «близости к природе», которая, вопреки своему наименованию, не менее искусственна, если не сказать «противоестественна», чем те бесполезные сложности существования, против которых они претендуют выступать со своей смехотворной комедией, истинный смысл которой состоит в том, чтобы внушить мысль, что «природное состояние» то же, что и животное состояние; это даже не простой отдых человеческого существа, которое остается под угрозой извращения с помощью самопротиворечивой, но очень хорошо согласующейся с демократическим «эгалитаризмом» идеи «организации досуга»¹²⁵. Мы намеренно приводим здесь только всем известные факты, которые несомненно принадлежат к тому, что можно назвать общественной «областью» и которые, следовательно, каждый может констатировать без труда; не удивительно ли, что те, кто чувствует, мы даже не скажем, опасность, но просто смехотворность этого, столь ред-

ки и представляют собою поистине исключение? В этом отношении следовало бы говорить о «псевдорелигии», «псевдоприроде», «псевдоотдыхе» и так для многих других вещей; если угодно говорить всегда в строгом согласии с истиной, то перед обозначением любых продуктов, специфических для современного мира, следует постоянно ставить слово «псевдо», включая и профанную науку, которая также есть «псевдонаука» или призрак знания, чтобы обозначить то, чем в реальности все это является: фальсификациями и ничем другим, и фальсификациями, цель которых слишком очевидна для тех, кто еще способен размышлять.

Можно спросить, если вернуться к более общему уровню рассмотрения: что делает эту подделку возможной и даже тем более возможной и тем более в своем роде совершенной, если в данном случае позволительно такое выражение, чем дальше продвигается нисходящее движение цикла? Глубокая причина этого состоит в отношениях обратной аналогии, которая существует, как мы уже объясняли, между самой высокой и самой низкой точками; именно это позволяет реализовать в той мере, которая соответствует приближению к области чистого количества, те виды подделок изначального единства, которые проявляются в «единообразии» и «простоте», к которым тяготеет современный дух и которые являются как бы самым полным выражением его усилия свести все вещи к количественной точке зрения. Именно это, может быть, лучше всего показывает, что отклонение должно, так сказать, развернуться и дойти до конца, чтобы привести, собственно говоря, к извращению, так как именно об извращении здесь уместно, в действительности, говорить, когда то, что есть самого низшего (поскольку здесь речь идет о самом низшем из всякого возможного существования), стремится имитировать и подделывать высшие и трансцендентные принципы. Однако следует напомнить, что по самой природе вещей тенденция к чистому количеству никогда не может достичь своего полного успеха; чтобы разрушение могло полностью совершиться, надо, следовательно, чтобы вмешалось нечто другое, и в этом отношении мы могли бы повторить, став на несколько иную точку зрения, то, что мы раньше уже сказали относительно разложения; к тому же, очевидно, что речь в обоих случаях одинаково идет о том, что относится к последнему сроку циклического проявления; и именно «восстановление» по-

следнего мгновения должно обнаружиться самым точным образом как переворачивание всех вещей по отношению к состоянию разрушения, в котором они находились непосредственно перед этим мгновением.

Учитывая это последнее, только что сказанное замечание, можно еще добавить следующее: первая из двух фаз, которые мы различили в антитрадиционной деятельности, представляет собой работу извращения, действительное окончание которой есть самый полный и самый грубый материализм; что касается второй фазы, то она более специальным образом может быть охарактеризована как работа разрушения (так как именно к этому она непосредственно ведет), до того момента, как закончится учреждением «духовности наизнанку», как мы это уже назвали и что далее будет еще яснее. Тонкие низшие силы, которые призываются в этой второй фазе, поистине могут быть квалифицированы как «разрушающие» силы со всех точек зрения; мы также могли применять слово «разрушение» в случае употребления «наоборот» всего того, что осталось от древних традиций, покинутых духом; впрочем, всегда в сходных случаях речь идет об этом, так как в таких условиях эти испорченные остатки с необходимостью сами падают в низшие районы тонкой области. Мы дадим другой, особенно четкий пример работы разрушения, который представляет собою намеренное переворачивание законного и нормального смысла традиционных символов; к тому же это предоставит нам случай более полно высказаться по вопросу двойного смысла, который вообще содержат символы сами по себе и на который по ходу нашего настоящего исследования мы достаточно часто опирались, чтобы счесть уместным дать теперь несколько уточнений.

Глава XXX

ПЕРЕВОРАЧИВАНИЕ СИМВОЛОВ

Иногда удивляются, что один и тот же символ может быть взят в двух смыслах, которые, по крайней мере по видимости, являются прямо противоположными один другому; при этом, разумеется, речь не идет просто о множественности смыслов, которую вообще может представлять всякий символ в соответствии с точкой зрения или уровнем, на котором его рассматривают, это ведет к тому, что символизм никогда не может быть «систематизирован» никоим образом, но более специально речь идет о двух аспектах, которые связаны между собою определенным отношением корреляции, принявшей форму оппозиции таким образом, что один из них будет инверсией или «негативом» другого. Чтобы понять это, надо исходить из рассмотрения двойственности, предполагаемой любым проявлением и, следовательно, обуславливающей его во всех его модусах, в которых она должна обнаруживаться в той или иной форме¹²⁶; на самом деле, эта двойственность есть взаимодополнительность, собственно говоря, а не оппозиция; но обе стороны, которые в реальности являются взаимодополнительными, также могут обнаруживаться с более внешней и более случайной точки зрения как противоположные¹²⁷. Всякая оппозиция как таковая существует лишь на определенном уровне, поскольку, возможно, из них нет ни одной несводимой; на более высоком уровне она разрешается в дополнении, в которой обе стороны оказываются уже примиренными и гармонизированными, до того как окончательно вступить в единство общего принципа, из которого они проистекают обе. Можно было бы, таким образом, сказать, что точка зрения дополнения это в определенном смысле посредник между оппозицией и приведением к единообразию; и каждая из этих точек зрения имеет свое основание бытия и свою собственную ценность в том порядке, к которому она применяется, хотя, очевид-

но, что эти точки зрения не находятся на одном и том же уровне реальности; следовательно, важно поместить каждый аспект на свое иерархическое место и не пытаться переносить его в ту сферу, в которой он не имеет уже никакого приемлемого значения.

В этих условиях понятно, что факт рассмотрения в одном символе двух противоположных аспектов сам по себе, ничего незаконного не имеет, и рассмотрение одного из этих аспектов ни в коем случае не исключает другого, поскольку каждый из них равным образом истинен в некотором отношении, а по причине их корреляции, существование их в некотором роде даже согласовано. Вообще довольно частой ошибкой является мнение, что соответствующее рассмотрение одного или другого из этих аспектов должно соотноситься с учениями или школами, которые также находятся в оппозиции¹²⁸; здесь все зависит лишь от преобладания, придаваемого одному аспекту над другим или же, иногда, тому намерению, с которым этот символ может быть использован, например, как элемент, входящий в определенные ритуалы, или же как средство узнавания для членов определенных организаций; но к этому мы еще вернемся. То, что оба аспекта могут быть объединены в одном и том же сложном символическом изображении, успешно доказывает, что они вовсе не исключают друг друга и могут рассматриваться одновременно; в этом отношении следует отметить, хотя мы не можем это здесь развить полностью, что двойственность, которая может быть и оппозицией, и дополнительностью в соответствии с точкой зрения, на которую становимся, может располагаться, в зависимости от размещения ее сторон друг относительно друга, либо в вертикальном направлении, либо в горизонтальном; это следует непосредственно из крестообразной четырехчастной схемы, которая может распадаться на две двойственности, вертикальную и горизонтальную. Вертикальная двойственность может быть соотнесена с двумя сторонами оси или с двумя противоположными направлениями, по которым можно двигаться по этой оси; горизонтальная двойственность относится к тем элементам, которые располагаются симметрично с одной и с другой стороны этой самой оси. В качестве примера можно привести в первом случае два треугольника печати Соломона (а также и все другие символы аналогии, которые строятся по сходной геометрической

схеме), а как пример второго случая — две змеи кадуцея: и можно заметить, что только в вертикальной двойственности обе стороны четко отличаются одна от другой по их обратной позиции, тогда как в горизонтальной двойственности они могут казаться совершенно сходными или эквивалентными, когда их рассматривают по отдельности, но значение их, тем не менее, реально противоположно как в том случае, так и в другом. Можно также еще сказать, что в пространственном порядке вертикальная двойственность — это верх и низ, а горизонтальная — это правизна и левизна; это наблюдение может казаться слишком очевидным, но от этого оно не перестает быть важным, поскольку символически (и это приводит нас к собственно качественной ценности направлений пространства) обе эти пары терминов сами допускают разнообразные приложения, следы которых нетрудно открыть и в повседневном языке, что указывает на то, что речь идет о вещах очень общего значения.

Из всего этого, возведенного в принцип, без труда можно вывести некоторые последствия, касающиеся того, что можно было бы назвать практическим использованием символов; но в этом отношении надо прежде всего рассмотреть более конкретно тот случай, когда оба противоположных аспекта принимаются соответственно в качестве «благотворного» и «пагубного». Мы должны сказать, что используем эти выражения за неимением лучших, как это мы уже делали и раньше; действительно, несообразно предполагать, что здесь допускается более или менее «моральная» интерпретация, тогда как в реальности ничего подобного нет, и что эти выражения должны пониматься в чисто «техническом» смысле. Более того, должно быть хорошо понятно, что «благотворное» или «пагубное» качество не прикреплено неким абсолютным образом к какому-нибудь из этих аспектов, поскольку оно, собственно, соответствует лишь специальному применению, к которому невозможно свести без различия любую, какую бы то ни было противоположность, и что в любом случае оно с необходимостью исчезло бы при переходе от точки зрения противоположности к точке зрения дополнительности, для которой такой тип рассмотрения абсолютно чужд. В этих границах и учитывая эти оговорки, такая точка зрения занимает свое нормальное место среди других; но именно из этой точки зрения или, ско-

рее, из тех злоупотреблений, которым она дает место при интерпретации и использовании символизма, следует та разрушительная деятельность, о которой мы специально хотим здесь сказать, образующая одну из характерных «отметок» того, что, сознательно или нет, раскрывает сферу «контринициации» или оказывается более или менее под ее влиянием.

Это разрушение может состоять либо в приписывании «пагубному» аспекту, осознаваемому, тем не менее, как таковой, того места, которое нормальным образом должно принадлежать «благодетельному» аспекту, в признании даже некоего господства над ним, либо в интерпретации символов в обратном законному смыслу значения, рассматривая как «благодетельный» тот аспект, который в реальности является «пагубным», и наоборот. Однако следует заметить, что, учитывая только что нами сказанное, такая разрушительная деятельность может и не быть ясно видимой в представлениях символов, поскольку эти два аспекта не обозначены внешним различием, распознаваемым с первого взгляда: так, в изображениях, которые принято называть, впрочем, очень неточно, «культот змеи», часто априори бывает невозможно сказать, по крайней мере, если рассматривать только саму змею, идет ли речь об *Agathodaimon* или о *Kakodaimon*; отсюда многочисленные ошибки, особенно со стороны тех, кто, это двойное значение игнорируя, старается увидеть везде и повсюду лишь один только «пагубный» символ, как это и происходит уже довольно давно среди большинства западных людей¹²⁹; то, что мы здесь сказали о змее, можно также применить к большинству других символических животных, по отношению к которым обычно привыкли, каковы бы ни были причины этого, рассматривать лишь один из двух противоположных аспектов, имеющих у них в реальности. Для тех символов, которые могут занимать две противоположные позиции, и особенно для тех, которые сводимы к геометрическим формам, может показаться, что различие должно проявляться гораздо более четко; и тем не менее, фактически так не происходит, поскольку обе позиции одного и того же символа могут иметь законное значение, и при этом их отношение не обязательно будет «благодетельным» или «пагубным», что есть, повторим это еще раз, просто одно из частных приложений среди прочих. В подобном случае важно знать, присутству-

ет ли реально воля к «переворачиванию», как можно было бы выразиться, определенно противоречащая законному, нормальному значению символа; вот почему, например, использование перевернутого треугольника далеко не всегда есть знак «черной магии», как полагают некоторые¹³⁰, хотя это и так в некоторых случаях на самом деле, а именно в тех, когда с ним связывается намерение, противоположное тому, которое выражается в треугольнике, вершина которого повернута кверху; отметим попутно, что такое намеренное «переворачивание» осуществляется также и со словами и с формулами, чтобы образовать что-то вроде мантры наоборот, как это можно констатировать в некоторых практиках колдовства, даже в простом «деревенском колдовстве», как оно еще существует на Западе.

Таким образом, ясно, что вопрос о переворачивании символов достаточно сложен и, мы бы даже сказали, достаточно тонок, так как для того, чтобы знать, с чем имеют дело действительно в том или ином случае, необходимо изучать не столько изображения, взятые, так сказать, в их «материальности», сколько те интерпретации, которыми они сопровождаются и с помощью которых объясняется то намерение, которое предшествовало их применению. Более того, самой опасной и самой умелой разрушительной деятельностью является, конечно, такая, которая не нарушает слишком явных особенностей, хорошо заметных любому, но которая деформирует смысл символов или переворачивает их значение, ничего не меняя в их внешнем виде. Но может быть, из всех самая дьявольская хитрость состоит в том, чтобы самому ортодоксальному символизму, такому, какой существует в подлинных традиционных организациях и, конкретнее, в инициационных организациях, которые как раз в подобном случае и имеются в виду, дать обратную интерпретацию, которая и является, собственно, свидетельством «^онтринициации»; и она не преминет воспользоваться этим средством, чтобы произвести смешения и двусмысленности, из которых она может извлечь определенную выгоду. В этом, по сути, и состоит весь секрет некоторых кампаний, очень показательных для стиля современной эпохи, проводимых против той или иной формы инициации в частности, при бессознательной поддержке людей, которые были бы по большей части удивлены и даже приведены в ужас, если бы могли отдать себе отчет в том,

для чего их используют; к несчастью, иногда бывает так, что те, кто думает, что сражается с дьяволом, каких бы идей они при этом ни составляли себе, оказываются таким образом просто-напросто, без всякого сомнения, превращенными в его лучших слуг!

ТРАДИЦИЯ И ТРАДИЦИОНАЛИЗМ

Фальсификация всех вещей, являющаяся одной из характерных черт нашей эпохи, как мы уже говорили, не есть еще разрушение, собственно говоря, но она достаточно непосредственно участвует в его подготовке; и может быть, лучше всего об этом свидетельствует то, что можно назвать фальсификацией языка, то есть неправильное использование некоторых слов, искажающее их истинный смысл, использование, которое в некотором роде навязывается постоянным внушением со стороны всех тех, кто под тем или иным предлогом осуществляют определенное влияние на общественный образ мысли. Речь уже не идет только о том вырождении, о котором мы говорили выше, и благодаря которому многие слова утратили качественный смысл, которым они обладали вначале, сохранив только один количественный смысл; речь, скорее, идет об «искажении», когда слова применяются к вещам, к которым они не имеют ни малейшего отношения и которые даже иногда противоположны тому, что они значат нормальным образом. В этом заключается, прежде всего, очевидный симптом того интеллектуального беспорядка, который царит повсюду в современном мире; но не следует забывать, что сам этот беспорядок нужен тому, кто скрывается за всем современным отклонением; как раз такая мысль приходит, когда видишь, как сразу со всех сторон возникают попытки незаконного использования самой идеи «традиции» людьми, которые хотели бы неподобающим образом приспособить то, что она в себе заключает, к своим собственным концепциям в какой-нибудь одной области. Разумеется, речь не идет о том, чтобы не доверять доброй воле тех или иных людей, так как в большинстве случаев это скорее всего простое непонимание; невежество большинства наших современников в отношении всего того, что на самом деле обладает традиционным характером, является столь полным, что этому

можно даже и не удивляться; но в то же время необходимо признать также, что эти ошибочные интерпретации и невольные недоразумения слишком хорошо служат некоторым «планам», чтобы не спросить себя, не обязана ли их растущая «диффузия» какому-нибудь из тех «внушений», которые господствуют в современном умонастроении и которые всегда по существу стремятся как раз к разрушению всего того, что есть традиция в подлинном смысле этого слова.

Сама современная ментальность во всем том, что ее характеризует специально как таковую, повторим еще раз (это никогда нелишне повторить), является продуктом обширного коллективного внушения, которое, не прекращаясь в ходе многих веков, определило образование и прогрессирующее развитие духа, в котором окончательно сосредотачивается весь ансамбль отличительных черт этой ментальности. Но сколь ни было бы сильным и изошренным это внушение, тем не менее может прийти такой момент, когда состояние беспорядка и нарушения равновесия станет на самом деле столь явным, что некоторые люди уже не смогут больше его не замечать, и тогда, возможно, произойдет «реакция», подвергающая опасности сам этот результат; представляется, что сегодня дело дошло именно до этого, и замечательно, что этот момент как раз совпадает по своего рода «имманентной логике» с тем моментом, в котором заканчивается чисто негативная фаза современного отклонения, обнаруживающего себя в полном и бесспорном господстве материалистической ментальности. Именно отсюда происходит на самом деле фальсификация традиционной идеи, стремящаяся отклонить от цели эту «реакцию», ставшая возможной из-за невежества, о котором мы только что говорили и которое само является одним из следствий негативной фазы: сама идея традиции была разрушена до такой степени, что те, кто стремится ее обнаружить, не знают в какую сторону направляться, и они оказываются готовыми принять любую ложную идею, которую им представляют под этим именем вместо нее. Они, по крайней мере, до некоторой степени отдают себе отчет в том, что были обмануты открыто антитрадиционными внушениями и что навязанные им таким способом верования представляют собой лишь ошибку и разочарование; это, разумеется, кое-что значит в смысле «реакции», о которой мы только что гово-

рили, но несмотря ни на что, если дело ограничивается этим, никакого реального результата из этого не может последовать. Это хорошо заметно, когда читаешь работы, довольно редкие, в которых можно встретить самую справедливую критику в адрес современной «цивилизации», но где, как мы уже раньше сказали, предусматриваемые для исцеления от обнаруживаемых зол средства обладают до странности диспропорциональным и незначачим характером, даже в определенном роде ребяческим: это, можно сказать, «школьные» или «академические» проекты, но не более; здесь нет ничего такого, что свидетельствовало бы о малейших познаниях более глубокого порядка. На этой стадии усилие, сколь ни было бы оно похвальным и достойным, легко может превратиться в деятельность, которая по-своему и независимо от какой-либо видимости будет в конце концов только лишь способствовать еще большему росту беспорядка и смещения в той «цивилизации», относительно которой она, как предполагалось, должна совершить восстановление.

Те, о которых мы только что говорили, могут быть названы «традиционалистами» в собственном смысле слова, то есть им присуще нечто вроде стремления или тенденции к традиции без всякого реального знания о ней; этим можно мерить все расстояние, отделяющее «традиционалистский» дух от истинного традиционного духа, который, напротив, по существу, предполагает такое познание и который, некоторым образом, имеет дело только с этим самым познанием. Короче говоря, «традиционалист» является и может быть лишь простым «исследователем», и поэтому ему всегда угрожает опасность сбиться с пути, поскольку он не владеет принципами, единственно способными дать безошибочное направление; и естественно, что эта опасность будет тем большей, что он встретит на своем пути все эти ложные идеи, как бы большое число ловушек, производимых властью иллюзии, главный интерес которой состоит в том, чтобы помешать достичь истинного завершения его исследования. Действительно, очевидно, что эта власть может удержаться и продолжать оказывать свое воздействие лишь при условии, что любое восстановление традиционной идеи будет невозможным, и больше, чем когда либо, в тот момент, когда она готовится продвинуться дальше в направлении разрушения, что и образует, как мы уже объ-

яснили, вторую фазу этого действия. Для нее, следовательно, также важно заставить сойти с пути исследования стремящихся к традиционному знанию, чтобы, с другой стороны, они, рассматривая происхождение и реальные причины современного отклонения, не были бы способны раскрыть нечто из своей собственной природы и из своих средств влияния; для нее в определенном роде имеются две взаимодополнительные необходимости, которые можно было бы, по существу, рассматривать как позитивный и негативный аспекты одного и того же фундаментального требования ее господства.

Любое злоупотребление словом «традиция» может в той или иной степени служить этой цели, начиная с наиболее вульгарного, а именно с того, что является синонимом «обычая» или «привычки», производя тем самым смешение традиции с вещами самого низкого человеческого уровня и полностью лишенными всякого глубокого смысла. Но существуют другие, более тонкие искажения, и именно поэтому более опасные; все они, впрочем, имеют общее свойство низводить идею традиции на чисто человеческий уровень, но как раз наоборот, бывает и может быть чисто традиционным только то, что предполагает наличие элемента сверхчеловеческого порядка. В этом и состоит, в действительности, существенный пункт, который в определенном смысле конституирует само определение традиции и всего того, что с ней связано; и, разумеется, именно признанию этого любой ценой надо помешать, чтобы удержать современную ментальность в границах иллюзий и даже наделять ее и новыми иллюзиями, что, отнюдь не согласуясь с восстановлением сверхчеловеческого, должно, напротив, более действенно направлять эту ментальность к самым худшим разновидностям инфрачеловеческого. Чтобы убедиться в важности, придаваемой отрицанию сверхчеловеческого сознательными и бессознательными агентами современного отклонения, надо только посмотреть, сколько из тех, кто претендует называться «историками» религий и других форм традиции (которые они вообще смешивают все под одним и тем же именем «религии») упорно их объясняют прежде всего чисто человеческими факторами; не имеет значение то, что эти факторы будут, в зависимости от школы, психологическими, социальными или какими-то другими, сама множественность объяснений, представлен-

ных таким образом, позволит легче соблазнить большее число людей; постоянным остается твердо принятое решение все сводить к человеческому и не оставлять ничего, что превосходило бы его; те, кто верит в ценность этой деструктивной «критики», отныне расположены смешивать традицию со всем чем угодно, потому, что в идее, которую им вдолбили, уже ничего нет больше такого, что реально ее отличало бы от всего того, что лишено всякого традиционного характера.

Если бы все то, что проистекает от чисто человеческого порядка, не квалифицировалось явным образом как традиционное, то в таком случае не было бы, например, «философской традиции» или «научной традиции» в современном и профанном смысле этого слова; и, разумеется, тем более не было бы «политической традиции», по крайней мере там, где отсутствует всякая традиционная социальная организация, как это и происходит в современном западном мире. Тем не менее таковы некоторые выражения, которые используются сегодня повсеместно и образуют столько искажений идеи традиции; само собою разумеется, что если «традиционалистские» умы, о которых мы говорили выше, позволяют обратить свою деятельность в одну из этих областей и ею ограничить свои усилия, то их устремления оказываются таким образом «нейтральными» и становятся совершенно безобидными, даже если они и используются без их ведома в направлении, противоположном их намерениям. На деле доходит до того, что имя «традиции» применяется к вещам, которые по самой своей природе настолько явно антитрадиционны, насколько это возможно: говорят о «гуманистической традиции» или же о «национальной традиции», тогда как «гуманизм» есть не что иное, как само отрицание сверхчеловеческого, а установление, «национальностей» было средством, используемым для разрушения социальной традиционной организации средних веков. Можно не удивляться, в этих условиях, если однажды станут говорить также о «протестантской традиции», признают даже «светскую традицию» или же «революционную традицию», или если сами материалисты закончат тем, что объявят себя защитниками «традиции» просто в качестве представителей чего-то такого, что просто принадлежит уже по большей части прошлому! На той стадии умственного смещения, которой достигло большинство наших современни-

ков, ассоциации слов, самым явным образом противоречащих друг другу, уже больше не содержат ничего такого, что могло бы заставить их отступить или даже просто навести на размышления.

Это приводит нас еще к одному важному замечанию: когда кое-кто, заметив современный беспорядок, достигший к настоящему времени слишком явной степени (особенно когда соответствующая точка максимума «отвердения» была пройдена) хочет «отреагировать» тем или иным способом, то не является ли лучшим средством сделать неэффективной эту потребность «реакции» ее ориентация на какую-нибудь из предшествующих и менее «продвинутых» стадий того же отклонения, когда этот беспорядок не был еще столь явным и представлялся извне, если так можно сказать, более приемлемым для того, кто еще не был полностью ослеплен определенными внушениями? Всякое «традиционалистское» направление, естественно, должно себя объявлять «антисовременным», но несомненно, оно не в меньшей степени может быть заражено современными идеями в более или менее ослабленной форме, но тем самым и труднее различимой, фактически же соответствующей, тем не менее, тому или иному этапу, проходимому этими идеями по ходу их развития; здесь невозможны никакие уступки, даже невольные и бессознательные, так как от начального момента до современного их завершения и даже еще по ту сторону от него все происходит и следует друг за другом неумолимым образом. В этой связи мы добавим еще следующее: работа, цель которой состоит в том, чтобы помешать любой «реакции», целящейся дальше, нежели только на возврат некоего меньшего беспорядка, прикрывающей, к тому же, этот его характер и позволяющей его провести как «порядок», в точности соединяется с той, которая исполняется с другой стороны для проникновения современного духа внутрь того, что еще осталось существовать на Западе от традиционных организаций любого порядка; одинаковый эффект «нейтрализации» сил, которые могли бы укрепить противостояние, достигается параллельным образом в обоих случаях. И даже о «нейтрализации» было бы говорить недостаточно, так как из борьбы, которая неизбежно должна вестись между элементами, оказавшимися таким образом сведенными к одному уровню, так сказать, и к одному и тому же месту, и взаимная вражда которых, по сути, представляет собой лишь ту вражду, которая может существ-

воват между различной и, по видимости, противоположной друг другу продукцией, в конечном счете может выйти только новое увеличение беспорядка и смешения, что будет лишь еще одним шагом к окончательному распаду.

Между всеми этими более или менее бессвязными вещами, которые мечутся и друг с другом сталкиваются в настоящее время, между всеми этими внешними «движениями», какого бы ни были они рода, нельзя, используя общепринятое выражение, «встать на чью-либо сторону», с точки зрения традиционной или даже просто «традиционалистской», так как это означает быть одураченным; и поскольку в реальности за всем этим осуществляются те же самые влияния, то естественно, вмешиваться в невидимо направляемую и угодную им борьбу означает вести их игру; таким образом, один этот факт «встать на чью-либо сторону» в этих условиях, уже в конечном счете, сколь бессознательно это ни происходило бы, создавал бы поистине антитрадиционную установку. Мы не хотим здесь делать какое-нибудь частное применение, но, по крайней мере, мы должны констатировать самым общим образом, что принципы во всем этом равным образом отсутствуют, хотя, конечно, никогда столько не говорили о «принципах», как это делают сегодня со всех сторон, почти без различия применяя это обозначение ко всему тому, что меньше всего этого заслуживает, и даже иногда к тому, что, напротив, предполагает отрицание всякого истинного принципа; и это еще одно злоупотребление словом особенно значимо для реальной тенденции той самой фальсификации языка, типичным примером которой является извращение слова «традиция», на чем мы должны остановиться особо, потому что это самым непосредственным образом связано с предметом нашего изучения, которое должно дать нам общий вид последних фаз циклического «спуска». На самом деле мы не можем останавливаться на точке, представляющей, собственно, апогей «царства количества», так как то, что за ней следует, слишком тесно связано с тем, что ей предшествует, чтобы можно было бы ее выделить как-нибудь иначе, чем чисто искусственным образом; мы не делаем «абстракций», что, в конечном счете, есть лишь форма «упрощения», столь дорогого для современного умонастроения, но мы, напротив, хотим, насколько это возможно, рассмотреть реальность такой, какой она является, не отсекая от нее ничего существенного для понимания условий современной эпохи.

Diana XXXII
НЕОСПИРИТУАЛИЗМ

Мы только что говорили о тех, кто, желая выступить против современного беспорядка, но не имея достаточных познаний для того, чтобы это сделать действенным образом, оказывается некоторым образом «нейтрализованным» и направленным по тупиковым путям; но наряду с ними есть еще и такие, которых слишком легко подтолкнуть еще дальше по той дороге, которая ведет к разрушению. При настоящем состоянии вещей чаще всего принимается предлог «битвы с материализмом», и разумеется, большинство этому искренне верит; тогда как другие, если они хотят действовать в этом направлении, просто приходят к банальностям туманной «спиритуалистской» философии, не имеющей никакого реального значения, но, по крайней мере, почти безопасной,— эти ориентированы на область чистых психических иллюзий, что гораздо более опасно. Действительно, тогда как первые все более или менее заражены помимо их воли современным духом, но при этом не настолько глубоко, чтобы быть совершенно ослепленными, то те, о которых сейчас идет речь, им проникнуты совершенно и, в основном, даже почитают за славу быть «современными»; единственное, что их отталкивает среди различных проявлений этого духа, это материализм, и они так загнипнотизированы этой единственной идеей, что даже не видят, что очень многие вещи, такие, как наука и промышленность, которыми они восхищаются, непосредственно зависят, по своему происхождению и по самой природе, от того самого материализма, который вызывает у них ужас. И тогда легко понять, почему такая установка теперь должна поощряться и распространяться: они являются ее лучшими бессознательными помощниками, которых только можно найти во второй фазе для антитрадиционного действия; материализм почти закончил играть свою роль, и именно они будут распространять в мире то, что за ним последует; и их

даже будут использовать для активной помощи при открытии «трещин», о которых мы выше говорили, так как в этой области речь уже идет не только об «идеях» или каких-то теориях, но одновременно и о «практике», которая ставит их в прямое отношение с тонкими силами самого низшего порядка; впрочем, они предаются этому тем более охотно, что находятся в полнейшей иллюзии относительно подлинной природы этих сил и доходят даже до того, что придают им «духовный» характер.

Мы это вообще назвали «неоспиритуализмом», чтобы отличить от простого философского «спиритуализма»; мы могли бы здесь ограничиться лишь его упоминанием, поскольку уже посвятили специальные исследования двум из его наиболее распространенных форм¹³¹; но он представляет собою слишком важный элемент среди особо характерных для современной эпохи, чтобы мы могли не напомнить о нем здесь, по крайней мере, в главных чертах, опуская, впрочем, на время аспект «псевдопосвящения», свойственный большинству связанных с этим школ (за исключением, однако, спиритических школ, открыто профанных, что, впрочем, вызвано их крайней «популяризацией»), так как мы специально вернемся к этому несколько позже. Прежде всего следует отметить, что речь здесь вовсе не идет об однородном ансамбле, но о чем-то, имеющим множество различных форм, хотя все это обладает всегда достаточно общими чертами, чтобы было законно объединить это под одним наименованием; но самым любопытным является то, что все группы, школы и «движения» такого рода постоянно конкурируют и даже воюют друг с другом до такой степени, что трудно найти где-нибудь в другом месте, разве что среди политических «партий», ненависть столь же неистовую, как та, которая существует между их сторонниками, тогда как по странной иронии все эти люди, тем не менее, обладают манией проповедовать «братство» по любому поводу и без всякого повода! Поистине в этом есть что-то «хаотическое», что может производить впечатление доведенного до предела беспорядка даже на поверхностного наблюдателя; фактически, это есть знак того, что этот «неоспиритуализм» представляет собою этап, уже достаточно далеко продвинувшийся по пути распада.

С другой стороны, «неоспиритуализм», вопреки отвращению, выказываемому им по отношению к материализму,

сходен с ним, однако, больше, чем одной только стороной, так что достаточно справедливо можно использовать по отношению к нему выражение «преобразованный материализм», то есть, по сути, распространенный за пределы телесного мира; особенно четко это видно на его грубых представлениях тонкого и так называемого «духовного» мира, о чем мы уже выше упоминали, которые есть не что иное, как образы, заимствованные из телесной сферы. Тем, что можно называть его «сайентистской» стороной, этот самый «неоспиритуализм» также придерживается предшествующих этапов; и это мы уже отмечали, говоря о влиянии, осуществляемом на эти различные школы научной «мифологией» с момента их рождения; уместно совершенно особо отметить также ту важную роль, которую в их концепции играют, самым всеобщим образом и без всякого исключения, «прогрессистские» и «эволюционистские» идеи, являющиеся одними из наиболее типичных отметок современной ментальности и которых одних только было бы достаточно для характеристики этих концепций как одного из самых бесспорных продуктов этой ментальности. Добавим, что те самые из этих школ, которые стараются придать себе «архаический» вид, по-своему используя фрагменты плохо понятых и деформированных традиционных идей или одеяв, в случае необходимости, современные идеи словами, заимствованными из какой-нибудь восточной или западной формы (все это, скажем по ходу дела, находится в полном противоречии с их верой в «прогресс» и в «эволюцию»), постоянно заняты согласованием этих древних или предполагаемых древними идей с теориями современной науки; эта работа, впрочем, без конца переделывается по мере того, как эти теории меняются, но надо сказать, что те, кто этим занят, имеют перед собой упрощенную работу, поскольку они почти всегда придерживаются того, что можно найти в «популярных» произведениях.

Кроме того, «неоспиритуализм» своей, согласно нашей квалификации, «практической» стороной также очень соответствует «экспериментальным» тенденциям современной ментальности; и именно этим ему мало-помалу удастся осуществить заметное влияние на саму науку и проникать туда посредством того, что называется «метафизикой». Несомненно, феномены, к которым она имеет отношение, сами по себе заслуживают исследования, так же, как и фено-

мены телесного порядка; но возражения вызывает тот способ, которым она думает их изучать, применяя к ним точку зрения профанной науки; физики (которые упорствуют в использовании своих количественных методов, вплоть до желаний «взвесить душу») и даже «психологи» в официальном смысле этого слова, разумеется, настолько плохо подготовлены к изучению явлений такого рода, насколько возможно, и по этой самой причине более, чем кто-либо иной, подвержены всевозможным иллюзиям¹³². К этому можно добавить, что, в действительности, «метафизические» исследования почти никогда не бывают независимыми от поддержки со стороны «неоспиритуалистов» и, в особенности, спиритов, что, в конечном счете, свидетельствует об их намерении заставить служить своей «пропаганде»; но, может быть, самым серьезным в этом отношении является то, что экспериментаторы оказываются в таких условиях, что они вынуждены прибегать к помощи спиритов — «медиумов», то есть индивидов, предвзятые идеи которых значительно изменяют рассматриваемые феномены и придают им, можно сказать, особую «окраску», и которые, к тому же, с особой заботой (поскольку существуют даже «школы медиумов») обрабатываются для того, чтобы служить инструментом и пассивной «поддержкой» определенных влияний, принадлежащих ко «дну» тонкого мира, влияний, которые они повсюду вместе с собою «перемещают» и не преминут опасно заразить ими всех тех, ученых и всяких других, кто вступает с ними в контакт и кто в силу своего незнания о том, что содержится в глубине всего этого, не способен защищаться от этого. Мы не будем больше останавливаться на этом, потому что уже в другом месте достаточно все это объяснили; мы можем отослать к этим разъяснениям всех тех, кто хотел бы узнать об этом подробнее; но, поскольку это совершенно особым образом характерно для современной эпохи, мы хотим подчеркнуть странность роли «медиумов» и предполагаемого необходимого их присутствия для произведения феноменов, относящихся к тонкому миру; почему в прошлом ничего подобного не существовало, что вовсе не мешало силам этого порядка спонтанно проявляться, смотря по обстоятельствам, совершенно в других размерах, чем это они осуществляют в спиритических или «метапсихических» сеансах (и довольно часто в необитаемых домах или в пустынных местах, что исключает гипоте-

зу, слишком удобную, присутствия бессознательного «медиума» этих способностей)? Можно спросить себя, не изменилось ли в действительности что-либо со времени появления спиритизма в самом способе, которым тонкий мир действует в ходе своих «интерференции» в телесный мир, и не является ли это, по существу, лишь еще одним новым примером изменений среды, которые мы уже рассматривали, касаясь результатов материализма; но, во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что в этом есть нечто, в совершенстве отвечающее требованиям «контроля», осуществляемого над этими низшими психическими влияниями, «пагубными» по своей сути, чтобы их можно было бы использовать более непосредственно для каких-то определенных целей согласно с предустановленным «планом» разрушительной работы, для которой они теперь в нашем мире и «спущены с цепи».

Глава XXXIII

СОВРЕМЕННЫЙ ИНТУИТИВИЗМ

Тенденции, соответствующие в области философии и психологии второй фазе антитрадиционной деятельности, естественно выражаются обращением к «подсознательному» во всех его формах, то есть к самым низшим элементам человеческого бытия; конкретно это обнаруживается, если речь идет о собственно философии, в теориях Уильяма Джемса и в бергсоновском «интуитивизме». У нас уже выше был случай говорить о Бергсоне по поводу той критики, которую именно он сформулировал, хотя, может быть, не совсем ясно и в несколько двусмысленных терминах, в адрес рационализма и его последствий; собственно же «позитивную» (если так можно сказать) партию философии характеризует то, что вместо того, чтобы искать средство исцеления разума над ним, она, напротив, ищет его под ним; и таким образом, вместо того, чтобы обратиться к подлинной интеллектуальной интуиции, о которой она, так же, как и рационалисты, совершенно ничего не знает, она ссылается на так называемую «интуицию», принадлежащую исключительно сенситивному и «витальному» порядку, в крайне спутанном понятии о которой собственно чувственная интуиция смешана с самыми темными силами инстинкта и чувствования. Следовательно, явное родство этого «интуитивизма», особенно заметное в том, что можно было бы назвать его «последней фазой» (что также приложимо и к философии Уильяма Джемса), с «неоспиритуализмом» не является более или менее «случайным», поскольку, по существу, это лишь различные выражения одних и тех же тенденций: отношение одного к рационализму параллельно отношению другого к материализму; один стремится к «инфрарациональному» так же, как другой стремится к «инфрателесному» (разумеется, также бессознательно); таким образом, в обоих случаях, в конечном счете, речь идет об одном направлении в смысле «инфрачеловеческого».

Здесь не место изучать все эти теории детально, но по крайней мере, нам надо отметить некоторые подробности, более непосредственно относящиеся к нашему предмету, и прежде всего их столь интегрально «эволюционистский» характер, насколько это только возможно, поскольку они располагают всю реальность исключительно в «становлении», что является категорическим отрицанием всякого неподвижного принципа и, следовательно, всякой метафизики; отсюда их «ускользающая» и неосновательная манера, создающая, по контрасту с рационалистским и материалистическим «отверждением», образ, как бы предвещающий растворение всех вещей в окончательном «хаосе». Именно такой пример мы находим в том способе, каким рассматривается религия и какой представлен в одной из работ Бергсона, олицетворяющий ту «последнюю фазу», о которой только что шла речь¹³³; по правде говоря, здесь нет чего-то совершенно нового, так как, по существу, отстаиваемый там тезис очень прост: известно, что для всех современных теорий является общей в этом отношении чертой то, что они хотя бы свести религию к чисто человеческому факту, что в результате ведет к ее отрицанию, сознательному или бессознательному, потому что это означает отказ учитывать саму ее сущность; и в этом отношении бергсоновская концепция не составляет исключения. Все эти теории могут быть в целом сведены к двум главным типам: «психологическому», который претендует на то, чтобы объяснить ее человеческой природой, и «социологическому», который хочет видеть в ней факт исключительно социального порядка, производя ее из чего-то вроде «коллективного сознания», которое доминировало бы над индивидами и навязывалось бы им. Оригинальность Бергсона состоит только в том, что он старался комбинировать оба вида объяснения, и делал это довольно странным образом: вместо того, чтобы рассматривать их как исключающие друг друга, как это делают сами их представители, он их принимает сразу оба, относя к двум различным вещам, называя их, тем не менее, одним и тем же словом «религия»; рассматриваемые им два источника являются на самом деле именно этим¹³⁴. Следовательно, для него существует два типа религий, «статическая» и «динамическая», которые он довольно странно называет «закрытой» и «открытой религией»; первая имеет социальную природу, вторая — психологическую; и естественно, имен-

но ей он отдает свои предпочтения, ее он рассматривает как высшую форму религии; мы говорим «естественно», так как совершенно очевидно, что в «философии становления», каковой она и является, не может и быть иначе, потому что для нее то, что совершенно не меняется, вовсе не отвечает никакой реальности, и даже препятствует схватить реальность таковой, какой она ее понимает. Но отметим, что такая философия, для которой нет «вечных истин»¹³⁵, логическим образом должна не признавать никакой ценности не только за метафизикой, но и за религией, что на самом деле и происходит, так как религия в подлинном смысле этого слова и есть как раз то, что Бергсон называет «статической религией», в которой он хочет видеть лишь совершенно иллюзионную «игру воображения»; что же касается его «динамической религии», то, по правде говоря, это вовсе не религия. Эта так называемая «динамическая религия», в действительности, не обладает ни одним из характерных элементов, входящих в само определение религии: нет догм, поскольку это нечто неподвижное и, как говорит Бергсон, «застывшее»; разумеется, нет, тем более, и обрядов по той же причине, а также из-за их социального характера; и те и другие должны быть оставлены за «статической религией»; что же касается морали, то Бергсон с самого начала оставил ее в стороне, как нечто, находящееся вне религии в его понимании. И тогда больше ничего не остается, в лучшем случае, туманная «религиозность» (нечто вроде неясного устремления к некоему «идеалу», довольно сходному с идеалом модернистов и либеральных протестантов), напоминающая во многих отношениях также «религиозный опыт» Уильяма Джемса, так как все это, очевидно, довольно близко. Это та самая «религиозность», которую Бергсон принимает за высшую религию, полагая таким образом «сублимировать» религию, как и все те, кто подчиняется той же самой тенденции, в то время как на самом деле он лишь опустошает ее от всякого позитивного содержания, потому что оно в действительности не содержит в себе ничего такого, что соответствовало бы его концепциям; кроме того, несомненно, что это все, что может получиться из психологической теории, так как мы на самом деле никогда не видели, чтобы такая теория была бы способна выйти за рамки «религиозного чувства», которое, повторим, не есть религия. Эта «динамическая религия», по мнению Бергсо-

на, находит свое высшее выражение в «мистицизме», понятом к тому же достаточно плохо и воспринятом с его самой дурной стороны, так как он превозносит его за то, что в нем есть «индивидуального», то есть смутного, бессознательного, и в некотором роде, «анархического», лучшие примеры которого, хотя он их и не приводит, можно было бы найти в некоторых «учениях» оккультистского и теософского духа. По существу, у мистиков ему нравится, это надо сказать четко, тенденция к «блужданию», в этимологическом смысле этого слова¹³⁶, которое они слишком легко обнаруживают, будучи предоставленными сами себе. Что касается того, что составляет само основание мистицизма в собственном смысле слова, оставляя в стороне его более или менее аномальные и «эксцентрические» отклонения, то есть его воссоединения, хотя этого или нет, со «статической религией», то он явно считает это не заслуживающим внимания; однако чувствуется, что здесь есть нечто, его смущающее, так как его объяснения по этому поводу являются весьма путанными; но это увело бы нас слишком далеко от существа нашего вопроса, если бы мы захотели более внимательно это изучить.

Если мы вернемся к «статической религии», то увидим, что, когда речь идет о ее предполагаемых истоках, Бергсон с доверием относится ко всем рассказам слишком знаменитой «социологической школы», включая и наиболее сомнительные: «магию», «тотемизм», «табу», «мана», «культ животных», «культ духов», «первобытное мышление» — ничто не упущено из всего этого общепринятого жаргона и из всего этого обычного «хлама», если позволено так выразиться (действительно, так и должно быть, когда речь идет о вещах такого гротескного характера). Ему самому принадлежит, может быть, та роль, которую он отводит так называемой «функции фантазии», которая нам представляется гораздо более «фантастической», чем то, объяснением чего она служит; но ведь надо вообразить себе какую-нибудь теорию, которая позволяет сразу отрицать всякое реальное основание всего того, что принято считать «суевериями»; «цивилизованная» философия и, в особенности, «философия 20 века», очевидно, полагает, что всякое иное отношение было бы ее недостойно! Во всем этом нам интересно только одно, а именно то, что касается «магии»; она является большой поддержкой для некоторых теоретиков, кото-

рые, несомненно, вряд ли знают, что реально она собою представляет, но хотят вывести из нее одновременно и религию и науку. Не такова позиция Бергсона: ища в магии «психологический источник», он делает из нее «экстериоризацию желания, которым наполнено сердце» и полагает, что «если восстановить при помощи интроспекции естественную реакцию человека на свое восприятие вещей, то оказывается, что магия и религия близки друг другу, и что между магией и наукой нет ничего общего». Но правда, далее следует некоторое колебание: если встать на определенную точку зрения, то «очевидно, что магия есть часть религии», но с другой точки зрения, «религия противоположна магии»; более четко утверждается, что «магия — это противоположность науки», что «будучи далека от того, что бы приготовить приход науки, как это предполагают, она была большим препятствием, с которым сражалось методическое познание». Все это почти в точности противоположно истине, так как магия ничего общего не имеет с религией; она есть, конечно же, не источник всех наук, но просто частная наука среди прочих наук; но Бергсон, несомненно, убежден, что не может существовать никаких других наук, кроме тех, которые перечисляются современными «классификациями», установленными на наиболее узко профанных позициях, какие только можно себе представить. Говоря о «магических операциях» с непоколебимой уверенностью человека, который их никогда не видел¹³⁷, он пишет такую удивительную фразу: «Как только первобытный разум начал постигать принципы, то он быстро извлек из этого опыт, который обнаруживал их ложность». Мы восхищены той отвагой, с которой этот философ, закрывшийся в своем кабинете и к тому же хорошо защищенный от атак со стороны определенных влияний, которые, конечно, были далеки от того, чтобы обвинять вспомогательное средство, настолько же причудливое, насколько бессознательное, отрицает априори все то, что не вмещается в рамки его теорий; как может он считать людей настолько глупыми, чтобы даже и без «принципов» они без конца повторяли «операции», которые никогда бы не приводили к успеху, и что бы сказал он, если бы оказалось, что, напротив, «опыт показывает ложность» его собственных утверждений? Очевидно, что он не предполагал даже, что подобное возможно; такова сила предвзятых идей, у него и у подобных ему, что они ни на

мгновение не сомневаются, что мир строго ограничен по меркам их концепций (впрочем, именно это и позволяет им конструировать «системы»); и не мог ли он понять, будучи философом, что он должен, совершенно так же, как и простые смертные, воздерживаться высказывать то, чего он не знает?

Однако, что касается действительной взаимосвязи между бергсоновским «интуитивизмом» и второй фазой анти-традиционного действия, происходит нечто совершенно замечательное и значимое: магия, по иронии обращения вещей, жестоко мстит нашему философу за его отрицания; вновь появившись в наши дни через недавние «трещины» этого мира, в своей одновременно самой низкой и самой рудиментарной форме, под видом «психической науки» (той, которую многие предпочитают, не очень, впрочем, удачно, называть «метафизикой»), ей удалось заставить его принять ее, не распознав, не только как весьма реальную, но как должную играть главную роль в будущем его «динамической религии»! Мы ничего не преувеличиваем: он говорит о «выживании», как вульгарный спирт, он верит в «экспериментальное изучение», позволяющее «сделать вывод о возможности и даже о вероятности выживания души» (что же на самом деле следует понимать под этим, и не идет ли речь скорее о фантасмагории «психических трупов»?); при этом, однако, нельзя сказать, происходит ли это «на время или навсегда». Это фальшивое воскресение не мешает ему восклицать в дифирамбическом тоне: «Чтобы обратиться к живой и действующей реальности, отныне больше нет надобности в веровании в потустороннее, которое, видимо, встречается у большинства людей, но чаще всего оказывается вербальным, абстрактным, недействительным... На самом деле, если бы мы были уверены, абсолютно уверены в выживании, то мы бы больше не могли думать ни о чем». Древняя магия была более научной в подлинном смысле этого слова, если и не в профанном смысле, и она не имела подобных притязаний; необходимо было, чтобы некоторые из этих самых элементарных феноменов допускали подобные интерпретации, ожидая изобретения спиритизма, рождение которому могла дать только лишь уже продвинутая фаза современного отклонения; и действительно, именно теорию спиритов, касающуюся как раз этих феноменов, Бергсон, как и до него Уильям Джемс, воспринял,

в конце концов, «с радостью», заставившую «побледнеть все удовольствия» (мы текстуально цитируем эти невероятные слова, которыми оканчивается его книга), а для нас она указывает ту степень здравого суждения, на которую способен этот философ, так как речь здесь, разумеется, не идет о его добросовестности; профанные философы в подобных случаях, главным образом, годятся для того, чтобы играть роль одуроченных и служить бессознательными «посредниками» для одурачивания многих других; как бы то ни было, что касается «суеверия», то лучшего нельзя было и пожелать; и это дает нам самую правильную идею того, чего реально стоит вся эта «новая философия», как ее любят называть ее сторонники!

Пища XXXIV

ЗЛО ПСИХОАНАЛИЗА

Если от философии мы перейдем к психологии, то заметим, что те же тенденции проявляются в самых недавних школах и в еще более опасном виде, так как вместо того, чтобы выражаться в простых теоретических воззрениях, они находят практическое применение очень настораживающего характера; наиболее «представительными» из этих новых методов, с нашей точки зрения, являются методы, известные под общим названием «психоанализа». К тому же следует отметить, что со странной непоследовательностью это манипулирование элементами, несомненно принадлежащими к тонкому миру, постоянно сопровождается, тем не менее, у большинства психологов материалистической установкой, которой они, без сомнения, обязаны своему предшествующему образованию, а также неведению, в котором они пребывают относительно истинной природы тех элементов, которые они приводят в действие¹³⁸; не является ли одной из наиболее странных черт современной науки то, что она никогда в точности не знает, с чем в реальности имеет дело, даже когда речь идет о собственно телесных силах? Впрочем, само собою разумеется, что некая «лабораторная психология», завершение процесса ограничения и материализации, в котором «философско-литературная» психология университетского образования представляет собой лишь менее продвинутую стадию и которая есть не что иное, как нечто вроде побочной ветви физиологии, всегда сосуществует с новыми теориями и методами; именно к ней относится то, что мы говорили выше о попытках свести саму психологию к количественной науке.

Тот факт, очень значительный сам по себе, что современная психология всегда рассматривает только «подсознательное» и никогда «сверхсознательное», которое логически должно быть его коррелятором, конечно, выходит за рамки просто словарного способа выражения; не стоит со-

мневаться, что в этом выражается проникновение, которое совершается исключительно через низ, то есть с той стороны, которая соответствует здесь, в человеческом бытии, так же, как и повсюду в космической среде, «трещинам», через которые проникают самые «пагубные» влияния тонкого мира, мы бы могли даже сказать, такие влияния, которые обладают поистине «инфернальным»¹³⁹ характером. Некоторые в качестве синонима или эквивалента термина «подсознательное» принимают термин «бессознательное», который, понятый буквально, мог бы быть отнесен к еще более низшему уровню, но, говоря по правде, который менее точно соответствует реальности; если бы действительно речь шла о подлинно бессознательном, не ясно даже, как вообще об этом можно было бы говорить и, в особенности, в понятиях психологии; кроме того, на каком основании нужно предполагать существование в реальности чего-то бессознательного, если это не простой материалистический или механистический предрассудок? Как бы то ни было, но стоит отметить ту странную иллюзию, благодаря которой психологи стали считать состояния тем более «глубокими», чем они оказываются более низкими; нет ли в этом уже как бы знака тенденции противления духовности, которая одна лишь может быть названа поистине глубокой, поскольку она одна соприкасается с принципом и с самим центром бытия? С другой стороны, поскольку сфера психологии вообще не простирается кверху, постольку «сверхсознательное», естественно, остается для нее столь же чуждым и закрытым, как и всегда; и если что-либо и встречается, относящееся к нему, то она просто присоединяет это к «подсознательному», ассимилируя с ним; именно таков почти не меняющийся характер ее гипотетических объяснений, относящихся к таким вещам, как религия, мистицизм, а также некоторые аспекты таких восточных учений, как йога; в этом смешивании высшего с низшим уже есть что-то такое, что можно рассматривать, собственно, как подготавливающее настоящее разрушение.

Отметим также, что обращением к «подсознательному» психология, так же как и «новая философия», все более и более стремится соединиться с «метафизикой»¹⁴⁰; и в той же мере, она неизбежно сближается, может быть, не желая этого (по крайней мере это касается тех ее представителей, которые считают себя материалистами, несмотря ни на

что), со спиритизмом и с другими более или менее сходными вещами, опирающимися в конечном счете на одни и те же темные элементы низшего психизма. Если эти вещи, происхождение и характер которых более чем подозрительны, имеют таким образом вид «предшествующих» и скоординированных движений психологии недавнего времени, и если ей удастся, пусть ложным, но тем самым и более легким образом, чем «метафизический», который еще обсуждается в определенных кругах, ввести упомянутые элементы в текущую жизнь той сферы, которая считается «официальной» наукой, то весьма трудно не признать, что истинная роль этой психологии при настоящем состоянии мира может быть только активным содействием второй фазе анти-традиционного действия. В этом отношении претензия обычной психологии, о которой сейчас шла речь, присоединить к себе некоторые вещи, искусственно относя их к «подсознательному», которые полностью ускользают от нее по самой своей природе, еще раз обнаруживает, несмотря на свой достаточно четкий разрушительный характер, то, что мы могли бы назвать ребяческой стороной этой роли, так как объяснения такого рода, точно так же, как и «социологические» объяснения тех же самых вещей, по существу есть «упрощенческая» наивность, доходящая иногда до нелепости; это значительно менее опасно с точки зрения ее действительных последствий, чем поистине «сатанинская» сторона, которую мы должны рассмотреть теперь более тщательно в том, что касается современной психологии.

Этот «сатанинский» характер проявляется с особой четкостью в психоаналитических интерпретациях символизма или того, что выдается за таковой, правильно или неправильно; мы делаем это ограничение, потому что в этом пункте, как и во многих других, необходимо сделать много различий и рассеять много заблуждений, если желают рассмотреть его более детально; так, если взять лишь один типичный пример, сон, в котором выражается «сверхчеловеческое» внушение, является подлинно символическим, тогда как обычное сновидение вовсе таковым не является, каковы бы ни были его внешние проявления. Разумеется, психологи прежних школ часто уже пытались по-своему объяснить символизм и представить его соразмерным своим собственным концепциям; в подобном случае, если речь действительно идет о подлинном символизме, эти объясне-

ния с помощью чисто человеческих элементов здесь, как и всюду, где имеют дело с традиционным порядком, неправильно оценивают то, что в нем составляет самое существенное; если же, напротив, речь идет о вещах чисто человеческих, то это не более, чем ложный символизм, но сам факт обозначения его этим именем заключает в себе ту же самую ошибку относительно природы истинного символизма. Это также приложимо и к исследованиям, которым предаются психоаналитики, но с той разницей, что тогда больше не надо говорить только о человеческом, но также и по большей части об «инфрачеловеческом»; на этот раз, следовательно, присутствует не только простое снижение, но и тотальное разрушение; а всякое разрушение, даже если оно непосредственно вызвано лишь непониманием и невежеством (которые, впрочем, суть как раз то, что лучше всего годится для такого употребления), всегда само по себе является в собственном смысле слова «сатанинским». Кроме того, мерзкий и отталкивающий характер психоаналитических интерпретаций представляет собою «печать», которая не может обмануть; с нашей точки зрения, особенно значимо, как мы уже показывали это в другом месте¹⁴¹, как раз то, что именно эта же самая «печать» также встречается и в некоторых спиритических проявлениях; конечно, нужно быть слишком благосклонным, если не сказать, полностью ослепленным, чтобы не видеть в этом ничего, кроме простого «совпадения». Психоаналитики, естественно, в большинстве случаев, могут, как и спириты, совершенно не осознавать того, что реально содержится под всем этим, но и те и другие одинаково выглядят как «ведомые» разрушительной волей, использующей в обоих случаях элементы воли одного и того же порядка, если не в точности тождественные; воли, которая, каковы бы ни были существа, в которых она воплотилась, является в них совершенно сознательной и несомненно отвечает интенциям, сильно отличающимся от всего того, что могут вообразить те, кто является всего лишь бессознательным инструментом их осуществления.

При этих условиях совершенно очевидно, что основное использование психоанализа или его терапевтическое применение, может быть лишь крайне опасным для тех, кто ему подвергается, и даже для тех, кто его осуществляет, потому что это такие вещи, манипулирование с которыми никогда не остается безнаказанным; не будет преувеличением ви-

деть в этом одно из средств, специально пущенных в действие для наибольшего увеличения нарушения равновесия современного мира и приведения его к окончательному распаду¹⁴². Мы не сомневаемся, что те, кто эти методы практикует, напротив, убеждены в благотворности своих результатов; как раз благодаря этой иллюзии и стало возможно их распространение, и именно в этом можно видеть всю разницу, которая существует между намерениями этих «практиков» и той волей, которая руководит работой, слепыми исполнителями которой они являются. Реально, психоанализ мог иметь своим следствием только выведение на поверхность всего содержания того дна человеческого существа, сделав его ясно осознаваемым, которое и образует то, что собственно называют «подсознательным»; кроме того, в соответствии с гипотезой, это существо уже является ослабленным, потому что если бы это было не так, то у него не было бы никакой потребности прибегать к лечению этого рода; следовательно, оно еще менее способно сопротивляться этому «разрушению» и рискует быть безвозвратно поглощенным этим хаосом неосторожно развязанных темных сил; если, несмотря ни на что, ему удастся избежать этого, то оно, по крайней мере, будет сохранять в течение всей своей жизни отпечаток, который на нем будет как несмываемое «пятно».

Мы хорошо понимаем, что здесь можно было бы возразить, напомнив о сходстве с «нисхождением в ад», как это встречается в подготовительных фазах к процессу посвящения; но это сближение является совершенно ошибочным, так как их цели не имеют ничего общего, так же, впрочем, как и условия «субъектов» в обоих случаях; можно говорить только о своего рода профанной пародии, и одного этого было бы достаточно, чтобы придать тому, о чем идет речь, характер довольно опасной «подделки». Истина заключается в том, что это предполагаемое «нисхождение в ад», за которым не следует никакого «восхождения», есть просто «падение в грязь», согласно общеупотребительному символизму в некоторых древних мистериях; известно, что эта «грязь» имела свое наглядное изображение по дороге к Элевсину, и падающие в нее — это профаны, претендующие на посвящение, не имея квалификации для его получения, и, следовательно, являющиеся лишь жертвами своей собственной опрометчивости. Мы добавим только, что та-

кая «грязь» существует как на макрокосмическом уровне, так и на микрокосмическом; это прямо относится к вопросу о «тьме внешней»¹⁴³, и по этому поводу можно было бы напомнить некоторые евангельские тексты, смысл которых в точности согласуется с тем, что мы только что сказали. При «нисхождении в ад» существо окончательно исчерпывает некоторые низшие способности, чтобы иметь возможность затем подняться к высшим состояниям; в «падении же в грязь» низшие способности, напротив, полностью им овладевают, доминируют над ним и, в конце концов, полностью его поглощают.

Только что мы здесь говорили о «подделке»; это впечатление значительно усиливается и другими утверждениями, такими, как искажение символизма, о котором мы говорили, искажение, которое стремится расшириться, к тому же, на все то, что включает в себя, по существу, «сверхчеловеческие» элементы, как это видно на примере установки по отношению к религии¹⁴⁴ и даже к учениям метафизического порядка посвящения, таким, как йога, которые теперь не могут уже избежать этого нового типа интерпретации, вплоть до того, что кое-кто доходит до отождествления их методов духовной «реализации» с терапевтическими процедурами психоанализа. Существует еще нечто более худшее, чем самые грубые деформации, встречающиеся на Западе, как например, когда в этих самых методах йоги предпочитают видеть нечто вроде «физической культуры» или терапии чисто физиологического порядка, поскольку они в виду самой своей грубости менее опасны, чем те, которые предстают в более утонченном виде. И причина не только в том, что эти последние рискуют соблазнить умы, на которые первые не имеют никакого воздействия; конечно, эта причина существует, но есть еще и другая, гораздо более важная, та же самая, по которой, как мы уже объясняли, материалистические концепции менее опасны, чем те, которые обращаются к низшим проявлениям психики. Разумеется, чисто духовная цель, которая, по существу, только одна конституирует йогу как таковую и без которой даже использование этого слова есть не что иное, как настоящая насмешка, ничуть не в меньшей степени остается нераспознанной как в том, так и в другом случае; фактически, йога в такой же степени не является психотерапией, как она не является и телесной терапией, и ее процедуры ни в какой степени

и никоим образом не являются лечением больных или неуравновешенных людей; будучи далеки от этого, они, напротив, адресуются исключительно к тем существам, которые, чтобы иметь возможность реализовать духовное развитие, являющееся единственным ее смыслом, должны уже быть вследствие одних только своих естественных predispositions настолько идеально уравновешенными, насколько это возможно; в этом состоит условие, которое, как это легко понять, в точности относится к вопросу о степенях посвящения¹⁴⁵.

Это еще не все, есть нечто, в отношении «подделки», что может быть еще более достойно рассмотрения, чем все то, что мы упоминали до сих пор: это настоящая необходимость для того, кто хочет практиковать психоанализ профессионально, предварительно быть самому «подверженному психоанализу». Это прежде всего предполагает признание того факта, что существо, претерпевающее такую операцию, более никогда не будет таким, каким оно было прежде или что, как мы только что сказали, она оставляет на нем нестираемый отпечаток, как и посвящение, но в некотором роде в обратном смысле, поскольку вместо духовного развития здесь речь идет о развитии низших проявлений психики. С другой стороны, здесь есть явное подражание трансмиссии посвящения; но поскольку есть отличие по природе привходящих влияний и при этом действительный результат, что не позволяет считать это сводимым к простой, не имеющей значения видимости, то эта трансмиссия сравнима скорее, в реальности, с той, которая практикуется в такой сфере, как магия и даже, говоря точнее, колдовство. Однако существует очень темный пункт, касающийся самого происхождения этой трансмиссии: поскольку очевидно, что невозможно дать другому того, чем не владеешь сам, и поскольку изобретение психоанализа есть вещь совсем недавняя, то откуда первые психоаналитики получают «силы», которые они сообщают своим ученикам, и кем они сами могли бы быть «подвергнуты психоанализу» с самого начала? Этот вопрос, который, тем не менее, логично поставить для тех, кто хоть немного способен размышлять, возможно, слишком нескромен, и более чем сомнительно, чтобы когда-нибудь на него был дан удовлетворительный ответ; но, по правде говоря, в этом нет необходимости, чтобы признать в такой психической трансмиссии

еще одну, поистине зловещую «печать», учитывая те сопоставления, которым она дает место: с этой стороны психоанализ обнаруживает весьма ужасающее сходство с некоторыми «тайнами дьявола»!

Глава XXXV

СМЕШЕНИЕ ПСИХИЧЕСКОГО И ДУХОВНОГО

То, что мы сказали по поводу некоторых психологических объяснений традиционных учений, представляет собою частный случай очень распространенного в современном мире смешения двух областей: психической и духовной; и это смешение, даже если оно не доходит до извращения, как это происходит в психоанализе, отождествляющем духовное с тем, что есть самого низшего в психическом порядке, не становится от этого менее опасным. Впрочем, это является в некотором роде естественным следствием того факта, что европейцы уже давно не умеют различать «душу» и «дух» (и, конечно, для этого много сделал картезианский дуализм, поскольку он смешивает в одном все то, что не есть тело, и это нечто смутное и плохо определенное без различия называет то одним, то другим именем); это смешение обнаруживается ежеминутно также и в повседневной речи; то, что имя «духи» дается обычно тем психическим «индивидуальностям», которые, конечно, ничего общего с «духовным» не имеют, и само наименование «спиритизм», которое из него следует¹⁴⁶, не говоря уже о другой ошибке, согласно которой «духом» называют то, что реально является лишь «умственным», служит достаточным примером этого. Слишком очевидны досадные последствия, которые могут проистекать из подобного состояния вещей: распространение этого смешения, в особенности в современных условиях, означает, хотя бы того или нет, вовлечение человеческих существ в безвозвратное погружение в хаос «промежуточного мира» и в действия в интересах, впрочем, часто неосознанно, «сатанинских» сил, управляющих тем, что мы назвали «контринициацией».

Но здесь следует внести некоторое уточнение, чтобы избежать непонимания: нельзя сказать, что любое развитие способностей человеческого существа, даже в таком невысоком порядке, который представляет собою область пси-

хического, является само по себе «губительным»; но не надо забывать, что эта область является преимущественно областью иллюзий, и что, к тому же, всегда надо уметь расположить каждую вещь в том месте, которое ей нормальным образом принадлежит; в конце концов, все зависит от того употребления, которое придают этому развитию, и прежде всего, необходимо рассматривать, принимается ли оно как цель в себе или, напротив, как простое средство, для достижения цели высшего порядка. В действительности, все что угодно может, смотря по обстоятельствам в каждом особом случае, послужить поводом или «поддержкой» для того, кто становится на путь, должный привести его к духовной «реализации»; особенно это верно вначале, по причине разнообразия индивидуальной природы, влияние которой тогда является максимальным, и так обстоит дело до определенного пункта, пока границы индивидуальности полностью не будут превзойдены. Но с другой стороны, все может быть в той же мере препятствием, как и «поддержкой», если человек останавливается и предается иллюзиям и заблуждениям относительно неких видимостей «реализации», которые не обладают никакой истинной ценностью и суть лишь совершенно случайные и несущественные результаты, если только можно их рассматривать с какой бы то ни было точки зрения в качестве результатов; и эта опасность заблуждения существует всегда, пока еще остаются в порядке индивидуальных способностей; однако, что касается психических способностей, то несомненно, опасность очень велика, и тем более велика, чем к более низкому порядку относятся эти способности.

Конечно, опасность гораздо меньше, когда речь идет только о способностях телесного и физиологического порядка; в качестве примера мы можем привести ошибку, которую делают некоторые западные люди, считающие йогой, как мы уже говорили выше, или, по крайней мере, то немногое, что им известно из ее подготовительных процедур, чем-то вроде метода «физической культуры»; в подобном случае лишь подвергаются риску достичь через «практику», исполняемую необдуманно и без контроля, результата, совершенно противоположного тому, к которому стремятся, и разрушают свое здоровье, намереваясь его улучшить. Это ничем бы нас не заинтересовало, кроме того факта, что здесь есть грубое отклонение в использовании этой «прак-

теки», которая на самом деле создана совершенно для другого использования, далекого, насколько это только возможно, от этой области физиологии, и естественное отражение которого в этой области составляет лишь простой «случай», которому не следует придавать ни малейшего значения. Однако надо добавить, что эта же самая «практика» также может иметь, помимо воли невежды, который предаётся ей, как какой-нибудь «гимнастике», отражение в тонких качествах индивида, что, в действительности, значительно увеличивает ее опасность: так можно, вовсе не подозревая этого, открыть дверь для влияний различного рода (и, разумеется, влияния самого низкого качества выигрывают от этого в первую очередь), от которых так мало защищены, что иногда даже и не подозревают об их существовании, и потому совершенно неспособны различить их истинную природу; но по крайней мере, здесь нет никакой «духовной» претензии.

Совершенно иначе обстоит дело, когда в игру вступает смешение психического и духовного, смешение, которое предстает в двух противоположных формах: в первой — духовное сводится к психическому, и именно это происходит в том виде объяснений, о которых мы говорили; во второй — психическое, напротив, принимается в качестве духовного, и самым тривиальным примером этого является спиритизм, но и другие, более сложные формы «неоспиритуализма» происходят совершенно таким же образом из этой же ошибки. В обоих случаях, в конечном счете, недооценивается всегда именно духовное; но первый случай относится к тем, кто его просто отрицает, если не всегда явным образом, то по крайней мере фактически, а второй — к тем, кто создает себе иллюзию ложной духовности, и именно второй случай мы сейчас намереваемся рассмотреть. Причина, по которой столько людей позволяют себе обманываться этой иллюзией, по сути, очень проста: одни ищут прежде всего так называемые «силы», то есть, в конечном счете, в той или иной форме, производство более или менее экстраординарных «феноменов»; другие стараются «концентрировать» свое внимание на низших «ответвлениях» человеческой индивидуальности, ошибочно принимая их за высшие состояния просто потому, что находятся вне тех рамок, в которых обычно заключена деятельность «среднего» человека и которые, в соответствии с профанной

точкой зрения современной эпохи, принято называть «обычной жизнью», не заключающей в себе никакой возможности внетелесного порядка. А для них, в результате, привлекательность «феномена», то есть, по сути, «экспериментальная» тенденция, присущая современному духу, чаще всего как раз и является источником ошибки: в действительности, они всегда хотят достичь в определенном роде «чувственных» результатов, они думают, что в этом и состоит «реализация»; но именно это вынуждает утверждать, что все, поистине относящееся к духовному порядку, на каком бы удалении он ни находился, от них полностью ускользает, чего они даже и не понимают, и что, при полном отсутствии всякой «квалификации» в этом отношении, для них было бы гораздо лучше оставаться в посредственной и банальной безопасности «обычной жизни». Разумеется, речь здесь вовсе не идет об отрицании подобных «феноменов» как таковых; мы бы сказали, они даже слишком реальны, и от этого они еще более опасны; мы категорически возражаем именно против их ценности и интереса, в особенности, с точки зрения духовного развития, а к этому как раз и относится иллюзия. Если бы это было лишь простой тратой времени и усилий, то, в конце концов, зло не было бы столь велико; но вообще, человек, привязывающийся к этим вещам, становится потом неспособным им противостоять и от них отойти, и таким образом непоправимо сбивается с пути; хорошо известен во всех восточных традициях случай индивидов, которые, став простыми производителями таких «феноменов», никогда уже не достигнут никакой духовности. Но более того: в этом может быть нечто вроде развития «наоборот», которое не приносит никакого ценного приобретения, но все больше и больше удаляется от духовной «реализации», вплоть до полного погружения в эти низшие «ответвления» своей индивидуальности, о которых речь шла выше и через которые индивид может вступить в контакт лишь с «инфрачеловеческим»; его ситуация оказывается тогда безвыходной или, по крайней мере, из нее есть только один выход, а именно, полная «дезинтеграция» сознательного бытия; а для индивида это, собственно, является эквивалентом окончательного растворения всего проявленного «космоса».

Нелишне было бы в этом отношении еще больше, может быть, чем в каком-нибудь другом, остерегаться всякого

призыва к «подсознательному», «инстинкту», «интуиции», инфрарациональному, даже к «витальной силе», более или менее плохо определенной, одним словом, ко всем тем темным и смутным вещам, которые так возбуждают современных философов и психологов и которые более или менее непосредственно ведут к установлению контакта с низшими состояниями. С еще большим основанием следует остерегаться с максимальной бдительностью (так как здесь речь идет о слишком коварном притворстве) всего того, что толкает существо «расплавиться» («se fondre»), мы охотнее сказали бы «смешаться» («se confondre») или даже «раствориться» («se dissoudre») в чем-то вроде «космического сознания», исключая всякую «трансценденцию», следовательно, всякую действительную духовность; таково крайнее следствие всех антиметафизических ошибок, которые в их более специальном философском аспекте обозначаются такими терминами, как «пантеизм», «имманентизм» и «натурализм»; все это, впрочем, тесно связано друг с другом. Таково следствие, от которого многие, конечно, отшатнулись бы, если бы на самом деле могли знать, о чем они говорят. Действительно, это буквально духовность «наизнанку», замена ее на то, что поистине ей противоположно, поскольку неизбежно ведет к ее окончательной утрате, в чем и состоит, собственно говоря, «сатанизм»; будет ли он сознательным или бессознательным, смотря по обстоятельствам, это довольно мало влияет на результат; не надо забывать, что «бессознательный сатанизм» некоторых людей, в нашу эпоху более многочисленных, чем в какую-либо иную, эпоху беспорядка, расширяющегося во все сферы, на самом деле есть лишь инструмент на службе «сознательного сатанизма» представителей «контринициации».

У нас уже был случай говорить о символизме посвящения «мореплавания», осуществляющегося через Океан, который представляет собою психическую область, когда речь идет о ее пересечении, избегая всех ее опасностей ради достижения цели¹⁴⁷; но что можно сказать о том, кто бросается в этот Океан, не имея другого стремления, кроме как утонуть в нем? Именно это, и очень точно, означает так называемое «слияние» с «космическим сознанием», которое на самом деле есть не что иное, как ансамбль, спутанный и не поддающийся различению, всех психических влияний, которые, хотя некоторые могут воображать себе иное, абсо-

лютно ничего общего, конечно, не имеют с духовными влияниями, даже если и случается, что они более или менее сходны с некоторыми из их внешних проявлений (так как это область, где «подделка» осуществляется во всей своей полноте, и именно потому эти «феноменальные» проявления сами по себе никогда ничего не доказывают и могут быть совершенно похожими как у святого, так и у колдуна). Совершающие эту фатальную ошибку просто забывают или игнорируют различие между «высшими Водами» и «низшими Водами»; вместо того, чтобы возвыситься к Океану наверху, они низвергаются в бездны Океана внизу; вместо того, чтобы сконцентрировать все свои усилия, направив их к неформальному миру, который лишь один может быть назван «духовным», они рассеивают их в неопределенном, меняющемся и текучем разнообразии форм тонкого проявления (что как раз в точности, насколько это возможно, соответствует бергсоновской концепции «реальности»), не подозревая того, что принимаемое ими за полноту «жизни» в действительности есть только царство смерти и безвозвратного распада.

Глава XXXVI

ПСЕВДОИНИЦИАЦИЯ

Когда мы квалифицируем как «сатанинскую» ту анти-традиционную деятельность, различные аспекты которой мы здесь изучаем, то должно быть ясно, что это совершенно не зависит от частной идеи, которую каждый может себе составить относительно того, что называют «Сатаной» в согласии с определенными теологическими и иными воззрениями, так как само собою разумеется, что «персонификации» не имеют значения с нашей точки зрения и никоим образом не должны приводить в наши рассуждения. Рассматривать следует, с одной стороны, дух отрицания и пере-ворачивания, в который «Сатана» метафизически превращается, каковы бы ни были специальные формы, в которые он может облечься для проявления в той или иной области, и с другой стороны, то, что его собственно представляет и «воплощает», так сказать, в земном мире, где мы рассматриваем его деятельность. Это и есть не что иное, как то, что мы назвали «контринициацией». Надо отметить, что мы назвали «контринициация», а не «псевдоинициация», которая является чем-то от нее очень отличным; действительно, не надо смешивать подделывателя и подделку, лишь одним из многочисленных примеров которой, в том смысле, о котором мы говорили в различных порядках, является «псевдоинициация», так как она сегодня существует в многочисленных организациях, большинство из которых связано с какой-либо формой «неоспиритуализма», хотя, может быть, имеет еще большее значение, чем подделка чего угодно другого. «Псевдоинициация» реально есть только лишь один из продуктов состояния беспорядка и смешения, вызванного в современную эпоху «сатанинской» деятельностью, имеющей свою отправную точку в «контринициации»; она может быть также, бессознательно, ее инструментом, но по сути, это на самом деле равно, в той или иной степени, всем другим подделкам, в том смысле, что они все

являются как бы средствами, помогающими реализации того же самого плана разрушения, так что каждая в точности играет более или менее важную роль, которая ей предназначена в ансамбле, что, в конце концов, составляет еще один вид подделки самих порядка и гармонии, против которых направлен весь этот план.

«Контртрадиция», конечно, не является простой, совершенно иллюзорной подделкой, но напротив, чем-то в своем роде очень реальным, как это слишком хорошо показывает осуществляемая ею деятельность; по крайней мере, она есть подделка только в том смысле, что необходимым образом подражает инициации наподобие перевернутой тени, хотя ее подлинная интенция состоит не в том, чтобы ей подражать, а в том, чтобы ей противостоять. Впрочем, эта претензия абсолютно напрасна, потому что метафизическая и духовная сферы совершенно для нее закрыты, будучи по ту сторону всех оппозиций; все, что она может делать, это игнорировать и отрицать их, и ни в коем случае она не может выйти за «опосредующий мир», то есть за психическую сферу, которая в конце концов, во всех отношениях есть поле привилегированного влияния «Сатаны» как в человеческом, так и в космическом порядках¹⁴⁸, но от этого интенция существует не в меньшей степени с тем упорством, которое она в себе заключает, идти в прямо обратную по отношению к инициации сторону. Что касается «псевдоинициации», то она есть не более чем простая пародия, что заставляет сказать, что она сама по себе есть ничто, что она лишена всякой глубокой реальности, или, если угодно, что ценность ее не является ни позитивной, как ценность инициации, ни негативной, как ценность «контринициации», а просто нулевой; и если она не сводится к более или менее невинной игре, как, может быть, предпочли бы думать в этих обстоятельствах, то по той же причине, которую мы уже объяснили общим образом, относительно истинного характера подделок и той роли, которую они предназначены играть; и еще надо добавить в этом особом случае, что «обряды», в силу их «священной» природы в самом строгом смысле этого слова, есть нечто, что никогда нельзя безнаказанно симулировать. Можно еще сказать, что «псевдотрадиционные» подделки, с которыми все извращения идеи традиции, о которых мы уже говорили раньше, достигают здесь максимума своей тяжести, прежде всего потому что

они переводятся в действие, вместо того, чтобы остаться в состоянии более или менее неясной концепции, а также потому что они атакуют традицию «изнутри», в том, что образует сам дух, то есть в эзотерической области и в сфере посвящения.

Можно заметить, что «контринициация» старается ввести своих агентов в «псевдоинициационные» организации, которые они «вдохновляют» таким образом без ведома их рядовых членов и даже, чаще всего, их явных глав, которые не менее бессознательны, чем другие в том, чему они реально служат; но следует сказать, что она, фактически, вводит их всюду, где можно, во все «движения» внешнего порядка в современном мире, политические или другие, и даже, как мы это говорили выше, вплоть до подлинных религиозных организаций и организаций посвящения, где традиционный дух сильно ослаблен для того, чтобы они были бы еще способны сопротивляться этому коварному проникновению. Однако, исключая этот последний случай, позволяющий насколько возможно непосредственно осуществлять разлагающую деятельность, «псевдоинициационные» организации есть, несомненно, то, что должно отвлекать внимание прежде всего от «контринициации» и создавать объект более частных усилий со своей стороны, к чему одному, в конце концов, она целиком и сводится. Однако, очень вероятно, на этом основании, что существует множество связей между проявлениями «псевдоинициации» и всякого рода иными вещами, которые на первый взгляд не должны, кажется, к ним иметь ни малейшего отношения, но которые являются весьма представительными для современного духа в каком-нибудь из своих наиболее выявленных аспектов¹⁴⁹; почему же, если бы это было не так, «псевдоинициаторы» постоянно играли бы во всем этом столь важную роль? Можно было бы сказать, что среди инструментов и средств всякого рода, поставленных на службу тому, о чем идет речь, «псевдоинициация» по самой своей природе логически должна занимать первый ряд; разумеется, она есть всего лишь винтик, но винтик, который может управлять многими другими, с которыми многие другие в некотором роде находятся в сцеплении и от которого они получают свой импульс. Здесь подделка продолжается еще дальше: «псевдоинициация» этим имитирует функцию невидимого двигателя, которая при нормальном порядке принадлежит

собственно инициации; но здесь надо быть осторожным: инициация истинным и законным образом представляет дух, главного вдохновителя всех вещей, тогда как в том, что касается «псевдоинициации», дух, очевидно, отсутствует. Из этого непосредственно следует, что осуществляемая таким образом деятельность, вместо того, чтобы реально быть «органической», может иметь лишь чисто «механический» характер, что, впрочем, полностью оправдывает сравнение с винтиками, только что использованное нами; и не обнаруживается ли повсюду и самым поразительным образом как раз такой характер в современном мире, где все больше и больше машина заполняет собою все, где само человеческое существо сведено во всей своей активности к насколько более возможному сходству с автоматом, поскольку его полностью лишили духовности? Но именно в этом ярко проявляется вся неполноценность искусственной продукции, даже если «сатанинская» ловкость руководила ее выработкой; можно хорошо фабриковать машины, но нельзя — живые существа, потому что, повторим еще раз, недостает и всегда будет нехватать именно самого духа.

Мы говорили о «невидимом двигателе», и помимо этой воли к имитации, которая проявляется еще и с этой точки зрения, есть в этой «невидимости», сколь ни была бы, впрочем, она относительна, бесспорное преимущество «псевдоинициации» в той ее роли, которую мы только что отметили, перед всем другим, носящим более «публичный» характер. Это не значит, что «псевдоинициационные» организации в большинстве своем очень заботятся о маскировке своего существования; бывает даже, что они доходят до открытой пропаганды, совершенно несовместимой с их претензиями на эзотеризм; но несмотря на это, они являются все же тем, что менее заметно и что наилучшим образом подходит для осуществления «укромной» деятельности, следовательно, тем, с чем «контринициация» может самым непосредственным образом вступить в контакт, не опасаясь, что ее вмешательство рискует быть обнаруженным, тем более, что в этой среде всегда можно легко найти какое-нибудь средство предотвращения последствий нескромности или неосторожности. Надо сказать также, что большая часть публики, зная более или менее о существовании «псевдоинициационных» организаций, не слишком хорошо знает, чем они являются, и не расположена придавать им большое значение, видя

в этом одну лишь простую «эксцентричность», без серьезного смысла; и это безразличие также служит, хотя и невольно, этим же самым проектам настолько хорошо, насколько могла бы это сделать самая строгая тайна.

Мы стремились сделать понятной, насколько это возможно, реальную роль, пусть и неосознанную, «псевдоинициации» и истинную природу ее отношений с «контринициацией»; надо ли добавлять, что последняя, по крайней мере в некоторых случаях, может обрести там место наблюдения и отбора для пополнения своих собственных кадров, но здесь не место останавливаться на этом. Но даже приблизительно нельзя составить себе идею о той множественности и невероятной сложности разветвлений, которые здесь существуют, только прямое и детальное их изучение может дать представление об этом; но разумеется, нас интересует лишь «принцип», если так можно сказать. Однако это еще не все: до сих пор мы рассматривали в целом, почему традиционная идея извращается «псевдоинициацией»; теперь нам осталось усмотреть это более точно, чтобы наши наблюдения не остались замкнутыми в исключительно «теологическом» порядке.

Одним из самых простых средств, которыми располагают «псевдоинициационные» организации, чтобы сфабриковать ложную традицию для своих приверженцев, является, конечно, «синкретизм», который состоит в собирании элементов, заимствованных худо-бедно отовсюду, в некотором «внешнем» их сочетании без всякого реального понимания того, что они представляют собою на самом деле в тех различных традициях, к которым они принадлежат. А поскольку этому собранию, более или менее бесформенному, надо придать некоторую видимость единства, чтобы иметь право представить его как единую «доктрину», то эти элементы стараются сгруппировать вокруг нескольких «направляющих идей», которые сами не являются по своему происхождению традиционными, но как раз наоборот, происходят из совершенно современных и профанных, и, следовательно, воистину антитрадиционных концепций; мы уже отмечали, по поводу «неоспиритуализма», что именно идея «эволюции» почти всегда в этом отношении играет доминирующую роль. Понятно, что тем самым дело особенно ухудшается: в этих условиях уже речь больше не идет о чем-то вроде «мозаики» из традиционных осколков, которая,

в конце концов, могла быть лишь совершенно пустой, но почти безопасной, игрой; речь идет об извращении, можно даже сказать о «расхищении» заимствованных элементов, поскольку таким образом им приписывается смысл, который будет искажен для того, чтобы согласовать его с «направляющей идеей», вплоть до смысла, противоположного традиционному. Разумеется, впрочем, что люди, действующие таким образом, могут не осознавать этого четко, так как современная ментальность, им свойственная, может быть причиной истинного ослепления в этом отношении; при этом следует, прежде всего, принимать в расчет простое непонимание, присущее самой этой ментальности, мы также, возможно, должны говорить о «внушениях», первыми жертвами чего являются сами «псевдоиницируемые», прежде чем они внесут свой вклад во вдалбливание их другим; но эта бессознательность ничего не меняет в результате и никоим образом не уменьшает опасности от такого рода вещей, которые от этого не становятся менее пригодными служить, пусть даже только «задним числом», целям, предлагаемым «контринициацией». Мы не упоминаем здесь случай, когда ее агенты более или менее непосредственным вмешательством провоцировали бы или вдохновляли образование подобной «псевдотрадиции»; без сомнения, можно найти и другие примеры, что даже тогда не означает, что эти сознательные агенты были явными и известными творцами «псевдоинициационных» форм, о которых идет речь, так как очевидно, что осторожность принуждает их всегда скрываться за простыми бессознательными средствами.

Когда мы говорим о бессознательном, то мы его понимаем прежде всего в том смысле, что те, кто таким образом вырабатывает «псевдотрадицию», являются совершенно невежественными, чаще всего, относительно того, чему она служит в реальности; что касается ценности и свойства этой продукции, то труднее предположить, чтобы их чистосердечие было полным, и все-таки возможно, что они в некоторой мере обольщаются или что они обольщены в том случае, о котором мы только что упоминали. Чаще всего надо также учитывать некоторые аномалии психического порядка, которые еще больше все усложняют и, в конце концов, создают особо благоприятную площадку для того, чтобы влияния и внушения разного рода могли бы осуществляться с максимальной силой; мы только отметим, не останавли-

ливаясь больше на этом, немалую роль, которую «ясновидящие» и другие «сенситивы» часто играют во всем этом. Но несмотря на это, почти всегда есть некая точка, когда сознательное мошенничество и шарлатанство становятся для руководителей «псевдоинициационных» организаций чем-то необходимым: таким образом, если кто-нибудь замечает (что, в конце концов, не так уже трудно) сделанные ими более или менее неловко заимствования из той или иной традиции, то каким образом могли бы они распознать их, не будучи обязанными тем самым признаться, что сами они только лишь обычные профаны? В подобном случае они обычно, не колеблясь, переворачивают отношения и смело заявляют, что их собственная «традиция» представляет собою общий источник всех тех традиций, которые ими ограблены; и если не удастся убедить в этом весь мир, то по меньшей мере находятся всегда в достаточном количестве такие наивные люди, которые верят на слово, для того, чтобы их положение «главы школы», которого они, главным образом, добиваются, помимо всего прочего, не было бы всерьез поставлено под сомнение, тем более, что сами они довольно мало внимания обращают на качество своих «учеников» и что, в согласии с современной ментальностью, количество им кажется гораздо более важным; однако это вполне ясно показывает, насколько они далеки от того, чтобы иметь даже самые элементарные понятия о том, что есть на самом деле эзотеризм и посвящение.

Едва ли нам следует говорить о том, что все здесь нами описываемое отражает не только более или менее гипотетические возможности, но как раз весьма реальные и должным образом констатируемые факты; мы бы никогда не закончили, если бы были обязаны процитировать их все, однако, это было бы, по сути, малополезно; довольно и нескольких характерных примеров. Таким образом, именно «синкретическим» методом, о котором мы только что говорили, очевидно, конституируется так называемая «восточная традиция», традиция теософов, почти не имеющая в себе ничего восточного, кроме плохо понятой и плохо применяемой терминологии; а так как этот мир «разделяется в самом себе», согласно евангельскому изречению, то французские оккультисты, в духе противоречия и соперничества, в свою очередь, воздвигают так называемую «западную традицию» того же рода, многие из элементов кото-

рой, а именно те, которые они извлекают из Каббалы, с трудом могут быть названы западными как по их происхождению, так и по тому особому способу, которым они их интерпретируют. Первые представляют свою «традицию» как выражение самой «древней мудрости»; вторые, может быть, более скромные в своих претензиях, стараются, по возможности, превзойти свой «синкретизм» ради «синтеза», поскольку мало кто в такой степени злоупотребляет последним словом. Если первые, таким образом, показывают себя более амбициозными, то это, возможно, потому, что на самом деле в истоках их «движения» лежат довольно загадочные влияния, подлинную природу которых они, без сомнения, не способны определить; что касается вторых, то они слишком хорошо знают, что за ними ничего не стоит, что их произведение есть только лишь плод труда нескольких индивидов, ограниченных своими собственными средствами, и если, тем не менее, случается, что «нечто» другое сюда также проникает, то это, конечно, происходит гораздо позже; было бы нетрудно в обоих рассмотренных случаях применить только что нами сказанное, и мы можем предоставить каждому самому извлечь последствия, которые, как ему покажется, логически должны отсюда следовать.

Разумеется, никогда не существовало ничего такого, что можно было бы назвать подлинно «восточной традицией» или «западной традицией»; такое наименование было бы явно слишком туманным, чтобы можно было его применять к определенной традиционной форме, поскольку, если не восходить к первоначальной традиции, которая здесь не принимается в расчет по слишком понятным причинам и которая не является, к тому же, ни восточной, ни западной, то всегда есть и всегда имелось много разных традиционных форм, как на Востоке, так и на Западе. Другие считают лучшим и более достойным доверия присваивать себе имя какой-либо традиции, реально существовавшей в более или менее отдаленную эпоху, делая из него вывеску сооружения, такого же причудливого, как и предшествующие, так как, если они используют в большей или меньшей степени то, что их может привести к познанию традиции, на которой они остановили свой выбор, то они принуждены восполнять эти некоторые всегда фрагментарные и даже отчасти гипотетические данные, прибегая к другим элементам, заимствованным в другом месте или даже целиком во-

ображаемым. В любом случае, малейшего изучения всей этой продукции достаточно, чтобы обнаружить специфически современный дух, им присущий и неизменно выражаемый присутствием одной из этих самых «руководящих идей», о которых мы упоминали выше; нет, следовательно, необходимости продолжать исследование дальше и дать себе труд точно и детально определить реальное происхождение того или иного элемента из подобного ансамбля, поскольку одно только это утверждение уже достаточно хорошо показывает, не оставляя никакого сомнения, что здесь не присутствует ничего другого, кроме простой подделки.

Один из лучших примеров, который можно привести в данном случае, это многочисленные организации, которые в настоящее время называют себя «розенкрейцеровскими» и которые, само собой разумеется, не перестают быть в противоречии друг с другом и даже друг с другом открыто сражаться, претендуя равным образом быть представителями одной и той же «традиции». Фактически можно признать правоту каждой из них без всякого исключения, когда они провозглашают своих конкурентов незаконными и обманщиками; никогда, конечно, не было такого количества людей, называющих себя «розенкрейцерианцами», если только не «Розой-Крестом», в то время как это более уже ничему не соответствует! Впрочем, не очень опасно считать себя продолжением чего-то такого, что полностью принадлежит прошлому, в особенности когда опровержений тем менее можно опасаться, что, как и в случае, о котором идет речь, все покрыто некоторой темнотой, так что его конец не более точно известен, чем начало; но кто же среди профанной публики и даже среди «псевдоинициированных» может знать то, чем на самом деле была та традиция, которая в течение некоторого времени квалифицировала себя как розенкрейцеровская? Мы должны добавить, что эти замечания, касающиеся узурпации имени организации посвящения, не применимы к случаю, например, так называемой «Великой Белой Ложи», о которой, что довольно любопытно, со всех сторон спрашивают, и не только у теософов; это наименование, в действительности, никогда ни в коей мере не обладало ни малейшим подлинно традиционным характером, и если это конвенциональное имя и может служить «маской» чему-то, обладающему хоть какой-то реально-

стью, то это, конечно, в любом случае не сторона посвящения, которую следовало бы здесь искать.

Довольно часто критикуют тот способ, при котором кое-кто отправляет рекомендуемых ими «учителей» в какой-нибудь почти недоступный район Центральной Азии или в какое-нибудь иное место; и в этом, действительно, состоит средство сделать их утверждения неverifiedируемыми; но оно не единственное — удаление во времени может в этом отношении играть роль, сравнимую с удалением в пространстве. Так, иные не колеблясь причисляют себя к какой-нибудь традиции, целиком исчезнувшей и угасшей уже много веков тому назад, даже много тысячелетий; но правда, что, если только они не осмеливаются дойти до утверждения, что эта традиция постоянно сохранялась в течение всего прошедшего времени способом столь тайным и столь хорошо скрытым, что никто другой, кроме них, не мог открыть ни малейшего ее следа, то это их лишает ценного преимущества относить к себе прямую и непрерывную преемственность, которая обладала бы большей видимостью правдоподобия, каковую она еще может иметь, если речь идет о более недавней форме, которой является розенкрейцеровская традиция; но этот недостаток, кажется, не имеет большого значения в их глазах, так как они настолько несведущи в подлинных условиях посвящения, что охотно воображают себе, что простая «идеальная» приверженность без всякой регулярной передачи, может занять место действительной приверженности. К тому же совершенно ясно, что традиция тем с большей легкостью будет доступна любым фантастическим «реконструкциям», чем более полно она утрачена и забыта и чем меньше знают, как поступить с реальным значением сохранившихся от нее остатков, которые, таким образом можно заставить говорить почти все, что угодно; каждый, естественно, вложит туда то, что будет согласовано с его собственными идеями; без сомнения, не надо искать кроме этого иной причины для осознания того факта, что египетская традиция особенно часто «эксплуатируется» в этом отношении и что столько очень различных «псевдоинициационных» школ отдают ей предпочтение, что иначе было бы непонятно. Мы должны уточнить, чтобы избежать всякого ложного применения того, что мы здесь говорим, что эти наблюдения никоим образом не касаются Египта и подобных вещей того же рода, кото-

рые могут встречаться также иногда в некоторых организациях посвящения, но которые имеют там характер только лишь символических «легенд» без всякой претензии действительно похвалиться подобными истоками; мы имеем в виду только то, что выдает себя в качестве реставрации, ценной как таковой, традиции или посвящения, которые уже не существуют, реставрации, которая, впрочем, даже при невероятной гипотезе, что она была бы во всех отношениях точной и полной, все же не имела бы никакого иного интереса сама по себе, кроме простого археологического курьеза.

Здесь мы прекратим свои и без того длинные рассуждения, которых вполне достаточно для того, чтобы сделать понятным все то, что вообще представляют собой все эти «псевдоинициационные» подделки традиционной идеи, которые все еще так свойственны нашей эпохе: более или менее связанное (скорее менее, чем более) смешение элементов, отчасти заимствованных и отчасти изобретенных, и над всем доминирующие антитрадиционные концепции, свойственные современному духу; все это может служить, в результате, лишь еще большему распространению этих концепций, навязывая их некоторым людям в качестве традиционных, не говоря уже о явном обмане, который состоит в выдаче за «посвящение» того, что на самом деле имеет чисто профанный характер, чтобы не сказать «профанирующий». Если нам укажут после этого, как на смягчающее обстоятельство, на то, что почти всегда есть внутри, несмотря ни на что, несколько элементов реально традиционного происхождения, то мы ответим следующее: всякая имитация, чтобы заставить принять себя, естественно, должна принять по крайней мере некоторые из черт того, чему она подражает, но как раз это еще больше увеличивает опасность, не является ли самой ловкой и самой зловещей ложью та, которая смешивает неискоренимым образом истину с ложью, силясь, таким образом, заставить служить первую ради победы второй?

Глава XXXVII

ОБМАН «ПРОРОЧЕСТВ»

Смесь истины и лжи, которая встречается в «псевдотрадициях» современного изготовления, вновь встречается также в так называемых «пророчествах», которые, особенно в последние годы, распространяются и используются различными способами для целей, по меньшей мере, очень загадочных; мы говорим «так называемые», так как должно быть хорошо понятно, что слово «пророчества» может применяться, собственно, к сообщениям о будущих событиях, содержащимся в священных Книгах различных традиций и исходящим от внушений чисто духовного порядка; в любом другом случае его использование является абсолютно незаконным, и тогда подходит только одно слово «предсказания». Предсказания эти могут быть, впрочем, очень различного происхождения; по крайней мере, некоторые из них были получены применением некоторых вторичных традиционных наук, и они, разумеется, являются самыми важными, но при условии, что реально можно понять их смысл, что не всегда бывает самым простым, так как по множеству причин они вообще формулируются в более или менее темных терминах, часто проясняющихся лишь после того, как события, о которых в них идет речь, реализуются; всегда, следовательно, можно к ним отнестись подозрительно, но не из-за самих этих предсказаний, а из-за ошибочных и «тенденциозных» интерпретаций, которые им могут быть даны. Когда, к тому же, то, что есть в них подлинного, происходит почти исключительно от искренних, но очень мало «просветленных» «провидцев», которые усмотрели нечто неясное, более или менее точно относящееся к будущему, довольно плохо определенному чаще всего в том, что касается дат и последовательного порядка событий, и которые, смешивая их бессознательно со своими собственными идеями, выражают их еще более спутано, так что нетрудно найти там почти все, что будет угодно.

Отсюда можно понять, чему все это может служить в современных условиях: поскольку эти предсказания почти всегда представляют вещи в беспокойном и даже ужасающем освещении, потому что именно этот аспект событий, естественно, более всего поражает «провидцев», постольку для того, чтобы возмутить общественное умонастроение, достаточно просто их распространять, сопровождая по мере надобности комментариями, подчеркивающими их угрожающую сторону и представляющими те события, о которых идет речь, как неизбежные¹⁵⁰; если эти предсказания согласуются между собой, воздействие будет усиливаться, а если они будут противоречить друг другу, что тоже бывает, то они ничего, кроме беспорядка не произведут; как в том, так и в другом случае это будет одинаково на пользу сил разрушения. Впрочем, следует добавить, что все то, что происходит из достаточно низкой области психики, тем самым вместе с собой привносит влияния, разлагающие и разрушающие равновесие, что значительно увеличивает опасность; и несомненно, именно поэтому те, кто этому не верит, испытывают, тем не менее, во многих случаях болезненное чувство, сравнимое с тем, которое производит даже на очень мало «сенситивных» людей присутствие тонких сил низшего порядка. Трудно поверить, например, сколько людей были опасно и иногда непоправимо выведены из равновесия многочисленными предсказаниями, в которых речь шла о «Великом Папе» или о «Великом Монархе», и которые, однако, содержат некоторые черты определенных истин, но странным образом деформированных «зеркалами» низшего психизма и, сверх того, заниженных по мерке ментальности «провидцев», которые их в некотором роде «материализуют» и «локализуют» более или менее узко, чтобы ввести в рамки своих предвзятых идей¹⁵¹. Способ, которым эти вещи представляются упомянутыми «провидцами», которые часто также и «внушаемы»¹⁵², очень сильно зависит, к тому же, от определенных слишком темных «низов», неправдоподобные разветвления которых, по крайней мере с начала 19 века, было бы особенно любопытно исследовать для того, кто хотел бы создать подлинную историю этого времени, историю, разумеется, очень отличную от той, которой «официально» обучаются; само собою разумеется, что у нас нет намерения входить в детали этого и мы должны ограничиться некоторыми общими замечаниями по

данному очень сложному вопросу, к тому же, намеренно запутанному во всех своих аспектах¹⁵³, что мы не могли полностью обойти его молчанием без того, чтобы перечисление главных характерных элементов современной эпохи оставалось бы очень неполным, так как в этом есть еще один из самых значительных симптомов второй фазы антитрадиционной деятельности.

Впрочем, простое распространение таких предсказаний, о которых мы только что говорили, в конце концов является лишь частью более элементарной работы, которая в этом отношении в настоящее время открывается, так как в этом случае работа уже почти полностью проведена самими «провидцами», хотя и без их ведома; есть и другие случаи, для которых надо вырабатывать более тонкие интерпретации, чтобы привести предсказания в соответствие определенным замыслам. Как раз это и происходит с теми предсказаниями, которые основаны на определенных традиционных познаниях, и тогда их темнота особенно удобна для тех, кто их принимает¹⁵⁴, даже некоторые библейские прочтения по той же причине являются объектом такого же рода «тенденциозных» интерпретаций, некоторые из которых часто добросовестны, но есть также и «внушенные», которые служат для внушения другим; существует как бы нечто вроде психической, неизбежно заразной «эпидемии», которая, однако, очень хорошо подходит к плану разрушительной деятельности в качестве «спонтанной» и которая, как и любые другие проявления современного беспорядка (включая сюда и революции, считающиеся наивными людьми тоже «спонтанными»), неизбежно предлагает в качестве отправной точки сознательную волю. Худшим ослеплением было бы видеть в этом простое действие «моды» без всякого реального значения¹⁵⁵; Впрочем, можно было бы то же самое сказать и о растущем распространении «гадательных искусств», которые, конечно, тоже небезобидны, как это может показаться тем, кто не доходит до глубины вещей: это суть, главным образом, непонятные обломки древних традиционных, почти полностью утраченных наук, и кроме той опасности, которая связана с их характером «остатков», они еще аранжированы и скомбинированы таким образом, что приведение их в движение открывает под предлогом «интуиции» (а это совпадение с «новой философией» само по себе достаточно замечательно) дверь в торже-

нию всяких психических влияний самого сомнительного характера¹⁵⁶.

Используются также, при соответствующей интерпретации, предсказания, происхождение которых особенно подозрительно и которые являются достаточно древними, а возможно, не созданными для современных условий, хотя силы разрушения, очевидно, уже широко использовали свое влияние в ту эпоху (речь идет, в особенности, о времени, к которому восходят сами истоки современного отклонения, с XIV до XVI века), и с тех пор эти предсказания были нацелены, наряду с более частными и непосредственными целями, на подготовку деятельности, которая должна выполняться лишь в масштабе длительного времени¹⁵⁷. Эта подготовка, по правде говоря, никогда не прекращалась; она продолжалась в иных модальностях, один из аспектов которых представляет внушение современных «провидцев» и организация «видений», носящих совсем не ортодоксальный характер, в чем обнаруживается самым четким образом прямое вмешательство тонких влияний; но это не единственный аспект, и даже когда речь идет о предсказаниях, явно полностью «сфабрикованных», подобные влияния очень даже свободно могут вступать в игру, прежде всего по причине «контринициационного» истока, откуда эманурует их первоначальное вдохновение, а также поскольку некоторые элементы привлечены для того, чтобы служить «опорой» для этой работы.

Написав эти последние слова, мы особо имели в виду пример, совершенно удивительный как сам по себе, так и по тому успеху, какой он имел в различных средах и который в этой связи заслуживает большего, чем простое упоминание: мы хотим сказать о так называемых «пророчествах Больших Пирамид», распространившихся в Англии и отсюда по всему миру, ради целей, отчасти, может быть, политических, но конечно, идущих гораздо дальше, чем политика в обычном смысле этого слова, и к тому же тесно связанных с другой работой, предпринимаемой для того, чтобы внушить англичанам, что они происходят от «племен, потерянных Израилем»; но мы не можем утверждать большего, не входя в размышления, которые в настоящее время были бы совершенно некстати. Как бы то ни было, вот о чем идет речь в нескольких словах: измеряя неким способом, который, впрочем, был не лишен определенной

произвольности (тем большей, на самом деле, что в точности не были определены те меры, которыми реально пользовались древние египтяне), различные части коридоров и помещений Большой Пирамиды¹⁵⁸, захотели открыть там «пророчества», приводя в соответствие полученные таким образом числа с периодами и датами истории. К несчастью, в этом есть настолько явная абсурдность, что можно спросить себя, как получается, что никто ее не замечает, и именно это показывает, до какой степени наши современники «подвержены внушению»; действительно, предполагать, что строители Пирамиды реально имели в виду некие «пророчества», означало бы допустить две вещи: или эти «пророчества», которые должны в значительной степени основываться на определенном знании циклических законов, относятся к общей истории мира и человечества, или они были адаптированы таким образом, чтобы специально касаться Египта, но фактически, нет ни того, ни другого, так как все то, что там желают найти, сводится исключительно к точке зрения иудаизма прежде всего, а затем и христианства, таким образом, что из этого логически следовало бы заключить, что Пирамида вовсе не является египетским памятником, а памятником «иудео-христианским»! Одного этого было бы достаточно, чтобы не оставить камня на камне от этой неправдоподобной истории; следует добавить еще, что все это понимается, следуя так называемой библейской, совершенно сомнительной «хронологии», согласно самому узкому и самому протестантскому «буквализму» несомненно потому, что следовало хорошо адаптировать эти вещи к особой ментальности среды, в которой они должны главным образом и в первую очередь распространяться. Можно было бы сделать еще и другие любопытные замечания: так, от начала христианской эры не нашлось для отметки никакой интересной даты до первых железных дорог; если следовать этому, то надо было бы поверить, что древние строители соотносили свои оценки важности событий с очень современной перспективой; в этом состоит гротескный элемент, в котором всегда нет недостатка в подобного рода вещах и через который предательски обнаруживается как раз их истинное происхождение: дьявол, конечно, очень ловок, но, тем не менее, он никогда не удержится от того, чтобы оказаться смешным с какой-нибудь стороны¹⁵⁹.

Это еще не все: время от времени, опираясь на «пророчества Большой Пирамиды» или на другие какие-нибудь предсказания и предаваясь расчетам, основание которых всегда остается достаточно плохо определенным, заявляют, что такой-то точной датой должно обозначить «вступление человечества в новую эру», или же «пришествие новой духовности» (далее мы увидим, как следует это понимать в реальности); многие из этих дат уже прошли, и кажется, что ничего особо замечательного в них не произошло; но о чем все это может говорить на самом деле? Фактически, в этом обнаруживается еще раз другое использование предсказаний (мы хотим сказать «другое» по сравнению с тем, что они увеличивают беспорядок нашего времени, сея почти повсюду возмущение и волнение), и что не менее важно, оно состоит в том, чтобы делать из этого средство прямого внушения, вносящего свой вклад в действительное определение некоторых событий будущего; согласятся ли, например,— возьмем здесь самый простой случай, чтобы лучше быть понятыми,— что, с настойчивостью возвещая революцию в такой-то стране и в такое-то время, ей реально помогают разразиться в момент, желаемый теми, кто в этом заинтересован? По сути, речь для некоторых идет, в особенности в настоящее время, о создании «состояния духа», благоприятного для реализации некоего «нечто», которое входит в их намерения и, несомненно, может оказаться различным под воздействием противоположных влияний, но которое они очень надеются привести таким образом к реализации немного позже или немного раньше; нам остается более точно рассмотреть, к чему ведет это «псевдодуховное» предприятие, и надо сказать, не желая из-за этого никоим образом становиться «пессимистом» (тем более, что «оптимизм» и «пессимизм» суть, как мы это уже объясняли в другом случае, две сентиментальные установки, которые должны оставаться одинаково чуждыми нашей точке зрения, строго традиционной), что такова слишком малоприятная перспектива для довольно близкого будущего.

Глава XXXVIII

ОТ АНТИТРАДИЦИИ К КОНТРТРАДИЦИИ

То, о чем мы только что говорили, как и все, по существу принадлежащее к современному миру, имеет характер глубоко антитрадиционный; но в одном смысле оно идет еще дальше, чем «антитрадиция», понимаемая как простое отрицание, и стремится к сознанию того, что можно было бы более точно назвать «контртрадицией». Здесь есть различие, сходное с тем, которое мы ранее сделали между отклонением и извращением и которое также соответствует тем же двум фазам антитрадиционного действия, рассмотренного в целом: «антитрадиция» самым полным образом выражается в материализме, который можно было бы назвать «интегральным», таким, как он господствовал в конце прошлого века; что касается «контртрадиции», то мы еще видим только предвещающие ее знамения, образуемые всеми теми вещами, которые нацелены тем или иным образом на подделку самой традиционной идеи. Мы можем сразу же прибавить, что, так же, как тенденция к «отверждению», выражаемая «антитрадицией», не могла достичь своего последнего предела, который был бы поистине вне и ниже всякого возможного существования, можно предвидеть, что тенденция к растворению, находящаяся, в свою очередь, выражение в «контртрадиции», тем более этого не сможет; сами условия проявления, поскольку цикл еще полностью не завершен, требуют, очевидно, чтобы так было; и что касается самого конца этого цикла, то он предполагает «восстановление», при помощи которого эти «пагубные» тенденции будут «превращены» в окончательно «благоприятный» результат, как мы уже выше объясняли. К тому же все пророчества (разумеется, здесь мы берем это слово в его истинном смысле) указывают, что видимый триумф «контртрадиции» будет только временным и что в тот самый момент, когда он покажется наиболее полным, она будет разрушена действием духовных влияний, которые тогда станут втор-

гаться, чтобы непосредственно приготовить окончательное «восстановление»¹⁶⁰; действительно, понадобится не менее, чем такое прямое вмешательство, чтобы в желаемый момент положить конец наиболее сомнительной и поистине самой «сатанинской» из всех возможностей, заключающихся в циклическом проявлении; но не забегая более вперед, исследуем более точно, что же собою на самом деле представляет эта «контртрадиция»?

Для этого мы еще раз должны обратиться к роли «контринициации»: действительно, это именно она, как очевидно, после постоянно проводимой в тени работы ради того, чтобы вдохновить и управлять невидимо всеми современными «движениями», достигнет в конечном счете «экстериоризации», если можно так выразиться, чего-то такого, что будет как бы противоположностью подлинной традиции настолько полно и точно, насколько это позволяют ограничения, с необходимостью предъявляемые всякой возможной подделке. Поскольку посвящение, как мы уже говорили, есть то, что действительно представляет дух традиции, постольку «контринициация» будет играть сходную с «контртрадицией» роль; но, разумеется, было бы совершенно неточно и ошибочно говорить здесь о духе, потому что речь идет как раз о том, в чем дух совершенно отсутствует, о том, что было бы ему даже противоположно, если бы дух, по существу, не был по ту сторону всех оппозиций, и что, во всяком случае, претендует на оппозицию ему, во всем подражая ему, наподобие той перевернутой тени, о которой мы уже много раз говорили; вот почему, как бы далеко ни зашло это подражание, «контртрадиция» никогда не может быть ничем иным, кроме пародии, и она будет только лишь наиболее обширной и доведенной до предела из всех пародий, так что мы до сих пор видели, при всей лживости современного мира, лишь ее частные «опыты» и «прообразы», весьма бледные по сравнению с тем, что готовится в будущем, которое некоторые люди полагают близким, чему стремятся дать достаточное основание растущая скорость современных событий. Однако, само собою разумеется, что у нас вовсе нет намерения постараться определить более или менее точные даты, по образцу любителей так называемых «пророчеств»; даже если бы это и стало возможным через знание точной длительности циклических периодов (хотя в таком случае главная трудность в определении реальной отправ-

ной точки, которую надо принять для осуществления подсчета, всегда сохраняется), не следовало бы в этом отношении ослаблять величайшую осмотрительность по причинам, как раз противоположным тем, которые движут сознательными или бессознательными распространителями искаженных предсказаний, то есть чтобы избежать риска внести еще больший беспорядок и беспокойство, которое как раз и царят в современном мире.

Как бы то ни было, но то, что способствует доведению до этой точки, а именно «контринициация» — и это надо особо отметить — не может приравниваться к чисто человеческому изобретению, которое ничем бы не отличалось по своей природе от простой «псевдоинициации»; на самом деле, она ее весьма превосходит, и чтобы действительно ею стать, необходимо, чтобы каким-то образом при самом своем происхождении она следовала из того же единого источника, с которым связано всякое посвящение и вообще все то, что проявляет «нечеловеческий» элемент в нашем мире; но она следует из него через вырождение, доходящее до своего предела, то есть до того «переворачивания», которое составляет, собственно говоря, «сатанизм». Такое вырождение, очевидно, является гораздо более глубоким, чем вырождение традиции, просто отклоняющейся в какой-то мере или даже обломанной и сведенной к своей низшей части; здесь есть даже нечто большее, чем в случае тех по-настоящему мертвых и полностью оставленных духом традиций, «остатки» которых «контртрадиция» может использовать ради своих целей, как это мы уже объясняли. Это логически ведет к мысли, что вырождение надо начинать искать в гораздо более далеком прошлом; и сколь ни был бы темен этот вопрос об истоках, с достаточным правдоподобием можно предположить, что он связан с извращением какой-то из древних цивилизаций, принадлежащих к тому или иному из исчезнувших континентов, исчезнувших во время катаклизмов, происшедших в ходе настоящей Манвантары¹⁶¹. Во всяком случае, едва ли надо повторять, что как только дух отступил, никоим образом нельзя больше говорить о посвящении; действительно, представители «контринициации» являются столь же тотально и неисцелимо, как и простые профаны, несведущими в существе дела, то есть игнорирующими любую духовную и метафизическую истину, которая вплоть до своих самых элементарных

принципов, стала для них абсолютно чуждой с тех пор, как «небо закрылось» для них¹⁶². Не будучи способной вести людей к «сверхчеловеческим» состояниям, таким, как посвящение, и ограничивать себя, тем не менее, одной лишь человеческой областью, «контринициация» неизбежно ведет их к «инфрачеловеческому», и как раз в этом заключается то, что оставляет за ней эффективную власть; слишком легко понять, что это нечто совершенно иное, чем комедия «псевдоинициации». В исламском эзотеризме говорится, что тот, кто предстает перед некоей «дверью», не достигнув ее нормальным и законным путем, видит эту дверь перед собою закрывающейся, и обязан вернуться назад, но при этом не как простой профан, что отныне невозможно, но как захир (saher, колдун или маг, действующий в области тонких способностей низшего порядка)¹⁶³; мы не смогли бы дать более четкого выражения того, о чем идет речь: в этом заключается «инфернальный» путь, который претендует на то, чтобы противостоять «небесному» пути, и представляет собою внешнюю видимость такого противостояния, поскольку, в конце концов, оно может быть лишь иллюзорным; и как мы уже сказали выше по поводу ложной духовности, куда идут на погибель некоторые существа, вовлеченные в своего рода «реализацию наизнанку», этот путь может привести лишь к тотальной «дезинтеграции» сознательного бытия и его безвозвратного растворения¹⁶⁴.

Естественно, что для того, чтобы подражание через обратное отражение было возможно более полным, можно создавать центры, с которыми будут связаны организации, способствующие процветанию «контринициации», центры, исключительно «психические», разумеется, по используемым и передаваемым ими влияниям, а вовсе не духовные, как в случае посвящения и истинной традиции, но которые могут, тем не менее, по той причине, о которой только что шла речь, принимать до некоторой степени ее внешнюю видимость, что создает иллюзию «духовности наизнанку». Однако не следует удивляться тому, что сами эти центры, а не только некоторые более или менее прямо им подчиненные организации, могут во многих случаях находиться в борьбе друг с другом, так как область, в которой они располагаются, являясь ближайшей к «хаотическому» растворению, есть та сфера, где дается полная воля всем противоположностям, если они не согласованы и не гармо-

низованы управляющей деятельностью высшего принципа, который здесь с необходимостью отсутствует. В том, что касается проявлений центров или того, что от них исходит, то отсюда часто следует впечатление смещения и несогласования, которое, разумеется, не иллюзорно, и которое является даже характерной «отметкой» подобных вещей; они согласуются между собой лишь негативно, если можно так сказать, для борьбы против истинных духовных центров в той мере, в какой они оказываются на уровне, который позволяет такую борьбу развязывать, то есть только для того, что относится к области, не превосходящей границы нашего индивидуального состояния¹⁶⁵. Но именно здесь проявляется то, что можно было бы назвать поистине «глупостью дьявола»: представители «контринициации», действуя таким образом, питают иллюзию противостояния самому духу, которому в реальности ничего не может противостоять; но в то же время, независимо от них и без их ведома, они ему фактически подчинены и никогда не могут перестать подчиняться, как и все то, что существует, пусть бессознательно и непроизвольно, покоряется божественной воле, от которой ничто не может уклониться. Они, следовательно, также используются в конечном счете, хотя и помимо воли и хотя они могут думать даже совершенно обратное, для реализации «божественного плана в человеческой сфере»¹⁶⁶; они играют в нем, как и все другие существа, ту роль, которая соответствует их собственной природе, но вместо того, чтобы действительно осознавать свою роль, как это делают истинные посвященные, они осознают только негативную и извращенную ее сторону; таким образом, они сами себя одурачивают и делают это способом, гораздо наихудшим для них, чем простое невежество профанов, потому что вместо того, чтобы позволить им остаться в некотором роде на одном месте, этот способ в результате отбрасывает их все дальше от главного центра, вплоть до того, что они окончательно впадают во «тьму внешнюю». Но если все это рассматривать не по отношению к самим этим существам, а по отношению к ансамблю всего мира, то следует сказать, что, так же точно, как и все другие, они занимают с необходимостью свое место в качестве элементов ансамбля — как бы «провиденциальных инструментов», выражаясь теологическим языком, — хода этого мира в его цикле проявления, так как всякий частичный беспорядок,

даже когда он проявляет себя как беспорядок по своему существу, с не меньшей необходимостью должен содействовать всеобщему порядку.

Эти некоторые размышления должны помочь понять, как возможно установление некоей «контртрадиции», а также почему она будет всегда и неизбежно только лишь нестабильной и почти эфемерной, что на самом деле не мешает ей быть самой по себе, как мы уже говорили выше, самой грозной из всех возможностей. Надо понять также, что такова цель, которую ставит себе реально «контринициация», и что она ее преследует постоянно по всему ходу своей деятельности, и что негативная «антитрадиция» представляет собою только лишь обязательную подготовку; после этого нам осталось еще немного рассмотреть то, что сегодня можно предвидеть, следуя различным согласующимся признакам, те модальности, в которых сможет реализоваться эта «контртрадиция».

Глава XXXIX
ВЕЛИКАЯ ПАРОДИЯ,
ИЛИ ДУХОВНОСТЬ НАИЗНАНКУ

Из того, что мы только что сказали, легко понять, что установление «контртрадиции» и ее явная и моментальная победа будут, собственно говоря, царством того, что мы назвали «духовностью наизнанку», которая, естественно, представляет собою лишь пародию духовности, которой она подражает, так сказать, в обратном смысле, таким образом, что она, кажется, является самой ее противоположностью, так как, каковы бы ни были ее претензии, здесь нет ни симметрии, ни возможного равенства. Это важно подчеркнуть, так как многие, обманываясь этой видимостью, воображают себе, что есть в мире как бы два противоположных принципа, оспаривающие право превосходства; эта ошибочная концепция, по сути, является той же самой, которая, говоря теологическим языком, ставит Сатану на тот же уровень, что и Бога, и которую, справедливо или нет, вообще приписывают манихеям; конечно, в настоящее время многие люди в этом смысле является «манихеями», не подозревая об этом, и в этом также заключается действие самого пагубного «внушения». Действительно, эта концепция приводит к утверждению принципиальной, радикально несводимой дуальности или, другими словами, к отрицанию высшего Единства, которое существует по ту сторону всяких противоположностей и всяких антагонизмов; не следует удивляться, что такое отрицание есть дело приверженцев «контринициации», и с их стороны оно может быть даже искренним, поскольку метафизическая сфера для них полностью закрыта; еще более очевидно, что для них необходимо распространять и навязывать эту концепцию, так как только этим они могут достичь того, чтобы их принимали за то, чем они не являются и реально не могут быть, то есть за представителей чего-то такого, что могло бы быть чем-то параллельным духовности и даже берущим над ней в конце концов верх.

Эта «духовность наизнанку», следовательно, есть лишь, по правде говоря, ложная духовность, ложная даже в самой крайней степени, какую только можно себе представить; но можно также говорить о ложной духовности во всех тех случаях, когда, например, психическое принимается за духовное, даже не обязательно доходя до тотального разрушения; вот почему для ее обозначения лучше всего, в конечном счете, подходит выражение «духовности наизнанку», при условии точного объяснения того, как его следует понимать. В этом, на самом деле, и состоит «духовное обновление», близкое пришествие которого кое-кто, иногда совершенно бессознательно, с настойчивостью, объявляет, или же «новая эра», в которую стремятся всеми силами привести современное человечество, да и само состояние общего «ожидания», создаваемое распространением предсказаний, о которых мы говорили, может внести свой вклад в действительное ускорение. Притягательность «феномена», что мы уже рассматривали как один из определяющих факторов смещения психического и духовного, может в этом отношении также играть очень важную роль, так как именно этим большинство людей будет захвачено и обмануто во времена «контртрадиции», потому что сказано, что «лжепророки», которые восстанут тогда, «дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных». Именно в этом отношении манифестации «метафизик» и различных форм «неоспиритуализма» могут уже ясно представить как бы «прообраз» того, что должно произойти впоследствии, хотя они дают еще очень слабую идею этого; речь все время идет, по существу, о воздействии тех же самых низших тонких сил, но тогда они будут задействованы с несравненно большей мощностью; и раз мы видим, сколько людей постоянно готовы слепо предоставить полное доверие любым бредням обычного «медиума» только потому, что они опираются на «феномены», то как же удивляться, что соблазнение будет тогда почти всеобщим? Вот почему никогда нелишне повторить, что сами по себе «феномены» абсолютно ничего не доказывают относительно истинности какой-нибудь доктрины или учения, что это область исключительно «великой иллюзии», где все то, что некоторые слишком легко принимают за «духовные» знамения, всегда может быть симулировано и подделано игрой низших сил, о которых идет речь; возможно, что это даже

единственный случай, когда имитация может быть поистине совершенной, потому что, фактически, это суть одни и те же «феномены», если брать это слово в его собственном смысле внешних явлений, производимых как в одном, так и в другом случае, и разница состоит только в природе тех причин, которые, соответственно, туда вторгаются, причин, которые большинство людей совершенно не способны определить, так что лучшее, что можно сделать, в конечном счете, это не придавать ни малейшего значения всему тому, что является «феноменом», и даже видеть в нем прежде всего априори неблагоприятный знак; но как заставить понять это «экспериментальные» умы наших современников, умы, которые, будучи сформированными изначально «сайентистской» точкой зрения «антитрадиции», также стали, в конечном счете, одним из факторов, способных сделать самый действенный вклад в успех «контртрадиции» ?

«Неоспиритуализм» и «псевдоинициация», проистекающие из этого, суть только еще как бы частичный «прообраз» «контртрадиции» и под другим углом зрения: мы имеем в виду использование, нами уже отмечавшееся, элементов, подлинно традиционных по своему происхождению, но уклонившихся от своего истинного направления и таким образом в некотором роде поставленных на службу заблуждению; это отклонение есть в целом лишь продвижение к полному переворачиванию, которое должно характеризовать «контртрадицию» (и важный пример которого мы видели в случае намеренной инверсии символов); но тогда речь уже больше не будет идти только о некоторых фрагментарных и разрозненных элементах, поскольку, согласно намерениям ее авторов, нужно будет придать ей иллюзию чего-то сравнимого и даже равного с тем, что создает интегральность истинной традиции, включая туда и внешние приложения во всех областях. По этому поводу можно отметить, что «контринициация» ради достижения своих целей, изобретая и распространяя всевозможные идеи, представляющие лишь негативную «антитрадицию», совершенно ясно осознает ложность этих идей, так как очевидно, что она знает слишком хорошо, к чему впоследствии эти идеи приведут; но само это указывает, что здесь можно действовать по своему намерению лишь на предварительной и переходной фазе, так как такое деяние сознательной лжи не может быть само по себе истинной и единственной целью, кото-

рую она себе ставит; все это предназначено только для подготовки чего-то такого, что придет в будущем, что, как кажется, должно принести более «позитивный» результат и что на самом деле является «контртрадицией». Вот почему уже видны в разнообразной продукции, «контринициационные» истоки и вдохновение которой не вызывают сомнения, наброски идеи организации, которая будет как бы копией, а тем самым и подделкой, такой традиционной идеи, как «Святая Империя», организации, которая должна быть выражением «контртрадиции» в социальном порядке; вот почему Антихрист должен появиться как тот, кого мы можем назвать, согласно языку индуистской традиции, «Шакраварти наизнанку»¹⁶⁷.

Это царство «контртрадиции» есть, на самом деле, то, что очень точно обозначено как «царство Антихриста»: он, какую бы ни составляли себе об этом идею, есть, во всяком случае, нечто в себе концентрирующее и синтезирующее для исполнения этой последней работы все силы «контринициации», понимается ли она в отношении индивида или коллективности; в некотором смысле это может быть сразу и то и другое, так как должна иметься здесь и определенная коллективность, которая будет как бы «экстериоризацией» «контринициационной» организации, которая, наконец, и сама обнаружится, а также должна быть и личность, которая, помещаясь во главе этой коллективности, будет самым полным выражением и как бы самой «инкарнацией» того, что она будет представлять собою, пусть даже это существует в качестве «поддержки» всех пагубных влияний, которые она должна будет проецировать на мир¹⁶⁸. Очевидно, что это будет «притворщик» (таков смысл слова *dajjal*, которым его обычно обозначают арабы), поскольку его царство будет ничем иным, как исключительно только «большой пародией», карикатурой и «сатанинской» имитацией всего того, что есть истинно традиционного и духовного; но тем не менее, все будет сделано таким образом, что ему поистине невозможно будет не играть этой роли. Это, конечно, уже больше не будет «царство количества», которое, в конце концов, было лишь завершением «антитрадиции»; это будет, напротив, под предлогом ложной «духовной реставрации», своего рода внедрением качества во все, но качества, взятого в обратном значении его истинной и нормальной ценности¹⁶⁹; после «эгалитаризма» нашего времени, будет

заново утверждаться явным образом иерархия, но иерархия перевернутая, то есть, собственно, «контриерархия», вершина которой будет занята существом, которое реально, ближе, чем кто-нибудь другой, соприкоснется по самой своей сути с «инфернальными безднами».

Это существо, даже если оно появится в форме определенной личности, реально будет скорее символом, чем индивидом, как бы самым синтезом всего перевернутого символизма, используемого «контринициацией», что проявится в нем тем более полно, что в этой роли он не будет иметь ни предшественника, ни последователя; чтобы выражать, таким образом, ложь в ее последней степени, он должен быть, можно было бы сказать, полностью «фальшивым» со всех точек зрения и быть как бы инкарнацией самой лживости¹⁷⁰. Впрочем, именно поэтому и по причине этой крайней оппозиции к истине во всех ее аспектах, Антихрист может принять символы Мессии, но, разумеется, также в противоположном смысле¹⁷¹; и преобладание, отдаваемое «пагубному» аспекту, или даже, точнее говоря, замена им «благодатного» аспекта, через ниспровержение двойного смысла этих символов, есть то, что составляет его характерное отличие. Может и должно быть странное сходство между обозначениями Мессии (El-Mesiha по-арабски) и Антихриста (El-Mesikh)¹⁷²; но последнее есть только его деформация, как и сам Антихрист представляется деформацией во всех более или менее символических описаниях, которые были даны, что также очень важно. Действительно, эти описания особенно настаивают на телесной асимметрии, предполагая, по существу, что это есть видимые отметки самой природы существа, которому они принадлежат, и действительно, они суть всегда знаки какого-нибудь внутреннего нарушения равновесия; к тому же именно поэтому такие деформации дают основание для «дисквалификации» с точки зрения посвящения, но в то же время, без труда понятно, что они могут быть «квалификациями» в противоположном смысле, то есть по отношению к «контринициации». Последняя, действительно, идя в направлении, противоположном посвящению, по самому своему определению, следовательно, идет в сторону увеличения нарушений равновесия существ, последний предел которого есть растворение или «дезинтеграция», о которой мы уже говорили; очевидно, Антихрист должен быть насколько возможно близко

к этой «дезинтеграции» таким образом, что можно было бы сказать, что его индивидуальность в то же самое время, как она является развитой чудовищным образом, тем не менее оказывается уже почти уничтоженной, реализуя, таким образом, инверсию стирания «я» («moi») перед «Самом» («Soi») или, другими словами, смешение в «хаосе» вместо слияния в изначально Едином; и это состояние, изображаемое самой деформацией и диспропорциями телесной формы, поистине находится на низшей границе возможностей нашего индивидуального состояния, так что вершина «контриерархии» как раз и есть то место, которое ему собственно соответствует в этом «перевернутом мире», который будет его собственным миром. С другой стороны, даже с чисто символической точки зрения, будучи представителем «контртрадиции», Антихрист с не меньшей необходимостью уродлив: мы только что сказали, что, в действительности, здесь может быть лишь карикатура на традицию, а кто говорит «карикатура», говорит тем самым «уродство»; если бы это было иначе, то не было бы никаких средств отличить внешним образом «контртрадицию» от истинной традиции, но чтобы, по крайней мере, «избранные» не соблазнялись, надо, чтобы она носила на себе «печать дьявола». Кроме того, ложь тоже обязательно «искусственна», и в этом отношении «контртрадиция» никогда не сможет избавиться, несмотря ни на что, от этого «механического» характера, который присущ всем продуктам современного мира, из которых он будет последним; еще точнее, в ней будет нечто сравнимое с автоматизмом тех «психических трупов», о которых мы говорили ранее, и она, впрочем, не создаст, как и они, ничего иного, кроме искусственно на короткое время оживляемых «остатков», что еще раз подтверждает, что она не может в себе иметь ничего длительного; эта куча гальванизированных, если можно так сказать, «инфернальной» волей «остатков», и есть, конечно, то, что может дать самое четкое представление о происходящем у самых последних пределов разложения.

Мы более не можем останавливаться на всем этом; по сути, малополезно стараться в деталях предвидеть, как будет создаваться «контртрадиция», к тому же, этих общих указаний будет уже почти достаточно для тех, кто хотел бы сам применить их в более частных случаях, что, в любом случае, не входит в предмет нашего рассмотрения. Как бы

то ни было, здесь мы пришли к последнему пределу анти-традиционного действия, которое должно привести мир к своему концу; после этого, почти мимолетного царства «контртрадиции», там уже не может быть ничего предваряющего достижение последнего момента современного цикла, кроме «восстановления», которое мгновенно поставит все вещи на их нормальные места, в то время как разрушение, казавшееся полным, непосредственно подготовит «золотой век» будущего цикла.

Diana XL
КОНЕЦ МИРА

Все то, что мы описали в ходе этого исследования, составляет в сумме то, что вообще можно назвать «знаменами времени», согласно евангельскому выражению, то есть знаменами, предшествующими «концу мира» или цикла, который только представляется «концом мира», без какого-нибудь ограничения или спецификации, а именно, для тех, кто ничего не видит по ту сторону границ этого самого цикла; конечно, это очень извинительная ошибка перспективы, имеющей не менее пагубные последствия в неоправданных и чрезмерных страхах, которые она рождает у тех, кто в недостаточной мере отрешился от земного существования; и разумеется, это как раз те, кто слишком легко творит для себя эту ошибочную концепцию по причине узости самой их точки зрения. На самом деле, можно насчитать, таким образом, множество «концов мира», поскольку существуют циклы очень различной длительности, неким образом друг в друге заключающиеся, так что одно и то же понятие всегда можно аналогичным образом приложить ко всем степеням и на всех уровнях; но очевидно, что они обладают весьма неравной значительностью, так же, как и сами циклы, с которыми они соотносятся, и в этом отношении следует признать, что тот, который мы здесь рассматриваем, несомненно, обладает большей важностью, чем многие другие, поскольку он есть конец Манвантары в целом, то есть временного существования того, что собственно можно назвать человечеством, что, повторим еще раз, никоим образом не означает, что это будет конец земного мира самого по себе, поскольку через «восстановление», которое осуществится в последний момент, сам этот конец непосредственно станет началом другой Манвантары.

В связи с этим есть еще один пункт, который мы должны разъяснить более точным образом: сторонники «прогресса» привыкли говорить, что «золотой век» не в прошлом, а в бу-

душем; что касается нашей Манвантары, то истина, напротив, состоит в том, что он, конечно же, реально был в прошлом, поскольку он есть не что иное, как само «первоначальное состояние». В одном смысле, однако, он сразу и в прошлом и в будущем, но при условии, если мы не будем ограничиваться настоящей Манвантарой и рассматривать последовательность земных циклов, так как относительно будущего речь с необходимостью идет о «золотом веке» другой Манвантары; он, следовательно, отделен от нашей эпохи «барьером», поистине непроницаемым для профанов, которые об этом говорят и которые не ведают того, что они говорят, когда возвещают близкий приход «новой эры», относя его к современному человечеству. Их ошибка, доведенная до самого крайнего предела, будет ошибкой самого Антихриста, претендующею установить «золотой век» через воцарение «контртрадиции» к создать самым обманчивым и самым эфемерным способом его видимость через подделку традиционной идеи Священного Царства (Sanctum Regnum); исходя из этого, можно понять, почему во всех «псевдотрадициях», которые суть еще только весьма частные и слабые «прообразы контртрадиции», но которые бессознательно стремятся ее подготовить более непосредственно, чем что-либо другое, «эволюционистские» концепции постоянно играют преобладающую роль, о чем мы упоминали. Разумеется, «барьер», о котором мы только что говорили и который в некотором роде должен тех, для кого он существует, совершенно закрыть внутри настоящего цикла, является препятствием еще более абсолютным для представителей «контртрадиции», чем для простых профанов, так как будучи устремленными исключительно к распаду, они поистине суть те, для кого ничего не будет существовать по ту сторону цикла, и таким образом, для них, в особенности, его конец должен быть реально «концом мира» в самом полном смысле, какой только можно придать этому выражению.

Это поднимает ещё один смежный вопрос, о чём мы скажем несколько слов, хотя, по правде говоря, некоторые из предшествующих наблюдений уже содержат имплицитный ответ на них: в какой мере те, кто полнее всего представляют «контринициацию», действительно осознают ту роль, которую они играют, а в какой мере они суть лишь инструменты превосходящей их воли, о которой они, тем не ме-

нее, не знают, вопреки тому, что они совершенно неизбежно ей подчинены? Согласно сказанному выше, граница между этими двумя точками зрения, с которых можно рассматривать их деятельность, с необходимостью определена границей духовного мира, в который они не могут проникнуть никоим образом; они могут иметь познания, касающиеся возможностей «промежуточного мира», настолько обширные, насколько захотят, но эти познания всегда будут неисцелимо фальшивыми, из-за отсутствия духа, который один только может им придать истинный смысл. Очевидно, что такие человеческие существа никогда не могут быть ни механистами, ни материалистами, ни даже «прогрессистами» или «эволюционистами» в вульгарном смысле слова, и если они забрасывают в мир выражающие это идеи, то они его умышленно обманывают; но в целом это касается лишь негативной «антитрадиции», являющейся для них лишь средством, а не целью, и они могли бы вместе с другими сказать, что «цель оправдывает средства». Их ошибка гораздо более глубокого порядка, чем ошибка людей, которых они подвергают «внушению» и влиянию со стороны таких идей, так как она есть не что иное, как следствие их тотального и непобедимого незнания истинной природы всякой духовности; вот почему гораздо труднее сказать в точности, до какой степени они осознают ложность «контртрадиции», которую они намереваются установить, поскольку они на самом деле могут верить в то, что тем самым противостоят духу, каким он проявляется во всякой нормальной и регулярной традиции, и что они располагаются на том же уровне, что и те, кто ее представляет в этом мире; и в этом смысле, Антихрист будет, конечно, иллюзией, самым «обольщенным» из всех существ. Эта иллюзия укоренена в «дуалистической» ошибке, о которой мы говорили; а дуализм, в той или иной форме, есть дело всех тех, чей горизонт остается в определенных границах, пусть это будет граница мира, полностью проявленного, и кто, не будучи таким образом способным разрешить дуальность, сводя ее к высшему принципу, констатирует ее во всех вещах внутри этих границ, полагает ее поистине несводимой и приходит тем самым к отрицанию высшего Единства, которое для них есть, на деле, как если бы его и вовсе не было. Вот почему мы можем сказать, что представители «контринициации» окончательно обмануты своей собственной ролью

и что их иллюзия есть поистине худшая из всех, поскольку, в конце концов, она является единственной, через которую человек может не только более или менее сильно отклоняться, но и реально пропасть безвозвратно; но очевидно, что если бы у них не было этой иллюзии, то они бы не исполняли функцию, которую, однако, необходимо должны исполнять, как и все остальные, ради самого выполнения божественного плана в этом мире.

Таким образом, мы достигли рассмотрения двойного, «благотворного» и «пагубного», аспекта, в котором предстает сам ход этого мира в качестве циклического проявления и который, поистине, есть «ключ» любого традиционного объяснения условий, в которых разворачивается это проявление, в особенности, когда его рассматривают, как это мы и делали здесь, в период, который прямо ведет к его концу. С одной стороны, если брать просто это проявление само по себе, не соотнося с более обширным ансамблем, то его ход в целом, от начала до конца, есть, очевидно, «спуск» или «прогрессивная» деградация, и в этом состоит то, что можно назвать его «зловещим» смыслом; но с другой стороны, то же самое проявление, помещенное в ансамбль, часть которого оно составляет, производит результаты, обладающие реальной «позитивной» ценностью во всеобщем существовании, и надо, чтобы его разворачивание дошло до конца, включая низшие возможности «темного времени», чтобы «интеграция» этих результатов стала возможной и явилась непосредственным принципом другого цикла проявления, и как раз это составляет его «благотворный» смысл. Так же обстоит дело, когда рассматривают сам конец цикла: с частной точки зрения того, что должно быть разрушено, поскольку его проявление закончено и как бы исчерпано, этот конец, естественно, «катастрофичен» в этимологическом смысле этого слова, который указывает на идею внезапного и непоправимого «падения»; но с другой стороны, с точки зрения, при которой проявление, исчезая как таковое, оказывается приведенным к своему принципу во всем том, что оно имело от позитивного существования, тот же самый конец обнаружится, напротив, как «восстановление», через которое, как мы уже говорили, все вещи не менее внезапно будут вновь поставлены в их «первоначальное состояние». Впрочем, это может применяться ко всем ступеням, идет ли речь об одном существе или о мире: в сумме, частная точка

зрения всегда «пагубна», а точка зрения «тотальная», по крайней мере, в большей степени, чем первая, «благотворна», потому что всякий возможный беспорядок таков лишь постольку, поскольку его рассматривают сам по себе и «отдельно», и потому что эти частные беспорядки полностью исчезают перед лицом всеобщего порядка, в который они, в конечном счете, входят и которого они, лишенные своего «негативного» аспекта, суть составные элементы, как и всякое другое; в результате, «пагубным» является лишь ограничение, необходимо обуславливающее любое случайное существование, а это ограничение само, в действительности, имеет лишь чисто негативное существование. Мы говорили сначала, как если бы обе точки зрения, «пагубная» и «благотворная», были бы в некотором роде симметричны; но легко понять, что это вовсе не так, и что вторая точка зрения выражает лишь нечто нестабильное и переходное, тогда как то, что представляет первую, одно лишь обладает постоянным и определенным характером, так что, в конечном счете, «благотворный» аспект не может не одолеть его, тогда как «пагубный» аспект полностью исчезает, потому что, по существу, он был лишь иллюзией, присущей «разделению». Только, по правде говоря, тогда уже нельзя говорить собственно о «благотворном», а тем более о «пагубном», поскольку эти два термина существенным образом коррелятивны и обозначают оппозицию, которая больше не существует, потому что, как и всякая оппозиция, она принадлежит к относительной и ограниченной сфере; как только она превзойдена, тогда просто есть то, что есть, и что не может не быть или же быть иным, чем оно есть; и таким образом, если хотят дойти до реальности самого глубокого порядка, можно сказать со всей строгостью, что «конец мира» никогда не есть и никогда не может быть чем-нибудь другим, кроме как концом иллюзии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Этими словами довольно неудачно переводят греческие термины «эйдос» и «улэ», которые использует в том же смысле Аристотель и к которым мы вскоре вернемся.

² Можно говорить о Брахме сагуна (*Brahma saguna*) или «качественном», но никоим образом речь не может идти о Брахме «количественном».

³ Можно отметить также, что имя определенного бытия как выражение его сущности и есть, собственно говоря, число, понятие в том же самом качественном смысле; это устанавливает тесную связь между концепцией пифагорейских чисел, а значит, и концепцией платоновских идей, и использованием санскритского термина «нама» (паша) для обозначения сущностной стороны бытия.

⁴ Отметим также в отношении сущности и субстанции, что схоласты часто передают значение термина *substantia* греческим «удиа», который, напротив, есть буквально и в собственном смысле «сущность», что немало способствует увеличению путаницы в языке; и отсюда такое выражение, как «субстанциальная форма», например, которое весьма плохо приложимо к тому, что в реальности составляет сущностную сторону бытия, а вовсе не приложимо к его субстанциальной стороне.

⁵ Отметим, что первый смысл слова «улэ» относится к вегетативному принципу; здесь есть намек на «корень» (на санскрите *мик*, термин, применяемый к Пракрита), начиная с которого разворачивается проявление; здесь можно также увидеть некоторое отношение к тому, что индуистская традиция говорит об «асурической» природе растительного, которое, действительно, погружает свои корни в то, что образует темное основание нашего мира; субстанция, в некотором роде, есть темный полюс существования, что далее будет видно еще лучше.

⁶ Чистое понятие числа есть, по существу, понятие целого числа. Очевидно, что последовательность целых чисел составляет прерывную серию; всякое расширение, которое получило это понятие, давшее место рассмотрению дробных и несоизмеримых чисел, является настоящим искажением; на самом деле это были лишь усилия, направленные на то, чтобы, насколько это возможно, сократить интервалы нумерической прерывности, чтобы сделать менее несовершенным ее применение к измерению непрерывных величин.

⁷ Это также согласуется с изначальным смыслом слова «улэ», о котором мы говорили выше; растение, можно сказать, является «матерью» по отношению к фрукту, который на нем вырастает и который оно кормит своей субстанцией, но который развивается и созревает лишь под животворящим влиянием солнца, являющееся здесь чем-то вроде «отца»; и следовательно, сам фрукт символически ассимилируется с солнцем по «единосущности», если можно так сказать, как это можно видеть в том случае, о котором мы говорили относительно символизма *Adityas* (Адितья) и других различных сходных с этим понятий.

⁸ Оба этих термина, «умопостигаемое» и «чувственное», так же используемые коррелятивно, принадлежат, собственно говоря, платоновскому языку; известно, что «умопостигаемый мир» есть для Платона область «идей» или «архетипов», которые, как мы уже видели, суть, в действительности, сущности в собственном смысле этого слова; и по отношению к этому умопостигаемому миру, чувственный мир, представляющий собою область телесных элементов и того, что следует из их комбинаций, остается на субстанциальной стороне проявления.

⁹ Заметки о Катха-Упанишадах, часть 2-я. (Notes on the Katha-Upanishad, 2^c partie).

¹⁰ Санскритское слово *rita* по своему корню родственно латинскому *ordo*, и вряд ли надо добавлять, что оно еще тесней связано со словом «rite» (ритуал): этимологически ритуал есть то, что исполняется согласно «порядку» и что, следовательно, имитирует или воспроизводит на своем уровне тот же процесс проявления; именно поэтому в строго традиционной цивилизации всякое действие, каким бы оно ни было, обладает по существу ритуальным характером.

¹¹ См. А. К. Кумарасвами (А. К. Coomaraswamy), *ibid*.

¹² См. «Человек и его становление согласно Веданте» (гл. XVII).

¹³ См. «Символизм креста» (гл. IV).

¹⁴ *Omnia in mensura, numera et pondere disposuisti* («Ты все расположил мерою, числом и весом»), Премудрость Соломона, 11,21.

¹⁵ На арабском слово *hindsah*, первое значение которого это «мера», служит для обозначения одновременно и геометрии и архитектуры, которая по отношению к геометрии является результатом ее приложения.

¹⁶ А. Кумарасвами напомнил нам о любопытном символическом рисунке Уильяма Блейка, представляющего «Древнего Днями» в солнечном шаре, откуда он протягивает компас, который он держит в руке, что является как бы иллюстрацией к словам Ригведы (VIII, 25, 18): «Своим лучом он измерил (или определил) границы Неба и Земли» (среди символов некоторых степеней масонства также находится компас, обрамленный лучами солнца). Здесь явным образом речь идет об изображении того аспекта Принципа, который западные посвященные называют «Великим Архитектором Вселенной», который в некоторых случаях становится также и «Великим Геометром Вселенной» и который тождественен Вишвакарме индуистской традиции, «Духу вселенского Строительства»; земные его представители, то есть те, кто

«воплощает» каким-либо образом этот Дух в отношении к различным традиционным формам, являются те, кого мы выше и на том же основании назвали «Великими Архитекторами Востока и Запада».

¹⁷ Правда, Декарт в исходном пункте своей физики хотел лишь сконструировать гипотетический мир посредством некоторых данных, которые сводятся к протяженности и к движению; но поскольку он далее силился показать, что проявляющиеся в таком мире феномены суть те же самые, которые констатируются в нашем мире, то ясно, что, несмотря на чисто словесное предостережение, он хотел прийти к заключению, что этот последний действительно конституирован так же, как и тот, который им предполагался изначально.

¹⁸ Это возражение и против атомизма, так как он по определению, не предполагая никакого иного позитивного существования, кроме существования атомов и их комбинаций, тем самым с необходимостью приводит к предположению между ними пустоты, в которой они могут двигаться.

¹⁹ Такова, например, описательная геометрия, а также то, что некоторые геометры обозначили как ситуационный анализ.

²⁰ То, что Лейбниц выразил следующей формулой: «Equalia sunt ejusdem quantitatis; similia sunt ejusdem qualitatis» («Равенство — количественно, подобие — качественно»).

²¹ Для этого следует обратиться к тем наблюдениям, которые нами представлены, со всеми следующими из этого выводами, в «Символизме креста» («Le Symbolisme de la Croix»).

²² А именно, здесь следовало бы рассмотреть все вопросы ритуального порядка, более или менее непосредственно относящиеся к «ориентации»; мы, конечно, не можем настаивать на этом и только напомним, что именно этим традиционно определялись не только условия строительства зданий, шла ли речь о храмах или о домах, но также и сами условия основания городов. Ориентация церквей — это последний остаток, сохранившийся на Западе до начала нашего времени, последний, по крайней мере, с «внешней» точки зрения, так как для того, что касается «посвященческих» форм, соображения такого порядка, хотя сегодня в основном непонятного, всегда сохраняют свое место в символизме, даже тогда, когда — при сегодняшнем состоянии всеобщего упадка, — полагают возможным пренебречь наблюдением за действительной реализацией условий, которые они в себе заключают, и удовлетвориться в этом отношении просто «спекулятивным» представлением.

²³ Мы ограничимся здесь напоминанием, с одной стороны, большой важности символизма Зодиака, особенно с точки зрения посвящения в собственном смысле слова, и с другой стороны, непосредственных приложений ритуального порядка, которым дает место в большинстве традиционных форм развертывание годового цикла.

²⁴ По поводу качественных определений пространства и времени и их соответствий мы ограничимся упоминанием одного свидетельства, которое, разумеется, не является сомнительным, потому что при-

надлежит «официальному» ориенталисту Марселю Гране (Marcel Granet), который посвятил этим традиционным понятиям часть своей работы, озаглавленной «Китайское мышление» («La Pensée Chinoise»); само собою разумеется, что он хочет видеть во всем этом только странности, которым он старается придать исключительно «психологические» и «социологические» объяснения, но нас, очевидно, не должна занимать эта интерпретация, требуемая современными предрассудками вообще и университетскими в частности; нам здесь важна лишь констатация самого факта; с этой точки зрения в книге, о которой идет речь, можно найти поразительную картину антитезы, которую представляет собою традиционная цивилизация (и это будет верно для всякой иной, наряду с китайской, цивилизации), по отношению к «коллективной», каковой является современная цивилизация Запада.

²⁵ Известно, что это соотношение чисел 4, 3, 2, 1, сумма которых дает 10 для всего цикла; известно также, что сама длительность человеческой жизни рассматривается как уменьшающаяся от возраста к возрасту, что позволяет сказать, что эта жизнь протекает со все возрастающей быстротой от начала цикла к его концу.

²⁶ Следует отметить, что здесь возникает, по крайней мере по видимости, определенная трудность: в иерархии родов, если в ней рассматривают отношение определенного рода к другому, менее общему роду, который является его видом, то первый играет роль «материи», а второй — «формы»; следовательно, на первый взгляд отношение здесь представляется в противоположном смысле, но в реальности оно несравнимо с отношением вида и индивидов; к тому же оно рассматривается с чисто логической точки зрения, как отношение предмета и свойства, первого как обозначения рода, а второго как «специфического отличия».

²⁷ A. M. Hocart. Les Castes, p. 27.

²⁸ Мы можем даже отметить, что то, что еще существуют на Западе подлинные тайные общества, в каком бы состоянии декаданса они ни находились в настоящее время, не имеет другого истока, кроме этого; посвящения, принадлежащие к другим категориям, уже давно исчезли.

²⁹ Следует отметить, что само слово «*metier*» («ремесло») согласно его этимологическому происхождению от латинского слова *ministerium* означает, собственно говоря, «функцию».

³⁰ См. по этому поводу «Менон» Платона.

³¹ Можно отметить, что машина в некотором смысле противоположна инструменту, а вовсе не является «усовершенствованным» инструментом, как это многие воображают, поскольку инструмент это некое «продолжение» самого человека, тогда как машина превращает человека не более, чем в своего слугу; и если можно было бы сказать, что «инструмент порождает ремесло», то не менее верно, что машина его убивает, этим объясняются инстинктивные реакции ремесленников против первых машин.

³² Они могли бы сказать вместе с Мухиддином ибн Араби: «Мое сердце стало доступным для всех форм: оно — пастбище для газелей

и монастырь для христианских монахов, храм для идолов и Кааба паломников, скрижали Торы и книга Коран. Я есть религия Любви, какой бы дорогой ни пошли ее верблюды; моя религия и моя вера это истинная религия».

³³ См. об этом: А. К. Coomaraswamy Akimchanna; Selfnaughling, в «The New Indian Antiquary», 15e d'avril 1940.

³⁴ Из этого легко понять, почему в посвящениях в ремесло, в таких, как Товарищество, так же, как в религиозных орденах, запрещено называть индивида его профанным именем; имя, следовательно, есть еще и индивидуальность, но это индивидуальность уже «измененная», по крайней мере, самим фактом посвящения.

³⁵ Здесь может быть только количественная разница, потому что один рабочий может работать более или менее быстро, чем другой (и именно в этой скорости и состоит вся «сноровка», которую от него требуют); но с точки зрения качества продукт труда будет всегда тот же, потому что определяется не умственной концепцией рабочего и не сноровкой его рук, придающей этой концепции внешнюю форму, но исключительно действием машины, по отношению к которой его роль ограничивается обеспечением ее функционирования.

³⁶ В этом смысле выражение Эххарта: «Слитный, но не смешанный» (нераздельный, но неслиянный),— которое Кумарасвами в своей выше упомянутой статье справедливо сближает со смыслом санскритского термина *bheda bheda*, «различие без отличия», то есть без разделения.

³⁷ Например, где видели когда-нибудь «материальную тяжелую точку», «совершенно упругое твердое тело», «нерастяжимую и невесомую нить» и другие «единицы» не менее воображаемые, которыми наполнена эта наука, считающаяся «рациональной» по преимуществу?

³⁸ Эту поговорку, так же, как и ту, согласно которой «в интеллекте нет ничего, чего не было прежде в чувстве», как первое выражение того, что позже было названо «сенсуализмом», нельзя приписать какому-нибудь определенному автору, вероятно, они принадлежат периоду заката схоластики, то есть к эпохе, которая фактически и несмотря на распространенную «хронологию», представляет собою не конец Средних веков, а скорее, начало Нового времени, если, как мы показали в другом месте, возводить это начало к XIV веку.

³⁹ В этом отношении схоластической поговорке декаданса можно противопоставить концепцию самого св. Фомы Аквинского об ангельском мире, «ubi omne individuum est species infima» («где каждый индивидуум есть простой род»), то есть различия между ангелами не аналогичны «индивидуальным различиям» нашего мира (сам термин *individuum* здесь на самом деле не подходит, в действительности, речь идет о сверхиндивидуальном), но это «специфические отличия»; истинная причина этого в том, что каждый ангел представляет в определенном роде выражение одного божественного атрибута, как это ясно, впрочем, видно из состава имен в еврейской ангелологии.

⁴⁰ Вот почему Лейбниц говорил, что «всякая система верна в том, что она утверждает и ложна в том, что она отрицает», то есть что она содержит одну часть истины пропорционально тому, что она признает из положительной реальности, и одну часть заблуждения, соответствующую тому, что она исключает из этой самой реальности; но следует добавить, что как раз негативная и ограничивающая сторона доставляет «систему» как таковую в собственном смысле слова.

⁴¹ Здесь мы напомним евангельскую притчу о «горчичном зерне» и сходные тексты из Упанишад, которые мы цитировали в другом месте («Человек и его долг согласно Веданте», гл. III); к этому мы еще добавим, что сам Мессия назван «зерном» в достаточно большом числе мест Библии.

⁴² См. в особенности «Восток и Запад» и «Кризис современного мира».

⁴³ Следует также отметить относительно концепции науки Декарта, что он полагает, что обо всем можно иметь «ясные и отчетливые» идеи, то есть сходные с математическими идеями, и достичь таким образом «очевидности», которая также возможна в одной лишь математике.

⁴⁴ Если принять классическое определение человеческого существа как «разумного животного», то «разумность» представляет собою «специфическое отличие», которое отличает человека от всех других видов животных; однако оно приложимо только внутри этого вида или, другими словами, она есть то, что схоласты называли «отличительным признаком живого существа»; следовательно, нельзя говорить о «разумности» относительно существ, принадлежащих к другим состояниям существования, а именно, к сверхиндивидуальному существованию, каковы, например, ангелы; это хорошо согласуется с тем фактом, что разум есть способность исключительно индивидуального порядка, которая никогда не может превзойти никоим образом пределы человеческой среды.

⁴⁵ В этом отношении можно сказать, что из всех смыслов, заключавшихся в латинском слове «ratio», сохранили только единственный, а именно «исчисления», в том его «научном» употреблении, которое сегодня реализуется в отношении разума.

⁴⁶ Можно еще сказать, если угодно, что это скорее «плод», чем «зерно»; тот факт, что сам плод содержит новые зерна, указывает на то, что следствие может, в свою очередь, играть роль причины на другом уровне в соответствии с циклическим характером проявления, но для этого нужно еще, чтобы оно в некотором роде перешло из «явного» в «скрытое».

⁴⁷ См. «Духовное владычество и светская власть», где мы более подробно останавливаемся на случае с Филиппом Красивым и где мы утверждаем возможность достаточно тесной связи между разрушением Ордена Тамплиеров и подделкой денег, что становится без труда понятным, если предположить как нечто очень вероятное, по крайней мере, что Орден Тамплиеров среди прочих функций тогда осуществлял духовный контроль в этой области; мы больше на этом не будем

останавливаться, напомним только, что именно с этого момента начинается современное отклонение в собственном смысле слова, как у нас есть основания считать.

⁴⁸ По этому предмету можно посмотреть многочисленные работы А. К. Кумарасвами, который его раскрыл и исчерпывающе «проиллюстрировал» во всех аспектах и со всеми необходимыми подробностями.

⁴⁹ Американцы в этом направлении зашли так далеко, что они о человеке говорят: «стоит такую то сумму», называя цифру, до которой поднимается его состояние; они говорят также не о том, чего он достиг в своих делах, а что он «преуспел», что снова напоминает о полном отождествлении индивида с его материальными барышами.

⁵⁰ Эта ассоциация, впрочем, не совсем нова, так как она восходит к «арифметической морали» Бенета, датированной концом 18 века.

⁵¹ Представления этого рода в особенно грубой форме существуют в спиритизме, когда мы приводим множество примеров этого в «Спиритическом заблуждении».

⁵² В силу самой этой неспособности и следующего из этого смешения в философском плане Кант без колебаний заявил о «непознаваемости» всего того, что просто «невообразимо»; вообще, по существу, это всегда те же самые ограничения, которые порождают все разнообразие «агностицизма».

⁵³ Представляется, что «Естественная история» Плиния как раз является почти неисчерпаемым источником примеров, свидетельствующих о случаях такого рода, однако именно к этому источнику очень часто обращались все те, кто пришел после него.

⁵⁴ См. «Символизм креста» (гл. VI и XX).

⁵⁵ Та же самая форма находится в начале эмбрионального существования каждого индивида, включенного в это циклическое развитие, ведь индивидуальный эмбрион (*pinda*) — это микроскопический аналог того, чем «Глаз Мира» (*Brahmanda*) является в макроскопическом порядке

⁵⁶ В качестве примера здесь можно привести движение небесных тел, не являющееся строго круговым, но эллиптическим; эллипс и гипербола конституируется как первая «спецификация» круга через удвоение центра на два полюса или «фокуса», по одному определенному диаметру, который тогда играет особую «осевую» роль в то же время, как остальные диаметры различаются друг от друга по своей длине. Добавим, кстати, по этому поводу, что планеты описывают эллипсы, в которых солнце занимает один из центров, можно было бы спросить, а чему соответствует другой центр; так как там нет ничего телесного, то там должно быть нечто, что может соответствовать лишь тонкому порядку; но здесь не место далее исследовать этот вопрос, который находится совершенно вне предмета нашего изучения.

⁵⁷ См. Fabre d'Olivet, «La Langue hebraïque restituée»

⁵⁸ Не земля как стихия просто и в чистом виде уподобляется твердому состоянию, как это некоторые ошибочно полагают; она является скорее самим принципом «твердого».

⁵⁹ Вот почему сферическая форма, согласно исламской традиции, относится к «Духу» (*Er-Ruh*) или к первичному Свету.

⁶⁰ В еврейской Каббале среди Сефиротов форма куба соответствует Iesod, который в действительности есть «основание» (и если отвлечься в этом отношении, что Iesod не является тем не менее последним Сефиротом, то следует на это заметить, что после есть только Malkuth, который, собственно говоря, есть окончательная «синтезация», в которой все вещи сведены к состоянию, соответствующему на другом уровне принципиальному единству Kether); в тонком строении человеческой индивидуальности, согласно индуистской традиции, эта форма соответствует «базовой» чакре или муладхаре (*muladhara*)\ это также имеет отношение к мистериям Каабы в исламской традиции; и в архитектурном символизме куб, собственно говоря, есть «первый камень» здания, то есть «краеугольный камень» христианства, положенный на самом низком уровне, на котором будет покоится вся структура этого здания и который, таким образом, будет обеспечивать стабильность.

⁶¹ В геометрии на плоскости это проявляется как сходные отношения при рассмотрении сторон квадрата как параллелей двух перпендикулярных диаметров круга, символизм этого отношения прямо связан с герметической традицией, обозначаемой как «квадратура круга», о которой мы далее скажем несколько слов.

⁶² В некоторых символических изображениях компас и угольник держат в руках соответственно Фуси и его сестра Ньюйва, а в алхимических изображениях Базиля Валентина они помещены в руках мужской и женской половины Ребиса или герметического Андрогина; из этого видно, что Фуси и Ньюйва в определенном роде аналогичны по своей роли соответственно мужскому сущностному и женскому субстанциальному принципам проявлениям.

⁶³ Так, например, ритуальные одежды древних правителей в Китае должны были быть круглыми вверху и квадратными внизу; тогда правитель представлял собою образец Человека (Жень) в его космической роли, то есть третий член «Великой Триады», осуществляющий функцию посредника между Небом и Землей и в себе соединяющий силы и того и другого.

⁶⁴ См. «Царь мира», а также «Символизм креста», гл. 9.

⁶⁵ Если еще ближе рассмотреть соответствие, о котором мы только что говорили, то может показаться, что здесь есть инверсия в употреблении слов «небесное» и «земное»; и действительно, оно здесь подходит лишь в одном определенном отношении: в начале цикла этот мир не был таким, каким он является в настоящее время, и «Земной рай» образовывал тогда видимым образом проявленную прямую проекцию собственно небесной и изначальной формы (он был в некотором роде расположен на границе между небом и землей, потому что сказано, что он соприкасался со сферой Луны, то есть с «первым небом»); в конце «Небесный Иерусалим» спускается с «неба на землю», и толь-

ко в конце этого спуска он появляется в форме квадрата, потому что тогда движение цикла оказывается остановленным.

⁶⁶ Следует заметить, что этот круг разделен крестом, образованным четырьмя потоками, исходящими из центра, в точности воспроизводя фигуру, о которой мы говорили в связи с отношением между кругом и квадратом.

⁶⁷ См. «Эзотеризм Данте».

⁶⁸ Этот момент представляется также как «переворачивание полюсов» или как день, «когда звезды взойдут на Западе и будут заходить на Востоке», так как движение вращения в зависимости от того, с какой стороны на него смотреть, кажется осуществляющимся в двух противоположных направлениях, хотя в реальности это всегда одно и то же продолжающееся движение, но с другой точки зрения, соответствующей ходу нового цикла.

⁶⁹ См. «Царь мира»: Двенадцать знаков Зодиака, вместо того, чтобы располагаться по кругу, становятся двенадцатью воротами «Небесного Иерусалима», расположенными по три с каждой стороны квадрата, а «Двенадцать Солнц» появляются в центре «города» как двенадцать плодов «Древа Жизни».

⁷⁰ То есть той же площади, если смотреть с количественной точки зрения но это совершенно внешнее выражение того, о чем в действительности идет речь.

⁷¹ Соответствующая нумерическая формула — это пифагорейская Тетрактида: $1 + 2 + 3 + 4 = 10$; если взять числа в обратном порядке: $4 + 3 + 2 + 1$, то получится соотношение четырех Юг, сумма которых образует десяток, то есть полный и законченный цикл.

⁷² Многое можно было бы сказать о запретах на перепись и пересчет населения, за исключением нескольких исключительных случаев, сформулированных в некоторых традициях; если бы сказали, что эти операции и все им подобные, касающиеся так называемого «гражданского состояния», вносят свой вклад, помимо прочих неудобств, в сокращение длительности человеческой жизни (что, впрочем, соответствует самому ходу цикла, в особенности, в его последние периоды), то несомненно, этому бы не поверили, и тем не менее, в некоторых странах самые невежественные крестьяне очень хорошо знают как факт повседневного опыта, что если слишком часто считать животных, онидохнут гораздо чаще, чем когда от этого воздерживаются; очевидно, что в глазах так называемых «просвещенных» современных людей это можно рассматривать лишь как «предрассудки».

⁷³ Как наиболее значительные примеры здесь можно называть «сионистские» проекты, касающиеся евреев, а также недавние попытки закрепить цыган в некоторых странах Восточной Европы.

⁷⁴ Впрочем здесь следует напомнить, что «Небесный Иерусалим» символически сам есть «город», что позволяет еще и в этом увидеть двойной смысл «отвердения», о чем мы говорили выше.

⁷⁵ Можно было бы добавить, что раз Каин назван старшим, то тем самым земледелие, как представляется, предшествует, и действительно-

но, сам Адам по «падению» изображается выполняющим функцию «возделывателя сада», что, собственно говоря, относится к доминированию растительного символизма в образах начала цикла (откуда символическое и даже инициационное «земледелие», то самое, которому Сатурн у латинян, как утверждают, обучал людей в «золотом веке»); но как бы то ни было, мы здесь будем рассматривать только символизированное через оппозицию Каина и Авеля (которая одновременно состоит из взаимодополнительных сторон) состояние, то есть состояние или разделение народов на земледельческие и пастушеские, которое уже свершилось.

⁷⁶ Наименования Иран и Туран, которое пытались понять как обозначение рас, на самом деле представляет собою оседлые и кочевые народы; Иран или *Aiṛuana* происходит от слова *ayu* (откуда «арии» через удлинение гласной), которое означает «трудящийся» («*laboureur*», производное от корня *ag*, который нас ведет к латинскому *arare*, *arator*, а также *arvum*, «поле»); и использование слова *ayu* как почетного наименования (для высших каст) является, следовательно, характерным для земледельческих народов.

⁷⁷ Об особой важности жертвы и ритуалов, придаваемой им в различных традиционных формах, см. Frithjof Schuon, *Du sacrifice*, в ре-вью: *Etudes traditionnelles*, № d'avril, 1938, и А. К. Coomaraswamy, *Atmayajna: Selvesacrifice*, в: «*Harvard Journal of Asiatic Studies*», № de fevrier, 1942

⁷⁸ Закрепление еврейского народа, впрочем, зависело, по существу, от самого существования Храма в Иерусалиме; как только храм был разрушен, кочевничество вновь появилось в особой форме «рассеяния».

⁷⁹ Об этом космологическом значении см. работы Fabre d'Olivet.

⁸⁰ Использование минералов включает в себя именно строительство и металлургию; к последней мы еще вернемся, ее библейский символизм возводит к Тувалкаину, то есть к прямому потомку Каина, имя которого даже оказывается одним из элементов его имени, что указывает на существующее между ними особо тесное отношение.

⁸¹ Различие этих двух основных категорий символов существует в индуистской традиции как различные янтра (*yantra*), символ изобразительный, и мантра (*mantra*), символ звуковой; оно, естественно, влечет за собою соответствующее различие в ритуалах, в которых соответственно используются эти элементы, хотя там никогда нет такого четкого разделения, какое мы рассматриваем теоретически, и в действительности, возможны все комбинации в разных пропорциях.

⁸² Вряд ли нужно здесь отмечать, что во всех представленных случаях четко проявляется коррелятивный и, в определенном смысле, симметричный характер двух — пространственного и временного — условий, рассмотренных в их качественном аспекте.

⁸³ Вот почему кочевничество в своем «пагубном» и отклоняющемся аспекте легко осуществляет «растворяющее» действие на все то, с чем оно вступает в контакт; со своей стороны, оседлость в том же ас-

пекте может приводить, лишь к наиболее грубым, формам безысходного материализма.

⁸⁴ Как Авель проливал кровь животных, так Каин пролил крепь Авеля; в этом как бы выражение «закона компенсации», в силу которого частичные нарушения равновесия, в чем и состоит всякое проявление, интегрируются во всеобщее равновесие.

⁸⁵ Важно отметить, что еврейская Библия признает, тем не менее, важность бескровной жертвы, уважаемой сама по себе: таков случай жертвы Мельхиседека, состоявшей в растительном подношении, по сути, хлеба и вина; но на самом деле это относится к ведическому ритуалу Сомы и к непосредственному воспроизведению «первоначальной традиции» вне специальной формы еврейской и «авраамовой» традиции, и даже гораздо ранее, вне разделения законов оседлых и кочевых народов; это еще раз нам напоминает о связи растительного символизма с «Земным раем», то есть с «изначальным состоянием» нашего человечества. Принятие жертвы Авеля и отвержение жертвы Каина иногда изображается в довольно любопытной символической форме: дым от первой жертвы вертикально поднимается к небу, тогда как от второй расстилается горизонтально по земле; таким образом, соответственно очерчиваются вершина и основание треугольника, представляющего область человеческого проявления.

⁸⁶ Обе эти тенденции к тому же проявляются также и в самом движении в соответствующих формах центростремительного и центростремительного движения.

⁸⁷ Равновесие, гармония, справедливость на самом деле есть только три формы одной и той же вещи; можно было бы найти их соответствие, в определенном смысле, трем областям, о которых мы говорим дальше; разумеется, при условии ограничения справедливости ее самым непосредственным смыслом, простая «честность» в торговых взаимодействиях представляет собою уменьшенное и вырожденное выражение этого в виду сведения всех вещей к профанной точке зрения и к узкой банальности «обычной жизни».

⁸⁸ Вмешательство духовного авторитета в то, что касается денег, в традиционных цивилизациях непосредственно связано с только что сказанным; деньги есть в определенном смысле само представление об обмене, что позволяет более ясно понять, какова была в действительности роль символов, которые они на себе несли и которые вместе с ними обращались таким образом, придавая обмену совершенно иное значение, нежели предполагаемая в нем «простая материальность» или же все то, что осталось в отношениях между народами и между индивидами в тех профанных условиях, которые царят в современном мире.

⁸⁹ Известно, что у многих народов в самые древние времена строительство было из дерева, но очевидно, что такие здания не были ни столь долговременными, ни, следовательно, такими постоянными, как здания из камня; использование минерала в строительстве пред-

полагает, таким образом, большую степень «прочности» во всех смыслах этого слова.

⁹⁰ Второзаконие, гл. 27, 5, 6: «Устрой там жертвенник Господу Богу твоему, жертвенник из камней, не поднимая на них железа; из камней цельных устрой жертвенник Господа Бога твоего...».

⁹¹ Отсюда также настоятельное требование использовать каменные ножи при обрезании.

⁹² 3-я Царств, 6,7. — Тем не менее Храм в Иерусалиме содержал большое число металлических объектов, но их употребление относилось к другому аспекту символизма металлов, которое оказывается на самом деле двойственным, как мы только что видели; представляется, впрочем, что запрет был в некотором роде в конце концов «локализован» именно на использовании железа, которое как раз из всех металлов в современную эпоху играет самую важную роль.

⁹³ В зороастрийской традиции планеты, кажется, рассматриваются исключительно как «неблагоприятные»; это может быть следствием особой точки зрения в этой традиции; впрочем, то, что сегодня осталось от нее, представляет собою лишь смешанные фрагменты, чтобы можно было выносить точные суждения по этому вопросу.

⁹⁴ Что касается этого отношения к «подземному огню», то явное сходство имен Вулкан и Тувалкаин из Библии представляется особенно значимым; оба к тому же представлены как кузнецы; а по поводу кузнецов мы добавим, что эта ассоциация с «инфернальным миром» достаточно хорошо объясняет то, что мы говорили выше о «зловещей» стороне их профессии. Кабиры, с другой стороны, также будучи кузнецами, имели и земной, и небесный аспекты, что ставило их в отношение и к металлам и к соответствующим планетам.

⁹⁵ Следует сказать, что, собственно говоря, алхимия остановилась на «промежуточном мире» и придерживается точки зрения, которую можно назвать «космологической»; но ее символизм, тем не менее, может быть подвергнут преобразованию, придающему ему ценность поистине духовную и связанную с посвящением.

⁹⁶ Случай с деньгами, как они существуют сегодня, может здесь служить характерным примером: лишенные всего того, что могло в традиционных цивилизациях превращать их как бы в посредников «духовных влияний», они не только сведены к тому, чтобы быть простыми «материальными» и количественными знаками, но уже не могут играть иную, кроме как пагубную и «сатанинскую» роль, которую слишком легко констатировать в наше время.

⁹⁷ А именно, такой запрет существует, по крайней мере в принципе, в исламских ритуалах паломничества, хотя фактически, сегодня они строго не соблюдаются; более того, те, кто полностью исполнил эти ритуалы, включая то, что составляет их самую «внутреннюю» сторону, должны с этого времени воздерживаться от всякой работы, в которой участвует огонь, что как раз исключает работу кузнецов и других металлургов.

⁹⁸ В западных инициациях в ритуальном приготовлении посвящаемого это выражается в том, что обозначается как «отказ от металлов». Можно сказать, что в подобном случае металлы, помимо того, что действительно могут вредить передаче «духовных влияний», признаются представителями того, что еврейская Каббала называет «скорлупами» или «оболочками» (<*qlippoth*), то есть самого низшего в тонкой сфере, составляющего, если так можно выразиться, инфрателесное «дно» нашего мира.

"Так, профанные «историки религии» в первой половине 19 века изобрели нечто, чему они дали имя «символический» и что было системой интерпретаций, имеющей к истинному символизму крайне отдаленное отношение; что касается чисто «литературного» злоупотребления словом «символизм», то очевидно, что об этом и говорить не стоит.

¹⁰⁰ Здесь мы можем привести в качестве известного примера случай Шри Рамакришны

¹⁰¹ Поскольку Яма обозначается в индуистской традиции вместе с тем и как «первая смерть», и поскольку он ассимилируется с самой Смертью (*Mrityu*), или, если предпочитают использовать язык исламской традиции, с «Ангелом Смерти», постольку ясно, что здесь, как и во многих других отношениях, «первое» и «последнее» соединяются и отождествляются, в некотором роде, в соответствии двух концов цикла.

¹⁰² Вагнер писал в «Парсифале»: «Здесь время превращается в пространство», в связи с Монтсальват, который представляет собою «центр мира» (мы вернемся к этому немного позже); впрочем, маловероятно, чтобы он на самом деле понимал глубинный смысл этого, так как он вряд ли заслуживает репутации «эзотериста», которую некоторые ему приписывают; все реально эзотерическое в его произведениях принадлежит, собственно, используемым им «легендам», смысл которых он слишком часто искажал.

¹⁰³ Иными словами, если три координаты пространства есть X, Y, Z, то четвертая координата это не t, означающая время, а выражение t на корень квадратный из -1, не выражающее ничего.

¹⁰⁴ Следует заметить, что если очень часто говорят о «конце мира» как о конце «времени», то о нем никогда не говорят как о «конце пространства»; это наблюдение, которое может показаться незначительным для тех, кто видит лишь поверхность вещей, на самом деле очень важно.

¹⁰⁵ О последовательных мощностях бесконечного см. «Символизм Креста», гл. XII.

¹⁰⁶ Из этого можно вывести еще одно значение «переворачивания полюсов», поскольку ход проявленного мира к своему субстанциальному полюсу заканчивается в конце концов «возвращением», которое приводит его через мгновенное «преображение» к своему сущностному полюсу; по поводу этой мгновенности добавим, что, вопреки некоторым ошибочным концепциям циклического движения, в этом нель-

зя видеть никакого «подъема» внешнего порядка, следующего за «спуском», ход проявления как таковой от начала до конца — это всегда спуск

¹⁰⁷ Это «Царство Небесное внутри вас есть» Евангелия. («Regnum Dei intra vos est»).

¹⁰⁸ О «местопребывании бессмертия» и его соответствии в человеческой жизни см. «Царь Мира».

¹⁰⁹ О символизме «третьего глаза» см. «Человек и его становление согласно Веданте», и «Царь Мира».

¹¹⁰ «Solvat saeculum in favilla» («Спасает век по милости») говорится текстуально в католической литургии, которая одновременно в этом отношении напоминает и свидетельство Давида и Сивиллы, что есть своего рода утверждение единогласия разных традиций.

¹¹¹ То, что еврейская Каббала, как мы уже говорили, обозначает как «мир видимостей», «мир оболочек» (*olam qlippoth*), туда падают «древние цари Эдома», поскольку они представляют собою неиспользуемые «остатки» прошедших Манвантар.

¹¹² Должно быть ясно, что две стороны, которые мы здесь называем «благотворная» и «пагубная», в точности отвечают «правой» и «левой» стороне, где соответственно располагаются «избранные» и «осужденные» на Страшном Суде, то есть, по существу, в окончательном «разделении» результатов циклического проявления.

¹¹³ Слово «традиционализм» в действительности означает лишь тенденцию, которая может быть более или менее неясной и плохо примененной, потому что она не предполагает никакого действительного знания традиционных истин; впрочем, мы далее вернемся к этому предмету

¹¹⁴ Любопытно отметить, что обиденный язык охотно использует выражение «твердый материалист», — совершенно не сомневаясь, что это не просто образ, но что оно соответствует чему-то реальному.

¹¹⁵ В символизме индуистской традиции «Великая Стена» — это Локалока (*Lokaloka*), которая отделяет космос (*loka*) от «тьмы внешней» (*aloka*); разумеется, впрочем, что аналогичным образом дело обстоит и в других, более или менее значительных областях всего космического проявления; мы здесь говорили только об одном частном положении по отношению к телесному миру.

¹¹⁶ В индуистской традиции это демоны Кока и Викока (*Koka & Vikoka*), имена которых, очевидно, похожи.

¹¹⁷ Символизм «подземного мира» также двойственен, и он также обладает высшим смыслом, как это показывают наблюдения, представленные нами в «Царе Мира»; но здесь, естественно, речь идет лишь о низшем смысле, и даже буквально можно сказать, об «инфернальном» его смысле

¹¹⁸ Эти пять цветов — белый, черный, синий, красный, желтый,— в дальневосточной традиции соответствуют пяти стихиям, а также четырём сторонам света и центру.

¹¹⁹ Говорили также, что «Нюйва отломилла четыре лапы у черепахи, чтобы поставить на них четыре конца света», ради стабильности земли; если учесть то, что мы говорили о взаимных соответствиях по аналогии между Фуси и Нюйвой, то можно понять, на этом основании, что функция обеспечения стабильности и «прочности» мира принадлежит субстанциальной стороне проявления, что в точности соответствует всему тому, что мы по этому поводу здесь изложили.

¹²⁰ Мы говорим о «некоторых», так как есть еще и другие традиционные науки, от которых не осталось ни малейшего следа в современном мире, сколь бы ни были искаженными и извращенными эти следы; с другой стороны, само собою разумеется, что всякие философские перечисления и классификации касаются лишь одних профанных наук, и традиционные науки никоим образом не могут быть включены в эти узкие и «систематические» рамки; таким образом, к нашей эпохе, больше чем к любой другой, можно приложить арабскую поговорку, согласно которой «существует много учений, но мало ученых» (*el-ulum kathir, walaken el-ulama balit*).

¹²¹ В дальнейшем изложении мы заимствуем то, что касается «шаманизма», в работе «Shamanism of the Natives of Siberia», I. M. Casanowicz (отрывок из: «Smithsonian Report for 1924»), сообщению о которой мы обязаны А. К. Кумарасвами.

¹²² Согласно достоверным источникам, в отдаленном районе Судана имеется полностью «ликантропная» народность, насчитывающая примерно двадцать тысяч человек; в других африканских странах также есть тайные организации, такие, как например, носящая имя «Общество Леопарда», где определенные формы «ликантропии» играют преобладающую роль.

¹²³ Представляется, что таков как раз и был случай Древнего Египта.

¹²⁴ Известно, что «противник» — это буквальный смысл еврейского слова *Сатана*, и действительно, здесь речь идет о «силах», обладающих поистине сатанинским характером.

¹²⁵ Уместно добавить, что эта «организация досуга» составляет неотъемлемую часть тех усилий, которые, как мы уже говорили выше, должны вынудить людей жить «сообща» насколько возможно в большей степени.

¹²⁶ Поскольку ошибки в языке происходят довольно часто и доставляют большие неудобства, то небесполезно уточнить, что «двойственность» и «дуализм» совершенно разные вещи: дуализм (наиболее известный пример которого есть картезианская концепция «духа» и «материи») состоит, собственно, в рассмотрении двойственности как несводимой и не имеющей ничего по другую сторону от нее, что предполагает отрицание общего принципа, из которого обе стороны дуальности следуют, в реальности, через «поляризацию».

¹²⁷ См. «Символизм креста» (гл. VII).

¹²⁸ Мы должны указать на ошибку такого рода в случае изображения свастики с указанием вращения в противоположные стороны («Символизм креста», гл. X).

¹²⁹ По этой причине даже сам дальневосточный дракон, который на самом деле является символом Древа, часто интерпретировался как «дьявольский» символ из-за западного невежества.

¹³⁰ Нам известны такие интерпретации перевернутых треугольников, которые фигурируют в алхимических символах элементов!

¹³¹ «Спиритическая ошибка» и «Теософизм, история одной псевдо-религии».

¹³² Мы имеем в виду не только ту большую или меньшую часть сознательно и бессознательно совершаемого обмана, но также и иллюзии относительно природы тех сил, которые включаются в реальное создание феноменов, называемых «метафизическими».

¹³³ «Два источника религии и морали»

¹³⁴ Что касается морали, которую мы здесь специально не рассматриваем, то предлагаемое объяснение, естественно, будет таким же, как и для религии.

¹³⁵ Следует отметить, что Бергсон, похоже, даже избегает слова «истина» и что он заменяет его почти повсюду словом «реальность», что означает для него только то, что подлежит постоянному изменению.

¹³⁶ «Divagation» — отклонение от пути, бред, отступление от предмета речи (*Прим. перев.*).

¹³⁷ Очень жаль, что Бергсон был в плохих отношениях со своей сестрой мм. Мак-Гергер (сиречь «Soror Vfestigia Nulla Retrorsum»), которая могла бы его в этом отношении кое-чему обучить!

¹³⁸ Случай самого Фрейда, основателя «психоанализа», совершенно типичен с этой точки зрения, так как он никогда не переставал называть себя материалистом. Однако замечание по ходу дела: почему главные представители новых тенденций, такие как Эйнштейн в физике, Бергсон в философии, Фрейд в психологии и еще многие другие менее значительные, почти все по своему происхождению евреи, если не потому, что существует нечто, в точности соответствующее «пагубной» и разлагающей стороне сошедшего со своего пути кочевничества, которая неизбежно доминирует у евреев, оторвавшихся от своей традиции?

¹³⁹ Следует отметить в этой связи, что к своему «Толкованию сновидений» Фрейд предпослал следующий, весьма значительный эпиграф: «Flectere si nequeo superos, Acheronta movebo» (Вергилий, Энеиды, VII, 312).

¹⁴⁰ «Психист» Майер (Myers) изобрел выражение «сублимированное сознание», которое для краткости было заменено позже в словаре психологов словом «бессознательное».

¹⁴¹ См. «Спиритическая ошибка», 2-я часть, гл. X.

¹⁴² Другой пример таких средств предоставляет нам сходное использование «радиостезии», так как и здесь в большинстве случаев в инфу вступают психические элементы того же качества, хотя следует признать, что здесь они не обнаруживают того «гнусного» аспекта, который так явен в психоанализе.

¹⁴³ Здесь можно напомнить сказанное нами выше относительно символизма «Великой Стены» и горы Локалока (LokaLoka).

¹⁴⁴ Фрейд посвятил психоаналитической интерпретации религии специальную книгу, в которой его собственные концепции комбинируются с «тотемизмом» и «социологической школой».

¹⁴⁵ Относительно попытки применения психоаналитических теорий к даосскому учению, что принадлежит тому же порядку, смотрите исследование Анд ре Прео «Золотой цветок и Даосизм без Дао», которое представляет собою замечательное опровержение их. (Andre Preau. La Fleur d'or et le Taoisme sans Tao.)

¹⁴⁶ Слово «дух» по франц. «esprit» (Прим. перев.).

¹⁴⁷ См. «Царь Мира», и «Духовное владычество и светская власть».

¹⁴⁸ Согласно учению ислама, *Shaytan* (Шайтан) через *nefs* (душу) берет верх над человеком, тогда как *ruh* (дух), сущность которого есть чистый свет, остается для него недостижимым.

¹⁴⁹ Довольно **богъные** число примеров активности этого рода мы представили в «Теософизме».

¹⁵⁰ Сообщение о разрушении Парижа огнем распространялось, например, таким способом неоднократно с фиксацией точных дат; оно, разумеется, никогда ничего не производило, кроме впечатления ужаса, которое без замедления возникало у многих людей и которое никоим образом не уменьшалось от повторяющихся неудач предсказания.

¹⁵¹ Относительно важная часть предсказаний, о которых идет речь, относится, в особенности, к роли Махди (*Mahdi*) и роли десятого Аватары (*Avatara*): эти вещи, прямо касающиеся подготовки конечного «восстановления», находятся вне предмета данного рассмотрения; мы хотим отметить здесь только то, что сама деформация дает возможность использования их «наоборот» в смысле разрушительной деятельности.

¹⁵² Но надо помнить, что «внушаемое» еще вовсе не означает «подвержение галлюцинации»; между этими двумя терминами такое же различие, как между тем, чтобы видеть вещи, сознательно или же произвольно воображаемыми другими, и самому их «подсознательно» воображать.

¹⁵³ Пусть, например, вспомнят о том, что было сделано для того, чтобы полностью запутать такой исторический вопрос, как право преемственности Луи XVII, и тем самым можно составить себе идею того, о чем мы хотим здесь сказать.

¹⁵⁴ Предсказания Нострадамуса являются здесь наиболее типичным и наиболее важным примером; более или менее экстраординарные интерпретации, которым они дают место, особенно в эти последние годы, почти бесчисленны.

¹⁵⁵ Сама по себе «мода», изобретение по существу современное, не есть, впрочем, по своему истинному значению, нечто, полностью лишенное важности: она представляет собою непрерывное и бесцельное изменение по контрасту со стабильностью и порядком, которые царят в традиционных цивилизациях.

¹⁵⁶ Многое можно было бы еще сказать по этому поводу, в особенности, об использовании карт Таро, содержащих остатки бесспорной традиционной науки, которая имеет реальное происхождение, но которая имеет и очень темные стороны; мы хотим здесь напомнить не о многочисленных оккультных бреднях, которым они дают место и которыми по большей части можно пренебречь, но о чем-то гораздо более действенном, что делает манипулирование с ними поистине опасным для того, кто не достаточно защищен от воздействия «сил снизу».

¹⁵⁷ Для тех, кому было бы интересно узнать более подробно об этой стороне вопроса, полезно было бы обратиться, несмотря на оговорки, которые можно было бы сделать относительно некоторых пунктов, к книге, озаглавленной «Вокруг тиары» Роже Дюге (Roger Duguet), посмертному изданию работы человека, который был близко связан с «низами», о которых мы упоминали выше и который к концу своей жизни захотел принести свое «свидетельство», как это он сам говорил и в какой-то мере внести вклад в разоблачение этих таинственных «низов»; «личные» причины того, что он так мог действовать, не имеют значения, так как во всяком случае, они, очевидно, ничего не раскрывают в пользу этих «разоблачений».

¹⁵⁸ Эта Большая Пирамида, по правде говоря, не настолько больше двух других пирамид и, в особенности, ближайшей, чтобы разница казалась столь поразительной; но не слишком понимая, по какой причине именно ею были в некотором смысле «загипнотизированы» почти все современные исследователи, именно к ней всегда относят свои самые невероятные гипотезы, можно сказать, даже «фантастические», включая сюда, если процитировать только два самых причудливых примера, ту, которая стремится найти во внутреннем расположении карту истоков Нила, и ту, согласно которой «Книга Мертвых» есть не что иное, как объясняющее описание этого самого расположения.

¹⁵⁹ Мы не оставим Большую Пирамиду, не показав попутно еще одну современную фантазию: кое-кто придает большое значение тому факту, что она никогда не была закончена; действительно, вершина отсутствует, но все, что можно сказать достоверного по этому поводу, это то, что самые древние авторы, свидетельство которых имеется, а также еще относительно недавние, всегда видели ее обломанной сверху, каковой она является и сегодня; отсюда претензия на то, что, как это текстуально пишут оккультисты, «скрытый символизм еврейских и христианских Писаний прямо соотносится с фактами, имевшими место в ходе строительства Большой Пирамиды», поистине слишком далеко зашли, и это еще одно утверждение, которому, нам кажется, слишком недостает правдоподобия во всех отношениях! Довольно любопытная вещь, что на официальной печати Соединенных Штатов изображается Пирамида с* обломанной вершиной, над которой находится лучащийся треугольник, который, будучи совершенно отделенным и даже изолированным кругом облаков, кажется в некотором роде заменяющим ей вершину; но в этой печати, из которой не-

которые «псевдоинициационные» организации, во множестве кишачие в Америке, стараются извлечь большую пользу, объясняя согласно своим «доктринам», есть другие, по крайней мере, странные детали, которые, как представляется, верно указывают на вторжение подозрительных влияний: так, число слоев кладки в Пирамиде, то есть тринадцать (это число, к тому же, с некоторой настойчивостью повторяется и в других особенностях, и именно это число составляет количество букв в девизе «E pluribus unum», «из многого — единое»), соответствует, как говорят, числу племен Израиля (считая отдельно два полу-племени сынов Иосифа), и это, конечно же, небезотносительно к реальным истокам «пророчеств Большой Пирамиды», которые, как мы только что видели, стремятся тоже сделать из нее нечто вроде «иудео-христианского» памятника ради весьма темных целей.

¹⁶⁰ К этому действительно приложила формула: «когда все покажется потерянным, все будет спасено», повторяемая в некотором роде машинальным способом достаточно большим числом «провидцев», каждый из которых, естественно, применяет ее к тому, что может понять, и главным образом, к событиям гораздо меньшей важности, и даже иногда совершенно вторичным и просто «локальным», в силу той «измельчающей» тенденции, которую мы уже обозначили в случае с историями о «Великом Монархе», который завершился тем, что в нем стали видеть будущего короля Франции; само собою разумеется, что истинные пророчества относятся к вещам, совершенно другого размаха

¹⁶¹ Шестая глава Бытия могла бы, может быть, представить в символической форме, некоторые указания, относящиеся к этим отдаленным истокам «контринициации».

¹⁶² Можно применить здесь по аналогии также символизм «падения ангелов», поскольку то, о чем там идет речь, имеет действительно соответствие в человеческом порядке; кроме того, можно говорить в этом отношении о «сатанизме» в самом прямом и буквальном смысле слова.

¹⁶³ Последняя степень «контринициационной» иерархии занята теми, кого называют «святыми Сатаны» (*awliya esh-Shaytan*), которые являются в некотором роде инверсией истинных святых (*awliya ez-Rahmari*) и которые обнаруживают, таким образом, возможно наиболее полное выражение «духовности наизнанку» (см. «Символизм Креста»).

¹⁶⁴ Это предельное завершение, разумеется, представляет собою на самом деле только лишь исключительный случай, а именно случай *awliya esh-Shaytan* для тех, кто не столь далеко зашел по этому пути, речь идет только о безвыходном тупике, в котором он может оставаться неопределенно долгий цикл, или «эон».

¹⁶⁵ Эту область с точки зрения посвящения можно назвать «малыми Таинствами»; напротив, все то, что относится к «великим Таинствам», относясь по существу к «сверхчеловеческому» порядку, свободно тем самым от такого противостояния, поскольку это область, которая

по своей собственной природе абсолютно недоступна для «контринициации» и ее представителей любых степеней.

¹⁶⁶ *Et-tadabirul-ilahiyah fi'l-mamlakatil-insaniyah* — название трактата Мохиддина ибн Араби (*Mohyiddin ibn Arabi*).

¹⁶⁷ Об этом Шакраварти, или «всемирном монархе», смотри «Эзотеризм Данте» и «Царь Мира». Шакраварти буквально означает «тот, кто вращает колесо», что предполагает также, что он находится в центре всего, тогда как Антихрист, напротив, это существо, которое будет в наибольшей степени удалено от этого центра; тем не менее он также будет претендовать «вращать колесо», но в направлении, противоположном нормальному циклическому движению (что, впрочем, бессознательно «предвосхищает» современная идея «прогресса»), тогда как, в реальности, любое изменение во вращении невозможно до «перемены местами полюсов», то есть до «восстановления», которое может осуществиться лишь вмешательством второго Аватары; на самом деле, называется Антихристом, потому что он по-своему пародирует саму роль того последнего Аватары, который представлен как «второе пришествие Христа» в христианской традиции.

¹⁶⁸ Он, следовательно, может рассматриваться как глава *awliya esh-Shaytan*, и раз он будет последним, кто исполняет эту функцию, и в то же время тем, через которого она получит в мире наибольшее значение, то можно сказать, что он будет как бы их «печатью» (*khatem*), согласно эзотерической исламской терминологии; нетрудно видеть, до чего в действительности может дойти пародия на традицию во всех ее аспектах.

¹⁶⁹ Даже сама монета или то, что ее заменит, заново получит качественный характер такого рода, поскольку сказано, что «никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его» (Откровение, 13, 17), что предполагает действительное исполнение в этом отношении перевернутых символов «контртрадиции».

¹⁷⁰ В этом также антитеза Христу, сказавшему: «Я есть Истина», или святому (*wali*) как *El-Hallaj*, тоже говорящему: «*Ana el-Haqq*».

¹⁷¹ Может быть, недостаточно отмечалась аналогия, существующая между истинной и ложной доктриной; святой Ипполит в труде «Антихрист» дает этому замечательный пример, который вовсе не удивил бы людей, изучавших символизм: «Мессия и Антихрист оба имеют в качестве эмблемы льва» (P. Vulliaud, *La Kabbale juive*, t. II, p. 373).— Глубокая причина этого, с каббалистической точки зрения, состоит в том, что есть оба, темное и светлое, лицо Метатрона; поэтому же, равным образом, апокалиптическое число 666, «число зверя», есть также и солнечное число, (см. «Царь Мира»).

¹⁷² Здесь существует также непереводимые двойное значение: *Mesikh* может быть понят как деформация *Mesiha*, простым добавлением точки к последней букве; но в то же время, само это слово также говорит о «деформированности», что, собственно, и выражает характер Антихриста.

ЦАРЬ МИРА

*Ш
Ж*

Глава I

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ АГАРТХЕ НА ЗАПАДЕ

Книга Сент-Ив д'Альвейдра «Миссия Индии», опубликованная посмертно, в 1911 г., содержит описание таинственного центра посвящения, именуемого Агартхой; многим из читателей этой книги она могла показаться плодом воображения, вымыслом, не имеющим никакого отношения к реальной действительности. Такое суждение в известной мере оправданно, особенно если понимать буквально некоторые из содержащихся в ней неправдоподобных деталей; это наверняка сознавал и сам автор, не спешивший выпустить в свет давно уже написанное, но не до конца отделанное произведение. С другой стороны, упоминания об Агартхе и ее владыке Брахматме до сих пор встречались только в романах Луи Жаколио, писателя весьма малосерьезного, на чей авторитет полагаться ни в коем случае нельзя. Впрочем, лично мы думаем, что в бытность свою в Индии он мог получить кое-какие сведения относительно Агартхи, но в его романах они получили совершенно превратное и фантастическое толкование. Так обстояло дело до 1924 г., когда произошло новое и в какой-то мере неожиданное событие: выход в свет книги Фердинанда Оссендовского «И звери, и люди, и боги», в которой он описывает свое полное приключений путешествие по Центральной Азии в 1920—1921 гг. В заключительной части книги содержатся сведения, почти полностью совпадающие с сообщениями Сент-Ива. Шумиха, поднятая вокруг этой публикации, является, на наш взгляд, подходящим поводом для того, чтобы прервать заговор молчания вокруг вопроса об Агартхе.

Как и следовало ожидать, скептически или недоброжелательно настроенные критики не постеснялись обвинить Оссендовского в вульгарном плагиате, приводя в качестве подтверждения своих нападок совпадающие по смыслу отрывки из обоих сочинений, а надо сказать, что таковых и впрямь наберется немало, причем совпадения даже в де-

талях бывают просто поразительными. Начать хотя бы с того, что кажется самым невероятным у самого Сент-Ива, а именно, с утверждения о том, будто существует некий подземный мир, простирающийся повсюду, под всеми материками и даже океанами, свои разветвления, посредством которых осуществляются незримые связи между различными областями Земного шара. Что же касается Оссендовского, то он, не беря на себя ответственность за подобное утверждение и даже сомневаясь в его достоверности, приписывает его различным людям, с которыми он встречался во время своих странствий. Среди более частных параллелей следует отметить пассаж, в котором описывается «Царь Мира», стоящий перед гробницей своего предшественника, то место, где поднимается вопрос о происхождении цыган, будто бы живших некогда в Агартхе¹, и многое другое. Сент-Ив пишет, например, что во время празднования подземных «Космических мистерий» путники, идущие по пустыне, волею-неволею останавливаются, а все живое вокруг в ужасе замирает. Оссендовский уверяет, что сам присутствовал при одном из таких явлений. Есть в их книгах и еще одно странное совпадение: история ныне исчезнувшего острова, населенного необыкновенными людьми и животными, и, хотя Сент-Ив в данном случае цитирует пассаж из Диодора Сицилийского, в котором описывается плавание Ямбула, а Оссендовский говорит о путешествии некоего буддийского монаха из Непала, в обоих эпизодах содержится много общего; если и впрямь существуют две версии этого рассказа, происходящие из столь разных источников, было бы интересно отыскать эти источники и сопоставить их между собой.

Приводя все эти параллели, мы вовсе не хотели сказать, что они убеждают нас в реальности плагиата; впрочем, мы не имеем ни малейшего намерения вступать по этому поводу в дискуссию, которая нас не очень-то интересует. Помимо свидетельств Оссендовского, переданных нам лично, мы располагаем сведениями из совсем иных источников, которые утверждают, что рассказы такого рода обычны в Монголии и во всей Центральной Азии; добавим сразу же, что нечто подобное существует в традициях почти всех народов. С другой стороны, если принять, что Оссендовский частично скопировал «Миссию Индии», остается непонятным, почему он опустил некоторые эффектные пассажи и изменил форму написания кое-каких имен собственных: например, «Агарти» вместо «Агартхи». А ведь эта замена объясня-

ется просто-напросто тем обстоятельством, что он черпал свою информацию из монгольских источников, тогда как Сент-Ив получал ее из Индии (известно, что он поддерживал отношения по крайней мере с двумя индусами)²; непонятно также, почему он употреблял для обозначения главы духовной иерархии титул «Царь Мира», который нигде не встречается у Сент-Ива. Если даже принять возможность тех или иных заимствований, остается необъяснимым тот факт, что Оссендовский говорит иногда о вещах, не встречающихся в «Миссии Индии», и которые он никак не мог выдумать из головы, тем более что, увлеченный политическими идеями и учениями, он почти ничего не знал об эзотеризме и был не способен осознать подлинный смысл излагаемых им сведений. Таков, например, рассказ о «черном камне», некогда посланном Далай-Ламе Царем Мира и перенесенном затем в Монголию, в Ургу, где он исчез около ста лет назад³; а ведь известно, сколь важную роль играют «черные камни» во многих традициях, начиная с символа Кибелы и кончая «черным камнем», вмурованным в мекканскую Каабу⁴.

Вот еще один пример: Оссендовский утверждает, что Богдо-Хан, или «Живой Будда», чья резиденция находится в Урге, владеет, в числе прочих своих драгоценностей, перстнем Чингисхана, на котором выгравирована свастика, и тамгой — медной пластинкой с оттиском печати «Царя Мира»; сам Оссендовский видел, будто бы, только первый из двух этих предметов; что же касается второго, то было бы понятней, если бы он говорил о золотой, а не о медной тамге.

Этих нескольких предварительных замечаний вполне достаточно, ибо мы абсолютно чужды духу полемики и не собираемся касаться личных вопросов; если мы цитировали Оссендовского и даже Сент-Ива, то лишь потому, что их высказывания могут послужить отправной точкой для рассуждений, которые не имеют никакого отношения ни к тому, ни к другому, и суть которых во много раз значительней их личных мнений, равно как и нашего, которое в данном вопросе тоже не может приниматься в расчет. Говоря об их сочинениях, мы вовсе не хотим вдаваться в пустую «критику текстов»; наша цель — дать кое-какие пояснения, которые до сих пор еще не сделаны были никем, по крайней мере, нам это неизвестно, — пояснения, которые могут в известной мере приоткрыть завесу над тем, что сам Оссендовский называет «тайной тайн»⁵.

Глава II

ЦАРСТВО И ЖРЕЧЕСТВО

Титул «Царя Мира», понимаемый в самом возвышенном, самом полном и в то же время самом строгом значении, прилагается, собственно, к Ману, вселенскому законодателю первозданных времен, чье имя, в той или иной огласовке, встречается у многих народов древности; вспомним хотя бы Мину, или Менеса, у египтян, Менва у кельтов, Миноса у греков⁶. Впрочем, все эти имена вовсе не принадлежат какому бы то ни было историческому или легендарному персонажу; на самом деле они являются обозначением некоего принципа, космического Разума, который, будучи отражением чистого духовного Света, изрекает формулы Закона (Дхармы), соответствующего условиям нашего мира или бытийного цикла; Ману является в то же время архетипом человека, рассматриваемого в первую очередь как мыслящее существо (*манава* по-санскритски).

С другой стороны, здесь важно отметить, что этот принцип может проявиться и в виде духовного центра, укорененного в земном мире, и в виде организации, призванной хранить сокровищницу священной традиции нечеловеческого (*анаурушейа*) происхождения, посредством которой первозданная Мудрость из века в век передается тем, кто способен ее воспринять. Глава такой организации, в каком-то смысле представляющий самого Ману, мог законным образом претендовать на его титул и атрибуты; более того, та ступень познания, которой он должен был достичь, чтобы иметь возможность отправлять свои функции, реально отождествляла его с тем принципом, человеческим отражением которого он являлся и в сравнении с которым превращалась в ничто его индивидуальность. Таким духовным центром и является Агартха, если верить утверждениям Сент-Ива, согласно которым она представляет из себя наследие древней «солнечной династии» (*Сурья-ваниша*), некогда царив-

шей в Айодхе⁷ и возводившей свое начало к Вай вас вате, Ману теперешнего мирового цикла.

Сент-Ив, как мы уже говорили, не рассматривает верховного повелителя Агартхи как «Царя Мира»; он именует его «Верховным Понтификом» и представляет главой некоей «Брахманической церкви», — само название этой организации выдает чересчур европеизированные концепции автора⁸. Учитывая эту оговорку, можно сказать, что его сведения по данному вопросу дополняют сказанное Оссендовским; создается впечатление, что каждый из них видел только один аспект проблемы, отвечавший его склонностям и непосредственным занятиям, потому что на самом деле речь тут идет о двойственной власти, одновременно жреческой и царской. «Понтификальный» характер этой власти, в самом прямом смысле слова, принадлежит по преимуществу главе инициатической иерархии, что требует некоторых пояснений: «Понтифекс» буквально значит «мостостроитель», этот римский по происхождению титул является в каком-то смысле «масонским»; символически его носитель выполняет функцию посредника, обеспечивающего связь между нашим миром и высшими мирами⁹. В этом смысле радуга, «небесный мост», является естественным символом «понтификата», и поэтому все традиции наделяют ее поразительно сходными значениями: так, у евреев она — залог завета между Богом и его народом, в Китае это знак союза между Небом и Землей, в Греции она олицетворяется Иридой, «вестницей Богов», и почти везде, у скандинавов, персов и арабов, в Центральной Африке и Северной Америке, она представляется мостом, связующим чувственный и сверхчувственный миры.

Общность двух властей — жреческой и царской — получила в Древнем Риме отражение в некоторых аспектах символики Януса, символики чрезвычайно сложной и многозначительной. Золотой и серебряный ключи в руках Януса соответствовали двум видам посвящения¹⁰. Речь идет, если употреблять индусскую терминологию, о пути брахманов и пути кшатриев, но на вершине обеих этих иерархий покоится их общий принцип, наделяющий ту и другую соответствующими полномочиями и, следовательно, предшествующий их разделению, поскольку именно в этом принципе заключается источник всякой законной власти, в какой бы

области она ни проявлялась; посвященные Агартхи — это *ативарна*, т.е. «люди вне каст»¹¹.

Много говорилось о таинственной стране, «царстве пресвитера Иоанна»¹². То было время, когда, так сказать, «внешняя оболочка духовного центра», о котором идет речь, состояла по большей части из несториан (кто бы они ни были на самом деле) и сабеян¹³, именовавших себя «учениками Иоанна». В этой связи хочется сделать и такое замечание: по меньшей мере любопытно, что многие из восточных сообществ крайне замкнутого характера, от исмаилитов или учеников «Горного Старца» до ливанских друзов, называли себя, как и некоторые из европейских рыцарских орденов, «хранителями Святой Земли». В дальнейшем мы постараемся подробней истолковать смысл этого выражения, а пока скажем лишь, что Сент-Ив нашел весьма точное — быть может, более точное, чем он сам думал — определение для воинства таинственной страны: «Тамплиеры Агартхи». А для тех, кого удивило только что употребленное нами выражение «внешняя оболочка», добавим; что рыцарское посвящение было по сути своей идентично посвящению кшатриев, что объясняет, между прочим, главенствующую роль любовной символики в рыцарском обиходе¹⁴. Как бы там ни было, понятие о лице, являющемся одновременно священником и царем, нельзя считать особенно распространенным на Западе, хотя оно заложено в самом основании христианства в виде загадочных образов «царей-волхвов». Но даже в средние века высшая власть в Европе (по крайней мере, внешне) была разделена между Папством и Империей¹⁵. Такое разделение можно рассматривать как признак духовно не завершенной организации, поскольку в ней не был выявлен общий принцип, из которого проистекают и от которого зависят оба вида власти; подлинная высшая власть должна была осуществляться откуда-то извне. В противоположность этому, на Востоке подобное разделение власти встречается разве что в порядке исключения; вспомним о явной несопоставимости деятельности Будды и Чакраварти, или «вселенского владыки»¹⁶: ведь реальному Шакьямуни пришлось в свое время сделать выбор между тем и другим.

Стоит добавить, что сам термин *Чакраварти*, в котором нет ничего специально буддийского, в индуистской традиции зачастую прилагается к Ману или к его представителям:

Чакраварти — это, буквально, «вращающий колесо», т. е. тот, кто, пребывая в центре мироздания, управляет движением вещей, не принимая в нем непосредственного участия, или, согласно утверждению Аристотеля, является «неподвижным двигателем»¹⁷.

Здесь нам хотелось бы обратить особенное внимание читателя вот на что: центр, о котором идет речь,— это недвижимая точка, во всех традициях единодушно именуемая символическим «полюсом» бытия, ибо именно вокруг нее осуществляется круговращение мира, который, в свою очередь, чаще всего символизируется колесом: именно так обстоит дело и у кельтов, и у шумеров, и у индусов¹⁸. Таков истинный смысл свастики, знака, распространенного от Дальнего Востока до Крайнего Запада¹⁹; это прежде всего «знак полюса», о чем следовало бы знать современным ученым, которые напрасно пытались объяснить этот символ с помощью самых фантастических теорий. Большинство из этих ученых, одержимые своего рода навязчивой идеей, не желают видеть в нем ничего, кроме «солярного»²⁰ знака, тогда как он принимает такое значение лишь изредка и случайно. Другие, более близкие к истине, рассматривают свастику как символ движения, но эта интерпретация, не будучи ложной, совершенно недостаточна, ибо здесь идет речь не просто о движении, но о круговращении вокруг некоего центра или незыблемой оси; именно эта неподвижная точка, повторяем, и является основным элементом, к которому самым непосредственным образом относится рассматриваемый символ.

Приведем еще одно мнение, куда более фантастическое, нежели все остальные, согласно которому свастика представляет собой схему древнего инструмента для добывания огня; однако знак этот, и впрямь иногда имеющий некоторое отношение к огню, поскольку является символом Агни, нельзя сводить к столь примитивному прообразу.

Из того, что мы только что сказали, можно уяснить, что «Царь Мира» должен обладать прежде всего полномочиями распорядительными и регулирующими (заметим попутно, что последнее из этих слов неспроста имеет общий корень со словами «тех» и «reger»),— полномочиями, как «равновесие» или «гармония»; на санскрите они с предельной точностью передаются термином «дхарма»²¹, обозначающим отречение незыблемости высшего Принципа в мире проявлен-

ного. Из тех же рассуждений вытекает, почему основными атрибутами «Царя Мира» являются «Справедливость» и «Миролюбие», которые можно считать лишь внешними формами этого равновесия и этой гармонии в «человеческом мире» (*манава-лока*)²². Этот пункт также имеет огромное значение, о котором мы должны напомнить тем, кто позволяет себе поддаться химерическим страхам, отзвук которых встречается и в последних строках книги Оссендовского.

Глава III

«ШЕХИНА» И «МЕТАТРОН»

Нет сомнений, что иные робкие умы, чье мышление целиком ограничено предвзятыми идеями, успели прийти в ужас от одного словосочетания «Царь Мира», которое они поспешили сопоставить с встречающимся в Евангелии выражением «Князь мира сего». Само собой разумеется, что подобное сопоставление является совершенно ошибочным и безосновательным; чтобы опровергнуть его, достаточно вспомнить, что как в еврейском, так и в арабском языке выражение «Царь Мира» нередко прилагается к самому Богу. Попытаемся в связи со всем этим изложить здесь некоторые теории еврейской Каббалы относительно «небесных посредников», — теории, которые имеют самое прямое отношение к основной теме настоящего исследования.

«Небесные посредники», о которых идет речь, это Шехина и Метатрон; скажем прежде всего, что в самом общем смысле Шехина — это «реальное присутствие» Божества в мире. Следует заметить, что в тех местах Писания, где упоминается Шехина, чаще всего говорится о созидании духовного центра: сооружении Ковчега Завета, построении храмов Соломона и царицы Зороавель. Такой центр, устрояемый в соответствии со строго определенными правилами, и в самом деле должен являться местом проявления божества, рассматриваемого прежде всего в своем светоносном обличье; любопытно заметить, что выражение «место пресветлое и пречистое», сохраненное в масонстве, вполне может быть отзвуком древней жреческой науки, касающейся воздвижения храмов, которая, разумеется, была знакома не только одним евреям. Вообще же Шехина представляется в многочисленных аспектах, главными из которых являются два — внутренний и внешний; оба они яснее всего определяются фразой, содержащейся в другой традиции — христианской: «Gloria in excelsis Deo, et in Terra Pax hominibus bonae voluntatis» <«Слава в вышних Богу, и на земле мир» (лат.)>.

Слова «Gloria» и «Рах» <>«Слава» и «Мир» (*лат.*)> относятся соответственно к внутреннему и внешнему аспекту вопроса, т.е. к Принципу и к проявленному миру; рассматривая эти слова с данной точки зрения, тут же понимаешь, почему они произнесены ангелами (*Малаким*), чтобы возвестить рождение «Бога с нами» или «в нас» (*Эммануил*). Относительно первого аспекта можно также припомнить теологические теории о «свете славы», в котором и посредством которого осуществляется «блаженное видение» (*in excelsis*)| что же касается второго аспекта, т. е. Мира (Рах), то он, в эзотерическом смысле, повсюду воспринимается как один из основных атрибутов духовных центров, установленных в нашем мире (*in Terra*). С другой стороны, арабский термин *Шакина*, соответствующий еврейскому *Шехина*, переводится как «Великое миролюбие» и, таким образом, полностью совпадает с розенкрейцерским понятием «Рах profunda» <<«Глубокое умиротворение»>; эта параллель позволяет объяснить, что именно розенкрейцеры понимали под выражением «Храм Святого Духа», а также уразуметь точный смысл евангельских текстов, в которых говорится о Мире²³, тем более, что «тайная традиция, касающаяся Шехины, имеет некоторое отношение к свету Мессии». Г-н Вьюю, которому принадлежит данное указание²⁴, не без основания подчеркивает, что речь идет о традиции, уготованной для тех, кто следует путем, ведущим в *Pardes*, т. е., как мы увидим в дальнейшем, в высший духовный центр.

Приведем и еще одну выдержку из г-на Вьюю, в которой говорится о «тайне, связанной с празднованием юбилеев»²⁵ и каким-то образом соотносящейся с идеей «Миролюбия»; здесь автор цитирует текст каббалистического трактата «Зогар» (III, 52): «Поток, текущий из Эдема, носит имя Иобель» и Иеремии (XVII, 8): «... он будет как дерево, посаженное при водах и пускающее корни свои у потока», откуда следует, что «основная идея празднования юбилея заключается в возвращении всех вещей к их первоначальному состоянию». Ясно, что это то самое «первозданное состояние», о котором свидетельствуют все традиции; мы более или менее подробно говорили о нем в нашем исследовании «Эзотеризм Данте», где проводится параллель между «Земным Раем» и «Небесным Иерусалимом». В сущности, суть этих соответствий неизменно сводится к описанию различных фаз циклического проявления и к идее Пардеса, центра на-

шого мира, который в традиционной символике всех народов сравнивается с сердцем, центром человеческого существа и «вместилищем божества» (Брахма-пура в индийской традиции); в иудаизме он символизируется Ковчегом Завета, именуемым по-еврейски «Мишкан» («обиталище Бога»), причем слово это происходит от того же корня, что и Шехина.

С другой точки зрения, Шехина — это совокупность *Сефиротов*! напомним в этой связи, что «правый ствол» сефиротического древа принадлежит Милосердию, а левый — Строгости²⁶. Проследивая те же аспекты в образе Шехины, можно сказать, что, по крайней мере в известном смысле. Строгость соответствует Справедливости, а Милосердие — Миру²⁷ «Когда человек согрешает и удаляется от Шехины, он подпадает под власть сил (*Сарим*), зависящих от Строгости»²⁸, и тогда Шехина зовется «рукой строгости», что напоминает всем известный символ «руки правосудия»; если же, напротив, «человек приближается к Шехине, он обретает свободу», а Шехина в таком случае предстает как «десница божия», т. е. «рука правосудия» становится «рукой благословляющей»²⁹.

Таковы тайны «Дома справедливости» (*Бейт-Дин*) — еще одного синонима высшего духовного Центра³⁰; вряд ли стоит говорить, что оба аспекта, которые мы только что рассмотрели, соответствуют тому уделу, который в христианской иконографии Страшного суда уготован праведникам и грешникам. Равным образом можно установить связь этой символики с двумя путями, которые у пифагорейцев изображались буквой [...] и в экзотерической форме соотносились с мифом о Геркулесе на распутье между Добродетелью и Пороком, с двумя воротами — небесными и адскими, которые были связаны с латинской символикой Януса, с двумя циклическими фазами — восходящей и нисходящей³¹, — которые в индуизме относятся к символике Ганеши. Учитывая все это, легко понять истинный смысл таких выражений, как «правые намерения» и «добрая воля» («*Rex hominibus bonae voluntatis*» <»Мир людям доброй воли» (*лат.*)>). Тот, кто хоть мало-мальски знаком с упоминавшимися выше символами, поймет, что Рождество неспроста совпадает с датой зимнего солнцеворота; что же касается всех других — философских или моральных — интерпретаций этих двух

выражений со времен стоиков до времени Канта, то они должны быть отброшены как поверхностные.

«Каббала наделяет Шехину духовным двойником, носящим имена, схожие с ее именами и, следовательно, обладающим тем же характером»³², — пишет г-н Вьюо. Этот двойник, известный под именем *Метатрон*, наделен теми же различными аспектами, что и сама Шехина; его имя нумерически эквивалентно имени *Шаддаи*³³ («Всемогущему»), т. е. тому Богу, который стал Богом Авраама. Этимология слова *Метатрон* весьма проблематична; среди различных гипотез, высказанных на этот счет, самой интересной является та, которая производит его от иранского слова *Митра*, обозначающего «дождь», но имеющего также некоторое отношение к «свету». Даже если это и так, не стоит думать, будто сходство между одноименными божествами индусов и зороастрийцев объясняет заимствование у них этого термина иудаизмом, ибо связи между различными традициями осуществляются отнюдь не столь поверхностным образом; то же самое можно сказать и о роли, приписываемой дождю почти во всех традициях как символу нисхождения «духовных влияний» с Неба на Землю. В этой связи укажем, что иудаистское учение говорит о «светоносной росе», выступающей на «Древе Жизни», с помощью которой должно свершиться воскрешение мертвых, что странным образом напоминает алхимическую и розенкрейцерскую символику.

«Термин *Метатрон*, — пишет г-н Вьюо, — включает в себя значения стража, господина, посланника, посредника»; он — «причина богоявления в чувственном мире»³⁴, «Ангел Лица», а также «Князь Мира» (*0Сар-на-олам*), — из этого имени видно, что мы несколько не уклонились от нашего сюжета. Прибегая к традиционной символике, которую мы объяснили выше, можно сказать, что Метатрон — это «Небесный полюс», подобно тому, как вождь иерархии посвященных — это «Полюс земной», являющийся его отражением и связанный с ним «Осью мира». «Имя его — Микаэль, Первосвященник, жертва и приношение перед Богом. Все, что свершают израильтяне на земле, соответствует прообразам, существующим в мире небесном. Великий Понтифик дольного мира символизирует Микаэля, князя Милосердия. Во всех местах Писания, где упоминается Микаэль, идет речь о славе Шехины»³⁵. Сказанное здесь об израильтянах равным образом приложимо ко всем остальным наро-

дам, обладающим подлинно ортодоксальной традицией; в еще большей степени эти слова относятся к представителям первозданной традиции, из которой проистекают и которой подчиняются все остальные, и все это состоит в связи с символикой «Святой Земли», отражением «Небесного мира», о котором мы только что упомянули. С другой стороны, исходя из всего вышеизложенного, Метатрон наделен не только аспектом Милосердия, но и аспектом Справедливости; он не только «Великий Священник» (*Кохен ха-гадол*), но и «Великий Князь» (*Сар ха-гадол*), и «вождь небесных ратей», т. е. в нем олицетворены как принцип царской власти, так и основа жреческого или понтификального могущества, которой соответствует и его функция «посредника». К тому же следует заметить, что «Мелек» («царь») и «Малеак» («ангел» или «посланник») — это всего лишь разные огласовки одного и того же слова; более того, *Малаки* («мой посланник», т. е. посланник Бога, или «ангел, в коем пребывает Бог», «Малеак ха-элохим») — это анаграмма имени Микаэль³⁶.

Следует добавить, что если Микаэль, как мы только что видели, идентифицируется с Метатроном, он, тем не менее, представляет только один его аспект — светоносный; что же касается другого, темного, то он представлен Самаэлем, которого именуют еще *Сар Хаолам*. Именно этот аспект, и только он один, олицетворяет собой «духа мира сего» в низшем смысле, тот «*Princip hujus mundi*», о котором говорит Евангелие; его соотношения с Метатроном, как бы тенью которого он является, оправдывают употребление одного и того же термина в двойственном смысле, а также помогают понять, почему апокалиптическое число 666, «число Зверя», считается также «солнечным числом»³⁷. Более того: согласно св. Ипполиту, «как Мессия, так и Антихрист имеют своей эмблемой льва»³⁸, который является солнечным символом; сходное наблюдение может быть отнесено к змею³⁹ и множеству других символов. С точки зрения каббалистики, речь идет опять-таки о двух противоположных ликах Метатрона; не собираясь останавливаться здесь на теориях, объясняющих двойственную природу символов, скажем лишь, что смешение их «светоносного» и «темного» характера и составляет «сатанизм»; именно это смешение, невольно или в силу простого невежества (что можно считать извинением, но не оправданием) свершают те, которым мерещится нечто инфернальное в самом имени «Царя Мира»⁴⁰.

ТРИ ВЫСШИХ ЧИНА

Согласно Сент-Иву, высший владыка Агартхи носит титул *Брахатмы* (правильнее было бы писать «Брахматма»), «Опоры душ в Духе Божиим»; два его соправителя именуется *Махатмой*, «Олицетворением вселенской души», и *Махангой*, «Символом материального устройства Космоса»⁴¹; такое иерархическое деление в западных учениях соответствует тройственности — «дух, душа, тело» — по аналогии между макрокосмосом и микрокосмосом. Следует заметить, что эти термины в санскрите прилагаются, в основном, к принципам и могут служить обозначением человеческих личностей лишь в той мере, в какой они служат олицетворением соответствующих принципов, так что, даже в данном случае, эти принципы соотносятся скорее с функциями, чем с личностями. Согласно Оссендовскому, Махатме «ведомы цели грядущего», Маханга повелевает причинами событий», что же касается Брахатмы, то он может «вести беседы с Богом лицом к лицу»⁴²; легко понять, что это значит, если вспомнить, что Брахатма занимает центральное положение, в котором осуществляется прямая связь земного мира с высшими состояниями и через них с высшими Принципами⁴³. Впрочем, рассматривать выражение «Царь Мира» в узком смысле и единственно по отношению к земному миру было бы слишком неадекватно; с некоторых точек зрения было бы точнее именовать Брахатму «Владыкой трех миров»⁴⁴, ибо во всякой подлинной иерархии тот, кто занимает наивысший чин, тем самым имеет право и на все низшие звания, а эти три мира («Трибхувана» в индийской традиции) как раз и являются, как мы объясним чуть ниже, теми областями, которые соответствуют трем чинам, которые мы собираемся перечислить.

«Покидая храм,— пишет Оссендовский,— Царь Мира излучает дивный свет». Еврейская Библия говорит то же самое о Моисее, сходящем с Синая⁴⁵; по поводу этого соот-

ветствия следует заметить, что исламская традиция рассматривает Моисея как некий «Полюс» (*Эль-Кутб*) своей эпохи; не потому ли Каббала утверждает, что он был вдохновлен самим Метатроном? К тому же, здесь следует провести различие между основным духовным центром нашего мира и вторичными центрами, специально приспособленными к нуждам определенных эпох и народов. Не задерживаясь далее на этом вопросе, заметим лишь, что должность «законодателя» («*Расул*» по-арабски), принадлежащая Моисею, обязательно предполагает преемственность власти, обозначаемую именем Ману, и что, с другой стороны, одно из значений этого имени указывает на отражение божественного света.

«Царь Мира,— сказал Оссендовскому некий лама,— постигает мысли тех, кто оказывает влияние на судьбы человечества. [...] Он узнает все их помыслы. Если те угодны Богу, Царь Мира тайно поможет их осуществлению, если нет — помешает. Эту власть дает Агартти тайное знание — «Ом», с этого начинаются наши молитвы». Далее следует фраза, которая способна поставить в тупик всех тех, кто имеет лишь смутные представления о священной моносиллабе «Ом»: «Ом» — это имя первого гуру — святого, жившего триста тридцать тысяч лет назад тому». Эта фаза и впрямь может показаться абсолютно бессмысленной, если не подумать вот о чем: эпоха, о которой идет речь, да к тому же обозначаемая столь смутным образом, явно предшествует эре теперешнего Ману нашей Кальпы {Вайвасвата — ее седьмой Ману), прозванного Свайямбхувой, т. е. порождением Свайямбху, «Того, кто существует сам по себе», или вечно-го Логоса; Логос же, или тот, кто его непосредственно воплощает, по праву может зваться первым Гуру или «Духовным наставником»; таким образом. *Ом* — это в действительности одно из наименований Логоса⁴⁶.

С другой стороны, слово *Ом* служит непосредственным объяснением иерархического распределения чинов между Брахатмой и обоими его соправителями. В самом деле, согласно индусской традиции, три элемента этой священной моносиллабы символизируют соответственно «три мира», на которые мы только что намекнули, то есть три составные части Трибхуваны; это земля (*Бху*), Воздушное пространство (*Бхувас*) и Небо (*Свар*) иными словами, это мир телесного проявления, мир тонкой манифестации и непроявлен-

ный мир духовных начал⁴⁷. Это и есть рассматриваемые в восходящем порядке области, подчиненные Маханге, Махатме и Брахатме, что вполне соответствует интерпретации их титулов, приведенной выше; соподчинительные связи, существующие между этими различными областями, оправдывают, в частности, тот факт, что Брахатма именуется «Владыкой трех миров»⁴⁸: «Это всеобщий владыка, это всезнающий [непосредственно видящий все следствия в их причине]внутренний устроитель [покоящийся в центре мира и управляющий изнутри его движением, не принимая в нем участие], это источник [всякой законной власти], начало и конец всех существ [их циклического проявления, чей закон воплощается в нем]»⁴⁹. Обращаясь к другой, не менее точной символической, скажем, что Маханга представляет собой основание инициатического треугольника, вершиной которого является Брахатма; что же касается Махатмы, то он выполняет роль посредника между двумя силами, роль космической жизненной силы, *Anima Mundi* герметистов, чья деятельность осуществляется в «промежуточном пространстве»; все это с предельной ясностью изображается соответствующими знаками того священного алфавита, который Сент-Ив именуется «ваттаном», а Оссендовский — «ваттананом», или теми геометрическими формами (прямая линия, спираль и точка), к которым, в сущности, сводятся три мантры или составные элементы моносиллабы *Ом*,

Попробуем объяснить еще определенной: Брахатме принадлежит вся полнота как жреческой, так и царской власти во всей ее первозданной нерасчлененности; затем эти два вида власти обособляются одна от другой, и тогда Махатма предстает перед нами воплощением жреческого могущества, а Маханга — царского достоинства. В земном мире этому разделению соответствуют касты брахманов и кшатриев, однако, будучи «вне каст», Махатма и Маханга, как таковые, совмещают в себе и жреческий, и царский характер. Здесь, пожалуй, стоит уточнить один пункт, который, как нам кажется, никогда еще не был должным образом объяснен: выше мы уже упоминали евангельских «царей-волхвов», как бы объединяющих в себе эти два вида власти; добавим теперь, что эти загадочные персонажи являются на самом деле не чем иным, как тремя владыками Агартхи⁵⁰. Маханга подносит Христу золото и величает его «Царем»; Махатма одаривает его благовониями и приветствует как

«Жреца», и, наконец, Брахатма подносит ему смирну (бальзам нетления, разновидность амриты⁵¹), именуя «Пророком» или «Духовным учителем». Знаки почтения, оказываемые таким образом младенцу Христу во всех трех мирах тремя полномочными представителями первозданной традиции, являются в то же время, как нетрудно заметить, залогом полного соответствия христианства с этой традицией.

Оссендовский, естественно, не мог принимать в расчет такого рода рассуждений, но если бы он попытался чуть глубже осмыслить суть описываемых им вещей, от него, по меньшей мере, не ускользнула бы аналогия между высшим Тернером Агартхи и соответствующей триадой ламаизма в том виде, в каком он сам ее описывает: это Далай-Лама, воплощающий в себе святость (или чистую духовность) Будды; Таши-Лама, реализующий его знания (не «магические», как это принято считать, а скорее «теургические»), и Богдо-Хан, представляющий его материальную воинскую силу; разделение функций этой триады находится, как мы видим, в точном соответствии со схемой «трех миров». Оссендовский вполне мог провести эту параллель, поскольку ему было указано, что «столица Агарты чем-то напоминает Лхасу, где Потала, дворец Далай-Ламы, стоит на горе, застроенной монастырями и храмами»; впрочем, подобная манера выражения ошибочна, ибо элементы сравнения в ней переставлены: в действительности Потала является отражением своего прообраза, столицы Агарты, а не наоборот. Центр ламаизма может служить всего лишь напоминанием о подлинном «Центре Мира», однако все центры такого рода, независимо от их местоположения, не только обладают общими топографическими особенностями, имеющими несомненную символическую ценность, но и подчиняются законам, согласно которым действуют «духовные влияния»,— этот вопрос находится в ведении той отрасли традиционной науки, которую можно назвать «священной географией». Можно упомянуть и еще одно, не менее важное соответствие: описывая различные степени или круги инициатической иерархии, находящиеся в связи с некоторыми символическими числами, в частности, с теми, которые служат для измерения времени, Сент-Ив говорит, что «самый возвышенный и самый близкий к таинственному центру круг состоит из двенадцати членов, символизирующих собой высшее посвящение и соответствующих, между прочим, зодиакально-

му поясу». Именно этот круг воспроизводится так называемым «окружным светом» Далай-Ламы, состоящим из двенадцати великих *Нашманов* (или *Ном-ханов*), а отголоски этого понятия встречаются и в некоторых западных традициях,— достаточно вспомнить о «Рыцарях Круглого Стола». Добавим еще, что двенадцать членов внутреннего круга Агартхи, с точки зрения космического порядка, представляют собой не только двенадцать знаков зодиака, но и (хотелось бы сказать — «главным образом», хотя обе эти интерпретации не исключают одна другой) двенадцать *Лдитьев*, т. е. форм Солнца, соотносящихся с этими зодиакальными знаками⁵², и это вполне естественно, поскольку Ману Вайвасвата называется «сыном Солнца», «Царем Мира», и одной из его эмблем является солнце⁵³.

Непосредственный вывод из всего вышеизложенного заключается в том, что существуют необычайно тесные связи между описаниями более или менее сокровенных, более или менее труднодостижимых духовных центров, сделанными в самых разных странах. Единственное правдоподобное объяснение этого факта таково: если эти описания и впрямь относятся к различным центрам, то те могут быть лишь отражением единого и высшего центра, подобно тому как все обособленные традиционные формы являются, в общем, только видоизменениями великой первоизданной Традиции.

Глава V

СИМВОЛИКА ГРААЛЯ

Мы только что вскользь упомянули о рыцарях Круглого Стола; будет, пожалуй, нелишним сказать здесь несколько слов о сущности «поисков Грааля», которыми, согласно легендам кельтского происхождения, занимались эти рыцари. Во всех традициях содержатся намеки на ту или иную вещь, которая в известное время была потеряна или сокрыта: это, например, индусская сома или авестийская хаома, «напиток бессмертия», находящийся в прямом соотношении с Граалем, поскольку тот, как известно, является священной чашей, содержащей в себе кровь Христову, т. е. тот же самый «напиток бессмертия». Символика утраты неоднозначна: у евреев, например, утерянным считается не какая-либо вещь, а произношение великого Имени Господня⁵⁴, но основная идея сохраняется повсюду, и далее мы увидим, чему она в точности соответствует.

Святой Грааль — это, как известно, чаша, служившая во время Тайной Вечери, в которую Иосиф Аримафейский собирал затем кровь и воду, хлынувшую из раны в боку Христа, нанесенной копьем центуриона Лонгина⁵⁵. Согласно легенде, чаша эта была впоследствии перенесена в Британию самим Иосифом и Никодимом⁵⁶; в этом следует видеть намек на связь, которая установилась между кельтской традицией и христианством. Чаша играет весьма важную роль в большинстве древних традиций, в том числе и у кельтов; примечательно, что она зачастую соотносится с копьем, и тогда оба эти символа в некоторой степени дополняют друг друга; но рассмотрение этих соответствий отвлекло бы нас от основной темы⁵⁷.

Быть может, наиболее отчетливо сущность символики Грааля раскрывается в легендах о его происхождении: говорят, что чаша эта была выточена ангелами из огромного изумруда, украшавшего чело Люцифера и утраченного им во время падения⁵⁸. Этот изумруд явно напоминает *урну*,

фронтальную жемчужину, которая в индусской (а затем и буддийской) символике выполняет роль третьего глаза, олицетворяя собою то, что можно назвать «чувством вечности»⁵⁹. Далее говорится, что Грааль был вверен Адаму в земном Раю, но после грехопадения праотец человечества, в свою очередь, утратил это сокровище, будучи не в состоянии взять его с собой во время изгнания из Эдема; смысл этого эпизода представляется достаточно ясным в свете нижеследующих рассуждений. В самом деле, человек, изгнанный из своего первоначального духовного центра, обречен с тех пор на пребывание во временной сфере; он не в состоянии попасть в то единственное место, откуда все сущее воспринимается с точки зрения вечности. Иными словами, обладание «чувством вечности» связано с тем, что все традиции именуют, как говорилось выше, «первоначальным состоянием», обретение которого является целью первой стадии истинного посвящения и предварительным условием реального достижения «сверхчеловеческих»⁶⁰ состояний. Земной Рай — это, собственно говоря, прообраз «Центра Мира»; ниже нам еще предстоит обратиться к истолкованию первоначального смысла слова «Парадиз», чтобы как следует уяснить суть этого сопоставления.

Куда более загадочно другое: как известно, третий сын Адама, Сиф, был допущен в Земной рай и сумел вынести оттуда священный сосуд; само его имя выражает идеи основательности и стабильности и, следовательно, содержит в себе намек на восстановление первоначального порядка, нарушенного грехопадением Адама⁶¹. Позволительно думать, что Сиф и все те, кто после него владел Граалем, сумели основать некий духовный центр, служащий заменой потерянного рая и являющийся его подобием; в таком случае обладание Граалем равнозначно сохранению первоначальной традиции в этом духовном центре. Легенда не уточняет, где и кем был храним Грааль до времени Христа, но ее кельтское происхождение позволяет догадываться, что здесь не обошлось без друидов, которые смогли войти в число верных хранителей первоначальной традиции.

Утеря Грааля или какого-либо из его символических эквивалентов — это, в сущности, утрата традиции вкупе со всем, что она в себе заключает, хотя, по правде сказать, традиция чаще всего не утрачивается, а только затмевается; утратить ее могут лишь некоторые второстепенные центры,

лишившиеся непосредственной связи с высшим центром. Что же касается этого высшего центра, то он вечно хранит сокровищницу традиции во всей ее полноте, будучи вне зависимости от любых перемен внешнего мира; так, согласно мнению многих отцов Церкви и, в частности, св. Августина, воды потопа не смогли достичь «обитатели Еноха и Земли Святых»⁶², чья вершина «касается лунной орбиты», т. е. возносится за пределы изменчивого, «подлунного» мира в те пределы, где Земля сходится с Небесами»⁶³. Но, подобно тому, как земной Рай сделался недостижимым, высший центр, т. е. полная его аналогия, тоже может в течение какого-то времени никак не проявляться внешне и тогда позволительно говорить о том, что Традиция утеряна для всего человечества, ибо она сохраняется лишь в некоторых строго замкнутых центрах и большинство людей уже не соприкасается с нею сознательным и деятельным образом, как то имело место в первоизданном состоянии⁶⁴; именно таковы условия теперешней эпохи, чье начало, кстати говоря, восходит к временам, недоступным для обычной, «мирской» исторической науки. Стало быть, утрата традиции может рассматриваться как в прямом смысле, так и в смысле помрачения духовного центра, который более или менее незримо определял судьбы отдельного народа или определенной цивилизации; соответственно этому, сталкиваясь с символикой подобного рода, мы должны всякий раз определять, каким образом она может быть интерпретирована.

В свете того что мы только что сказали, символика Грааля представляется сочетанием двух тесно связанных друг с другом понятий; только тот, кто полностью обладает первоизданной традицией, кто достиг той степени действенного познания, которая включает в себя это обладание, обретает тем самым всю полноту «первоизданного состояния». Оба эти понятия — «первоизданное состояние» и «первоизданная традиция» — соотносятся с двойным смыслом слова «Грааль», ибо в силу словесных созвучий, играющих в символике роль немаловажную, а подчас и более глубокую, чем нам кажется, Грааль является одновременно сосудом (*grasale*) и книгой (*gradale* или *graduale*); этот последний аспект указывает непосредственно на традицию, тогда как первый касается состояния как такового⁶⁵.

Мы не собираемся здесь ни вдаваться во второстепенные подробности легенды о святом Граале, хотя и они име-

ют известное символическое значение, ни пересказывать историю рыцарей Круглого Стола и их подвигов; напомним только, что «Круглый Стол», сооруженный королем Артуром⁶⁶ по замыслу Мерлина, предназначался именно для Грааля, если кто-то из рыцарей сумеет его отыскать и перенести из Британии в Арморику. Этот стол — еще один древнейший символ, один из тех, что всегда ассоциируется с идеей духовных центров, вместилищ традиции; его круглая форма непосредственно связана с зодиакальным циклом благодаря присутствию за столом двенадцати главных персонажей⁶⁷ легенды, — особенность, которая, как мы уже видели, встречается во всех описаниях такого рода центров.

Есть и еще один символ, связанный с другим аспектом легенды о Граале и заслуживающий особенно пристального внимания: это Монсальват (буквально «Гора Спасения»), вершина, расположенная «на дальних рубежах, к коим не приближался ни один смертный», скала, вздымающаяся из моря в недостижимых областях, за которыми поднимается Солнце. Это одновременно и «Священный остров» и «Полярная гора», два равнозначных символа, о которых нам еще предстоит вести речь в данном исследовании; это «Земля бессмертия», которая, естественно, отождествляется с земным Раем⁶⁸.

Возвращаясь к самому Граалю, напомним, что его основное значение ничем не отличается от того, которым наделен любой священный сосуд, где бы он ни встречался, и что на Востоке, например, жертвенная чаша содержала первоначально, как уже указывалось выше, ведическую сому или авестийскую хаому, т. е. «напиток бессмертия», дарующий «чувство вечности» тем, кто вкушает его с должным благоговением.

Рамки нашей работы не позволяют более подробно остановиться на символике этой чаши и ее содержимого — для должного развития этой темы потребовалось бы целое специальное исследование; однако только что сделанное нами замечание о соме может стать поводом для соображений, крайне важных для настоящего труда.

Глава VI

«МЕЛКИ-ЦЕДЕК»

Восточные традиции гласят, что в некоторые эпохи сома становится недосыгаемой, так что во время жертвенных обрядов ее приходится заменять другим напитком, являющимся лишь намеком на первозданную сому⁶⁹; эту роль чаще всего исполняло вино, которому греки посвятили большую часть своих сказаний о Дионисе⁷⁰. Вино нередко служит символом подлинной инициатической традиции: в еврейском языке слова *яин* (вино) и *сод* (тайна, мистерия) являются взаимозаменяемыми, поскольку имеют одно и то же числовое значение⁷¹; у суфиев вино символизирует эзотерическое знание, учение, предназначенное для избранных и недоступное первому встречному, подобно тому, как вино не каждый может пить безнаказанно. Отсюда следует, что употребление вина во время обряда придает ему отчетливый инициатический характер; именно таково «евхаристическое» жертвоприношение Мельхиседека⁷², на котором нам необходимо теперь остановиться.

«Мельхиседек» или, точнее, «Мелки-Цедек»,— это имя того персонажа, который выполняет функцию «Царя Мира» в иудеохристианской традиции. Мы, признаться, не без колебаний решаемся огласить этот факт, объясняющий одно из самых загадочных мест Библии, но опустить его не представлялось возможным, если уж мы взялись досконально разобрать вопрос о «Царе Мира». Нам остается лишь повторить слова ап. Павла, сказанные по сходному поводу: «О сем надлежало бы нам говорить много, но трудно истолковать, потому что вы сделали себя неспособными слушать»⁷³.

Прежде всего следует процитировать тот библейский текст, о котором идет речь: «И Мелхиседек, царь Салимский, вынес хлеб и вино,— он был священник Бога Всевышнего (Эль-Элион),— и благословил его (Аврама)⁷⁴ и сказал: благословен Аврам от Бога Всевышнего, который предал врагов твоих в руки твои. И Аврам дал ему десятую часть из всего»⁷⁵.

Мелки-Цедек, стало быть, предстает одновременно «царем и жрецом»; имя его означает «Царь Правосудия»; кроме того, он — царь Салема, Салем⁷⁶ же, как известно,— это «Град Мира». Таким образом, мы снова сталкиваемся здесь с «Правосудием» и «Миролюбием», двумя основными атрибутами «Царя Мира». Следует заметить, что слово *Салем*, вопреки распространенному мнению, никогда не служило обозначением реального города, но если принять его за символическое название обиталища Мелки-Цедека, то оно может считаться эквивалентным термину *Агартха*. Во всяком случае, было бы ошибкой вычитывать в этом слове древнее название Иерусалима, ибо оно звучало как «Йевус»; этот город стал именоваться Иерусалимом с тех пор, как евреи образовали там свой духовный центр, и он сделался зримым символом подлинного Салема; примечательно также, что Иерусалимский храм был основан не кем иным, как Соломоном, чье имя (Шломон), производное от *Салем*, означает «Миротворец».

Вспомним теперь, в каких выражениях апостол Павел комментирует слова Мелки-Цедека: «Ибо Мелхиседек, царь Салима, священник Бога всевышнего,— тот, который встретил Авраама и благословил его, возвращающегося после поражения царей, которому и десятину отделил Авраам от всего,— во-первых, по знаменованию имени царь Правды, а потом и царь Салима, т. е. царь мира, без отца, без матери, без родословия, не имеющий ни начала дней, ни конца жизни, уподобляясь Сыну Божию, пребывает священником навсегда»⁷⁷.

Мелки-Цедек изображается существом высшим по отношению к Аврааму, поскольку благословляет его («Без всякого же прекословия меньший благословляется большим»⁷⁸), а Авраам, со своей стороны, признает это старшинство, выделяя Мелки-Цедеку десятину добычи и подчеркивая таким образом свою зависимость. Здесь имеет место описание «инвеституры» почти в феодальном смысле этого слова, с тою лишь разницей, что речь идет об инвеституре духовного порядка; ко всему этому можно еще добавить, что именно здесь находится точка соприкосновения традиции еврейства с великой первозданной традицией. «Благословение», о котором идет речь, есть не что иное, как передача Аврааму некоего «духовного влияния», которым впредь будут определяться все его поступки; употребленная в библейском тексте фор-

мула указывает на то, что Авраам обретает непосредственную связь с «Богом Всевышним», которого он впоследствии во время молитв отождествляет с Иеговой⁷⁹. Насколько Мелки-Цедек выше Авраама, настолько Бог Мелки-Цедека, «Всевышний» (*Эль-Элион*), выше «Всемогущего» (*Шаддаи*), который был Богом Авраама; иными словами, первое из этих имен отражает более высокий аспект божества, нежели второе. С другой стороны, крайне важно то еще никем до сих пор не подмеченное обстоятельство, что Эль-Элион эквивалентен Эммануилу, поскольку оба эти имени имеют одинаковое числовое значение⁸⁰; это позволяет непосредственно связать историю Мелки-Цедека с историей «царей-волхвов», о которых уже говорилось выше. Более того, если священство Мелки-Цедека — это священство Эммануила, и если Эль-Элион — это и есть Эммануил, то оба эти вида священства составляют единое целое, и христианское священство, включающее в себя евхаристический обряд причастия хлебом и вином, поистине является священством «по чину Мелхиседека».

Иудеохристианская традиция различает два вида священства — «по чину Аарона» и «по чину Мелхиседека», причем второе настолько же выше первого, насколько Мелхиседек выше Авраама, ишедшего из колена Левия и, следовательно, из рода Аарона⁸¹. Это превосходство отчетливо выражено в нижеследующих словах апостола Павла: «И, так сказать, сам Левий, принимающий десятины, в лице Авраама дал десятину»⁸². Не вдаваясь в дальнейшие подробности, относящиеся к значению обоих видов священства, ограничимся еще одним отрывком из апостола Павла: «И здесь (в священстве Левия) десятины берут люди смертные, а там — имеющий о себе свидетельство, что он живет»⁸³. Этот «живой человек», Мелки-Цедек, является не кем иным, как Ману, и в самом деле «существующим вечно» (по-еврейски «лолам»), т. е. в течение всего своего цикла (Манвантары), до тех пор пока существует мир, которым он правит. Вот почему он лишен «родословия» — ведь его происхождение «нечеловеческое», поскольку он сам — прообраз человека; он и в самом деле «подобен сынам Божиим», поскольку, согласно провозглашаемому им закону, он служит для этого мира образом и подобием божественного Слова⁸⁴.

Нам остается сделать еще несколько замечаний по данной теме, и прежде всего такое: в истории «царей-волхвов»

мы видим трех различных персонажей, являющихся владыками инициатической иерархии, тогда как в истории Мелки-Цедека перед нами предстает всего лишь одно лицо, объединяющее в себе соответствующие аспекты всех трех чинов. Вот почему некоторые каббалисты различали Адони-Цедека, «Владыку Справедливости», который в каком-то смысле раздваивался на Коген-Цедека, «Жреца Правосудия» и Мелки-Цедека, «Царя Правосудия»; эти три аспекта его сущности можно соотнести с функциями Брахатмы, Махатмы и Маханги⁸⁵. И хотя Мелки-Цедек в данном случае оказывается всего-навсего воплощением третьего аспекта, обычно его имя в широком смысле прилагается ко всей их совокупности, а если оно предпочитается всем остальным, то лишь потому, что воплощаемая им функция теснее всего связана с внешним миром, т. е. проявлена более непосредственно. Кроме того, следует заметить, что такие титулы, как «Царь Мира» и «Царь Справедливости», непосредственно намекают только на царственное достоинство их обладателей; сходные выражения встречаются в Индии, где титул *Дхарма-Раджа* является буквальным эквивалентом Мелки-Цедека⁸⁶.

Рассматривая имя Мелки-Цедек в его самом прямом смысле, вспомним, что атрибутами «Царя Справедливости» считаются весы и меч; те же самые атрибуты присущи и Михаилу как «Ангелу Суда»⁸⁷. В социальном плане эти две эмблемы соответствуют двум функциям — административной и военной, которые являются привилегией кшатриев и представляют из себя два составных элемента царской власти. В иероглифическом смысле они соответствуют двум знакам, передающим семитический корень «Хак», которым выражаются одновременно понятия «Справедливости» и «Истины»⁸⁸, а у некоторых народов древности — и понятие царской власти⁸⁹. Хак — это сила, подтверждающая Справедливость, т. е. равновесие, символизируемое весами, тогда как сила изображается в виде меча⁹⁰. К этому и сводится основная роль царской власти, являющейся в духовном плане силой Истины. Следует добавить, что существует вторая, смягченная форма корня Хак, в которой главный упор делается не на материальную, а духовную силу; эта форма служит для обозначения «Мудрости» (по-еврейски Хохма) и, таким образом, более соответствует царской власти, нежели жреческому владычеству. Это подтверждается и тем фактом,

что обе соответствующие формы, каждая со своим смыслом, содержатся в корне *кан*, который в весьма различных языках обозначает также такие понятия, как «сила», «власть» и «знание». *Кан* — это прежде всего духовная или интеллектуальная власть, аналогичная Мудрости (отсюда еврейское *Коген* — «мудрец», «жрец», «священник»); в иной огласовке — это власть материальная (откуда-различные слова, выражающие идею «обладания», включая имя *Каина*)⁹¹. Эти корни вкупе с их производными могли бы послужить темой и для многих других рассуждений, но мы вынуждены ограничиться лишь теми из них; которые имеют непосредственное отношение к нашей теме.

В дополнение к вышесказанному вернемся еще раз к кабалистическим представлениям о Шехине: она пребывает в «нижнем мире» и олицетворяется последним из десяти сефиротов, носящим имя *Малкут*, т. е. «Царство»; наименование это само по себе заслуживает интереса с той точки зрения, которую мы занимаем, но еще интересней то, что среди синонимов, иногда прилагаемых к слову *Малкут*, встречается *Цедек*, т. е. «Праведник»⁹². Эта связь между Малкутом и Цедком, или между Царской властью и Справедливостью, точнеешим образом отражается в имени Мелки-Цедека. Здесь речь идет о распределяющей и уравнивающей Справедливости, олицетворяемой «срединным стволом» сефиротического древа; ее следует отличать от Справедливости, противоположной Милосердию и равнозначной тому понятию Строгости, которое отражено в «левом стволе», ибо в данном случае мы имеем дело с двумя различными аспектами этого символа, выражаемыми по-еврейски разными словами: *Цедака* и *Дин*. Только первый из этих аспектов, т. е. Справедливость в самом точном и самом полном смысле этого слова, включающего в себя идею равновесия и гармонии, нерасторжимо связан с понятием Мира.

Малкут — это «вместилище вод вышней реки, т. е. всех божественных эманации и благодатных духовных влияний»⁹³. Эта «вышняя река» и несомые ею воды странным образом напоминают роль, приписываемую небесному потоку Ганге в индусской традиции; кроме того, можно заметить, что Шакти, одним из аспектов которой является Ганга, представляет некоторые аналогии с Шехиной хотя бы в силу присущей им обеим «провиденциальной» сущности. «Вместилище небесных вод» идентично духовному центру наше-

го мира: из него на все четыре стороны света истекают четыре реки Пардеса. Евреи отождествляли этот духовный центр с холмом Сиона, к которому прилагалось название «Сердце Мира»: в каком-то смысле он служил для них эквивалентом индусской горы Меру и почитаемой иранцами горы Алборж⁹⁴: «Это Скиния святости Иеговы, обиталище Шехины, Святая святых храма, расположенного в сердцевине Сиона (Иерусалима), который, в свою очередь, знаменует собой средоточие земли Израильской, а та является центром всего мира»⁹⁵. Можно продолжить это перечисление, расположив его элементы в обратном порядке: Скиния во Храме, Ковчег Завета в Скинии, Шехина (меж двух херувимов) в Ковчеге — все это ступени, приближающие нас к «духовному полюсу» мира.

Нам уже случалось говорить⁹⁶, что именно таким образом — в виде «духовного полюса» — изображен Иерусалим в поэме Данте, но, отклоняясь от чисто иудаистской точки зрения на этот предмет, уже невозможно вести речь о точной его локализации, которая обретает чисто символический характер. Все второстепенные духовные центры, образованные в целях приспособления первозданной традиции к определенным условиям, представляют собой, как мы уже указывали, образы этого высшего центра; Сион в действительности может быть всего лишь одним из таких вторичных центров, однако в силу данного соответствия он вправе символически отождествлять себя с высшим центром. Иерусалим, как показывает его имя, и впрямь является образом истинного Салема; понимание этого вопроса облегчается как тем, что мы уже сказали, так и тем, что нам еще предстоит сказать о «Святой Земле». Выражение «Земля Живых» обозначает «обитель бессмертия» и, таким образом, может в самом прямом и строгом смысле относиться к земному Раю или его символическим эквивалентам; но то же самое название вполне приложимо и к вторичным «Святым Землям», в частности, к земле Израиля. В текстах Каббалы говорится, что «Земля Живых» включает в себя семь областей, исходя из чего г-н Вьюар заключает, что «земля эта — не что иное, как Ханаан, где обитало семь народов»⁹⁷. Это, разумеется, верно в буквальном смысле, но символически эти области, как и их исламские аналоги, вполне могут соответствовать семи «двипа», расположенным, согласно индусской традиции, вокруг священной горы Меру. Точ-

но так же обстоит дело с древними мирами или творениями, предшествовавшими нашему, которые олицетворяются «семью царями Едома» (число 7 напоминает о семи «днях» творения); поразительные соответствия такого рода просто не могут быть случайными — вспомним хотя бы о семи Ману, сменявших друг друга от начала калпы до современной эпохи⁹⁸.

«ЛУЗ», ИЛИ ОБИТЕЛЬ БЕССМЕРТИЯ

Традиции, связанные с «подземным миром», встречаются у многих народов; мы не намереваемся рассматривать их целиком, тем более что некоторые из них не имеют прямого отношения к нашей теме, однако можно заметить, что культ пещер всегда более или менее тесно связан с понятием «внутреннего» или «срединного» пространства и что с этой точки зрения символика пещеры и символика сердца имеют между собой немало общего". Вполне допустимо, что в Центральной Азии, в Америке, а возможно и где-нибудь еще, существуют вполне реальные пещеры и подземелья, в которых из века в век действуют инициатические центры; однако для нас интересны не сами эти факты, а их символическая подоплека. Позволительно даже думать, что именно причины символического порядка, а не простое стремление к скрытности, обусловили выбор подземелий в качестве местопребывания духовных центров. Сент-Ив, возможно, и мог бы прояснить данную символику, но не сделал этого, отчего некоторые места его книги принимают прямо-таки фантазмагорический оттенок; что же касается г-на Оссендовского, то он оказался явно не способен возвыситься над буквальным смыслом того, что ему рассказывали.

Среди традиций, на которые мы только что намекнули, особый интерес представляет та, что касается таинственного города Луз¹⁰⁰. Первоначально это слово служило наименованием местности, где Иаков видел свой вещий сон, после чего нарек ее Вефилем, т. е. «Домом Божиим»¹⁰¹. Кабалистические источники гласят, что «Ангел смерти» не в силах проникнуть в этот город и не имеет над ним никакой власти; по странному, но весьма замечательному совпадению некоторые из этих источников утверждают, что Луз расположен рядом с горой Алборж, которая у древних иранцев считалась «обителью бессмертия».

У стен Луза, говорится далее, произрастает миндальное дерево (по-еврейски также называемое луз), среди корней которого скрыт подземный ход¹⁰², ведущий в город, куда не существует иного доступа. Слово луз во всех своих значениях происходит от корня, обозначающего нечто потаенное, скрытое, огражденное, молчаливое, тайное; интересно заметить, что слова, обозначающие в некоторых языках Небо, имели первоначально тот же смысл. Латинское слово *coelum* обычно сближают с греческим *koilon* («полный»), которое также может иметь связь с пещерой, тем более, что Варрон подчеркивает эту связь в выражении *a caelo coelum*, но следует заметить, что самая древняя и самая, быть может, точная форма этого слова — *caelum*, весьма близка к глаголу *caelare*, «прятать», «скрывать». С другой стороны, имя санскритского божества Варуны происходит от корня «вар», «покрывать» (то же значение имеет корень *kal*, с которым связан латинский глагол *celare*, в иной огласовке — *caelare* и его греческий синоним *kalupteih*^m) греческий Уранос — не что иное, как Варуна, поскольку частица *ua* легко переходит в *ig*. Эти слова, стало быть, могут служить обозначением для того, что «покрывает»¹⁰⁴ «прячет»¹⁰⁵, но также и для того, что «сокрыто», причем этот последний смысл двойствен: он прилагается и к сокровенному, сверхчувственному миру, и к тем периодам сокрытия или помрачения традиции, когда она перестает проявляться внешним образом, и «небесный мир» становится тогда «подземным миром».

Можно установить и иные точки соприкосновения города Луз с Небом: Луз называется «голубым городом», а этот цвет, цвет сапфира¹⁰⁶, является также небесным цветом. В Индии говорится, что голубизна небосвода — это отражение южной грани горы Меру, которая обращена в сторону *Джамбу-двипы* и состоит из сапфира; легко понять, что речь здесь идет о той же самой цветовой символике. Джамбу-двипа — это не только Индия, как обычно считается, но и вся совокупность земного мира в его современном состоянии; этот мир и в самом деле можно считать расположенным к югу от горы Меру, поскольку сама она идентифицируется с северным полюсом¹⁰⁷. Семь *двипа* (слово это буквально значит «остров» или «материк») последовательно возникают в течение определенных циклических периодов, так что каждый из них является земным миром соответствующего периода; их совокупность образует подобие лотоса, сердцевин-

ной которого служит Меру; каждый из этих «лепестков» ориентирован на одну из семи стран света¹⁰⁸. Семь граней горы Меру, обращенные ко всем семи двипа, расцвечены соответствующими цветами радуги¹⁰⁹, синтез их дает белый цвет, повсюду символизирующий верховную духовную власть¹¹⁰; белизна и является цветом самой Меру (впоследствии мы увидим, что она известна под названием «Белая гора»), тогда как все остальные цвета представляют собой только его аспекты по отношению к различным двипа. Может показаться, что периоду манифестации каждой двипа соответствует различное положение горы Меру, на самом же деле она неколебима, меняется лишь ориентация земного мира по отношению к ней в зависимости от того или иного периода.

Но вернемся к европейскому слову *луз*, внимательней рассмотрев различные его значения. В самом распространенном смысле оно значит «миндальная косточка» (а также «миндальное дерево»), или «ядрышко»; а ведь ядро — это по сути своей нечто внутреннее и потаенное, полностью скрытое, откуда недалеко до идеи «недостигаемости», «неуязвимости»¹¹¹, которая присутствует и в имени Агартхи. Тем же словом *луз* обозначается некая неразрушимая телесная частица символически представляемая в виде очень твердой косточки, в которой пребывает душа после смерти до самого воскресения. Как ядрышко содержит в себе семя, а кость — костный мозг, так частица *луз* служит вместилищем потенциальных элементов, необходимых для воскресения человеческого существа; воскресение это свершается под воздействием «небесной росы», возвращающей к жизни иссохшие кости, на что ясно указывают слова апостола Павла: «Так и при воскресении мертвых: сеется в тлении, восстает в нетлении; сеется в уничтожении, восстает в славе»^{1,2}. Здесь, как и всегда, «слава» соотносится с Шехиной, т. е. с отсветом высшего мира, к которому, как мы видели выше, «небесная роса» имеет самое непосредственное отношение. Будучи нетленным¹¹³, *Луз* в человеческом существе играет роль «ядрышка бессмертия», подобно тому как местность, обозначаемая тем же словом, является «обителью бессмертия»: и там, и здесь пресекается власть «Ангела смерти». *Луз* — это в некотором роде зародыш бессмертного существа¹¹⁴, его можно сравнить с куколкой, откуда

появляется бабочка¹¹⁵, причем сравнение это точнейшим образом передает роль частицы луз при воскрешении.

Считается, что луз расположен в нижней части позвоночного столба; такая локализация могла бы показаться довольно странной, если бы вопрос не прояснился параллелью с некой силой, которая в индусской традиции называется *кундалини*¹¹⁶ и соответствует той форме *шакти*, которая имманентна человеческому существу¹¹⁷. Кундалини — это внутренняя энергия, изображаемая в виде змеи, свернувшейся клубком в том месте «тонкой» человеческой телесности, которое соответствует нижней части позвоночника; по крайней мере, так обстоит дело с обычными людьми. В ходе занятий хатха-йогой или иными дисциплинами подобного рода, это змея пробуждается, расправляет свои кольца и ползет вверх сквозь систему «колес» (*чакра*) или «лотосов» (*комола*), сопоставимых с различными нервными сплетениями, стремясь достичь области «третьего глаза», т. е. фронтального ока Шивы. Эта стадия соответствует возврату в «первозданное состояние», когда человек вновь обретает «чувство вечности» и тем самым достигает «потенциального бессмертия». Вплоть до этой фазы мы все еще пребываем в человеческом состоянии, но когда кундалини окончательно достигает венца головы¹¹⁸, можно уже говорить о подлинном переходе к высшим состояниям бытия. Подчеркнем напоследок, что локализация частицы луз в нижней части организма соответствует состоянию отдельного «падшего человека», тогда как для всей совокупности земного человечества она равнозначна перемещению высшего духовного центра в «подземный мир»¹¹⁹.

Глава VIII

ВЫСШИЙ ЦЕНТР, СОКРЫТЫЙ В ПЕРИОД «КАЛИ-ЮГИ»

Известно, что Агартха не всегда была и не вечно будет подземным центром; придет время, когда, по словам г-на Оссендовского, «народы Агартхи выйдут на поверхность земли из своих пещер»¹²⁰. Перед тем, как скрыться из видимого мира, этот центр назывался по-иному, ибо в ту пору ему не подходило название *Агартха*, что значит «недосягаемая» или «неуязвимая». Г-н Оссендовский уточняет, что Агартха стала незримой более шести тысяч лет назад; именно этой дате приблизительно соответствует начало Кали-юги, или «черной эпохи», «железного века», последнего из четырех периодов, на которые разделяется *Манвантара*¹²¹ / повторное появление Агартхи должно совпасть с концом этого периода.

Выше мы говорили о встречающихся в каждой традиции намеках на нечто утерянное или сокровенное, передаваемое лишь посредством различных символов; в более общем смысле, касающемся совокупности всего земного человечества, эти намеки относятся прежде всего к условиям Кали-юги. Переживаемый нами период — это период помрачения и смятения¹²²; покуда присущие ему обстоятельства не изменятся, инициатические знания по необходимости останутся скрытыми, чем и объясняется характер «мистерий» так называемой «исторической» античности (не восходящей даже к началу данного периода)¹²³ и тайных организаций разных народов, организаций, обеспечивающих эффективное посвящение там, где еще сохраняется подлинная инициатическая доктрина, но способных осуществить разве что намек на такое посвящение, когда дух этой доктрины перестает животворить символы, служащие ее высшим выражением. Причина этого в том, что данные организации порвали всякую сознательную связь с духовным центром мира, утратив тем самым традицию, приспособленную для того или иного вторичного центра.

Стало быть, как уже отмечалось выше, здесь уместно говорить не о чем-то безвозвратно потерянном, а лишь о скрытом и потаенном, ибо вовсе не потеряно для большинства то, что во всей полноте еще хранится немногими, а коль скоро это так, большинство не лишилось возможности обретения утраченного, стоит ему только взяться за поиски, направив свою интенцию на создание такого гармонического настроя, который, в силу закона «действия и противодействия»¹²⁴, поможет восстановить эффективную связь с высшим духовным центром¹²⁵. В каждой из традиционных форм эта направленность интенции имеет свое символическое выражение; сюда относится, в частности, ритуальная ориентация, совпадающая с направлением в сторону духовного центра, который в любом случае рассматривается как образ подлинного «Центра Мира»¹²⁶. По мере углубления в Кали-югу связь с этим центром, скрытым и потаенным, становится все более трудной, а вторичные центры, служащие его внешним отражением, встречаются все реже и реже, и, однако, с окончанием этого периода традиция должна будет вновь проявиться во всей полноте, поскольку начало каждой Манвантары, совпадающей с концом предыдущей, непреложно включает в себя возврат земного человечества к «первозданному состоянию»¹²⁷.

В теперешней Европе не существует никаких регулярных организаций, поддерживающих сознательную связь с этим духовным центром; такое положение длится уже много веков, хотя надо сказать, что разрыв не был внезапным, а растянулся на несколько последовательных фаз¹²⁸, первая из которых восходит к 14 веку. В свое время нам уже приходилось говорить о роли, которую играли рыцарские ордена, осуществлявшие связь между Востоком и Западом, связь тем более многозначительную, что центр, о котором идет речь, по крайней мере в историческую эпоху, считался расположенным где-то на Востоке. После уничтожения Ордена Храмовников эту связь, хотя и не столь явным образом, продолжало осуществлять то общество, которое впоследствии стало известно под именем Розенкрейцеров. Ренессанс и Реформация стали еще одной критической фазой этого процесса, и наконец, как верно указывает Сент-Ив, полный разрыв совпал с Вестфальским договором 1648 г., положившим конец Тридцатилетней войне. Многие авторы утверждают, что вскоре после окончания этой войны истин-

ные Розенкрейцеры покинули Европу и переселились в Азию; напомним, кстати, что число их адептов равнялось двенадцати, т. е. соответствовало числу членов внутреннего круга Агартхи, да и любого духовного учреждения, образованного наподобие этого высшего центра.

Начиная с того времени сокровищница подлинных инициатических знаний перестала быть достоянием Запада; отныне Сведенборг мог с полным правом утверждать, что «Потерянное слово» надлежит искать у мудрецов Татарии и Тибета, в тех таинственных областях, где располагается «Гора пророков» из видений Анны Катерины Эммерих. Остается добавить, что те фрагментарные сведения на сей счет, которые удалось собрать г-же Блаватской, не понимавшей, впрочем, их истинного значения, породили в ее голове идею «Великой Белой Ложи», которую можно считать всего лишь карикатурой и жалкой пародией на образ Агартхи¹²⁹.

«ОМФАЛОО И БЕТИЛЫ»

Согласно свидетельству Оссендовского, в былые времена «Царь Мира» неоднократно являлся в Индии и Сиаме, благословляя народ золотым яблоком, которое было увенчано агнцем¹³⁰; эта деталь обретает особое значение, если сопоставить ее с тем, что говорит Сент-Ив относительно «Цикла Агнца или Тельца»¹³¹. С другой стороны, и это не менее примечательно, в христианской символике встречаются бесчисленные изображения Агнца, стоящего на горе, с которой текут четыре потока, заведомо идентичных четырем рекам земного рая. Выше мы говорили, что до начала Кали-юги Агартха именовалась по-иному; она носила название *Парадеша*, по-санскритски означающее «горнее место», что вполне приложимо к любому духовному центру или «Сердцу Мира»; у халдеев это слово превращалось в *Пардес*, а у европейских народов — в *Парадиз*. Таков первоначальный смысл последнего слова, которое во всех своих огласовках аналогично Пардесу еврейской Каббалы.

Если же мы еще раз обратимся к символике «Полюса», то увидим, что гора земного Рая идентична «полярной горе», которая под различными наименованиями известна почти во всех традициях: мы уже упоминали индусскую Меру, персидский Алборж, Монсальват из европейских легенд о Граале, назовем, кроме того, арабскую гору Каф¹³² и даже греческий Олимп, который со многих точек зрения имеет то же значение. Во всех этих случаях имеется в виду область, которая, подобно земному Раю, стала недоступной для обычного человечества и которой не страшны никакие катастрофы, потрясающие мир в конце определенных циклических периодов. Эту область поистине можно считать «горним местом»; к тому же, согласно некоторым ведическим и авестийским текстам, первоначально ее местоположение и впрямь было полярным в буквальном смысле слова, и какие бы изменения ни претерпела ее локализация

в течение различных фаз истории земного человечества, в символическом смысле она всегда остается полярной, поскольку представляет собой не что иное, как недвижную ось, вокруг которой свершается круговращение вещей.

Гора служила естественным символом «Центра Мира» до начала Кали-юги, т. е. существовала в некотором роде открыто и еще не была подземной; таково ее «нормальное состояние» до наступления «темного периода», чьи особые обстоятельства влекут за собой ниспровержение установленного порядка. Следует, впрочем, заметить, что вне зависимости от этих обстоятельств, служащих отражением циклических законов, символы горы и пещеры в равной мере имеют право на существование, тем более что они взаимодополняют друг друга¹³³; кроме того, пещера может располагаться как внутри самой горы, так и непосредственно под ней.

Известны и другие символы, соответствующие в древних традициях «Центру Мира»; самым примечательным среди них является *Омфалос*, что значит «пуп», но в широком смысле служит также для обозначения любой центральной точки, например, ступицы колеса. Столь же многозначно санскритское слово *набхи* и происходящие от того же корня (*наб-нав*) слова в кельтских и германских языках¹³⁴. С другой стороны, в галльском языке слово *нав* или *наф*, явно идентичное тем, что указаны выше, обозначает «вождя» и прилагается даже к Богу, т. е. выражает смысл Первоначала¹³⁵. С этой точки зрения особенно важен смысл «ступицы», поскольку колесо повсюду рассматривается как символ Мироздания, свершающего круговорот вокруг недвижной оси, символ, который можно поэтому сопоставить со свастикой; разница в том, что в фигуре свастики окружность, изображающая проявленное бытие, только подразумевается, тогда как центр обозначен явственно: таким образом, свастику следует считать не символом мира, а схемой воздействия Принципа на мир.

Символ *Омфалоса* мог располагаться в том месте, которое служило всего-навсего центром определенной области, скорее, впрочем, духовным, нежели географическим, хотя оба эти значения зачастую совпадали; но, как бы там ни было, для народа, жившего в данной области, эта точка являлась зримым образом «Центра Мира», подобно тому как традиция этого народа была лишь модификацией первоизданной традиции, наилучшим образом приспособленной

к его образу мыслей и условиям существования. Более всего известен Омфалос Дельфийского храма; храм этот и впрямь был духовным центром Древней Греции¹³⁶, именно в нем дважды в год собирался совет Амфикионов, состоявший из представителей всех греческих народов и служивший единственной реальной связью между ними, связью, чья сила основывалась на ее традиционном характере.

Материальным выражением Омфалоса служил обычно священный камень, часто называемый «бетилом»; это слово, скорее всего, родственно еврейскому имени «Вефиль» (*Бейт-эль*, «Дом Бога»), которым Иаков нарек то место, где во сне явился Господь: «Иаков пробудился от сна своего и сказал: истинно Господь присутствует на месте сем; а я не знал! И убоился, и сказал: как страшно сие место! Это не иное что, как дом Божий,— это врата небесные. И встал Иаков рано утром, и взял камень, который он положил себе изголовьем, и поставил его памятником, и возлил елей на верх его. И нарек имя месту тому: Вефиль, а прежнее имя того города было: «Луз». Выше мы уже объяснили значение слова *Луз*; что же касается имени Вефиль (*Бейт-эль*, «Дом Бога»), то впоследствии оно превратилось в название Вифлеема (*Бейт-Леем*, «Дом Хлеба»), того самого города, где родился Христос¹³⁷; символическое соответствие между камнем и хлебом настолько знаменательно, что заслуживает особого внимания¹³⁸. Кроме того, следует отметить, что имя *Бейт-эль* прилагается не только к местности, но и к самому камню: «Этот камень, который я поставил памятником, будет домом Божиим»¹³⁹. Стало быть, именно этот камень должен служить таким же «божественным обиталищем» (*мишкан*), как впоследствии Скиния Завета, т. е. местом пребывания Шехины; все это естественным образом связано с вопросом о «духовных влияниях» (беракот) так что, когда речь идет о «культе камней», встречавшемся у стольких народов древности, следует помнить, что он был обращен не к самим камням, а к Божеству, избравшему их в качестве своего пребывания.

Камень, изображающий Омфалос, мог иметь форму столба, как в библейском рассказе об Иакове; весьма возможно, что некоторые менхиры кельтских народов имели именно такое значение; возле таких камней изрекались оракулы, как было в Дельфах, что вполне объяснимо, поскольку камни эти считались обиталищем Божества; впрочем, «Дом Бо-

га» вполне естественно идентифицируется с «Центром Мира». Омфалос мог быть также камнем яйцеобразной или конической формы, как черный камень Кибелы; конус напоминает священную гору, символ «Полюса» или «Мировой Оси»; что касается яйцевидных камней, то они непосредственно соотносятся с другим важнейшим символом,— символом «Мирового Яйца»¹⁴⁰. Следует еще добавить, что если обычно Омфалос был каменным, то иногда он мог представлять из себя просто-напросто земляной бугор, нечто вроде кургана, что тоже является одним из образов священной горы; так, в Китае в центре каждого царства или провинции некогда воздвигались четырехгранные пирамиды, сложенные из земли «пяти областей»: каждая из граней соответствовала одной из сторон света, а вершина — центру мира¹⁴¹.

Как ни странно, сходное деление на «пять областей» встречалось и в Ирландии, где вертикально стоящий «камень вождя» так же воздвигался в центре каждого удела.

Среди кельтских стран именно в Ирландии зафиксировано самое большое количество данных относительно омфалосов; в древности эта страна была разделена на пять королевств, одно из которых носило название *Мид* (сохранившееся в англизированной форме *Meath*), оно происходит от древнего ирландского слова «*medior*», «середина», идентичного латинскому *medius*¹⁴². Королевство Мид, образованное из территорий, принадлежащих четырем другим королевствам, было собственным владением верховного короля Ирландии, которому подчинялись все остальные¹⁴³. В Уснехе, располагавшемся почти точно в центре страны, был воздвигнут огромный камень, именовавшийся «пупом Земли», а также «камнем уделов», поскольку он находился в том месте, где сходились пограничные линии всех четырех первоначальных королевств. Вокруг него ежегодно, в первый день мая, собирался всеобщий совет, схожий с ежегодным сборищем друидов в «срединном священном месте» (*medio-lanon* или *medio-nemeton*) Галии, в стране карнутов, или с упоминавшимся выше собранием Амфиктионов в Дельфах. Это деление Ирландии на четыре королевства с добавлением срединной области, являющейся резиденцией верховного вождя, связано с традициями седой древности. Именно поэтому Ирландия называлась «островом четырех Владык»¹⁴⁴, но это наименование, так же, как и другое,— «Зеленый остров» (*Эрин*), прилагалось первоначально к другой земле,

расположенной куда севернее, ныне неизвестной и, быть может, исчезнувшей: речь идет об Огигии или, скорее, Туле, которая была одним из главных, если не самым главным духовным центром определенного периода. Память об этом «острове четырех Владык» сохранилась даже в китайской традиции, на что, как нам кажется, никто еще не обращал внимания. Приведем соответствующий даосский текст: «Императору Яо казалось, что он — идеальный правитель. Но посетив четырех Владык на далеком острове Ку-ши [населенном «истинными людьми», чэн-жэнь, т.е. людьми, вернувшимися в «первозданное состояние»], он признал, что ему до них далеко. Ведь идеал — это безразличие [или, вернее, отрешенность, «деяние посредством недеяния»] истинного человека, вращающего космическое колесо»¹⁴⁵. С другой стороны, «четверо Владык» идентичны четырем махараджам, или «великим царям», которые, согласно традициям Индии и Тибета, предстоят четырем сторонам света¹⁴⁶; в то же время они соответствуют четырем элементам: в таком случае пятый, верховный Владыка, царящий в центре, на священной горе, олицетворяет собой эфир (*Акаша*), или «квинтэссенцию» герметистов, т. е. первоэлемент, из которого происходят четыре остальных¹⁴⁷; аналогичные традиции встречаются также в Центральной Америке.

Глава X

НАЗВАНИЯ И СИМВОЛИЧЕСКИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ДУХОВНЫХ ЦЕНТРОВ

Говоря о «вышней области», мы могли бы привести немало согласующихся между собой свидетельств, относящихся к другим традициям; вспомним, в частности, еще одно наименование этой области, возможно, куда более древнее, чем *Парадеша*. Это наименование — *Тула*, которое, у греков превратилось в *Thule* — как мы вскоре убедимся, эта *Thule*, по всей вероятности, первоначально идентична «острову четырех Владык». Следует, впрочем, заметить, что название *Тула* вплоть до наших дней встречается в самых разных точках Земли — от Центральной России до Центральной Америки; можно предположить, что каждая из этих точек в более или менее отдаленную эпоху служила местопребыванием духовной власти, являющейся как бы эманацией владычества первозданной Тулы. Известно, что мексиканская Тула была основана тольтеками, выходцами из Ацтлана, «земли среди вод», под которой, разумеется, следует понимать Атлантиду; они принесли имя Тулы со своей прародины и дали его тому центру, который, возможно, должен был в какой-то мере заменить погибший материк¹⁴⁸. Но, с другой стороны, следует отличать Тулу атлантов от Тулы гипербореев, которая и в самом деле представляет собой первый и наивысший центр для совокупности человечества теперешней Манвантары; именно она была тем «священным островом», и, как говорилось выше, первоначально занимала полярное положение не только в символическом, но и в буквальном смысле слова. Все другие «священные острова», повсюду обозначаемые именами со схожими значениями, были только образами этого острова; это приложимо даже к духовному центру атлантской традиции, которая существовала в течение вторичного исторического цикла, включенного в Манвантару¹⁴⁹.

Слово «*Тула*» на санскрите означает «весь» и, в частности, употребляется для обозначения одноименного созвездия.

дия; но, следует помнить, что, согласно китайской традиции, небесными Весами считалась первоначально Большая Медведица¹⁵⁰. Это замечание крайне важно, ибо символика, относящаяся к Большой Медведице, естественным образом связана с Полюсом¹⁵¹; к сожалению, мы не имеем возможности далее углубляться в эту тему, достойную отдельного исследования¹⁵². Здесь можно было бы также рассмотреть соотношение между полярным и зодиакальным созвездием Весов, которое считалось «знаком Суда»; то, что говорилось выше по поводу Мелки-Цедека о весах как атрибуте Правосудия, помогает понять, что название это служило обозначением высшего духовного центра.

Тула именовалась еще «белым островом», а мы уже говорили, что именно этот цвет указывает на духовное владычество; в американских традициях Ацтлан символизируется белой горой, но символ этот прилагается прежде всего к гиперборейской Туле и к «полярной горе». В Индии «белый остров» (*Швета-двина*), помешавшийся обычно в дальних северных краях¹⁵³, считался «обителью Блаженных», что позволяет сопоставить его с «Землей Живых»¹⁵⁴. Существует, впрочем, одно явное исключение: кельтские традиции чаще всего упоминают о «зеленом острове» как об острове «Святых» или «Блаженных»¹⁵⁵. Однако в центре этого острова высится белая гора с пурпурной вершиной¹⁵⁶, которую, как говорится в сагах, «не зальет никакой потоп»¹⁵⁷. Эта «солнечная гора», как ее еще называли, — не что иное, как Меру, ведь Меру — тоже «белая гора», окаймленная полосой зелени, поскольку она высится среди моря¹⁵⁸, а на вершине ее блещет световой треугольник.

К названиям духовных центров, связанным с образом «белого острова» (этот образ, как и другие, приложим не только к высшему, но и к второстепенным духовным центрам), примыкают имена стран, местностей и городов, также отражающих идею белизны. Таких имен множество — от Альбиона до Албании, не говоря уже об Альба-Лонге, которая была как бы прообразом Рима, и других античных городах¹⁵⁹, носивших сходные названия, — достаточно вспомнить Аргос¹⁶⁰ в Древней Греции; о смысле всех этих фактов мы поговорим чуть позже.

А пока сделаем еще одно замечание относительно духовного центра, изображаемого в виде острова со «священной горой». Такая локализация могла иметь место в реальной

действительности (хотя, разумеется, не все «Святые Земли» были островами), но суть дела состоит не в этом, а в символическом значении данного местоположения. Даже исторические факты, не говоря уже о событиях священной истории, служат лишь отражением истины высшего порядка в силу закона соответствий, являющегося подлинным основанием всякой символики и объединяющего все миры в единое и гармоническое целое. Образ острова и горы на нем в первую очередь отражает идею «стабильности», о которой мы упоминали выше в связи с символикой «Полюса»: остров неколебимо выситя среди вечно бушующих волн, служащих изображением «внешнего мира»: нужно пересечь это «море страстей», чтобы добраться до «Горы спасения», «Святыища Мира»¹⁶¹.

Глава XI

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ДУХОВНЫХ ЦЕНТРОВ

В предыдущих главах мы почти не касались вопроса о реальной локализации «вышней области», вопроса исключительной сложности, но представляющегося довольно второстепенным с той точки зрения, которую мы избрали. Можно было бы рассмотреть многочисленные случаи последовательных локализаций, соответствующих различным временным циклам, которые, в свою очередь, являются подразделами Манвантары; если бы, каким-то образом оказавшись вне времени, можно было обозреть всю его протяженность, нам открылся бы иерархический порядок этих локализаций, соответствующий складу традиционных форм, которые, в конечном счете, являются не чем иным, как ответвлениями основной и первозданной традиции, доминирующей в течение всей Манвантары. С другой стороны, напомним еще раз, что помимо главного центра и одновременно с ним могут существовать и многие другие связанные центры, которые, будучи более внешними, выглядят в силу этого и более явными, нежели высший центр¹⁶².

По поводу этого пункта мы уже отметили, в частности, сходство Лхасы, центра ламаизма, с Агартхой; теперь можно добавить, что даже на Западе до сих пор существуют два города, чьи топографические особенности в каком-то смысле роднят с Лхасой: это Рим и Иерусалим (о последнем мы уже говорили, что он и в самом деле был в свое время зримым образом таинственного Салема, резиденции Мелки-Цедека). Дело в том, что в древности, как уже подчеркивалось выше, существовала особая отрасль знания, которую можно назвать священной или жреческой географией; расположение городов и храмов было отнюдь не произвольным, а определялось в соответствии с точными законами¹⁶³; отсюда можно вывести наличие связей, существовавших между «священным» и «царским» искусством и творчеством тогдашних зодчих¹⁶⁴, а также понять причины, в силу кото-

рых древние корпорации были хранителями подлинной инициатической традиции¹⁶⁵. Более того: соотношение между основанием того или иного города и той или иной доктрины (или новой традиционной формы, приспособленной к определенным условиям эпохи и местности) было таким, что первое часто мыслилось символом второго¹⁶⁶. Внешне естественно, что при основании города, который должен был стать, в том или ином смысле, метрополией целой части света, требовалось соблюдение особых предосторожностей; с этой точки зрения заслуживают особого интереса как названия таких городов, так и обстоятельства их закладки¹⁶⁷.

Не углубляясь в эти рассуждения, не относящиеся непосредственно к нашему сюжету, скажем еще, что подобный центр существовал на Крите в доэллиническую эпоху¹⁶⁸, а в Египте их насчитывалось несколько, причем они, вероятно, были заложены в разные эпохи; к ним, в первую очередь относятся Мемфис и Фивы¹⁶⁹. Название Фив (одноименный город существовал, как известно, и в Греции) заслуживает особенного внимания в силу своей явной идентичности еврейскому слову *Thebah*, обозначающему Ноев ковчег. Ведь ковчег — это еще один образ высшего центра, рассматриваемый в данном качестве постольку, поскольку он обеспечивает сохранность традиции, находящейся, так сказать, в «свернутом состоянии»¹⁷⁰, совпадающем с переходной эпохой, с промежутком между двумя циклами, с космической катастрофой, разрушающей прежний миропорядок ради установления нового¹⁷¹. Роль библейского Ноя¹⁷² схожа с той, которую в индийской традиции играет Вайвасвата, теперешний Ману; следует, однако, заметить, что если индусская традиция соотносится, таким образом, с началом нынешней Манвантары, то библейский потоп знаменует собой лишь начало нового подцикла, входящего в Манвантару¹⁷³; таким образом, речь здесь идет не об одном и том же, а о двух схожих событиях.

Заслуживает интереса и соотношение между символической ковчег и радуги, особо подчеркнутое в библейском тексте, где описывается появление радуги после потопа как знака Завета между Богом и его земными творениями¹⁷⁴. Во время катаклизма ковчег плавает по океану «нижних вод»; в момент восстановления миропорядка и обновления всего сущего над ним появляется радуга,— появляется «в облаке», т. е. в области «верхних вод». Стало быть, здесь идет речь

о соотношении по аналогии в прямом смысле слова, т.е. о таком, когда две одинаковые фигуры представляются как бы зеркальным отражением и дополнением друг друга: выпуклость ковчега обращена вниз, выпуклость радуги — вверх, а их совокупность образует целостную круговую или цилиндрическую фигуру, двумя половинами которой они являются¹⁷⁵. Эта фигура и в самом деле была целостной в начале цикла: она выглядела вертикальным срезом сферы, чья горизонтальная проекция представлялась круговой оградой земного Рая¹⁷⁶, а та в свою очередь, разделялась крестообразной фигурой, образованной четырьмя реками, стекающими с «полярной горы»¹⁷⁷. Восстановление миропорядка должно начаться уже в конце предыдущего цикла, когда кругообразное пространство земного Рая сменяется четырехугольником¹⁷⁸, символизирующим Небесный Иерусалим, что указывает на свершение того процесса, которое герметисты именовали «квadrатурой круга»: сфера, служащая образом развития космических возможностей посредством расширения первозаданной центральной точки, превращается в куб, когда это развитие завершено и рассматриваемый цикл достиг конечного равновесия¹⁷⁹.

Глава XII

НЕКОТОРЫЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Из единодушных свидетельств разных традиций вытекает отчетливое заключение: «Святая Земля», прототип всех остальных «Святых Земель», духовный центр, которому подчинены все остальные центры, существует на самом деле. «Святая Земля» — это еще и «Земля Святых», «Земля Живых», «Земля Блаженных», «Земля Бессмертия», все эти названия, к которым следует еще добавить «Чистую Землю»¹⁸⁰ Платона, «Прибежище Блаженных»¹⁸¹, эквивалентны друг другу. Обычно это «прибежище» мыслится расположенным в «невидимом мире», но, стараясь вникнуть в суть этого выражения, мы не должны забывать, что там же находятся и те «духовные иерархии», о которых говорят все традиции,— иерархии, на самом деле являющиеся степенями посвящения¹⁸².

В современном периоде нашего земного цикла, т. е. в эпоху Кали-юги, эта «Святая Земля», охраняемая «стражами», которые, ограждая ее от взоров непосвященных, в то же время осуществляют ее связь с внешним миром, и впрямь невидима и недоступна, но только для тех, кто достоин в нее проникнуть. Должна ли в таком случае ее локализация в определенном районе считаться реальной в буквальном смысле слова, или символической, или реальной и символической одновременно? На этот вопрос мы ответим, что для нас географические, исторические, да и все прочие факты сами по себе имеют лишь символический характер, что, впрочем, не только не исключает их непосредственной реальности, но наделяет их высшим смыслом¹⁸³.

Сознавая, что тема настоящего исследования отнюдь не исчерпана и что приведенные в нем примеры и параллели можно было бы умножить, мы все-таки убеждены, что высказались по данному вопросу полнее, чем кто-либо до нас, и что, возможно, именно это обстоятельство навлечет на нас всякого рода нарекания. С другой стороны, мы полага-

ем, что не сказали ничего лишнего, хотя и сознаем свою ответственность за открытое изложение тех или иных не слишком банальных мыслей. События в наше время развиваются столь стремительно, что последствия их обретают непредвиденный характер,— вот почему мы решили, воздержавшись от каких бы то ни было «пророчеств», привести в заключение цитату из Жозефа де Местра¹⁸⁴, которая звучит теперь куда убедительней, чем столетие назад: «Мы должны быть готовы к событию божественного порядка и огромного значения,— событию, которое надвигается на нас со все возрастающей скоростью. Грозные оракулы возвешают, что сроки уже исполнились».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В этой связи следует сказать, что судьба народов, претерпевающих «муки рассеяния» — самый яркий пример такого рода можно считать цыган, — и в самом деле содержит в себе нечто загадочное, заслуживающее внимательного рассмотрения.

² Противники Оссендовского пытались объяснить этот факт тем, что он имел доступ к русскому переводу «Миссии Индии», изданию более чем проблематичному, поскольку даже наследникам Сент-Ива ничего о нем неизвестно. Упрекали Оссендовского и в том, что он передает звучание священной моносиллабы как «Ом», а не «Аум», но если «Аум» — это графическая передача элементов, составляющих моносиллабу, то «Ом» — это его правильная транскрипция, соответствующая реальному произношению этого слова в Индии, Тибете и Монголии; подобной детали достаточно, чтобы оценить компетентность некоторых «критиков».

³ Оссендовский, не знавший о метеоритном происхождении этого камня, считал его куском сланца, на котором непонятным образом появляются иногда какие-то письмена.

⁴ Напрашивается любопытное сопоставление этого камня с легендарным «*larsit exillis*», упавшим с неба камнем, на поверхности которого при известных обстоятельствах также проступают письмена, — том самом Граале, о котором говорится в поэме Вольфрама Эйшенбаха. Интереснее всего, что, согласно Эйшенбаху, Грааль был в конце концов перенесен в «царство пресвитера Иоанна», которое некоторые исследователи отождествляют с Монголией, хотя никакая точная географическая локализация здесь неуместна.

⁵ Мы были весьма удивлены, узнав недавно, что кое-кому хотелось бы видеть в данной книге свидетельство в пользу человека, о самом существовании которого мы даже не подозревали, работая над ней; мы категорически отвергаем все поползновения подобного рода, с какой бы стороны они ни исходили; мы излагаем лишь данные, касающиеся традиционной символики и не имеющие отношения никакого к «личностям».

⁶ Минос был у греков одновременно законодателем живых и судьей мертвых; в индусской традиции эти две функции принадлежат соответственно Ману и Яме, которые представляются близнецами, что

указывает на разделение первоначально единого принципа, который со временем стал рассматриваться в двух различных аспектах.

⁷ Эта резиденция «солнечной династии», если рассматривать ее символически, может быть сопоставима с «Солнечной цитаделью» розенкрейцеров и, разумеется, с «Городом Солнца» Кампанеллы.

⁸ Само понятие «Брахманической церкви» никогда не существовало в древней Индии; это название присвоила себе разношерстная и насквозь современная секта «Брахма-Самадж», которая зародилась в начале 19 в. под европейским и, прежде всего, протестантским влиянием, и быстро распалась на многочисленные соперничающие между собой группировки; к настоящему времени она почти полностью угасла; интересно отметить, что одним из ее основателей был дед поэта Рабиндраната Тагора.

⁹ Св. Бернард говорит, что «Понтифик, как следует из этимологии этого слова, есть мост между Богом и человеком». В джайнской традиции Индии существует термин, полностью соответствующий латинскому Понтифексу: это Ткртханкара, буквально «устроитель брода или перехода»; переход, о котором идет речь,— это путь к Освобождению (Мокша). Тиртханкаров двадцать четыре, как и старцев Апокалипсиса, которые, кстати сказать, составляют своего рода «Понтификальную коллегию».

¹⁰ С другой точки зрения эти ключи символизируют «Большие» и «Малые» мистерии. На некоторых изображениях Януса обе власти символизируются ключом и скипетром.

¹¹ Заметим в этой связи, что социальная структура западного Средневековья в основных своих чертах как бы скопирована с кастровой системы: духовенство соответствовало брахманам, рыцарство — кшатриям, третье сословие — вайшьям, а крепостные — шудрам.

¹² Вопрос о «пресвитере Иоанне» был поднят в эпоху св. Людовика, во время путешествий Карпино и Рубрука. Этот вопрос усложняется тем обстоятельством, что, согласно некоторым данным, насчитывалось до четырех лиц, носивших такое имя: в Тибете (или на Памире), в Монголии, в Индии и в Эфиопии (последний топоним мог иметь весьма расплывчатое значение), но, возможно, речь здесь идет лишь о разных представителях одной и той же власти. Рассказывают также, что царство пресвитера Иоанна хотел покорить Чингис-хан, но армия монгольского завоевателя была отброшена от его границ разрядами молний. Со времени мусульманских нашествий пресвитер Иоанн перестал появляться и внешне его представляет Далай-Лама.

¹³ В Центральной Азии, особенно в Туркестане, встречаются несторианские надгробные кресты, полностью схожие с рыцарскими; некоторые из них, кроме того, украшены посередине знаком свастики. Следует заметить, что несториане, чьи связи с ламаизмом кажутся неопровержимыми, сыграли большую, хотя и достаточно загадочную роль в деле становления Ислама. Сабаяне, со своей стороны, оказали огром-

нос влияние на арабский мир во времена Багдадского халифата; утверждают даже, что именно в их среде нашли свое пристанище после изгнания из Персии последние неоплатоники.

¹⁴ Мы уже упоминали об этом обстоятельстве в нашем исследовании «Эзотеризм Данте».

¹⁵ В Древнем Риме, напротив, император был в то же время и Верховным Понтификом. Мусульманская теория также объединяет оба вида власти, по крайней мере частично. Сходным образом обстоит дело на Дальнем Востоке.

¹⁶ Нам уже случалось проводить аналогию между понятием Чакраварты и имперской идеей у Данте, развиваемой в трактате «О монархии».

¹⁷ Китайская традиция в более или менее схожем случае употребляет выражение «неизменное средоточие». Заметим попутно, что, подобно с масонской символикой, Мастера собираются в «Срединном покое».

¹⁸ Кельтская символика колеса сохранила свое значение вплоть до средних веков; многочисленные ее примеры можно отыскать в романских церквах, да и готическая розетка, по всей видимости, происходит оттуда же. ибо существуют определенные соотношения между колесом и некоторыми эмблематическими цветами, такими, как роза на Западе и лотос на Востоке.

¹⁹ Этот знак не чужд и христианскому герметизму. В старом монастыре кармелиток в Лудене нам довелось видеть весьма любопытные символы, датируемые, предположительно, второй половиной XV в., среди которых свастика и знак [...], к которому мы вернемся ниже, занимают одно из главных мест. По этому поводу нелишне заметить, что кармелиты, пришедшие с Востока, связывают основание своего ордена с Илией и Пифагором (как масоны, со своей стороны, упоминают в числе своих предшественников Соломона и того же Пифагора — совпадение довольно любопытное) и что в средние века их инициационные обряды были весьма близки к обрядам тамплиеров; то же самое можно сказать и о монашеском ордене тринитариев, о котором мы довольно подробно писали в «Эзотеризме Данте».

²⁰ То же замечание можно отнести и к символу колеса, чье истинное значение мы только что объяснили.

²¹ Корень «дхри» выражает, главным образом, идею стабильности; в несколько иной огласовке («дхру») он входит в состав слова «дхрува» («полюс»), а некоторые ученые сближают его с греческим словом «друс» («дуб»). Вспомним, что слово «гобиг» на латыни значит и «дуб» и «сила» или «крепость». Как у друидов (само название которых разлагается на элементы «dru-vid» — «сила и мудрость»), так в Додонском святилище, дуб почитался как «Мировое Древо», символ оси, связующей оба полюса.

²² Здесь уместно напомнить библейские тексты, в которых сближаются Справедливость и Миролюбие; «Правда и мир лобызаются» (Пс 84:11).

²³ Ин 14:27.

²⁴ Vulliaud M. *La Kabbale juive*. Т. 1; P. 503.

²⁵ *Ibid.* P. 506-507.

²⁶ Сходная символика выражена в средневековом изображении «древа живых и мертвых», которое, кроме того, отчетливо связано с идеей «духовного потомства»; следует заметить, что сефиротическое древо рассматривается так же как аналог «Древа Жизни».

²⁷ Согласно Талмуду, у Бога есть два престола, престол Справедливости и престол Милосердия; они соответствуют «Трону» и «Креслу» исламской традиции. Напомним, что в ней божественные имена *Сифатия*, т.е. те, которые выражают атрибуты, относящиеся непосредственно к Аллаху, разделяются на «имена величия» (*Джалалия*) и «имена благолепия» (*Джамалия*), что соответствует разделению того же порядка.

²⁸ Vulliaud M. *Op. cit.* Т. 1. P 507.

²⁹ Согласно св. Августину и другим отцам Церкви, десница олицетворяет Милосердие или Доброту, тогда как левая Господня является символом его Справедливости. «Рука правосудия» — один из обычных атрибутов царской власти, «рука благословляющая» — знак духовного владычества; иногда она рассматривается как символ Христа. Эта «благословляющая рука» встречается на некоторых галльских монетах наряду с округленной свастикой.

³⁰ Этот центр или вторичные центры, созданные по его подобию, может быть символически описан и как храм (это его жреческий аспект, соответствующий Миру (Рах) и как дворец или судилище (царский аспект, соответствующий Справедливости).

³¹ Речь идет о двух половинах зодиакального цикла, которые часто изображались на порталах средневековых церквей.

³² Vulliaud M. *Op. cit.* P. 497-498.

³³ Численное значение обоих имен равняется 314.

³⁴ Vulliaud M. *Op. cit.* P. 492; 495.

³⁵ *Ibid.* P. 500-501.

³⁶ Последнее замечание наводит на мысль о словах Писания: «Благословен грядущий во имя Господне» — словах, прилагаемых к Христу, который в «Пастыре» Гермы (раннехристианское сочинение, не вошедшее в канонический текст Нового Завета. — *Прим. перев.*) связывается с Микаэлем, что может показаться довольно странным, но не должно смущать тех, кто помнит о связи, существующей между Мессией и Шехиной.

³⁷ Это число, в частности, соответствует имени Сорокта, демона Солнца, противопологаемого ангелу Микаэлю; другие его значения мы приведем ниже.

³⁹ Эти два противоположных аспекта проявляются, в частности, в двух змеях, обвившихся вокруг кадуцея; в христианской иконографии они представлены «амбисфеном», двуглавым змеем, одна из голов которого изображает Христа, а другая — Сатану.

⁴⁰ Укажем еще, что «Мировая сфера», знак императорской власти или всемирной монархии, часто изображается в руке Христа, показывая тем самым, что она является символом как духовной, так и светской власти.

⁴¹ Оссендовский пишет: Брахитма, Махитма и Махинга.

⁴² Выше указывалось, что Метатрон — это «Ангел Лика».

⁴³ Согласно дальневосточной традиции, «Неизменное средоточие» — это то место, где проявляется «Активность Неба».

⁴⁴ Тех, кого удивит такое выражение, позволительно спросить, давались ли они вопросом, что обозначает «*triregnum*», тиара, составленная из трех венцов, которая, вместе с ключами, служит одним из главных символов Папства.

⁴⁵ Там сказано также, что он должен был закрывать лицо покрывалом, обращаясь к народу, который не мог выносить этого сияния (Исх 34:29—35); в символическом смысле это обозначает необходимость экзотерического приспособления к нуждам толпы. Вспомним по этому поводу двойной смысл слова «откровение», которое может означать как «снятие покровов», так и «сокрытие под покровом».

⁴⁶ Как ни поразительно, но наименование это встречается в древнехристианской символике, где среди сигнатур, обозначающих Христа, встречается такая, которую в более позднее время рассматривали как аббревиатуру формулы «*Ave Maria*», но первоначально она была монограммой, составленной из первой и последней букв греческого алфавита, альфы и омеги, и обозначало Слово, начало и конец всего сущего. На самом деле смысл сигнатуры [...] еще сложнее: ее можно разложить на «Аит», т. е. три буквы латинского алфавита, полностью соответствующие трем составным элементам моносиллабы «Ом» (гласная «О» в санскрите образована слиянием «А» и «У»), Сближение сигнатуры «Аум» и свастики, понимаемых как символы Христа, также показательно с той точки зрения, которую мы занимаем. Кроме того, отметим, что сигнатура эта составлена из двух тернеров, которые в известном смысле эквивалентны изображению и «печати Соломона» [...], обе фигуры содержат одинаковое количество линий и разнятся лишь их взаимным расположением.

⁴⁷ Более подробно эта концепция «трех миров» рассматривается в наших предшествующих трудах «Эзотеризм Данте» (Р., 1925) и «*L'Homme et son devenir selon le Vedanta*» (Р., 1925), к которым мы вынуждены отсылать читателя. В первом из них мы особенно настаиваем на соответствии этих миров, по сути дела являющихся состояниями бытия, со степенями посвящения. Во втором — даем с чисто метафизической

точки зрения исчерпывающее толкование «Мандукья Упанишады», в которой полностью освещается затронутая здесь символика.

⁴⁸ На шкале вселенских принципов функция Брахатмы соотносится с Ишварой, функция Махатмы — Хиранья-харбхой, а функция Маханги — с Вираджем: их соответствующие обязанности легко выводят-ся из данного соответствия.

⁴⁹ Мандукья Упанишада, шрути б.

⁵⁰ Хотя Сент-Ив и упоминает о трех «царях-волхвах», пришедших из Агартхи, но не приводит на сей счет никаких уточнений. Имена, которые им приписываются, можно считать глodom фантазии, кроме, однако, довольно многозначительного имени Мельхиор (*Мелки-Ор*), что по-еврейски значит «Царь Света».

⁵¹ *Амрита* индусов, как и греческая *амброзия* (оба слова этимологически идентичны), т. е. напиток или пища бессмертия, соответствует ведической *соме* и авестийской *хаоме*. Деревья, выделяющие сок или смолу, препятствующие гниению, играют важную роль в традиционной символике; в частности, они: употреблялись иногда в качестве эмблемы Христа.

⁵² В священных текстах говорится, что Адитьев (от «Адити», что значит «невидимое») насчитывалось сначала семь и лишь потом стало двенадцать, и что их владыкой был тогда Варуна. Имена Адитьев суть: Дхатри, Митра, Арьяман, Рудра, Варуна, Сурья, Бхага, Вивасват, Пунтан, Савитри, Тваштри, Вишну. Все они являются проявлениями единой и неделимой сущности. Об Адитьях сказано также, что они в виде двенадцати солнц появляются одновременно на небосводе в конце цикла времен, обретая таким образом свое первоначальное сущностное единство. Двенадцать великих олимпийских богов также соответствуют двенадцати знакам Зодиака.

⁵³ Именно эту эмблему приписывает Христу католическая литургия, именуя его «Праведным Солнцем», *Sol Justitiae*; Слово и в самом деле является «Духовным Солнцем», т. е. настоящим «Центром Мира», не забудем, что это выражение — *Sol Justitiae* — прилагается также и к Мельхиседеку. Стоит заметить, что лев, солнечное животное, как в древности, так и в средние века служил одной из эмблем правосудия и в то же время силы; знак Льва в Зодиаке соответствует дому Солнца. Изображение Солнца с двенадцатью лучами можно рассматривать как образ двенадцати Адитьев; с другой точки зрения, когда Солнце служит образом Христа, те же лучи уподобляются двенадцати апостолам (слово «*apostolos*» значит «посланник»; Христос посылает их точно так же, как Солнце «посылает» свои лучи). Кроме того, само число апостолов служит, помимо прочего, замечательным подтверждением соответствия между Христианством и первоначальной Традицией.

⁵⁴ Вспомним в связи с этим «Потерянное слово» масонов, символизирующее тайны подлинного посвящения; «поиски Потерянного слова» являются, таким образом, всего лишь разновидностью «поис-

ков Грааля». Соотношениям между «Поисками святого Грааля» и масонством посвящена работа историка Анри Мартена. Приводимые нами объяснения помогут уяснить тесную связь между символикой Грааля и «общим центром» всех инициатических организаций.

⁵⁵ Само имя Лонгина родственно слову, обозначающему по-гречески копье («logke», произносится как «lonke»); латинское «lansea» происходит из того же корня.

⁵⁶ Два этих персонажа символизируют соответственно царскую власть и жреческое владычество; то же самое можно сказать об основателях «Круглого Стола», короле Артуре и волшебнике Мерлине.

⁵⁷ Скажем лишь, что символика копья нередко соотносится с «Осью Мира»; с этой точки зрения, кровь, струящаяся по копыю, имеет то же значение, что и роса, выступающая на «Древе Жизни»; общеизвестно, что все традиции единодушно подчеркивают нерасторжимую связь жизненной силы с кровью.

⁵⁸ Иные утверждают, будто этот изумруд выпал из венца Люцифера; подобное ошибочное утверждение основано на том, что до своего падения Люцифер считался «Ангелом Венца» (т. е. *Кетером*, первым из Сефиротов). По-еврейски это имя звучит как *Хакатриш*; интересно, что ему соответствует пресловутое число 666.

⁵⁹ См. «Символы священной науки» (гл. III).

⁶⁰ См. «Заметки об инициации» (гл. XLVIIII).

⁶¹ Известно, что Сиф провел в земном Раю сорок лет — число, которое имеет значение «примирения» и «возвращения к истокам». Временные периоды, обозначенные этим числом, весьма часто встречаются в иудеохристианской традиции: вспомним сорок дней потопа, сорок лет, в течение которых иудеи блуждали по пустыне, сорок дней, проведенных на Синае Моисеем, сорокадневный пост Христа (наш Великий пост имеет, естественно, то же значение) и многое другое.

⁶² «И ходил Енох перед Богом; и не стало его (во внешнем или видимом мире), потому что Бог взял его» (Быт 5:24), — он, скорее всего, был перенесен в земной Рай: именно этого мнения придерживаются такие теологи, как Тоста и Каэтано. О «Земле Святых», или «Святой Земле», мы расскажем ниже.

⁶³ Это вполне согласуется с символикой Данте, помещающего земной Рай на вершине горы, венчающей Чистилище, которая аналогична «Полярной горе» всех традиций.

⁶⁴ Индусская традиция учит, что в начале времен была одна-единственная каста, носившая название «Хамса» («Лебедь»); это значит, что все люди обладали тогда от рождения той высокой степенью духовности, которая символически обозначена в самом названии их касты, как бы воспаряющей над разобщенностью четырех теперешних каст.

⁶⁵ В некоторых версиях легенды о святом Граале оба эти значения теснейшим образом переплетаются и книга становится тогда надписью, сделанной Христом или ангелами на самой чаше. Аналогии с «Книгой

жизни» и другими элементами апокалиптической символики напришиваются здесь сами собой.

⁶⁶ Само это имя весьма примечательно; объяснением его значения, связанного с «полярной» символикой, мы, быть может, займемся в будущем.

⁶⁷ Рыцарей Круглого Стола иногда насчитывается до пятидесяти (у евреев это число было связано с праздниками юбилеев, соотносимых с «царством Святого Духа», но даже тогда двенадцать из них продолжали играть главную роль. Напомним в этой связи и о двенадцати праках Карла Великого в средневековых легендах).

⁶⁸ На сходство Монсальвата с Меру нам указали индусы; именно это указание и побудило нас более подробно рассмотреть значение западноевропейской легенды о Граале.

⁶⁹ Согласно парсийской традиции, существуют два вида *хаомы*: белая, которую можно огыскать только на «священной горе», носящей название *Алборж*, и желтая, заменившая белую в ту пору, когда предки иранцев покинули свою прародину, и в свой черед утерянная ими. Суть этой символики — в последовательных фазах духовного помрачения, нарастающего из века в век в течение всего человеческого цикла.

⁷⁰ Дионис или Вахх был известен под многими именами, соответствующими различным аспектам этой фигуры; ло меньшей мере один из этих аспектов связывал происхождение Диониса с Индией. Сказание, согласно которому он родился из бедра Зевса, основано на любопытнейшем словесном уподоблении: греческое слово «мерос» (бедро) послужило заменой названия священной горы Меру, поскольку фонетически они почти идентичны.

⁷¹ Числовое значение их равно 70.

⁷² Жертвоприношение Мельхиседека обычно рассматривается как прообраз Евхаристии, а христианское священство приравнивается к священству Мельхиседека: «Ты священник вовек по чину Мельхиседека» (Пс 109:4).

⁷³ Евр 5:11.

⁷⁴ Имя *Авраам* тогда не было еще заменено на *Авраам*, в то же время жена Авраама уже стала *Саррой*, так что сумма числовых значений обоих имен осталась неизменной.

⁷⁵ Быт 14:18-20.

⁷⁶ Тот же корень содержится в слове *Ислам* и *муслим* (мусульманин); «покорность воле Господней» (именно таков смысл слова *Ислам*) — необходимое условие для достижения «Мира»; сходная мысль выражена в слове «Дхарма».

⁷⁷ Евр 7:1-3.

⁷⁸ Там же 7:7.

⁷⁹ Быт 14:22.

⁸⁰ Для каждого из этих имен оно равняется 197.

⁸¹ Исходя из всего вышеизложенного, можно еще сказать, что это превосходство соответствует превосходству Нового Завета над Ветхим (Евр 7:22). Здесь было бы уместно объяснить, почему Христос происходит из царского колена Иуды, а не из священнического колена Левия (Там же. 7:11 — 17), но эти рассуждения отвлекли бы нас от основной темы. Наличие двенадцати колен, происходящих от двенадцати сыновей Иакова, непосредственно соотносится с двенадцатиричным строением духовных центров.

⁸² Евр 7:9.

⁸³ Там же. 7:8.

⁸⁴ В сочинении александрийских гностиков, известном под названием «Пистис София», Мельхиседек рассматривается как «Великий собиратель вечного света»; эта функция также роднит его с Ману, который вбирает в себя лучи разумного света, исходящие непосредственно из Абсолюта и рассеивает их в подвластном ему мире; именно поэтому Ману именуется «сыном Солнца».

⁸⁵ Существуют и другие традиции, касающиеся Мелки-Цедека; согласно одной из них, он был рукоположен в священнический сан в земном Раю архангелом Михаилом в возрасте 52 лет. Символическое число 52 играет столь же значительную роль в индусской традиции, где оно считается суммой всех смыслов, заключенных в Веде; известно также, что число этих смыслов соответствует числу различных произношений моносиллабы *Ом*.

⁸⁶ В «Махабхарате» имя или, вернее, титул Дхарма-Раджи прилагается, в частности, к Юдхиштхире, сыну Дхармы, богини справедливости; но первоначально оно относилось к Яме, «судье мертвых», чья тесная связь с Ману уже была подчеркнута выше.

⁸⁷ В христианской иконографии в сценах «Страшного суда» архангел Михаил изображается именно с этими атрибутами.

⁸⁸ Равным образом в Древнем Египте богиня Ма, или Маат, была одновременно воплощением «Справедливости» и «Истины»; в сцене посмертного Суда она изображается на одной чаше весов, вторую из которых занимает сосуд, иероглиф души. По-еврейски «Хак» значит «определение, закон» (Пс 11:7).

⁸⁹ Числовое значение слова *Хак* равно 108, это одно из основных циклических чисел. В Индии четки шиваитов состоят из 108 зерен; первоначально четки символизировали собой «цепь миров», т. е. причинно-следственную связь циклов или состояний бытия.

⁹⁰ Эту символику можно было бы свести к формуле: «сила на службе права», — если бы современное человечество не слишком злоупотребляло силой, понимая ее чисто внешним образом.

⁹¹ Быть может, с этим корнем связано также слово хан, титул, принадлежащий вождям некоторых племен Центральной Азии.

⁹² *Цедек* — это также название планеты Юпитер, чей ангел именуется *Цадкиил-Мелек*: сходство с именем Мелки-Цедека (к которому

прибавлена частица «ил», составляющая общее окончание всех англических и божественных имен) настолько бросается в глаза, что о нем не стоит и говорить. В Индии та же планета носит название *Брихаспати*, т. е. «Владыка небес». Другой синоним слова *Малкут* — это *Саббат* («Покой»), чье значение тесно связано с идеей «Мира», выражающей, как мы видели выше, внешний аспект самой Шехины. тот, посредством которого она сообщается с «нижним миром».

⁹³ Vuillaud M. Op. cit. T. 1. P. 509.

⁹⁴ У самаритян ту же роль играет Гаризим, носившая схожие наименования: «Благословенна гора», «Вечная вершина», «Гора наследия», «Дом Бога», «Скиния ангелов», «Обиталище Шехины»; в иных случаях она идентифицируется даже с «Первозданной горой» (*Хар Кадим*), где располагался Эдем, не затопленный водами потопа.

⁹⁵ Vuillaud M. Op. cit. T. 1. P. 509.

⁹⁶ См. «Эзотеризм Данте».

⁹⁷ Vuillaud M. Op. cit. T. 2. P. 116.

⁹⁸ Кальпа включает в себя четырнадцать манвайтар; Вайвасвата, теперешний Ману, является седьмым по счету в нашей кальпе, носящей название *Швета-Вараха-Кальпа* или «Эра белого Кабана». Еще одно любопытное замечание сводится к нижеследующему: евреи называли Рим Эдомом; традиция говорит о семи римских царях, второй из которых, Нума, рассматривался как законодатель этого города; его имя является точной анаграммой имени Ману и в то же время может быть сближено с греческим словом *номос*, т. е. «закон». Весьма вероятно, что эти семь римских царей, с известной точки зрения, являются не чем иным, как частным представлением о семи Ману определенной цивилизации, точно так же, как семь греческих мудрецов могут быть символически приравнены к семи индийским риши, в которых воплотилась мудрость мирового цикла, непосредственно предшествовавшего нашему.

⁹⁹ Пещера или грот могут символизировать полость сердца как центр человеческого существа, а также внутренность «Мирового Яйца».

¹⁰⁰ Сведения, приводимые здесь, отчасти почерпнуты из Еврейской энциклопедии (L'Enciclopedie juive. T. 8. P. 219).

¹⁰¹ Быт 28:19.

¹⁰² В традициях некоторых народов Северной Америки также говорится о дереве, с помощью которого люди, жившие первоначально в недрах земли, выбрались на ее поверхность, тогда как некоторые из их собратьев так и остались в подземном мире. Вполне вероятно, что именно этими традициями вдохновлялся Бульвер-Литтон в своем романе «Раса будущего».

юз **ОJ,ого** же корня *kal* происходят и другие латинские слова, например, *caligo* («темнота», «помрачение») и, быть может, *occultus* («сокровенный», «потаенный»). Но возможно, что форма *caelare* происходит от корня *caed*, имеющего смысл разделения, расчленения (откуда

caedere, «убивать», «умерщвлять»), а также сокрытия. Так или иначе, значения всех этих корней весьма схожи между собой, что могло легко привести к ассимиляции *caelare* и *ce la re*, даже если эти формы этимологически независимы одна от другой.

¹⁰⁴ «Крыша мира», аналогичная «Небесной земле» или «Земле Живых», в традициях Центральной Азии соотносится с «Западным небом», где царит *Авалокитешвара*. По поводу значения глагола *caelare* можно вспомнить масонское выражение «быть в укрытии»: расплывчатый звездный потолок масонской ложи изображает небесный свод.

¹⁰⁵ Вспомним о «покрывале Исиды» у египтян, о «голубом глаще» вселенской Матери в дальневосточной традиции («Дао дэ дзин», гл. 6); если с этой точки зрения взглянуть на видимое небо, то можно говорить об астрономической символике, «скрывающей» или «раскрывающей» вечные истины.

¹⁰⁶ Сапфир играет важную роль в библейской символике; в частности, он нередко фигурирует в видениях пророков.

¹⁰⁷ *Север* по-санскритски — *Уттара*, т. е. «самая возвышенная область», *юг* — *Дакишина*, область, расположенная справа (если наблюдатель стоит лицом к востоку). *Уттара* — это восходящий путь Солнца к северу, начинающийся в точке зимнего солнцестояния и завершающийся летним солнцестоянием; *дакишня* — это нисходящий путь Солнца к югу, начинающийся летним солнцестоянием и завершающийся зимним.

¹⁰⁸ В индийской символике (сохранившейся в буддийской легенде о «семи шагах Будды») семью сторонами света считаются четыре основные направления пространства, зенит, надир и центральная точка между ними. Изображение этих семи сторон составляет трехмерный крест (шесть попарно противоположных лучей, исходящих из единого центра). Равным образом, в кабалистической символике «Святой», или «Внутренний, дворец» располагается в центральной точке шестилучевого креста, образующей вместе с ними септенов. Эти шесть направлений в пространстве иногда уподобляются шести символическим «дням творения», тогда как Саббат, «седьмой день», можно считать возвращением к Первоначалу, т. е. к центру.

¹⁰⁹ На самом деле существует всего шесть цветов, дополняющих друг друга и соответствующих шести указанным выше направлениям; седьмой, цвет — это сама белизна, аналогичная их средокрестию.

¹¹¹ Вот почему миндальное дерево считается символом Девы Марии.

¹¹² 1 Кор 15:42—43. В этих словах содержится прямая отсылка на известный закон аналогии: «То, что внизу, подобно тому, что наверху, но в обратном смысле». (Генон ссылается на анонимный алхимический текст «Изумрудная скрижаль». — *Прим. перев.*)

¹¹³ По-санскритски слово *акшара* значит «неразделимый», а также «неразрушаемый», «нетленный»; так называется каждый отдельный

слог, первоэлемент и «зародыш» языка, но чаще всего это обозначение прилагается к моносиллабе «Ом», которая содержит в себе все три Веды.

¹¹⁴ В несколько иной форме понятие о «зародыше бессмертного существа» встречается и в других традициях, в частности, в даосизме. Аналог этого «зародыша» в макрокосмическом плане — «Мировое яйцо», содержащее в себе начатки будущего цикла.

¹¹⁵ Символика Психеи в Древней Греции во многом основана именно на этом сходстве.

¹¹⁶ Слово *кундали* (в женском роде — *кундалини*) обозначает нечто, свернувшееся в кольцо или спираль; эта форма символизирует эмбриональное, «неразвитое» состояние.

¹¹⁷ В этом смысле обиталищем шакти может также считаться полость сердца; мы уже говорили о соответствии между индусской шакти и еврейской шехиной.

¹¹⁸ Это *Брахма-ракдра*, или отверстие Брахмы, точка соприкосновения *шушумны*, или «коронарной артерии», с «солнечным лучом».

¹¹⁹ Все вышеизложенное непосредственно соотносится с реальным смыслом известной герметической формулы: «Посети недра земли, где обрящешь истинное лекарство — тайный камень»; в аббревиатуре — *Vitriolum*. «Философский камень» в то же время является «истинным лекарством», «эликсиром долголетия», то есть не чем иным, как «напитком бессмертия». В тексте алхимической формулы *irtferiora** иногда заменяется на **interiora*, но это не меняет ее основного смысла, имеющего явное отношение к «подземному миру».

¹²⁰ Этими словами заканчивается пророчество, сделанное «Царем Мира» в 1890 г. во время его появления в монастыре Нарабанчи.

¹²¹ *Манванатара*, или эра Ману, называемая также Маха-югой, включает в себя четыре вторичные периода: это Крита-юга (или Сатья-юга), Двапара-юга и Кали-юга, которые соответствуют «золотому», «серебряному», «медному» и «железному» векам греко-латинской античности. В смене этих периодов просматривается неуклонное нарастание материализации, объясняющееся удалением от Первоначала в ходе циклической манифестации телесного мира начиная с его «первозданного состояния».

¹²² Начало этого века в библейской символике отображается, в частности, строительством Вавилонской башни и «смешением языков».

¹²³ Рассуждая логически, можно было бы предположить, что грехопадение и потоп знаменовали собой конец двух предыдущих веков, но в действительности отправная точка иудаистской традиции не совпадает с началом Манвантары. Не следует забывать, что циклические законы приложимы к различным периодам неодинаковой протяженности, порой перекрывающим друг друга, откуда происходят сложности, которые с первого взгляда кажутся неразрешимыми; решить их можно только при учете иерархического соподчинения соответствующих традиционных центров.

¹²⁴ Это выражение заимствовано из даосских учений; с другой стороны, мы употребляем здесь слово «интенция» в том смысле, который аналогичен арабскому термину *nūya* и вполне соответствует латинской этимологии глагола *intendere* («направлять в определенную сторону»).

¹²⁵ Все вышесказанное позволяет понять точный смысл евангельской формулы: «Ищите и обрящете»; сюда же относятся такие уже упоминавшиеся нами выражения, как «правое намерение» и «добрая воля».

¹²⁶ Речь идет, разумеется, об относительно внешнем характере этих вторичных центров, поскольку сами они стали более или менее недоступны со времен начала Кали-юги.

¹²⁷ Ему соответствует нисхождение с небес нового Иерусалима, который, как мы объяснили в «Эзотеризме Данте», является в то же время «земным Раем» для начинающегося цикла.

¹²⁸ Рассматривая этот вопрос с более широкой точки зрения, можно сказать, что такие же фазы усматриваются и в ходе удаления всего человечества от первоизданного центра; этим фазам соответствуют различия между югами.

¹²⁹ Вышеизложенные соображения позволяют понять, почему невозможно принимать всерьез многочисленные псевдоинициатические организации современного Запада: среди них не найдется ни одной, которая, при тщательном рассмотрении, могла бы представить малейшее доказательство своей «регулярности».

¹³⁰ Напомним параллель между ведическим Агни и символом Агнца, проведенную в наших трудах «Эзотеризм Данте» и «L* Homme et sondevenir selon le Vedanta». Оссендовский, со своей стороны, неоднократно указывает, что культ Рамы все еще существует в Монголии; стало быть, здесь идет речь вовсе не о буддизме, как того хотелось бы большинству ориенталистов. Кроме того, до нас дошли сведения, будто бы память о «Цикле Рамы» до сих пор не утрачена в Камбодже, но сведения эти носят столь необычный характер, что мы не решаемся их здесь пересказывать.

¹³¹ Укажем, кроме того, на апокалиптические изображения Агнца, стоящего на книге, запечатанной семью печатями; семь таинственных печатей упоминаются также в тибетском ламаизме, и нам кажется, что это совпадение нельзя считать чисто случайным.

¹³² В арабских источниках утверждается, что до горы Каф нельзя добраться ни «по суше, ни по морю». (Ср. с тем, что говорилось выше о Монсальвате.) Одно из ее названий — «Гора Святых».

¹³³ Эта взаимодополняемость отражена в фигурах двух треугольников, чьи вершины обращены в противоположные стороны; их наложение друг на друга образует «печать Соломона»; сюда же относятся парные символы копыя и чаши и многое другое.

¹³⁴ *Nabe* по-немецки значит «ступица», *Nabel* — «пуп»; то же самое и по-английски: *Nave* и *Navel*, причем последнее слово имеет общий

смысл центра или сердцевины. Греческое «омфалос» и латинское *umbilicus* являются разными огласовками одного и того же слова.

¹³⁵ Агни в Ригведе именуется «пупом Земли», а свастика, как уже говорилось выше, часто служит символом Агни.

¹³⁶ В Греции существовали и другие духовные центры, но их главной задачей было посвящение в Элевсинские и Самофракийские мистерии, тогда как Дельфы играли социальную роль, касающуюся непосредственно всего населения Эллады.

¹³⁷ Быт 28:16—19. Нетрудно заметить фонетическое сходство между *Бейт-Леелом* и *Бейт-Элохим*, который также фигурирует в тексте Книги Бытия.

¹³⁸ «И приступил к нему искушитель, и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами» (Мф 4:3; ср. Лк 4:3). Эти слова обретают таинственный смысл, если рассмотреть их в свете нижеследующих рассуждений: Христу и в самом деле предстояло совершить подобное превращение, но духовно, а не материально, как того добивался искушитель; духовный порядок аналогичен материальному, но в обратном смысле, а одна из примет демона состоит в том, что он всегда действует «наоборот». Христос, как поглощение Слова, сам является этим «хлебом живым, сошедшим с небес», откуда Его ответ: «Не хлебом единым будет жив человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих»; это и есть тот самый хлеб, который в Новом Завете призван заменить камень в качестве «Дома Божия», вот почему, кстати говоря, смолкли оракулы. По поводу этого хлеба, равнозначного «плоти» поглощенного Слова, интересно заметить, что арабское слово «лам» (то же самое, что еврейское леем) в точном переводе означает именно «плоть», а не «хлеб».

¹³⁹ Быт 28:22.

¹⁴⁰ Встречаются греческие омфалосы в виде камня, обвитого змеей; та же змея окружает иногда подножия или вершины халдейских межвых столбов, которые также должны рассматриваться как настоящие омфалосы. Впрочем, символика камня (равно как и дерева, изображающего «Мировую Ось») тесно связана с символикой змеи; то же самое касается и яйца, особенно у кельтов и египтян.

¹⁴¹ Вспомним, что Китай также именовался «Срединной Империей».

¹⁴² «Эзотеризм Данте».

¹⁴³ Столицей королевства Мид была Тара; интересно, что на санскрите слово *tara* значит «звезда», в частности — Полярная звезда.

¹⁴⁴ Настоящее имя св. Патрика, известного теперь только под латинизированным прозвищем, было *Cothraige*, что значит «Служитель четырех».

¹⁴⁵ «Истинный человек», находящийся в центре мироздания, не участвует в движении вещей но осуществляет его в силу своего присутствия, будучи отражением «Воли Неба». См. «Чжуан-Цзы» (Гл. I).

¹⁴⁶ Здесь уместно вспомнить четырех автадов исламской эзотерики.

¹⁴⁷ Этот первоэлемент соответствует центральной точке свастики, а остальные четыре идентичны ее четырем ветвям.

¹⁴⁸ Идеографическим знаком Ацтлана или Тулы была белая цапля; цапля и журавль играют на Западе ту же роль, что ибис на Востоке; все эти три птицы фигурируют среди эмблем Христа; ибис у египтян и был одним из символов Тота, бога Мудрости.

¹⁴⁹ Одной из главных помех, связанных с определением точки соприкосновения атлантской и гиперборейской традиций, является переименование некоторых местностей, ведущее ко всякого рода путанице; однако, несмотря на все это, данный вопрос не так уж неразрешим, как может показаться.

¹³⁰ Большая Медведица также называлась «Яшмовыми весами», а яшма, как известно, символ совершенства. У других народов созвездия Большой и Малой Медведицы представлялись двумя чашками весов. Эти символические весы некоторым образом соотносятся с теми, которые, согласно «Книге Тайны» (один из разделов Захара), «подвешены в месте несуществующем», т. е. в «непроявленном», которое в нашем мире соответствует полярной точке; впрочем, можно сказать, что именно Полюс фактически является центром равновесия нашего мира.

¹⁵¹ Большая Медведица в Индии называется *Санта-рикуша*, считаясь символическим обиталищем семи «мудрецов» (*риши*)! эта символика вполне соотнобразуется с гиперборейской, тогда как в традиции атлантов Большая Медведица в этой роли заменена Плеядами, которые также состоят из семи звезд; известно, впрочем, что древние греки считали Плеяд дочерьми Атланта и поэтому назывались Атлантидами.

¹⁵² Вспомнив о подмеченном выше фонетическом сходстве между словами *Меру* и *meros*.

¹⁵³ *Швета-двина* — это одно из 18-и подразделений Джамбу-двипы.

¹³⁴ Сюда же относятся «Острова блаженных» и «Сады Гесперид» западной античности, однако они мыслились лежащими на Западе («hesper» по-гречески и «vesper» по-латински значит «закат», т. е. «запад»), что указывает, с одной стороны, на традицию атлантского происхождения, а с другой — заставляет вспомнить «Западное небо» тибетской традиции.

¹⁵⁵ Название «остров Святых», наравне с «зеленым островом», прилагалось в свое время не только к Ирландии, но и к Англии. Заметим, кстати, что такое же значение имеет название острова Гельголанд.

¹⁵⁶ Здесь сочетание перед нами тех самых символических цветов, о которых мы говорили в «Эзотеризме Данте».

¹⁵⁷ В исламской эзотерике также известны «Зеленый остров» (эль-джезира эль-хадран) и «Белая гора» (эль-джабал зль-абид), хотя сведения о них крайне поверхностны.

¹⁵⁸ В некоторых текстах говорится также о радужной кайме, которую можно сопоставить с плащом Ириды: на нее намекает Сент-Ив

в своей «Миссии Индии»; сходный образ встречается в видениях Анны-Катерины Эммерих.

¹⁵⁹ Латинское прилагательное *albus* («белый») соотносимо с еврейским «лабан», имеющим то же значение; в форме женского рода (*Lebana*) это последнее слово обозначает луну; *Luna* по-латыни значит одновременно «белая» и «сияющая».

¹⁶⁰ Прилагательное *argos* означает «белый», и в среднем роде служит наименованием города, а в мужском — именем бога Аргуса. Здесь уместно также упомянуть корабль «Арго», якобы построенный при участии Аргуса, причем его мачта была вытесана из дуба, выросшего в Додонской роще. В данном случае название корабля может иметь вторичное значение «быстрый», намекающее на скорость распространения света (в особенности, молнии), но основной его смысл — «белизна» и «сияние». От этого же корня происходит название серебра, белого металла, астрологически соответствующего Луне: *argentum* по-латыни и *arguros* по-гречески.

¹⁶¹ «Йог, пересекающий море страстей, обретает спокойствие и полноту своей «самости» (*атмабодха*)* — говорит Шанкарачарья. «Страсти» в данном случае служат обозначением всех случайных и мимолетных модификаций бытия, составляющих «поток форм»: это область «нижних вод», известная в символике всех традиций. Вот почему процесс обретения «Великого мира» часто изображается в виде мореплавания, вот почему в христианской символике символом Церкви служит корабль. Процесс этот может также изображаться в виде битвы: именно в таком смысле следует понимать основной сюжет «Бхагавад-гиты», сюда же относится символика «священной войны» (*джихад*) в учениях Ислама. Добавим, что «хождение по водам» символизирует победу над изменчивым миром видимости: Вишну называется Иараяной, «идущим по водам», то же самое можно сказать и о Христе.

¹⁶² Согласно выражению Сент-Ива, заимствованному из символики Таро, высший центр относится к прочим центрам, как «цельная колода ко всем двадцати двум арканам».

¹⁶³ В завуалированной форме кое-какие сведения об этих законах содержатся в платоновском «Тимее».

¹⁶⁴ Вспомним то, что говорилось выше о титуле Понтифекса: что же касается выражения «царское искусство», то оно сохранилось в современном масонстве.

¹⁶⁵ Янус у римлян был одновременно божеством посвящений и кровителем ремесленнических корпораций; эта двойственность его функций обретает в свете вышеизложенного совершенно особое значение.

¹⁶⁶ Приведем в качестве примера Амфиона, воздвигшего стены Фив при помощи звуков лиры; чуть ниже будет указано значение названия этого города. Известно, какую важную роль играла лира в ор-

физме и пифагорействе; китайская традиция тоже часто упоминает о музыкальных инструментах в сходном символическом контексте.

¹⁶⁷ Многие названия, связанные с идеей белизны, уже приводились выше. Можно было бы также поговорить о священных предметах, с которыми связано процветание и даже само существование того или иного города: таков легендарный троянский палладиум, таковы щиты римских салиев, которые будто бы были выкованы из метеоритного железа во времена царя Нумы; все эти предметы, подобно еврейскому Ковчегу Завета, служили вместилищем «духовных влияний».

¹⁶⁸ В этом отношении многозначительно само имя Миноса, соответствующее египетскому Менесу. Упомянем также о Лабиринте, который стал характерным символом в искусстве средневековых зодчих; самое любопытное, что прохождение по извилам «лабиринтов», выложенных на полу некоторых церквей, заменяло паломничество в Святую Землю для тех, кто не мог совершить его на самом деле.

¹⁶⁹ Выше мы видели, что сходную роль в Греции играли Дельфы, чье название соотносимо с образом дельфина,— животного, наделенного весьма важными символическими характеристиками. Знаменательно также название Вавилона: *Баб-Илу* означает «Врата Неба» или «Врата Бога» (вспомним о сходных значениях слов *Луз* и *Бейт-Эль* в истории Иакова); но тот же Вавилон становится синонимом хаоса, «смешения языков», когда его традиция утеряна, а символика обретает обратный смысл.

¹⁷⁰ Это состояние аналогично тому, в котором пребывает в начале цикла «Мировое Яйцо», содержащее в себе зачатки всех тех возможностей, которые должны проявиться в будущем; схожим образом, ковчег содержит в себе элементы, необходимые для восстановления миропорядка, т. е. зачатки будущего.

¹⁷¹ Одна из функций Понтификата состоит в том, чтобы обеспечить передачу традиции от одного цикла к другому; строительство ковчега обретает здесь тот же смысл, что сооружение символического моста, ибо как тот, так и другой призваны обеспечить «переход через воды».

¹⁷² Примечательно, что Ной был также и первым виноградарем (Быт 9:20); этот факт следует сопоставить с тем символическим названием вина в инициационных обрядах, о котором говорилось выше по поводу Мелхи-Цедека.

¹⁷³ Эти две половины соответствуют двум половинам «Мирового яйца», так же как «верхние воды» соответствуют «нижним». В период хаоса верхняя половина становится незримой, а в нижней в это же время свершается то; процесс, который Фабр д'Оливе называл «скоплением тварей». С обратной точки зрения эти две фигуры могут быть также уподоблены двум лунным серпам, обращенным в разные стороны, что соотносится с символикой Януса, одной из эмблем которого был корабль. Отметим далее символическую связь между полумеся-

цем, чашей и кораблем и, в частности, то обстоятельство, что слова «vaisseau» («судно») и «vaisseau» («посудина») являются лишь разными огласовками одного и того же слова; «saint vaisseau» («Святая посудина») — одно из обычных наименований Грааля в Средние века.

¹⁷⁶ Эта сфера тоже является «Мировым Яйцом»; земной Рай располагается на срезе, разделяющем его верхнюю и нижнюю половины, т. е. на границе Неба и Земли.

¹⁷⁷ В каббалистике этим четырем рекам соответствуют четыре буквы, образующие слово «Пардес»; в «Эзотеризме Данте» мы подчеркивали их аналогическое соотношение с четырьмя реками Преисподней.

¹⁷⁸ Этой смене соответствует переход от растительной символики к символике минеральной, как мы указываем в «Эзотеризме Данте». Двенадцать врат небесного Иерусалима естественным образом соответствуют двенадцати знакам Зодиака, а также двенадцати коленам Израиля: стало быть, весь этот процесс есть не что иное, как преобразование зодиакального цикла вслед за остановкой круговращения мира, который возвращается в первозданное состояние, когда исчерпываются заложенные в нем возможности проявления. «Древо Жизни», росшее в центре земного Рая, растет и в центре небесного Иерусалима; на его ветвях зреют двенадцать плодов, которые в некотором смысле сопоставимы с двенадцатью Адитьями, так же, как само Древо Жизни — с Адити, их единой и неразделимой сутью.

¹⁷⁹ Можно сказать, что сфера и куб соответствуют здесь двум точкам зрения на мировой процесс — динамической и статической; шесть граней куба ориентированы по трем измерениям пространства так же, как шестилучевой крест, начертанный внутри сферы. Само собой напрашивается сравнение этого куба с масонским символом «Кубического камня», выражающим идею совершенства и завершенности, т. е. реализации всей полноты возможностей, заключенных в данном состоянии.

¹⁸⁰ В Японии существует буддийская школа «Дзё-до», чье название значит «Чистая Земля»; сходное название встречается в Исламе — это секта «Братьев Чистоты», не говоря уже о средневековых катарах, т. е. «Чистых». Возможно, что и слово *суфий*, обозначающее мусульманских посвященных, аналогичных индийским йогам, имеет то же значение; согласное вульгарной, весьма неубедительной этимологии, это слово происходит от *суф* («шерсть», власяница, которую носят суфии), более приемлемо его происхождение от греческого *софос* («мудрец»); лично мы полагаем, что слово это восходит к *сафа* («чистота»).

¹⁸¹ Символическое описание «Чистой Земли» находится в конце диалога «Федон»; параллель между этим текстом Платона и описанием земного Рая в поэме Данте уже отмечалась Джоном Стюартом в его работе «Платоновский миф» (с. 110—113).

¹⁸² Различные миры, по сути дела, являются не местностями, а состояниями, хотя символически и могут описываться как таковые; сан-

скритское слово лоха, обозначающее их, аналогично латинскому *locus*, включает в себе именно такую пространственную символику. Существует и временная символика, согласно которой те же состояния описываются в виде последовательных циклов.

¹⁸³ Так же обстоит дело с неоднозначными толкованиями священных текстов: не только не противореча друг другу, эти толкования дополняют и обогащают их целостное понимание. С этой точки зрения исторические факты соответствуют временной, а географические — пространственной символике; впрочем, между ними существует такая же связь, как и между самим временем и пространством,— именно поэтому локализация духовного центра может быть разной в различные эпохи.

¹⁸⁴ «Санкт-Петербургские вечера», 11-я беседа. Вряд ли стоит пояснять, что де Местр употребляет слово «оракул» в его обычном, разговорном значении, а не в том, точном и частичном смысле, какой это слово имело в Античности; таким образом, здесь нет никакого противоречия с тем фактом, что «оракулы смолкли» еще во времена Плутарха.

СОДЕРЖАНИЕ

Кризис современного мира. <i>Перев. Н. Мелентьевой</i>	5
Примечания.....	137
Заметки об инициации. <i>Перев. Т. Фадеевой</i>	141
Примечания.....	410
Царство количества и знаменья времени	
<i>Перев. Т. Любимовой</i>	443
Примечания.....	693
Царь мира. <i>Перев. Ю. Стефанова</i>	713
Примечания.....	764

Рене Геном

КРИЗИС СОВРЕМЕННОГО МИРА

Редакторы Ю. Кулишвнко, М. Терехова
Художественный редактор А. Сауков
Компьютерная верстка Ю. Кулишвнко
Корректоры С. Никулин, О. Неро

ООО «Издательство -ЭКСМО»
127299. Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.ekamo.nl E-mail: info@ekamo.ru

Отсюда торговля онлайн -апп
ООО «ТД «Эксмо», 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: geoerMopOekato-vble.sh*

*По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в ООО Дип пожат!
E-mail: feregneearSelmew-eele.nl
International V Baire: International whole "r" customers should contact Deep Pocket Pvt l .sd
not their ordan. fowlgrawka@ekamo-sale.ru*

*По вопросам заказа книг корпоративными клиентами, в том числе в специальном оформле-
нии, обращаться по тел. 411-68-86 доб. 2115, 2117, 2118. E-mail: vkrzak@ekamo.ru*

*Отсюда торговля бумагами-белыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (485) 745-28-87 (многоканальный),
e-mail: kanc@ekamo-sale.ru, сайт: www.kanc-ekamo.ru*

Появились ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

- Санкт-Петербург: ООО ЭСКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04.
- Нижний Новгород: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.
- Казань: ООО «НП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.
- Ростов-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.
- Самара: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 260-66-70.
- Екатеринбург: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. (343) 378-48-45.
- В Киме: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 8. Тел./факс (044) 501-81-18.
- Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Залуд», ул. Бузкоа, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-18.
- Симферополь: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, А 153. Тел./фкс (0652) 22-80-03,54-32-88.
- Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровскийого, д. 3а. Тел./факс (727) 251-58-80/81.
gm.eksmo.elmaty@ama.kz

*Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:
127254, Москва, ул. Д о б р о л ю б а 2. Вкл.: (495) - 5 8 - 3 4 .*

*Путь Ш 20000 шевит продуктами издательства «Эксмо»:
В Мооаве в оетм магазине «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 837-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Бротислааская, д. 12. Тел. 346-88-85.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.
В Санкт-Петербурге в оетм магазине «Вупова»:
•Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.*

Подписано в печать 14.08.2008.
Формат 84x108 1/32. Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 41,16.
тираж 3 000 экз. Заказ 2928

ISBN 878-5-699-30172-0

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО Тверской полиграфический комбинат. 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page • www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) • sales@tverpk.ru

